

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДК
56
В. 42.

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК

Том III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

И
ИПИБ
ОБМЕН. ФОНД

16
И
9

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *Б. Д. Греков*, академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пшумовская*, член-корреспондент
АН СССР *В. Н. Лазарев*, *М. В. Левченко*, *К. Р. Симон*,
З. В. Удальцова (отв. секретарь)

ПРОЦЕССУ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И. В. СТАЛИНА
О РЕВОЛЮЦИИ РАБОВ ДЛЯ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ**

Произведения товарища Сталина являются богатейшим арсеналом идейного оружия для всей советской науки в ее борьбе за торжество марксистско-ленинского мировоззрения. Советская историческая наука в борьбе с реакционной буржуазной идеологией обязана товарищу Сталину как гениальным развитием марксистско-ленинской методологии, так и гениальным разрешением крупнейших исторических проблем, относящихся к самым различным историческим эпохам. Одним из сталинских положений, сыгравших крупнейшую роль в развитии исторической науки, является учение товарища Сталина о революции рабов. Впервые в истории марксистской науки вопрос о смене рабовладельческой формации феодализмом получил исчерпывающее решение. Положение товарища Сталина о революции рабов как решающей силе, положившей конец античному способу производства и открывшей эпоху средневековья, дает единственно правильное решение вопроса о смене античности феодализмом.

Важность решения этой проблемы в советской исторической науке становится особенно понятной, если вспомнить о тех реакционных попытках в буржуазной историографии, которые делались для решения вопроса о причинах и характере перехода от древнего мира к средним векам. Эти попытки свидетельствуют лишь о методологической беспомощности буржуазной историографии, о реакционности ее политических идей, о ее стремлении исказить историческую действительность. Не говоря уже о мистических идеях круговорота от Вико до Эдуарда Мейера, который был „столпом“ буржуазной учености, каких только объяснений не давалось этой смене исторических эпох. Так, „просветители“ XVIII в. наивно объясняли эту смену воинственностью варваров и ослаблением старинного мужества римлян под влиянием восточной изнеженности или христианской проповеди смирения, а буржуазные историки-позитивисты XIX и XX вв. приводили не более глубокие и не более вразумительные объяснения. „Прославленный“ в буржуазной науке историк-экономист Макс Вебер видел причины падения Римской империи то в длительном мире, то в завоевании римлянами континентальных областей, то в деспотизме римских императоров.

Вопреки исторической действительности реакционная буржуазная наука эпохи империализма пыталась и пытается вообще отрицать революционный переход от древнего мира к средневековому. Для Фюстель де Куланжа весь общественно-политический строй средневековья вырос эволюционным путем из римских порядков с их господством частной собственности, крупного землевладения, с подчиненным положением народных

масс, с поместным строем и неограниченной монархией. Политический распад западноримской империи на ряд варварских королевств, по его мнению, был фактом, мало повлиявшим на весь ход исторического развития. Допш усиленно подчеркивал, что между древностью и средними веками не было перерыва в развитии культуры, не было „катастрофы“. Общественный строй германцев, пришедший на смену Римской империи, якобы ничем существенным от римского строя не отличался. Вопрос о смене античного общества средневековым „снялся“ в целях утверждения исконности частной собственности и эксплуатации человека человеком в целях „доказательства“ мирного эволюционного, но отнюдь не революционного характера исторического развития. Стоит вспомнить пресловутого фон Зека, дававшего расовое объяснение причин падения Римской империи. Эти бредовые идеи и до настоящего времени находят последователей среди англо-американских реакционных историков и социологов, которые выступают в роли оруженосцев империалистической реакции, пытающейся в наши дни повторить преступную попытку Гитлера добиться мирового господства.

Было бы бесполезно перечислять все попытки буржуазной „науки“ найти ответ на вопрос, без разрешения которого непонятна ни древняя, ни средневековая история. Основная задача буржуазной науки — апологетика капитализма, основная цель — борьба с революцией, борьба с первым в мире социалистическим государством — Советским Союзом, борьба против мира и демократии.

Между тем марксистская историческая наука уже давно подошла к правильному разрешению вопроса. Энгельс в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“ дал глубокий анализ причин упадка рабовладельческого строя, зашедшего в тупик, утратившего способность дальнейшего развития. Он ясно показал, что только полный переворот в общественных отношениях, полное крушение рабовладельческого строя могли дать выход из этого тупика. „Вывести из этого положения могла только коренная революция“,¹ — писал он. Вместе с тем, Энгельс разработал вопрос о роли варварского завоевания Западной Римской империи, показал, что это завоевание могло осуществиться лишь как результат внутреннего кризиса самого рабовладельческого способа производства. Энгельс вскрыл процесс формирования феодализма в Западной Европе, когда на место разрушенного рабовладельческого общества стал привнесенный варварами новый общественный строй, основу которого составляла свободная община, строй, в котором уже сложились определенные элементы, явившиеся в дальнейшем фундаментом для развития феодальных отношений.

Однако неразработанность документального античного наследия тогдашней исторической наукой не позволила Марксу и Энгельсу решить вопрос о роли революционного класса древности — рабов в крушении Римской империи. Учение о роли народных масс в революциях и в истории вообще, которое создали Маркс и Энгельс и которое они разрабатывали в применении к буржуазной и социалистической революции, не было распространено основоположниками марксизма на понимание революции при переходе от античности к феодализму.

Дополняя и развивая основные положения Маркса и Энгельса о переходе от античности к средним векам, товарищ Сталин ввел в марксистскую науку понятие революции рабов как основной силы,

М. Сталин.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 198.

сокрушившей рабовладельческий строй и положившей начало феодальному строю. „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся“.² Это простое и ясное положение содержит исчерпывающее объяснение переворота, отделяющего античный мир от средневекового; оно позволяет понять решающую внутреннюю причину, приведшую к гибели рабовладельческого строя. Оно в то же время вводит принцип единства в вопросе о смене общественных формаций, показав, что эта смена совершается в результате революции основного производящего класса гибнущей формации: революции рабов — для рабовладельческой формации, революции крепостных крестьян — для формации крепостническо-феодальной, революции наемных рабочих — для капиталистической.

Товарищ Сталин указал и на другую сторону событий, на варварское завоевание, сыгравшее также крупную роль в крушении Римской империи. „... Не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим“.³ В сочетании с революцией рабов варварские завоевания явились одной из форм того переворота, который положил конец рабовладельческой формации и начало феодализму.

Эти указания товарища Сталина легли в основу исследований советских ученых, изучающих эпоху поздней Римской империи и раннего средневековья.

Советские ученые обратили особое внимание на революционные движения среди рабов, слившиеся в последние века существования Римской империи (III—V вв.) с движениями других угнетенных классов. Исследования советских историков показали широкое и повсеместное распространение рабских восстаний, далеко не получивших адекватного освещения ни в источниках, ни тем более в буржуазной историографии, всячески стремившейся скрыть, затушевать революционные выступления народных масс. Революция рабов не была кратковременным событием. Потребовался длительный исторический период в несколько веков прежде чем рабовладельческие порядки были окончательно сокрушены. „... Замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом“.⁴ Но нет почти ни одной области империи, для которой нельзя было бы найти в источниках указаний на согреявшие их в период перехода от античности к средневековью революционные движения рабов.

Исследования советских историков далее показали, что рабы — основной производящий и эксплуатируемый класс античной эпохи — могли выступать победоносно только в союзе с другими силами, заинтересованными в революционном взрыве рабовладельческой империи. Революционные движения рабов, не поддержанные или недостаточно поддержанные другими эксплуатируемыми классами, были обречены на неудачу. Рабы классического периода античного общества не ставили целью общую ликвидацию рабовладельческих порядков. Даже величайшее в классическую эпоху восстание рабов под руководством Спартака имело целью лишь освободить рабов от власти хозяев и вывести их на родину. Рабы не представляли себе, что условием их освобождения как класса являлось разрушение рабовладельческого способа производства. Интересы

² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

³ Там же, стр. 432.

⁴ Там же, изд. 10-е, стр. 607.

свободного крестьянства в рабовладельческом мире не совпадали с интересами рабов, их восстания еще не сливались вместе. „Рабы... — говорит Ленин, — восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов“.⁵

Но на определенной стадии разложения рабовладельческого строя в рабовладельческом обществе возникают силы, которые делаются естественными союзниками рабов. Прежде всего происходит сближение общественного положения рабов и крестьян, интересы которых раньше мало соприкасались. Свободный ранее крестьянин (как арендатор, так и мелкий собственник) теперь все более превращается в прикрепленного к земле колона, „в раба земли“ (servus terrae). С другой стороны, значительную часть рабов начинают сажать на землю наподобие колонов (quasi coloni). Теперь восстание эксплуатируемых производителей выступает как восстание рабов и колонов, которые подвергаются одинаковой эксплуатации и объединены общностью интересов. Для посаженных на землю рабов и колонов целью восстания уже не может являться личное освобождение и уход из пределов империи, — их целью является освобождение не только личности, но и семьи, и „очага“, и земли, другими словами, полное преобразование всего общественного строя рабовладельческой империи. Восстания рабов в союзе с колонами стали более упорными, длительными и опасными для рабовладельческого общества, чем прежние восстания рабов. Они длились десятилетиями, подавленные, они вновь возрождались, фактически не прекращаясь с III в. вплоть до окончательной гибели рабовладельческой империи.

В это время у рабовладельческой империи появляется еще один опасный враг, выступающий вместе с тем как естественный союзник революционного движения рабов и колонов. Это — варвары. Концепция товарища Сталина о революции рабов в корне изменила и прежний взгляд на варварские вторжения.

Варварские вторжения теснейшим образом связаны с революцией рабов. Рабовладельческое общество нельзя представлять в отрыве от окружающей его варварской периферии, являющейся постоянным резервом несвободной рабочей силы. Хотя прекращение завоеваний и военное ослабление империи, обусловленное внутренним кризисом рабовладельческого строя, заставило рабовладельцев предоставить рабам право иметь семьи, что было тесно связано с переводом рабов на землю, и естественное размножение рабов стало источником пополнения рабочей силы, однако важнейшим источником ее оставались военнопленные. Иными словами, превращение свободных варваров в рабов оставалось характерным для рабовладельческой системы. Из варваров пополнялись и ряды колонов, убывавшие в результате бегства и восстаний. Варваров мы видим не только на границах империи, но и в самой империи, где они составляют значительную часть эксплуатируемых непосредственных производителей — рабов и колонов. Связь между варварами, из среды которых империя черпает рабов и колонов, и варварами, уже превращенными в рабов и колонов, не разрывается. Вторжения варваров вызывают, особенно на окраинах империи, ответные восстания рабов и колонов. Эти восстания облегчают варварам вторжения в империю. Варвары являются

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 375.

естественными союзниками рабов и колонов в борьбе с общим врагом — рабовладельческой империей.

Варвары с их специфическим общественным строем внедрялись в самую сердцевину рабовладельческого общества не только как эксплуатируемые рабы и колоны, но и как „охранители“ этого общества, — как военная сила империи. Со времен Аврелиана и особенно Диоклетиана численность армии в империи возрастает и состав ее меняется. Все большую роль в военных силах Рима начинает играть наемное варварское войско. Целые варварские племена поселяются на территории Римской империи, сохраняя свой общественный строй, своих вождей и королей. В то же время система поставки в армию рекрутов крупными землевладельцами вливает в войска империи недавних рабов и колонов. Этой-то армии и придается в первую очередь подавлять восстания рабов и колонов, защищать рабовладельческое общество от своих естественных союзников и единоплеменников.

По мере нарастания революционной ситуации такое положение становится все более опасным. „Защитники“ господствующего порядка легко могут превратиться в его разрушителей. В ряде случаев мы наблюдаем отказ войск от расправы с восставшими рабами и колонами. Правда, многочисленные военные мятежи, особенно III в., не всегда были революционными движениями — движения солдат не всегда были связаны с движениями народа. Но что социальные мотивы в них начинают играть все большую и большую роль, не подлежит сомнению. Революция рабов могла получить и получила сильнейшую поддержку от римских войск и особенно от варваров, составлявших главную силу этих войск.

Сталинская концепция революции рабов заставила заново пересмотреть причины так называемого великого переселения народов. Стало ясно, что объяснение ему надо искать не в племенных передвижениях гуннов и готов, а именно в революции рабов. Не вторжения вестготов и других ирриарских племен привели к падению империи, а революция рабов послужила причиной падения рабовладельческой империи и вызвала варварские вторжения. При этом следует обратить внимание на одну характерную особенность большинства варварских вторжений: они начинаются не как ирриарские вторжения, а как восстания. Обычно варвары сами рассматривали свои „завоевания“ империи как освобождение от римского ига. Вспомним хотя бы пролог к Салической Правде. Почти все племена, разделившие между собой территорию Западной Римской империи, были сначала федератами империи, а потом восстали против нее.

Товарищ Сталин указывает, что революция рабов не привела и не могла привести к освобождению рабов. Она ниспровергла рабовладельцев и рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся, но это не означало торжества того строя, к установлению которого стремились угнетенные массы Римской империи и за сохранение которого боролись массы варваров. На место рабовладельцев были поставлены крепостники, на место рабовладельческой — крепостническая форма эксплуатации трудящихся. В варварском обществе ко времени крушения империи уже сложились предпосылки феодальных отношений — родовая военная знать, эксплуатация рабов в той специфической форме, которую описал Тацит, военные дружины, зачатки государства, опирающегося на знать. „Завоевания“ и поселение на территории империи варваров значительно усилили эти предпосылки. Они превратили знать в крупных землевладельцев, эксплуатирующих труд рабов и колонов, поставили в подчиненное положение местное население, усилили королевскую власть, создали вскоре союз ирриарской знати с церковью и с остатками римской знати. Где скорее,

где медленнее шел процесс превращения свободных землевладельцев, вышедших из варваров-поселенцев, в крепостных крестьян.

Таковы основные черты революции рабов в Западной Римской империи. Но какова она на Востоке? И сейчас приходится слышать вопрос: была ли революция рабов в Восточной Римской империи? А если была, то почему она не разрушила ее, как Западную Римскую империю? Несомненно, то разрешение, которое дал товарищ Сталин вопросу о смене рабовладельческого строя феодальным, целиком относится и к Восточной Римской империи. Однако, если на Западе революция рабов приходится главным образом на IV—V вв., то на Востоке она сильно затянулась и решающий период революции приходится на конец VI и начало VII в.

Причины этой затяжки революции коренятся в специфических особенностях социально-экономического развития Востока. Восточная Римская империя, включавшая наиболее экономически развитые области, была значительно богаче Западной. Глубокий экономический упадок, связанный с общим кризисом рабовладельческого способа производства, который в IV—V вв. охватил Западную Римскую империю и вызвал падение городской жизни, захирение ремесла и резкое сокращение торговли, несколько меньше отразился на Востоке. Казна была богата, господствующие классы города и деревни были больше связаны и экономически и политически и были гораздо более способны защищать существующий строй от революции, грозившей как изнутри, так и извне. Особенно важно, кроме того, что на Востоке рабовладельческий строй достиг несколько меньшего развития. Здесь в больших масштабах сохранилась община, а также значительно раньше, чем на Западе, возникли отношения колонатного типа. Поэтому противоречия, раздиравшие рабовладельческий строй на Западе и приведшие к революции рабов, на Востоке сказывались в несколько своеобразной форме. Все это лишь видоизменило, но отнюдь, конечно, не могло предотвратить неизбежный кризис рабовладельческого способа производства, и следовательно революции рабов в Восточной Римской империи.

Первый тур революции в Восточной Римской империи начинается в конце IV в. грандиозным восстанием вестготов на Дунае, слившимся с восстанием рабов и колонов Балканского полуострова. Буржуазные историки, стремясь скрыть революционный характер этого движения, трактуют его обычно как военный мятеж, „солдатский бунт“ готов и говорят лишь о „помощи“ вестготам со стороны рабов и колонов. Анализ источников (Аммиан Марцеллин, Зосим, Амвросий Медиоланский, Григорий Нисский и др.) показывает, что восстание вестготов не носило характера военного „солдатского“ мятежа, а являлось широкой народно-освободительной войной поселенных на римской территории и поработанных римскими рабовладельцами варварских масс.⁶ Но в то же время оно дало сигнал общему восстанию рабов и колонов в Дунайских провинциях и послужило опорой в их освободительной борьбе. С самого начала это восстание имело ярко выраженный антирабовладельческий революционный характер, а силу и размах движению придало его слияние с революционными выступлениями рабов и колонов. О размерах движения свидетельствует и то, что восстание, начавшись на Дунае, чрезвычайно быстро перебросилось в Мезию и Фракию и охватило большую часть Балканского полуострова. Это могло произойти лишь потому, что восстание вестготов послужило искрой, воспламенившей

⁶ Разработка вопроса о восстании вестготов принадлежит А. Д. Дмитреву в его докторской диссертации, посвященной революции рабов в Западной империи.

пожар революционной войны среди рабов и колонов Балканского полуострова и туземного фракийского и мезийского населения, поработанного римлянами. Восстание носило стихийный характер. Народный гнев со страшной силой обрушился на поработителей. Аммиан Марцеллин, хотя и враждебно настроенный к движению, рисует потрясающую картину этого народного гнева: „Знатнейшие римские мужи, матроны, юноши и девушки уводились за Дунай как рабы, их гнали бичами, связанных, как диких зверей, а они были недавно богаты и свободны. Вмиг лишились богатые и семьи и дома, тлевшего в пепле.“⁷ Битва при Адрианополе, истребившая „цвет“ римского войска, передала провинции в руки восставших и явилась кульминационным моментом революции на Дунае.

Одновременно с революцией на Дунае вспыхивает широкое и столь же опасное для империи восстание рабов и колонов в Малой Азии. Это движение было особенно опасно еще потому, что посланные на усмирение восстания варварские войска перешли на сторону восставших. Революционное брожение охватило и восточные провинции империи — Сирию, Палестину, Египет, где ожесточенная классовая борьба часто принимала формы религиозных ересей. Восточная Римская империя была на краю гибели. Однако широкое революционное движение на Балканах, в Малой Азии и в других частях государства привело к сплочению всех сил рабовладельческой Восточной Римской империи вокруг правительства Феодосия. Рабовладение на Востоке оказалось еще достаточно сильным, чтобы вынести даже такой мощный удар, какой был нанесен революционным взрывом конца IV в. Да и сам кризис рабовладельческого способа производства на Востоке в конце IV—начале V в. был еще не таким острым, как на Западе. Рабовладельческая верхушка Восточной Римской империи была еще достаточно могущественной для борьбы с этой волной революции рабов и колонов.

Стойкость рабовладельческой верхушки объясняется ее гораздо большей сплоченностью, чем на Западе, и ее тесной связью с торговыми слоями города. Восток не знал такого катастрофического спада производительных сил, возвращения к натуральному хозяйству, упадка городов, дробления страны на хозяйственно замкнутые мирки, которые отмечают кризис рабовладельческого строя на Западе. Рабовладельческий мир Западе хозяйственно и политически распался еще до окончательного своего распада на „варварские государства“. В Восточной Римской империи крупное земельное владение не превратилось в самодовлеющий хозяйственный организм, покупающий лишь предметы роскоши и не связанный с городом и рынком. Здесь крупные землевладельцы были живейшим образом втянуты в торговый оборот империи, так как большие города нуждались в значительном количестве сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, на Востоке были сильные группы, заинтересованные в сохранении экономической и политической цельности империи, в сохранении рабовладельческого строя.

Все это привело к тому, что первая волна революции рабов и колонов в Восточной Римской империи в конце IV—начале V в. была подавлена. Больше того, господствующие классы Восточной Римской империи не только перешли в наступление против революции рабов и колонов у себя, на Востоке, но и попытались задушить, опираясь на остатки рабовладения, победоносную революцию на Западе. В ярком свете гениальной сталинской концепции революции рабов и колонов вся деятельность Юстиниана предстает перед нами совершенно по-новому — как

⁷ Аммиан Марцеллин, XXI, 8, 7, 6.

последняя попытка рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс, потрясавшее Восточную, захлестнувшее и сокрушившее Западную Римскую империю.

В буржуазной историографии господствует традиция всячески идеализировать и восхвалять правление императора Юстиниана. Политический смысл этой идеализации совершенно ясен: это — стремление возвеличить Юстиниана как защитника крепкой монархической власти и христианской религии, хранителя „прочных“ устоев римского рабовладельческого государства. Для историка-марксиста Юстиниан, этот „прославленный“ восстановитель былого могущества Римской империи, прежде всего — душитель революции угнетенных масс, потопивший в море крови восстания константинопольского плебса, жестоко подавлявший все и всяческие проявления революционного движения в Византии, властитель, претендовавший сыграть роль душителя революции рабов и колонов в Западной Римской империи. Войны Юстиниана в Северной Африке, Италии и Испании представляют собой попытку реставрации рухнувшего на Западе рабовладельческого строя, прямое вмешательство в дела западных варварских государств, вызванную не столько происками эмиграции, сколько в первую очередь страхом перед совершившейся на Западе революцией. Точно так же и вся внутренняя политика этого императора, его „прославленное“ законодательство преследовали одну цель: укрепить распадавшийся под ударами революции рабовладельческий строй и подавить эту революцию. Недаром автор анонимного трактата о военном деле конца VI в. писал, что „законодательство в Римской империи преследует одну цель — предотвращение восстаний“ (στάσις).⁸ Замечательным памятником этого мрачного царствования является „Тайная история“ Прокопия, рисующая потрясающую картину бедствий народных масс.

Однако наступление рабовладельческой контрреволюции в VI в. вызывает упорное и ожесточенное сопротивление угнетенных масс. Население завоеванных Юстинианом областей с ненавистью встречает византийские войска, несущие с собой реставрацию рабовладельческих порядков. В Италии под знаменем Тотилы против интервентов, вместе с готами, сражались рабы и колоны. Весь ход исторического развития вел к неминуемой гибели рабовладельческого способа производства под ударами революции рабов и колонов, и поэтому завоевания Юстиниана, столь прославленные буржуазными историками, на деле не могли быть не чем иным, как лишь временной победой рабовладельческой реакции, хартией которой была Прагматическая санкция 554 г.

Несмотря на внешний «блеск» завоеваний, рабовладельческая реакция лишь истощила силы Восточной Римской империи, ослабила ее обороноспособность, окончательно разорила население непосильными поборами. Ведь даже период наивысшего напряжения, наибольших „успехов“ рабовладельческой реакции — период правления Юстиниана — отмечен почти непрерывными восстаниями. Кто бы ни руководил этими восстаниями, какие бы привходящие цели они себе ни ставили, они могли быть массовыми, могли увлекать за собой народные массы лишь в том случае, если эти массы видели в восстаниях выход из того невыносимого положения, в которое ставила народ рабовладельческая система эксплуатации. А при преемниках Юстиниана количество восстаний, их напряженность, размах непрерывно растут. Они вспыхивают во всех концах государства. Рабовладельческая империя теряет свои приобретения на Западе и свои

⁸ Цит. по книге Н. В. Пигулевской „Византия и Иран из рубеже VI—VII вв.“ М. — Л., 1946, стр. 116.

земли на Севере и Востоке. Начинается ее агония. С конца VI в. в Восточной Римской империи разворачивается второй и последний тур революции рабов и колонов, ее решающая и победоносная стадия.

В течение VI и VII вв. области Восточной империи непрерывно потрясаются народными восстаниями, однако эти восстания предстают перед нами в источниках в сильно искаженном виде: одни современные авторы видели лишь их поверхность, не умея понять их глубокую социальную сущность, другие сознательно стремились скрыть их революционный характер. Эти восстания выступают перед нами то как династическая борьба, то как сепаратистские стремления провинций, как столкновения „партий цирка“ или (очень часто) как религиозная борьба. И все же в источниках совершенно отчетливо просвечивает социальное содержание всех этих событий: напряженная борьба между отживающим рабовладельческим обществом и государством и угнетенными эксплуатируемыми классами, в первую очередь рабами и колонами. Трудящиеся массы империи — рабы и колоны — принимают в них непосредственное участие. Современные этим грозным событиям источники (Феофилакт Симокатта, Иоанн Никиусский, хроники, агиографическая литература) свидетельствуют о широком размахе революционного движения в Византии в конце VI — начале VII в. Так, Иоанн Никиусский сообщает о ряде крупных восстаний в Египте в правление императора Маврикия. Восстание охватило большую территорию. Восставшие, ядро которых состояло из колонов, рабов, крестьянской бедноты, вели ожесточенную войну с правительством, их поддерживали моряки нильской флотилии. Восставшие совершили даже вооруженное нападение на остров Кипр. О размахе движения свидетельствует то обстоятельство, что для его подавления правительство должно было стянуть войска не только из Александрии и всего Египта, но и из Нубии.⁹ Восставшие проявляли необычайное упорство, предпочитая умереть, но не сдаться. О революционном движении в Египте сообщает Феофилакт Симокатта и другие источники. Революция рабов и колонов охватила также Сирию и Палестину и с особой силой развернулась в придунайских областях, сливаясь с движением в армии. Последние годы VI в. отмечены непрерывной цепью восстаний в византийской армии, сливавшихся с движением угнетенных масс.

Революционные выступления, открытая гражданская война продолжают и в VII в., охватывая ряд провинций империи — Киликию, Сирию, Палестину, Малую Азию и Египет, часто переплетаясь с религиозной и династической борьбой. В революции на Востоке принимают участие различные общественные группы, но основная движущая сила их — угнетенные массы рабов и колонов. В движении участвуют также люди, бежавшие от невыносимого гнета рабовладельческой эксплуатации и государственных налогов, соединившиеся в целые отряды, ведущие упорную войну с правительственными войсками, поддерживавшие неугасимое революционное брожение в разлагавшемся рабовладельческом обществе. В революционных движениях принимает, как мы видели, прямое участие и армия, которая состояла из солдат, набранных среди широких народных масс империи, а также из союзников революции рабов — варваров.

Все эти явления достаточно хорошо известны и в истории гибели Западной Римской империи. Но в Восточной Римской империи выдвигается еще один элемент, который лишь очень слабо проступает в истории Запада, — это народные массы города. В противоположность

⁹ Jean de Nikio u. Chronique publié et traduit par Zotenberg, Paris, 1883. p. 532.

Западу, где мы наблюдаем полный упадок городской жизни и возвращение к натуральному хозяйству, на Востоке, несмотря на тяжелый кризис всей рабовладельческой системы, город сохранял свое экономическое и политическое значение и поэтому массы городских рабов и городской бедноты сыграли большую роль в революции. Революционные движения димов, сложность классового состава которых все более выясняется в трудах советских ученых,¹⁰ занимает виднейшее место в революции, которая положила конец рабовладельческому строю в Восточной Римской империи.

Буржуазные историки всячески старались затушевать глубокую революционность этого периода византийской истории, изображая его как время династической борьбы, как период чисто внешних вторжений тех или иных племен и народов, приведших к упадку византийского могущества. Сталинская концепция перехода от античности к средневековью наносит смертельный удар всем этим псевдонаучным потугам буржуазной историографии. В свете сталинской концепции советские историки смогли раскрыть в этом „кризисе VII в.“ его действительную социальную сущность — второй тур революции рабов и колонов и показать прогрессивное значение этого кризиса в дальнейшем развитии Византии.

Так же как и на Западе, революция рабов и колонов и в Восточной Римской империи слилась с движением варваров, в первую очередь славян. Сталинская концепция этой революции дала возможность советским историкам отчетливо показать, что вторжение славян в VI—VII вв., основание ими славянских государств на территории Восточной Римской империи, заселение ими большей части Балканского полуострова и значительных районов в Малой Азии сыграли такую же роль в истории Византии, как вторжение варварских племен в истории Западной Европы. В свете этой гениальной концепции стало ясно, что так же как в истории Западной Европы, это „вторжение“ не может быть понято без революции рабов.

Необходимо в то же время отметить, что не одни славяне наносили удары Восточной империи в VI—VII вв. в союзе с рабами и колонами. Большое значение для судеб рабовладельческой империи имели и вторжения восточных народов, особенно арабов. Эти вторжения, тоже сливавшиеся с революционным движением в империи, привели к потере Византией ряда восточных провинций и вместе с тем оказали известное влияние и на изменение ее общественного строя. Однако бесспорно, что наиболее важную, поистине решающую роль сыграли именно славянские племена и народы.

Роль славянских завоеваний и славянской колонизации Балканского полуострова и Малой Азии была с особой глубиной выявлена советскими учеными. Несмотря на попытки реакционной науки буржуазного Запада умалить значение этих явлений, изучение источников все более раскрывает глубину изменений, внесенных славянами в общественный строй империи, расшатанный, а местами и полностью разрушенный революцией рабов и колонов. Славяне заняли территорию Восточной империи гораздо более плотным слоем, чем „германцы“ (понимая здесь и те племена, с которыми были смешаны германцы) — Западную империю. Слова Константина Багрянородного о том, что вся Греция ославянилась, не следует

¹⁰ См. А. П. Дьяконов „Византийские димы и факции“, „Византийский сборник“ М. — Л. 1945; Н. В. Пигулевская „Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.“ М. — Л. 1946; М. В. Левченко „Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.“ „Византийский временник“ т. I (XXVI), М., 1947.

считать преувеличением. Если империя осталась в основном греческой по языку и культуре, то это ничего не говорит об ее этническом составе: ведь и на территории Западной Римской империи почти нигде (если не считать окраин) не сохранились ни германские языки, ни германская „культура“ (вопреки утверждению германских шовинистов, что Европа в раннем средневековье стала „германской“). Но основное, что нас интересует здесь, это не этнический вопрос, а вопрос о социальном строе, который установился в империи в результате второго тура революции и заселения ее территории славянами. Не подлежит сомнению, что революция рабов и тесно связанная с нею славянская колонизация совершенно изменили социальный строй Восточной Римской империи. На огромных территориях Балканского полуострова крупное светское землевладение, основанное на труде рабов и колонов, было в значительной части ликвидировано революционным выступлением масс. Да и там, где оно уцелело, землевладельцы вынуждены были отказаться от старых форм эксплуатации трудящихся. На очищенных от рабовладельческого крупного землевладения территориях, зачастую рядом с ним, устанавливалась свободная крестьянская община, лучше всего засвидетельствованная замечательным памятником VIII в. — „Земледельческим законом“. Следовательно, революция рабов в Византийской империи и славянское вторжение тоже привели к широкому распространению свободной крестьянской общины — марки. Если на Западе между античным колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин (Энгельс), то на Востоке это место занимал свободный славянский общинник.

Но, как и на Западе, общественный строй, основанный на свободной общине, оказался недолговечным и в самом начале уже носил элементы разложения и образования нового общественного строя — феодального.

Несомненно, следовательно, что в Византии в конце VI — начале VII в. развернулся второй и победоносный тур революции рабов, колонов и угнетенных масс города в союзе с варварами, революции, не менее сильной по своим масштабам, не менее острой по формам борьбы угнетенных масс, не менее значительной по результатам, чем на Западе.

Поэтому на основные поставленные нами выше вопросы, пережила ли Византия революцию рабов и привела ли эта революция к смене рабовладельческого строя феодальным — мы, бесспорно, можем ответить утвердительно.

Решительно отвергая излюбленное буржуазными учеными противопоставление Византии Западной Европе, противопоставление, продиктованное „европоцентризмом“ (т. е. по существу расизмом) буржуазной историографии, и выявляя общие закономерности исторического процесса, мы вместе с тем с не меньшей силой должны подчеркивать и своеобразие, особенности проявления этих закономерностей в конкретном развитии тех или иных народов.

Революция рабов на Востоке имеет свои специфические особенности, коренящиеся в особенностях социально-экономического и политического развития Византии. На первый взгляд кажется, что революция рабов, уничтожившая рабовладельческую Римскую империю на Западе, не имела таких решительных результатов на Востоке. Восточная Римская — „Ромейская“ — империя продолжала существовать еще почти тысячу лет после того, как рухнула Западная. Сильно сократившаяся в объеме, она сохранила, однако, и императорское самодержавие, и многое из прежнего административного строя, и высокую культуру, подвергшуюся такому

полному разгрому на Западе. Действительно, революция рабов приняла несколько иные формы на Востоке, чем на Западе, но внесенные ею перемены были не менее глубоки.

Первое, более всего бросающееся в глаза, но, как увидим, отнюдь не наиболее существенное отличие революции рабов в Восточной Римской империи по сравнению с Западной заключается в том, что Восточная Римская, или Византийская, империя не прекратила своего существования, как Западная, распавшаяся на ряд варварских государств. Но действительно ли эта разница так глубока? И в каком смысле приходится говорить о существовании Восточной Римской империи после „кризиса“ VI—VII вв.? Та ли это рабовладельческая империя, какой она была при Юстиниане?

Начать с того, что большая часть прежней Восточной Римской империи была потеряна в конце VI и в VII в. Были потеряны все завоевания рабовладельческой реакции при Юстиниане: большая часть Италии, владения в Испании, Северная Африка. Оставшиеся номинально под властью Византии части Италии фактически становились все более независимыми, таяли, подвергались варваризации. Арабами были завоеваны важнейшие части империи в Азии и Африке. Земли от Дуная до Балкан были заняты болгарами, сербами, хорватами. Были потеряны Армения, Лазика. К концу VII в. в руках византийских императоров не осталось и трети тех территорий, которые когда-то составляли империю Юстиниана. Остальные ушли из-под власти византийского правительства, как ушли все земли Западной Римской империи.

А что произошло с оставшейся частью Восточной Римской империи, сохранившей свое имя „империи ромеев“? Как мы видели, она подверглась под влиянием революции и славянской колонизации глубочайшим социальным переменам.

Зародыши феодального строя стали складываться уже в рабовладельческом обществе Римской империи как на Западе, так и на Востоке. Незачем останавливаться на таких общеизвестных явлениях, как развитие колоната, помещение рабов на земельные участки, развитие патронатных отношений, рост частной власти, иммунитета, вотчинной юрисдикции, частных военных сил уже в III—V вв. Феодальные отношения складывались и у варваров в виде развития родовой и военной, а потом и служилой знати, дружин, особых форм эксплуатации рабов. Как и на Западе, эти начала быстро возобладали над свободным общинным строем.

Вторым, уже существенным отличием революции рабов на Востоке от революции на Западе является более длительное и более значительное по своим масштабам сохранение в Византии остатков рабовладения. Но это объясняется не столько менее сильным развертыванием на Востоке революции рабов или не менее значительным влиянием общественного строя варваров, сколько гораздо большей силой и живучестью рабовладельческого строя на Востоке. Рабовладельческому строю, нашедшему здесь силы для того, чтобы отразить натиск революции рабов и варварских завоеваний в IV—V вв., сумевшему перейти в контрнаступление в VI в., был нанесен смертельный удар революцией рабов и колонатов и вторжением варваров в VII в. Однако некоторые пережитки рабства сохранились в больших размерах, чем на Западе.

Элементы рабовладельческого строя, как известно, не были до конца истреблены и на Западе, они и там оказали определенное воздействие на развитие феодальных отношений. Крупное римское землевладение, рабство как юридическое и бытовое явление не были окончательно сметены революцией рабов и варварскими завоеваниями и на Западе, они

не только продолжали там существовать, но и оказали некоторое влияние на порядки крупного землевладения, сложившегося у варварской знати. Рабы (как римские, так и варварские) вошли как один из важных элементов в состав крепостного крестьянства — основного производящего класса феодального общества, — и этот элемент еще не вполне растворился в крестьянской массе, что нашло отражение и в памятниках IX в.

Рабовладельческий строй оказался еще более стойким на Востоке. Здесь он в большей степени оказал влияние на развитие феодальных отношений и придал им своеобразную окраску. В связи с этим рабство сохранилось в Византии гораздо дольше, чем в Западной Европе. Широко известно, что рабский труд играл известную роль в сельском хозяйстве и особенно в ремесле в Византии еще в X—XIII вв. Однако он сохраняется лишь как пережиток рабовладельческих отношений внутри феодальной формации.

Третьей особенностью революции рабов на Востоке является сохранение после этой революции в значительно больших масштабах, чем на Западе, крупного землевладения. Это относится главным образом к областям, не занятым славянами, в частности к Малой Азии, которая в последующие века остается страной крупного землевладения.

Четвертой, весьма важной отличительной чертой революционного перехода от рабовладельческого способа производства к феодальному в Византии является то, что в Восточной империи после „кризиса“ VII в. в значительно большей степени, чем на Западе, сохранились города, развитое ремесло и торговля.

Значение городов на Западе в последние века империи сходило на-нет. Их социальная и политическая роль кончилась раньше, чем они были разрушены варварами. Несмотря на все потрясения VII в., Византийская империя сохранила свои города и прежде всего Константинополь как центры промышленности и торговли. Итак, моментом, наиболее отличающим Византию от феодализирующегося Запада, были развитая городская промышленность и широкая внешняя торговля.

Необходимо, наконец, отметить еще одно отличие Византии от Западной Европы: сохранность в Византии античного культурного наследия и его дальнейшая переработка в новой общественной обстановке, в то время как в Западной Европе еще долго царил мрак невежества. Новые работы советских ученых показывают, что распространенные в буржуазной историографии воззрения на упадок византийской культуры, якобы имевший место в VII—VIII вв., лишены какого-либо серьезного основания. Реакционная буржуазная историография, фальсифицируя историю, стремится приписать упадок культуры на Западе народным восстаниям или варварским завоеваниям, вопреки неоспоримому факту, что этот упадок начался раньше и был связан с общим кризисом рабовладельческого хозяйства и особенно с упадком городов. Не менее рьяно современная американская и западноевропейская буржуазная историография, особенно католическая, стремится приписать сохранение старых культурных ценностей как на Востоке, так и на Западе христианской церкви. Сохраняя в своих интересах известные элементы письменности, церковь была гораздо более врагом, нежели хранителем античного культурного наследия, и сохранность его в Византии объясняется в первую очередь тем, что там уцелели города, сделавшиеся центром высокой светской культуры.

Таким образом, в силу ряда указанных особенностей экономического и социального развития Востока революция рабов приняла здесь

своеобразные формы. Сохранилось, хотя и после многих потрясений и в очень урезанных границах, политическое единство империи, сохранилось в большей степени, чем на Западе, рабовладение, уцелели торговые и промышленные города, центры высокой светской культуры. Все это не является, однако, показателем неполноты совершившегося переворота.

Итак, мы видели, что революция рабов и колонов в Восточной империи имела ряд своеобразных черт, отличающих ее от революции на Западе. Однако социальное содержание перехода от рабовладельческой формации к феодальной как на Западе, так и на Востоке было единым: это была революция основного производящего и угнетенного класса древности — рабов в союзе с колонами, варварами, городской беднотой, со всеми поработанными и угнетенными классами Римской империи.

Специфические особенности, отдельные черты различия революции на Востоке по сравнению с Западом отнюдь не меняют ее социального содержания и не являются только ей присущими. Все однотипные по своей социальной сущности революционные перевороты в истории имеют свои специфические особенности, присущее им своеобразие, окрашены в особые тона, что стоит в прямой связи с общественными условиями, в которых они происходят. Вспомним хотя бы то, что французская буржуазная революция конца XVIII в. во многом весьма существенным образом отличалась от английской революции XVII в. Английская революция, как подчеркнул Маркс, была значительно более „консервативной“, чем революция французская, что непосредственным образом зависело от особенностей социально-экономического развития Англии, расстановки классовых сил и ряда других причин. Но там и тут социальная сущность событий была одинаковой. И там и тут это была буржуазная революция, приведшая к смене феодального общества капиталистическим.

В заключение необходимо остановиться еще на одной существенной стороне вопроса о революции рабов и колонов. Иосиф Виссарионович Сталин в своих замечательных высказываниях подчеркивает не только значение революции рабов как общественного скачка, приведшего к переходу от одной формации к другой, но вместе с тем показывает и неизбежную ограниченность, односторонность этой революции. Товарищ Сталин, указывая, что революция рабов „ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации...“, не оставляет в тени и другую ее сторону, а именно, что „вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами“.¹¹ Больше того, товарищ Сталин подчеркивает односторонность всех революций в истории до Великой Октябрьской социалистической революции и показывает коренное, принципиальное отличие революционных переворотов прошлого от пролетарской, социалистической революции.

„История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить **всякую** эксплуатацию и ликвидировать

¹¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

всех и всяких эксплуататоров и угнетателей“.¹² Эти гениальные слова товарища Сталина, подчеркивающие ограниченность революций прошлого, всецело могут быть отнесены к революции рабов и колонов в Восточной Римской империи.

Гениальная сталинская концепция революции рабов является для советской исторической науки основным руководящим методологическим положением в дальнейшей разработке и конкретизации, на основе данных источников, проблемы перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Советские византилисты немало трудились и трудятся над разработкой этой проблемы и достигли в этом отношении некоторых результатов. Однако дальнейшее углубленное и развернутое изучение проблемы революции рабов и колонов на Востоке и по сей день является одной из важнейших задач советского византиноведения.

¹² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Т. ГОРЯНОВ

ВИЗАНТИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ПРИ ПАЛЕОЛОГАХ

До сих пор в научной литературе при изучении земельных отношений византийского феодального общества в первую очередь освещались вопросы аграрной истории, главным образом той эпохи, которую буржуазные историки называют „средне-византийским периодом“, причем основное внимание уделялось так называемым „мерам в защиту крестьянского землевладения“ императоров Македонской династии. Значительно меньшее внимание уделялось Византии ранней в период, который мы называем периодом рабовладельческой империи, и в период генезиса византийского феодализма. И почти вовсе выпадали из поля зрения исследователей вопросы развития византийского феодализма, крестьянского землевладения и форм феодальной зависимости в поздней Византии, аграрная история которой до самого последнего времени остается белым пятном несмотря на наличие большого фонда изданных источников. В настоящей работе мы хотим сделать попытку проследить положение крестьянства в эпоху Палеологов, изменения в формах феодальной зависимости, представить материалы, которые, отнюдь не претендуя на полноту, послужили бы началом сложной работы по заполнению этого большого пробела в аграрной истории феодальной Византийской империи.

I. ХАРАКТЕР КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Основным вопросом при анализе положения византийского крестьянства в позднее время является вопрос о характере крестьянской собственности. Разрешение этого вопроса решает вместе с тем и вопрос о характере крестьянской зависимости в период поздне-византийского феодализма.

В своем известном исследовании Б. А. Панченко представил положения, которые характеризовали крестьянскую собственность. Так как они основаны преимущественно на изучении документов интересующего нас времени, то, естественно, мы не можем не рассмотреть их. Сущность этих положений Б. А. Панченко сводится к следующему.

По его мнению, несмотря на то что свободных от тягла крестьян не существовало в Византии, идея личной крестьянской собственности никогда не умирала в Византии и проходит через все крестьянские документы. Вотчина, как говорит Б. А. Панченко, состоит из земли, находящейся в непосредственном распоряжении феодала, и из крестьянских наследственных участков. По мнению Б. А. Панченко, и светские феодалы, и монастыри, и парики имели собственность на одинаковых

правах.¹ Эти взгляды Б. А. Панченко повторяет и развивает, рассматривая акты отдельных византийских монастырей. Рассмотрев акты, связанные с землевладением монастыря Лемвиотиссы, он приходит к выводу, что в этих документах нет ни общинного землевладения, ни безземельной массы крестьян в прониях, что через два столетия после Македонской династии крестьяне, как свободные так и зависимые от светских прониаров и монастырей, являются полными собственниками,² что вся территория монастырского села делилась на собственные дворы (стаσι) с землей париков и на terra indominicata монастыря. По мнению Б. А. Панченко, ограничения в свободе распоряжения собственностью обусловлены не социально-правовым положением личности собственника, но тягловым характером земли.³ Запрещение продавать паричские стаσι прониарам и монастырям, по мнению Б. А. Панченко, вызывалось причинами податного, а не личного крепостничества, не нарушавшего якобы права личной и наследственной собственности зависимых париков. Прониары и парики, по схеме Б. А. Панченко, пользовались одинаковыми правами отчуждения и распоряжения своими владениями.⁴ Даже пожалования земель монастырю и светским лицам в пронию не колебали, по этой схеме, наследственной или приобретенной собственности париков.⁵ Заканчивая свою работу, Б. А. Панченко писал, что „основной идеей аграрной истории Византии должна быть поставлена личная и наследственная (γυνηδόν) собственность париков, казенных, вотчинных и прониарских“.⁶ Поскольку это является центральным вопросом при рассмотрении положения зависимого крестьянства в период поздне-византийского феодализма, нам придется подробно рассмотреть аргументацию Б. А. Панченко, проверить данные относящихся к крестьянскому землевладению византийских актов и на этой основе сделать выводы о связи между характером крестьянской собственности и формами феодальной зависимости в поздней Византии.

Мы не имеем, конечно, возможности шаг за шагом следить за тем, как трактовал Б. А. Панченко каждый документ, который подвергался его рассмотрению. Для нашей цели будет вполне достаточно, если мы выберем из его работы несколько наиболее характерных примеров, относящихся к той или иной группе интересующих нас вопросов, и подвергнем их внимательному рассмотрению.

Приступая к анализу богатого фонда документов, относящихся к землевладению париков монастыря Лемвиотиссы, наш автор останавливается на описании хода тяжбы, долго тянувшейся из-за крестьянского хорафия некоего Спана. Речь шла о том, принадлежал ли этот участок крестьянину с. Вари, где находилось это поле, либо парику с. Приновари Спану. В результате длительного обследования было установлено, что спорный участок был огорожен межевыми знаками, что, к какому бы селу ни принадлежал его первоначальный собственник, он владел им на основе отдельной, независимой, не ограниченной никакими сроками собственности.⁷ Устранение же межевых знаков означало, по мнению Б. А. Панченко, включение хорафия Спана в общую территорию вла-

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. VII—VIII.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Там же, стр. 143.

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ Там же, стр. 233.

⁷ Там же, стр. 96.

дений монастыря Лемвиотиссы в с. Вари. Без всяких доказательств Б. А. Панченко утверждает, что парик был полным собственником спорного участка; это, как будто бы, можно видеть из того, что спорное поле было приписано к монастырскому селу, а не непосредственно к монастырю.

Спор, в разрешении которого участвовали многие чиновники и представители духовенства, окончился тем, что жители с. Приновари согласились на то, чтобы игумен своими руками вырыл межевые камни, означавшие границы поля, принадлежавшего Спану (σὺ αὐτὸς πεζεύσων ἰδίαις χερσὶν ἀποπάσαι τὰς στήλας τοῦ τοιοῦτου χωραφίου), и чтобы никто из жителей не имел бы никаких прав на этот участок (καὶ ὁ κρατὸν αὐτὸ οὐδεὶς ἔσται ἐξ ἡμῶν).⁸ Жители с. Приновари единодушно давали свидетельские показания о том, что спорное поле с давних времен принадлежало парику того же села Спану (τὸ τοιοῦτον χωράφιον οἴδαμεν πρὸ χρόνων μακρῶν συμπροίχου ἡμῶν εἶναι τοῦ ἐπιλεγόμενου Σπανοῦ).⁹ Ни в одном из этих свидетельств мы не усматриваем оснований для вывода о том, что Спан владел этим участком на основе неограниченной временем собственности. Единственным аргументом у Б. А. Панченко являются межевые знаки, которые окаймляли спорный участок. Но ведь никто никогда не оспаривал того факта, что парики держали определенного размера наделы, которые территориально были разграничены один от другого. Дело не в этой разбивке наделов, а в отношении лица, державшего тот или иной надел, к крупному землевладельцу, будь то государство, светский феодал или монастырь. В другом месте Б. А. Панченко менее уверенно отмечает, что среди земель Вари не все участки принадлежали монастырю, что некоторые участки сохранили „признаки (подчеркнуто мною — Б. Г.) отдельной частной собственности“.¹⁰ Между тем в документе ясно указано, что до перехода к монастырю спорный участок принадлежал с. Вари, которое и было его собственником (ἀποκατέστησε εἰς τὸ δηλωθὲν χωρίον τὴν Βάρην).¹¹ Здесь идет речь, следовательно, не о том, на каких началах владел Спан этим участком (документ никаких сведений об этом не дает), а лишь о том, что это поле, которое было владением села в целом, после затянувшейся тяжбы перешло в окончательное владение к монастырю, что оно, таким образом, лишь переменяло своего владельца, причем крестьяне Приновари не смогли удержать за собой и этого и других выморочных участков в тяжбе с монастырем, во что бы то ни стало стремившимся округлить свои владения.

Излагая обстоятельства дела париков Гунаропулов, Б. А. Панченко сам приводит факты, свидетельствующие о том, что никакого права распоряжения своими участками эти парики не имели и, следовательно, ни о каком неограниченном праве собственности и речи быть не могло. Здесь сам Б. А. Панченко приводит характерное утверждение, что продажа спорной земли наследниками Гунаропула являлась бессмысленной, так как эта земля находилась во власти монастыря, должна была нести определенные повинности, т. е. была под тяглом (ὡς ὑπὸ παραίχιαν τελοῦσθαι).¹² Любимым аргументом Б. А. Панченко, посредством которого он хотел доказать неограниченную личную собственность париков на землю, является, как мы видели, утверждение, что под паричским тяглом состоял не парик, с его правом собственности, а земля парика. Но в этом же

⁸ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 189.

⁹ Ibid., p. 188.

¹⁰ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 95.

¹¹ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 188.

¹² Ibid., p. 199.

документе совершенно определенно говорится, что под парикией в то время (1232 г.) состояла не земля париков, а сами парики (*ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Μήλων προσχθηνέων Γουναροπούλων... ὑπὸ παροικίαν τελοῦντων αὐτῶ*).¹³ Димитрий Торник, рассматривавший это дело, постановил, что парики не могут продать своих участков лицам, владеющим землей на основе пронии, ибо за налоги с этих участков они постоянно несут ответственность перед государством (*μὴ ἀφείλαιν τοὺς ὑποτελεῖν πειράσκειν τὰ πρὸς αὐτῶν κατεχόμενα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντας αὐτὰ ὡς ὑπὸ τὴν τοῦ δημοσίου χεῖρα ἀείποτε τελοῦντα*).¹⁴

„Частная собственность, — пишет Б. А. Панченко, — упорно не уступала монастырской“.¹⁵ Однако мы не знаем ни одного случая, когда это упорство приводило бы к каким-нибудь результатам. Впрочем и наш автор тут же признает, что эта борьба между „началами свободного наследования“ и „сеньориальными правами“ всегда заканчивалась победой последних и в конце концов приводила к продаже земельных участков, за которые велась борьба, светскому феодалу или монастырю. О какой же личной, да еще неограниченной собственности здесь могла идти речь? Наш автор сам говорит и о стремлениях ограничить право париков распоряжаться своей „собственностью“. Именно, в указе 1234 г., поручавшем дукe Фракесийской фемы Константину Ласкарию описать владения с. Вари, прямо говорится, что император повелевает не позволять крестьянам делать каждому то, что ему хочется (*μὴ ἐάσῃς τοὺς χωρίτας ἕνα ἕκαστον ποιῆν, ὅπερ ἄρα καὶ βούλεται*).¹⁶ Далее в этом же документе ясно указывается, в чем состояли ограничения прав Гунаропула в распоряжении его участками. „Если Гунаропул хочет иметь этот воидатный участок, — говорится в простагме императора, — пусть он уплачивает причитающиеся с него налоги и остальные паричские повинности (*τελέσματα καὶ λοιπὰ παροικιᾶ βάρη*). Если же не может ее сохранить, то ты (дука фемы Константин Ласкаръ — Б. Г.) должен передать монастырю эту воидатную землю и не позволить ему (Гунаропулу — Б. Г.) передать ее кому-либо из его родственников (*καὶ μὴ παραχωρήσῃς παραδοῦναι αὐτὴν πρὸς τινὰ συγγενῆ αὐτοῦ*).¹⁷ Может ли встретиться в византийском документе позднего времени более яркий отрывок, с подобной силой отвергающий теорию о свободном, неограниченном праве париков продавать свою землю, передавать ее по наследству и т. д.?

В требовании не выходить из тягла Б. А. Панченко видит главное ограничение крестьянской наследственной собственности.¹⁸ Мы видели, что дело не только в этом, что ограничена была правоспособность парика в распоряжении своим участком. И поэтому нет никаких оснований считать, что монастырь не отрицал за париками личной собственности, а лишь настаивал на сохранении тяглового характера населенной ими территории. Отрывать тягловый характер земельных участков от личных повинностей зависимых крестьян, характер крестьянской собственности от форм феодальной зависимости — значит строить отвлеченные схластические схемы, которые не могут помочь распутать сложный узел земельных отношений поздне-византийского времени. В качестве одного из своих основных выводов Б. А. Панченко постоянно приводит положение о том, что личная зависимость парика совсем не имела места, что

не было прикрепления к земле, что парики могли жить и вне владений монастыря или светского феодала, лишь бы они платили установленные с них подати, чтобы монастырь не лишался своего дохода.¹⁹ И тут же приводит хрисовул 1244 г., по которому предписывалось разыскать бежавших париков и водворить их на покинутых ими участках, к которым они были до этого прикреплены. Целью этого указа, по мнению Б. А. Панченко, было добиться единственно того, чтобы монастырь не лишился своего дохода. Однако место из документа о розыске париков, которое цитирует Б. А. Панченко,²⁰ не дает оснований для подобного вывода. Речь идет не только о сборе налогов. В заключительной части этого *ἰσχυρῶς* ясно говорится о том, что „моя царственность желает, чтобы этот монастырь не лишился своих париков, но чтобы они были ему возвращены теми, у кого они находятся сейчас, по предъявлению этого повеления моей царственности“ (*θέλημα γὰρ ἔχει ἡ βασιλεία μου μὴ στέρηθῆναι τὴν τοιαύτην μονῆν ἐνὸς τῶν τοιούτων παροίκων αὐτῆς, ἀλλ' ἀπολυθῆναι τοὺς αὐτῆ παρὰ τῶν κατεχόντων τῇ ἐμφανείᾳ τοῦ παρόντος ἰσχυροῦ τῆς βασιλείας μου*).²¹ Речь идет, следовательно, не только о налоговом тягле в пользу монастыря-феодала, а о восстановлении личной зависимости париков, покинувших его владения.

Занимаясь изучением положения византийского крестьянства, Б. А. Панченко не мог пройти мимо актов Меникейского монастыря. Мы видели, что многие документы трактовались им неправильно, вследствие чего он приходил к ошибочным выводам о наследственной земельной собственности византийского крестьянства. Здесь же, давая общую оценку актам Меникейского монастыря, Б. А. Панченко сам вынужден признать, что „представляемый ими обильный материал дает выводы, в большинстве отрицательные для нашей задачи... мы наблюдаем в этих актах исключительное господство... крупного землевладения и зависимого крестьянства“. И далее он пишет, что меникейские акты „обнаруживают полное господство крепостного права. Крестьян не только приписывают к территории, упоминая их в числе угодий вотчины, но и отчуждают их с землею, повидимому, свободно“.²² Этот вывод, уничтожающий основные положения, выставленные Б. А. Панченко, объясняется тем, что среди меникейских документов имеется большое количество актов, относящихся к XIV в. Если бы Б. А. Панченко во всех других разделах своей работы обратил особое внимание на акты позднего времени, выделил бы их в особый период и поставил бы перед собой задачу проследить эволюцию крестьянского землевладения и форм феодальной зависимости в Византии, то он, может быть, пришел бы к единственно правильному заключению о том, что сказанное им об актах Меникейского монастыря можно расширить, распространить на все монастыри и светские владения позднего времени и, с некоторыми изменениями и поправками, справедливо считать общей линией развития в период поздне-византийского феодализма.

Но акты Меникейского монастыря могут дать нам значительно больше, чем извлек из них Б. А. Панченко. Прежде всего необходимо отметить целый ряд простагм относительно участка Моноспити, который принадлежал стратиоту Никифору Мартину и был пожалован Меникейскому монастырю Андроником Старшим в 1297 г.²³ Упоминание об этом же

¹³ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 199.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 100.

¹⁶ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 182.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 101.

¹⁹ Там же, стр. 106.

²⁰ Miklosich-Müller. Acta, IV, p. 262.

²¹ Ibid.

²² Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 193—195.

²³ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 88—89.

владении встречается также в хрисовулле Андроника II от 1321 г.²⁴ и в хрисовулле Стефана Душана 1345 г. Стратиот Никифор Мартин пытался сопротивляться передаче его участка монастырю. Возникло дело, длившееся в течение ряда лет и вызвавшее несколько интересных документов. Из сохранившихся трех актов по этой тяжбе первый носит подзаголовок простагмы № 6, подписанной уже Стефаном Душаном (πρόσταγμα ε' δια τὰ Μανόσπιτα);²⁵ второй акт также Стефана Душана, № 7 (πρόσταγμα ζ' εις τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν)²⁶ и следующая простагма об этом же случае.²⁷ Никифор Мартин настойчиво несколько раз обращался с просьбами к высшей власти, чтобы ему вернули его небольшое владение (ἀγρίδιον). Однако все его просьбы оставались неудовлетворенными, и его участок неизменно подтверждался за Меникейским монастырем. За монастырем подтверждался также и ποσότης в 80 номисм, причем здесь снова отчетливо видно, что эта ποσότης является следствием уже ранее пожалованного Мартину владения (ποσότης ἀπο τῆς οἰκονομίας),²⁸ что еще более отчетливо видно из другой простагмы (εις τὸ δηλωθὲν ἀγρίδιον ποσότης τῶν λ' ὑπερπύρων).²⁹ Но нас интересует здесь не это. Данная серия документов наглядно показывает нам, как свободно распоряжалась в это время центральная государственная власть мелкими земельными владениями, которые были „личной собственностью“ их держателей. Следует иметь в виду, что владение Никифора Мартина было держанием феодального характера. Если он и принадлежал к разряду стратиотов, то, во всяком случае, к командному составу, что видно из того, что его имя постоянно сопровождается обозначениями οἰκείος τῆ βασιλεία μου,³⁰ σεπτοῦ κυρίου Νικηφόρου τοῦ Μαρτίνου,³¹ πανσεπτοῦ σεπτοῦ οἰκείου τῆ βασιλεία μου κύρ Νικηφόρου τοῦ Μαρτίνου.³² Если лицо, принадлежавшее к командному составу, не могло добиться восстановления своего владения, которое постоянно в указах снова и снова (πάλιν) передается монастырю, то как же после можно говорить о „личной наследственной собственности“, которой якобы свободно могли распоряжаться парики.

В хрисовулле Стефана Душана Меникейскому монастырю от 1345 г. перечисляются владения в различных селах с прикрепленными к ним париками.³³ Нигде в этом документе нет и следов свободных крестьян или париков, которые в какой-либо степени могли распоряжаться своими участками. Все они находятся в полном распоряжении монастыря, который является полным хозяином, обладающим широкими правами иммунитета. Более полные сведения содержатся в другом хрисовулле Душана, год которого неизвестен и от которого сохранился только фрагмент — начало и конец документа отсутствуют. Мы встречаем в этом документе различные категории зависимого крестьянства, в том числе редко отмечаемые в актах категории πτωχοί, ζένοι. В отрывке хрисовулла перечислены парики с указанием состава семьи, площади пахотной земли и виноградника и размера уплачиваемой подати, причем размеры ее очень высоки. Они несколько выше общепринятых средних цифр, которые мы можем установить для поздне-византийского времени, и не

²⁴ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 94—97.

²⁵ Ibid., pp. 117—119.

²⁶ Ibid., pp. 119—120.

²⁷ Ibid., pp. 120—121.

²⁸ Ibid., p. 118.

²⁹ Ibid., p. 120.

³⁰ Ibid., p. 117.

³¹ Ibid., p. 119.

³² Ibid., p. 121.

³³ Ibid., pp. 111—114.

совсем укладываются в данные, выводимые на основе других монастырских актов.

Б. А. Панченко придавал большое значение документу, в котором было записано постановление по поводу тяжбы крестьян с. Меник с соседним землевладельцем Ахиллом Лименитом.³⁴ Он считал, что документ показывает нам село свободных (или казенных) крестьян, наследственных собственников своей недвижимости, ведущих тяжбу совместно и в полном составе. По его мнению, крестьяне имеют свою личную наследственную собственность и могут отчуждать ее навсегда, лишь соблюдая правила предпочтения „ближайших“ при продаже.³⁵ Право наследственной собственности крестьян (ἐπίκοι) с. Меник Б. А. Панченко видит в словах документа πρὸς τοὺς ὄλους ἐπίκοις καὶ κληρονόμοις τοῦ χωρίου Μένικος. Расшифровка κληρονόμοις, которую хочет видеть Б. А. Панченко, является весьма спорной. Такими шаткими основаниями нельзя подкрепить и без того шаткую теорию, тем более, что в данном документе речь идет не о париках, а о крестьянах (ἐπίκοι), которых Б. А. Панченко справедливо считает свободными, хотя без всякого основания ставит знак равенства между ними и государственными („казенными“, как он их называет) крестьянами, которые были зависимы, а отнюдь не свободны и всегда фигурируют в документах под названием δημοσίαισι παρικοι.

Для подтверждения своей теории Б. А. Панченко прибегает к ἐγγράφον конца XII в.,³⁶ по которому два крестьянина с. Силлама, Лев Ставракиот и Константин Пселл, передали свои участки виноградников нотариусу Леонтию Оресту. Тем не менее и тут возникает вопрос, как можно считать этих крестьян имеющими право свободного распоряжения своими участками, если эта передача происходит с разрешения государственного чиновника, логариаста Михаила Хрисоверга. В документе помещен текст распоряжения Хрисоверга³⁷ нотариусу Михаилу Лимениту, которым и была совершена передаточная запись. Б. А. Панченко высказывает предположение, что Хрисоверг был вотчинником с. Силлама, а крестьяне, продавшие участки, его париками.³⁸ В документе нет никаких данных, подтверждающих подобное предположение. Но если предположить, что Ставракиот и Пселл были париками Хрисоверга, тогда имеется еще менее оснований говорить о личной собственности крестьян, которую они могут свободно распоряжаться, в то время как они ничего не могут сделать без разрешения землевладельца, от которого зависят. Б. А. Панченко приводит, далее, λύσις Алексея III Ангела, подтверждающего передачу Патмосскому монастырю владений монастыря Нисия.³⁹ Эта территория, утверждает Б. А. Панченко, „должна была (разрядка моя — Б. Г.) содержать наследственные стаси казенных париков“.⁴⁰ Но опять-таки в документе нет ни одного слова, подтверждающего это предположение.

Можно было бы продолжить этот перечень отрывков из документов, относящихся к землевладению париков, которым Б. А. Панченко придает неправильное толкование, однако и приведенных нами примеров достаточно для того, чтобы с уверенностью сказать, что теория о личной наследственной собственности париков должна быть отвергнута.

³⁴ Ibid., VI, pp. 95—99.

³⁵ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 157.

³⁶ Miklosich-Müller. Acta, VI, pp. 124—127.

³⁷ Ibid., p. 125.

³⁸ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 157.

³⁹ Miklosich-Müller. Acta, VI, pp. 130—133.

⁴⁰ Б. А. Панченко. Назв. соч., стр. 157.

II. ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Формы зависимости париков в поздне-византийское время были разнообразны. Они меняли свой характер, что отражено в названиях отдельных категорий зависимого крестьянства, которые мы рассмотрим ниже. Но, прежде чем перейти к этому рассмотрению, мы должны установить общий характер положения париков в поздней Византии.

Сейчас уже нет ученых, которые высказывали бы сомнения в том, что термин „парики“ обозначал положение зависимого крестьянина, прикрепленного к земле, которую он держит от светского или духовного землевладельца. Положение париков в буржуазной историографии наиболее четко было сформулировано Ф. И. Успенским: „Вторые (зависимые крестьяне — Б. Г.) обрабатывали чужую землю и находились в разных степенях зависимости от духовных и светских землевладельцев“.⁴¹ В другом месте, характеризуя положение зависимого крестьянина-парики, Ф. И. Успенский выражается еще более определенно, отмечая отдельные черты, из которых складывалась зависимость париков, указывая, что „ни отчуждать, ни передавать, ни самовольно уходить с участка парика не дозволялось“.⁴²

Развитие общественно-экономического строя Византийской империи, при всех своих особенностях, шло по линии прогрессирующего закрепощения непосредственного производителя. Этот процесс был в своих основных чертах завершен к концу XII в., и в эпоху Палеологов формы зависимости переходят в законченном виде. Мы можем, следовательно, сказать, что в Византии в период, когда в основном завершается построение феодальных отношений, основанных на прони и зависимости земледельческого класса, мы наблюдаем положение, при котором, как и во всех формах „...при которых непосредственный рабочий остается „владельцем“ средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный...“⁴³ В Византии, как и всюду, где можно наблюдать развернутые феодальные отношения, „...прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них (мелких крестьян — Б. Г.) только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее... И так, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость (Hörigkeit) в настоящем смысле этого слова“.⁴⁴

В поздней Византии положение париков характеризуется вполне сложившимися формами зависимости, характер которых не вызывает никаких сомнений.

Если мы посмотрим акты, относящиеся к концу истории Византии, то мы встретим среди них отчетливое противопоставление париков, как зависимых крестьян, свободным людям. В предельно отчетливой форме это выражено, например, в аргировулле деспота Пелопоннеса Феодора II Палеолога (1407—1443), в котором подтверждались привилегии и им-

⁴¹ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. 225 (1883), стр. 301.

⁴² Ф. Успенский и В. Бенешевич. Византийские акты. Л., 1927, стр. ХLI.

⁴³ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 2, стр. 352.

⁴⁴ Там же.

мунитетные права жителей Монеувасии. В этом документе приводится формулировка „будь то парики, будь то свободные“ (είτε παροίκιοι εἴσιν είτε ἐλεύθεροι),⁴⁵ которая не допускает никаких других толкований.

Возвращаясь к более раннему времени, к первой четверти XIII в., мы видим, что в греческих центрах, образовавшихся на месте Византии, распавшейся на части после латинского завоевания, положение зависимого крестьянства определялось отношениями, сложившимися задолго до IV крестового похода. В грамоте эмирского деспота Феодора Ангела от 1228 г. о привилегиях церкви в Керкире, при перечислении хрисовуллов, которыми в прежние времена были определены права церкви, упоминается хрисовулл Мануила Комнина, по которому церкви в разное время были подарены 80 париков, а затем еще 120 париков (δωρεὰ παροίκων ὑποθήκοντα, ... δωρεὰς ἐκατὸν εἴκοσι παροίκων... κατὰ διχόβουρους χωρὸς δωρηθέντων τῇ ἐκκλησίᾳ).⁴⁶ Характерно, что эти дарения париков упоминаются рядом с дарениями так называемых агриодулов (δωρεὰ ἀγριούδων). Яркое выражение зависимости париков мы встречаем в известном хрисовулле трапезунтского императора Алексея Комнина монастырю Сумелы от 1364 г., которому парики передавались в „парикию и господство“ (εἰς παροίκιαν καὶ διακράτησιν).⁴⁷

Формы зависимости византийского крестьянства были весьма различны, и это различие сохранилось и в поздне-византийское время, несмотря на то, что основной линией в развитии этой зависимости продолжало оставаться дальнейшее закрепощение крестьянства. Посмотрим, какие категории византийского крестьянства можно отметить в позднее время.

Прежде всего даже беглое рассмотрение подлежащих исследованию документов позволяет прийти к выводу, что парики и προσκαθήμενοι — две различные категории византийского зависимого крестьянства. Προσκαθήμενοι или παρακαθήμενοι — это обычное название для крестьян, которые уже входят в сферу влияния крупного землевладельца или монастыря, уже подлежат определенному обложению, но еще не получили определенных земельных участков. Может быть, положение этой категории крестьянства лучше всего охарактеризовано в перечне 1263 г., составленном ἀπορχρεὺς острова Родоса и Цикладских островов Львом Эскамматисменом. В этом документе отчетливо видно противопоставление париков и προσκαθήμενοι. В нем говорится о παροίκους, с одной стороны, и ὑποτελετὰς τοὺς ἐν τοῦτοις προσκαθήμενοὺς κτήμασι, с другой стороны, т. е. о крестьянах, подлежащих уже обложению (ὑποτελετὰί) и расселенных во владениях монастыря, но еще не имеющих отведенных им наделов.

В актах позднего времени встречается категория крестьянства, обозначаемая термином ἐλεύθεροι. В ряде случаев монастыри, а также и светские землевладельцы получали право поселять на своих владениях свободных людей, которые иногда фигурируют как τῶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί, т. е. не записанные в государственные кадастры. Эта категория состояла из крестьян, которые не имели земельных участков и орудий производства и были вследствие этого свободны от государственных налогов и повинностей. Не будучи связаны с земельными участками, полученными ими от определенных феодальных владений, они имели возможность свободно передвигаться из одного владения в другое. Поселяясь на землях светских владельцев или монастырей, они продолжали пользоваться освобождением от налогов и повинностей до первого

⁴⁵ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 173.

⁴⁶ Ibid., p. 15.

⁴⁷ Ibid., p. 278.

составления нового кадастра, когда они переводились на обычное состояние париков. Таким образом, *ἐλευθεροί* были переходным состоянием незначительной прослойки свободного крестьянства, еще уцелевшего в поздне-византийское время. Этого слоя становилось все меньше по мере развития процесса закрепощения византийского крестьянства и, чем ближе мы подходим к позднему периоду истории Византии, тем реже встречается упоминание этой категории в актах, относящихся к крестьянскому землевладению.

Монастыри и светские владельцы были заинтересованы в получении права селить τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί, и в тех случаях, когда они добивались иммунитетных грамот, они требовали права распространить налоговые и другие льготы на будущих своих поселенцев. Такое право зафиксировано, например, в хрисовулле сербского царя Симеона (1365—1371) монастырю св. Георгия в Завлантии от 1366 г. Перечисляя права, предоставляемые им монастырям, Симеон отмечает право обращаться к царю, если они пожелают поселить в своих владениях неимущих людей, и обещает выдавать в этих случаях грамоты (καὶ οὐς μέλλουσι πτωχοὺς προσκαθίσαι, ἀνέφερον δὲ καὶ παρεκλήτευσαν τῇ βασιλείᾳ μου, ἵνα πορίσωνται χρυσόβουλλον δι' ὀρκωμοτικῆς ταύτης).⁴⁸ Термин *ἀνθρώποι ἐλευθεροί* встречается также в уже рассмотренном нами хрисовулле Душана Меникейскому монастырю от 1345 г.⁴⁹ По этому документу монастырю разрешалось селить на указанных в акте владениях монастыря и во всех остальных местах (ἵνα ὅσους ἀνθρώπους ἐλευθέρους προσκαθίσωσιν εἰς τὴν εἰρημένην γῆν καὶ ἀλλαχού).⁵⁰ Сущность категории τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί, *ἐλευθεροί* отчетливо формулирована также в хрисовулле Стефана Душана Иверскому монастырю от 1346 г. Они обозначаются, как не записанные в кадастры во владениях монастыря (εἴπερ δὲ ἕτεροι τινες μὴ ἐν πρακτικαῖς καταγεγραμμένοι προσκαθίσουσιν εἰς τινὰ τῶν τοιούτων κτημάτων καὶ μετοχίων). В другом хрисовулле эта формулировка становится еще яснее, так как она поясняет рядом стоящий термин *ἐλευθεροί*. Такое сочетание мы находим в хрисовулле Душана афонскому монастырю св. Филофея от 1346 г. (*ἐλευθεροί καὶ μὴ ἐν πρακτικαῖς καταγεγραμμένοι*),⁵¹ в его хрисовулле монастырю Эсфигмена⁵² сочетание *ἐλευθεροί καὶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί*,⁵³ *εὐρισκόμενον παροίκων καὶ ἐλευθέρων* в хрисовулле Душана монастырю Дохиара,⁵⁴ *πτωχοί, ξένοι καὶ ἐλευθεροί* во фрагменте практика Менокейского монастыря 1345 г.⁵⁵

В некоторых актах поздне-византийского времени мы находим отчетливое противопоставление терминов *παροίκοι* и *ἐλευθεροί*, например, в аргировулле деспота Пелопоннеса Феодора II Палеолога (1407—1443), по которому определялись права и привилегии граждан Монеивасии. Здесь, в разделе, в котором определялись привилегии, мы находим предоставление права выходить и входить во владения Монеивасии, будь то парики, либо свободные (εἴτε παροίκοι, εἴτε ἐλευθεροί). Из этого противопоставления мы можем определенно сделать вывод, сколь отчет-

⁴⁸ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке погелъе српских владара. Београд, 1936, стр. 254.

⁴⁹ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 122; А. Соловьев и В. Мошин. Грчке погелъе српских владара. Београд, 1936, стр. 4.

⁵⁰ А. Соловьев и В. Мошин. Назв. соч., стр. 50.

⁵¹ Там же, стр. 60.

⁵² Там же, стр. 100.

⁵³ Там же, стр. 114.

⁵⁴ Там же, стр. 170.

⁵⁵ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 125; А. Соловьев и В. Мошин. Назв. соч., стр. 328.

ливо в языке византийских грамот позднего времени было различным понятие париков в отличие от свободных, еще не прикрепленных к земле и, следовательно, еще не приписанных к налоговому тяглу.

Для того чтобы вписать *ξένους καὶ ἀνεπίγνωστους* в монастырские кадастры и перевести их, таким образом, на положение зависимых от монастыря париков, требовалось особое разрешение императора либо чиновника, сделанное по повелению императора. Об этом свидетельствует, например, одна недатированная простагма, относящаяся, очевидно, к середине XIII в.,⁵⁶ по которой разрешалось ввести *προσκλήθισαι ξένους καὶ τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστους* во владения с. Вари и Паспара монастыря Лемвиотиссы, вписав их в списки лиц, подлежащих обложению, и предоставив им налоговые льготы наравне с остальными париками монастыря.⁵⁷

В 1235 г. стратопедарх Фока, по поручению императора, произвел перепись зависимых крестьян монастыря Лемвиотиссы. В переписи были обозначены и „пришлые“ люди, *δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί*, поселенные здесь по указу, о котором только что была речь. Эти люди получили здесь землю или расчистили участки, подняв новь. Всего таких „пришлых“ в переписи было зафиксировано 7 дворов, причем, как и в отношении париков, здесь поименно перечислялись все члены семьи новых поселенцев.

Нам необходимо еще рассмотреть категорию зависимых людей, которые часто встречаются в наших источниках, под названием *δουλοπαροίκοι* или *παροίκοι δουλευταί*. Г. А. Острогорский считал, что под этим названием фигурировали „сельскохозяйственные рабочие“, т. е. мистии (о которых мы скажем ниже), не имевшие своих наделов и занявшие место рабов, труд которых применялся в византийских поместьях в раннее средневековье.⁵⁸ Мнение Острогорского ошибочно: эта категория не имеет ничего общего с *μισθιοί*, наемными работниками.

Термин *δουλοπαροίκοι, παροίκοι δουλευταί, δουλευταί* мы встречаем и в более раннее время, как, например, в хрисовулле Константина X от 1060 г., в котором он подтверждает привилегии, пожалованные монастырю св. Андрея возле Фессалоники Константином VII Багрянородным (912—959), по которым предоставлялись частичные освобождения от налогов ста *παροίκοι* и *δουλοπαροίκοι* и Константином IX Мономахом (1042—1054).⁵⁹ В этом документе *παροίκοι* противопоставляются *δουλοπαροίκοι*, из чего можно вывести заключение, что последние представляли собой иную категорию зависимых людей. Подобное же противопоставление *παροίκοι* и *δουλοπαροίκοι* мы встречаем в хрисовулле Никифора III Вотаниата от 1079 г. монастырю τῶν Μελαγῶν, по которому этому монастырю передавались сто париков и дулопариков, освобождавшихся от налогов. В документе имеется особая оговорка, разрешающая монастырю увеличение числа зависимых людей. Увеличение это разрешалось только за счет детей и родственников дулопариков (οὐκ ἄλλοθεν ἀναπληροῦσθαι ὀφείλοντα τοῖς μοναχοῖς ἀλλ' ἢ τῶν παίδων καὶ ἐγγόνων τῶν προσκεκληρωμένων τῇ μονῇ δουλοπαροίκων).⁶⁰ Термин *δουλευταί* мы

⁵⁶ Б. А. Панченко относил этот указ к 1227 г. См. его работу — Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. 94.

⁵⁷ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 248—249.

⁵⁸ G. Ostrogorsky. Agrarian Conditions of the Byzantine Empire. — The Cambridge Economic History of Europe, ed. by T. H. Clapham and Eileen Power, vol. I. Cambridge, 1942, pp. 219—220.

⁵⁹ Actes de Lavra, ed. G. Rouillard et P. Collomp, t. I, № 28. Paris 1937, pp. 73—75; G. Rouillard. Note de diplomatique byzantine. — Byzantion, VIII (1933), p. 119.

⁶⁰ G. Rouillard. Note de diplomatique byzantine. — Byzantion, VIII (1933), pp. 83—85.

встречаем в *πρόσταξίς* Алексея I Комнина.⁶¹ По просьбе монахов этого же монастыря император предписывает сборщикам фемы заставить куманов Моглены, которые располагаются со своими стадами на пастбище *Πουζούβια*, принадлежащем Лавре, платить монастырю десятину и прекратить их неправильные действия по отношению к другим пастухам, валахам и болгарам, которых они освобождали от обязательств по отношению к монастырю. В документе содержится специальное указание, что *δουλοπάροικοι*, неправильно приписанные к монастырю св. Иоанна Продрома, будут переданы монастырю посредством особого *πράκτικον* с мельницей и изъяты от всех повинностей по отношению к фиску.⁶² В этом же документе параллельно с термином *δουλοπάροικοι* в отношении тех же зависимых людей применяется термин *δουλευταί*,⁶³ что ясно указывает на их полную идентичность. Здесь встречается еще термин *παροίκους δουλευτάς*.⁶⁴ Издатели этих актов высказали предположение, что этот термин обозначает людей, прикрепленных к земле. Однако такое объяснение не вносит ничего нового в характеристику этой категории, так как парики и без того были зависимыми крестьянами, прикрепленными к земле светского владельца или монастыря.

Акты поздне-византийского времени позволяют нам более точно определить сущность этой категории зависимых людей. В хрисовулле 1228 г. эпископский деспот Феодор Ангел подтверждал митрополиту Георгию Варбану привилегии Керкирской церкви.⁶⁵ Здесь также мы видим явное противопоставление интересующей нас категории парикам (*οὔτε παροίκων... οὔτε δουλευτῶν*).⁶⁶ Еще более явно различается это противопоставление в дальнейшем тексте документа, где говорится об определенном количестве жилищ париков и „так называемых *δουλευτῶν*“ (*εἶκοσι ὡς εἶναι ὁμοῦ ὅλας παροικίας οἰκίας καὶ τῶν λεγομένων δουλευτῶν οἰκίας τεσσαράκοντα τεσσάρων*).⁶⁷

В 1259 г. Михаил VIII Палеолог пожаловал хрисовуллу монастырю св. Марии *Νέα Μονή* на о. Хиосе, в котором подтверждались права монастыря на все его владения, которые подробно перечислялись в этом документе. В акте особо оговариваются два принадлежащие монастырю дулопарика, причем приводятся их имена, что является единственным известным нам примером (*οἱ δύο δουλοπαροικοὶ οἱ ἐν τῷ Ἐπιτορίῳ προσκαθήμενοι, ὁ τε Νικόλαος ὁ Εὐρυπιώτης καὶ Γεώργιος ὁ Κάμαρος*).⁶⁸ Новый свет на характеристику этой категории зависимых людей проливает упоминание о четырех дулопариках, приобретенных монастырем у некоего Кодрата и размещенных на садовом участке в Платонии (*κῆπος ὁ λεγόμενος Πλατόνιον... μετὰ... τῶν ἀπὸ τοῦ Κοδράτου ἐξωνηθέντων παρὰ τῆς μονῆς καὶ τῶν ἐκεῖσε προσκαθήμενων δουλοπαροίκων τεσσάρων*). Тут же упоминается, что монастырь владеет этими дулопариками на основании *πράκτικον* (*οὗς ἔχει καὶ διὰ πρᾶκτικοῦ ἢ μονῆς*).⁶⁹ Это место в данном документе показывает, что и в поздне-византийское время еще оставались остатки рабского труда, еще существовала торговля рабами, хотя примеры подобного рода и единичны. То, что эта категория резко отли-

чалась от париков, видно из того, что в этом же документе, в том месте, где говорится о привилегиях париков в отношении освобождения от налогов, эти *δουλοπαροικοὶ* вовсе не упоминаются. Это говорит лишь о том, что они были полной собственностью их владельца, в данном случае монастыря, и не могли выступать перед государством в качестве юридического лица даже в качестве налогоплательщиков.

Следует, наконец, отметить интересное сравнение, приводимое в переписи париков Патмосского монастыря, произведенной *ἀπογραφῆς* Львом Эскатисменом в 1263 г. Говоря о находящихся во владениях монастыря *δουλευταί*, он поясняет, что они, как известно, называются париками (*...δουλευτῶν, οὗς παροίκους οἰδαμεν ὀνομάζεσθαι*).⁷⁰ Это наиболее яркий пример, когда *δουλευταί* так явно сближаются с *παροικοὶ*. Впрочем, это, конечно, говорит не об идентичности этих категорий, а лишь о представлении об усиливавшемся закрепощении париков в поздне-византийское время.

Прежде чем перейти к категории производителей, стоящей вне пределов зависимого крестьянства, вернемся еще раз к дополнительной характеристике положения париков. Г. А. Острогорский утверждал, что земли зависимых париков были наиболее производительными из всех земельных владений. Это утверждение явно ошибочно. Особенно сильно ошибается Острогорский, когда заявляет, что между свободными крестьянами и париками не было „экономической или социальной пропасти, что экономически сравнение было не в пользу свободного крестьянства“.⁷¹ Положение свободных крестьян в поздней Византии, бесспорно, не было легким. Свободное крестьянство было обременено государственными налогами и многочисленными повинностями; ему постоянно угрожали захваты его надельных крупными феодалами. Но у свободного крестьянства оставалось в руках мощное орудие борьбы против крупного землевладения в лице крестьянской общины. Уже тот факт, что община, несмотря на все удары, которые она претерпела на протяжении ряда веков, уцелела и в поздне-византийское время, свидетельствует о том, какое большое значение она имела в жизни византийского свободного крестьянства. Византийское крестьянство не уступало без борьбы своих позиций; эта борьба в поздне-византийское время ширилась и углублялась и помогала ему сохранять свои условия существования, несомненно, лучшие, чем у зависимых париков. Да и совершенно необъяснимым было бы то энергичное сопротивление, которое оказывали свободные крестьяне закрепощению зависимых париков крупными феодалами, если бы положение их было лучше положения свободных крестьян. Для русских византистов, много работавших над изучением истории византийского крестьянства, было бесспорно, что положение париков было несравненно тяжелее положения свободных крестьян, организованных в общину, которая показала свою живучесть и устойчивость. И совершенно естественным в работе одного из учеников Ф. И. Успенского, начавшего исследовательскую работу еще в дореволюционное время и продолжавшего свою научную деятельность в области византиноведения в советское время, было высказанное им утверждение, основанное на всей предшествующей работе русских византистов, о том, что более тяжелым (чем у свободных крестьян-общинников) было экономическое положение париков, не имевших своих земельных участков

⁶¹ G. Rouillard, op. cit., pp. 124—127.

⁶² G. Rouillard. La dime des bergers valaques sous Alexis Comnène. — Mélanges Iorga, 1933, pp. 779—786.

⁶³ Actes de Lavra. Ed. par G. Rouillard et P. Collomp, t. I, Paris, 1937, p. 126.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Miklosich-Müller. Acta, V, pp. 14—15.

⁶⁶ Ibid., p. 14.

⁶⁷ Ibid., p. 15.

⁶⁸ Ibid., p. 11.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Miklosich-Müller, Acta, VI, p. 214.

⁷¹ G. Ostrogorsky. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire. — Cambridge. Economic History, vol. I. Cambridge, 1942, p. 218 ff.

и находившихся в зависимости от крупных землевладельцев-феодалов.⁷²

Не менее тяжелым, чем на землях светских византийских феодалов, было положение зависимого крестьянства во владениях монастырей. Монастырские парики несли двойное бремя податей и повинностей: с одной стороны, своему владельцу-монастырю, с другой стороны — государству. Парики, жившие на монастырских землях, не имели права ни отчуждать свои участки, ни уходить с тех участков, к которым были прикреплены. Добиваясь прав экскусии, церкви и монастыри получали освобождение от налогов и повинностей также и прикрепленных к монастырю париков. Но положение париков от этого несколько не облегчалось, так как монастыри собирали в свою пользу подати с зависимых крестьян и заставляли их выполнять многочисленные повинности, аналогичные тем, которые несли парики на землях светских феодалов.

Для характеристики положения крестьянства на монастырских землях много ценных материалов дает работа М. Ласкариса.⁷³ Опубликованная им грамота показывает, что к середине XIV в. Ватопедский монастырь собрал громадные владения, главным образом за счет разорявшегося мелкого крестьянства. Мелкие крестьяне, жившие по соседству с монастырем, не могли устоять в борьбе с монастырем, который поглощал их участки, а их бывших хозяев превращал в зависимых париков.

Как и на землях светских феодалов, парики монастырей зачастую не выносили гнета эксплуатации и поднимали восстания против своих владельцев. От 1336 г. сохранился указ Андроника III, предписывающий принять меры к тому, чтобы парики монастыря Лемвиотиссы прекратили сопротивление, платили бы налоги и выполняли все установленные повинности (*τοὺς παροίκους ἐπὶ τῷ κατέχειν αὐτοὺς καὶ λαμβάνειν ἐξ αὐτῶν τοὺς ἐν αὐτῇ μοναχοῦς τὸ ῥηθὲν τέλος καὶ τὰ ἀπὸ τούτων ἀνήκοντα αὐτοῖς λοιπὰ παροικιακά δίκαια*).⁷⁴

В свое время Н. Скабаланович, рассматривая известный хрисовулл 1244 г., по которому предписывалось разыскать и вернуть всех париков, ушедших из монастыря Лемвиотиссы, на прежние места их поселения,⁷⁵ указывал, что этот хрисовулл „признается частною мерой, имевшею временное значение“. Тут же он писал, что за париками оставалось право перехода из одного владения в другое „по крайней мере до XIII в.“ и что только в этом веке можно наблюдать стремление ограничить передвижение крестьян, которое, однако, не привело к созданию законодательного акта, запретившего крестьянские переходы.⁷⁶ Ни одно из этих утверждений не может быть нами принято. В XI и первой половине XII в. прония получает настолько широкое распространение, что становится преобладающей формой крупного феодального землевладения. Уже в это время прониары превращаются в хозяев крестьян, живущих в их владениях. Рост церковно-монастырского землевладения в это же время поглощает массы свободного крестьянства, превращающегося на землях монастырей в зависимых париков. К началу XIII в. вместе с окончательным оформлением фео-

⁷² И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931, стр. 711.

⁷³ М. Ласкарис. Ватопедская грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930.

⁷⁴ Miklosich-Müller, Acta, VI, p. 255.

⁷⁵ Ibid., IV, pp. 261—262.

⁷⁶ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 267.

дальных отношений процесс закрепощения основной массы византийского крестьянства также следует считать вполне завершенным. Верно то, что, в отличие от ряда стран Западной Европы и, в более позднее время, Восточной Европы, мы не видим в Византии общегосударственного акта, которым оформлялось бы крепостное право, т. е. запрещались бы свободные переходы крестьян из одного владения в другое. Но абсолютно неверно то, что документ 1244 г. является единичным, и тем более то, что он имел характер „временной“ меры. Прежде всего мы уже отмечали, что это — не первый документ, из которого можно установить запрещение перехода париков и право владельца на розыск париков, ушедших со своих участков. В этих случаях византийское правительство в эпоху Палеологов неоднократно предоставляет в распоряжение крупных землевладельцев и монастырей всю государственную машину для розыска бежавших париков и водворения их на прежние места. Такие же документы мы отмечали и для XII в., а в XIII в. они стали обычным явлением, и все хрисовуллы о пожалованиях земель или грамоты, подтверждавшие прежние пожалования, неизменно говорят о неограниченном праве владельца не только на его земли, но и на прикрепленных к ним париков. Мы не знаем, существовал ли в Византии общегосударственный акт, запрещавший в общем порядке крестьянские переходы. Судя по тому, что ни в одном документе рассматриваемого нами времени о подобном акте нет упоминания, его, очевидно, в Византии не было. Но это несколько не меняет положения, и в поздне-византийское время основная масса византийского крестьянства была полностью зависимой от крупного светского и церковно-монастырского землевладения. И лишь небольшим остаткам свободного крестьянства до конца византийской истории удалось избавиться от участи зависимых париков и в таком положении перейти в эпоху турецкого господства. Именно такую картину вполне отчетливо рисуют нам для позднего времени все имеющиеся в нашем распоряжении документы, относящиеся к крестьянскому землевладению.

Много интересного материала в изучение положения зависимых париков внес опубликованный Л. Пти хрисовулл монастырю богородицы милостивой, данный ему Алексеем Комнином.⁷⁷ Этот документ был оценен французским ученым Platon в его исследовании о *протимиях*.⁷⁸ Он обратил внимание на содержащуюся в документе весьма интересную формулировку: *αὐθῶσι τοῖς μοναχοῖς καὶ παροίκων ἐξκουσσεῖαν ἐλευθερῶν καὶ ἀτελῶν μητὲρ στάσεις ἰδίας ἐχόντων μητὲρ δημοτελέσι προυποκαμμένων δώδεκα; ὡς ἔν ἐργάζονται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν... καὶ δουλεύωσι τοῖς μοναχοῖς, μηδένα ἕτερον δεσπότην ἐπιγινώσκοντες, ἀλλὰ παντός τέλους καὶ πάσης ζημίας ἔτιδε καὶ ἀρχαρείας καὶ ἐπιρῆας ἀπηλλαγμένον.*

Этот отрывок документа дает больше, чем многие другие грамоты, как современные ему, так и более позднего времени. Мы здесь встречаем совершенно отчетливое определение монастыря, как единственного владельца (*δεσπότην*) зависимых от него париков. Выражения здесь такие ясные, что не оставляют никаких сомнений в характере взаимоотношений между монастырем и его париками. Последние должны работать на монастырь (*ἐργάζονται τὴν προδωρηθεῖσαν τῇ μονῇ γῆν*), находиться в полном подчинении у монахов (*δουλεύωσι τοῖς μοναχοῖς*), не зная никакого другого господина (*μηδένα ἕτερον δεσπότην ἐπιγινώσκοντες*).

⁷⁷ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. Изв. Русск. Арх. Ин-та в Константинополе. VI (1900), стр. 1—46.

⁷⁸ M. G. Platon. Observations sur le droit de *протимиях* en droit byzantin. Paris, 1906, pp. 52—54.

Положение париков станет еще более ясным, если мы обратим внимание на формулировку *μήτε γῆν ἴδιαν ἔχοντες*, встречаемую во многих документах, как, например, в хрисовулле Алексея I Комнина Патмосскому монастырю от 1099,⁷⁹ Мануила I Комнина от 1145 г.⁸⁰ Платон объяснял эти термины тем, что император не жаловал монастырю иммунитета, освобождения от налогов и повинностей, которые должны были нести жители соседних деревень, или даже той же деревни, которые, имея вместо своей усадьбы недвижимые имущества, расположенные на других местах, независимые от монастыря, являлись на его земли. Документ, по мнению Платона, устанавливал общий порядок, по которому крестьяне этой категории, имевшие местожительство вне владений монастыря, не должны пользоваться правами экскуссии, предоставленной монастырю, и последний обязан был платить за таких крестьян установленные налоги.⁸¹ Такое объяснение этой формулировки не может нас удовлетворить. Термин *μή γῆν ἴδιαν ἔχοντες* является дальнейшим развитием тех черт, которые обозначаются словами *ἐργάζονται τὴν γῆν, δουλεύουσι τοῖς μοναχοῖς* и подчеркивают, что поселяемые на монастырских владениях крестьяне поступают в полную зависимость от монастыря и не имеют своей собственности, пользуясь предоставляемыми им участками на началах паричского держания, которое в любое время может быть отобрано монастырем и передано другому лицу.

Платон высказывал предположение, что вообще было запрещено расселение на землях монастыря париков, имевших местожительство где-нибудь в другом месте. Такой вывод он делает на основе термина *ἀδωρητοῦ*, встречающегося в указанной грамоте Мануила I Комнина (*παροίκων... οφειλόντων προσκαθίσαι ἐπὶ τοῖς διαφόροις ταύτης κτημασι...*, *ἐλευθέρων μέντοι καὶ ἀδωρητῶν καὶ μηδενὶ δημοσιακῶ ὑποκειμένων λειτουργήματι, μήτε πρακτικῶς τε τοῦ δημοσίου ἀναγεγραμμένων, μήτε γῆν δημοσιακὴν κατέχοντων*).⁸² Такой вывод лишен всякого основания. Мы знаем, наоборот, что ряды париков как раз наиболее широко пополнялись за счет пришлых элементов, не записанных ни в какие кадастры, не имевших никаких земельных участков и не выполнявших никаких государственных повинностей (*μηδενὶ δημοσιακῶ ὑποκειμένων λειτουργήματι*). Подобного запрещения и быть не могло, ибо в этом случае монастыри и светские землевладельцы не имели бы возможности расширять число зависимых от них париков, в чем они были крайне заинтересованы. Если бы даже такое запрещение и имело когда-нибудь место, то крупные землевладельцы, светские и духовные, добились бы его отмены в поздневизантийское время, когда они обладали большой экономической мощью. Наоборот, в хрисовулле Исаака Ангела мы видим разрешение поселить во владениях монастыря шесть париков, которые должны были работать на монастырь, бывший, по выражению хрисовуллы, полным хозяином поселяемых париков (*παροίκων ἐξ προσκαθίσαι οφειλόντων... καὶ ἐργάζεσθαι δεσποτικῶς διαφόρουσαν γῆν τῇ παρ' αὐτοῦ ἀναγεγραμμένη μονῆ*).⁸³ Примеров подобных разрешений в документах позднего времени встречается очень много. Все они свидетельствуют о том, что никакого ограничения в расселении новых париков законодательство поздней Византии не знает, в том числе и относительно тех, которые ранее имели местожительство в другом месте.

⁷⁹ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 95.

⁸⁰ Ibid. pp. 104—105.

⁸¹ M. G. Platon. Op. cit., p. 91.

⁸² Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 105.

⁸³ Ibid., p. 121.

В византийских грамотах встречается еще категория зависимых париков *ἄκτιμονες*, положение которых определяется словами *μή ἔχοντας ἴδιαν ὑποστάσεις* или *οικείας ὑποστάσεις*, т. е. не имевших ни своих земельных наделов, ни рабочего скота, ни сельскохозяйственного инвентаря. В позднее время эта категория париков пополнялась, главным образом, за счет обезземеленных крестьян, лишившихся своих участков вследствие захвата их крупными землевладельцами или монастырями и покинувших свои прежние местожительства, чтобы в другом месте (*ἄλλαχοῦ*) найти средства к существованию. Как показал в своем исследовании Ф. И. Успенский, наиболее выразительный документ, где *ἄκτιμονες* не только упоминается, но где дается их определение, как особой категории населения, — это окладной лист города Лампсака.⁸⁴ Поселяясь на новых местах, эти *ἄκτιμονες* не сразу превращались в зависимых крестьян, несущих повинности, а некоторое время пользовались налоговыми льготами и освобождением от натуральных повинностей. Эта категория служила источником, за счет которого удовлетворялась потребность в рабочих руках во владениях светских владельцев и монастырей.⁸⁵ Мы имеем показания о том, что монастыри стремились получить от правительства права принимать в свои владения *προσκαθημένους ἀνυποστάτους παρούς καὶ ἄκτιμονας*.⁸⁶ Монастыри, поселяя *ἄκτιμονες* на своих землях, наделяли их инвентарем и, постепенно ликвидируя все их временные льготы и привилегии, переводили их на обычное положение париков. Подобное же явление происходило и на землях светских феодалов. Актимоны обрабатывали землю волами владельца, в противоположность тому разряду париков, которые имели своих волов и назывались зевгаратными или воидатными. Актимоны сохраняли свое право перехода во владения других феодалов до того момента, пока не переводились на положение крепостных париков.

Еще в хрисовулле Алексея I Комнина, при передаче Лавре проастия Варзахания, было предложено произвести опись с целью установить, какое количество париков в этом владении принадлежало к категории зевгаратных, воидатных или актимонов (*εἴτε ζευγαράτοι εἴτε βοιδάτοι εἴτε ἄκτιμονες*).⁸⁷

Категория актимонов прослеживается во всех почти описях монастырских владений. Экономическое положение актимонов характеризуется в этих описях уже тем, что они стоят на низшей ступени в шкале налогового обложения. Так, например, в описи Патмосского монастыря, при средней норме обложения зевгаратных париков в $3\frac{1}{2}$ —4 номисмы, актимоны должны были уплачивать всего $\frac{1}{2}$ номисмы налогов.⁸⁸ На категорию *ἄκτιμονες* указывал и Феррари в комментариях к изданным им образцам составления византийских грамот. По его мнению, *ἄκτιμων* является обыкновенно в грамотах синонимом *ἐνχρίγραφος* (*adscripticius*, т. е. колона, лишенного своего имущества и привязанного к земле) в противоположность свободному колону.⁸⁹ Само собой разумеется, это сравнение с колонами, как с категорией зависимых людей, давно уже исчезнувшей, лишено основания.

⁸⁴ Tafel u. Thomas. Urkunden, II, Wien, 1856, p. 203.

⁸⁵ Ф. И. Успенский. Акт отвода земли монастырю Богородицы милостивой. Изв. Русск. Арх. Ин-та в Константинополе, I (1896), стр. 5—6.

⁸⁶ K. H. Sathas. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, I (1872), pp. 312—313.

⁸⁷ G. Rouillard et P. Collo mp. Actes de Lavra, I, Paris, 1937, p. 139.

⁸⁸ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 7.

⁸⁹ G. Ferrari. Formulari Notarili inediti dell'età byzantina. Estratto dal Bulletino dell' istituto Storico Italiano, n. 33. Roma, 1912, p. 82.

Ошибкой Феррари является также и то, что он ставит знак равенства между *κτήματα* и *ἄποροι*; последние были особой категорией зависимых париков, с чертами, отличающими их от актимонов.

Как и актимоны, апоры (*ἄποροι*) были категорией неимущего, обезземеленного крестьянства. Термин „апоры“ регистрируется в Византии в очень раннее время и фигурирует уже в „Земледельческом законе“. Это были бедняки, не имевшие средств для обработки своих участков и вынужденные отдавать их для обработки другим членам общины на условиях получения половины урожая, а иногда и уходить в другие места.⁹⁰

Мы имеем очень мало сведений о других категориях производителей. Однако нам известно, что во владениях светских землевладельцев и монастырей применялся труд наемных работников, *μισθιοι*. В поздне-византийское время наемные работники, занятые в сельском хозяйстве, не имели земельных наделов, жили в поместьях крупных землевладельцев и монастырей и выполняли все сельскохозяйственные работы, причем использовались они, главным образом, на домениальной земле поместья. Встречаются случаи, когда для этих *μισθιοι* имелись специальные помещения. Так, например, об одном таком помещении говорится в описании проастия Темения Патмосского монастыря Иоанна Богослова. Как говорится в этом описании, это было выстроенное из камня помещение, предназначенное для размещения мистиев (*λιθόκτιστον, χρηματικὸν εἰς καταμονὴν μισθίων*).⁹¹ Интересно, что еще Алексей I Комнин запретил Патмосскому монастырю поселить на его землях новых светских людей на парическом праве, но разрешал использовать наемных работников, однако только холостых, живущих без жен и не имеющих детей (*μὴ συχωροῦντες τισὶ τῶν λαϊκῶν λόγῳ παροιχίας ἐγκατοίκους ταύτη γίνεσθαι, ... μόνον γὰρ... ἐγκατοικήσουσιν οἱ μισθορνοῦντες τοῖς μοναχοῖς, καὶ οὗτοι ἄζυγες, καὶ μὴτε γυναῖκα συνοικοῦντες, μὴτε μὴν παῖδας ἔχοντες*).⁹²

Имеются некоторые документы, которые позволяют установить условия труда этих наемных работников. Так, например, типик Христо-дула Латрина для Патмосского монастыря Иоанна Богослова устанавливал, что свободные наемные работники работали в зданиях (очевидно, в качестве работников по уходу за монастырскими помещениями) и в мастерских монастыря (*ἐν ταῖς οἰκοδομίαις καὶ διηλεκτῶς ἐν ταῖς τῆς μονῆς ἐργαστηριαῖς δουλείαις*). Они должны были работать пять дней в неделю всюду, куда их назначат кафигумен или эконоом монастыря, и лишь в пятницу вечером могли отправляться домой (*προσεδρευέτωσαν... εἰς τὰς τῆς μονῆς δουλείας... ἐκάστης ἑβδομάδος ἡμέρας πέντε, κατὰ δὲ τὴν τῆς παρασκευῆς ἑσπέραν λαμβάνοντες εὐλογίαν ἀπέιπασαν ἐν ταῖς οἰκίαις αὐτῶν*).⁹³ В этом типике также повторяется, что на работу в монастыре принимаются лишь холостые наемные работники, без жен и детей. Здесь приводится правило, что если среди наемных работников (*τῶν λαϊκῶν*) кто-нибудь будет обнаружен с женой или вообще с какой-либо женщиной (*ἢ τινὶ ἄλλῳς γυναίκα*), то немедленно будет удален с острова, на котором расположен монастырь (*αὐτίκα τοῦτον καὶ τῆς νήσου παντελῶς ἐβάλλεσθαι*).⁹⁴

В 1263 г. *ἀπογραφεὺς* островов Родоса и Кикладских, уже упомянутый нами Лев Эскамматисмен произвел перепись зависимых людей

⁹⁰ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Виз. сб., М.—Л., 1945, стр. 123.

⁹¹ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 38.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid., pp. 67—68.

⁹⁴ Ibid., p. 68.

во владениях Патмосского монастыря Парфениона, Темении и на острове Косе. После поименного перечисления париков по каждому из этих владений в акте упоминаются также и принадлежащие монастырю мистии (*ἐν τοῖς τοιοῦτοις κτήμασι προσκαθημένων μονικῶν μισθίων*).⁹⁵

Мы ничего не знаем об условиях оплаты труда наемных работников. Имеются сведения лишь о том, что в отдельных случаях мистии, занятые в светских или монастырских владениях, получали за свой труд натуральную оплату. Так, в акте о дарении Патмосскому монастырю, совершенном неким Константином Пафнутием, упоминается об анноне мистия (*τῆς ἀννόνας τοῦ μισθίου*).⁹⁶ В составленном иеромонахом Нилом типике монастыря св. Марии на о. Кипре говорится, что в обязанности эконома входит заботиться о всех служащих монастыря и мистиях и выдавать каждому причитающееся ему вознаграждение натурой (*πάντας τοὺς διακονητάς καὶ μισθίους καὶ δίδοναι ἐκάστῳ τὸ ἀναλογοῦν σιτηρέσιον*).⁹⁷

Мы видим, таким образом, что поздне-византийское время знало целый ряд категорий зависимого крестьянства, целый ряд форм феодальной зависимости. Эти категории, сохранившиеся в позднее время, позволяют проследить эволюцию феодальной зависимости византийского крестьянства. Основной линией этой эволюции было закрепощение крестьянства, и в поздне-византийское время подавляющее большинство его находилось на положении париков. Основная масса византийских париков находилась на землях светских феодалов и монастырей. Сохранились еще, правда, владения, находившиеся в непосредственном распоряжении императорского фиска. Но эти владения уже давно составляли незначительную часть земельного фонда империи, а в позднее время они сохранились лишь в виде исключения и по своей территории не играли почти никакой роли в аграрных условиях Византийской империи. Кроме того, даже те небольшие владения, которые формально числились еще за императорским фиском, в большинстве случаев находились в аренде у соседних крупных землевладельцев. Формы этой аренды были таковы, что она превращалась почти в полную собственность арендаторов, и владение имениями, сданными в аренду императорским фиском, носило исключительно номинальный характер. Парики, жившие на этих землях, носили название „государственных“ (*δημοτάριοι πάροιχοι*).⁹⁸

Мы видели, что расширение феодальных владений на основе проники влекло поглощение участков мелкого крестьянства. Распадались, однако, не только мелкие крестьянские владения, но и владения мелкой землевладельческой феодальной знати. Г. А. Острогорский ошибочно объясняет это явление тем, что „более легкая жизнь в привилегированных крупных владениях влекла туда как сильно эксплуатируемых свободных крестьян, так и обремененных государственными налогами и повинностями париков из владений мелкой феодальной знати“.⁹⁹ Это же положение он повторяет в еще более категорической форме в статье для Кембриджской экономической истории Европы — „... является безосновательным фактом, что парики в крупных и более привилегированных владениях были в значительно лучшем положении, чем в мелких

⁹⁵ Ibid., p. 216.

⁹⁶ Ibid., p. 134.

⁹⁷ Ibid., V, p. 413.

⁹⁸ См., например, κρίσιμη γραφή ἀποκαταστατικῆς владения Сфурна: Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 38, 40.

⁹⁹ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Reiches. München, 1940, S. 344.

владениях, лишенных привилегий... парики более крупных владений, именших больше рабочих, могли обращать главное внимание на обработку собственных участков, как только их труд был менее необходим на земле владельца... Положение париков, чьи владельцы имели иммунитет, было, несомненно, более благоприятным, нежели свободных крестьян... Парики, которые натакивались на полную силу требований как частного землевладельца, так и государства, были в совершенно другом положении. Ясно, что они пытались переселиться в привилегированные поместья". Этим, по мнению Острогорского, объясняется, почему мелкие владения повсюду пришли к краху, и почему непривилегированные большие поместья росли медленнее, в то время как процветали лишь очень крупные поместья, снабженные правами иммунитета.¹⁰⁰ Нам уже приходилось указывать на ошибочность этой точки зрения. Мы отмечали, что все доступные нам показания источников противоречат утверждению о лучшем положении париков на землях землевладельцев, что это утверждение противоречит многочисленным сообщениям историков и показаниям актов, рисующих картину безудержной эксплуатации и налогового гнета, которым подвергались парики на землях крупных феодалов.¹⁰¹ И если, действительно, значительное число париков с государственных земель или с земель мелкой феодальной знати оказывались порою, как мы это видим в поздне-византийское время, во владениях крупных феодалов, то это происходило вовсе не потому, что они стремились туда, прельщаясь лучшими условиями существования. Расширение числа зависимых крестьян во владениях крупных византийских земельных магнатов являлось прямым следствием захватов ими земель мелкой знати и больших пожалований из государственного земельного фонда, которые приняли такие широкие размеры в эпоху Палеологов. Захваты владений мелкой знати, как мы это установили в приведенных нами примерах, участились в поздне-византийское время, превратились в обычное явление, характерное для эволюции поздне-византийского феодализма. Поскольку среди мелкой византийской знати было значительное количество командного состава армии, отдельные представители династии Палеологов пытались приостановить этот процесс. Однако все меры, принимавшиеся в защиту землевладения этой прослойки феодального класса, давали на практике не больше результатов, чем меры, которыми время от времени Палеологи пытались оградить интересы мелких крестьян-землевладельцев и особенно владельцев стратиотских участков.

Стратиотские владения подвергались в поздне-византийское время таким же сильным ударам со стороны крупного землевладения, как и участки свободных крестьян. П. Мутафчиев указывал, что стратиот был свободным человеком, что его звание было несовместимо с положением парика.¹⁰² Документы противоречат подобному утверждению. Сам же Мутафчиев упоминает об одной простагме Патмосского кодекса, в которой имеется распоряжение перевести несколько стратиотов острова Кос на положение париков.¹⁰³ В простагме поименно перечисляются стратиоты, переводимые на положение париков (*ἀπὸ στρατιωτικῶν τοὺς τοῦτους*).

¹⁰⁰ G. Ostrogorsky. *Agrarian Conditions in the Byzantine Empire*. Cambridge Economic History, vol. I, Cambridge, 1942, pp. 222—223.

¹⁰¹ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 141—142.

¹⁰² П. Мутафчиев в. Войнички земи и войници в Византия прѣвъ XIII—XIV вв. София, 1923, стр. 31.

¹⁰³ Miklosich-Müller. Acta, VI, p. 53.

Земельные участки стратиотов не находились в их неограниченном распоряжении. Наоборот, законодательство ставило всякие преграды отчуждению этих участков как в целом, так и по частям (*μερίδες*). Эти отчуждения, как и продажа, дарение воинских участков считались недействительными. Основные положения относительно неотчуждаемости воинских участков были установлены еще Константином VII Порфирородным (912—959) и дополнены Романом II (959—963) и Никифором II Фокой (963—969). Эти положения действовали и в поздне-византийское время. Законодательство, ограничивавшее отчуждение стратиотских участков, имело целью оградить эти владения от поглощения их крупным землевладением. Но в позднее время в задачи *ἀπογραφῆς* при переписи крупных владений и составлении *πρακτικῆς* входило проверить владетельские права и восстановить незаконно захваченные стратиотские участки. *Ἀπογραφῆς* получали указания пополнять воинские участки до установленного минимума. Как сообщает Кантакузин, они отнимали лишнюю землю „от тех, которые имели много, и передавали другим, которые имели мало“.¹⁰⁴

Но при Палеологах византийское правительство было не в состоянии приостановить процесс распада стратиотских участков и захвата их крупными землевладельцами. Отдельные императоры династии Палеологов делали попытки вести борьбу с подобными захватами, но эти попытки неизменно заканчивались провалом. Пахимер рисует яркую и отчетливую картину гибели системы стратиотских участков. Он говорит о частых их захватах (*ἐπειδὴ γὰρ οἱ μὲν πολλοὶ τῶν στρατιωτῶν κατὰ πολὺν χρόνον λαβόμενοι*), за счет которых сановники, бывшие одновременно крупными землевладельцами, увеличивали принадлежавшие им проиарные владения (*προσηύξον τὰς οἰκείας προνοίας*).¹⁰⁵ Пахимер глубоко понимает вред этого явления, говоря, что подобные захваты создавали трудности владельцам стратиотских участков, создавали препятствия для выполнения их воинских обязанностей (*τοῦ στρατεύεσθαι κώλυμα*) и причиняли большие бедствия как им, так и государству (*τὴν ἀμφοτέρωθεν τῷ κοινῷ ζημίαν*).¹⁰⁶ Иоанну Тарханиоту было поручено принять меры к исправлению ущерба, наносимого стратиотам знатью, но эти меры не имели никакого успеха. Таким образом, уже к концу XIII—началу XIV в. система стратиотских участков была почти полностью разрушена. Нужно учесть при этом, что полувековое господство латинян губительно отразилось на этой системе, и все стремления Палеологов восстановить ее разбивались в поздне-византийское время о сопротивление всемогущих крупных землевладельцев.

Мы уже проследили на изученном материале правовое положение париков, в позднее время находившихся в полной зависимости от светских феодалов и монастырей. Между крестьянством и монастырским землевладением велась постоянная борьба. Ее вели монахи крупных монастырей и парики соседних крупных землевладельцев, а также соседние свободные крестьяне. Постоянно возникали споры и недоразумения по поводу отдельных спорных смежных земельных участков. В простагме, направленной дуке Фракийской фемы Фоке Авториану (по всем признакам середины XIII в.),¹⁰⁷ имеются интересные сообщения о столкновениях между монахами монастыря Лемвиотиссы и париками

¹⁰⁴ Cantac., II, 62.

¹⁰⁵ Georgii Pachymeris. *De Andr. Pal.*, III, 25, ed. Bonn., p. 253.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 258.

¹⁰⁷ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 257—258.

соседнего феодала — паракимомена τῆς μεγάλης σφενδόνης Иоанна Дуки Нестонга, жившими в его владении Приновари. В документе сообщается, что парики Нестонга явились в хлев монастыря и требовали у находившегося там монаха сыру. Когда последний отказался дать им сыру, они нанесли ему такой удар палкой по голове, что он вскоре скончался (ἐκρούσαν αὐτῷ ῥάβδῳ κατὰ κεφαλῆς, καὶ παραυτίκα ἐτελεύτησε). В другой раз несколько париков Нестонга явились в принадлежавший монастырю виноградник, и когда в нем появился кафигумен с монахами, который обратился к парикам с требованием уйти из монастырского виноградника, они осыпали его насмешками (ἔδωκαν αὐτῷ μετὰ λαγυζονίου). Через некоторое время парики ранили иеромонаха Григория и эконома монастыря, затем увели ночью нескольких животных, принадлежавших монастырю. Причина этих столкновений между монахами и соседними париками не указана. Как видно из других документов, часть которых мы рассматривали, крестьяне, жившие по соседству с крупными монастырями, находились под постоянной угрозой захвата их участков, причем власти всегда в этих случаях становились на сторону монастырей. Так и здесь монахи добились специальной императорской простагмы, в которой предписывалось оградить монахов от всяких нападений со стороны париков. Следующий документ (στυρίωμα), составленный на основании этой простагмы хартофилаксом Смирнской митрополии Георгием Хрисовергом,¹⁰⁸ еще более подробно останавливается на столкновениях между монахами монастыря Лемвиотиссы и париками Нестонга. Для разбора дела, изложенного в отмеченной нами простагме, было созвано специальное совещание. Уже одно это может свидетельствовать о том, какое значение придавали гражданские и церковные власти выступлениям крестьян Приновари против монастыря. На совещании присутствовали видные чиновники, монахи монастыря, епископ, эконома, а со стороны паракимомена Нестонга (ἀπὸ τοῦ μέρους τοῦ παρακοιμημένου) — его священник, сборщик налогов и ряд других представителей аппарата управления владениями Нестонга. На собрании прежде всего была зачитана императорская простагма (πρῶτα μὲν ὑπαγεγνώσθη τὸ θεῖον καὶ βασιλικὸν πρόσταγμα). Выслушанные затем монахи не только подтвердили все факты нападений париков Нестонга на их владения, но добавили еще много других фактов крестьянских выступлений, причем даже называли имена участвовавших в них париков. Сообщалось о том, что крестьяне напали на склад монастыря и разграбили в нем зерно и оливковое масло. Когда укравшие эти продукты были обнаружены, крестьяне не только укрыли виновных, но и защищали их и с насмешками прогнали явившихся к ним монахов. В другой раз крестьяне подожгли виноградник монастыря и грозили мечами (μετὰ μαχαίρας) прогнать монахов, явившихся тушить пожар. Представители Нестонга отрицали обвинения монахов против его париков. Тем не менее, обвинения, изложенные в простагме, были подтверждены.

III. НАЛОГОВОЕ ОБЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Византийское крестьянство было обременено большим количеством натуральных повинностей, повинностей барщинного характера и тяжелым грузом налогового обложения. Последнее мы рассмотрим в этом разделе. Прониары к поздне-византийскому времени приобрели широкие права сбора налогов с зависимого от них крестьянства. Это в поздней

¹⁰⁸ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 258—260.

Византии было основным видом ренты, уплачиваемой париками своим феодалам. Размер этой ренты обычно обозначался в документах термином τέλος, ἐνοικιακὸν τέλος¹⁰⁹ или οικιακὸν τέλος.¹¹⁰ В грамотах об экскусии, в формуле πάντος τέλους καὶ βάρους мы видим противопоставление τέλος основной формы денежной ренты — βάρους, обозначающему совокупность феодальных повинностей, которые несли зависимые крестьяне. Тέλος в основном складывался из καπνικόν, σιταρχία, ζευγαράτιον.¹¹¹ Мы не будем здесь останавливаться на подробностях налогового обложения крестьянства, поскольку оно основательно изучено в специальной литературе. Мы рассмотрим здесь лишь общие условия этого обложения и, главным образом, покажем, как они отражались на византийском крестьянстве.

Огромное количество сохранившихся запродажных актов, по которым мелкие крестьяне-землевладельцы продавали свои участки соседним монастырям, как нельзя более ярко свидетельствует о том, что крестьяне разорялись под ударами крупного землевладения и вынуждены были продавать крупным землевладельцам и особенно монастырям свои земельные участки. Это отнюдь не является показателем особой „набожности“ византийского крестьянства, за счет которой многие буржуазные историки любили объяснять эти многочисленные передачи земель монастырям. Это явление может быть объяснено лишь исключительно тяжелым экономическим положением византийского крестьянства. Подобное объяснение представляется нам тем более убедительным, когда мы сравним количество этих актов в позднее время с более ранним периодом. Мы увидим, что количество это в позднее время возрастает, хотя актов XV в. до нас дошло сравнительно мало. И это ни в коем случае нельзя отнести за счет того, что от раннего времени могло дойти меньшее количество документов, так как для X—XII вв., с которыми, в данном случае можно делать сравнение, актов другого характера сохранилось большое количество.

Интересным документом, свидетельствующим о тяжести налогового обложения византийского крестьянства, является письмо жителей района Дидимотики о сборщике налогов Николае, адресованное правителю Фессалоникской фемы Апокавку, о котором в своем историческом произведении упоминает Иоанн Кантакузин.¹¹² В своем письме жители Дидимотики бичевали все пороки византийской налоговой системы. В письме рисуются нравы византийского финансового ведомства, где должности областных ἀπογραφῆς, налоговых сборщиков и других агентов фиска доставались путем происков, подкупов и взяток. „В результате подобной деятельности, — пишут жители Дидимотики, — ты наполнил государство ромеев человеческой кровью (ὡς αἱμάτων μὲν ἀνθρώπων ἐνεπλησας τὰς πόλεις πάσας Ῥωμαίων).¹¹³ Хотя ты и позаботился к уже существующим тюрьмам прибавить много большее количество новых, они всё же сделались тесны от обилия узников (δεσμοτήρια... ὑπὸ πλῆθος τῶν δεσμοτῶν στενωχωροῦνται). Каждый день творится разбой, грабежи и много другого ужаса, всюду слезы и стоны, и нет ни одного пощаженного (δακρυὰ πανταχοῦ καὶ κωκυτοὶ καὶ ὁ φειδόμενος οὐδὲ εἶς).¹¹⁴ Этот

¹⁰⁹ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 124.

¹¹⁰ Ibid., p. 125.

¹¹¹ А. Соловьев и В. Мошин. Грече повеле сръпских владара. Београд, 1936, стр. 497.

¹¹² Cantac., III, 46, ed. Bonn., pp. 278—281.

¹¹³ Ibid., p. 279.

¹¹⁴ Ibid., pp. 279—280.

документ, отрывок из которого мы привели, интересен тем, что показывает, до какой степени могли пойти тяжесть обложения и возмущение облагаемого населения, если жители Дидимотики, потеряв терпение, решились обратиться к самому правителю фемы с обвинениями, составленными в таких резких тонах.

Акты Зографского монастыря, исследованные П. Безобразовым,¹¹⁵ дают много интересного материала о положении монастырских париков, в частности о налоговом обложении. Среди этих актов имеются две писцовые книги, относящиеся, очевидно, к 1320 и 1333 гг. Они содержат поименное перечисление париков, подробную опись участков-наделов (*пароикиаί στράσις*) каждого парика и сумму подлежащей к уплате этими париками налогов. Как видно из этой описи, при исчислении налогов учитывались самые разнообразные моменты, как это видно из составленной нами таблицы, в основу которой положены данные из этих описей.

Число членов семьи	Волов	Лошадей	Ослов	Площадь виноградника (в модиях)	Площадь земли (в модиях)	Подать (в иперерах)
1	—	—	—	4	100	3
4	2	3	1	4	13	2 ² / ₃
1	2	1	1	3	25	2 ¹ / ₂
6	2	1	1	5	6	2 ¹ / ₂
5	2	1	1	7	—	2 ¹ / ₂
2	—	—	—	2,5	—	2 ¹ / ₂
5	—	—	—	2	100	2 ¹ / ₂
4	—	1	—	4	—	2
2	1	—	—	6	50	1 ¹ / ₂
4	—	—	—	0,5	1	1
5	—	1	1	2	—	1
1	—	—	—	1 ¹ / ₂ + сад	6	1
4	1	—	1	—	—	1
3	—	1	—	1 ¹ / ₃	—	2 ¹ / ₃
3	—	—	—	1 ¹ / ₂	—	2 ¹ / ₃
2	—	—	—	—	8	1 ¹ / ₃
3	—	—	—	2	—	1 ¹ / ₃
3	—	—	—	—	—	1 ¹ / ₃
4	—	—	1	—	—	1 ¹ / ₃
5	—	—	1	—	—	1 ¹ / ₃
2	—	1	—	—	—	1 ¹ / ₆

Мы хотим показать только еще одну таблицу. В 1323 г. императорский чиновник, подписи которого не сохранилось на документе, передает иеромонаху Камнину треть владения в Мамицео,¹¹⁶ причем передается также и треть доходов с этого владения (*κατὰ παράδοξα, ἅπο τῆς εὐρεθείσης ὅλης ποσότητος τοῦ εἰρημένου ὅλου χωρίου τὴν τρίτην μερίδα*).¹¹⁷ Здесь совершенно недвусмысленно подчеркивается, что предоставление права на получение налогов с земли является прямым следствием

¹¹⁵ П. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. Виз. Врем. XVII (1910), СПб., 1911, стр. 403—414. Расхождение в годах объясняется тем, что том фактически вышел в 1911 г.

¹¹⁶ L. Petit et B. Korabiev. Actes de l'Athos V; Actes de Chilandar. Виз. Врем. XVII (1911), приложение, стр. 194—198.

¹¹⁷ Ibid. p. 194.

пожалования владения. В документе поименно перечисляются парики этого владения и приводится перечень их имущества и причитающихся с них налогов, которые мы сводим в таблицу.

Число членов семьи	Площадь виноградника (в модиях)	Площадь земли (в модиях)	Налог (в номисмах)	Число членов семьи	Площадь виноградника (в модиях)	Площадь земли (в модиях)	Налог (в номисмах)
3	2 ¹ / ₃	50	2	1	—	8	1 ¹ / ₄
2	—	80	2 ¹ / ₂	3	—	33	1
4	—	18	1 ¹ / ₂	4	1	30	1
4	6	104	3	2	1 ¹ / ₃	25	1
5	1	60	2	3	3 ¹ / ₃	81	3
4	1	27	1 ¹ / ₃	6	8	70	4
2	—	15	1 ¹ / ₂	4	4 ¹ / ₃	50	2 ¹ / ₂
5	5	74	3 ¹ / ₂	3	—	18	1 ¹ / ₂
2	2	55	2	3	2	14	1
2	1	55	2	5	3 ¹ / ₄	76	2 ¹ / ₂
2	3 ¹ / ₂	16	1	4	1 ¹ / ₂	20	1
2	1 ¹ / ₂	28	1	3	4	110	4
7	2 ¹ / ₃	85	3	3	—	14	1 ¹ / ₂
4	—	15	1 ¹ / ₂	5	—	80	2 ¹ / ₂
5	4	74	3	3	1 ¹ / ₂	50	2

П. Безобразов исследовал также¹¹⁸ материал по налоговому обложению, содержащийся в Патмосской писцовой книге.¹¹⁹ Этот документ был составлен по поручению императора Михаила VII Дуки (1071—1078) и дан им его двоюродному брату Андронику Дуке. Писцовая книга охватывала, кроме усадебного имения (*οικονομείων*) Вари, еще имения (*πρόστεια*) Олиньф, Гамма и Вервумиди, затем имения Меланий, Меандрака с Прином и Галаиде. Писцовая книга содержала поименное перечисление париков, живших в этих владениях, перешедших к Патмосскому монастырю, разряды, к которым принадлежали эти парики (зевгаратные, воидатные и т. д.). В документе поименно перечислялись члены семьи париков, количество принадлежавшего им рогатого (крупного и мелкого) скота и указывалась сумма налога, которую эти парики обязаны были выплачивать.

Чтобы разобраться в системе налогового обложения, Безобразов сопоставил данные Патмосской писцовой книги с данными Хиландарского практика,¹²⁰ который был исследован Ф. И. Успенским и содержал размеры земельных наделов облагаемых париков. Мы не будем приводить составленных Безобразовым таблиц по этим документам, но если сравним данные, приведенные у него, с составленной нами таблицей, то убедимся, что наши выводы о порядке обложения получают подкрепление в материале, рассмотренном Безобразовым. Именно все эти данные позволяют нам с большой уверенностью утверждать, что на установление размера налога влияло количество членов семьи облагаемого парика. Это в качестве предположения высказывалось и П. Безобразовым,¹²¹ но рассмотрение большого количества данных позволяет

¹¹⁸ П. Безобразов. Патмосская писцовая книга. — Виз. Врем. VII (1900), вып. 1—2, стр. 68—106.

¹¹⁹ Miklosich-Müller. Acta, VI, pp. 4—15.

¹²⁰ П. Безобразов. Назв. соч., стр. 87—97.

¹²¹ Там же, стр. 95.

определенно говорить о том, что состав семьи являлся одним из основных элементов при определении размера подати.

Рассмотренный Безобразовым документ интересен еще и тем, что позволяет подойти к исследованию вопроса о размере ренты за пользование землей, которую должны были платить зависимые крестьяне. Ограничившись одним-двумя документами, Безобразов не мог определить ни размера ренты, ни принципа его установления. Расширение привлекаемого материала позволяет прийти к определенному выводу о том, что размер ренты являлся величиной, зависимой от величины крестьянского участка. Небольшое количество документов, которое и в настоящее время имеется в распоряжении исследователя, не позволяет точно установить соотношение между размером земельного участка и величиной ренты, однако можно считать, что рента в поздне-византийское время была весьма высока и составляла в среднем 1 номисму с 5—6 модиев земли, тяжело ложаась на зависимых крестьян.

В издании Афонских актов, относящихся к монастырю Эсфигмена,¹²² встречается любопытный *πρακτικόν* XIV в. Константина Пергамена, *ἀναγραφὴς* Фессалоникской фемы. Этот документ содержит чрезвычайно интересное перечисление налогов и большое количество подробностей налогового обложения. Мы даем перевод отрывка из этого впервые переведенного нами на русский язык документа, так как содержащиеся в нем сведения могут расширить наши представления о положении византийского крестьянства: „Всего с населения указанных владений 388 номисм. Вместо помощи живой силой — 18 номисм. За подушную — 20 номисм. Со стада свиней — 40 номисм. Вместо десятины со свиного стада и налога с пчелиных ульев — 18 номисм. С различных построек в селе Враста — 12 номисм и 4 коккия. С расположенных там виноградников на 13 модиях — 2 номисмы. С виноградников, за исключением виноградника Андроника, — 1 номисму. С другого владения за виноградники в участке Ксении — $1\frac{1}{2}$ номисмы. С находящейся на р. Рентине мельницы — 2 номисмы. За садовую ограду на участке в 4 модия — $1\frac{1}{2}$ номисмы. С поголовья скота на этом же участке — 2 номисмы. С земли на этом владении размером 3 тысячи модиев, за исключением земли, данной парикам, — 60 номисм. За проведенный там праздник св. Николая (пропуск в рукописи)... номисм. С виноградника в Крусово размером 20 модиев, в котором 2 ореховых дерева, 2 миндальных, 13 смоковниц — 5 номисм. С различных виноградников, расположенных на участке Клептулии в 2 модия, на котором 1 ореховое дерево, 4 смоковницы, 2 миндальных дерева, и с участка ее зятя Пакуриана в 4 модия, на котором 3 смоковницы, и с участка Гаврилопула в 3 модия, в котором 1 ореховое дерево, — 3 номисмы. За мельницу на р. Стримоне — 2 номисмы. А за землю всего в 380 модиев — 60,5 номисмы. С виноградников на владениях монастыря, называемого Лемин, около 3 модиев, на котором 1 ореховое дерево, 8 деревьев кидонийских яблок, от Арги 1 модий, 1 ореховое дерево и от Феофана 2 модия — $1\frac{1}{2}$ номисмы. С водяной мельницы на Эсобе — 2 номисмы. А с находящихся там 4 ореховых деревьев — 3 номисмы. За землю в Ахиане размером 2300 модиев — 46 номисм. С виноградников на участке в Стефании размером 15 модиев — 3 номисмы. С различных виноградников на луговых участках размером 5 модиев — 1 номисму. С двух участков сада в 8 модиев, на которых 13 ореховых деревьев, 10 миндальных — 3 номисмы. За землю

¹²² L. Petit et W. Regel. Actes de l'Athos, III. Actes d'Esphigmenou. — Виз. Врем. XII (1906), приложение, стр. XV—XVII.

на этих же участках в 60 модиев — 1 номисму. За находящуюся там мельницу — 2 номисмы. За состоявшийся праздник св. Георгия — 1 номисму. За виноградники на участке Портареа, размером 7 модиев — $1\frac{1}{2}$ номисмы и на луговых участках в 5 модиев — $1\frac{1}{4}$ номисмы. За виноградный участок во владении св. Маманта в 6 модиев — $1\frac{1}{2}$ номисмы. А за всю землю во владении Портареа в 2100 модиев, не считая розданной парикам, — $14\frac{1}{2}$ номисмы. А за землю в Праулаке вокруг башни монастырской в 180 модиев — $3\frac{1}{2}$ номисмы. Там же за виноградники в 6 модиев — 1 номисма. За виноградники на участке Перисса — $1\frac{1}{2}$ номисмы. Этот же монастырь имеет на р. Стримоне владение, называемое Парикон; в нем виноградника 4 модия и земли 200 модиев — 5 номисм. И в катепанстве Эрмилей владение в честь нашей богоматери Ахридской, которое имеет виноградник в 3 модия, с деревьями, осенью дающими плоды. За них 380 номисм, а всего 500 номисм“. Заканчивая этот длинный перечень, *ἀναγραφὴς* делал указание, что половина податей должна быть внесена в сентябре, а другая половина — в марте. Большое место, которое мы заняли переводом этого отрывка, оправдывается яркостью содержащегося в нем материала, характеризующего тяжесть налогового обложения византийского крестьянства.

Отметим еще простагму, относящуюся, очевидно, к началу XIII в., дукке Фракийской фемы Константину Ласкарию.¹²³ Ему предписывалось произвести перепись париков владения Милы монастыря Лемвиотиссы для того, чтобы пересмотреть их категории и отнести их к соответствующим разрядам — зевгаратных, воидатных и др. Перепись имела целью проверить имущественное положение каждого парика (*κατὰ τὴν ἑκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν*), установить налоги и повинности, которые должны были быть вновь записаны за каждым париком (*τὸ ἑκατόμωρον τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοιδάτῳ παροικικὸν τέλος καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ*). Эти налоги и остальные паричские повинности, по повелению императора, передавались в распоряжение монастыря (*πρὸς τὸ μέρος τῆς μονῆς... τελέσματα καὶ λοιπὰ παροικικὰ βάρη*).

IV. СУДЬБА СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Мы видели, что прикрепление к земле, лишение права свободного перехода из одного владения в другое, характеризующие состояние париков, были преобладающими чертами византийского крестьянства в позднее время. Это необходимые условия для того общественного строя, в котором „...необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, принадлежность в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, нежели та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной

¹²³ Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 182—183.

собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей".¹²⁴

В Византии на протяжении всей ее истории сохранялись отношения, при которых государство было верховным собственником земли. Но в поздне-византийское время, хотя формально эти отношения и сохраняли силу, тем не менее они претерпели коренные изменения. При сохранении юридической формы верховного господства императорской власти над всем земельным фондом империи отношения между центральной государственной властью и крупными земельными собственниками — феодалами подверглись коренному изменению. Феодалное владение превратилось в самодовлеющий в административно-хозяйственном отношении аппарат, почти независимый от центральной государственной власти. Этому аппарату оказывало сопротивление лишь общинное владение, о котором говорил К. Маркс в приведенном нами выше высказывании. Поэтому, чтобы закончить этот раздел о судьбах византийского крестьянства в эпоху Палеологов, нам остается рассмотреть вопрос о византийской общине в поздней Византии.

Вопрос о византийской сельской общине долгое время был одним из центральных вопросов, которыми занимались русские исследователи, изучавшие аграрную историю Византии. Советские ученые уделяли большое внимание проблеме влияния свободной славянской общины на общественный строй Византии. Большую роль в разработке вопроса о конкретных формах влияния славянской общины на социально-экономическое развитие Византии сыграли исследования Е. Э. Липшиц, основные положения которых она докладывала на заседаниях Отделения истории и философии АН СССР в 1945 и 1946 гг., посвященных вопросам византиноведения, и опубликовала в виде статей в органах советской исторической науки.¹²⁵

Мы разобрали выше положения Б. А. Панченко о личной собственности византийского крестьянства. Этими положениями он отрицал общинный характер византийского крестьянского землевладения. Эта его теория не получила признания в науке и прозвучала как высказывание одиночки. Из современных буржуазных ученых частично этой теории придерживается Г. А. Острогорский. Не отрицая абсолютно византийской сельской общины, Острогорский признает наличие в Византии лишь совокупности крестьянских хозяйств, организованных государством в виде „податного отделения“ для удобства налогового обложения.¹²⁶

По мнению Острогорского, государство налагало на такое податное отделение общую подать, которая потом распределялась между отдельными крестьянскими хозяйствами.¹²⁷ Община в Византии, по Острогорскому, есть „финансово-административная единица, а не органическое хозяйственное образование, подобно общине славянской или

¹²⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, гл. 47, стр. 693.

¹²⁵ Е. Э. Липшиц. Выступление на пленуме ГАИМК в июне 1933 г. — Изв. ГАИМК, т. III, вып. 1. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. 1934, стр. 308—315; ее же: Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным „Земледельческого закона“). — Виз. сб. М.—Л., 1945, стр. 96—143; ее же: Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. — Виз. Врем., I (XXVI), 1947, стр. 144—163.

¹²⁶ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 137.

¹²⁷ Г. Острогорский. Византийский податный устав. Recueil Kondakoff. Сб. ст., посв. памяти Н. П. Кондакова. Praha, 1926, стр. 109—124; его же: Die ländliche Steuergemeinde des byz. Reiches im X. Jahrh. Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, XX (1927), SS. 1—108.

германской".¹²⁸ Эта проблема получила правильное разрешение лишь в трудах советских византинистов. Нашей задачей при рассмотрении этого вопроса является проследить судьбы византийской сельской общины в позднее время.

До Ф. И. Успенского в науке общераспространен был взгляд о том, что византийская община погибла к XI—XII вв. под ударами крупного феодального землевладения. Важным результатом исследовательской работы Ф. И. Успенского было установленное им положение, что община и свободное крестьянское землевладение продолжали существовать в XII—XV вв. и даже пережили Византийскую империю. Это положение заставляет исследователя, изучающего особенности поздне-византийского феодализма, рассмотреть на конкретных примерах судьбы византийской общины в позднее время.

В своей работе о крестьянском землевладении в Византии Ф. И. Успенский высказал мнение, что латинское завоевание „дало внушительный урок византийским государственным людям и побудило их снова подать руку крестьянской общине, когда наступила необходимость искать опоры не в западном флоте или в латинских служилых людях, а в народе. В тех областях, которые оказались под властью латинских рыцарей, феодальное право вытеснило обычное византийское право; напротив, там, где утвердились во владении византийские бояре, например, в Никее и Эпире, там опять возобладало славянское право, и крестьянская община получила новые гарантии и обеспечения“.¹²⁹

Мы привели эту длинную выдержку потому, что с выставленными здесь положениями нельзя согласиться. Мы считаем тем более необходимым остановиться на разборе этих положений, что они были восприняты некоторыми другими исследователями и не подвергались пересмотру в работах советских византинистов. Так, например, И. И. Соколов, механически повторяя выводы Ф. И. Успенского, писал, что существование Эпирского деспотата и Никейской и Трапезунтской империй объяснялось исключительно тем, что византийские государственные деятели „нашли опору в трудящихся народных массах и покровительствовали крестьянской общине. Такой же политики отчасти держались после восстановления Византийской империи (1261 г.) и Палеологи (разрядка моя — Б. Г.), приняв в учет уроки латинского завоевания и минувшего переходного периода в судьбе империи“.¹³⁰

В этих высказываниях неверно всё, с самого начала до конца. Из предшествующего изложения совершенно очевидно, что Палеологи, наоборот, не извлекли никаких уроков ни из латинского завоевания, ни из общественных отношений „переходного периода“, т. е. периода Никейской империи и Эпирского деспотата. Палеологи пришли к власти как представители крупного феодального землевладения, и их время является, как мы уже показали, „золотым веком“ византийского феодализма. При Палеологах община переносит самые сильные удары, и императоры последней византийской династии никогда не искали опоры в народных массах. Неверно и утверждение Ф. И. Успенского, что в тех областях, которые оказались под властью латинских рыцарей, феодальное право вытеснило обычное византийское право. Это

¹²⁸ Г. Острогорский. Византийский податный устав, стр. 112.

¹²⁹ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, февраль 1883, стр. 336.

¹³⁰ И. И. Соколов. Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. — Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1931, стр. 711.

„обычное византийское право“ является правом феодального общества, достигнувшего высших ступеней своего развития. Феодализм в Византии, как неоднократно указывал в своих исследованиях сам Ф. И. Успенский, окончательно развился во всех своих формах при Комнинах, и поэтому феодальному праву Запада не нужно было „вытеснять“ никаких форм общественно-экономического строя на территории Византийской империи, а лишь приспосабливать формы западноевропейского феодализма к его византийским формам, которые при всех своих особенностях имели много общего с западными. Это приспособление прошло в Латинской империи легко, причем византийскому общественно-экономическому строю были привиты некоторые специфические формы западного феодализма, и мы видели их отражение в поздне-византийском феодализме. Поэтому, если остатки общинного крестьянства уцелели до самого конца византийской истории, то произошло это не в результате мнимой политики Палеологов, якобы искавших опору в крестьянстве, а вследствие большой силы сопротивления, которую проявила византийская сельская община в ее борьбе с господствующими классами поздне-византийского феодального общества.

Это положение подтверждается даже тем материалом, который изучал Ф. И. Успенский, делая правильные выводы о большой живучести византийской сельской, особенно славянской, общины, которая обнаружила неистощимые внутренние силы в борьбе с враждебными элементами и устойчивостью, с которой она держалась против центральной власти в течение многих веков.¹³¹ Поздне-византийские акты показывают нам отчетливые следы этой устойчивой общины в различных областях Византийской империи. В приговоре общины села Дрианувены относительно распределения подати между членами общины¹³² говорится о том, что решение принимается на основе общего мнения и желания устроить всё для общего благополучия (*ἡμεῖς οἱ ἄπαντες ἐπίκοι τοῦ χωρίου τῆς Δριανουβαίνης κοινῇ βουλή, γνώμη τε καὶ ἀρέσκειᾳ*).¹³³

Постановление общины о принесении дара монастырю Лемвиотиссы мы находим в решении членов общины с. Геника (*ἐκδοτήριον*¹³⁴ *γράμμα παρὰ τῶν ὄλων ἐποίκων τοῦ χωρίου Γενικοῦ*). Этот дарственный акт интересен тем, что в нем поименно перечислены все члены общины, его подписавшие. Общины, подписавшие акт, называют землю „нашей землей“ (*ἐν τῇ χώρᾳ ἡμῶν*). Наличие большой общины на о. Кос отмечается в постановлении членов общины (*δέησις διασημειώτατος τῶν ἐποίκων τῆς νήσου Κῶ*).¹³⁵ Совокупность членов общины обозначается в этом акте термином (*τὸ κοινὸν τοῦ λαοῦ*). К 1262 г. относится передаточный акт общины малахиотов (жителей с. Малахия), называемых *τῶν ἐποίκων Μαλαχιωτῶν*. К 1293 г. относится *γράμμα ὑποσημειῶν τῶν ἐποίκων τοῦ Νεοχωρίου*,¹³⁶ в котором община этого селения дает обязательство не нарушать границы монастыря Лемвиотиссы. Как и в других актах, эпика перечислены здесь поименно, с той разницей, что после 13 подписей стоит „и другие“ (*οἱ ἕτεροι*).

Среди всех актов, характеризующих положение общины, особое место занимает хрисовул Андроника II от 1319 г. Янинской жупе-коми-

¹³¹ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. — ЖМНП, февраль 1883, стр. 351—352.

¹³² Miklosich-Müller. Acta, IV, pp. 391—393.

¹³³ Ibid., p. 391.

¹³⁴ Ibid., pp. 265—265.

¹³⁵ Ibid., p. 184.

¹³⁶ Ibid., pp. 231—232.

туре,¹³⁷ позволяющий выяснить отношение славянской общины к империи в XIV в. Этот акт особенно ценен тем, что в нем имеются неоднократные ссылки на обычное право славянских общин, признание норм этого права, восходящих к VII—X вв. Автономия Янинской жупе-комитур определена в этом акте во всех своих подробностях. Комитур имеет собственный суд, общинное войско, права иммунитета в отношении областной администрации, неотчуждаемость общинных земель и других имуществ, освобождение от многих налогов. По этому акту жители Янинской жупе-комитур не могли привлекаться к воинской обязанности вне пределов своей территории (*οἱ καστρηνοὶ Ἰωαννινῶται οὐδὲν καταναγκάζονται οὐδὲ καθελεῖν, ἵνα ἐκδουλεύσωσι στρατιωτικῶς ἐκτὸς τῆς τῆς αὐτῆς πόλεως*).¹³⁸ Права, предоставленные жителям Янины, были распространены также и на евреев, проживавших на этой территории, которые должны были пользоваться одинаковыми правами со всеми остальными эпиками Янины (*ἵνα δὲ εὐρίσκωνται καὶ οἱ ἐν τῇ τῆς αὐτῆς πόλεως Ἰουδαῖοι εἰς ἐλευθερίαν καὶ ἀνενοχλησίαν κατὰ τοὺς λοιποὺς ἐποίκους αὐτῆς*).¹³⁹ Мы не знаем ни одного другого документа эпохи Палеологов, так широко показывающего права византийской сельской общины. Поэтому у нас нет оснований, как это делал Ф. И. Успенский, предполагать, что по этому типу строились вообще отношения славянских комитур к империи. Можно лишь без всякой натяжки считать, что такой акт не мог быть единичным и что наиболее мощные общины добивались у византийского правительства прав, аналогичных тем, которыми располагала Янинская жупа-комитур.

В. Г. Васильевскому принадлежит заслуга опровержения неправильного вывода Цахариэ фон Лингентала об исчезновении десятины-морты после „Земледельческого закона“ иконоборческого периода. В. Г. Васильевский указал, что „если бы почтенный ученый ближе ознакомился с содержанием кодекса (речь идет об акте монастыря Лемвиотиссы. — Б. Г.), который ему хорошо был известен еще до напечатания, то он увидел бы, что морта продолжала быть очень обычным учреждением и в XIII веке“.¹⁴⁰

Мы сможем теперь сделать этот вывод значительно более широким, распространить его и на XIV—XV вв. византийской истории. Об этом свидетельствует ряд актов, как тех, которые могли быть известны В. Г. Васильевскому, так и изданных после его смерти (1899 г.). В актах этого периода имеются многочисленные указания о взыскании с крестьянских общин десятины в пользу светских и монастырских землевладельцев. Эта десятина была определенной данью, уплачиваемой крестьянами-общинниками, известным процентом с урожая в тех случаях, когда они селились на чужой земле с согласия владельца¹⁴¹ и когда монастыри добивались угодного им освещения, придавая своим притязаниям „законный“ и „справедливый“ вид. Термин *τὴν ἀνήκουσαν μортῆν*, неизменно фигурирующий в актах позднего времени, убедительно свидетельствует о том, что морта была обычным, общепризнанным институтом. Еще более убеждает нас в этом тот факт, что в тех случаях, когда крестьяне-общинники освобождались от морты-десятины,

¹³⁷ Miklosich-Müller. Acta V, pp. 77—84.

¹³⁸ Ibid., p. 81.

¹³⁹ Ibid., p. 83.

¹⁴⁰ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, июль 1880, стр. 100.

¹⁴¹ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным „Земледельческого закона“). Виз. сб. М.—Л., 1945, стр. 124—245.

это требовало особой оговорки в императорском указе, неизменно выражавшейся в формуле *ἀνεὶ ὁσέως μωρτῆς*.¹⁴² Заметим еще, что в некоторых случаях в одном и том же документе термин *μωρτῆ* поясняется термином *δεκατία*. Так, в *γράμμα χρίσεως ἀποκαταστατικόν* пинкерна Рауль о местности Враста¹⁴³ термин *τὴν ἀνῆκουσαν μωρτῆν* поясняется в заключительной части акта словами *δεκατίαν ἀπὸ τοῦ τοπίου*. Наличие морты, этого весьма обременительного вида феодальных повинностей, свидетельствует о том, что, несмотря на всю силу сопротивления, общине византийского крестьянства не удалось до конца ее истории освободиться от самых тяжелых повинностей. Община испытывала все более и более сильные удары со стороны крупного феодального землевладения, со стороны окрепшей и усилившейся в XIII—XV вв. системы проний. Ослабление же общины, постепенно лишавшейся своих прежних прав и преимуществ, шло параллельно с ослаблением самой Византийской империи.¹⁴⁴ Но это ослабление общины и развивавшееся параллельно усиление крупного феодального землевладения являлись основными линиями развития поздне-византийского феодализма.

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ЗАКОНЫ ХИМЬЯРИТОВ

Торговля с Востоком вообще, особенно же с Индией и Китаем, была важным экономическим фактором для Рима, а затем его преемницы—Византии. Достаточно вспомнить высказывания основоположников марксизма о положении, которое заняла Византия в качестве „золотого моста между Востоком и Западом“, и том значении, которое они ей придавали до открытия прямого пути в Индию. Торговые пути, которые в течение тысячелетий вели, пересекая Азию по широтам, от побережья Средиземного моря до Китая, не представляли, однако, путей, которые проходились бы одними и теми же людьми от начала до конца. Посредническая торговля велась греками и сирийцами, евреями и персами, согдами и тюрками, индусами и китайцами.

Торговые пути в Передней Азии—Приморской Сирии, Палестине, Набатее, северной Месопотамии—были захвачены Римом, позднее Византия стремилась удержать и укрепить свою границу по Евфрату. Завоевательные тенденции сасанидского Ирана, его настороженное отношение к действиям Византии, ее сношениям с арабами, сирийцами, сменялись военными нападениями, походами и боями, как правило, исходившими от Ирана. Военные действия, агрессия персов препятствовали свободным торговым сношениям Византии со странами Востока через Среднюю Азию, а между тем эти сухопутные дороги делали доступными различные товары, изделия, продукты и особенно драгоценный для Византии китайский шелк-сырец и изделия из шелка. Стремясь получить этот материал, Византия искала других путей на Восток, так как и в мирное время персидские купцы старались получить возможно больше прибыли и поднимали цены на шелк вдвое и втрое. Константинополь пытался наладить обходный путь в Среднюю Азию, чтобы получать товар непосредственно из рук согдов, но персы препятствовали и этому.

Одной из попыток поддержать сношения с Востоком был водный путь по Красному морю и Индийскому океану; он приобретал все большее значение, но не мог совершенно лишить значимости караванные пути и торговлю, осуществлявшуюся через посредство Йемена. Колонизация арабами Эфиопии и последующие периоды захватов эфиопами областей Счастливой Аравии способствовали тому, что сабейцы, а затем химьяриты сносились с эфиопами, торговля которых в индийских гаванях была обширна. Стесняла их только конкуренция персов. Через Эфиопию поддерживались отношения с Цейлоном и Индией, откуда вывозились самые разнообразные товары, в том числе всякого рода пряности, краски, драгоценные камни и тот же шелк, индийский и

¹⁴² См., напр., Miklosich-Müller. Acta IV, pp. 293—294.

¹⁴³ Ibid., pp. 419—420.

¹⁴⁴ Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии.— ЖМНП, февраль 1883, стр. 360.

привозный из Китая. Благодаря всему этому торговые сношения через Эфиопию и Южную Аравию приобретали большое значение. Необходимо также указать на то, что Эфиопия торговала и со странами восточного побережья Африки, откуда вывозила, между прочим, золотой песок и слоновую кость.

Все это заставляло Византию стремиться сохранить благоприятные отношения с Химьяром и Эфиопией, чтобы обеспечить прохождение караванов и получение товаров из рук их купцов.

Учитывая значение официальных государственных связей с государственными объединениями Аравии и Эфиопии, Византия пользовалась обменом посольствами. В период кушито-химьяритских войн (от 522 до 525 г.) интересы Византии были затронуты за живое: ее купцов не пропускали, убивали и грабили. В своих действиях Эфиопия в значительной степени опиралась на поддержку Византии. В 30-х и 40-х годах VI в. одно посольство следовало за другим, выражая те или другие пожелания империи. В 530 г. посол Юлиан вел переговоры о торговле с эфиопским царем Элесбоа (Эла Ашбеа), предлагая ему закупать товары в портах и гаванях Индии и перепродавать их Византии. В то же время он ходатайствовал перед химьяритским царем Сум'айфой (Эсимфеем) о том, чтобы некий Кайс был восстановлен в качестве филарха (кабира) племени маадеев. Он был в изгнании, опасаясь родовой мести царя, так как убил одного из его родственников. Когда Кайс был восстановлен, через два-три года его посетил представитель Византии Абрам (Авраам), хорошо известный по посланию Симеона Бетаршамского и по сообщениям его сына Нонна. Чтобы крепче связать Кайса с Константинополем, Авраам увез с собой в качестве почетного заложника сына Кайса Мавию (Моавию). Нонн, сын Авраама, также побывал у эфиопского царя Элесбоа (Эла Ашбеа), а затем у Кайса, филарха маадеев, но привезти его с собой в Константинополь, как он того добивался, не смог. Нонн оставил записи о своем посещении эфиопского царя, которые были доступны еще патриарху Фотию в IX в. и вошли в качестве фрагментов в его „Библиотеку“, а также в Хронику Иоанна Малалы. Описание путешествия Нонна замечательно, как и его рассказ о приеме у царя. Новое посещение Авраамом царя Химьяра Абрахи было связано с вопросом о передаче филархии Палестины Кайсу, а филархии маадеев — его братьям Амру и Язиду. Все эти посольства, включая и посольство Сумма, брата Юлиана, были осуществлены в период между 530 и 542 гг. и говорят об очень частых, настойчиво повторявшихся сношениях между государствами Южной Аравии и Константинополем.

Но для Византийской империи была известна еще одна возможность жить в мире и добиваться господства своего влияния в варварских государствах — обращение в христианство отдельных представителей знати, царя, браки с царевнами-христианками или знатными девушками и т. д. С новой верой появлялись новые образцы материальной культуры, язык получал литературную отделку, алфавит и письменность нарождались или развивались; переводились и читались книги. Такой путь проделала Эфиопия, как сообщает Филосторг, во времена Афанасия Великого, войдя тем самым в орбиту Средиземноморского мира, мира Византийской империи.

В города Южной Аравии христианство пришло из двух ближайших центров — из Эфиопии, расположенной через пролив, и из Сирии приморской, по караванному пути. Последнее засвидетельствовано арабскими сообщениями Табари. Ранние сирийские источники указывают, что христианство было завезено, например в Неджран, химьяритскими купцами,

в частности неким Хайаном из Хирты, центра арабов-лахмидов.¹ Но в V и VI вв. положение осложнялось тем, что само христианство могло быть воспринято в одной из его форм — православии, монофизитстве или несторианстве. Несторианство укрепилось более всего на Востоке, в Иране, где, то гонимое, то терпимое, уживалось с государственной религией, зороастризмом. В политическом отношении представители несторианства использовались шахиншахом в качестве культурной силы и для дипломатических соглашений с другими народами. Монофизитство, ставшее особенно значительным в Египте, приморской Сирии и северной, византийской Месопотамии, вело активную проповедь и ширило свое влияние; оно связало свою судьбу с рядом сирийских городов — Нисибией, Эдессой и центром Лакмидского государства, Хиртой. Из Хирты в Неджран тянулись прочные и старые связи, и когда после борьбы с царем Зу-Нуvasом воцарился ставленник Эфиопии Сум'айфа, а затем Абраха, то христианство было восстановлено в своих правах, но епископ, поставленный химьяритами, принял посвящение от монофизитского „папы“ Тимофея из Александрии.² Речь идет о Тимофее III, 32-м патриархе коптской монофизитской церкви в Александрии, занимавшем этот пост в 517—535 гг.³ Участие Симеона Бетаршамского и других представителей сирийского монофизитства в судьбе Неджрана подтверждает это общее положение и связи, которые имел Неджран с монофизитами вообще, а также его причастие к мощной организации „восточных отцов“, по существу противопоставивших себя „мелкитам“.

В такой ориентации Неджрана и христиан-химьяритов на монофизитов для Византии была новая трудность, которую она стремилась преодолеть на дипломатическом пути, усиленно поддерживая связи посольствами и представительством. Но Византия стремилась закрепить за собой позиции и другим путем, направляя в города Аравии носителей принятой империей официальной идеологии — православия. Эта церковная политика отражена в византийской литературе, посвященной событиям, происходившим в Южной Аравии, — борьбе между Зу-Нуvasом и городом Неджраном, восстановлению власти эфиопов и, наконец, царю Абрахе.

В круг литературных памятников, связанных с политическим, а отчасти и клерикальным заданием, которое стояло перед Византией, заинтересованной в торговле с Химьяром, входят памятники разных литературных жанров. Это „Акты мученичества Арефы (Харита) и иже с ним“, „Житие“ епископа Грегентия, приписываемые Грегентию „Законы химьяритов“ и „Диалог с Эрбаном“.

„Мученичество Арефы“ использовало явно монофизитские материалы, черпая из сирийских источников, родственных „Посланию Симеона Бетаршамского“ и „Книге химьяритов“. Тенденция мелкитов (православных, которым покровительствовало государство) занять твердое положение в арабских городах соответствовала и заданию государственной власти. Отсюда шло и стремление дать соответствующие литературные памятники, которые закрепляли бы это положение. В число таких памятников в первую очередь следует поставить житие епископа Грегентия, анализ которого был дан на страницах XIV тома Византийского Временника (1907 г.). Житие это полно легендарных эпизодов; они составляют неизбежный приключенческий и фантастический материал такого литературного жанра, но основа жития несомненно исторична. Грегентий,

¹ Chronique de Seert. ed. Addai Scher. LXXIII. — Patrol. Orient., v. 5, p. 330—331.

² Michelle Syrien. Chronique ed. par J. B. Chabot. Texte p. 274-b; trad. p. 185.

³ History of the patriarchs of the coptic church of Alexandria, arabic text ed. et transl. by B. Evetts. — Patrologia Orientalis I, p. 451.

уроженец Мизии (Мезии), был послан в качестве представителя византийского православного направления в г. Тафар, столицу Химьяра. Грегентию приписывается славянское происхождение. Навыки к миссионерской деятельности он мог получить в этой пограничной провинции и в этом отношении быть полезным на новом месте. Житие делает его епископом Тафара для того, чтобы противопоставить его монофизитскому епископу, ставленнику Тимофея. Само по себе это может быть историческим фактом, так как частые посольства говорят о поддержании связей, а в своей усиленной, настойчивой пропаганде монофизиты стремились парализовать влияние православия, опиравшегося на Константинополь, и несторианства, сумевшего занять положение в Ктесифоне. За влияние в христианских центрах Ближнего Востока боролись все три клерикальные партии, и каждая из них представляла известное политическое направление. Схватка Византии с Ираном нашла себе место и в южных областях Передней Азии, продолжая соперничество и здесь, как это было на Кавказе и в Месопотамии.

С именем епископа Грегентия связаны два других вышеназванных памятника — „Законы химьяритов“ и „Спор“, который ведется Грегентием с иудейским учителем Эрбаном. Оба памятника, более чем вероятно, являются псевдоэпиграфами, но составлены они были во всяком случае в VI в., в среде, достаточно хорошо известной автору или авторам. „Спор с Эрбаном“ — по тенденции своей совершенно понятный памятник, имеющий значительное количество образцов в предшествующей литературе на греческом языке, начиная с диалога Юстина Философа, и большое число продолжающих его апологетических и полемических памятников, как, например, „Учение новокрещенца Иакова“. Однако „Спор с Эрбаном“ имеет некоторые особенности, вызванные реальной исторической обстановкой, в которой он был составлен. Иудейское влияние и распространение иудейства в Южной Аравии было таково, что господствующий класс и цари принимали иудейство и стремились к его насильственному распространению. Полемика с Эрбаном, вложенная в уста Грегентия, свидетельствует о фактах, имевших место, о попытках мелкитского клира добиться превосходства на идеологических позициях. Возникнуть это сочинение могло лишь в период, предшествующий иранскому завоеванию Йемена в 70-х годах VI в.;⁴ то же время было временем составления тесно связанных со „Спором“ „Законов химьяритов“. Этот греческий памятник отнюдь не представляет собою „Законов“ химьяритского общества, что справедливо и настойчиво отрицали предшествующие исследователи. Такова была и точка зрения Нельдеке,⁵ Васильева,⁶ Наллино.⁷ Но нельзя согласиться с тем, что этот памятник „не стоит принимать во внимание“ ввиду его апокрифического характера: „Ma il carattere apokrifiko di entrambi non consente di tenere conto“.⁸ Внимания он заслуживает с нескольких точек зрения. Название Νόμοι τῶν Ομηριτῶν „Законы химьяритов“⁹ присвоено этому сочинению потому, что центральной, наиболее обширной и главной его частью являются законодательные нормы. Эта юридическая часть состоит из 64 глав (κεφάλαια) различного содержания. Не являясь сборником, порожденным химьяритской средой, „Законы“

представляют собою собрание юридических норм для химьяритов, составленные в византийской среде с целью попытаться их применять и в соответствии с ними управлять химьяритами. Это было естественным следствием стремления Византии господствовать и влиять в южноарабских городах. Вступление и заключение, в которые как бы вправлены „Законы“, по своему содержанию тесно связывают их с двумя другими памятниками. „Мученичество Арефы“ предшествует „Законам“, предисловие которых продолжает его сообщения. Воцарившийся над Химьяром Абраха находит поддержку у православного епископа Грегентия, который, желая помочь ему установить порядок в управлении городами Тафаром и Неджраном, предлагает ввести правила управления и нормы поведения. „Законы“, составленные Грегентием, были приняты и записаны как бы от имени самого царя: Τὸν δὲ λεπτόν νόμον, ὅπερ ὁ ἅγιος Γρεγέντιος συντάταχεν ὡς ἀπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως προεδέμην προσθέσαι τῇ διηγήσει ταύτη.¹⁰ Таким образом, само свидетельство памятника ясно говорит, что законы были составлены для химьяритов греком и в их основе, следовательно, находятся византийские материалы. Литературное заключение сообщает о том, что законы были умножены и розданы, и возвращается к вопросу об иудеях, законоучитель которых, Эрбан, был упомянут в предисловии.¹¹ Таким образом, создается переход к самому диспуту между Грегентием и Эрбаном, которому посвящен другой труд, приписываемый Грегентию, — Διάλεξις, Disputatio.¹² Между „Мученичеством“, „Законами“ и „Диспутом“ существует последовательность. История Химьяра рассказывается в период Зу-Нуваса, потом под властью Абрахи, ставленника эфиопского царя Эла Ашбеха.

Если можно высказать сомнение в том, принадлежат ли „Законы“ и „Диспут“ одному и тому же автору, и едва ли Грегентию, то во всяком случае можно утверждать, что и „Законы“ и „Диспут“, так же как и „Мученичество Арефы“, вышли из одного и того же круга, близкого к политическому официальному представительству и клерикальной византийской миссии, деятельностью которой была направлена на дела арабов вообще и „Счастливой Аравии“ в частности. Эти круги и представители миссии неизбежно должны были быть и были знакомы с соответствующими памятниками на сирийском языке. „Существует также мнение о том, что Νόμοι и Διάλεξις составлены в Сирии“, — писал А. А. Васильев,¹³ — предположение, имеющее многое за себя. Византия в сношениях с мелкими государствами Ближнего Востока пользовалась сирийцами, язык которых был торговым и дипломатическим языком до времени широкого распространения арабского языка.

Как сирийская „Книга химьяритов“ и „Послание Симеона Бетаршамского“, так и греческие источники вращаются в том же кругу событий и людей, борьбы Зу-Нуваса с Неджраном, выступления царя эфиопов Эла Ашбеха, победы и появления Абрахи в качестве его ставленника царем химьяритов. Для „Законов“, как и для „Мученичества“ Абраха — первый царь после событий 525 г. и смерти Зу-Нуваса, хотя на основании других источников несомненно, что Абраха имел предшественника Сум'айфу (Эсимфея), как это известно и Прокопию.

У Византии в Южной Аравии были большие экономические интересы, о чем речь была выше, но поддерживать их и заботиться о них Византия

⁴ Hitti. History of the arabs. 3th ed., 1946, p. 66.

⁵ Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, Leiden, 1879, SS. 175—201.

⁶ Васильев. Житие Грегентия Омеритского. — Виз. Врем. XIV (1907), p. 25.

⁷ Nallino. Raccolta di scritti editi e inediti. Roma, 1941, p. 126 (4).

⁸ Ibid.

⁹ Anecdota graeca, ed. Boissonade. — Parisiis, 1833, v. 5. pp. 63—116; Patrologia graeca 86, I, col. 567.

¹⁰ Patr. gr. 86, col. 581.

¹¹ Patr. gr. 86, col. 620, 576—577.

¹² Patr. gr. 86, col. 621—784.

¹³ Васильев. Житие Грегентия Омеритского. — Виз. Врем., XIV (1907), стр. 25, со ссылкой на Mor dt m n. Miscellen z. himj. Altertumskunde ZMG, 31 (1877), S. 69.

могла лишь до времени завоеваний персов при Хосрове. В VII в. Византия была захвачена очередной задачей — отбросить персов, с которой она справилась ценой жестокого напряжения всех сил; о Южной Аравии уже не могло быть речи, а к 30-м годам VII в. так изменилась вся ситуация, что даже думать о ней не имело смысла: она вышла из круга внимания Византии в качестве пункта приложения ее экономических интересов и стала родиной страшных сарацин, громивших империю.

Монофизитское влияние, преобладавшее в таких центрах, как Тарфар и Неджран, — Византия, стоявшая на позициях православия, стремилась парализовать словом и делом. „Законы химьяритов“ являются литературным памятником, выражающим эту тенденцию. Византия желала упорядочить внутреннюю жизнь арабских городов и дать им известные нормы.

Чем же являются „Законы химьяритов“? Что отражает этот памятник, составленный греками для химьяритов? Наиболее характерной его чертой является то, что предлагаемые в них законы, или правила, почерпнуты с незначительными изменениями из богатых сводов Византийской империи, так увлекавшейся законодательством в эпоху Юстиниана. Составители руководствовались известными им нормами, господствовавшими в их время, в их стране. Некоторые из этих постановлений взяты из живых, действовавших в Византии порядков, установленных с незапамятных времен и потому не нашедших точного отражения в сборниках доюстиниановского и юстиниановского права. Таковы постановления о делении города на кварталы — гейтонии, об обязанностях по надзору и полицейских функциях квартального — гейтонiarха.¹⁴ И в этом отношении данные „Законов химьяритов“ представляют несомненный интерес для истории Византии.

Значение имеет и то, что автор или составители сборника имели также известное представление о реальной обстановке, общественном строе и обычаях южноарабских городов. „Законы“ затрагивают различные стороны жизни. Как многочисленные правила номоканонов, так и этот сборник рассматривает вопросы брака, нравственности, соблюдения церковных праздников. При учете социальных отношений, в ряде глав затронуты вопросы рабства и особенности, вытекающие из прочных родовых отношений, пережитков родового строя, засвидетельствованные у химьяритов другими источниками.

Весь фон и колорит законодательства городской; о возделывании земли и ее непосредственных производителях нет речи. Много внимания уделяется порядку управления городом, причем устанавливаемые мероприятия являются сколком с действовавшей системы управления византийских городов, как она известна на основании сообщений хроник, исторических сочинений, а также некоторых законодательных данных византийского права. Не являясь отображением порядков химьяритских городов, предлагаемое в „Законах химьяритов“ управление скалькировано с известного порядка, установленного в Константинополе и других крупных центрах Византийской империи.

По предложению Регентия, царь химьяритов якобы приказал разделить Неджран на 36 районов (εις τριάκοντα ἐξ ἑγετωνῶν) и поставить в каждом районе архонта (ἐκάστω ἑγετωνῶν ἀρχοντι ἐπιθεῖναι).¹⁵ Эти началь-

¹⁴ В статье „Византийские димы и факции“ проф. А. П. Дьяконов мог указать лишь на наличие кварталов, как территориальных объединений в византийских городах. Виз. сб. Л. 1945, стр. 155, 160.

¹⁵ Patr. gr. 83, col. 577.

ники районов, получившие название гейтонiarхов (οἱ γαιτωνίαρχοι), должны были каждый иметь свой собственный „секрет“, канцелярию (τὸ ἴδιον σέκρετον) (посреди площади) (μέσον τῆς ἀγορᾶς) в выпавшей на его долю гейтонии.¹⁶ Он должен был прежде всего „записать“, т. е. переписать все дома, находившиеся в его ведении, в пределах его гейтонии. Иначе говоря, требовалось составить опись, своего рода окладные листы, на основании которых можно было бы взимать подать. Гейтонiarху предлагается придерживаться „своих пределов“, т. е. того округа или квартала, который ему предоставлен, и не пытаться простирать свою власть и какие бы то ни было действия на чужие гейтонии.¹⁷ Под началом у квартального — гейтонiarха — были служащие или чиновники οἱ ταξῶται и 16 солдат οἱ στρατιῶται, которые должны были выполнять обязанности полицейских. После того „предписал царь“ „по-хорошему“, „со страхом Божиим“ собирать с населения денежные налоги — „щедроты“ и „анноны“ — προσέταξε ὁ βασιλεὺς τοῦ λαμβάνειν ρόγας καὶ φιλοτιμίας καὶ ἀνονας.¹⁸ Таким образом, памятник как бы стремится установить систему обложения, известную и действовавшую в Византии. Эти сообщения прекрасно дополняют новыми сведениями то, что было известно об организации городов империи, но ни в каком случае не могут отражать управление Неджрана или какого-нибудь другого города Южной Аравии.

Главой города является епарх, но его непосредственным помощникам, гейтонiarхам — квартальным уделено особенно большое внимание. Вся деятельность поставленных царем лиц, для наблюдения и упорядочения жизни города, сосредоточена в кварталах, гейтониях. На гейтонiarха должен был падать целый ряд полицейских и контрольных функций, он должен был следить за порядком в своем квартале, в общественных местах, на площадях (οἱ πλατείας), на улицах (τὰς ῥύμας), иметь наблюдение за постоянными дворами (τὰς κεντροποιτίας) и проявлять всяческое внимание к продаже съедобного — хлеба, вина, масла и всякой другой пищи (§ 1).¹⁹ Наблюдение за ценами в пределах города в целом поручалось епарху, который проверял правильность продажи и цен (§ 62). В этом случае „Законам химьяритов“ соответствуют сведения о положении епарха, известные из „Книги епарха“.

О результатах надзора за домами и за всей жизнью квартала гейтонiarх обязан сообщать епарху (§ 58). Гейтонiarхи должны добросовестно выполнять свои обязанности (§ 61), как и другие служащие и чиновники (οἱ ὑπερέται) города; они не должны быть ворами, вымогателями, грабителями и не смеют требовать лишнего с тех, кто занимается продажей (§ 30). При обложении налогами предписывалось не брать сверх отвечающего законным требованиям или делать самое обложение повышенным (§ 45). Лица, поставленные исполнять судебные обязанности, должны судить по закону, под страхом подвергнуться наказанию за нарушение этого (§ 46).

Приведенные данные типичны для управления и организации византийских городов и, очевидно, были зафиксированы, чтобы предложить их в качестве образца в Химьяре.

¹⁶ Patr. gr. 86, col. 577.

¹⁷ Patr. gr. 86, col. 580.

¹⁸ Ibid., col. 580. — Член-корр. АН СССР П. В. Ершtedт, любезно согласившийся просмотреть это неясное место, подтвердил правильность перевода и толкования его, данного мною, и указал на употребление термина ρόγα в исследовании Фасмера. Sophocles. Greek lexicon of the roman and byzantine periods. New York. 1893, p. 971 — ρόγα — erogatio, largitio, p. 1146 — φιλοτιμία — largess, magnificence.

¹⁹ Patr. gr. 86, § 1, col. 581; в дальнейшем при цитатах даются номера параграфов „Законов химьяритов“.

„Законы химьяритов“, кроме правил для распорядка и управления города, содержали ряд глав, на основании которых можно было производить суд и расправу над населением. За убийство (§ 2) и воровство были назначены суровые, членовредительские наказания. Первый раз вор получает 50 ударов, во второй раз ему клеймят лоб, а в третий раз перерезают жилы на правой ноге, чтобы он не мог бежать и скрыться, совершив воровство (§ 5).

Группа глав сборника самым тесным образом связана с материалами, известными по византийским номоканонам, постановлениям сирийских соборов и славянским юридическим сборникам. Часть этих постановлений нормирует вопросы половой жизни, рассматривая различные преступные нарушения ее как „скверные и низменные деяния“, и запрещает их самым суровым образом (§§ 3, 21, 16). Не случайно, что это запрещение налагается особенно строго на христиан (§ 21), для которых были обязательны постановления клерикальных канонов. Возможно, что и в этом случае составители имели в виду реальную обстановку в Химьяре, где имели распространение различные религии, для которых такого рода ограничения в области половой жизни не были обязательны. „Законы“ настойчиво предлагают сообщать о всех нарушениях такого характера, чтобы „этот грех не заражал чистых душой“ (§§ 3, 15, 16). Как самые действия, так и несообщение о них подлежали тяжелому наказанию. Сюда относится и запрещение предоставлять свой дом или жилище „для дел прелюбодеяния“ (§ 17). Совершившую прелюбодеяние женщину не следует самовольно избивать, ее подвергают телесному наказанию официальные органы государства, представители гейтонии, а отнюдь не частные лица (§ 24).

Клерикальный характер постановлений сказался и на предписаниях относительно брака, которыми его всячески стремятся упорядочить.

Свободный мужчина (*άνηρ έλευθερος*) не должен сожительствовать с рабынями, если он женат, а иметь только одну жену. Точно так же и свободная женщина не должна сожительствовать с рабами (§§ 11, 12). Требование заключать законные браки настойчиво повторяется, причем дается мотивировка того, почему браку предпочитают сожительство с рабыней — *πένης ειμι και ου δύναμαι έχειν γυναίκα* — „я беден и не могу иметь жены“, т. е. для такого лица является невозможным содержать жену (§ 6). На это „Законы химьяритов“ отвечают указанием: „если ты беден, продай и единственную свою рабу“ и живи в „честном“ браке (§ 59). Дважды приведенное с незначительными изменениями, это предписание имело большое значение для установления обычая моногамного, клерикально узаконенного брака.

В связи с такими требованиями, предъявляемыми к браку, находятся и наказания женщины за измену мужу, и в первый раз и вторично — членовредительские (§ 9). Если „всякий имеющий жену законно (*νομίμως*), оставит ее и будет сожительствовать с другой“, — совершает грех и подлежит наказанию (§ 8). Тот, кто сожительствует с законной женой другого (§ 7), несет наказание так же, как и его соучастница. Таким образом нормируются брачные отношения.

В полном согласии с правилами Номоканона, „святых канонов“ — *οι γαρ εβουησαν*, находится разрешение женщине вступать во второй брак и запрещение третьего брака (§ 49),²⁰ — ей рекомендуется вступить в монастырь. Если девушка желает жить в девстве и не вступать в брак, то она должна дать собственноручную письменную запись, как бы дать

подписку, которая обязывала ее к сохранению этого обещания (§ 60). Постановления требуют особого внимания к мальчикам, не достигшим юношеского возраста, чтобы оградить их нравственность от влияния пороков и сохранить их чистоту (§ 40).

Ряд глав имеет в виду нормировать поведение в общественных местах, с тем чтобы добиться некоторого смягчения нравов. К числу таких правил принадлежит запрещение насильничать, драться, ссориться и оскорблять друг друга (§ 39). Это касается и женщин, которые не должны ругаться или браниться (§ 48), но вести себя скромно, помня, что „муж — глава жен“. Повторное запрещение драться и избивать кого-либо в публичных местах точно указывает на необходимость вести себя подобающим образом на улицах квартала и на площадях. Затевающие драку в квартале наказываются сорока ударами (§ 32). Не лишена интереса мотивировка запрещения драться. „Если ты богат, делай добро, но не зло“ — *Δυναστης ει και αγαθοποιησον, και μη κακοποιησης*. „Если ты беден, подобного тебе бедняка не бей“ — *Πένης ει τον ομοιον σου πένητα μη ράπιζε* (§ 23). За пьянство мужчина наказывается шестьюдесятью ударами, а женщина тридцатью (§ 25).

Некоторые правила имеют в виду защитить женщину от посягательств на улицах и на площадях, но они касаются лишь „проходящих свободных женщин“ *διερχομένας έλευθεράς γυναίκας* (§ 20), никак не касаясь рабынь. Такое же стремление выявлено в другой главе, имеющей в виду обеспечить женщине защиту при совместном путешествии (§ 19).

Общее стремление „Законов“, несомненно, имеет в виду некоторое смягчение нравов вообще. В этом отношении обращает на себя внимание запрещение „насиленно выводить“, т. е. нарушать право убежища в церкви, куда бежали, спасаясь от наказания и насилия, причем запрет и наказание за нарушение права убежища налагалось на того, кто его нарушал, и относительно раба и относительно свободного (§ 43).

Во многих главах (титულax) указывается на рабство — рабы упоминаются постоянно, как присутствующие в домашнем быту. Христианство, особенно в первый период своего распространения в I—III вв., когда оно было гонимо, стремилось смягчить положение рабов. Эта тенденция сохранилась в некоторых законодательных памятниках, в частности, такого рода попытки отражены и в „Законах химьяритов“. Так, одна из глав предлагает проявлять к рабам некоторое снисхождение, давать им одежду и обувь (*το διπλάσιον ιμάτιον και υποδήματα*) и уделять другого рода внимание к их нуждам (§ 54). Таково и запрещение избивать своих рабов и домочадцев (*τους έαυτου οικετας*). Особенно „Законы“ наставляют господ, так как очень часто рабы от них научаются злу и греху. Господа учат рабов всему дурному, и в поучение им приводится известный текст из послания апостола Павла о равенстве во спасении, где „нет рабов, нет господ“ (§ 53). Стремление несколько смягчить социальные противоречия заключается и в другой главе, запрещающей задерживать мзду *ο μισθος μισθωτου* наемникам или поденщикам, или совершенно ее не платить. Наказанием является выплата долга в двойном размере (§ 52).

Часть постановлений носит специфически клерикальный характер и стремится внести в быт христианские обычаи. Таково запрещение торговать по воскресеньям чем-либо, кроме съестных продуктов для людей и фуража для животных (§ 27). В большие христианские праздники не следует возить большие и тяжелые грузы морем или сушей (§ 28, 29). Не лишена интереса ссылка, которая делается в этом случае на иудеев, тщательно соблюдающих свои праздники.

²⁰ Patr. gr., 861, col. 607—608, nota 8.

Такой же характер носят строгие запреты колдовства, магии, предложения и употребления волшебных напитков и всякой *фармаκεία* (§ 4), а также борьба против любого рода лицедейства. Все, занимающиеся „трагедийными действиями“, простираем рук (или рукоплеканиями), танцами, участвующие в комедиях или пародиях, преследуются: „мы не желаем, чтобы они были на земле нашего государства“ — гласит закон (§ 36). „Преступающие его должны быть схвачены, побиты и должны быть проведены через огонь или обкурены“ — *οἱ δὲ παραβαίνοντες κατὰ σφαιρίων καὶ μαστιχέσθων καὶ πυρπολείσθων, τούτεστι τζουκίεσθων* (§ 36). Участие в трагедийных и комедийных действиях, пляски, сопровождаемые выразительными жестами, пародии и насмешки составляли круг удовольствий, запрещаемых церковью. Виновных в нарушении подвергали наказанию битьем, а затем проводили через огонь или обкуривали, что, несомненно, представлялось обрядом очищения. Это поверие встречается у различных народов, в том числе у тюрков, которые в 568 г. провели византийского посла Земарха Киликийца через огонь, прежде чем допустить его к хану Дизибулу.²¹

После обкуривания участвующие в лицедействе в течение целого года должны были в качестве наказания работать в государственных мастерских (*τῶ ἐργοδοσίῳ... ὑπουργεῖν κατὰδικαίεσθων*) (§ 36).

Те же мотивы действуют в запрещении, надев личины [может быть, меховые маски или маски, изображающие зверей (*τὰ δερμά τινα*)], играть или разыгрывать что-либо на улицах города; такого рода действия квалифицируются как „сатанинские“ и запрещаются „как рабам, так и свободным“ — *εἴτε δοῦλοι, εἴεν καὶ ἐλεύθεροι* (§ 34). Это запрещение простирается на участников трагедий (*οἱ τραγῳδαί*), а также на играющих на кифаре и на лире (*οἱ κίθαρῳδοὶ καὶ οἱ λύρισται*), будь то мужчины или женщины, юноши или девушки. Всем им рекомендуется вместо этого петь псалмы, и дальше следует интересная аргументация. Если они говорят: „но мы не умеем петь псалмы“, — им следует ответить: „скверному демону поешь песни, нигде в книгах не написанные, а записанные псалмы богу не выучишь“ (§ 35). Здесь несомненно имеются указания на устное народное творчество, с которым клерикальные группы в различных государствах не раз вступали в тщетную борьбу. Эти главы „Законов химьяритов“ отражают жизнь шумных византийских центров, имевших много общего с жизнью городов Востока.

Однако конкретная историческая обстановка в государстве химьяритов, условия жизни и быт были знакомы и известны составителю свода. Многочисленные постановления о браке, кровосмесительстве, противозаконных действиях и других видах нарушений как бы предполагают тесные родовые отношения, наличие большой семьи, крепкого рода, которые хорошо известны для Южной Аравии на основании других памятников. Таковы и многочисленные указания на рабов, которые упоминаются почти в каждом титуле, с тем чтобы и к ним применить или отнести данное постановление.

В Византийской империи в VI в. такое постоянное упоминание о рабах в полицейских и клерикальных титулах законодательства уже не было употребительно. Для химьяритского свода составители достали из архивов старые правила, которые здесь оказались нужными и живыми. Арабский историк Белазори сообщает о том, что Мухаммед заключил договор с неджранитами, по которому в качестве подати они должны были

ежегодно поставлять ему известное количество плащей и одежд, выделываемых в их городе.²² Возможно, что с этим следует сопоставить то, что „Законы химьяритов“, которые считают центром Химьяра Неджран, особо повторяют запрещение работать по воскресеньям для текстильщиков, как это предлагается и всем другим ремесленникам (§ 63). На развитое ремесленное производство в Неджране, быть может, указывает и запрещение завидовать совершенству мастерства, проявлять зависть к искусной работе — *τευγίτην φθονῶν* — и потому клеветать или хулить чужую работу (§ 44). Несколько титулов в качестве наказания предписывают посылать провинившихся на работу в государственные мастерские (§ 36).

С событиями, происходившими в 522—525 гг. в Химьяре, связано также указание „Законов“, что дома, отнятые теми, которые захватили власть над химьяритами, должны быть насильно возвращены и отданы под жилье (§ 57).

Таким образом, „Законы химьяритов“, которые с большим правом могли бы носить название „Законов для химьяритов“, являются подлинным законодательным сборником, составленным в VI в., отражавшим положения и отношения, господствовавшие в Византии. Введением норм этого памятника в Иемене Византия пыталась упрочить свое влияние. Теряя в Счастливой Аравии свой политический авторитет, с которым падали и экономические связи, она применяла все виды идеологического воздействия, чтобы сохранить эти важные опорные пункты своей торговли.

Юридический сборник, который, по мнению исследователей, не заслуживал внимания, приобретает значение как памятник, отражающий управление и быт больших городских центров Византии, свидетельствующий также о ее стремлении подчинить своему идеологическому влиянию отдаленные государства.

Если „Законы химьяритов“ и составлены с известным представлением о реальной обстановке, общественном строе и быте южноарабских городов, нет сомнения, что этот псевдоэпиграф не был действующим законодателем или судебником химьяритов, а остался византийским литературным памятником, характеризующим городскую жизнь империи в VI в.

²¹ Menandri Protectoris Fragmenta. Fragmenta historicorum ed. graecorum v. 4, ed. Mullerus Parisiis, 1851, p. 227.

²² Al-Beladzori. Liber expugnationis regionum, text arab. ed. De Goeje. — Lugduni Batavorum, 1866, p. 65; Baladhuri. Kitab futuh al-buldan, transl. by P. Hitti. New York, 1916, I, p. 100.

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИСТОРИК АГАФИЙ МИРИНЕЙСКИЙ
И ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Агафий мало привлекал внимание как русских, так и иностранных ученых. В западноевропейской буржуазной литературе только Нибур и Тейффель сколько-нибудь обстоятельно останавливались на характеристике Агафия,¹ однако оба эти немецких историка не могли отрешиться от господствовавшего в первой половине XIX в. пренебрежительного отношения к византийским авторам. Тогда еще держалось навешанное Гиббоном мнение о безжизненности и ничтожестве византийской литературы в целом. Из русских византистов еще никто специально не занимался Агафием, видным деятелем литературы переходного периода. Исторический труд Агафия содержит сведения по истории народов СССР и потому не может не привлечь внимания советских византистов.

Агафий издан впервые в 1594 г.² Лабб в парижском издании византийских историков дал только перепечатку голландского издания.³ В Боннском издании 1828 г. исторический труд Агафия издал Нибур, воспользовавшись списком Редигера, который не был отыскан Бонавентурой, так что бывший ранее самым испорченным текст Агафия после издания Нибура стал наиболее исправным.⁴

Издание Нибура было перепечатано Минем и Диндорфом,⁵ последним — с некоторыми дальнейшими исправлениями.

О жизни Агафия мы знаем мало, и то, что знаем, почерпается главным образом из его собственных произведений.

Он был уроженцем малоазиатского города Мирины, сыном ритора Мемнония, родился около 536/7 г. Его отец переселился в Константинополь, чтобы стать тут адвокатом, а мать он потерял трехлетним ребенком. Она умерла и была погребена в Константинополе.⁶ Агафий имел также брата и сестру Евгению, которая умерла раньше него.⁷

В 554 г. он закончил свое общее образование в Александрии, где находился во время землетрясения, и после землетрясения в том же году

¹ Agathiae. Histor., ed. Bonn, prooem; W. S. Teuffel. Agathiae von Myrine. — Philologus I, 1846, 495—511.

² V. Vulcanius. Lugd. Batav. 1594.

³ Corpus Paris. Paris, 1660.

⁴ Agathias, ed. Bonn. 1828.

⁵ Migne. Patr. gr. 88. 1248—1608; L. Dindorf. Hist. gr. minores, v. 2 (1871), 132—453.

⁶ Agathiae. Histor., ed. Bonn. p. 374, ep. 43.

⁷ Ibid., p. 376, ep. 53.

возвратился в Константинополь, где получил юридическое образование.⁸ Предположение Йорги, что он получил юридическое образование в Берите, является необоснованным, так как сам Агафий рассказывает, что во время его возвращения из Александрии Беритская юридическая школа была до основания разрушена землетрясением.⁹

На четвертом году своих юридических занятий он с тремя товарищами возложил венок на изображение архангела и написал свою четвертую и двадцать третью эпиграммы.¹⁰ Он находился в Константинополе во время землетрясения 558 г. Его профессией стала адвокатура, откуда он и получил прозвище Схолостика. Но вероятно, что между учебой и адвокатурой был перерыв, и именно к этому времени относится поэтическое творчество Агафия, о котором он говорит во введении к своему историческому труду.

„С детства, — пишет Агафий, — я больше всего увлекался героическим ритмом и весьма услаждался сладостью поэтических тонкостей. Мною написаны в гексаметрах маленькие стихотворения, которые называются „Дафниака“, украшенные эротическими мифами и наполненные разными волшебными сказками. Далее мне казалось достойным хвалы и не лишенным удовольствия собрать новые и свежие эпиграммы и свести в единое целое, приведя в систему. Тогда мною были написаны и многие другие произведения не ради пользы, а ради удовольствия.“¹¹

Из этого сообщения, а также из показаний Свиды и Палатинской антологии мы узнаем, что до перехода к историческому труду Агафий написал: 1) девять книг *Δαφνιακά* эпического размера, содержащие в кратком изложении эротические мифы; 2) собрал эпиграммы современных ему поэтов, объединив их в один сборник с собственными, причем этот сборник по содержанию был разделен на семь книг;¹² 3) написал и другие мелкие поэтические и прозаические произведения, не дошедшие до нас.¹³

Все эти произведения были написаны еще в царствование Юстиниана; автор писал их в возрасте 20—30 лет.

Агафий не был настолько обеспечен, чтобы не заботиться о заработке, и эта забота мешала ему отдаться любимым занятиям. Для добытия средств к жизни он был вынужден заниматься адвокатурой. Мы не должны, однако, представлять его и бедняком, так как в 72-й эпиграмме он называется „отцом родного города, очистившим его от грязи и построившим в нем красивое здание.“¹⁴ Очевидно, в благодарность за это родной город поставил в честь его, его отца и брата статую, как „дань его добродетели и мудрости.“¹⁵ А эта честь, весьма употребительная в античные времена, в VI в. представлялась уже событием исключительным.

К написанию исторического труда Агафий приступил только после смерти Юстиниана.¹⁶ Он сам рассказывает, что только по настоянию своих друзей, и прежде всего Евтихиана, он решил перейти к более серьезным занятиям, плодом которых и явился дошедший до нас его исторический труд в пяти книгах.

⁸ Ibid. II, 15.

⁹ N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire. Byzantion II, 1925.

¹⁰ Agath., Histor., ed. Bonn, p. 363, 868/9.

¹¹ Ibid., prooem, p. 6.

¹² Благодаря этому в Палатинской антологии сохранилось более 100 эпиграмм Агафия. K. Grumbacher. Gesch. d. byzant. Litter., 241.

¹³ Agath. Histor., ed. Bonn; Anth. Pal. IV, 3; Suidas Lexicon, ed. Bernhardt, Agathias Pauly-Wissowa I (1894), 744; W. Christ. Gesch. d. Griech. Litter. II. 792.

¹⁴ Agath., Histor., ed. Bonn, p. 381.

¹⁵ Ibid. XXI.

¹⁶ Ibid., prooem. 11: μή πρότερον, ἐς τὸ ἐγγραφεῖν πράγμα ἢ μόνον ἐξ ὅτου Ἰουστινῶς ὁ νέος τὴν αυτοκράτορα μετέλθεν ἀρχὴν Ἰουστινιανοῦ τεθνηκότος.

Этот труд охватывает только семь лет истории Восточно-Римской империи с 552 по 558 г. Так как Агафий ставил перед собой задачу продолжать Прокопия, то он начинает свое изложение там, где тот остановился, — событиями в Италии после смерти Теи. История Агафия писалась при Юстине II почти современником описываемых событий. Естественно, что для времени 552—558 гг. Агафий является главным нашим источником. Успешному выполнению работы мешала, однако, адвокатская деятельность автора. В своем историческом труде он горько жалуется, что побочные занятия отнимают у него все время и мешают заниматься любимым делом. „Я, — пишет наш историк, — следуя отнюдь не добровольно тяготеющей надо мной необходимости, хотя желания влекут меня к иному. Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого занятия. Для меня же, — сказала бы беотийская лира, — оно является побочным делом жизненного пути, и у меня нет возможности проводить жизнь наилучшим образом в том, в чем я больше всего желал бы. Мне следовало бы ради подражания перечитывать древних мудрецов, узнавать и выбирать все могущее быть полезным и быть для этого свободным и избавленным от других работ. Я же, наоборот, с раннего утра до захода солнца просиживаю у императорского портика, изучаю и объясняю документы, представляющие судебные дела и процессы. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и не меньше скорблю, когда не беспокоят“.¹⁷

Но когда он приступил к писанию своего исторического труда, перед ним встали и другие трудности. В молодости он не готовился быть историком, — естественно, что когда он взялся за это новое для него дело, значительное время должна была занять подготовительная работа. Насколько серьезно Агафий взялся за эту работу, показывает то обстоятельство, что он внимательно изучал даже персидские летописи.¹⁸ Поэтому начало писания истории мы должны отнести только к 70—80-м годам VI в. (570 и следующему году).

Быть может, адвокатская деятельность и явилась причиной, почему этот труд остался незаконченным и не доведенным до 577 г., как предполагал автор. Главной задачей Агафий ставил перед собой написать историю царствования Юстина II, но она так и осталась невыполненной. В то же время несомненно, что его исторический труд дошел до нас полностью, так как его продолжатель Менандр начал свою историю с 558 г., т. е. с того года, на котором остановился Агафий. Сам Менандр удостоверяет, что он решился писать историю только после смерти Агафия.¹⁹ Тот же Менандр говорит, что только после вступления Маврикия на трон (август 582 г.) он решился на этот труд.²¹

Обе даты, таким образом, почти совпадают по времени и показывают, что Агафий умер в 582 г. Этому соответствуют и другие показания источников. Самое позднее событие, о котором мимоходом упоминает Агафий в своей истории, это смерть Хозроя,²¹ который стал царем на пятом году царствования Юстиниана, т. е. в 531 г., и умер после 48-летнего правления, т. е. в 579 г.²²

¹⁷ Agath., *Hist.*, III, 1.

¹⁸ Ibid. II, 29.

¹⁹ Suidas Μένανδρος — ὁρμήθη ἐπὶ τήνδε συγγραφὴν ἀρξασθαι μετὰ τὴν ἀποβίωσιν τοῦ Ἀγαθίου καὶ τῆς ἱστορίας ποιήσασθαι.

²⁰ Photii Menand., p. 439, Bonn. Ἐπεὶ Μαυρίκιος τὸ βασιλεῖον διεδήσατο κράτος — ἐν τῷ τοῖς ἔργοις ἀναλογιζόμενος ἦν ὡς οὐκ ἦν ἀνονητα με περινοστέειν ἕξ οὖν ἂν μὴ διὰ παντός κενεμβατοῖην ὁρμήθη ἐπὶ τήνδε συγγραφὴν.

²¹ Agath. IV, 29, p. 271.

²² Ibid.

Автор дожил до смерти Хозроя, о которой он упоминает в своей истории, но не дожил до вступления на престол императора Маврикия, так как упоминает о нем, как о простом полковводе.²³

Эти данные приводят к выводу, что Агафий умер в начале 582 г. еще молодым, 46 лет от роду. Этому расчету, повидимому, противоречит свидетельство Евагрия,²⁴ у которого мы читаем: „последующее (после Прокопия) затем последовательно рассказали Агафий Ритор и мой согражданин и родственник Иоанн, доведшие свои сказания до бегства Хозроя Младшего к римлянам и до восстановления его на царстве, когда Маврикий нимало не колеблясь принял к себе беглеца по-царски и при помощи больших денег и войск весьма скоро возвратил ему престол. Впрочем эти последние истории еще не изданы в свет“.

Так как Евагрий писал свой труд в 593 г. (Fabricius, *Bibl. gr.* VII, p. 432), то, судя по этому сообщению, труд Агафия еще не был издан к этому году, когда, по нашим расчетам, его давно уже не было в живых. Нибур искал выход из затруднения в предположении, что текст Евагрия здесь испорчен.²⁵ Более правильным следует признать объяснение Тейффеля, что здесь нет порчи текста, а только выражение Евагрия неточно. И слова Евагрия „не изданы“ нужно понимать буквально только в отношении произведения Иоанна Епифанийского, труд которого, еще не изданный, Евагрий, ввиду личного знакомства с автором, мог читать в авторской рукописи.²⁶ Кто сомневается в истинности этого объяснения, должен предположить, что Агафий к 580 г. написал пять книг, а затем жил еще долго и, несмотря на свой сравнительно молодой возраст и на неоднократно выраженное желание продолжать свой труд, ничего больше не написал и не издал ни в 593 г., ни позднее, так что Менандр должен был продолжать только первые пять книг Агафия, — предположение, которое представляется невероятным.

Возможно, что издание труда Агафия было задержано смертью автора. Во всяком случае Евагрий в 593 г., зная о его существовании, еще не получил его. Об этом он ясно говорит в другом месте: „Эти дела (подвиги Нарсеса) описаны ритором Агафием, но его труды еще не дошли до нас“.²⁷

Таким образом, вместо того, чтобы сказать об этом труде, что он еще не дошел до него, а о другом, что автор еще не издал его, Евагрий объединяет их в одном неточном выражении. Ту же неточность он допускает, характеризуя их содержание и говоря, что они довели свои сказания „до бегства Хозроя Младшего к римлянам и до восстановления его на царство“. Это опять-таки относится только к Иоанну, так как Агафий описал лишь 7 лет царствования Юстиниана; остальное описано одним Иоанном.²⁸

Исторический труд Агафия в Византии получил широкую известность. Его продолжатель Менандр принял Агафия за образец. Не был он забыт

²³ Ibid. IV, 29, p. 272; Μαυρίκιος ὁ Παύλου ὑπὸ Τιβερίου Κωνσταντίνου τοῦ Ῥωμαίων αὐτοκράτορος ἄρχεν τὸν κατὰ τὴν εἰς ταχμάτων προσεταγμένος.

²⁴ Evagrii *Hist. ecclesiast.*, V, 23. τὰ ἐχόμενα τούτω Ἀγαθίῳ τῷ ῥήτορι καὶ Ἰωάννῃ ἐμῷ τῷ πολιτῇ καὶ συγγενεῖ κατ' εἰρμόν ἱστορήσασθαι μέχρι τῆς Χοζροῦ τοῦ νέου πρὸς Ῥωμαίους φυγῆς καὶ τῆς εἰς τὴν αὐτοῦ βασιλείαν ἀποκαχταστάσεως Μαυρικίου ὑποδεχόμενου — βασιλικῶς καὶ — καταρχόντας, εἰ καὶ μὴπο ἔτυγον ἐκδοσικότες.

²⁵ Agath., ed. Bonn, p. XV, not. 22.

²⁶ Philologus I, 1846. W. S. Teuffel. Agathiae von Myrine, 499.

²⁷ Evagrii IV, 24 πέπραχται δὲ καὶ ἕτερα τῷ Ναρσῇ ἄπερ Ἀγαθία μὲν γέγραπται τῷ ῥήτορι οὐπω δὲ εἰς ἡμᾶς ἄρξεται.

²⁸ τὰ μὲν ὅσα Ῥωμαῖοι τε καὶ Μῆδοι πολεμοῦντες ἀλλήλοισι ἔπραθον τε καὶ ἔδραμον — γέγραπται Ἀγαθίᾳ — *Fragmenta Hist. graec.* IV, 273.

и в последующие века и служил источником для летописца Феофана. Отдельные части его были в X в. включены в Константиновское собрание эксцерптов. Усердно подражал Агафию византийский историк конца X в. Лев Дьякон.²⁹ Новое время отнеслось к нашему историку менее благосклонно. Гиббон полупрезрительно характеризовал Агафия как поэта и ратора, в противоположность Прокопию, государственному деятелю и солдату.³⁰

Нибур, издатель Агафия в Боннском собрании византийских историков, отрицал наличие какого-либо политического мировоззрения у Агафия, как историка, утверждая, что его исторические взгляды представляют только шаблонные общие места, лишённые всякого интереса.³¹

Тут Нибур, однако, противоречит самому себе, говоря далее, что Агафий настолько же стоял выше всех последующих византийских историков, насколько сам он уступал Прокопию в таланте и осведомленности в военных и гражданских делах.³²

Нельзя согласиться с утверждением Нибура об отсутствии у Агафия политического мировоззрения. Если историк даже не дает политической оценки описываемых им исторических событий, то уже одна характеристика исторических лиц и деяний и даже простой выбор фактов предполагают наличие такого мировоззрения. С этой точки зрения всякий историк может требовать себе места, хотя бы очень скромного, в истории политических идей.

Вслед за Нибуром некоторое внимание нашему автору уделено в 1846 г. немецкий историк Тейффель, занимаясь вопросом о подлинности „Тайной истории“ Прокопия.³³

Признавая в труде Агафия отдельные здравые и ценные суждения, Тейффель в то же время упрекал его за желание „соединять историю с поэзией“, за то, что автор своей фантазией нарушает правильное изложение исторических фактов, включает в свой рассказ выдуманные речи, слишком выпячивает свое личное отношение к историческим событиям, мало останавливается на внутренней истории Византии и недостаточно ясно понимает международные отношения.³⁴ „Певец любовных песен, собиратель литературных мелочей своих высокопоставленных современников (напр. Павла Силенциария), Агафий меньше всего был способен давать верные оценки историческим событиям“³⁵

Немецкий историк, к сожалению, не приводит данных, изобличающих Агафия в неверном изложении исторических фактов. Правда, он упоминает два примера, но оба они неудачны. В первом Тейффель обвиняет Агафия в том, что он не знает географии Италии и помещает Кумы в Этрурии, но это обвинение является необоснованным, так как Агафий говорит только, что Кумы расположены на берегу Тирренского моря (I, 8, 5, p. 31), в чем нельзя видеть ошибки. В той же главе Агафий говорит, что, узнав о движениях франков и алеманнов, Нарзес решил захватить города Этрурии, которые были населены готами. Это также нельзя назвать ошибкой, так как в этом заключалась основная цель военного плана Нарзеса в начале войны.

Далее Тейффель считает неверным сообщение Агафия (I, 1, 26), что после победы Нарзеса над Тейей готы направились куда желали, тогда как по Прокопию (Gothica, IV, 35) специальной статьёй договора готам запрещалось проживать в собственно Италии и их местопребывание ограничивалось северной Италией (к северу от р. По), но сам же Тейффель признает, что этот пункт договора не был проведен в жизнь. Готы, например, оставались в Кумах, поэтому и в сообщении Агафия нельзя видеть ошибки.

Взгляды Тейффеля повторяет Крумбахер. Не отрицая ценности сообщаемых Агафием сведений, Крумбахер упрекает его за то, что „поэтическая склонность преодолевает в нем свободу и остроту исторического взгляда, а фантазия и рефлексия затемняют достоверность рассказа“,³⁶ но Крумбахер также не подтверждает своего обвинения никакими конкретными фактами. В связи с этим перед нами стоит задача — выяснить, какими источниками пользовался Агафий в своем труде; насколько заслуживают доверия сообщаемые им сведения; было ли у Агафия какое-либо мирозерцание, и если было, то в чем оно заключалось и идеологию каких общественных групп оно отражало.

Нельзя отрицать, что Агафий очень серьезно, насколько это было для него возможно, отнесся к своей задаче историка. Он считал необходимым тщательно подготовиться к своей работе и приобрести возможно более полную осведомленность в описываемых им исторических событиях и лицах, действующих в них. Ему наука обязана сохранением фрагментов погибших летописей Сасанидского Ирана. По просьбе Агафия императорский переводчик Сергей получил у иранских хранителей царских летописей выписки, касающиеся хронологии иранских царей. Сергей получил списки сасанидских царей, выписки из них о хронологии их царствования и важнейших событиях, совершенных ими, искусно перевел все это на греческий язык и вручил нашему историку.³⁷

Кроме персидских летописей, у Агафия было немало и других письменных источников. Агафий был знаком не только с греческой, но и с латинской исторической литературой, знакомство с которой тогда еще не было утрачено в Византии. Агафий цитирует Александра Полигистора, Аристотеля, Азиния Квадрата, Диодора, Геродота, Ксенофонта, Антенокла, Бероза, Симмаха, Диона, Ктезия, Нонна, Пиндара, Прокопия, Павла Силенциария.³⁸

Хотя он удивляется знаниям Прокопия и считает себя невеждой в сравнении с ним, но следует согласиться с Иоргой, что он был начитаннее своего предшественника, хотя, конечно, Прокопий далеко превосходил Агафия по своей осведомленности в текущих событиях, знании военного дела и административного механизма правительственной машины.³⁹ В сравнении с Прокопием Агафий был скорее кабинетным ученым.

Описываемые Агафием события относятся к тому времени, когда он был еще слишком молод и занят учебной и поэтической творчеством, чтобы детально изучать исторические события, совершавшиеся вне Византии. Проживая почти постоянно в Константинополе, он мог, как очевидец, писать только о немногих событиях, как, например, о землетрясении в Александрии (II, 15), в Константинополе (V, 13), о морской

²⁹ N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire. — Byzantion II (1925), p. 242.

³⁰ Изд. Bury IV, 420.

³¹ Niebuhr. Vita Agath., p. XIII.

³² Ibid.

³³ Philologus I, 1846, W. S. Teuffel. Agathiae von Myrine, 495—511.

³⁴ Ibid., p. 503.

³⁵ Ibid.

³⁶ K. Krumbacher. Geschichte d. Byzant. Litter., 241—242.

³⁷ Agath. Hist. IV, 31.

³⁸ Ibid. I, 6; II, 17; II, 21; II, 24; II, 25.

³⁹ Médaillons d'histoire littéraire byzantine. — Byzantion II, 243.

язве там же (V, 10). В описании большей части событий он должен был основываться на письменных и устных сообщениях других. Тейффель почему-то считает, что в распоряжении Агафия не было никаких официальных письменных документов для времени 552—558 гг., и он в своей истории пользовался исключительно устными сообщениями,⁴⁰ но такое предположение едва ли может быть признано основательным. Если Агафий при помощи представителей императорской администрации сумел получить выписки из летописей Сасанидского Ирана, то представляется невероятным, чтобы при помощи своих высокопоставленных покровителей он не мог ознакомиться хотя бы с некоторыми официальными правительственными документами (донесениями полководцев, дипломатических агентов), необходимыми ему для написания истории. Что такие письменные источники действительно были в распоряжении нашего автора, показывает его описание судебного процесса над убийцами Губаза, где он приводит выдержки из инструкций Юстиниана.⁴¹ Несомненно, из этих официальных источников Агафий получил данные о королях и порядках франков (I, 2—7) и о военных действиях в Италии и Лазике, но, конечно, он не ограничивался одними письменными источниками. Командиры войск, послы, переводчики, торговцы осведомляли его, сообщая много ценных подробностей, и таким образом письменные материалы расцветались свежими красками. Это чувствуется при чтении живого и картинного описания ночного нападения римского отряда на мисимиян (IV, 18), гибели Сотериха (III, 46, р. 175), морской катастрофы, постигшей гуннов при попытке овладеть полуостровом Галлиполи (V, 22), поражения персов при городе Фазисе (III, 24—27). Анализируя вопрос о том, насколько собранный материал мог быть критически освоен автором, насколько достоверны факты, сообщаемые Агафием, мы наталкиваемся на большие трудности, так как Агафий по большей части является нашим единственным источником для событий, происходивших в Италии, Лазике и Византии в 552—558 гг. Возникает вопрос: чем проверять показания нашего историка, если у нас не имеется других свидетелей данных исторических событий? Остается внутренняя критика источника, анализ отдельных известий, установление их внутреннего соответствия.

При оценке Агафия как историка мы не должны прежде всего забывать, что он был сыном своего времени и, подобно большинству античных историков, был убежден в том, что писание истории есть также дело красноречия, которое улаживает и поучает. Он откровенно пишет: „Поскольку это зависит от меня, я желаю и больше всего добиваюсь соединения харит с музами“.⁴²

Агафий любит изысканные поэтические выражения, пишет языком, насыщенным словами и оборотами из Гомера, Пиндара, Геродота, вводит в свое изложение значительное количество таких слов, которые мы встречаем только у него, так что его издатель Нибур должен был эти слова специально выделить в особый *index graecus* своего издания.⁴³

Он щеголяет изысканной небрежностью стиля. У него нередки анаколуфы, нарушение правильной конструкции речи вставными предложениями.⁴⁴ Подобно всем другим античным историкам он вплетает в свой рассказ длинные речи, но это не значит, что Агафий беззаботно отно-

сится к вопросу о достоверности сообщаемых им данных. Нельзя отрицать субъективного желания нашего историка быть правдивым. Во введении к своему труду он торжественно заявляет, что будет искать в прошлом только правды и освещать ее беспристрастно, ибо только правда может принести пользу и научить добру. Он решительно не согласен с теми, кто считает возможным прикрашивать или перекрашивать истину. „Я, — говорит он во введении, — буду писать историю не так, как это делается теперь другими. У них меньше всего заботы об истине и о том, чтобы описывать события так, как они происходили в действительности“.⁴⁵ За субъективное желание автора быть правдивым ручается добросовестность, проявленная им в сборе материала. Во всяком случае ни один из его критиков — ни Нибур, ни Тейффель, ни Крумбахер — не могли найти каких-либо крупных фактических ошибок в его работе. Уже давно признано, что сообщения Агафия о франках имеют высокую ценность.⁴⁶ Точно так же для истории Сасанидского Ирана IV—VI вв. Кристенсен признает нашего автора одним из важных источников.⁴⁷

Важнее всего то, что Агафий имел и объективную возможность при написании своей истории не замазывать теневых сторон последних лет царствования Юстиниана.

Агафий писал свою историю в царствование Юстина II, когда все отчетливее вырисовывалась картина краха попытки Юстиниана реставрировать рабовладельческую империю в старых пределах. Большая часть Италии, с таким трудом отвоеванной Византией, при Юстине II быстро и легко была захвачена лангобардами. Балканский полуостров все более наводнялся славянами и аварами. Уже завершалась окончательная ликвидация римской власти в северной части Балканского полуострова. Война с Ираном, начатая Юстином II, приносила только поражения. Среди народных масс назревало грозное недовольство и подготавливался взрыв ожесточенной классовой борьбы, которая должна была вскоре до основания потрясти империю. Даже верхи византийского общества охватывало недоумение и недовольство. Когда Юстин начал строить башню для маяка, на ней стали появляться пасквили, авторы которых давали Юстину совет поскорее довести эту башню до должной высоты, чтобы оттуда увидеть картину разорения империи, в какую бы сторону ни направить взор.⁴⁸ Правительство Юстина пыталось оправдаться заявлениями императорских новелл, что кризис подготовлен политикой предшествующего правительства.⁴⁹ Описывая историю последних лет царствования Юстиниана, Агафий знал эту правительственную тенденцию. Поэтому он мог сравнительно свободно критиковать порядки предшествующего царствования, мог не затушевывать теневых сторон византийской жизни. Критики (Тейффель) обвиняют Агафия, что он слишком выпячивает свое личное отношение к описываемым им событиям. С нашей точки зрения, выявление автором своего мирозерцания не должно считаться недостатком. Все зависит от того, каково это мирозерцание. Агафий действительно не хотел ограничиваться простым летописанием без оценки исторических фактов. Став историком, он задается определенной, принципиальной целью. Он не желает быть только рассказчиком, а считает себя обязанным стать истолкователем того, что было, для объяснения того, что есть.

⁴⁰ *Philologus* I, 1946. 495.

⁴¹ *Agath. Hist.* III, 3, 142; IV, 6, p. 216.

⁴² *Agath.* III, 1.

⁴³ *Ibid.*, 409—419.

⁴⁴ *Ibid.* II, 22; III, 18.

⁴⁵ *Ibid.*, prooem.

⁴⁶ N. Jorga. *Médaillons d'histoire littéraire byzantine.* — Byzantion, II, 243.

⁴⁷ Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*, p. 275.

⁴⁸ *Theoph.* 243, 17—34.

⁴⁹ *Nov.* 148 praef.

„Если, — пишет Агафий, — исторические труды будут состоять из простого, неосмысленного пересказа событий, то они будут немногим лучше тех басен, которые рассказываются во время прядения шерсти“.⁵⁰

Возникает вопрос, какие же философские и политические идеи выявляются в историческом произведении Агафия? Однако для понимания идеологии любого писателя нужно принимать во внимание всю совокупность его произведений. Поэтому и для понимания мирозерцания Агафия нельзя обойтись без знакомства с содержанием его поэтических произведений.

Никто не отрицает поэтического таланта Агафия. Даже Крумбахер, критически относящийся к его историческому труду, признает, что в своих эпиграммах он является счастливым подражателем древним, что эротические стихотворения ставят вне сомнения его поэтический талант, что он высказывает даже больше поэтического подъема, чем большинство эпиграмматиков раннего императорского времени.⁵¹ В избранном им роде поэзии Агафий имел таких предшественников, как Симонид Кеосский, Анакреон, Каллимах, Феокрит, но его эпиграммы по своей безукоризненной поэтической форме и изяществу выдерживают сравнение с произведениями его великих предшественников, да и по содержанию он мало отличается от них. Несмотря на то, что он жил в период полного торжества христианского аскетического мировоззрения, в его поэтическом творчестве мы находим не „хмурого византийца“, а жизнерадостного эпикурейца, попрежнему беззаботно воспевающего вино, любовь и другие земные радости жизни. Легкий и изящный стих и эротика — главная особенность его поэтических произведений. Некоторые эпиграммы Агафия даже непереводимы по вольности своего содержания. Стихотворения Агафия представляют ряд жизненных сцен, изображаемых в живых красках, причем автор отнюдь не выступает как моралист или человек кающийся. Перед нами — тонкий наблюдатель, который вспоминает об испытанных или виденных им самим радостях жизни. Он предлагает даже правила, как лучше всего использовать заманчивые наслаждения, избегая связанных с ними опасностей и затруднений. Любовь занимает главное место в его творчестве, причем любовь не открытая, а тайная, связанная с преодолением разных трудностей.

В своих эпиграммах поэт живо описывает, как, тихо приподняв засов двери, он взмахом полы верхнего платья тушит светильник, проскальзывает мимо крепко спящей привратницы и прокрадывается в опочивальню своей возлюбленной.⁵² Он радостно рассказывает, как хитрой уловкой вынуждает признание в любви:

Я испытал ее сердце придуманной хитростью.
Иду в чужеземную страну.
Оставайся здоровой, дева, и вспоминай обо мне.
Она застонала, не удержалась от слез.
Она просила остаться...
Я же как бы нехотя дал свое согласие.
О как я счастлив, осуществив горячее желание
И представив его в виде одолжения.⁵³

Поэт учит, как нужно добиваться благосклонности женщины:

Женщинам свойственно презирать слишком гордых и насмехаться над слишком робкими.

Лучший любовник тот, кто сочетает эти свойства, соединяя искательство с младенческой надменностью.⁵⁴

Тем, кто упорно отказывается от домогательства, поэт угрожает гневом Киприды:

Тронешься ли ты моею страстью, Филинна?

Утомят ли тебя мои страдальческие глаза,

Или ты спокойно ешишь, не испытывая никакого
сострадания к моей любви?

Но ты скоро испытаешь подобное, жестокая.

Я увижу твои щеки, орошенные горькими и частыми слезами.

Киприда во всем остальном изменчива.

В одном она постоянна: она всегда противится гордым.⁵⁵

В своих стихотворениях поэт пересказывает разговоры, которые он вел с женщинами на пирах. В 11-й эпиграмме поэт объявляет, что он не винопийца, но если его собеседница желает его видеть опьяненным, то пусть прикаснется к чаше с вином своими губами. Тогда он не останется трезвым, тогда он в досталь отведаст кубка, потому что он принесет ему поцелуй очаровательного виночерпия.⁵⁶ Поэт учит, как следует восхвалять любимых женщин в стихотворной речи. В своем обращении к кифаристке Ариадне он пишет:

Если дева коснется кифары,

Она соперничает со струнами Терпсихоры.

Если звучит в трагическом тоне ее голос,

То он превосходит звуки самой Мельпомены.

Если речь будет идти о красоте, то будет, вероятно,

Побеждена сама Афродита,

Даже если судьей будет Парис.

Но я поскорей умолкну, чтобы не услышал Дионис

И не пожелал обладать тобой.⁵⁷

Несмотря на все эти уловки, домогательства поэта не всегда были успешны. Он часто описывает страдания отвергнутой и неразделенной любви.

В 10-й эпиграмме он жалуется, что рыдал всю ночь, только когда занялась заря, ему удалось немного забыться. Но щебетали кругом ласточки и отогнали сладостный сон. И снова его охватила страсть к Роданте, а из глаз полились обильные слезы. Поэт умоляет птичек умолкнуть, чтобы он мог немного поспать спокойно: „Может быть, придет сон, который бросит меня в объятия Роданты“.⁵⁸

Подобно другим поэтам античности Агафий любит не только красивыми людьми, но и красивой природой. Лучшие страницы его поэзии — это описание природы: прекрасное описание моря в 79-й эпиграмме,

⁵⁴ Ibid., ep. 6, p. 364.

⁵⁵ Ibid., ep. 18, p. 368.

⁵⁶ Ibid., ep. 11, p. 365.

⁵⁷ Ibid., ep. 9, p. 365.

⁵⁸ Ibid., ep. 10, p. 365.

⁵⁰ Agath. Hist. I, 8.

⁵¹ K. Krumbacher. Geschichte d. byzant. Litter. M., 1897, 241.

⁵² Agath. Hist. ep. 24, p. 369.

⁵³ Ibid., ep. 21, p. 368.

описание сельской местности в эпиграмме 23-й. Но, когда поэт любуется красотами природы, его чувства раздвоятся. С одной стороны, хочется жить одной жизнью с природой, а с другой — поэта неудержимо тянет в город, к предмету его страсти.

В 23-й эпиграмме, носящей заголовок „Письмо Агафия, задерживаемого вне города юридическими занятиями, Павлу Силенциарию“, мы читаем:

Здесь зеленеющая местность
Представляет необыкновенную прелесть
Зрелищем плодородных деревьев.
Здесь под тенистыми кипарисами
Щебечут птички, матери нежных птенцов,
Звонко кричат щеглы,
И в густом терновнике жалобно воркуют голуби:
Но какая мне в этом радость, когда я предпочитал бы
Слушать твой рассказ
И звук кифары в честь Феба.
Меня охватывает двойное желание:
Хочу видеть тебя, счастливец,
И прелестную Дамалиду, к которой
Меня влечет сильное желание.
Но законы удерживают меня вдали
От этой нежной газели.⁵⁹

В поэтическом творчестве Агафия затрагиваются и более серьезные темы, но они трактуются так же, как у античных авторов.

В красивой 83-й эпиграмме поэт рекомендует не бояться смерти, но у него нет даже намека на христианское учение о бессмертии, о загробной жизни. Поэт пишет:

Почему вы боитесь смерти, которая дает покой,
Прекращает болезни и бедствия бедности?
Всеми только один раз должен быть проделан
Путь к смерти.
И ни к кому смерть не приходит дважды.
Болезни же, самые различные,
Приходят к смертным бесконечной чередой.⁶⁰

Указанные черты творчества вызвали даже сомнение, являлся ли Агафий христианином. Но дошедшая до нас эпиграмма, в которой Агафий вместе с друзьями увенчивает венком изображение архангела, а также некоторые данные его истории показывают с несомненностью, что формально он был христианином. Вероятнее всего, что, воспитанный отцом-язычником в преклонении перед античной культурой, он принял христианство, подобно многим другим, не в силу внутреннего убеждения, а по необходимости, чтобы избежать кары законов, не стать жертвой насилия фанатиков.

Возникает вопрос: как могли издаваться и распространяться в Константинополе VI в. подобные произведения откровенно-языческого и эпикурейского характера, распространяться в то время, когда в столице велась беспощадная борьба с язычеством во всех его проявлениях

и не мало византийских риториков и литераторов становилось жертвой церковного террора?

Это обстоятельство можно объяснить только тем, что литературный талант Агафия обеспечил ему покровительство сильных людей. Часть византийской аристократии (особенно образованная) и в VI в. попрежнему относилась к христианству равнодушно и свысока, предпочитая ему культурные традиции античности. Это настроение, которое сквозит почти у всех светских авторов этого периода (Прокопия, Иоанна Лидийца, Менандра, Симокатты) приводило иногда к обвинению аристократов в язычестве. Некоторых из своих покровителей Агафий сам указывает. Во введении к своему историческому труду он упоминает о высокообразованном „молодом Евтихиане“, первом из императорских секретарей, представляющем „лучшее украшение рода Флоридов“. „Этот муж, — замечает Агафий, — очень заботился о моих делах, о моей славе и моих выгодах“.⁶¹ К таким друзьям покровителям поэта принадлежал, очевидно, и поэт Павел Силенциарий, сын Кира Флора. Агафий называет его „примикирием императорских силенциариев, украшенным славой своего рода, унаследовавшим от предков большое богатство, много уделявшим времени науке и красноречию и этим еще больше прославившимся и украшавшимся“.⁶²

В своих поэтических произведениях Агафий представляется нам легкомысленным и запоздалым эпигоном идеологии разлагавшегося рабовладельческого общества, но такое суждение о нем было бы слишком упрощенным. Молодой поэт постепенно начинал смотреть на жизнь серьезнее; в нем происходила известная эволюция взглядов, о которой он сам рассказывает в своей истории. В своем историческом труде он в значительной степени изменил свои первоначальные взгляды, но не настолько, чтобы усвоить христианское мировоззрение, хотя, в целях самосохранения, он и должен был говорить о религиозных вопросах с большой осторожностью и прикрываться видом наружного благочестия. Если поставить вопрос о философском направлении, к которому принадлежал Агафий, то его безошибочно можно причислить вместе с Прокопием к представителям скептической философии. Недаром Агафий в своем труде, характеризуя Урания, показывает хорошее знакомство со скептической философией.⁶³ Он придерживается этого направления как в познании явлений природы, так и в религиозных вопросах. Говоря об аристотелевской теории землетрясения, Агафий пишет: „Наблюдение начал и движений природы нельзя считать бесполезным и лишенным удовольствия. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое превышающим незнание“.⁶⁴

Подобно Прокопию он осмеивает ожесточенные споры различных церковных сект о природе божества.⁶⁵

Впрочем философские воззрения нашего автора не свободны от противоречий и неясностей. Агафий отвергает прокопиевскую идею рока, или божества, которое слепо, капризно и произвольно. Он приписывает богу ум (*νοῦς*), волю (*βουλή*), совершенное знание. Им все создано (II, 13), он всем руководит (III, 22, 24), но деятельность его для смертного рассудка может быть понята только в самых общих

⁶¹ Ibid., prooem, p. 7.

⁶² Ibid., V, 9.

⁶³ Agath., II, 29, p. 129.

⁶⁴ Ibid., III, 16.

⁶⁵ Ibid., II, 29.

⁵⁹ Agath. Hist., ep. 23, p. 363.

⁶⁰ Ibid., ep. 83, p. 384.

чертах (II, 29). Как будто признавая промысел божий, он в то же время отрицает, что войны возникают промыслом Божиим, и объясняет их возникновение земными страстями.

Он осторожно иронизирует над христианской идеей небесного возмездия, замечая, что оно постигает только некоторых грешников, и притом не самых главных. Критикуя фатализм, он отстаивает свободу воли, но и в этом вопросе у него не мало противоречий и неясностей. Его божество не имеет никакого определенного лица. Божественное воздействие представляется Агафийю неопределенным и неясным, и мы не знаем точно, что следует понимать под трансцендентной необходимостью — *ἀνεκέρτα ἀνάγκη*, — о которой неоднократно говорит автор.⁶⁶

По существу его отношение к христианству такое же холодное и безразличное, как и у Прокопия. У Агафия мы не найдем, правда, такой определенности, как у его продолжателя Менаандра в отрицании существования абсолютных нравственных мер. Менаандр прямо развивает теорию „относительности“ морали, являясь позитивистом и скептиком, и предвосхищает взгляды Маккиавели в вопросе об отношении между политикой и моралью.⁶⁷ Но Агафий, хотя и в менее ярко выраженной форме, тоже говорит об относительности моральных понятий.⁶⁸

Уяснение общего мировоззрения Агафия помогает нам понять и его политические взгляды. Являясь поклонником античности и консервативом в вопросах философии, морали и быта, Агафий проявляет такой же консерватизм и в вопросах внешней политики. Этот византийский грек в своей истории выступает горячим римским патриотом и сторонником восстановления Римской империи в ее былом величии и могуществе.

В своей истории Агафий не закрывает теневых сторон царствования Юстиниана, особенно ярко и убедительно показывая развал военной обороны империи. Но этим он не хочет очернить Юстиниана и признать нереальной и пагубной его попытку восстановления Римской империи на Западе Европы.

Злоупотребления и теневые стороны последних лет царствования Юстиниана Агафий объясняет старостью и дряхлостью императора, Юторый не мог уже должным образом контролировать свою администрацию. Правление Юстиниана он делит на два резко отличных друг от друга периода. В первый период Юстиниан совершил великие подвиги, проведя успешно завоевательные войны, покорил Ливию, Сицилию, Италию. В конце же своей жизни, уже состарившись, он отказался от трудов и выпустил из своих рук руководство делами.⁶⁹

Несмотря на это, наш автор все же высоко ценит Юстиниана и считает, что он „первый среди всех царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле римским императором“.⁷⁰ Агафий убежден, что Юстиниана напрасно упрекали за такие поступки, которые в правителе с благородной душой заслуживают похвалы, а именно за то, что он старался расширить и прославить свою державу. Агафий видит величайшую заслугу Юстиниана в том, что он освободил от ига варваров римские страны, „что Сицилия, Рим, Италия по изгнании варваров снова украсились отечественными законами“.⁷¹

⁶⁶ Agath., II, 9; III, 24.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 346, т. I, № 2; Вальденберг. Менаандр протектор.

⁶⁸ Там же, II, 23.

⁶⁹ Ibid. V, 4.

⁷⁰ Ibid. V, 14.

⁷¹ Ibid. V, 14. Anth. Palat. V, 47; P. Sokolowski. De Anth. Palat. quaestiones, p. 61.

У нашего автора выработалось определенное отношение к войнам. Он делит все войны на справедливые и несправедливые.⁷² Залогом успеха в войне он считает ее справедливый характер; причину неуспеха он видит в несправедливости войны. „Защищать отечество и отеческие учреждения, — пишет Агафий, — противиться стремлениям их разрушить, всеми силами отражать врагов — справедливо и высоко благородно. А те, кто ради наживы и безрассудной ненависти набрасываются на иноплеменников, обижают тех, от кого они сами не получили никакой обиды, — те поистине безумны и преступны, не знают правды, не боятся мщения божества. Поэтому их и ожидает великое возмездие. Предприятия их в конечном счете кончаются полными и непоправимыми катастрофами, если и кажутся некоторое время преуспевающими“.⁷³ Ксеркс и его полчища могли быть побеждены эллинами только потому, что затеяли несправедливое предприятие, стремясь поработить тех, от кого не получили никакой обиды, а афиняне победили потому, что сражались за свою свободу. Наоборот, те же афиняне потерпели поражение в Сицилии в Пелопонесской войне потому, что поступили несправедливо и неблагоприятно, оставив врагов у ворот и пытаясь сами овладеть чужой, отдаленной страной. Франки и алеманны Левтариса и Бутилина погибли в Италии именно потому, что предприняли несправедливую, грабительскую войну.

Такая же судьба постигла бы, несомненно, франкского короля Теодоберта, если бы он осуществил свои планы и вторгся во Фракию или Иллирию. Там он наткнулся бы на римское войско и погиб бесславно.⁷⁴ Войны Юстиниана он считает справедливыми войнами. Справедливыми со стороны византийцев являются описываемые им войны Нарзеса в Италии, Мартина и Юстина в Лазике.

Увлеченный патриотическим пылом, наш историк вкладывает, однако, в понятие справедливости своеобразный смысл, умалчивая, например, о том, чего стоила побежденным итальянцам сомнительная честь „снова украсить отеческими законами“, хотя он читал потрясающие страницы „Готской войны“ Прокопия, где тот описывал методы обращения византийцев с освобождаемым итальянским населением. „Начальники римского войска, — писал Прокопий, — вместе с солдатами грабили достояние подданных императора, и не было тех оскорблений и распушенности, которых они не проявили бы. Начальники в укреплениях пиروвали с своими возлюбленными, а солдаты, проявляя крайнее неповиновение начальникам, предавались всяким безобразиям. Таким образом, итальянцам пришлось переносить крайние бедствия со стороны того и другого войска. Поля их опустошались врагами, а все остальное сплошь забирало войско императора. Сверх того, мучаясь муками голода, они подвергались всяким обвинениям и издевательствам и без всякого повода предавались смерти“.⁷⁵

Тот же Прокопий сообщает, что в результате такого хозяйничанья „освободителей“ племя готов было истреблено почти поголовно, а „римляне в Италии вымерли наполовину и лишились всего своего достояния“.⁷⁶

Умалчивая об этих неудобных фактах, Агафий выражает горячую надежду на то, что римская власть прочно укрепится в Италии, что река Казулин, прославленная победой Нарзеса над франками, навсегда сохранит память о римской славе.

⁷² Ibid. II, 2; II, 10.

⁷³ Ibid. II, 1.

⁷⁴ Ibid. I, 4.

⁷⁵ Procop. De bello Gothico II, 9.

⁷⁶ Ibid. I, 9.

Такой же справедливой войной он считает войну в Лазике, которой посвящается большая часть его книги, хотя дела в Лазике обстояли немногим лучше, чем в Италии. Говоря о Лазике, несмотря на свой горячий римский патриотизм, автор не может скрыть органических пороков и недостатков римской рабовладельческой организации, с порядками которой не могли примириться вольнолюбивые лазы.

Агафий сравнительно объективно относится к лазам. Он подтверждает показания древних греческих географов о достаточно высоком уровне культуры страны лазов.

Он пишет: „Лазы — сильный и храбрый народ, господствующий над другими сильными народами. Они часто гордятся древним именем Колхов, быть может, и без основания. Среди народов, подвластных чужим государствам, я не знаю ни одного, столь знаменитого и славного, как обилием своих богатств, так и многочисленностью подданных, как обширностью и плодородием своих земель, так и красотой и живостью характера жителей... Современные жители Лазики занимаются мореходством, насколько это им возможно, и находят выгоды в торговле. Они уже не являются варварами“.⁷⁷

Агафий приводит яркие факты, свидетельствующие о большом политическом опыте и высокой сознательности руководящих кругов Лазики и объясняет причины, почему Восточно-Римская империя и Иран придавали такое огромное значение обладанию Лазикой, направляя сюда свои лучшие войска. В конце царствования Юстиниана византийское правительство, бросив в Лазикку свои отборные войска, прилагало все усилия к тому, чтобы не допустить Иран к берегам Черного моря. Агафий правильно указывает и основную причину, почему Сасанидскому Ирану, несмотря на огромные его усилия, не удалось всё же овладеть Лазикой, а именно — упорное нежелание лазов покориться Ирану. Агафий подчеркивает, что и географические условия были неблагоприятны для завоевательных планов Ирана.⁷⁸

„Хозрой убедился, что он не в состоянии воевать против римлян в Колхидской земле, так как они, владея морем, легко посылают туда всё, в чем нуждаются: он же вынужден с величайшим трудом, длинными и пустынными путями посылать в свои лагеря даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных“.

Византия бросила в Лазикку свои лучшие войска, но эти войска в изображении Агафия представляли настоящую амальгаму племен и народов. Кроме Юстина и Мартина с их малоазиатскими и фракийскими полками здесь перед нами выступают Ангилы с маврами — пелтастами и копьеносцами, Феодор с тяжело вооруженными цаннами, Фарсант с колхами, Филомафий с исаврами, Улиганд с отрядами герулов, Бораз с армянами, гунны-савиры, постоянно переходящие от византийцев к персам и обратно. Видное место в византийском войске занимают славяне-анты, из которых иные благодаря своей храбрости добиваются командных постов. Добрагез, Улиганд, Сваруна с сыном и другие занимают видные места в византийском войске.⁷⁹ Эта разношерстная армия легко поддается панике, и Агафий образно описывает, как 50-тысячное войско, состоящее из опытных воинов, постыдно бежало пред 3 тысячами персов.⁸⁰ Оно крайне недисциплинировано, грабит население, со звериной яростью сви-

⁷⁷ История Грузии, под ред. С. Джанашиа, ч. 1, стр. 102. Agath. Hist. III, 5, 145—146.

⁷⁸ Ibid. IV, 30.

⁷⁹ Ibid. III, 6, p. 50; IV, 20, p. 249.

⁸⁰ Ibid. III, 7.

репствует при подавлении восстания мисимийцев, не щадя даже детей: сбрасывая одних со скалы, других подымая на копья.⁸¹ Еще хуже поступают вожди. Хотя царь лазов Губаз вел долгую и упорную борьбу с Ираном и был последовательным сторонником византийцев, римские полководцы вероломно убили его только за то, что, возмущенный их трусостью и нерадением, он открыто изобличал их в трусости, глупости и доносил об этом Юстиниану.

Высокомерный византийский вельможа Сотерих, прибывший в 555 г. к мисимийцам для очередной раздачи субсидий аланам и другим союзникам римлян, счел недопустимой дерзостью требование мисимийцев перенести свое местопребывание в другое место и приказал избить палками их выборных людей, забывая, что, по понятиям свободолюбивых горцев, подобное оскорбление могло быть смыто только кровью.

Неудивительно, что в ту же ночь мисимийцы напали на римлян Сотериха и всех перебили, а сами перешли на сторону персов.⁸² Византийцы ответили на это истреблением большей части этого племени.

Византийское правительство понимало необходимость считаться с лазами и, чтобы после убийства Губаза лазы не отложились окончательно, последило удовлетворить их требования, наказало убийц Губаза. Коронованный на царство Цата с большими почестями и великолепием был отправлен на родину для управления страной, но наш автор не может скрыть, что византийская администрация и после этого осталась неисправимой, и положение не улучшилось.

Высшее лицо византийской администрации, племянник императора, командующий византийскими войсками в Лазике Юстин не гнушается пользоваться услугами низкого спекулянта Иоанна Африканца, занимающегося, с его ведома, открытым и наглым вымогательством, удваивающим налоги, падающие на малоазиатских налогоплательщиков. „Когда он вернулся в страну лазов, — пишет Агафий, — он и там проделал то же самое. Сверх того, добыв не знаю каким способом грузовые суда, собрав всевозможными насилиями местные продукты, скупив многое за бесценок, он все это отправил и распродал в других местах. Естественно, что войско нуждалось в самом необходимом, так что даже зелень покупалась, этот же преступный спекулянт и перекупщик получал громадные прибыли. Из этих прибылей он возвратил с процентами Юстину взятые у него деньги, доставив ему в то же время и продовольствие. Хотя Юстин и знал, что делалось, обращал мало внимания на плач и слезы ограбленных людей, — хотя они постоянно приходили к нему, бросались к его ногам и заклинали избавить их от вымогательств. Так он недостойным образом извлекал выгоды из несправедливости и радовался этому, пользовался непокупным продовольствием и притом делал более увесистым свой кошелек“.⁸³

Агафий не скрывает, что не только в отдаленной Лазике, но и в самой столице порядки были не лучше. От насилий и произвола императорской администрации страдали не только бедняки, но и люди богатые. Агафий подтверждает показания „Тайной истории“, что императорская администрация не стыдилась подделывать завещания, лишая наследников их наследства. Описывая похороны погибшего при землетрясении консула и куратора императорских имуществ Анатолия, Агафий замечает: „Когда несли и погребали Анатолия, люди из народа повсеместно говорили,

⁸¹ Ibid. IV, 19.

⁸² Ibid. III, 16.

⁸³ Ibid. VI, 21.

что он наказан поистине справедливо, что он был самым несправедливым человеком и у многих близких отнимал их собственность, что к этому концу его привели каменные доски с судебными постановлениями и пурпурные флаги, которые он неоднократно накладывал на имущества богатых, добиваясь благоволения императора и таким образом присваивая все себе, насилуя и бесстыдно нарушая волю умирающих, совершенно игнорируя законы, которые требуют, чтобы дети наследовали имущество своих родителей".⁸⁴

Подобные злоупотребления Агафий объясняет старостью и дряхлостью императора. Этим же он объясняет и развал военной обороны империи.

В конце своей жизни, уже состарившись, Юстиниан предпочитал не воевать, а действовать дипломатическим путем, сталкивать врагов между собою, откупаться от их нападений подарками.⁸⁵ В связи с этим и войско перестало быть объектом должной заботы. Описывая картину опустошения Фракии бродячей бандой гуннов в 558 г., причем гунны угрожали самой столице, Агафий замечает: „К такому жалкому состоянию были приведены дела римлян, что даже в окрестностях столицы они терпели столь жестокие бедствия от варваров, к тому же весьма немногочисленных. В действительности римские войска были уже не таковы, как при древних императорах, но сведенные к ничтожной их части, далеко не соответствовали величине государства. Ибо все римское войско должно было насчитывать 645 тысяч вооруженных людей, а в то время оно едва состояло из 150 тысяч, и из них одни были размещены в Италии, другие в Ливии, третьи в Испании, некоторые у Колхов, некоторые в Александрии и Фивах Египетских. Небольшое количество было расположено и на границах персов. Там не было нужды в больших силах благодаря договорам и прочно установленному перемирию. Так нерадением властей многочисленные войска были сведены к незначительному количеству".⁸⁶ Это сообщение Агафия подтверждает и официально Юстин II. В его новелле от 566 г. мы читаем: „Мы нашли казну разоренной долгами и доведенной до крайней нищеты и армию до такой степени расстроенной, что государство было предоставлено непрерывным нашествиям и набегам варваров".⁸⁷

Агафий, так же как „Тайная история“, удостоверяет, что эта уменьшенная армия содержалась крайне неаккуратно и „воины, лишенные всего необходимого и принужденные иногда питаться милостыней, бежали от своих знамен".⁸⁸ И дело было не в недостатке средств, — средства были, но они растрчивались самым бестолковым образом. „Большая часть средств, предназначенных для войны, разбрасывалась бесцельным женщинам, возницам цирка и людям, непригодным для полезных дел, но зато преданным удовольствиям, обслуживающим с каким-то бешеным усердием внутренние смуты и цвета цирка, и на других, еще более бесполезных, чем эти".⁸⁹ Отзыв о правящей верхушке этого периода он дает резко отрицательный. Начальствующие лица, по его мнению, страдают завистью и враждой ко всему выдающемуся, „этими ужасными пороками, уничтожающими самое лучшее".⁹⁰ Завист-

⁸⁴ Agath. Hist. V, 4.

⁸⁵ Ibid. V, 14.

⁸⁶ Ibid. V, 13.

⁸⁷ Nov. 148 (praef.)

⁸⁸ Ibid. V, 14.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid. V, 20

ники оклеветали престарелого Велизария, спасшего столицу от гуннов в 558 г., и лишили его заслуженной награды за совершенный им подвиг. Они препятствуют выдвижению лучших и талантливых людей, которые не получают от государства никакой награды, а иногда и подвергаются преследованиям. „Уже древними мудрецами было показано и доказано, сколько ущерба получает государство, когда ослабляется предприимчивость лучших умов, когда они не получают похвалы, когда недооценивается и пренебрегается (все выдающееся), будь то воинские подвиги, или литературные дарования, или что-нибудь другое, имеющее величайшее значение".⁹¹ В справедливости этого каждый, по мнению Агафия, может убедиться из ежедневных наблюдений.

Как относятся начальствующие лица к знаменитым ученым и философам, которые не менее, чем талантливые полководцы, полезны государству? Агафий смело становится на защиту опальных и гонимых последних языческих философов закрытой Юстинианом афинской философской школы. Это были настоящие ученые, в противоположность шарлатанам и лжеученым, которые занимаются только бесплодными богословскими спорами. Эти ученые — Дамаский сириец, Симплиций киликийнин, Евлампий фригиец, Прискиан лидиец, Эрний и Диоген, по отзыву Агафия, „представляют цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время".⁹² А как с ними поступили? Они были вынуждены переселиться в Иран, „потому что не приняли господствовавшего у римлян учения о божестве". Автор питает глубокий интерес и симпатию к этим лицам, потому что видит в них людей, готовых до конца бороться за науку и культуру.

Мы не в состоянии проверить, насколько заслужена большинством названных философов высокая оценка, даваемая им Агафием, так как от Евлампия фригийца, Эрния и Диогена до нас не дошло никаких трудов, а от Прискиана сохранились только незначительные отрывки, но дошедшие до нас сочинения Дамаския характеризуют его как серьезного писателя и философа.⁹³ От Симплиция сохранились ученые комментарии к сочинениям Аристотеля, дающие ряд ценных сведений по истории древней философии.⁹⁴

Агафий знакомит нас с их дальнейшей судьбой, после закрытия Юстинианом афинской школы. Он сообщает, что в Иране они разочаровались в своих надеждах, несмотря на благосклонное отношение к ним Хозроя, и пожелали вернуться на родину. Хозрой проявил в данном случае благородство и при заключении мира с Юстинианом внес в условие мирного договора специальный пункт, обеспечивавший им терпимость на родине, после чего философы возвратились и мирно дожили свои дни.⁹⁵

Ошибочны и вредны для государства, по мнению нашего историка, столь распространенные в Византии преследования за веру, гонения на еретиков. Он осторожно замечает: что „уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева. Не добровольно они ошибаются и падают, но стремясь к добру, а затем введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были".⁹⁶ Подобно Прокопию он осмеивает ожесточенные

⁹¹ Ibid. V, 20.

⁹² Ibid. II, 30.

⁹³ Christ. Geschichte d. Griech. Litter. II, 869.

⁹⁴ Ibid. II, 870.

⁹⁵ Ibid. II, 30, 31.

⁹⁶ Ibid. I, 8.

споры различных церковных сект о природе божества. Прокопий язвительно писал: „Хотя я хорошо знаю эти разногласия, но я менее всего хочу говорить о них. Я полагаю, что это какое-то недомыслие и безумие — исследовать природу бога, какова она может быть. Я думаю, что для человека недоступно понять даже то, что касается самого человека, а не то, чтобы уразуметь, что относится к природе бога“.⁹⁷ Агафий, часто бывавший в книжных лавках Константинополя, в которых всегда бывало много народа, так как они служили и читальнями и местом для научных бесед, осмеивает тамошних спорщиков по богословским вопросам. „Был некий человек, сириец родом, по имени Ураний. Он бродил по столице, объявляя, что занимается медицинским искусством. Из аристотелевских же учений он основательно ничего не знал, а хвалился, что знает много, кичась своим задором на собраниях. И часто, приходя к портикам дворца и сидя в книжных лавках, он спорил и величался пред собравшимися там и ведущими обычные споры о божестве [по вопросу], какова его природа и сущность, доступно ли оно страданиям, о неслиянии и тому подобном.“

Громадное большинство спорящих не очень усердно посещало грамматические школы, оно не отличается безукоризненностью жизни, тем не менее считает легким и самым сподручным [делом] — перепрыгнуть, так сказать, через порог и заниматься рассуждениями о божестве, предметом таким недоступным и возвышенным, превышающим разумение человека, о котором можно сказать только одно то, что оно непознаваемо. Поэтому они постоянно собираются вечером после попойки и невоздержанности и начинают разглагольствовать, как им заблагорассудится, о возвышенных божественных предметах, всегда болтая одно и то же. Они не убеждают друг друга, упорно держатся своих мнений при всяких обстоятельствах; в споре злятся друг на друга, бросают друг другу открытые оскорбления, издавая отвратительные возгласы, как играющие в кости. Среди них первое место занимал этот Ураний, не переставая разглагольствовать и извергать брань, как Терсит у Гомера“.⁹⁸

Таким образом, общая картина порядков Восточной империи, нарисованная Агафием достаточно правдиво, получается довольно безотрадной.

Агафий, — один из немногих византийских авторов, который подходит к правильному пониманию того, в чем заключалась сила и преимущество молодых варварских государств пред Византией, близок к пониманию того, что основная причина бедствий империи заключалась в обострении классовых противоречий. „Для успешного хода государственных дел, — говорит наш историк, — нужно прежде всего единение и согласие. Там, где развито соперничество, там, где люди думают только о том, чтобы захватить в свои руки власть, и завидуют друг другу, там дело не может идти хорошо“. Теневые стороны византийской жизни особенно бросаются в глаза, когда Агафий сравнивает порядки империи с порядками франкского государства, наиболее могущественного из варварских государств. „Я удивляюсь франкам, — пишет Агафий, — как за другие свойственные им добрые качества, так в особенности за справедливое отношение друг к другу. Так у них подданные склонны к справедливости и любят родину. Вожди же в нужных случаях благожелательны и доступны убеждениям“.⁹⁹

⁹⁷ Procop. De bello Goth. I, III, 5—3.

⁹⁸ Ibid. II, 29.

⁹⁹ Ibid. I, 2.

Этого единства, которое наш историк усматривает у франков, он не находит в своей собственной стране.

Но если Агафий правильно подмечает основную причину слабости Византии и призывает к водворению в империи внутреннего мира и согласия, то какие же конкретные средства к этому он предлагает? Ясного ответа на этот вопрос мы у него не находим. Автор осторожно рекомендует отказаться от преследований за веру, от гонений на еретиков, рекомендует изменить систему воспитания юношества. „Порывы и подвижность юношества, стремление к славе с самого начала должны развиваться в достойных, целесообразных, общественно-необходимых делах“ (Агафий рекомендует военную службу), а не „растрачиваться в нелепых порывах, волнениях димов, конских ристаниях, разжигаемых „цветами“, куда теперь направляется юношество и так развращается, если не отвлекается каким-либо более полезным делом“.¹⁰⁰ Как бы ни была тяжела и безотраднa обстановка, сложившаяся после Юстиниана, римлянам, по мнению Агафия, нечего приходить в отчаяние, отказываться от великодержавных планов Юстиниана. Нужно только, чтобы они не почивали на старых лаврах, а сохраняли душевную бодрость и мужество.¹⁰¹

Агафий отказывается рассматривать переживаемое время как упадок; нечего жаловаться на современность и принижать ее перед древностью. И в наше время, — говорит Агафий, — совершаются деяния, превосходящие подвиги древности. Нужно только выдвигать на командные должности лучших и талантливых людей, окружать их вниманием и почетом.

Судьба народа, — говорит Агафий, — зависит от деятельности руководителей, крупных и выдающихся личностей. Источник исторических перемен Агафий видит в почине и руководстве господствующих, правящих слоев, которые направляют государство к добру или злу, смотря по уровню их дарований и общественной нравственности. Подобно Прокопию он считает, что народ всегда склонен к смятению и бунту, к запальчивости и увлечениям. „Толпа не привыкла здраво взвешивать вещи. Она легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно“.

Агафий, подобно другим античным и византийским историкам, не понимает роли трудящихся масс, как главного творца истории, создающего своим трудом материальные блага, составляющие необходимые условия существования всякого общества. Поэтому вслед за своими предшественниками он повторяет, что народ — это „чернь“, „слепая толпа“, что он не способен ни на какое творчество, что его удел — прозябать в темноте под игом угнетателей.

Агафий переоценивает роль великих людей. Он верит в возможность торжества сильной человеческой личности при всяких обстоятельствах. Нет таких трудностей, таких препятствий, каких не могла бы победить человеческая личность, проникнутая энергией и решимостью.

Свои теоретические положения Агафий подкрепляет фактами, взятыми из жизни.

Одним из героев историка является полководец Нарзес. Он является образцом того, как сильный человек может преодолевать любые трудности. „Нарзес, — говорит Агафий, — был чрезвычайно благоразумен и деятелен и легко приспособлялся к обстановке любой случайности.“

¹⁰⁰ Ibid. VI, 21.

¹⁰¹ Ibid. VI, 21.

Этот евнух, воспитанный в изнеженности в императорском дворце, вырабатал такое мужество и ловкость в делах, которые кажутся незероятными. Отсюда ясно, что кому присущ свободный и благородный ум, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим¹⁰².

Автор показывает на конкретных примерах, какую ловкость, находчивость и мужество проявил Нарзес при осаде занятых врагами итальянских городов, затем в Аримине, разгромив со своими оруженосцами большой вражеский отряд, особенно в решительной битве 554 г., где римский полководец устроил вторгшимся в Италию франкам и алеманам новые „Канны“, причем из 30-тысячного ополчения Бутилиана спаслось только 5 человек.

Другим героем Агафия является престарелый Велизарий. Описывая подвиги состарившегося Велизария в 558 г., автор замечает: „Закончив эту последнюю в своей жизни войну, он приобрел не меньшую славу, чем тогда, когда воздвиг трофеи, победив вандалов и готов. Ужас настоящего и безнадежного будущего делали его деяния еще более значительными, а победу более радостной“¹⁰³. Значение этих подвигов особенно усиливает то обстоятельство, что „он был уже стар и, естественно, весьма слаб, но отнюдь не казался подавленным трудами и нисколько не жалел своей жизни“¹⁰⁴. Его подвиг он сравнивает с тем подвигом, какой совершили спартанцы Леонида под Фермопилами. „Но те погибли раньше многих персов. Бывшие же вместе с Велизарием римляне проявили спартанскую доблесть, обратив всех врагов в бегство и весьма многих истребили, не понеся притом самих никаких потерь“¹⁰⁵. Как ни трудна и ни тяжела была борьба в Лазике, но ловкость и опытность Мартина дала возможность нанести персам решительное поражение у Фазиса в 555 г., после чего персы должны были признать свое дело проигранным.

Таким образом, по мнению Агафия, и в трудной обстановке человеческая личность может совершать блестящие подвиги. Она способна совершать их не только на военном поприще, но и на поприще мирного культурного строительства, в области науки, преодолевая всякие препятствия. Агафий презирает и высмеивает лжеученых наподобие Урания, занимавшихся бесплодными богословскими спорами, но он поднимает на щит и превозносит тех из своих современников, которые действительно двигали вперед науку, культуру, искусство.

Образцом для подражания он выставляет знаменитого архитектора VI в. Анфимия из Тралл. Он знакомит читателя с его биографией, показывает, из какой высокоталанливой семьи он вышел. Сам Анфимий „дошел до вершины математических наук, а два других, Диоскор и Александр, показали себя опытнейшими во врачебном искусстве“¹⁰⁶. Из них один образовал множество юношества из знати и приобщил их к прекраснейшей из наук, так что внушил всем, насколько мог, стремление и любовь к наукам и красноречию. Другой [Анфимий] создал удивительные работы как в столице, так и повсеместно, которые, полагаю, если бы о них и ничего не читали, пока они стоят и сохра-

¹⁰² Procop. De bello Goth. I, 16.

¹⁰³ Ibid. V, 15.

¹⁰⁴ Ibid. V, 19.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Ibid. V, 6.

няются, сами по себе достаточны, чтобы снискать ему бессмертную славу“¹⁰⁷. Нечего поэтому жаловаться на современность и принимать ее перед древностью.

Здесь Агафий избрал образцом для подражания действительно достойный объект. Знание, ум и искусство Анфимия из Тралл единогласно восхвалялись всеми современниками¹⁰⁸. Из сочинений его, к сожалению, сохранилось только несколько отрывков научных трактатов, но его репутация гениального архитектора подтверждается сохранившимся до настоящего времени в Константинополе храмом св. Софии, который и теперь поражает удивительной легкостью своей структуры и может быть признан одним из выдающихся созданий архитектуры. Свой пылкий интерес к жизни этого замечательного человека наш историк хочет передать и читателю, рассказывая ряд анекдотов о его технической изобретательности: как при помощи остроумных технических приспособлений он потрясает дом своего соседа ритора Зинова, как при землетрясении, пугает Зинова искусственной грозой, путем специальных зеркал наводит на его дом ослепительные солнечные лучи и доводит его до такого состояния, что тот, бросившись к ногам императора, жалуется, что ему, простому смертному, не по плечу бороться одновременно с Юпитером, мечущим грома и молнии, и Нептуном, потрясающим землю¹⁰⁹.

Выдвигая таких выдающихся граждан на руководящие посты, государство римлян может преодолеть любые опасности и сохранить свое славное имя. Поэтому Агафий приходит к выводу, что как бы тяжела и безотраднее ни была современная обстановка, римлянам нечего приходить в отчаяние, а необходимо сохранять душевную бодрость и разумно относиться к опасности.

Агафий — не сторонник широких социальных преобразований. Пренебрежительно относясь к трудящимся массам, он, естественно, бессилен, несмотря на правильность отдельных замечаний и пожеланий, указать выход для господствующих классов из создавшегося кризиса. Тем не менее, он все же заслуживает большего внимания, чем ему уделялось до сих пор.

Политические взгляды Агафия представляют известный интерес потому, что они помогают нам понять мысли и чувства образованной части византийской аристократии конца VI в., идеологом которой он являлся и которая и в это время относилась к христианству равнодушно и свысока, сохраняя свою верность старой античной культуре. Никак нельзя согласиться с Нибуром, который считал политические взгляды Агафия шаблонными и лишенными интереса. У Агафия мы видим по существу то же настроение, которое сквозит у Прокопия, Ионна Лида, Менандра, Симокатты, но у него оно проявляется наиболее резко и рельефно в насмешках над бесплодными теологическими спорами, в протесте против преследования еретиков, в жалобах на недооценку выдающихся представителей культуры и науки, в подчеркивании, что ученые, писатели и художники не менее важны для государства, чем победоносные полководцы, в возвеличении таких людей, как последние афинские философы и Анфимий. Надо думать, что Агафий в своих настроениях не являлся одиночкой, что за ним стояла достаточно влиятельная прослойка, которая существовала и в последующие

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ Agath. V, 6; Procop. De Aed. 174, Hermes XVI, 261 и 237. Pauli Silent., 268—273.

¹⁰⁹ Agath. V, 7.

века и благодаря которой Византии удалось, несмотря на всевозможные катастрофы, сохранить для последующих поколений наследие античной культуры.

Не менее любопытен горячий римский патриотизм этого византийского грека. Несмотря на то, что Агафий мог ясно видеть, к чему на практике привела Византию интервенция Юстиниана на Западе Европы, у него все же нет ни тени сомнения в правильности внешней политики Юстиниана, он — убежденный сторонник его политики. И в этом вопросе Агафий несомненно является выразителем настроений византийской аристократии. Как упорны и живучи были эти великодержавные тенденции, показывает тот факт, что Византия, несмотря на все превратности судьбы, не оставляла своих притязаний на Италию до конца XII в.

Е. Э. Липшиц

НИКИФОР И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД

Никифор — видный церковный и политический деятель позднеиконоборческого периода, занимавший в 806—815 гг. патриарший престол в Константинополе, известный не только своими церковно-политическими сочинениями, но и историческими трудами, представляющими значительный интерес.

Деятельность Никифора, как и его отца Федора, была тесно связана с Константинополем и императорским двором в период чрезвычайно сложных и трудных перипетий, пережитых империей во время иконоборческих споров. Яркой иллюстрацией всей сложности создавшейся для него ситуации может служить тот факт, что отец Никифора (оставаясь иконопочитателем) был одним из приближенных при дворе зачатого иконоборца императора Константина Копронима и состоял на придворной службе до конца своей жизни, несмотря на неоднократные ссылки.¹

Самому же Никифору, первоначально светскому сановнику, ставшему патриархом по воле одноименного ему императора, пришлось быть активным участником двух дворцовых переворотов и венчать на царство императора Льва V Армянина, прославившегося вскоре после того своими преследованиями иконоборцев и ссылкой всех виднейших сторонников иконопочитания, в том числе Федора Студита и самого Никифора. При этом мы застаем Никифора в начале его карьеры, возведенным в сан патриарха императором, принципы религиозной политики которого (религиозная терпимость к еретикам-павликианам и главенство государства над церковью) выводили из себя монахов. А самый факт провозглашения Никифора патриархом вызывает резкий протест его будущего друга и единомышленника, наиболее непримиримого и нетерпимого идеолога монашества и церковной независимости — Федора Студита.

О жизни и деятельности Никифора можно судить, помимо его собственных произведений, и по многочисленным сведениям, сохранившимся о нем у ряда современных ему писателей, не говоря уже о более поздних. Так в современных ему хрониках Феофана² и Анонима IX в. о Льве, сыне Варды,³ подробно рассказывается о времени его патриар-

¹ Ср. Vita Nicephori в книге: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica ed. C. de Boor, accedit Ignatii diaconi vita Nicephori, Lipsiae, 1880, p. 145 sqq.

² Theoph. Chronographia, ed. d. Boor. Lipsiae, 1885, pp. 481, 20; 362, 30; 481, 13; 493, 17; 481, 22; 434, 22; 492, 15; 492, 23; 493, 31; 494, 27; 495, 3; 493, 45; 499, 27; 502, 10; 502, 20; 502, 30.

³ Scriptor incertus de Leone Bardae Filio, ed. Bekker (вместе с Львом Грамматиком) Bonn, 1842.

шествия и о его позиции накануне и во время возобновления иконоборческих мероприятий императора Льва V Армянина. Сведения о Никифоре можно почерпнуть и из переписки известного защитника иконопочитания Федора Студита, в которой сохранилось несколько писем, адресованных Никифору.⁴ Очень большое место уделяется Никифору в агиографической литературе IX в., среди которой на первое место по обилию сведений следует поставить подробное, хотя и крайне идеализованное и одностороннее жизнеописание Никифора, составленное его учеником диаконом Игнатием.⁵

Сообщения, содержащиеся в небольшом слове пресвитера и игумена Феофана об изгнании Никифора,⁶ в повествовании о Никифоре и Тарасии,⁷ а также в многочисленных житиях IX в., таких, как надгробное слово Платону, написанное Федором Студитом,⁸ как житие самого Федора, написанное Михаилом Студитом,⁹ как энциклика ученика Федора Навкратия о смерти Федора Студита,¹⁰ как житие Иоанна Психаита,¹¹ как жизнеописание патриарха Игнатия Никиты Давида Пафлагонянина,¹² Иоанникия Вифинского¹³ и Макария Пелекитского, написанные Саввой,¹⁴ Никиты, написанное его учеником Феостериктом, — могут значительно пополнить эти сведения.¹⁵

Наконец, и у большого числа позднейших византийских писателей — Георгия Монаха,¹⁶ Льва Грамматика,¹⁷ Генесия,¹⁸ Продолжателя Феофана,¹⁹ Псевдо-Симеона,²⁰ Кедрина²¹ имеется ряд дополнительных сообщений, которые дают возможность лучше охарактеризовать биографию и место Никифора в сложной политической ситуации, создавшейся в Византии накануне восстания Фомы Славянина.

Никифор родился в Константинополе в царствование императора Константина V (741—775). Отец его Федор, состоявший на придворной службе, неоднократно подвергался вследствие своих иконопочитательских воззрений ссылкам. Сначала он был выслан в Каппадокию в крепость Пимолиссу, затем, после нового вызова в Константинополь, переехал в Никею. Он занимал в Константинополе должность нотариуса в императорском тайном приказе (секрете), оставаясь на службе до конца своей жизни. Никифор также начал свою карьеру светским придворным писцом в „секрете“.²² Когда после смерти Льва Хазара

⁴ Migne. Patr. gr., t. 99 № 18 (814 г.); 30 (306 г.); 25 (308 г.); 79 (821 г.).

⁵ Op. cit., pp. 139—217.

⁶ De exsilio s. Nicephori et translatione reliquiarum, Vers. lat. Migne, t. 100, p. 139 sqq.

⁷ Narratio de patriarchis Tarasio et Nicephoro. Migne, t. 99, p. 1849 sqq.

⁸ Migne, Patr. gr., t. 99, pp. 804—849.

⁹ Ibid., 233 sqq.

¹⁰ Ibid., 1825 sqq.

¹¹ Ed. van der Ven. Muséeon, Nouv. sér. III, 97. 1902.

¹² Migne, Patr. gr., t. 105, 438 sqq.

¹³ Acta sanctorum. Nov. IV, 11, 1894, p. 332 sqq.

¹⁴ Analecta Bollandiana XVI. 1897, p. 140 sqq.

¹⁵ Acta sanctorum. April III, t. I, p. XXII sqq.

¹⁶ Ed. de Boor. 2 vol. Leipzig, 1904.

¹⁷ Ed. Bonn, 1842.

¹⁸ Ed. Bonn, 1834.

¹⁹ Ed. Bonn, 1838.

²⁰ Ed. Bonn, 1838.

²¹ Ed. Bonn, 1339.

²² Ἰστένη γὰρ ὑπογράφει τοῖς τῶν χριστιανῶν μιστήριος ὑπερταύμενος, οὕτω γὰρ παρὰ τῆς Ἀρσωνίδι διαλέκτῳ τὸ Ἀττικῆς ὄνομα. Он был взят писцом в императорские секреты, ибо название этой должности на авзонском (латинском) диалекте означает a secretis, т. е. служащий в тайном управлении (Vita, p. 144).

воцарилась Ирина, Никифор принял участие в соборе 787 г., собранном императрицей Ириной. Восстановление иконопочитания Ириной, а может быть, и другая причина вызвала поворот в судьбе Никифора. Хотя и не сразу, он все же бросает службу при дворе и удаляется на холм, расположенный против Фракийского Босфора, надевает рубище и ведет жизнь подвижника в основанном им монастыре. По словам Игнатия, Никифор усердно занимался наукой, как духовной, так и светской, в которой он, по отзыву его биографа, был чрезвычайно силен. Помимо богословия, и в светских науках — грамматике, риторике, софистике, математике, музыке, философии, изучению которых так много уделялось внимания в школе патриарха Тарасия, Никифор „достиг вершин познания“. Когда патриарх Тарасий умер (25 февраля 806 г.), преемником его, по инициативе императора Никифора, был поставлен Никифор, несмотря на резкий протест Платона и Федора Студита. Свидетельство Феофана в этом пункте подтверждается документально письмом Федора Студита к императору, из которого вытекает, что Федор Студит как будто бы сам претендовал на занятие этого поста.²³ Там, во всяком случае, выдвигаются основания, по которым кандидатуру Никифора следовало бы отвергнуть; так, в качестве одного из условий, необходимых для занятия поста патриарха, указывается последовательное прохождение разрядов церковной службы от низшего к высшему, которому Никифор, конечно, как светский человек, еще не успевший даже принять монашескую схиму, не удовлетворял.²⁴ Об агитации, проводившейся дядей Федора Студита, Платоном, против назначения Никифора, сообщает Федор в надгробном слове Платону.²⁵ При этом оба будущие единомышленника Никифора за свое противодействие были даже подвергнуты тюремному заключению в течение 24 дней.²⁶ Никифор был провозглашен патриархом. О его деятельности на этом посту в оставшийся период царствования одноименного ему императора, т. е. до 811 г., мы мало осведомлены. Известно лишь, что он обратился с письмом к римскому папе Льву III (795—811) о единении; повидимому самовластное вмешательство императора в дела церкви и его политика покровительства сектантам-павликианам не соответствовали взглядам Никифора. Последнее вытекает с очевидностью из дальнейших событий.²⁷ Когда после смерти императора, павшего в войне с болгарами, против его сына Ставракия был организован заговор для передачи престола мужу Прокопии (дочери убитого императора) Михаилу Рангаве, Никифор после недолгого колебания оказался среди заговорщиков. Феофан сообщает, что Ставракий, лежавший больным после тяжелого ранения в спину, полученного в битве с болгарами, и видимо, мало надеявшийся на возможность своего выздоровления, хотел решить вопрос о престолонаследии не совсем обычным способом: либо путем венчания на царство своей жены Феофано, либо так, чтобы „прибавить

²³ J. Bury. History of the Eastern Roman Empire. 1912, p. 32; ср. Theoph. Chronogr. 481, 22; 484, 22; ср. 470.

²⁴ Ср. Migne. Patr. gr. 99, p. 960; ср. I, 16. Theoph. Chronogr. 481, 28; cf.

²⁵ Migne. Ibid., p. 837; cf. J. Bury. Op. cit., p. 33.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ярким доказательством вмешательства императора Никифора в дела церкви явилась созыв собора в 809 г. для оправдания Иосифа, венчавшего Константина VI с Феодорой (сентябрь 795 г.) после развода его с Марией (ср. Theoph. 481, 22; J. Bury. Op. cit., p. 34; Mansi XIV, 4; Hefele. Conciliengeschichte, t. III, 397; Theodori Studitae. Ep. p. 1018, ep. 1, 33), что вызвало ряд протестов со стороны церковников и монахов.

ко всем бедствиям, обрушившимся на христиан, еще и демократию“ *ἡ δημοκρατία ἐγένετο χριστιανῶς ἐπὶ τοῖς προλαβοῦσι κακοῖς*. „Тогда-то, — говорит Феофан, — Никифор, напуганный (*πτοηθέντος*) этой идеей Ставракия, перешел в ряды заговорщиков, объединившихся вокруг Михаила и Прокопии, среди которых были магистр Феоктист, патрикий Стефан — домашник схол и некоторые другие придворные. Для того чтобы изменить кардинальным образом положение вещей в пользу проведения церковной политики в желательном для него направлении, Никифор предварительно заручился от Михаила собственноручной распиской в том, что он будет соблюдать православие и не будет преследовать священников, монахов и церковнослужителей. При коронации Михаил подарил патриарху 50 литров золота, а священнослужителям 25 литров. А затем, по инициативе патриарха, Михаил, ставший при его помощи императором, объявил смертную казнь еретикам, которые пользовались покровительством его предшественника“. По словам Феофана, „движимый великой ревностью к богу благочестивейший император, по внушению благочестивого патриарха Никифора, объявил смертную казнь манихеям — нынешним павликианам и афинганам во Фригии и Ликаонии“.²⁸

Правда, наш источник указывает, что императора удержали от массовых гонений другие советники, но все же, — прибавляет он, — не малое число сектантов было предано казни мечом.

Царствование Михаила I продолжалось, как известно, недолго. Поражение византийской армии во время болгарской войны в битве при Версиникии 22 июня 813 г., когда ей пришлось встретиться в открытом поле с болгарской армией, состоявшей преимущественно из славян, и бегство Михаила с поля сражения поставило на очередь вопрос о судьбах престола. Лев Армянин, ставший по поручению Михаила во главе армии, оказался наиболее подходящим кандидатом. Оставалось лишь уговорить Михаила отречься, что и было сделано Никифором. По данным некоторых источников, Лев обратился до своего воцарения с письмом к Никифору с уверением в том, что он будет соблюдать православие, и этим обеспечил себе поддержку патриарха. Такова версия Феофана и Анонима,²⁹ вероятно гораздо более близкая к истине, чем та, которую можно найти в жизнеописании Никифора, составленном Игнатием. Согласно последнему, Лев, которого Феофан лестно именует здесь „εὐσεβῆς καὶ ἀνδρείωτατος“, в житии представлен, как человек, позорно бежавший со своим войском с поля сражения.³⁰ По словам Игнатия, он подкупил народ и захватил престол, так что Михаилу с Прокопией осталось только уйти в монастырь. Не ожидая от Льва ничего хорошего, Никифор по обычаю вручил императору послание о вере, которое Лев временно отложил, обещая рассмотреть его после венчания, а потом снова от этого отказался. А когда Никифор венчал Льва на царство, — говорит Игнатий, — он ощущал в руке тернии (*ἀκάνθας*) и колючки (*τριβόλους*); ту же явно приукрашенную версию, искаженную в смысле, желательном для полного оправдания Никифора в глазах иконопочитателей, передает и Генесий.³¹

²⁸ Ср. J. Burg, Op. cit. 351. Theoph. Chronogr., p. 495.

²⁹ Theoph. Chronogr., p. 501—502; Scriptor incertus, p. 339—340.

³⁰ Vita Niceph., p. 162 сл. „У императора разгоралась война с гуннами во Фракии, где они причинили многим городам большой ущерб; во время этой войны Лев был главным виновником поражения и вызвал постыдное бегство всей армии“.

³¹ Genesii Regum. Vonn, p. 26 sq. — У Продолжателя Феофана первая версия подтверждается тем, что сообщается о тайном поручении Михаила, данном им одному слуге, — передать Льву императорские инсигнии. Эта версия засвидетельствована

Последующие события в изложении современников рисуются так: Лев, начавший подготовку восстановления иконоборчества, вступил в конфликт с Никифором, действовавшим на этом этапе своей жизни в контакте с Федором Студитом. Рассказывается в разных вариантах о разгоревшейся дискуссии, когда Лев, подготовив все материалы с помощью особой ученой комиссии во главе с Иоанном Грамматиком, призвал Никифора во дворец. О ходе работ этой комиссии известно, что ей был разрешен доступ во все церковные и монастырские библиотеки для изучения необходимых книг, и в частности актов собора 754 г.,³² и в найденных местах текста ставились специальные отметки (*σημαδία*). К декабрю 814 г. работы комиссии были закончены, и Никифор был приглашен во дворец к императору для частной беседы, во время которой Никифор упорно отстаивал свою позицию. Позже, после того, как была разбита икона Христа на воротах Халкопратии, церковники во главе с Никифором собрались на совещание, и Никифор обратился к императору с просьбой об отставке, которая не была, однако, принята. В дальнейшем же развитии событий, когда организовалась резкая оппозиция, во главе с Федором, против церковных мероприятий императора, вопрос об отставке Никифора стал на очередь дня. В мае 815 г. иконоборческим собором Никифор был смещен и сослан в основанный им монастырь Агафа *μονή τῶν Ἀγῶν*, а затем и в другой монастырь Федора [на азиатском берегу Босфора], где он продолжал неутомимо отстаивать свои взгляды и где его посетил Федор Студит. Последний был освобожден из ссылки в Смирне во время восстания Фомы, из опасения [как говорится в его житии], чтобы приверженцы Студита не пристали к Фоме, так как говорили, что „Фома признает иконы и поклоняется им“. Судя по письму Федора Студита к Михаилу по вопросу о казни Фомы, можно считать, что император в этом отношении добился успеха. Никифор обратился к Михаилу II с посланием о православии, но Михаил ответил его посланцам, что желает сохранить status quo; соборы Тарасия, Копронима и Льва V не должны приниматься во внимание; вопрос об иконопочитании обсуждению не подлежит: пусть никто не осмеливается приводить в движение язык свой³³ ни против икон, ни за иконы.³⁴ Поскольку Никифор должен был для возвращения в Константинополь отказаться от борьбы, он остался в изгнании. Пробыв в изгнании 14 лет с лишним, Никифор умер в июне 829 г. Его иконопочитательская деятельность снискала ему большую популярность среди единомышленников. Когда иконопочитание было восстановлено, то вскоре, в 847 г., его прах, по инициативе патриарха Мефодия, был перевезен в Константинополь и погребен в церкви апостолов.

другими источниками. Так, в одной миниатюре рукописи Скилицы (XIV в.) Михаил изображен коронуемым Львом. Оба стоят на щите. Die hl. Ch. Manuel d'art byzantine II, 778; J. Burg, Op. cit., p. 28; Mich. Syr., p. 70. В житии же Федора Студита удерживается версия Игнатия. Лев, стратег Востока, подкупив бывшее под его начальством войско и привлекая предводителей на свою сторону обещаниями высших почестей, производит возмущение против императора Михаила. Migne, Patr. gr., t. 99, стр. 170.

³² Дата собора установлена с точностью Б. М. Мелиоранским в книге „Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимлянин“ СПб., 1901, Burg относит собор к 753 г.

³³ Theod. Stud., ep. ep. II, 129; col. 1416—1417.

³⁴ Vita Nicephori, ed. de Voog, p. 210. „Мы же какой нашли церковь, такой же решаем ее сохранить. Говоря точнее, мы постановляем, чтобы никто не осмеливался приводить в движение язык свой ни против икон, ни за иконы“.

Литературное наследие Никифора включало ряд богословских произведений, значительная часть которых носила полемический характер.³⁵

Опираясь на прекрасное знание предшествующей патристической литературы, Никифор в этих сочинениях старался дать систематизированный отпор тем доводам против иконопочитания, которые были приведены Константином V, а также и тем, которые были собраны комиссией Иоанна Грамматика и фигурировали на соборе в 815 г. Историческая ценность этих произведений заключается также в том, что автор часто цитирует, в полемических целях, утраченные произведения иконоборца Константина Копронима, а также и Епифания Кипрского.³⁶ К времени изгнания Никифора относится и переписка, из которой сохранилось, однако, лишь два письма (да и то не полностью); одно, обращенное к папе Льву III, и фрагмент письма к императору Льву Армянину.

Исторические произведения Никифора представляют собой два небольших труда, краткий хронологический перечень событий „Χρονογραφικὸν σύντομον“ (или *χρονογραφικὸν ἐν συντόμῳ, ἐν ἐπιτόμῳ, ἐν συνόψει, χρονογραφία σύντομος*) от Адама до смерти Никифора в 829 г., в котором в сжатых таблицах перечисляются цари иудейские, персидские, египетские (Птолеми), римские императоры, епископы Константинополя, Рима, Александрии, Антиохии. Это произведение приобрело большую популярность в средние века. Второй труд — „Бревиарий“, охвативший период от смерти императора Маврикия (т. е. от 602 г.), доведен лишь до 769 г. Известно, что патриарх Фотий чрезвычайно высоко ценил литературные достоинства этого труда, указывая на то, что изложение Никифора отличается непритязательностью и ясностью; слог его не гонится за прикрасами, но именно таков, каким должен быть поистине у хорошо излагающего и совершенного писателя. Он не гонится за чрезмерными неологизмами, как и не склоняется к излишним и изысканным архаизмам. Только лишь чрезмерная краткость и скудость его сообщений, может быть, умаляют эти достоинства.³⁷

В этой характеристике схвачены очень удачно сильные и слабые стороны этого труда Никифора, хотя хвалебная ее часть была обусловлена не одними лишь литературными достоинствами „Бревиария“, но и тем уважением, которым было окружено имя Никифора, как церковно-политического деятеля в византийской ортодоксальной традиции. Что же касается критической части оценки Фотия, то при всей ее справедливости она требует некоторых весьма существенных дополнений и уточнений, на которых мы остановимся в дальнейшем.

„Бревиарий“ Никифора, или, следуя греческому заглавию, *ιστορία σύντομος* (по Фотию — *ιστορικὸν σύντομον*), был впервые издан Петавием (D. Petavius) в 1616 г., затем без каких-либо изменений переиздан в Парижском корпусе византийских историков (1648), в Венецианском (1729), Боннском (1837) и в греческой патрологии Migne (Patr. Gr. t. 100,

³⁵ Ср. Migne, op. cit. и Pitra. Spicilegium Solismense 1, 380, слл.; IV, 292 слл. (отрывки из одного очень важного произведения полемического характера, направленного против постановлений собора 815 г., которое еще не издано полностью).

³⁶ Ср. K. Holl, в *Sitzungsberichte der preuss. Akad. d. Wiss.* 1916, S. 828 ff. G. Ostrogorsky. *Studien zur Geschichte d. byz. Bildersstreites*, 1929; P. Maas, *Byz. Ztschr.* Bd. XXX, SS. 279—287. Вопрос о подлинности этих сочинений Епифания остается дискуссионным.

³⁷ Photii Bibliotheca. Cod. 66, ed. Bekker. Bonn, p. 33. Nicephori Patr. Op. cit., p. 1.

р. 876—994). В основу этой публикации была положена копия пергаменной рукописи Ватиканской библиотеки (№ 977), содержащей, кроме „Бревиария“ Никифора, историю Феофилакта Симокатты и относимой обычно к XI—XII вв. В 1880 г. де Боор обнаружил оригинал рукописи № 977 и опубликовал новое издание текста „Бревиария“, в котором исправил ряд испорченных мест. Кроме того, он использовал при восстановлении текста некоторые места сочинения Никифора, включенные в лексикон Свида, глоссарий (изданный Крамером по cod. Baroccianus 50 в *Anecdota Oxoniensia* 2, 427 и сл., содержащий *λέξεις ἐν τῆς ἱστορίας τοῦ ἁγίου Νικηφόρου*, а также и тексты византийских авторов: Theophanis Chronogr., Anastasii bibliothecarii Historia eccles., Georgii Amart.), которые могли помочь в восстановлении испорченных мест. Текст „Бревиария“ в издании де Боора доведен до 769 г. Фрагмент из Георгия Монаха, в котором идет речь о смерти Константина Копронима (775 г.), Петавий считал частью „Бревиария“, полагая, что „Бревиарий“ охватывал время, более позднее, чем 762 г.; но, как показал А. Mai (в *Bibl. Nova Patrum*, t. V, 3, 136), он взят из третьего Антиретики Никифора и, повидимому, в „Бревиарий“ не входил. В соответствии с объемом текста Ватиканской рукописи „Бревиария“ стоит и указание Фотия, что *ιστορικὸν σύντομον... κατέσει μέχρι τῆς εἰς γάμον κοινωνίας Λέοντος καὶ Εἰρήνης*. Таким образом, текст, изданный де Боором, может считаться наиболее точно установленным. Правда, следует отметить, что по инициативе К. Крумбахаера А. Бурхардт обследовал в 1894 г. еще одну рукопись „Бревиария“, не известную еще Боору. Рукопись эта — из собрания Британского музея (Cod. additional. № 19390), in quarto, пергаменная, IX в., т. е. хронологически близкая ко времени самого сочинения, содержит помимо „Бревиария“ Никифора и его же *Χρονογραφικὸν σύντομον* сочинения Иоанна Дамаскина. Текст „Бревиария“, помещенный на лл. 24—55, носит в этой рукописи заглавие *Χρονογραφικὸν Νικηφόρου τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμένης πατριάρχου*, которое Бурхардт считает более близким к первоначальному заглавию, чем то, которое дает де Боор, так как последнее содержит слова *τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν*, указывающие на позднейшую редакцию, составленную уже после смерти автора. По мнению Бурхардта, однако, и это название не является оригинальным. Последнее, вероятно, было следующим: *Ἱστορία σύντομος Νικηφόρου τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμένης πατριάρχου*. Слова же *ἀπὸ τῆς Μαυρικίου βασιλείας*, содержащиеся в публикации де Боора, вероятно, были взяты в Ватиканскую рукопись из эскипта Фотия, где говорится, что „Бревиарий“ „ἄρχεται ἀπὸ τῆς ἀναίρεσως Μαυρικίου“ (cf. Photii. *Bibl.*, cod. 66).

В результате проведенного Бурхардтом сличения этого текста с ранее известным, он пришел к заключению, что в первой его части, обнимающей собой период 602—713 гг., лондонский текст при идентичности содержания сильно отличается от текста Ватиканской рукописи, использованной де Боором.

Различия эти касаются употребления времен, падежей, замены глагола существительным, упрощения выражений, замены слов, опускания слов и проमेжуточных предложений и, наконец, даже изменения целых предложений.

Кроме того, имеется большое число случайных описок и ошибок. Но что важнее всего, в лондонском тексте имеется одна очень существенная вставка, уточняющая ход исторических событий на Востоке в 635 г. и раскрывающая, как будет показано дальше, систему обработки источников Никифором.;

Вставка эта отсутствует в обоих изданных вариантах текста Ватиканской рукописи — и Боннском, и де Бооровском издании „Бревиария“. Весь же текст Лондонской рукописи, в целом, остается неопубликованным, поэтому в нашем анализе „Бревиария“ приходится ограничиться текстом, изданным по Ватиканской рукописи, с теми поправками, которые изданы Бурхардтом.

Очень любопытны соображения, высказанные Бурхардтом по вопросу об источниках, положенных Никифором в основу его труда, хотя они требуют уточнения, так как не все пункты его доказательства оправдываются источниками. Обследованием было установлено, что в Лондонской рукописи представлен не окончательный текст „Бревиария“, но, скорее, текст другого, нам неизвестного автора, который служил Никифору источником при написании „Бревиария“ и был затем переработан и продолжен Никифором с использованием других произведений. Другими словами, Лондонская рукопись представляет материал, собранный Никифором для его истории. В пользу этого вывода говорит то, что текст Лондонской рукописи доведен лишь до ослепления Филиппика Вардана в 713 г. (de Boor, 49, 16), в то время как в Ватиканской рукописи он доведен (в соответствии со свидетельством Фотия о первоначальном объеме рукописи) до 769 г. Что такой объем определяется не случайными соображениями и не внешним состоянием Лондонской рукописи, видно из того, что текст последней заканчивается коротким заключительным предложением, в котором Бурхардту удалось прочитать с полной уверенностью лишь слова *χριστῶ* и *τελειώσαντι*, а также из того, что текст заканчивается на л. 55, в то время как л. 56 оставлен свободным. Наконец, самый ход изложения и все построения предложений, от начала „Бревиария“ и особенно от вступления на престол Ираклия до захвата Иерусалима персами в 614 г. (de Boor, 15, 2) в Лондонской версии сильно отличается от опубликованного текста Ватиканской рукописи, хотя все содержание их вполне идентично. Еще в 1881 г. Томпсон³⁸ в заключении к „Каталогу греческих рукописей Британского музея“ высказал предположение, что на тринадцати начальных листах содержится произведение утерянного и неизвестного автора, которое Никифор использовал для своей истории и переработал.

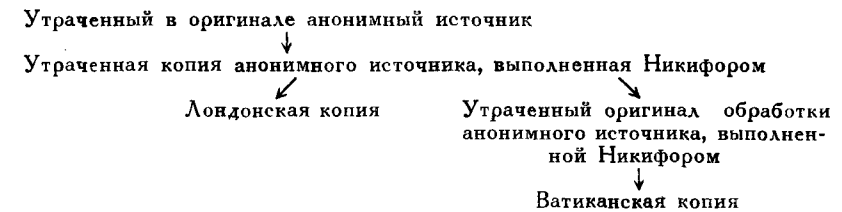
Этот фрагмент анонимного источника охватывает, однако, по мнению Бурхардта, лишь период 602—614 гг. и не доходит до 713 г. К последнему выводу Бурхардт приходит по следующим соображениям. Та часть этого произведения, где, например, говорится о переселениях болгар, находит свое соответствие у Феофана.³⁹ В то же время первая часть изложения, трактующая о времени правления Фоки и первых пяти годах царствования Ираклия, не находит подобного соответствия. Достаточно показательны уже то, — говорит он, — что Крисп, зять Фоки, который здесь многократно упоминается Никифором, как противник Ираклия, у Феофана нигде не встречается. Из этого можно заключить, что источник, использованный здесь Никифором, не был известен Феофану, не был известен и Синкеллу, материал которого был Феофаном использован.

Также исключена и возможность предположения, что здесь Никифором могла быть использована Пасхальная хроника, так как и в ней о Криспе вовсе не упоминается.

³⁸ E. M. Thompson. Catalogue of ancient Manuscripts in the British Museum. P. 1, Greek. London, 1881.

³⁹ Ей соответствует в опубликованной версии „Бревиария“ стр. 33 сл.

В конечном итоге Бурхардт рисует следующую схему взаимоотношения сохранившихся двух версий к оригиналу Никифора и его источнику.

Другими словами, Лондонская рукопись повторяет в копии не переработку Никифора, известную под названием „Бревиария“, а копию того источника, который был списан Никифором в части 602—614 гг.

Несмотря на то, что выводы Бурхардта кажутся на первый взгляд очень стройными и убедительными и к тому же были в свое время поддержаны К. Крумбахером,⁴⁰ все же при ближайшем рассмотрении приходится их считать лишь одной из маловероятных гипотез. Дело в том, что вышеприведенные доводы Бурхардта, заставившие его предположить существование какого-то анонимного источника, не известного ни Феофану, ни Синкеллу, в котором трактовались события 602—614 гг., не подтверждаются, по крайней мере в той своей части, где они касаются опубликованного материала.

Если сопоставить текст „Бревиария“ Никифора в той части, где он трактует о Криспе⁴¹ и о событиях 602—614 гг., с текстом, относящимся к тому же периоду в хронографии Феофана,⁴² то оказывается, что у Феофана не только не отсутствует упоминание о зяте Фоки Криспе, но, напротив, там сообщается много сведений, отчасти изложенных вкратце у Никифора, отчасти же вовсе не упоминаемых Никифором и заимствованных в значительной степени у Феофилакта Симокатты. Утверждение же Бурхардта основано на том недоразумении, что Крисп Никифора фигурирует у Феофана под именем Приска. В том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же персонаже, можно убедиться, если сопоставить следующие места:

Никифор, стр. 4

Крисп же (это был зять Фоки, который тогда занимал пост городского эпарха и был могущественным среди императорских людей) был враждебно настроен по отношению к Фоке по причине низвержения его статуи. Дело в том, что как-то димоты из партий противоположных цветов поставили ее наравне с статуей Фоки.

Феофан под 6099 г. (стр. 294)

В этом году Фока, тиран, выдал дочь свою Доменцию за Приска патрикия и комита эскувиров и после совершения брака во дворце Марины приказал дать конские состязания. Димархи же двух партий выставили между увенчанными лаврами императорскими статуями на четырех колоннах увенчанные лаврами статуи Приска и Доменции.

⁴⁰ K. Krumbacher. Gesch. d. byz. Liter. 2^e Aufl. München, 1898.

⁴¹ Nicephori Opusc. hist., p. 4.

⁴² Theoph. Chronogr., ed. de Boor, pp. 259, 25; 260, 10, 399; 260, 27; 269, 16; 270, 1 sqq.; 273, 1; 273, 3; 274, 3; 276, 10.

И тогда он вступил на путь коварства.

Увидев это, император прогневался и послал привести димархов Феодана и Памфила и, поставив их обнаженными на стаме, велел отрубить им головы... Приск, объятый страхом, испугался гнева императора. Однако, так как толпа требовала помилования их, Фока уступил. Но с тех пор Приск, питая к нему ненависть, неискренне обращался с Фокой.

Из данных Никифора о Криспе известно, следовательно, в сокращенной форме то же, что подробно излагает Феодан.

Кроме того Никифор сообщает об участии Криспа в заговоре Ираклия против Фоки.⁴³ И эти сведения можно найти в другом изложении у Феодана.

Никифор, 4, 10

Уверяя обманным образом Фоку, что он трудится в его пользу, и подтверждая, что Ираклий пришел на собственную погибель, Крисп в то же время содействовал Ираклию и бывшим вместе с ним в лучшем осуществлении их целей.

Феодан под 6100 г. (стр. 295)

В сем году Приск, не стерпев несправедливых убийств и поступков Фоки, писал к Ираклию и стратигу Африки, чтобы он прислал своего сына Ираклия и Никиту, сына Григория патрикия, и его подчиненного стратига (ὀπιστρατήγου) против тирана Фоки.

С другой стороны, у Феодана подробно рассказываются факты предшествующей биографии Приска — его назначение начальником войск при Маврикии, его войны с аварами и славянами и т. д., которые отсутствуют у Никифора,⁴⁴ повидимому потому, что они хронологически предшествуют начальному пункту его изложения. В то же время у Никифора имеются данные о назначении Криспа военачальником в Каппадокию, произведенном Ираклием, и его последующей измене Ираклию — заключении в монастырь Хоры и смерти,⁴⁵ отсутствующие у Феодана. Неверно также утверждение Бурхардта, основанное на том же недоразумении, что о Криспе не упоминается ни словом и в Пасхальной хронике.

Под 6120 г. там имеется сообщение, вполне соответствующее тому, о чем свидетельствует Никифор в „Бревиарии“.

Пасхальная хроника, р. 703

В этом же году Приск, комит эскувиторов, стал клириком и вместо него стал комитом эскувиторов Никита патрикий.

Никифор, 1, р. 5, 16...

Криспа же Ираклий назначил стратигом и послал к армии в Каппадокию. Затем Крисп был заключен в храм (монастырь) Хоры и, прожив там год, умер.⁴⁶

⁴³ Theoph. Op. cit., p. 4, 10 sq.

⁴⁴ Theoph. Op. cit., 259, 25; 260, 10; 260, 27; 269, 16; 270, 1; 273, 3; 274, 3; 276, 10; 276, 22 sqq.

⁴⁵ Niceph. Op. cit. p. 5, 16; 5, 19 sq.; 6, 13; 6, 21.

⁴⁶ Согласно Никифору, преемником Криспа был на этом посту Филиппик, в это время расстриженный. О том, что Никита также занимал пост стратига Анатолии, Никифор сообщает косвенно (ср. 23, 13 под 635 г.) далее.

Интересно отметить, что тот же Крисп или Приск фигурирует и у других византийских историков позднейшей эпохи, преимущественно с вариантом имени, которого придерживался Никифор. Так у Феодосия Мелитенского⁴⁷ и стоящего в непосредственной связи с ним Льва Грамматика⁴⁸ повторяется известное уже сообщение о переходе Криспа на сторону Ираклия и о его последующем пострижении в монастырь. О том же кратко сообщает и Георгий Монах.⁴⁹ О жизни Криспа в монастыре Хоры, где он принял, по мнению некоторых исследователей, имя Федора, сообщает некоторые новые детали житие Федора.⁵⁰ С другой стороны, подробная биография Приска при Маврикии рассказывается Феофилактом Симокаттой,⁵¹ который и явился в этой части главным источником сведений Феодана. Краткие сведения о том же лице в транскрипции Приска (как у Феофилакта Симокаты) мы находим, как уже было указано, и в Пасхальной хронике.

Но если это так, то главный довод, заставивший Бурхардта предположить, что Лондонская рукопись представляет собой копию списанного Никифором в качестве материала для его „Бревиария“ не известного ни Феодану, ни Синкеллу, источника, охватывающего период 602—614 гг., — оказывается неверным. Интересно отметить, что издатель хронографии Феодана де Боор обратил внимание в своей публикации на ряд совпадений хронографии Феодана с „Бревиарием“ Никифора не только в части изложения событий после 614 г., но и ранее — в истории свержения Фоки и воцарения Ираклия (ср. например под 6101 г. Niceph. Brev. p. 5). С другой стороны, и в дальнейшем ходе изложения событий после 614 г. Никифор далеко не всегда ограничивается сокращенным и видоизмененным изложением фактов, имеющих у Феодана. Так, например, он сообщает некоторые совсем не фигурирующие у Феодана детали истории Юстиниана II, в частности, по вопросу о втором союзе Юстиниана с болгарами,⁵² в истории возмущения Артавазда,⁵³ переселении славян.⁵⁴

Следовательно нет достаточных оснований, если судить по опубликованным материалам, для особого выделения периода 602—614 гг., так как и в его пределах у Никифора и у Феодана встречаются несовпадающие детали.

Отсюда можно сделать лишь тот вывод, что Лондонская версия в целом, т. е. в пределах 602—713 гг., представляет собой одну из первых работ (или ее копию) текста „Бревиария“ Никифором. Ватиканская же версия представляет законченный текст, поэтому она, вероятно, отличается от первой преимущественно фразеологически и лексически.

⁴⁷ Theodosii Meliteni qui fertur Chronographia e Codice graeco regiae bibliothecae monacensis ed. et reformavit Th. L. Tafel. 1359. Monumenta saecularia Bayer. Akad. 23/III 1359, II.

⁴⁸ Leo Grammat. Chronographia. Bonn 1842, 145—147.

⁴⁹ Georgius Monachus. Chronicon, ed. de Boor Lipsiae, 1904, t. II, 668.

⁵⁰ Chr. Loparev. De S. Theodoro Molacho hegumenoque Sbornensi. op. Γεδεών. Βυζαντινὸν ἱστορολόγιον. Константинополь. 1899, стр. 227 (2-й пол. IX в.); ср. Ф. И. Шмитт. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе. София, 1906, стр. 21—23. Там же сведения о почти совершенно стертой надписи, носящей на себе, повидимому, имя того же Криспа — если считать убедительным ее чтение, для которого, как правильно замечает Ф. И. Шмитт, к сожалению, оснований пока недостаточно. О Приске в Хоре ср. Кодикс. Топография, 121.

⁵¹ Theoph. Simoc. Historia. Lipsiae, 1887. III, 1, 1 sqq; III, 1, 7 sqq; III, 1, 13; III, 2; III, 3, 1; III, 3, 7; VI, 47 sqq; VI, 5, 1; VI, 6—9; VI, 10, 3; VI, 11, 2 и др.

⁵² Niceph. Op. cit. p. 41, 25 sqq.

⁵³ 59, 20.

⁵⁴ 69, 2.

Тем не менее сопоставление этих двух версий может привести к плодотворным результатам для определения метода работы Никифора над источниками. Но прежде необходимо сказать еще несколько слов об источниках, использованных Никифором в „Бревиарии“ (в той степени, в какой это поддается определению на данном этапе нашего исследования). В первой части им использованы Феофилакт Симокатта, Пасхальная хроника, Иоанн Антиохийский, Георгий Писиды. Однако наличие в изложении ряда детальных повествований (история Вутилины), отсутствующих в других известных источниках, заставляет предполагать, что в распоряжении Никифора наряду с названными материалами был какой-то анонимный источник, хронологические границы которого, однако, далеко выходят за пределы 614 г. (т. е. отнюдь не так, как полагал Бурхардт). Об этом свидетельствует хотя бы история второго союза с болгарами Юстиниана II, совершенно опущенная у Феофана, а равно и некоторые другие более мелкие, но немаловажные сообщения, о которых речь будет ниже.

Для позднейшего времени в его распоряжении были и некоторые документальные материалы (напр., письма императора Константина V).⁵⁵

В целом, „Бревиарий“ Никифора, при сравнении его с хронографией Феофана, внешне выгодно отличается своим более объективным и менее откровенно тенденциозным тоном, хотя, разумеется, и он далеко не свободен от общих для всех средневековых хроник элементов фантастики и провиденциализма. Поэтому „Бревиарий“ не без основания считали и в византийской исторической традиции авторитетным и хорошим источником. Ранее уже говорилось о высокой оценке труда Никифора, данной столь авторитетным и образованным писателем IX в., как Фотий. Генесий в разделе своей хроники, посвященной рассмотрению истории царствования императора Льва V, приводит, между прочим, оценку личности императора Льва V Армянина, данную Никифором, которая ярко свидетельствует об известной объективности Никифора. По словам Генесия, Никифор отозвался на смерть иконоборца Льва V Армянина следующими словами: „Ромейская держава потеряла в его лице, хотя и нечестивого, но великого хранителя (μεγάλου προφητεύτην)“. Если вспомнить о событиях, связанных с царствованием Льва, о его крутой иконоборческой политике и преследовании им как самого Никифора, сосланного в изгнание, так и его единомышленников, то объективность этого суждения вряд ли приходится оспаривать. Достоинства труда Никифора и ясность его изложения превратили „Бревиарий“ в один из популярных источников, которым широко воспользовались при составлении своих хроник такие писатели, как Георгий Монах, Феодосий Мелитенский и Лев Грамматик, отдавая ему предпочтение перед Феофаном. Так, Георгий Монах строит все повествование о походах Ираклия против персов, следуя Никифору.

Однако, несмотря на эти бесспорные достоинства, при детальном сравнении текста Никифора с текстом Феофана в той части, где они трактуют об одних и тех же событиях, бросается в глаза то, что в системе сокращения развернутых повествований, часто заимствованных Никифором, как и Феофаном, из одного и того же неизвестного нам источника, имеется не только определенно выраженное стремление к краткому изложению, но и некоторая скрытая тенденция. Эта тенденция становится явной и при сравнении более обработанной оконча-

⁵⁵ Ср. например слова Никифора: „Если же он (Константин) и совершил что-либо незначительное и недостойное, то об этом можно судить по письмам его к жителям столицы“. *Migne. Patrol. gr.*, t. 100, стр. 508.

тельной версии „Бревиария“, представленной Ватиканской рукописью, с Лондонской.

Георгий Монах	Никифор	Феофан
После Фоки стал царствовать Ираклий (р. 564)	Прибытие Ираклия в Константинополь (р. 3, 6—5, 10)	Нет
Крисп вступил в монастырь	То же	
	Филиппик вступает на его место (р. 5, 10—7, 11)	
	Смерть Евдокии (р. 7, 12—27)	
	Вутилины (р. 7, 28—8, 26)	
Саит	То же (р. 9, 12—12, 3)	
Голод и чума в Константинополе	То же (р. 12, 4—19)	
	Крещение гуннов (р. 12, 20—28)	
Нападение аваров	То же (р. 12, 29—14, 10)	
	Ираклий выдает замуж Мартину (р. 14, 11—15, 4)	
Сарбар	То же, 15, 5	
Война с персами и т. д., вплоть до посылки послов к Хозрою.	15—79	

При изложении событий на Востоке в 635 г. Никифор рассказывает, например, о том, что сарацины после отказа Ираклия послать им обычную дань в размере трехсот литров золота „стали опустошать ромейские земли“.

В опубликованном тексте „Бревиария“ мы читаем: „Ираклий приказал Федору,⁵⁶ иначе именуемому Трифурием (сначала квестору, затем магистру войск Востока.—Е. Л.), чтобы он воздержался от сражения с сарацинами. Они же сделали засаду и, подстрелив нескольких ромеев, увели их. Затем внезапно они набросились на них из засады и, окружив их, перебили многих стратиотов и архонтов“. В Лондонской же рукописи в этом месте вставлено новое предложение, входящее в рассказ новую важную деталь, опущенную Никифором в окончательной версии „Бревиария“. Там мы читаем следующее изложение заключительной части того же события: „Подчиненный же ему стратиг не действовал согласно приказанию императора, так как был менее опытным, чем советовавший ему. Когда он начал строить войска, они были неожиданно обойдены врагами. И содействуя одержанию победы (врагами) путем восстания против императора, они еще в месте, именуемом Габифой, присоединились к сарацинам (και συνεργόν υπολαμβάνον την νίκην της κατά του βασιλέως επανάστασεως έτι τοίνυν εν τόπω καλουμένω Γαβιά συγκαταμίγνυσι Σαρακηνοίς)“.

Следовательно, в последующей переработке текста Никифор почему-то счел необходимым выпустить указание на восстание войск против Ираклия и их переход на сторону арабов, считая, повидимому, этот факт порочащим достоинство византийской армии. Интересно, что ту же тенденцию — маскировать всякие неблагоприятные для оценки внешней политики византийских императоров факты политической истории — можно констатировать и в ряде других случаев.

⁵⁶ *Nicéph. Op. cit.*, p. 23, 23; ср. *Byz. Ztschr.*, V, 1896, p. 470.

Так, при изложении (очень обстоятельном и подробном) истории переселения болгар и их войны с Византией во времена Константина IV Погоната Никифор рассказывает об укреплении болгар близ Одисса. Он сообщает, что они заняли это место после неудачного похода против них Константина. Далее он пишет: „Они владычествуют и над живущими поблизости славянскими племенами. И одних из этих славян поставили для охраны от находящихся по соседству аваров, других же — для наблюдения над находящимися по близости ромеями. Укрепившись таким образом, они нападали на области и поселения Фракии и опустошали их. Императору же, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате дани“.⁵⁷ Феофан же, рассказывая о тех же самых событиях, пишет: „Они овладели живущими здесь семью коленами славянского народа (τῶν παρακειμένων Σχλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγόμενας ἐπτὰ γυνεάς). Северян поселили на восток в береговых теснинах, а прочих, обложивши их данью, поселили к югу и к западу до самой Аварии. Расширившись таким образом, они возгордились и начали нападать на лагеря и местечки, находившиеся под властью Ромейского государства, и людей уводили в плен. Поэтому император был вынужден заключить с ними мир, согласившись платить ежегодную дань к стыду ромейского народа из-за множества его неудач (ἐτήσια αὐτοῖς συμφωνήσας πάλαι παρέχεν ἐπ' αἰσχύνῃ Ῥωμαίων и т. д.)“.

Характерно, что слова о постыдном характере договора и внешних неудачах Никифором здесь опущены. Немного дальше, рассказывая о походе Юстиниана II против болгар, он сообщает о переселении славян в Опсикий в полном соответствии с тем, что говорит и Феофан. Но и в этом случае сопоставление обоих текстов показывает, что Никифор опускает концовку, неблагоприятную для характеристики деятельности этого византийского императора.

Никифор: „Юстиниан разорвал мир с болгарами. Приведя конную армию во фракийские области, он сразу же устремился против славян. Сделал набег до города Фессалоник, многих из тамошних людей славянского происхождения захватил насильственным образом (πολέμῳ), других обещаниями и препроводил их через Абидос, поселил в так называемой Опсикийской области. Из них набрал в войско до тридцати тысяч народа и вооруженную его часть стал именовать „избранным войском“ и поставил над ними архонта из числа благородных Небулу“.

Далее автор переходит к рассказу о войне с арабами. Феофан же (под 6180 г.) пишет: „В этом году Юстиниан воевал против славян и Болгарии. Встретившись в это время с болгарами, он прогнал их. Придя в Фессалоники, он захватил большое множество славян — одних силой окружил, других добровольно, и переселил их в Опсикий за Абидосом. Но на возвратном пути, захваченный болгарами в тесных проходах, с великой потерей войск, со множеством раненых, едва мог сам уйти“. Об этих фактах Никифор ни словом не упомянул.⁵⁸

Еще один пример. Никифор, рассказывая о событиях из истории царствования императора Константина V Копронима, относящихся к 757 г., пишет:

„Болгарский государь, взяв слово с императора, явился вместе со своими архонтами к императору. Он принял их вместе с прежде перебежавшим к нему Савином, пристыдил их за беспорядки и за неприязнь, высказанные ими к Савину, и заключил с ними мир...“

⁵⁷ Niceph. Brev., p. 35. Cp. Theoph. Chron., s. a. 6171.

⁵⁸ Cp. Niceph., p. 36; Theoph., p. 364, 365.

„Во время же третьего индиктиона Константин вошел в Болгарию, потому что болгары отрешили от власти архонта, по имени Умара, поставленного Савином, чтобы провозгласить вместо него болгарина Токта, брата Ваяна. Болгарские беглецы укрылись в лесах по реке Истру, не мало из них было убито, среди них Токт и другие. Другой же их архонт, которого зовут Компагоном, бежал в Варну и, когда уже думал спастись, был убит своими рабами. Тогда Болгария была сожжена ромеями, так что многие поселения были опустошены и истреблены“.

Феофан, рассказывая о том же, ярко вскрывает черты двуличия византийской политики Константина, которые были опущены Никифором: „В том же году Паган, кир (κύρις) болгарский, отправил посольство к императору и просил с ним свидания. Получив честное слово от него, он прибыл к нему с своими войсками (τῶν βοτλάδων). Император принял его вместе с сидевшим у него Савином, пристыдил их за их беспорядок, за ненависть к Савину. Как кажется, по внешности заключили мир (καὶ ἐποίησαν τὸ δοκεῖν εἰρήνην), но тайно (λάθρα) император послал в Болгарию захватить Севера, славянского архонта, который до этого натворил много бедствий во Фракии. Задержан был также Христиан, перебежчик из христиан, предводитель скамаров, которому у мола святого Фомы отрезали руки и ноги и потом отдали врачам; они его, еще живого, вскрыли (от пула до грудной полости) для изучения внутреннего устройства и наконец предали сожжению. Император, выступив внезапно из города, нашел ущелья без охраны по причине обманного мира (διὰ τὴν ἀπατηλὴν εἰρήνην), прошел от Болгарии до Цики и, предавши огню их хижины, какие встретил, со страхом возвратился назад, не сделав ничего важного“.⁵⁹

Даже по отношению к Константину V, столь осуждаемому им за его иконоборческую политику, Никифор соблюдает в „Бревиарии“ ту же линию, что и по отношению к Ираклию, Константину Погонату, Юстиниану II и Леонтию.

Вряд ли можно считать случайным такое совпадение в приемах сокращения, особенно если принять во внимание, что Никифор в некоторых случаях не останавливается перед описанием самых мелких подробностей, как, например, в истории сановника Вутилина.

Однако особенно рельефно линия, принятая Никифором в „Бревиарии“, — стремление умалчивать о неблагоприятных событиях внешней политики византийских императоров и тенденция сглаживать по мере возможности впечатление о ее неудачах, — выступает при сравнении „Бревиария“ с другими сочинениями Никифора, особенно же с теми, которые были написаны им в изгнании, в ответ на иконоборческие мероприятия императора Льва V Армянина. В частности, в „III Антирретике“ Никифор не менее страстно осуждал деятельность императоров-иконоборцев, чем Феофан. На этом этапе своей жизни он полностью раскрыл свои карты, предав в развернутой форме гласности те факты, которые были им собраны, повидимому, ранее (как дает основание предполагать лондонская версия „Бревиария“), но которые он не счел возможным включить в окончательный вариант текста „Бревиария“,⁶⁰ сохранный Ватиканской версией, так как они, повидимому, не соответствовали его тогдашним политическим воззрениям.

Разумеется, при рассмотрении оценки деятельности Константина V, данной Никифором в „Антирретике“, нельзя не принять во внимание

⁵⁹ Theoph. Chron., p. 436.

⁶⁰ Antirrheticus III adversus Constantinum. Corp. Migne Patr. gr., t. 100, p. 508—509, § 72.

полемического характера сочинения. В строках „Антирретика“, пышущих ненавистью к иконоборцу Константину V („Мамоне“, как его здесь именует Никифор), трудно было бы усмотреть сходство со сравнительно спокойным тоном изложения ватиканской версии „Бревиария“, если бы лондонская версия не приоткрывала завесу над способом обработки источников Никифором. Для ясности сопоставления привожу текст рассказа Никифора о походе Константина V в Болгарию, данный им в „Антирретике“. Изложение, имеющееся в „Бревиарии“, было приведено мною выше:

„Пусть измышляют для него [Константина V] победы: некоторые из них таковы — припомним одну из самых значительных. Когда он готовился к борьбе со скифским (Σκυθικόν) народом, поселившимся на западе от нас, то собрал все свои войска. Он вступил в сражение с врагом; каков был исход войны — свидетельствуют последствия: до сих пор около города Анхиала долина и поля показывают части тел убитых там. Почти все войско погибло от скифских мечей. Если же он совершил что-нибудь незначительное и недостойное, то об этом можно прочитать в письмах его к жителям столицы; в них этот прислужник и поклонник лжи весьма себя возвеличивает и проявляет великое богоборство в своих бесконечных клятвах..., хотя захватил этот народ во время восстания против его собственных вождей: у народов с варварскими нравами можно часто наблюдать, как они разделяются на две, — а то и больше, — стороны, когда видят противоречия своим желаниям. Такое возмущение произошло и против тогдашнего владыки их Савина, убежавшего к ромеям.

Таким образом, Константину доставили временный успех внутренние смуты и мятежи. А что касается восточных варваров, то он боялся и упоминания о них, так что даже на собраниях провозглашал (ὡς καὶ ἐπ' ἐκκλησίας κηρύσσεν), что со всем своим войском не дерзнет вступить в битву с небольшим их числом. Когда же их разделила по обычаю междоусобица, когда судьей у враждующих партий стало оружие и они стали замышлять взаимное истребление, он, скорее по-разбойничьи, чем по-воински, незаметно войдя в пределы Армении, взял ее крепости с согласия ее жителей. Но армяне и сирийцы — христиане, так как с врагами не-христианами он не вступал в битву никогда. Презрев данные клятвы, он переселил их во Фракийскую область. Фракия, я думаю, и теперь еще мстит за нарушение этих клятв.

Когда об этом нашествии (в Армении) узнали сарадины, то послали для нападения на него отряд тяжело вооруженных воинов, насчитывающий не более пяти тысяч человек. Узнав об этом их выступлении, Мамона тотчас же с сопровождавшим его войском обратился в бегство, не будучи даже в состоянии оставаться поблизости от них. Таковы его подвиги и победы над врагами.⁶¹

При чтении этого текста и сопоставлении его с данными, сообщенными Феофаном,⁶² трудно сомневаться в том, что, несмотря на явно полемическую окраску, в основе сообщенных здесь Никифором фактов лежат истинные события. Умолчание о них в „Бревиарии“, как уже было ука-

⁶¹ Привожу этот текст в слегка уточненном мною переводе И. Д. Андреева. В этом труде Андреева, являющемся в настоящее время библиографической редкостью, имеется и русский перевод „Бревиария“, содержащий ряд существенных пропусков (местами целых фраз и частей их) и неточностей. Я имела возможность ознакомиться с этой книгой при подготовке настоящей рукописи к печати, благодаря любезности Н. С. Лебедева.

⁶² Ср. Theoph. Chron., s. a. 6247.

зано выше, связано с общей тенденцией этого труда. Напомню, что подобные же смягчающие оценки внешних неудач Византии и ее императоров встречаются в „Бревиарии“ не только в отношении иконоборца Константина V, но и Ираклия, Константина IV Погоната и Юстиниана II.⁶³

Приведенный текст не внушает, следовательно, сомнений в том, что Никифор резко отличным образом освещал одни и те же факты в „Бревиарии“ и в „Антирретике“. Однако вывод этот естественно возбуждает вопрос о том, как было возможно подобное, казалось бы, несовместимое освещение одних и тех же событий у одного и того же автора. Вопрос этот может быть разрешен лишь при анализе политических воззрений Никифора.

Обычно принято считать, что „Никифор был, повидимому, корифеем светского клира, а Федор Студит — монашества“.⁶⁴ Приведенный выше материал, а также и данные биографии Никифора показывают, однако, что подобная оценка чрезмерно упрощена и явно недостаточна для решения тех вопросов, которые ставят перед исследователями противоречия, имеющиеся в трудах Никифора.

В действительности, политические воззрения Никифора претерпели в течение его жизни известную эволюцию, которую можно проследить и по фактам его биографии и по его литературным трудам. На первом этапе своей жизни и своей политической карьеры Никифор, вышедший из рядов светской сановной аристократии, видимо принадлежал к группировке, не разделявшей воззрений крайней монашеской партии, возглавляемой Федором Студитом. Последняя, требовавшая решительной расправы с иконоборцами, восстававшая против вмешательства императора в дела церкви, выступала в этот период, последовавший за восстановлением иконопочитания Ириной (787 г.), в роли политического противника Никифора. Группировка же, к которой принадлежал последний, строившая свое благополучие на покровительстве императорской власти, повидимому не принадлежала к числу пострадавших от мер, предпринятых Константином V против монастырского землевладения, и готова была поэтому сотрудничать с императорами, разделявшими программу умеренных иконопочитателей. Именно как ставленник этих „умеренных“ иконопочитателей, признававших верховенство империи над церковью, Никифор и был выдвинут в патриархи, невзирая на протесты монахов, противопоставлявших его кандидатуре кандидатуры своего идеолога — Федора Студита.

В это время Никифор, по всей видимости, ориентировался в своих политических взглядах на ту часть господствующего класса, которая, хотя и противилась внутренним реформам иконоборцев, однако считала невозможным распространять остроту своей критики на власть византийского императора в целом и более всего была заинтересована в сохранении спокойствия.

Именно тогда, вероятно, Никифор и написал свой „Бревиарий“, всемерно (поскольку это было возможно для иконопочитателя) маскируя внешние неудачи византийского оружия, независимо от того, стоял ли во главе армии император-иконопочитатель (Ираклий, Константин IV Погонат, Юстиниан II) или отъявленный иконоборец (Константин V). Этот период в жизни Никифора совпадает со временем, предшествующим

⁶³ См. выше, стр. 83—84.

⁶⁴ См., напр., в работе Блэйка, единственном появившемся на Западе кратком обзоре литературной деятельности Никифора. — Byzantion, XIV, 1939, p. 4.

его избранию в патриархи, и началом его патриаршества. Стоявший тогда у власти одноименный ему император Никифор I, опиравшийся на слои светской землевладельческой знати, резко проводил политику главенства государства над церковью и отличался от своих предшественников терпимостью к „еретическим“ учениям, распространенным на византийском востоке.⁶⁵ Выбор Никифора в патриархи определялся, по видимому, тем, что он был близок к той светской сановной аристократии, на которую опирался император, и, казалось, мог обеспечить проведение в жизнь политической линии, принятой императором. Однако, как показывает наличная документация, Никифор по сути дела мало сочувствовал этой „умеренной“ политике, хотя и вынужден был до поры до времени скрывать свои, может быть, еще и не слишком резко определившиеся в это время взгляды. Он сам достаточно красноречиво говорит об этом в своем письме к папе Льву III, написанном лишь немного позже, при возведении на престол императора Михаила I (811—813).⁶⁶ Если утверждение Никифора, имеющееся в этом письме, что он принял кафедру против желаний и „по принуждению“, и можно отнести за счет некоторого искажения истины в духе, угодном новому императору Михаилу I, то все же никак нельзя признать измышлением другие помещенные там сведения. А именно, что он тогда еще (т. е. при занятии кафедры) видел и неприязненность начальства, и враждебность ненавистников, и коварство и злокозненность тех, кои весьма старательно следят за делами и „нечестиво вооружают свои языки против предстоятелей и отовсюду нападают жестоко и весьма несправедливо“.

Расхождения Никифора с избравшим его на патриарший престол императором Никифором I выявились полностью при Михаиле I, когда он решил открыто высказывать свой взгляд. Взгляд этот на вопросы внутренней политики разделяла значительная часть иконопочитателей, духовенства, монахов. В этой среде не встречали сочувствия иконоборческие реформы, предпринятые на основе признания необходимости известных уступок требованиям народных масс и попыток устранения наиболее уязвимых мест существующего церковно-монастырского строя. В ней не было и сочувствия к императорам, использовавшим иконоборческие и антимонашеские лозунги для захвата земель в свои руки и передачи монастырских земель в руки военно-служилого сословия; к императорам, использовавшим власть для удара по угрожавшему целостности империи монастырскому землевладению.⁶⁷

Что Никифор разделял эти взгляды, видно из того, что когда смена (ненавистного монахам)⁶⁸ императора Никифора Михаилом позволила ему открыто высказаться, он обратился к последнему с посланием, призывавшим его начать преследования „еретиков“ — иудеев, монтанистов и манихеев.⁶⁹ Еретиков же эти, по его мнению, являлись важнейшим резервом иконоборцев. Так в „Антирретики“ он высказывает эту точку зрения с полной определенностью: „Не могу опустить того, что более всего выказывает их (иконаборцев — Е. Л.) нечестие. Когда несколько

⁶⁵ „Для манихеев, ныне именуемых павликианами, и афинганов, живущих во Фригии и в Ликаонии, Никифор (император — Е. Л.) был пламенным другом“. Theoph. Op. cit., s. a. 6303; Ibid., s. a. 6295, ср. J. Bury, Op. cit., p. 9.

⁶⁶ Migne. Patr. Gr., t. 100, стр. 170 и сл., „за провозглашаемого ныне благочестивого державного императора... воссылаем усиленные молитвы...“.

⁶⁷ Theoph. Op. cit., s. a. 6259, s. a. 6263. — Деяния вселенских соборов, т. VII, стр. 547—548; ср. также Theoph. Op. cit., s. a. 6303.

⁶⁸ Характерны резкие отзывы об императоре Никифоре Феофана.

⁶⁹ Nicephori. Patr. Opusc. historica, ed. de Boor. 1880, p. 159; Theoph. Op. cit., s. a. 6304.

лет назад бог возбудил дух известной своим благочестием... Ирины, то они (иконоборчески настроенные воины — Е. Л.) были удалены из этого города, в котором они злокозненно и безбожно водворены собравшим их (Константином V. — Е. Л.). Блуждая подобно планетам, они искали секты, в которой не было бы икон и памятников домостроительства Христова. Так они нашли с давнего времени нравившееся им неверие и безбожие манихеев, согласное с их учением, потворствовавшее их своей воле и проповедававшее то, что им издавна было приятно и желательно. Посему многие из них клятвенно отреклись совершенно от нашей веры и всецело стали на сторону их безумия. Уличенные в этом, некоторые из них, согласно законам, подверглись казни мечом“.

Замечу, что преследования павликиан приняли столь явно опасный для правительства оборот, что их пришлось вскоре прекратить. Феофан, сообщая о репрессиях, примененных Михаилом I к этим „еретикам“ по совету Никифора, тут же сообщает,⁷⁰ что император „был удержан от этого другими советниками под предлогом покаяния (еретиков. — Е. Л.); но погрязшие в этом заблуждении не могут раскаяться“. В заключение Феофан рассказывает, что Михаил предал казни мечом немалое количество павликиан.

Эффект этих репрессий сказался с полной силой позже, когда павликиане, вместе с народными массами византийского востока, во время восстания Фомы Славянина оказались в рядах повстанцев. Фома и сам происходил из области Газиуры, „вскормившей многих павликиан“.

Итак, если на начальном этапе своей карьеры Никифор выступает сторонником лояльности императорской власти и противником решительных мер, то при Михаиле I он становится инициатором последних. Вступая на путь агрессивной политики против иконоборцев и „еретиков“, Никифор, однако, не чувствовал прочной опоры в Константинополе. Характерно, что для укрепления своего положения, он при провозглашении императором Михаила I обратился с тем письмом к римскому папе Льву III, о котором мною уже упоминалось выше. При этом он счел необходимым указать в этом письме, что не мог обратиться к папе прежде, так как „жестокое и суровое приказание императорской власти повелело насильственно воспрепятствовать ему пользоваться узаконенным обычаем“, отмечая при этом, что „не легко бывает сопротивляться властям, когда они увлекаются собственными желаниями и стараются исполнять все свои намерения“.⁷¹

Никифор сближается со студитами, представлявшими собой крайнее крыло монашеской оппозиции.

С приходом к власти императора Льва V и началом нового этапа иконоборческого движения Никифор делает и последний шаг, вступая в открытый конфликт с императором. В то время как группа единомышленников Льва V вела, при активном участии Иоанна Грамматика, подготовительные работы к иконоборческому собору 815 г., Никифор пытается организовать оппозицию этим мероприятиям. Узнав, что многие епископы, прибывающие в Константинополь, направлялись не к нему, а в царский дворец, где вела свои работы группа иконоборцев, возглавляемая Иоанном Грамматиком,⁷² Никифор организовал в церкви собрание противников реформы.

⁷⁰ Игнатий (в житии Никифора) об этом умалчивает, хотя и говорит об инициативе Никифора в части репрессий.

⁷¹ Migne. Op. cit., pp. 196—197.

⁷² Nicephori. Opusc. hist., ed. de Boor, p. 166.

Он „всех к себе призывал, наставлял, увещевал не присоединяться к закваске (ζύμη) еретиков, убеждал, как яда и порождения ехидны, избегать чуждых извержений их учения“.

Когда Никифор отказался участвовать в иконоборческих мероприятиях императора, он был смещен и удален в изгнание в основанный им монастырь. Характерно, что в изгнании Никифора посещает глава студийских монахов Федор Студит, ныне уже единомышленник Никифора, а прежде столь сильно противившийся назначению Никифора патриархом.

На этом этапе своей жизни Никифор, полностью солидаризировавшийся с крайними сторонниками монашества и противниками реформы, написал свои полемические труды. Труды эти полны выпадов не только против императора Константина V, но и против тех демократических слоев населения Константинополя, на которые преимущественно опирались императоры-иконоборцы. Характеризуя эту народную массу, Никифор злобно перечисляет все те категории населения, которые шли за иконоборцами — „воинскую толпу меченосцев, бряцающую оружием“, и „выдающихся представителей димотов“ из цирковых партий (ἐν τοῖς δήμοις χρομάτων τῆς ἰππικῆς ἀμίλλης προύχοντες),⁷³ и изгнанных из церкви за провинности клириков (καὶ μέρος τῆς Ἐκκλησίας ὅσοι ἐπ' αἰτίας κανονικαῖς καὶ ἐγκλήμασι ἀλόντες ἐξώσθησαν), и актеров, и мимов (τῶν θεατρικῶν καὶ τῶν ἀπὸ τῆς σκηνῆς οἱ προύχοντες, οὓς μίμους τῷ δημόδι καλεῖν εἰθίσται λόγῳ), и торговцев, и оставших солдат, и городскую бедноту, которую он, не щадя красок, рисует как утопающую во всевозможных пороках. „Епископы, димоты, мимы и прочая неистовая толпа (ὁ ἄλλος μανικός) — таковы те, — восклицает он, — кто властно распоряжается догматами церкви“.

Любопытно отметить, что Никифор в своих сочинениях, написанных в рассматриваемое время, выступает и против тех прогрессивных течений научной мысли, которые стали пробивать себе дорогу в ту эпоху. В других своих работах я имела случай отметить некоторые факты, свидетельствующие о возросшем интересе к светской науке, который можно наблюдать с первой половины IX в.⁷⁴ Это было время, когда Иоанн Грамматик проводил свои „таинственные“ опыты в подземной „лаборатории“, когда тщательно переписывалась и украшалась великолепными миниатюрами рукопись Птолемея, находящаяся в настоящее время в Риме (Vatican. gr., 1291, 813—820 гг.).

О размахе этого движения, ввиду плохого состояния документации, можно говорить только предположительно; однако достаточно характерны для борьбы прогрессивного и реакционного течений в научной мысли того времени данные, которые можно почерпнуть из свидетельства самого Никифора. Никифор, выступавший в „Бревиарии“ как историк, достаточно сведущий в светских науках (хотя и отдающий дань суевериям, распространенным в средневековой Византии), в неоднократно упомянутом выше третьем „Антирретике“ открыто переходит в наступление против прогрессивного течения в науке. Разбирая факты деятельности Константина V, Никифор писал:

„И грозные атмосферические явления не могли быть неподвижными, когда наносилось оскорбление творцу.

„Тогдашним людям казалось, что все звезды небесные стремительно падают на землю, до такой степени часто и сильно атмосферические

⁷³ Migne. Patr. gr., t. 100, p. 555.

⁷⁴ Византийский ученый Лев Математик. — Виз. Врем., т. II, 1949; О походе Руога на Византию ранее 842 года. — Ист. зап., т. 26, 1943.

ужасы изливались на пределы вселенной. Все вместе, и в одно и то же время жители востока и запада зимой и по ночам наблюдали это явление.

„И пусть никто не возражает, как это делают искусники, что эти небесные явления суть облакообразные густые испарения, по насыщении которыми земной воздух, поднимаясь ввысь собственным течением и изливаясь в эфирное пространство, под влиянием нагревания производит упомянутые падающие звезды и так называемые блуждающие огни, а также кометы с хвостами и прочие подобные явления, но я хорошо знаю, что в стихиях тогда было нечто необыкновенное: они выступали за пределы обычного течения порядка, выказывая тем скорбь свою по поводу происшедшего“.

Приводя аналогичные факты в „Бревиарии“, Никифор выражает свою мысль много осторожнее, без всякого намека на происшедшие по этому поводу дискуссии между сторонниками суеверий и противниками их, пытавшимися дать естественно-научное объяснение этим небесным явлениям.

Таким образом, „Бревиарий“ при наличии и в нем некоторой тенденциозности, сказывающейся преимущественно в умолчаниях о фактах неудач внешней политики, все же должен быть признан трудом, написанным сравнительно более объективно, чем произведения Никифора, написанные им в изгнании.

По своему содержанию „Бревиарий“ представляет тем более значительный интерес, что трактует о периоде византийской истории, сравнительно мало освещенном другими источниками. В нем содержится ряд сведений, восполняющих пробелы в истории периода от VII до второй половины VIII в. Среди прочих его сообщений чрезвычайно ценны сведения о персидских войнах Ираклия, во многом совпадающие с данными современных событиям армянских историков, и сведения по истории царствования Юстиниана II. Очень важны данные о переселении славян, включающие некоторые факты, не известные по другим источникам. Никифор указывает, например, что Артемий (Анастасий II) вывел из Фессалоник челны, именуемые μονόζουλα — однодревки, изображения которых встречаются в миниатюрах некоторых византийских рукописей, описывающих сражения Руси с Византией. Термином этим пользуется позднее и Константин Багрянородный, характеризуя славянские челны, приходившие в Константинополь с Руси.⁷⁵ Если при этом принять во внимание, что факты, сообщаемые Никифором, за редкими исключениями, очень точны и часто подтверждаются документально,⁷⁶ то важность „Бревиария“ как источника становится вполне очевидной.

⁷⁵ Constant. Porph. De admin. imperio, cap. 14. Bonn, 1840.

⁷⁶ Попадают, однако, и ошибки. Так, Шахин, по свидетельству Никифора, был убит Хозроем вместе с византийскими посланцами; в действительности же, как это вытекает из дальнейших событий, он умер лишь в 626 г.

З. В. УДАЛЬЦОВА

БОРЬБА ВИЗАНТИЙСКИХ ПАРТИЙ НА ФЛОРЕНТИЙСКОМ СОБОРЕ И РОЛЬ ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО В ЗАКЛЮЧЕНИИ УНИИ

Ферраро-Флорентийский собор занимает выдающееся место среди церковных соборов Средневековья.¹ На этом соборе была заключена уния между Западной и Восточной церковью; однако эта уния не явилась союзом равноправных сторон, а была создана на основе догматической и политической капитуляции православного Востока перед католическим Западом. На этом же соборе был положен конец попыткам (со стороны Базельского собора) ограничить папское единодержавие в католической церкви; папский абсолютизм вновь получил верховную санкцию.

Но, как известно, ферраро-флорентийская победа папства оказалась недолговечной. Решения собора не только не ослабили противо-

¹ В дворянской и буржуазной историографии Флорентийскому собору посвящено не мало работ, однако в подавляющем большинстве они отличаются крайней тенденциозностью и антинаучностью. В основном, они отражают борьбу двух враждебных течений в историографии, католического и православного, и дают оценку собора с определенных политических и конфессиональных позиций.

Ярко выраженном католическом духе написаны следующие работы: Fleury. L'Histoire ecclésiastique, т. XXII, 1752, — весьма обширная работа, дающая богатый фактический материал; Rohrbacher. L'Histoire de l'église catholique, т. XXI, — крайне партийное произведение в латинском духе, написано, главным образом, на основании Латинских актов собора, составленных Andrea de Santa Croce; Hefele. Conciliengeschichte, т. VII, Freiburg, 1874, — труд, дающий богатый материал для истории церковных соборов Средневековья, однако проникнутый крайней тенденциозностью; Ciaseppius, Historia pontificum Romanorum et cardinalium, v. II, Romae, 1677, представляющая собой, главным образом, публикацию соборных материалов; Goethe. Studien und Forschungen über das Leben und die Zeit des Cardinals Bessarion. Jena, 1871 и др. Критическое отношение к обычной католической трактовке истории Флорентийского собора мы находим у Фроммана, в его труде „Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung“. Halle, 1872. Книга Фроммана разоблачает эгоистическую политику папства и его деспотические домогательства по отношению Византийской империи. Подобную же точку зрения мы находим и у Dräsekö. Zum Kircheneinigungsversuch des Jahres 1439, Byz. Ztschr., V (1896), 580. С православных позиций трактуют историю собора: Неизвестный автор. История Флорентийского собора. М., 1849 г. под ред. А. Горского; А. Л. Катанский. История попыток к соединению церквей греческой и латинской. СПб., 1868 и др. Труд русского ученого Катанского дает большой материал по истории всех попыток заключить унию между Западной и Восточной церковью, начиная с разделения церквей и до падения Византии. Самой Флорентийской унии в этой работе уделено сравнительно мало внимания.

Новейший труд по этому вопросу: G. Hofmann. Epistolae pontificae ad concilium Florent. spectant., т. I, Roma, 1940; т. II, 1944. Специальных работ историков-марксистов, посвященных Флорентийскому собору, еще нет.

речий как внутри католицизма, так и между католичеством и православием, но еще более обострили эти противоречия; в частности, борьба между латинской и греческой церковью приобрела особенно напряженный характер именно в результате решения собора об унии и, в конечном счете, привела к полному провалу унии. Что же касается победы папства над Базельским собором, то она также оказалась весьма эфемерной, и борьба против папского абсолютизма вскоре развернулась на новой, правда, основе в реформационном движении.

В настоящей статье нас интересует, главным образом, так называемый „греческий вопрос“ на Флорентийском соборе, т. е. борьба вокруг заключения Флорентийской унии, а также роль вождя латинофильской партии Виссариона Никейского на этом соборе. Основным источником для изучения данного вопроса являются Акты собора, составленные тремя авторами, принадлежавшими к трем борющимся лагерям: католическая сторона представлена протоколами собора, составленными Andrea de Santa Croce;² латинофильствующий лагерь греков оставил нам свои Acta Graeca;³ ортодоксальный греческий лагерь изложил свой взгляд на события в труде православного грека, великого епископа Сильвестра Сиропула.⁴

Протоколы заседаний собора, составленные католическим прелатом Andrea de Santa Croce, — воинствующий документ католической церкви, прославляющий деяния на Флорентийском соборе папы Евгения IV и его помощников, представителей римской курии. „Греческие акты“ собора (Acta Graeca) — источник весьма сложный и интересный. Автор Acta Graeca неизвестен, но кто бы он ни был, совершенно очевидно, что он был грек и ярый латинофил; он сочувствует унии и всячески стремится выдвинуть на соборе на первый план латинофилов и их вождя — Виссариона Никейского.

Труд Сильвестра Сиропула „Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive concilii Florentini exactissima narratio“ — важнейший источник православного направления,⁵ трактующий историю Флорентийского собора с позиций грека-ортодокса. Автор — человек образованный, занимавший видное положение в византийской церкви (великий епископ и дикофилак), принимал самое активное участие в борьбе, развернувшейся в Византии вокруг Флорентийской унии, участвовал лично в подготовке к собору и в его деятельности и оставил нам весьма подробную его историю.

Труд Сиропула — произведение сугубо партийное; Сиропул — ярый приверженец православного течения; по его словам,⁶ он не раз подвергался императорской опале и преследованиям со стороны латинофилов за сопротивление унии. При всех достоинствах труда Сиропула (обилие материала, подробность изложения, привлечение документальных данных — актов собора, грамот императора, патриарха, папы и др.) им надо пользоваться с большой осторожностью, учитывая его крайнюю тенденциозность. Кроме этих основных источников, для изучения „греческого вопроса“ на Флорентийском соборе необходимо привлечь еще ряд византийских

² Mainsi, t. XXXI; Labbe, t. XIII; Harduin, t. IX.

³ Ibid.

⁴ S. Syrop. Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos. Hage-Comitis, 1660.

⁵ Начало труда Сиропула утеряно, поэтому точное его название неизвестно: это же название, весьма тенденциозное, впрочем хорошо выражающее настроения автора, дано труду Сиропула его издателем — Cleughton. Hage-Comitis, 1661.

⁶ S. Syrop., lb. II, cap. 8.

источников, вводящих нас в гущу партийной борьбы на соборе и принадлежащих к двум направлениям: латинофильскому и греко-православному. К источникам первого рода относятся, прежде всего, произведения вождя латинофилов Виссариона, архиепископа Никейского, — его речи на Флорентийском соборе и его письма по поводу заключения Флорентийской унии, в частности два обширных письма Виссариона к видному латинофилу Алексею Ласкарису Филантропину.⁷ В этих письмах Виссарион освещает историю собора с позиций латинофилов, подробно излагает догмат об исхождении св. духа (согласно учению католической церкви) и всячески стремится оправдать свое поведение и поведение других латинофилов на Флорентийском соборе.⁸ Не менее тенденциозны богословские труды младшего современника Виссариона, также видного латинофила XV в., Иосифа Мефонского. Центр тяжести его богословских трудов лежит в защите латинского учения об исхождении св. духа, причем на них оказали немалое влияние богословские произведения Виссариона. Истории Флорентийского собора посвящен ряд произведений Иосифа Мефонского, в том числе „Опровержение выступлений Марка Эфесского на Флорентийском соборе“, „Канон VIII Флорентийского собора“ и трактат „О разногласиях между греками и латинянами на Флорентийском соборе“.⁹

Греко-православная точка зрения ярко выступает в трудах выдающихся византийских богословов-ортодоксов того времени, и прежде всего в трудах вождя православной партии Марка Евгеника, архиепископа Эфесского. Особенный интерес представляют выступления Марка Эфесского на Флорентийском соборе и его письма по поводу унии.¹⁰ Ценным источником являются также речи на соборе и послания к собору другого видного ортодокса — Георгия Схолария, будущего константинопольского патриарха Геннадия.

Из византийских историков XV в. сочувственно к Флорентийской унии относится латинофильски настроенный Дука,¹¹ национально-православную же точку зрения выражает Франдзи.¹²

При сопоставлении всех этих источников различных направлений мы можем более полно и объективно изучить историю Флорентийского собора и воссоздать картину ожесточенной партийной борьбы, развернувшейся на соборе.

Если мы просмотрим эти обширные материалы, то на первый взгляд может показаться, что на соборе решались исключительно церковные вопросы, шла богословская полемика между латинянами и греками.

На всех заседаниях собора как в Ферраре, так и во Флоренции, длившихся около полутора лет,¹³ происходили бесконечные и большей частью бесплодные споры между латинскими и греческими ораторами о допустимости или недопустимости прибавки к символу веры, об исхождении св. духа, о чистилище, таинстве евхаристии, опресноках и т. д. Но сам характер указанных выше документов, их тенденциозность, боевой полемический

⁷ Речи Виссариона на Флорентийском соборе и его письма о Флорентийской унии собраны у Migne. *Patrologia graeca*, t. 161.

⁸ *Ibid.*, pp. 321—407.

⁹ Все эти произведения Иосифа Мефонского помещены у Migne в *Patr. gr.*, t. 159, pp. 259—1107.

¹⁰ Migne. *Patr. gr.*, t. 160.

¹¹ Ducas. *Historia Byzantina*, ed. Bonn.

¹² Migne. *Patr. gr.*, t. 150.

¹³ Собор в Ферраре открылся 8 января 1438 г. и длился до 10 января 1439 г. Во Флоренции заседания продолжались с 13 февраля 1439 г. по 26 мая 1442 г., а затем были перенесены в Рим и длились до 4 января 1445 г. Греческий вопрос разбирался до августа 1439 г.

дух, которым они проникнуты, говорят о том, что за всем этим скрывалась ожесточенная борьба, движущей пружиной которой являлись экономические и политические интересы, что страсти кипели вокруг коренных политических вопросов. В догматическом одеянии столкнулись политические интересы Византийской империи и папского престола.

Эта борьба развернулась по двум главным линиям: с одной стороны, между папством и греками, с другой — между самими греками, между латинофильской и ортодоксальной партиями греческой делегации. Византийский император и латинофильская партия связывали с собором вопрос о судьбе Византии в трагический момент существования империи и возлагали тщетные надежды на помощь латинского Запада в борьбе с турецкой опасностью; папа домогался в первую очередь удовлетворения давнишних чаяний папского престола — установления господства римского владыки над Восточной церковью.¹⁴

Для папской курии „греческий вопрос“ в тот момент имел особое значение и в другом отношении. Время Флорентийского собора было периодом продолжавшегося кризиса папства. Только что закончились гуситские войны, потрясшие папский престол, и память о них была еще свежа; продолжалось соборное движение — духовная фронда католического духовенства против папского абсолютизма. Исход борьбы между папой и Базельским собором еще не был ясен, и победа над Восточной церковью должна была укрепить авторитет папы и помочь ему установить свое единодержавие в церкви. Для достижения этой цели папа Евгений IV пустил в ход на соборе все средства, которыми он располагал: наряду с цитатами из священного писания и творений отцов церкви было широко использовано и более острое оружие — папское золото.¹⁵

Широко использовалась римской курией партийная борьба среди греков; папа старался посеять рознь между латинофильской и православной частями византийской делегации и всячески подкреплял пыл вождей латинофилов обещаниями богатых sinecur и высоких должностей.¹⁶ Греки капитулировали. Главной причиной этого все же была не политика папства, а безвыходное положение Византийского государства.

Конечно, победа папства была облегчена внутренней борьбой между латинофильской и ортодоксальной партиями самих греков, достигшей особого напряжения во время собора, но имевшей свою длительную историю.

Она началась вскоре после разделения Восточной и Западной церквей (XI в.), но особенно усилилась в период заката Византийской империи — в эпоху Палеологов. XV в. был кульминационным моментом в истории длительной партийной борьбы, раздиравшей византийское общество в течение столетий. Тяжелое внешнеполитическое положение Византии приводит к значительной активизации латинофилов в XV в. Усиливается латинофильское течение, одержавшее крупную, хотя и недолговечную победу на Флорентийском соборе.

¹⁴ Как известно, попытки римской курии подчинить себе восточную церковь начались с самого момента разделения церквей (1054 г.) и особенно ярко проявились в политике Иннокентия III во время IV крестового похода. Падение Латинской империи привело к временному крушению этих честолюбивых планов. Теперь же, в XV в., видя безвыходное внешнеполитическое положение и внутренний упадок Византии, папство решило, что вновь настал благоприятный момент для полного удовлетворения его деспотических притязаний.

¹⁵ Папа поставил византийских делегатов в полную материальную зависимость, доведя их до крайней нужды, а затем пустил в ход запугивания, подкуп, обещания высоких почестей и награды для ренегатов и т. д.

¹⁶ Например, вождям латинофильской партии, Виссариону и Исидору, еще во время собора был обещан кардинальский сан.

Политическая программа латинофильствующей партии, как ее можно восстановить по современным источникам,¹⁷ вполне ясна: главный враг империи — турки, несущие гибель государству. Для спасения страны необходима помощь Запада, а единственный путь к этому — любой ценой покончить с религиозной враждой между Западом и Востоком. Если для достижения этого религиозного единства от Византии потребуются жертвы — их нужно принести, ибо они меньшее зло по сравнению с внешней турецкой опасностью.

В XV в. латинофильская партия в Византии насчитывала в своих рядах не мало видных ученых, политических деятелей, духовных и светских сановников. Как известно, последние Палеологи были вынуждены искать помощи и защиты на Западе, императоры Иоанн V и Мануил II совершали путешествия в Западную Европу для получения помощи и вели переговоры об унии. Император Иоанн VIII Палеолог был не только убежденным сторонником унии, но и деятельным организатором Флорентийского собора и настойчивым борцом за соединение церквей. При дворе последних Палеологов было немало придворных, разделявших взгляды своих монархов и стоявших за унию.¹⁸

Латинофильство византийских императоров имеет чисто политические причины (помощь Запада против внешней опасности). В основном эту идею поддерживали и разделяли все латинофилы.¹⁹ Определенные группы господствующих классов византийского общества имели и свои особые причины, толкавшие их в сторону сближения с Западом. Можно предположить, что для части византийской феодальной знати союз с Западом казался менее опасным, чем турецкая угроза.²⁰

Для византийской интеллигенции, для людей науки, сближение с Западом имело свою почву; ведь между Византией и Западной Европой прочно установились тесные культурные связи, особенно укрепившиеся в эпоху гуманизма.

Что касается части духовенства, поддерживавшей латинофилов, то она принадлежала, по видимому, к так называемой партии „политиков“, или умеренных, противопоставляемых обычно в церковной истории Византии партии крайних — „зилотов“. ²¹ Партия умеренных опиралась не на монахов, а главным образом на белое духовенство. В противоположность зилотам,

¹⁷ Ducas. *Historia Byzantina*, pp. 212—216, 252—254, 261—264, 291—296 и др. О политической программе и социальном составе партии латинофилов.

¹⁸ К ним принадлежали: Алексей Ласкарис Филантропиз, великий стратопедарх Марк Иагрий, Иоанн Дисипат, Дмитрий Ангел, Михаил Булет и др. Из видных духовных сановников к униатам принадлежали: Виссарион, архиепископ никейский, протосинкелл Георгий Мамма, Исидор Русский, Дорофей Митиленский, Макарий Макр, Георгий Макромер.

¹⁹ З. Удальцова. *Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского*. Автореферат. — Вестник МГУ, 1947, № 1.

²⁰ Немаловажную роль в возникновении латинофильского течения сыграли крестовые походы и латинское завоевание, которые, с одной стороны, вызывали „национальное“ движение византийского народа и усилили национальную и религиозную рознь между Западом и Византией, но, с другой стороны, способствовали сближению феодальной верхушки Византии с Западом — феодальная организация, законы и обычаи в их ярко выраженной форме, принесенные крестоносцами с Запада, не стояли в противоречии с достаточно уже развитыми феодальными отношениями в Византии, и византийские феодалы охотно и быстро воспринимали некоторые западные феодальные институты, чему докатоательством служит быстрое распространение в Византии западной феодальной терминологии. Быт и нравы латинских рыцарей также оказали значительное влияние на византийскую знать. Это, конечно, не исключало борьбы другой части византийских феодалов против латинян, захватывавших их земли.

²¹ Эти названия византийских партий встречаются у византийских историков Н. Григоры, Пахимера и др.

стоявшим за сильную и независимую от государства церковь, политики искали в государстве поддержку для церкви. Они готовы были идти на значительные уступки государственной власти и всячески стремились к союзу с императорами. В вопросе об унии (как и в ряде других) они шли на уступки императорской власти и из политических соображений поддерживали византийский двор.

Латинофильское течение вызвало самый решительный отпор со стороны греко-православной партии, очень влиятельной в Византии, однако в XV в. начавшей несколько сдавать свои позиции. Эта партия, так же как и латинофильская, выражала интересы господствующих классов византийского общества. Ядро православной партии и в XV в. состояло из духовенства и монашества, причем последнее было оплотом и основной силой этой партии. В подтверждение этого, кроме многочисленных свидетельств византийских историков (Дука, Франдзи),²² можно привести один очень интересный и еще не использованный в этом отношении документ XV в. — „Послание прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора“.²³ Этот документ, написанный вскоре после Флорентийского собора, отражает борьбу латинофильской и православной партий в Византии за церковь других восточных государств, в частности за русскую церковь. Весьма симптоматично, что с призывом сохранять верность православию и с похвалами великому князю Василию Васильевичу за то, что он отверг решение Флорентийского собора, выступают монахи Афона. В своем длинном послании они говорят о главных расхождениях, разделяющих Западную и Восточную церкви²⁴ и подчеркивают, что хранителями православия в Восточной империи является „св. гора Афон, в ней же отцы, исповедующие крепче православную веру сдержат высоко, проповедают и хулят единомудренных латином“. Далее, они осыпают многочисленными обвинениями и всячески бранят своих противников латинофилов и императора Иоанна Палеолога, осуждая их за заключение унии и убеждают великого князя Московского искоренить у себя латинскую ересь.

Православная партия в XV в. имела в своих рядах не мало выдающихся лиц. Первое место среди них вначале бесспорно принадлежало крупнейшему деятелю греко-православного течения на Флорентийском соборе — Марку Эфесскому. Преемником Марка Эфесского, ставшим после его смерти вождем православной партии, был видный богослов и церковный деятель Георгий Схолярый.²⁵

Главы Восточной церкви — патриархи Филофей Александрийский, Дорофей Антиохийский и Иоаким Иерусалимский тоже выступали

Ducas. Назв. соч.

²² Летопись занятий Археографической комиссии, вып. III. См. А. Н. Попов. *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян*. М., 1875; Павлов. *Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемике против латинян*. СПб., 1878.

²⁴ Летопись занятий Археографической комиссии, вып. III, стр. 29.

²⁵ Из других деятелей православной партии в Византии в XV в. можно назвать: Антония, архиепископа Гераклеяского; великого епископа Сиропула; брата Марка Эфесского — Иоанна Евгеника; монаха Афанасия, избранного, согласно православной традиции, собором 1450 г. в константинопольские патриархи вместо латинофила Григория Маммы, и др. Деспот Дмитрий, брат императора Иоанна Палеолога, тоже был ярким приверженцем православия и не подписал Флорентийскую унию. Впоследствии он использовал недовольство Флорентийской унией со стороны населения Византии и даже попытался поднять восстание против своего брата.

против Флорентийской унии, при поддержке большинства духовенства Византии.

Непримиримая позиция по отношению к латинству большей части византийского духовенства и монашества объясняется, помимо религиозной нетерпимости, экономическими и политическими причинами. Уния с Западом на основе догматических уступок католицизму означала для византийского духовенства и монашества потерю господствующего положения в византийской церкви и ставила под угрозу их церковные доходы, так как влекла за собой усиление влияния католического духовенства в Византии. Таким образом, для византийского духовенства принятие унии означало, что ему пришлось бы „потесниться“ и уступить часть доходов западным прелатам. Известная часть высшего духовенства, „политиков“, близких к императорскому двору, шла на союз с Западом в силу политических соображений, надеясь, по всей вероятности, сохранить свое высокое положение и свои доходы и после заключения унии, но большинство византийского клира не желало уступать своих позиций. Кроме того, для византийского духовенства и монашества переход на сторону унии означал бы потерю популярности в широких слоях византийского народа, крайне враждебно настроенного против латинян.

Действительно, большинство населения Византии имело свои счеты с латинянами. Латинское завоевание и гнет латинских феодалов были еще очень свежи в памяти византийского крестьянства — господство латинян вызвало дальнейшее развитие и усиление феодализма в Византии и ухудшило положение широких масс византийского крестьянства. Византийское купечество и ремесленники чрезвычайно страдали от засилья иностранных, главным образом итальянских, торговцев, захвативших в свои руки почти всю торговлю Византии, и активно выступали против унии. Таким образом, первоначально греко-православная партия в Византии находила многочисленных сторонников и прямую поддержку у византийского народа, пострадавшего от латинян.²⁶

Таковы в общих чертах основные моменты партийной борьбы в Византии в период, предшествовавший созыву Флорентийского собора. На самом же соборе и во время подготовки к нему борьба латинофильской и православной партий приняла особо острые формы.²⁷

Мысль об унии с Западной церковью возникала и в византийских правящих кругах в тяжелые периоды истории империи, когда стране грозила какая-нибудь серьезная внешняя опасность.

Переговоры, которые привели к заключению Флорентийской унии, начались еще при отце Иоанна VIII Палеолога — императоре Мануиле. Папский престол и константинопольский двор обменялись тогда рядом посольств, однако переговоры затягивались. Толчком к активизации Византии в этих переговорах была страшная опасность, нависшая над столицей империи в 1422 г., когда войска турецкого султана Мурада I

²⁶ Подробную характеристику общественных групп, на которые опирались латинофильская и греко-православная партии, мы даем в работе, посвященной борьбе партий в Византии в XV в. См. З. У д а л ь ц о в а. „Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского“ (автореферат). Виз. Вр., том II, М.—Л. 1949.

²⁷ Этот вопрос у большинства исследователей, занимавшихся историей Флорентийского собора, оставался в тени или трактовался с конфессиональной точки зрения. Например, Васт (H. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris, 1878) стремится выдвинуть на первый план латинофилов и показать их решающую роль в заключении унии. Напротив, русский исследователь А. С а д о в („Виссарион Никейский“. СПб., 1883) всячески подчеркивает влияние и силу на соборе православной партии и ее вождя Марка Эфесского, стремясь доказать, что раскол внутри греков произошел уже в ходе собора, когда часть их, в том числе и Виссарион, перешли на сторону папства.

осадили город и угрожали существованию Византийского государства. После снятия осады наследник престола Иоанн Палеолог лично отправился за помощью в Италию к папе Мартину V и в Венгрию к императору Сигизмунду. Успешно проходившие переговоры о созыве вселенского собора были, однако, временно прерваны смертью императора Мануила. Впрочем, новый византийский император Иоанн VIII Палеолог вскоре вновь был вынужден поднять вопрос об унии.

К этому его настойтельно толкало крайне затруднительное внешне-политическое положение государства. В 1431 г. один из крупнейших и важнейших торговых центров Византии, г. Фессалоники, попал в руки турок. Политическая атмосфера в Византийской империи чрезвычайно накалилась, над государством нависли черные тучи. При таких обстоятельствах император Иоанн деятельно берется за организацию вселенского собора. В 1431 г.²⁸ он отправляет к папе Мартину V посольство во главе с видным латинофилом Иагрием, императорским секретарем Деметрием Ангелом и монахом Макарием. Однако послы вернулись еще с дороги, узнав о смерти папы. Чрезвычайно раздраженный неудачей, император немедленно снаряжает другое посольство с целью узнать настроение нового папы. Евгений IV сперва относился к заключению унии довольно холодно, но затем, поставленный в весьма затруднительное положение в своей борьбе с Базельским собором, решил использовать греков. Заключение унии с Восточной церковью и возвращение схизматиков-греков в лоно католической церкви явилось бы крупным козырем в международной политике папы. Видимо, это очень хорошо понимали как папская курия, так и деятели Базельского собора. Борющиеся стороны стремятся теперь использовать этот козырь. В результате развертывается борьба Евгения IV и Базельского собора за привлечение греков на свою сторону — борьба, закончившаяся победой папы. Эта борьба весьма искусно была использована византийским двором для достижения более благоприятных условий созыва собора.

В результате длительных переговоров, затянувшихся до 1437 г., во время которых шли споры вокруг двух вопросов — о месте созыва собора и о размерах субсидий грекам, византийский император склонился на сторону папы. Решающую роль в этом сыграли деньги и корабли, присланные папой в Константинополь, в то время как отцы Базельского собора расточали перед императором лишь одни обещания.²⁹ Не малую роль в окончательном решении императора сыграло и то обстоятельство, что папа местом созыва собора предложил Феррару, город, в который поездка была не столь затруднительной для греков, в то время как Базельский собор предлагал более отдаленные пункты. Кроме того, от Базельского собора оттолкнула византийцев заносчивость «базельских отцов», которые не скрывали своих агрессивных планов и открыто говорили, что «после уничтожения новой ереси богемцев, они решили искоренить старую ересь греков». Такое поведение некоторых деятелей Базельского собора резко контрастировало с мягкостью и уступчивостью папы, однако эта его уступчивость была лишь дипломатическим маневром в борьбе с Базельским собором, и

²⁸ S y r o p., lib. II, cap. 16 и 19; Ф р а н д з и, т. II, гл. 9.

²⁹ Иоанн Палеолог заключил с папой договор, по которому римская курия обязалась выдать византийской делегации 8 тыс. золотых дукатов для покрытия издержек по переезду в Италию и предоставить четыре больших корабля и 300 стрелков охраны. Кроме того, император лично получил 10 тыс. золотых дукатов, якобы для устройства государственных дел, которые могли притти в расстройство в его отсутствие. — S y r o p., lib. III, cap. 2.

византийская делегация очень скоро это почувствовала. Но успешный ход переговоров и сговорчивость Евгения IV поддерживали в Иоанне Палеологе и его сторонниках радужные надежды на выгодные условия заключения унии.³⁰

Довольно длительный период времени, занятый переговорами с представителями Западной церкви и подготовкой к собору, был полон ожесточенной борьбы партий в Византии. Инициаторами и организаторами унии выступали император совместно с латинофильской партией, ее ожесточенными противниками были представители ортодоксального духовенства и монашества. Сторонники унии деятельно взялись за организацию собора. Для них, прежде всего, необходимо было обеспечить присутствие на соборе представителей вселенских патриархов и восточных церквей, для того чтобы придать решениям собора большую авторитетность.

Император разослал своих послов к вселенским патриархам, а также к восточным государям. Исидор, игумен константинопольского монастыря св. Дмитрия, был назначен митрополитом киевским и отправился на Русь к великому князю Василию III с миссией — привлечь этого влиятельного государя на сторону унии. Исидору удалось временно добиться успеха, и он был делегирован от русского духовенства на Ферраро-Флорентийский собор.³¹ Другой латинофил, Андроник Иагрий, был послан императором в Грузию и Трапезунт, где он также добился посылки представителей на собор. Было достигнуто соглашение по этому вопросу и с господарями Молдавии и Валахии, также приславшими своих делегатов. Однако деспот Сербии³² отказался прислать своих представителей. Встретились затруднения и со стороны вселенских патриархов. Несмотря на ловкость и энергию императорского посла — видного представителя латинофильского течения Георгия Макромера, — патриархи, хотя и назначили своих делегатов на собор, но отказались дать им широкие полномочия. Императору пришлось вторично отправлять к ним посольство во главе с монахом Феодосием, которому с трудом удалось добиться согласия патриархов предоставить своим делегатам свободу действий на соборе.³³

Несмотря на то, что сопротивление вселенских патриархов было сломлено и императору удалось добиться того, что представителями патриархов были выделены лица безусловно латинофильского направления,³⁴ антиуниатская позиция восточных патриархов не подлежит сомнению. Главы восточных церквей лишь временно уступили давлению императорской власти, но впоследствии открыто выступили против решений Флорентийского собора.

Второй задачей, стоявшей перед императором и латинофилами при подготовке собора, было формирование делегации самой константино-

польской церкви, которая должна была составить основное ядро всего византийского посольства на соборе. И здесь сторонники унии столкнулись с немалыми трудностями. На первый взгляд кажется странным, что император Иоанн Палеолог и его сторонники-латинофилы не подобрали на собор людей, достаточно известных своими латинофильскими взглядами, и не обеспечили в составе делегации большинства сторонников унии. Напротив, в числе лиц, которые были выдвинуты на первые места и которым предназначалась руководящая роль на соборе, находились такие ярые ортодоксы и непримиримые враги латинян, как Марк Евгеник, возведенный в сан архиепископа эфесского, и близкий ему Георгий Схолярый. Правда, рядом с ними поставлены были Виссарион и Исидор, уже известные своими симпатиями к унии, но, как показали дальнейшие события, латинофилы оказались сперва в меньшинстве на соборе и им, а также самому императору, пришлось выдержать упорную борьбу с ортодоксами и колеблющимся большинством византийской делегации, ближе стоявшим к православной партии.

Подобное положение можно объяснить следующими причинами.

Времена неограниченного главенства императорской власти над церковью в Византии безвозвратно миновали. Император вынужден был считаться с тем фактом, что православная партия пользовалась в стране большим влиянием, и без ее участия заключение унии было бы невозможно. Тем более, дело не могло обойтись без Марка Эфесского, вождя православной партии, к тому же выдвинутого в делегаты таким влиятельным патриархом, как патриарх александрийский.

Включение ортодоксов в соборную делегацию было даже выгодно императору; именно потому, что православная партия была популярна в широких кругах византийского народа, император хотел заключить унию руками ортодоксов, с тем чтобы прикрыться их именами, учитывая непопулярность унии.

В интересах Иоанна Палеолога было заключить унию ценою наименьших догматических уступок; это предполагало ожесточенную богословскую борьбу с латинянами на соборе. Предстоящая полемика требовала участия в греческой делегации наиболее видных православных богословов, большинство которых принадлежало к ортодоксальной партии.

Сама православная партия, сперва не желавшая принимать участие в соборе, в дальнейшем сочла более благоразумным участвовать в нем и, используя свое влияние на византийское духовенство, добилась того, что большинство византийской делегации явно или тайно сочувствовало ей.

Таким образом, в составе константинопольской делегации оказались представители обеих партий, причем большинство принадлежало ортодоксам. Обе партии готовились к собору, но готовились по-разному, так как и самый вопрос об унии они решали с различных позиций. Что касается православной партии, то она, пойдя на участие в соборе после упорной борьбы, считала возможным заключение унии только на базе догматической капитуляции католичества. Поэтому для нее подготовка к собору являлась, в первую очередь, подготовкой к богословским боям на соборе, с целью теоретического разгрома Западной церкви. Для партии же латинофилов собор и уния были делом политическим; без практического заключения унии и получения помощи Запада для них собор терял всякий смысл. При этом размер догматических уступок папству для латинофильской партии не играл решающей роли. Поэтому не в теоретической подготовке к собору латинофилы видели свою

³⁰ О подготовке собора и переговорах с папой и Базельским собором, кроме названных работ Hefele, Frommana, Goethe, см. Zhisman. Die Unionsverhandlungen zwischen der orientalischen und römischen Kirchen. Wien, 1858.

³¹ Назначение Исидора главой русского духовенства и столь важная миссия, порученная ему, свидетельствуют о той выдающейся роли, которую в то время играл в партии латинофилов будущий кардинал, и о его влиянии при византийском дворе.

³² Sygor., lib. III, cap. 4.

³³ Ibid.

³⁴ Так, патриарх иерусалимский выдвинул своими представителями на собор латинофилов Исидора Русского и Дιονисия Сардского; патриарх антиохийский — протосинкелла Григория, видного деятеля латинофильской партии, и Иосифа Эфесского, и только патриарх александрийский избрал своими представителями влиятельных членов православной партии Марка Евгеника и Антония Гераклеяского.

главную задачу.³⁵ Латинофилы являлись деятельными помощниками и агентами императора в дипломатической подготовке собора, выполняя ответственные дипломатические поручения (миссии к патриархам и восточным государям, переговоры с западным духовенством и т. д.) и активно способствовали успеху собора своей организаторской деятельностью и агитацией за его созыв.

Но, безусловно, и партии латинофилов необходимо было принять активное участие в будущих богословских прениях на соборе, и поэтому перед этой партией встал вопрос о выдвижении и подборе своих ученых-богословов и талантливых ораторов, которые могли бы отстаивать взгляды латинофилов на соборе. Весьма подходящей для этой роли фигурой был Виссарион Никейский. Еще в пелопоннесский период своей жизни Виссарион приобрел значительную известность как ученый-проповедник и блестящий оратор: его проповеди и публичные выступления пользовались большой популярностью. Ораторский талант и ученость Виссариона известны были и при дворе, где имели успех его надгробные речи. Кроме того, Виссарион уже был известен своими латинофильскими взглядами и находился в рядах приверженцев унии, хотя и не стоял еще во главе латинофильской партии. Честолюбие Виссариона толкало его на активное участие в деле, угодном императору, а его политические убеждения заставляли с надеждой смотреть на латинский Запад, ожидая оттуда для своей родины помощи против турок.

Император Иоанн Палеолог оценил образованность и ораторский талант Виссариона и, будучи осведомлен о его политических симпатиях, решил выдвинуть его в качестве оратора и ученого богослова, представляющего на соборе интересы латинофильского течения.³⁶

Еще во время подготовки к собору Виссарион по настоянию императора был из игумена монастыря возведен в высокий сан архиепископа никейского. Одновременно с Виссарионом подобные же высокие назначения получили и другие латинофилы: так, Исидор был возведен в сан митрополита киевского, а Дионисий — митрополита сардского.

Подобные назначения, полученные видными латинофилами и в том числе Виссарионом, свидетельствуют о желании императора поднять их авторитет и влияние в связи с ролью, которую они должны были играть на соборе.³⁷ По словам биографов Виссариона — Платины,³⁸ Бандини³⁹

³⁵ Этим, повидимому, объясняется сообщение Сиропула о том, что во время совещаний духовных и светских лиц, собиравшихся у императора, где ставились вопросы чисто теоретической подготовки к богословской полемике с латинянами, первую скрипку играли православные богословы — Марк Евгеник и Георгий Схолярый (Syrop. III, cap. III).

По их настоянию было решено в теоретической подготовке уделить главное внимание изучению творений восточных отцов церкви и православного греческого полемиста Нила Кавасилы (ibid.).

³⁶ По словам ученого грека Амируцци, одного из участников Флорентийского собора, Виссарион уже во время подготовки к собору был любимцем императора Иоанна Палеолога, „который, намереваясь отправиться на собор, во всем руководствовался его советами“ (см. письмо Амируцци к деспоту Дмитрию у Аллэция „De consensu ecclesiarum“). Таким образом, у нас есть прямое свидетельство современника о влиянии Виссариона на императора уже в этот период.

³⁷ Историк Флорентийского собора Сироул, весьма подробно описывавший приговора греков к собору, ничего не говорит о какой-либо особой миссии или каком-либо важном поручении по организации собора, которые выполнял бы в это время Виссарион подобно другим латинофилам — Исидору, Вальзамону, Иагрию и др. (Syrop. III, cap. III).

³⁸ Platina. Migne. Patr. gr., t. 161, p. CVI.

³⁹ Bandini. Ibid., cap. 6.

и др., в период, предшествующий собору, Виссарион главное свое внимание уделял теоретической подготовке, тщательно изучая творения восточных отцов церкви, и уже в этот период штудировал труды греческих латиномудрствующих полемистов (Векк, Кидонис), знакомство с которыми он обнаружил впоследствии на соборе.

Возможно, уже в это время Виссарион читал также труды латинских схоластиков в греческом переводе, расширив и углубив затем свои знания в Италии, в ходе самого собора, при помощи своих новых итальянских друзей — ученых гуманистов и представителей западного духовенства. Это знание латинской богословской литературы оказало в дальнейшем Виссариону значительную услугу в его борьбе с православной партией.

Таким образом, Виссарион готовился к выступлению на соборе по чисто теоретическим богословским вопросам. Это стоит в тесной связи с той ролью, которую предназначали ему на соборе. Действительно, как мы увидим в дальнейшем, Виссарион с самого начала заседаний Ферраро-Флорентийского собора был выдвинут императором в качестве оратора, который вместе с Марком Эфесским должен был вести прения. Виссарион противопоставлялся Марку Эфесскому как оратор и ученый богослов, достаточно образованный и талантливый для того, чтобы вести прения с латинянами, но в то же время известный своими латинофильскими симпатиями.

Осенью 1437 г. подготовка к созыву собора была закончена, и греческая делегация ждала отплытия в Италию.

24 ноября 1437 г. пышно разукрашенная эскадра из восьми судов покинула Константинополь, чтобы направить свой путь к берегам Италии; на борту этих судов⁴⁰ находились император Иоанн, деспот Дмитрий, патриарх Иосиф, духовные и светские сановники. 8 февраля 1438 г., после утомительного и опасного путешествия⁴¹ греческая эскадра прибыла в Венецию.⁴² Прием, оказанный грекам в Венеции, отличался большой торжественностью. Дож, члены синьории, сенаторы и другие знатные венецианцы выехали встречать почетных гостей и при огромном стечении народа проводили их во дворец, отведенный для императора и его свиты.⁴³

После двухнедельного пребывания в гостеприимной Венеции византийский император продолжал свое путешествие. В Ферраре Иоанну Палеологу и патриарху была оказана такая торжественная встреча, которая вполне могла удовлетворить их самолюбие и усилить их надежды на почетные условия унии. Папа встретил императора у входа в свои покои, не допустил его до коленопреклонения, а обнял его и посадил рядом с собой.

Такое начало, казалось, сулило радужные перспективы византийскому посольству. Однако уже при обсуждении порядка ведения собора и мест его участников между греками и папой возникли серьезные разногласия. В конце концов, латиняне добились более почетных мест на соборе.⁴⁴

⁴⁰ Византийская эскадра была снаряжена на средства папы Евгения IV, который выдал византийцам субсидию в 15 тыс. флоринов и должен был оплатить все издержки по перевозу. Syrop., III, cap. XV.

⁴¹ Турки, боясь помощи Византии со стороны Запада и желая воспрепятствовать путешествию императора на собор, однажды обстреляли греческую эскадру. Syrop. IV, 1.

⁴² Ibid., IV, c. 1.

⁴³ Ibid., c. XIII. Франдзи, Migne, t. 156, p. 737 и сл.

⁴⁴ Syrop. IV, c. 28.

Греки выговорили себе денежные субсидии от папской курии: императору 50 золотых флоринов в месяц, патриарху — 25, деспоту — 20, представителям высшего духовенства по 4, остальным — по 3.⁴⁵

Торжественное открытие собора состоялось 9 апреля 1438 г. в богато украшенной кафедральной церкви св. Георгия в Ферраре.⁴⁶ Автор *Acta Graeca* оставил нам описание первого заседания собора.⁴⁷

Заседание открыл папа. Затем был зачитан декрет о созыве собора на греческом и латинском языках.

Со стороны греков на соборе присутствовали: император Иоанн VIII, патриарх Иосиф (скончавшийся впоследствии во Флоренции), брат императора деспот Дмитрий, 6 архиепископов — представителей вселенских патриархов (Антоний Гераклеяский, Марк Евгеник — архиепископ эфесский, Исидор Русский, Дионисий — архиепископ сардский, Досифей — архиепископ монемвазийский и протосинкелл Григорий — представитель александрийского патриарха), 17 архиепископов и епископов восточных кафедр, в том числе Виссарион, и много игуменов и монахов. Со стороны латинян на соборе присутствовали папа, 8 кардиналов и ряд представителей западного духовенства.⁴⁸

На первых порах латинофильская партия на соборе была немногочисленна, хотя и имела в своих рядах влиятельных лиц: Виссариона, протосинкелла Григория, Исидора, Дорофея Митиленского, Михаила Вальзамона и др.⁴⁹ Патриарх Иосиф, которого Васт⁵⁰ считает безусловно униатом, видимо, колебался и надеялся на заключение унии без догматических уступок латинянам.

Среди латинофилов были такой выдающийся оратор и дипломат, как Виссарион, энергичный и ловкий „человек действия“, Исидор и т. д., но и православная партия могла похвалиться выдающимися ораторами и талантливыми церковными деятелями, по силе ума и характера не уступавшими латинофилам, как Марк Эфесский, его брат Иоанн Евгеник, знаменитый философ Гемист Плифон, брат императора деспот Дмитрий Палеолог, Георгий Схоларий, Антоний Гераклеяский и ряд других. Убеденными противниками унии оставались представитель грузинской церкви Георгий (не желая подписывать унию, он бежал переодетый из Флоренции) и Исая Ставропольский (также бежавший из Флоренции).⁵¹ Поддержку православной партии оказывали представители двух афонских монастырей (Лавры и Ватопеда),⁵² однако подписавшие в конце концов унию. Но наиболее важным являлось то, что большинство греков, присутствовавших на соборе, явно или тайно сочувствовали православной партии и оказывали ей поддержку. Без этого Марку Эфесскому, несмотря на всю его энергию и стойкость, не удалось бы так долго мешать заключению унии.

После торжественного открытия собора его заседания, по требованию греков, были отложены до прибытия западных государей и „отцов“ Базельского собора. Перерыв заседаний длился около полугода, но во время невольной отсрочки собора велись переговоры особых комиссий,

⁴⁵ Syrop. IV, с. 28.

⁴⁶ Syrop. IV, с. 20.

⁴⁷ Acta Graeca, 16—17.

⁴⁸ Acta Graeca, 16—17; Syrop. IV, с. 28, р. 32.

⁴⁹ Syrop. III, с. XVI, р. 60 и II, с. XVIII, р. 13.

⁵⁰ Vast, p. 65, Васильев (ук. соч., стр. 100) считает его противником унии.

⁵¹ Syrop. X, 8, 292 и XI, I, 313.

⁵² Афонское монашество, отрицательно настроенное к унии, не послало представителей от всех монастырей Афона, чем, видимо, хотело показать свою оппозиционность к унии.

избранных с греческой и с латинской стороны. Со стороны греков в комиссию вошло 10 человек: Марк Эфесский, Виссарион, Досифей Монемвазийский, Мефодий Лакедемонский, Софроний Анхилакский, великий хартофилак Вальзамон, великий эклесиарх Сиропул, два игумена и один афонский монах. Руководящую роль в комиссии играли Марк и Виссарион, которые одни только имели право вести прения.⁵³ В этой первой комиссии, повидимому, преобладало влияние православной партии, а латинофилы были в меньшинстве (кроме Виссариона, к ним принадлежали Досифей и Вальзамон).

То, что Виссарион был избран в первую комиссию, а затем оставался непререкаемым членом всех комиссий на соборе и участником всех переговоров, указывает на его значительное влияние,⁵⁴ но даже по свидетельству латинофильски настроенного византийского историка Дуки, первое место в греческой делегации на соборе занимал вначале Марк Эфесский. Лишь второе место рядом с ним занимают Виссарион и Исидор, которых историк Дука, однако, считает самыми учеными из греческого духовенства.⁵⁵

Выдвижение Виссариона в комиссию было сделано по настоянию императора, уже знакомого с дипломатическим талантом и латинской ориентацией Виссариона. Желая сосредоточить в своих руках руководство проведением собора, император издал особую инструкцию, сохранившуюся у Сиропула, где предложил докладывать ему о деятельности комиссии после каждого заседания. По этой инструкции со стороны греческой делегации имели право вести прения только Марк Эфесский, глава православной партии, и Виссарион — представитель латинофилов.

⁵³ Acta Graeca, 24; Syrop. V, 23; V, 3 и V, 8.

⁵⁴ Вопрос о роли Виссариона Никейского на Флорентийском соборе решается в буржуазной историографии различно, в зависимости от политической и вероисповедной позиции того или иного автора. Так, например, французский ученый Анри Васт, следуя своей конфессиональной точке зрения, выдвигает Виссариона на первый план в работе собора, преувеличивая его роль в заключении унии. По словам Васта, Виссарион был главным вдохновителем унии и пламенным борцом за нее. Без Виссариона уния никогда не была бы заключена (Vast. Назв. соч., стр. 83). Немецкий исследователь Рохолль присоединяется в этом отношении к Васту, считая Виссариона душой унии (R. Rocholl. Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904).

Более трезво подходит к рассматриваемому вопросу наш русский ученый А. Садов, который не склонен преувеличивать роли Виссариона в деятельности собора. Но Садов впадает в другую ошибку — он отрицает наличие латинофильских взглядов у Виссариона и других членов собора (кроме, может быть, Исидора) до начала собора и считает, что Виссарион пережил „эволюцию“ от православия к латинству уже в ходе самого собора (Садов. Назв. соч., гл. 1).

Новейшие труды, посвященные жизни и деятельности Виссариона, следующие:

- 1) Z. Mohler. Die Wiederbelebung des Platonstudiums in der Zeit der Renaissance durch Cardinal Bessarion. 1921.
- 2) Z. Mohler. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann, I—II. Paderborn, 1923—1927.
- 3) S. Wilson Taylor. Bessarion the meditator. — Transactions and proceedings of the American Philological Association, 55. 1924.
- 4) Z. Mohler. Aus dem Briefwechsel des Kardinals Bessarion.
- 5) U. Lampides. Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt. BZ. 35 (1935).
- 6) E. Candal. Bessarion Nicaenus in Concilio Florentino. — Orientalia Christiana.
- 7) P. Koinides. Βησσαρίων ὁ Καρδινάλιος ὡς θεολόγος. Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 39. 1940.

8) Политическое значение, которое приобрела фигура грека-рenegата в глазах римской ортодоксальной церкви в связи с борьбой против православия, нашло свое яркое выражение в издании с 1896 г. в Италии журнала „Bessarione“ — воинствующего органа католической реакции.

⁵⁵ Ducas. Hist. Byz. XXXI, стр. 213.

Влиятельное положение Виссариона на соборе видно еще из того, что при официальном приеме папой представителей греческого духовенства он удостоился высокой чести: был принят в числе первых шести лиц вместе с патриархом.⁵⁶

Становится понятной ошибка нашего русского монаха, участника Флорентийского собора, оставившего очень интересный памятник о деятельности этого собора, известный под названием „Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе“,⁵⁷ где автор счел Виссариона наряду с Марком и Исидором представителем восточных патриархов.

„В лето 6946-ое начашу соборовати царю греческому Калуюну и патриарху Иосифу от себе избраша три святители: честна и свята мужа Марка, митрополита эфесского вместо патриарха александрийского, а другого митрополита Исидора русского вместо патриарха антиохийского, третьего митрополита Виссариона никейского вместо патриарха иерусалимского и тех посадиша в патриархово место“.⁵⁸ В действительности же представителем иерусалимского патриарха был Дионисий Сардский.

Император все время покровительствовал Виссариону и Исидору и старался выдвинуть их на первый план. Таким образом, к началу прелиминарных прений в комиссиях получается следующая картина: наиболее видное место на соборе занимал Марк, за спиной которого стояло большинство греческой делегации, а рядом с ним, покровительствуемые императором, выступают представители латинофилов Виссарион и Исидор, влияние которых в ходе собора возрастает.

* * *

Прения с латинянами открыл Марк своей ответной речью на выступление кардинала Джулиано Чезарини, намекнувшего, что у греков будто бы уже готова выработанная еще в Константинополе программа уступок латинянам, которая должна привести к унии. Марк весьма резко отверг это предположение Чезарини и заявил, что целью собора может быть лишь выяснение истины.

В начале собора латинофилы действовали как бы единым фронтом с православной партией против притязаний папства и отстаивали интересы греков. Хотя речь Марка и не понравилась им своей резкостью, но они, по свидетельству Сиропула, еще не выступали против него. Эта политика латинофилов очень ярко проявилась в поведении Виссариона. На первых порах Виссарион выступал на соборе от имени всех греков и сохранял видимость полного единодушия греческой делегации. В своей речи, произнесенной им после Марка, он ни в чем существенном не разошелся с православным оратором.⁵⁹ Такое поведение Виссариона и латинофилов отнюдь не исключало закулисной борьбы партий, прорвавшейся затем в столкновении Виссариона с Марком. Повидимому, в этот период деятельности собора латинофилы и Виссарион еще не чувствовали за собой достаточной силы, чтобы открыто порвать с ортодоксально-православным большинством греков,

пользовавшимся к тому же поддержкой народных масс Византии. Можно допустить, что латинофильская партия хотела даже показать, что на соборе она сделала все, что было в ее силах, для защиты греческого учения, чтобы впоследствии иметь оправдание перед своими соотечественниками.

Однако компромиссная политика латинофилов столкнулась с неприемлемой позицией папства, не желавшего идти на уступки, а также православных ортодоксов, упорно стремившихся сорвать унию. Разрыв был неизбежен; постепенно назревая, он впервые открыто проявился в ссоре Виссариона с Марком Эфесским.

Нельзя придавать чересчур большого значения этой ссоре, как это делает А. Садов,⁶⁰ однако в их столкновении отразилась та глухая борьба православной и латинофильской партий, которая теперь прорвалась наружу. Вдобавок, такие натуры, как Виссарион и Марк, не могли мирно ужиться, и их столкновение рано или поздно было неизбежно; оба они были честолюбивы, энергичны и стремились занять первое место на соборе.

Марк Эфесский рисуется нам как человек сильной воли, твердых убеждений, с фанатическим упрямством отстаивавший свое мнение. Марк знал себе цену как богослов и оратор и не церемонился со своими противниками. По словам современников,⁶¹ он имел крутой и резкий нрав, был чрезвычайно самолюбив и обидчив. Виссарион, обладавший известной гибкостью характера, в то же время отличался не меньшими самолюбием и самоуверенностью. Порою он также бывал вспыльчив и горяч.⁶²

Повод для столкновения не замедлил представиться. Во время совещания избранных комиссий было решено, что как латиняне, так и греки составят свое письменное изложение учения о чистилище. Это дело было поручено Марку.⁶³ Однако император назначил ему в помощники Виссариона, протосинкелла Григория и Сиропула. Виссарион и Марк, задетые в своем самолюбии, не смогли найти общий язык, и каждый написал свое изложение греческого учения о чистилище. Император, не желая разжигать страсти, не отдал предпочтения ни тому, ни другому богослову и предложил соединить оба изложения и составить новое.⁶⁴ Это решение не удовлетворило ни Виссариона, ни Марка, и между ними произошел открытый разрыв.

Сиропул придает большое значение ссоре Марка с Виссарионом, считая, что „с нее началось великое разделение греков“.⁶⁵ Виссарион открыто показал свой разрыв с Марком, демонстративно пересев от него, чем, по горестному замечанию Сиропула,⁶⁶ известил латинян о неладах между греками, а те не замедлили этим воспользоваться.

Таким образом, борьба православной и латинофильской партий проявилась в столкновении их вождей. Возможно, что личная вражда Марка и Виссариона явилась известным толчком к дальнейшему продвижению последнего по пути уступок латинянам и сближения с ними, но, разумеется, не она была одной из главных причин перехода Виссариона в латинство, как думает Садов.⁶⁷ Но, порвав с Марком, Виссарион

⁵⁶ Сурор. IV, 22, 97.

⁵⁷ Авторство этого труда точно не установлено. См. А. Н. Попов. Ист.-лит. обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М, 1875; Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1871, стр. 198 и сл.

⁵⁸ Павлов. Назв. соч., стр. 200.

⁵⁹ Сурор. V, сар. 6—7.

⁶⁰ Садов. Назв. соч., стр. 25—36.

⁶¹ Сурор. VI, 20, р. 173.

⁶² Ibid.

⁶³ Сурор. V, 12, 132.

⁶⁴ Ibid., 14, 133.

⁶⁵ Ibid., V, 14, 133.

⁶⁶ Ibid., V, 17, 139.

⁶⁷ Садов. Назв. соч., стр. 35—36.

не решался рвать с православной церковью и в своем изложении греческого учения о чистилище еще остается на православных позициях.

Влияние Марка в то время было, однако, более значительным, чем влияние Виссариона. Так, перед возобновлением заседаний собора возник вопрос, с чего начинать прения — с обсуждения ли самого догмата или с вопроса о законности какой бы то ни было прибавки к догмату. Мнения среди греков разделились. За то, чтобы начать прения обсуждением вопроса о законности прибавки, стояли Марк и Гемист Плифон, которые считали, что если удастся доказать незаконность прибавки к догмату, то сам собой отпадет вопрос о *filioque* и победа греков будет обеспечена. В конечном счете, это могло привести к срыву переговоров с латинянами. Против этого выступили Виссарион и его сторонники. Виссарион привел ряд аргументов в пользу начала прений о догмате, утверждая, что и в вопросе о законности прибавки греки не так уж сильны, как они думают.⁶⁸ Несмотря на красноречие Виссариона, победило мнение Марка, которого поддержало большинство делегации; сам император, склонявшийся на сторону Виссариона, не решился итти против большинства.⁶⁹ Виссарион должен был покориться.

Перед возобновлением заседаний собора была избрана новая комиссия из греков, в которую вошли: Марк, Плифон — представители православной партии; великий скевофилакс Феодор Ксанфопул — близкий к православным; Виссарион, Исидор и Михаил Вальзамон — латинофилы. Силы той и другой партии видимо уравнились. Право вести прения опять было предоставлено только Марку и Виссариону, хотя иногда вставлял несколько слов и Исидор.

8 октября 1438 г. собор возобновил свои заседания. Первым выступил Виссарион. Его речь сохранилась полностью и представляет значительный интерес.⁷⁰ В ней Виссарион проявил себя горячим сторонником унии, но надежда на почетные условия заключения ее все еще не покидала Виссариона. Он полагал, что необходимо приложить все усилия для заключения унии, не щадя ни трудов, ни сил, ни времени. Надеясь на победу греков, Виссарион все же подготавливал им пути отступления, говоря, что „доброе поражение лучше худой победы“ и та сторона, которая окажется побежденной, должна с этим смириться и даже радоваться этому, так как „лучше самому освободиться от заблуждения, чем освободить от него другого“.⁷¹

Эта длинная речь Виссариона (он говорил с утра до позднего вечера) полна блестящей риторики, одобрена большой дозой лести по отношению папы, императора и членов собора и проникнута горячим желанием заключить унию. Она рисует Виссариона, с одной стороны, как преданного сторонника унии, с другой — как человека, который еще боится порвать с большинством греков, надеется на победу над латинянами и выступает от лица всех греков собора. Такова же была позиция Виссариона и в других его выступлениях на соборе, относящихся к этому периоду; в частности, по вопросу о законности прибавки он остается еще в лагере ортодоксов.⁷²

Но прениями руководил Марк, который своей непреклонностью вел все к большей и большей их затяжке. Папство также не сдавало своих позиций. Атмосфера накалялась, уния была под угрозой срыва. Папская

⁶⁸ Migne. Patr. gr., t. 161, p. 340.

⁶⁹ Ibid., p. 415.

⁷⁰ Ibid., p. 532—541.

⁷¹ Migne. Patr. gr., t. 161, p. 540.

⁷² Mansi XXXI, 524 D.

курия прибегла к материальному давлению на греков: она свыше пяти месяцев не выплачивала им установленной субсидии. Среди греков росли нужда, уныние и усталость. Многие из греческих делегатов были доведены до такой крайности, что принуждены были продавать свое церковное облачение, чтобы добыть себе пропитание. Естественно, многие из них только и мечтали о возвращении на родину. Автор *Acta Graeca* повествует: „Мы, греки, не только архиереи, но и все клирики и члены сената и все вообще, начали досадовать, говоря: что мы делаем, произнося и слушая бесплодные речи? Ни они не убедят нас, ни мы их. Надлежит нам поэтому возвратиться в наш город“.⁷³ Среди греков началось дезертирство, против которого стали принимать меры, запретив грекам выезжать за город.

Чтобы еще больше поставить греков в зависимость от себя, папа придумал перенести собор из Феррары во Флоренцию. Удаляясь в глубь страны, греки еще больше зависели от курии. Бегство на родину становилось все трудней. Папа, кроме того, и материально выигрывал от перенесения собора, так как флорентийские банкиры и купцы обещали ему крупную денежную помощь, если собор будет перенесен во Флоренцию, что чрезвычайно оживило бы торговлю и культурную жизнь города. Привлеченный обещаниями субсидий,⁷⁴ император принял этот план, а также быть может втайне надеясь, что переезд во Флоренцию затруднит бегство греков с собора. Официальным предлогом перенесения собора во Флоренцию послужила моровая язва, появившаяся в это время в Ферраре.

Виссарион как сторонник унии был за перенесение собора, считая, что это поможет скорейшему окончанию дела, однако во Флоренции дела пошли не лучше, прения были столь же длинные и бесплодны, хотя они велись уже по главному вопросу — по вопросу об исхождении св. духа. После месяца бесплодных прений дело кончилось ультиматумом папы, гласящим, что если греки не найдут скорейший способ соединения церквей, то пусть сами ищут средств для возвращения на родину, не надеясь на субсидии папской курии.

В этот критический момент резко изменилась позиция Виссариона и латинофильской партии. Видя, что медлить больше нельзя и что для заключения унии необходимо пойти на уступки, они решительно выступают за унию на основе отказа от греческого учения об исхождении св. духа.

К этому времени почва была уже подготовлена. Многие греки стали переходить на сторону унии и не малую роль в этом повороте сыграла политика курии; Сиропул считает, что „основным нервом“ унии были деньги.⁷⁵ Действительно, подкуп был широко пущен в ход папством. Многие видные греческие духовные сановники получили богатые подарки и еще более заманчивые обещания будущих наград. Так, Дорофей Митленский получил от папы 300 флоринов золотом за свои труды в пользу унии. Латинские кардиналы устраивали для греков пышные обеды, на которых вели льстивые разговоры и расточали заманчивые обещания. В частности, Сиропул рассказывает о роскошных обедах, устроенных папой и кардиналом Джулиано Чезарини для митрополитов Меленика,

⁷³ Mansi XXXI, 692 B и C.

⁷⁴ Папа обещал дать грекам 12 тыс. золотых флоринов и 2 триремы, если уния будет заключена, и уплатить задержанные за 5 месяцев субсидии. Однако Сиропул говорит, что папа уплатил только 2412 флоринов золотом за 4 месяца вместо 5 месяцев. Sutor. VII, p. 14, 212—217.

⁷⁵ Sutor. Назв. соч., X, с. 8.

Дристры и Драмы.⁷⁶ Буржуазный ученый Васт, представитель католического направления в историографии, стремится преуменьшить значение подкупа в заключении унии, считая, что на греков подействовали веские догматические доказательства латинян и правота их учения, а главное энергия и честность приверженцев унии во главе с Виссарионом.⁷⁷ Хотя можно допустить некоторое преувеличение со стороны Сиропула — источника, как мы знаем, весьма тенденциозного, и других источников православного направления, тем не менее наличие подкупа греческого духовенства со стороны папства не подлежит сомнению. Вождям латинофильской партии, в частности Виссариону и Исидору, еще в ходе собора были обещаны кардинальские шапки. Впоследствии, по возвращении членов собора на родину, приверженцы православия осыпали их упреками за то, что они были подкуплены врагами истинной веры. В „Послании прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной“ дважды приводится подобное обвинение против императора и его приверженцев, которые „какову мерзость въсхотеша очима своима увидети свою богочестивую веру продати на злате студным латинам“.⁷⁸ Эти обвинения впоследствии были крупным козырем в руках православной партии.

Не малое влияние на греческое духовенство оказал император, прибегнувший к довольно решительному давлению на упорствовавших духовных сановников, не желавших идти на заключение унии, угрожая одним, подкупая других, чем добился перехода значительной части духовенства на сторону унии.⁷⁹ Сиропул сообщает, что император даже угрожал упорствующим покинуть их в недружелюбной стране, где они могут сделаться жертвами мстительности римского первосвященника.⁸⁰ На это жаловались греки, которых пугала подобная перспектива.⁸¹ В то же время митрополиту кизикскому император подарил давно просимую им землю.

Что касается Виссариона, то здесь надо отметить еще одно обстоятельство. По прибытии в Италию Виссарион попал в среду видных итальянских гуманистов (Амброджо Траверсари, Гуарино, Флавио Биондо, Ауриспа) и вел с ними ученые беседы. Видные прелаты западной церкви, подобно кардиналу Джулиано Чезарини и Доменико Капраники, не без умысла стремятся привлечь Виссариона на свою сторону, знакомят его с учением католической церкви, ведут беседы на богословские темы.⁸² Общая любовь к античности сближает Виссариона с гуманистами. При посредстве их Виссарион доставал латинские книги, главным образом в греческом переводе. Среда, в которую попал Виссарион в Италию, и католическая пропаганда оказали на него влияние и способствовали его сближению с латинянами.

К этому времени значительно возросло влияние латинофильской партии. В комиссии, образованной на Флорентийском соборе, четверо были латинофилами (Виссарион, Исидор, протосинкелл Григорий и

Дорофей Митиленский), двое колеблющихся, перешедших затем на сторону латинофильской партии (Антоний Гераклеяский, Досифей Монемвазийский) и только один ортодокс — Марк.⁸³

Весьма важной причиной, толкнувшей греков на уступки латинянам, были также доходившие из Византии тревожные слухи о готовящемся новом наступлении турок.⁸⁴ Колебания в среде большинства собора все усиливались, и авторитет православной партии падал. Довольно длительное время латинофилы еще пытались найти средний путь, выработать на соборе такую компромиссную формулу изложения учения об исхождении св. духа, которая удовлетворила бы обе стороны.⁸⁵ Однако достигнуть соглашения с папством на основе этих компромиссных и туманных формулировок не удалось; латиняне отвергли подобные предложения греков. Тогда латинофилам пришлось окончательно изменить свою политику.

Моментом, знаменующим поворот латинофильской партии к более решительному сближению с папством и к заключению унии на любых условиях, была знаменитая „Догматическая речь“ Виссариона („Речь о соединении“),⁸⁶ произнесенная им в середине апреля 1439 г.

Она отражала переход латинофильской партии от политики выжидания к капитуляции перед католической церковью и показывала, на какие уступки шли латинофилы в области догматики. Это — блестящая по форме декларация латинской партии, вложенная в уста ее красноречивого вождя и поражающая своей „ученостью“, обилием цитат из священного писания и творений отцов церкви. С этой речью Виссарион выступил не на официальном заседании собора, а на собрании одних греков у императора. Цель ее была убедить греков заключить унию на основе признания ими латинского учения об исхождении св. духа.

„Догматическая речь“ делится на десять глав. В первой главе излагается история разделения церквей и показываются пагубные последствия этого. Далее идет тезис, выставленный еще в первой речи Виссариона, что к соединению церквей надо идти путем исследования истины. „Учителями“ и „путеводителями“ в этом должны быть отцы церкви. Характерно заявление Виссариона, что в создавшихся весьма сложных условиях необходим такой человек, который подверг бы себя риску и опасностям во имя истины.⁸⁷ Затем Виссарион переходит к существу дела. Он стремится подвести прочную базу под латинское учение о filioque.

Для доказательства своих основных положений Виссарион широко использует творения восточных отцов церкви (Анастасия, Григория Нисского, Максима, св. Василия и др.), а также западных (Илария, Амвросия, Августина и др.).

Виссарион при этом опровергает весьма распространенное обвинение против латинян — в порче творений западных отцов, приводя следующие аргументы:

⁸³ Acta Graeca, p. 224—233.

⁸⁴ Syrop. V, 10, p. 125; VIII, 3, p. 219.

⁸⁵ Виссарион выдвигал в качестве такой формулы изложения учения об исхождении св. духа в послании Максима к Марину; другие предлагали послание Тарасия, патриарха константинопольского, где говорилось, что св. дух исходит от отца через сына.

⁸⁶ Migne. Patr. gr., t. 161, p. 243—611.

⁸⁷ Ibid., t. 161, стр. 550. Намек на то, что сам Виссарион подвергается риску, выступая на защиту унии.

⁷⁶ Syrop. Назв. соч., X, с. 8.

⁷⁷ Vast. Назв. соч., 108.

⁷⁸ „Послание прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора“, см. Летопись занятий археографической комиссии за 1864 год. СПб. 1865. Приложение, стр. 29.

⁷⁹ Syrop. Назв. соч., IX, с. 8.

⁸⁰ Ibid., p. 260.

⁸¹ Ibid., p. 196.

⁸² Садов, Назв. соч., стр. 37—42.

1. Огромное количество книг творений западных отцов, рассеянных по разным странам, указывает на техническую невозможность их порчи.

2. Между мыслями об исхождении св. духа от сына и общим контекстом в творениях западных отцов церкви существует логическая связь, исключающая подозрения в порче текста.

3. В самом начале разделения церквей высказывания латинских отцов об исхождении св. духа гласили то же самое, что и теперь.

4. У греков нет таких экземпляров творений западных отцов, которые трактовали бы иначе вопрос об исхождении св. духа и от сравнения с которыми можно было бы доказать неподлинность спорных мест.

Далее, от догматических вопросов, в которых Виссарион проявляет свою блестящую эрудицию, логичность и стройность своих построений, он переходит к аргументам в пользу унии чисто политического характера. Очень красочно рисует он картину бедствий и опасностей, грозящих Византии, если греки не объединятся с латинянами. Он убеждает как можно скорей заключить унию и просить помощи латинян, в противном случае у греков не будет никакого оправдания перед потомством в том, что они не попытались спасти отчизну в минуту грозной опасности.⁸⁸ К разделению церквей нет причин, ибо учение латинян не противоречит учению святых отцов. „Не видеть истинности латинского учения — намеренно закрывать глаза от света, губить себя и греческий народ, а также подвергать опасности все христианские народы и страны“.⁸⁹ Далее Виссарион идет на открытый разрыв с православной церковью и ортодоксами. Он умывает руки в бедствиях, грозящих родине из-за упорства ортодоксов, и заявляет, что сам пойдет на соединение с латинянами, даже если греки не захотят этого. Он сможет оправдаться перед потомством, торжественно заявив, что не принимал участия в пагубном разделении, несущем неисчислимые бедствия греческому народу.⁹⁰

„Догматическая“ речь произвела сильное впечатление. Она еще более усилила колебания большинства греков и толкнула многих из них к переходу на сторону латинофильской партии. Значение этой речи видно и из той нескрываемой радости, которую она вызвала среди западного духовенства. Так, Амброджо Траверсари писал кардиналу Джулиано Чезарини:

„Возвещаю тебе, отец, радость, общую обоим нам, а лучше сказать, всей церкви... Наш Никейский (Nicaenus poster) сегодня в публичном собрании греков в присутствии императора и всех епископов произнес слова веры и хвалы, говоря перед всеми открыто, что святая римская церковь истинно мыслит в таинстве веры, что прибавка в символе сделана совершенно правильно, и что он хочет эту свою веру, это устное исповедание изложить письменно“.⁹¹

Какой эффект произвела речь Виссариона среди греков, показывает знаменательное выступление Георгия Схолария, последовавшее непосредственно за речью Виссариона. Схоларий, бывший до сих пор одним из ярких приверженцев православной партии и ближайшим учеником Марка, выступил теперь на защиту унии.⁹² Он приводит ряд аргументов в пользу

соединения с латинянами. Главные его доводы — политического характера: грозная опасность нависла над родиной, Константинополь блокирован с суши и с моря, и враги, может быть, уже осаждают его в тот момент, когда он произносит эти слова. А император и такие влиятельные люди, как члены собора, находятся вдали от родины, в то время как их возвращение уже означало бы огромную помощь столице. Хотя уния и не почетна, но ее необходимо заключить немедленно. Схоларий напоминал собравшимся о женах, детях и родителях, попавших в тяжелую нужду без всяких средств, предлагал подумать о грозящих убийствах, плене, оскорблениях, о голоде и жажде, о плачевном бегстве, захвате детей, убийстве стариков, о душевраздирающей разлуке со всеми, кто близок их сердцу, об осквернении святынь⁹³ и т. д. Он напоминал о том, что многие — кто по доброй воле, а кто под влиянием насилия — отойдут от истинной веры и обратятся „к неверному культу Магомета“.⁹⁴

Далее Георгий говорил, что правильность учения о filioque так ясно доказана латинянами, что только „ослепленные собственной страстью могут не признать его“.⁹⁵ Он подчеркивал бессилие греков и высмеивал их наивные надежды на победу над латинянами, при силе аргументов последних и неподготовленности греков.⁹⁶ Особенно слабым доводом греков он считал их ссылки на порчу книг латинянами. Общий вывод Схолария таков — необходимо как можно скорей заключить унию и только на одном условии; чтобы греки продолжали читать свой символ веры по-старому, так как надо сделать так, чтобы уния была приемлема для всех народов, подчиненных греческой церкви.

Георгий Схоларий убеждал греков, получив помощь от латинян, спешить на родину, которая призывает своих сынов. Подобные же мысли Георгий проводил и в другой своей речи на Флорентийском соборе и в трех „Посланиях“ к собору. Эти выступления Схолария так резко отличаются от его позиции в предшествующий период и стоят в таком противоречии со всей его последующей деятельностью главы православной партии, что это дало даже повод к возникновению исторического недоразумения — появлению двух Георгиев Схолариев (Allatius, Renaudot и др.).⁹⁷ На самом же деле Георгий Схоларий, поняв безвыходность положения греков, временно пошел на компромисс с латинянами на Флорентийском соборе, а впоследствии вновь вернулся в православие.

Этот же поворот Георгия вызвал большие споры в научной литературе. Садов утверждает, что Схоларий был действительно убежден аргументами латинян на соборе и искренне перешел в унию, но затем „раскаялся“ и стал опять строго православным, „энергичным борцом за православие, его опорой и лучшим украшением“.⁹⁸ Васт, следуя за Марком Эфесским, который в своем письме к Схоларию упрекает его в том, что „он побоялся угроз и польстился на дары и почести“,⁹⁹ что „он занялся политикой, чтобы искать окольные пути в пользу унии“,¹⁰⁰ считает, что решающую роль в изменении позиции Схолария играли личные, корыстные

⁸⁸ Migne, Patr. gr., t. 161, p. 600—609.

⁸⁹ Ibid., 161, p. 608—609.

⁹⁰ Ibid., p. 611.

⁹¹ Ambrod. Traversari. Epist., lib. XII, p. 40.

⁹² У Migne приводятся подлинное послание и три речи Георгия Схолария, т. 160, стр. 381 и сл.

⁹³ Migne, t. 160, p. 396—397.

⁹⁴ Ibid., 397.

⁹⁵ Ibid., 401.

⁹⁶ Ibid., 388—389.

⁹⁷ См. Praefatio к трудам Георгия Схолария у Migne, t. 160, p. 254 sqq.

⁹⁸ Садов. Назв. соч., стр. 72.

⁹⁹ Migne, t. 160, p. 1093.

¹⁰⁰ Ibid., p. 1096.

мотивы. Скорее всего можно допустить, что наряду с личными мотивами общеполитические моменты сыграли все же главную роль в перемене его настроения. Во всяком случае, поворот Схолария был очень знаменателен, ибо показал, что среди колеблющейся части ортодоксов произошел перелом в пользу унии.

Вслед за Схоларием перешли на сторону унии такие влиятельные участники собора, как Антоний Гераклеяский, Досифей Монемазийский и др. Марк Эфесский с горечью признал успехи своих противников, говоря, что „латинизм нас завоевывал мало-помалу“.¹⁰¹ Вместе с тем, влияние латинофилов, в частности, Виссариона и Исидора, значительно возросло. По словам Сиропула, они заняли первое место при императоре, вступившем с ними в тайные переговоры, и под конец Флорентийского собора сосредоточили в своих руках все нити переговоров с папством. Латинофилы пошли теперь даже дальше самого императора, заявив, что если император не соединится с латинянами, то они сами это сделают.¹⁰²

Ожесточение в борьбе партий достигло крайних пределов. Противники осыпали друг друга бранью; Виссарион публично назвал Марка Эфесского „бесноватым“, а Дорофей Митиленский и Мефодий Лакедемонский хотели донести папе, что Марк называл римского первосвященника еретиком.

Параллельно падало влияние Марка Эфесского. Его упорство и строптивость раздражали императора. Существует мнение, что император задержал Марка под арестом во время заключительных переговоров на соборе, чтобы он не мешал подписанию унии. Садов отрицает это, ссылаясь на утверждение самого Марка, будто бы участвовать в заключительных прениях ему помешала болезнь, но скорее можно допустить, что болезнь была лишь благовидным предлогом, которым Марк хотел скрыть свой арест.

Под давлением обстоятельств, а также при энергичном воздействии латинофилов и императора, греки пошли, наконец, на уступки и признали подлинность творений отцов западной церкви, а отсюда был только один шаг до признания латинского учения.

Окончательное согласие на унию было вскоре достигнуто. Греки пошли на уступки почти по всем вопросам, разделявшим церкви. Лишь один пункт вызвал решительное сопротивление греков и самого императора. Это вопрос о супрематии папы, вопрос наиболее болезненный для греков и задевавший интересы императора. Иоанн Палеолог даже чуть было не прервал переговоры из-за чрезмерных притязаний папства по этому вопросу. Знаменательно, что и здесь латинофилы пошли дальше императора и поддержали требования латинян, например требование включить в соборное определение право папы принимать апелляции на императора и патриарха, что особенно больно задело Иоанна Палеолога; он горестно сетовал, что „сами греки поддерживали и даже подстрекали латинян в их чрезмерных требованиях“¹⁰³ (явный намек на Виссариона и его друзей).

Но и по этому вопросу удалось достигнуть соглашения, причем латинофилы проявили немало дипломатического искусства; была принята довольно расплывчатая формулировка о признании папы наместником Христа, пастырем и учителем всех христиан. Требование об апел-

ляции к папе не было принято, и латиняне не стали на этом особенно настаивать. Одновременно было заключено соглашение между папой и императором, на основании которого папа обещал:

1. Взять на свой счет возвращение греков на родину.
2. Содержать в Константинополе 300 воинов и 2 галеры для охраны города.
3. Паломникам, отправляющимся на Восток, вменить в обязанность посещать Константинополь.
4. В случае особой нужды прислать императору 20 галер на полгода или 10 галер на год.
5. Споспобствовать всеми силами тому, чтобы в случае крайней опасности для Византийского государства европейские государства пришли со своими войсками на помощь империи.

Большая часть условий этого договора, вскрывающего политическую подоплеку Флорентийской унии, осталась на бумаге, и, как известно, реальной помощи от Запада Византия не получила.

Ведущая роль Виссариона особенно ярко сказалась в заключительный период деятельности Флорентийского собора. Он принимал самое живое участие в составлении соборного постановления, настаивая вместе с Исидором на внесении в определение анафемы против ослушников постановлений собора, что было отвергнуто большинством греков, боявшихся (и весьма основательно), что уния будет встречена на родине враждебно.¹⁰⁴ Виссарион составляет и зачитывает греческое определение о словах пресуществления, ведет переговоры с латинянами, иногда в угодливом тоне (например, соглашается на предложение латинян, чтобы после заключения унии греки причастились по латинскому обряду),¹⁰⁵ совместно с Траверсари участвует в составлении греческого перевода латинского текста соборного определения.

5 июля 1439 г. латинская редакция соборного определения была торжественно подписана папой и сорока латинскими прелатами. В тот же день греческая редакция была принесена в резиденцию императора во Флоренции и началось подписание унии греками. Иоанн Палеолог первый красными чернилами подписал унию, затем подписали другие греки, согласно их рангу. Из 27 архиепископов и епископов, прибывших на собор, унию подписало 18. Не подписали ее: Марк Эфесский, оставшийся до конца непреклонным, Исаяя Ставропольский, бежавший из Флоренции, монах Георгий, представитель грузинской церкви, также бежавший с собора, и Дионисий Сардский. Монахи Афона унию подписали. Виссарион подписал унию дважды — за себя и за Мануила Хрисокока, своего учителя. Всего было 33 греческих подписи.

6 июля 1439 г. в кафедральном соборе Флоренции состоялось торжественное заключение унии между греческой и латинской церквями. В прекрасном храме открылось блестящее собрание западных и восточных прелатов. Папа, окруженный кардиналами и латинским духовенством, восседал в пышных одеждах в центре собрания. Греческие духовные лица окружали императора. После мессы кардинал Джулиано Чезарини прочел латинский текст соборного определения, а затем греческую редакцию зачитал Виссарион. После этого греки, во главе с императором, подходили по очереди к папе, преклоняли перед ним колени и целовали ему руку, — эта церемония знаменовала поражение греков

¹⁰¹ Migne, t. 159, p. 1076.

¹⁰² Syrop. 9, 1—6.

¹⁰³ Syrop. X, 3, 281.

¹⁰⁴ Syrop. X, 5, p. 284.

¹⁰⁵ Ibid. X, 9, p. 294.

* * *

Ход событий на Флорентийском соборе приводит нас к следующим выводам.

Борьба на соборе носила крайне ожесточенный и крайне сложный характер. С одной стороны, это была последняя попытка господствующих классов Византии, при своем падении, опереться на руку „единоверного“ Запада в надежде, что эта опора явится якорем спасения. Эту надежду греки покупали ценою потери своей церковной и политической независимости, ценою унии; уния была не чем иным, как актом отчаяния господствующих классов гнущей Восточной империи. С другой стороны, это была борьба хищного папства, почуявшего крупную добычу в лице агонизирующей Византии и пустившего в ход все средства и приемы, накопленные в арсенале традиционной папской политики. Для папства такая заманчивая цель вполне оправдывала любые средства. Путем унии папство надеялось расширить свое господство и поднять свой престиж.

В тесном переплете с борьбой между Западной и Восточной церквями выступает борьба между самими греками, между латинофильской и ортодоксальной партиями. Ход ее часто определялся ходом борьбы между папством и православием. Вначале мы наблюдаем на соборе как бы единый фронт греков против латинян; греческая делегация в целом пытается дать догматический бой папству в расчете если и не победить, то хотя бы удержаться на позиции равноправной стороны и заключить унию на почетных условиях. Естественно, что программой, за которую боролись греки в тот период, была ортодоксальная программа православной партии; руководство делегацией находилось в руках ортодоксов и их лидера Марка Эфесского.

Но непримиримая позиция папства, не желавшего идти ни на какие уступки, трудности, на которые натолкнулось заключение унии и тревожные вести с родины, — все это поставило греков перед альтернативой: или срыв унии, или заключение унии на основе капитуляции перед папством. Это привело к окончательному расколу среди греков, коалиция православной и латинофильской партий стала невозможна; между ними началась открытая борьба.

Ортодоксальная партия, видя невозможность победы, взяла линию на срыв унии, пытаясь повести за собою всю делегацию. Но обстановка сложилась не в пользу ортодоксов. Трудности, с которыми столкнулись греки, в частности нажим императора, привели к переходу колеблющейся части делегации на сторону латинофилов, которые, в результате этого, получили большинство. Фактическое отстранение императором Марка Эфесского от участия в работах собора избавило латинофилов от их главного противника и окончательно развязало им руки. Путь для латинофилов был расчищен. Их активность чрезвычайно возрастает, в их руки переходит руководство делегацией, и вождем греков на соборе фактически становится Виссарион. Программа латинофилов была объявлена официальной программой греческой делегации. Победа латинофилов на заключительном этапе обсуждения „греческого вопроса“ на Флорентийском соборе привела к подписанию унии и капитуляции перед папством.

Анализ источников и изучение деятельности Виссариона на соборе целиком опровергает мнение православной историографии (Садов и др.), что Виссарион только на соборе примкнул к латинофилам, что только здесь произошла „эволюция“ взглядов Виссариона от православия

к латинству. Напротив, все данные говорят за то, что Виссарион уже задолго до собора был одним из вождей латинофильского движения. Его деятельность на соборе лишь окончательно закрепила за ним роль лидера латинофильства.

Поводом к версии об „эволюции“ взглядов Виссариона послужило то обстоятельство, что его поведение в начале и в конце собора было неодинаковым: от поддержки Марка Эфесского он перешел к борьбе с ним. Но такая тактика Виссариона стояла в прямой связи с позицией всей латинофильской партии на соборе, перешедшей от политики временного блока с ортодоксами к открытой борьбе с ними. В этом состоит главная причина „эволюции“ Виссариона, и ясно, что это вовсе не доказывает резкого поворота в самой его идеологии.

Можно говорить лишь о возросшей активности Виссариона как сторонника унии, о полной его капитуляции перед латинством. В этом отношении Виссарион, как известно, пошел даже дальше, чем такой явный сторонник унии, как император. Здесь, помимо изменения политической обстановки на Флорентийском соборе, немаловажную роль для Виссариона сыграли и причины субъективного порядка: обещание кардинальского сана, влияние итальянских гуманистов и высшего латинского духовенства, с которыми Виссарион поддерживал постоянную связь во время заседаний собора. Однако папская курия не могла бы идти так далеко в своих обещаниях, если бы Виссарион не был заранее ей известен как влиятельная латинствующая фигура среди греков.

* * *

Латинофильская партия видела спасение Византии только в союзе с Западом; уступки Западу она считала меньшим злом по сравнению с турецкой опасностью. Домарксистская историография в оценке латинофилов разделилась на два лагеря. Историография православного направления, относясь к ним резко отрицательно, подходила к их оценке с православно-церковных позиций; для нее это — группа, тянувшая Византию в лоно католицизма, к святотатственному отступничеству от догм православия. Историография западная поднимала латинофилов на щит именно за то, что они были сторонниками Запада и шли на разрыв с религией Византии. С нашей точки зрения неправы и те и другие, неправы потому, что к решению вопроса они подходят с неверным критерием. Очевидно, нужно подходить к оценке латинофильского течения не столько с точки зрения догматической или культурной, сколько с точки зрения политической, кладя в основу оценки политическую направленность этого течения. Тенденциозные, узко-конфессиональные позиции западной или восточноевропейской буржуазной историографии должны быть покинуты; для нас критерием является объективное значение деятельности латинофильской партии для самой Византии, для судьбы ее народа.

При таком подходе к оценке латинофилов отпадает вопрос о меньшем зле; западная опасность была не меньшим злом для Византии, а турецкая опасность была не хуже западной; обе опасности „были хуже“. Каковы были планы Запада, представителем которого выступало папство, относительно Византии? Не подлежит сомнению, что, начиная с разделения церквей, планы папства сводились к полному политическому подчинению православного Востока (об этом говорит вся история крестовых походов и особенно опыт Латинской империи). Трагическое положение Византии в первой половине XV в. было для папства лишь удобным случаем для реализации его вековых агрессивных планов.

Латинофильская партия и ее вождь Виссарион, считавшие папство меньшим злом или даже другом Византии, объективно стали орудием папской политики. Ошибка латинофилов состояла в том, что они вступили на ложный путь, возложив все свои надежды на Запад, который не хотел (да уже и не мог) спасти Византию.

Виссарион был наиболее ярким выразителем латинофильского течения; он последовательнее других сделал все политические выводы из программы латинофильской группы византийских правящих кругов, наиболее полно выразил тенденции пролатинского течения в византийской политике. Эта последовательность и привела его к ренегатству, к фактической измене своей родине.

Таким образом, латинофильская партия в целом было антинародной. Ее программа — не союз с народом для борьбы с чужеземными завоевателями, а путь отрыва от народа, путь, рассчитанный на поддержку внешних сил, на деле враждебных Византии. Поэтому не случайно Флорентийская уния, дело рук папства и латинофилов, не была принята византийским народом.

Однако и православная партия не могла стать подлинно „национальной“ силой и сплотить византийский народ на борьбу с турками. Она не была партией истинных патриотов; она боялась своего народа. Даже в самый острый момент, когда решалась судьба государства, правящие группы не пожелали сделать никаких уступок народу, оказались неспособными поступиться хотя бы частью своих привилегий — нарушение традиционных преимуществ церковно-феодальной клики для них было страшнее, чем потеря независимости. Поэтому православная партия отнюдь не может рассматриваться как представительница всех „национальных“ сил Византии. Опираясь первоначально на народ, она мало-помалу потеряла свое влияние на широкие слои населения. Антинародным было и появившееся в тот период туркофильское течение, рожденное, с одной стороны, успехами турок и их политикой привлечения на свою сторону производительных классов Византии, а с другой стороны, растущей слабостью Византийского государства, а также тяжестью феодального гнета и разорением византийского крестьянства. Предательская политика туркофилов значительно облегчила туркам завоевание Византии.

Историческая трагедия Византийского государства состояла в том, что в нем не нашлось подлинно „патриотической“ силы, способной повести византийский народ на борьбу с внешним врагом. Правящие феодальные и церковные круги Византии не только не смогли сплотить народ в борьбе против иноземного нашествия, но оказались неспособными создать единство в своих собственных рядах. В момент смертельной внешней опасности, когда настоятельно требовалась консолидация всех сил государства, оно оказалось расколотым на ряд враждующих партий, борьба которых в конечном счете явилась одной из причин падения Византии.

Академик Я. А. МАНАНДЯН

МАРШРУТЫ ПЕРСИДСКИХ ПОХОДОВ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ

Маршруты персидских походов императора Ираклия до сих пор еще окончательно не выяснены в исторической литературе. Объясняется это не скудостью или неопределенностью сообщений первоисточников, а исключительно тем, что ученые, изучавшие события эпохи Ираклия, не имели возможности осветить этот вопрос вследствие недостаточной выясненности направлений военных путей Армении.

Как известно, направления древних магистральных путей, шедших из Малой Азии и восточного Причерноморья через Армению в Сасанидскую Персию, были выяснены сравнительно недавно. Эти пути с расположенными на них станциями, подробно описанные в римской мировой карте IV в. нашей эры, называемой *Tabula Peutingeriana*, рассмотрены и почти полностью расшифрованы в историко-географических трудах последних десятилетий.¹ Определенные сведения об основных путях исторической Армении имеются также в арабских, армянских и итальянских итинерариях IX—X и XIV вв. Исследование, посвященное и этим итинерариям, будет приведено во втором, переработанном и дополненном издании моей работы „О торговле и городах Армении“.

Эти новые данные источников о магистральных путях Армении дают нам возможность изучить географическую обстановку византийско-персидских войн начала VII в. и определить довольно точно маршруты персидских походов императора Ираклия.

* * *

Конец VI и начало VII в. были, как известно, временем наиболее острой борьбы между Византией и Персией. В 602 г. на византийский престол вступил Фока, и по его приказу были казнены император Маврикий и его сыновья. Это убийство послужило для персидского царя Хосроя Парвиза, обязанного Маврикию своим восстановлением на царство, поводом к упорной войне, продолжавшейся около четверти века.

В 604—605 гг. персы взяли приступом мощную пограничную крепость Дару. В 606 г. они победоносно вторглись в Византийскую Армению, Месопотамию и Сирию. Полководец Хосроя Шахрбараз завоевал

¹ См. Markwart. *Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kaukasien*, Wien, 1928, а также мои работы — „О торговле и городах Армении“. Ереван, 1930, 101—124; „Древние пути Армении“. — *Изв. Ин-та наук и искусств ССРА*. Ереван, 1931, № 5, стр. 65—39; „Мелкие исследования“. Ереван, 1932, стр. 3—21; „Главные пути Армении по „*Tabula Peutingeriana*“. Ереван, 1936, стр. 5—270.

в течение нескольких лет Эдессу, Антиохию, Дамаск и другие города Сирии. В 614 г. он осадил и взял Иерусалим. Город был беспощадно разгромлен, а жители перебиты или переселены в Иран. Святыня христиан — „древо Креста“, на котором, по преданию, был распят Христос, была отправлена в Персию. Через несколько лет после взятия Иерусалима Шахрбараз овладел Александрией и завоевал Египет (в 619 г.). Другой полководец Хосроя, Шахин, вторгся в Киликию (в 615 г.), занял Кесарию и, продвигаясь на запад, достиг Босфора и взял Халкидон.

Вскоре, однако, счастье изменило персам. Смертельная опасность, нависшая над империей, заставила всех сплотиться вокруг правительства. Император Ираклий лично взял на себя обязанности главнокомандующего и в 622 г., 5 апреля, на второй день праздника Пасхи, отправился в Малую Азию и начал войну против персов.

Выехав из Константинополя, Ираклий морским путем прибыл в гавань Пилы,² неправильно отождествленную Гиббоном, Нельдеке и другими с киликийским Иссом.³ На самом же деле, как выяснено теперь, упомянутая у Феофана гавань Пилы находилась на берегу Астаканского залива Пропонтиды, южнее Никомедии.

Прибыв в Малую Азию, Ираклий в течение почти всего 622 г. был занят формированием и обучением своей армии и подготовкой к предстоящему походу в глубь Персии. Двигаясь с запада на восток, имперские войска вступили в Каппадокию, где имели несколько удачных столкновений с войсками Шахрбаразы. А затем, отдохнув на зимних квартирах в Понте, они под начальством Ираклия двинулись внезапно через Армению в Атропату (в апреле 623 г.).

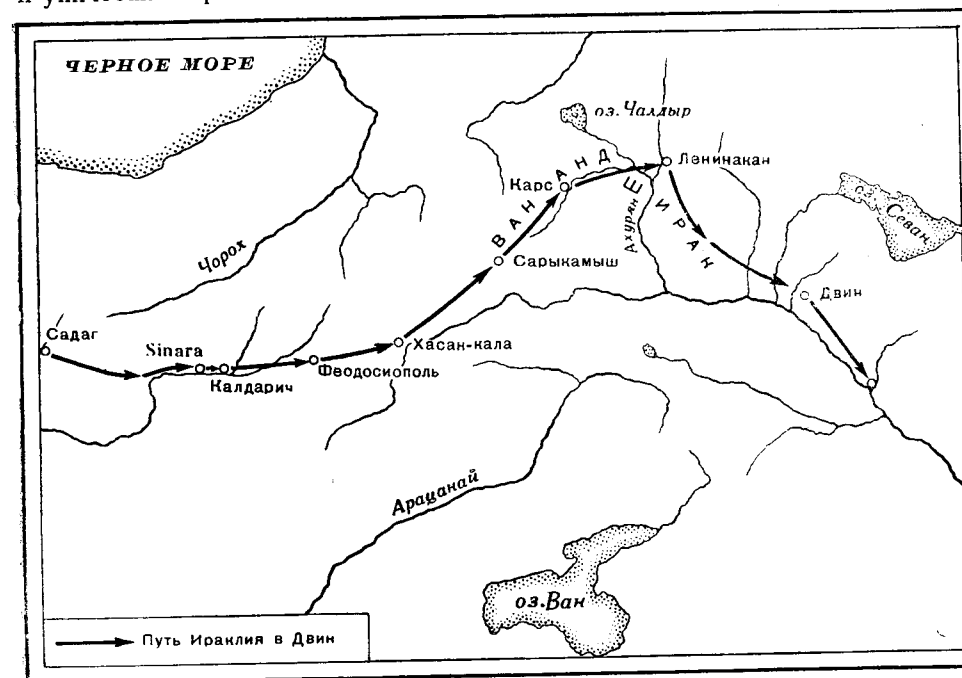
О направлении этой первой карательной кампании Ираклия против персов византийские источники почти не дают указаний. Об этом пути имеются сообщения в армянских источниках — у Себеоса, Моисея Утийского и Фомы Арцруни. Свидетельства этих авторов, нуждающиеся в пояснении, считаю не лишним привести полностью, подчеркнув в них места, касающиеся направления пути Ираклия.

1. Себеос, гл. XXXVI (изд. Малхасянца, Ереван, 1939, стр. 93): „Пустился Ираклий в путь с 120 тысячами войска, (будто) направляясь ко двору персидского царя. И он, держа путь в северном направлении, пришел прямо в город Карин, а затем, прибыв в Айраратский Двин, разрушил его, каки город Нахичеван. После того он направился в Атропатенский Гандзак и разрушил здесь храм великого огня, называвшийся Вшасп“.

2. Моисей Утийский (Каганкатвази). История Агван (пер. К. Патканьяна, СПб., 1861, стр. 101—102 II, 10): „Оставив дворец свой в руках своего сына, которого, увенчав, посадил царем на место свое, он (Ираклий) не выступил против персидских войск, которые спокойно владели странами и городами его. Он не приблизился к ним и не возбуждал их к битве, а оставив их в земле своей, сам по морю направил путь свой в Егерию, прибыл в Армению, переправился через р. Ерасх, и хотел застигнуть великого царя Хосроя врасплох... Но великий император Ираклий, видя, что царь персидский обратился от лица его в бегство, перестал преследовать его, а направил свои набеги по стране атропатаканской до места, называемого Гайшаван, в местах укрепленных, тепличных, где

персидские государи проводили лето для здоровья, на границах Мидии — разорял, разрушал, жег и уводил все в плен“.

3. Фома Арцруни, История рода Арцруниев (Тифлис, 1917, стр. 159, II, 3): „И Ираклий, собрав все восточные народы, около 120 тысяч, выступил против Хосроя. И он, держа путь в северном направлении, пришел прямо в город Карин и прошел в Ширак. Затем, прибыв в Двин, он разрушил его, как и Нахичеван и Урмию. После того он, направившись в Атропатенский Гандзак, срыл его, разрушил Амадан и Май, и уничтожил храм великого огня, называвшийся Вшасп“.

Карта 1

Следует отметить, что к изложению Моисея Утийского приблизительно примыкает патриарх Евтихий (X в.), который также указывает путь первого похода Ираклия из Константинополя в Трапезунд.⁴ Однако против этого морского пути серьезные возражения приведены в статье Герланда, помещенной в *Byzantinische Zeitschrift*.⁵ И действительно, при внимательном рассмотрении этого вопроса нетрудно убедиться, что в сообщении своем Моисей Утийский описывает события первого похода Ираклия, а по недоразумению указывает путь второго его похода.

Из вышеприведенных данных заслуживают, несомненно, большего внимания свидетельства Себеоса и Фомы Арцруни. В сообщении последнего мы имеем выписку из того же Себеоса, но лишь по иному, более пространному варианту.

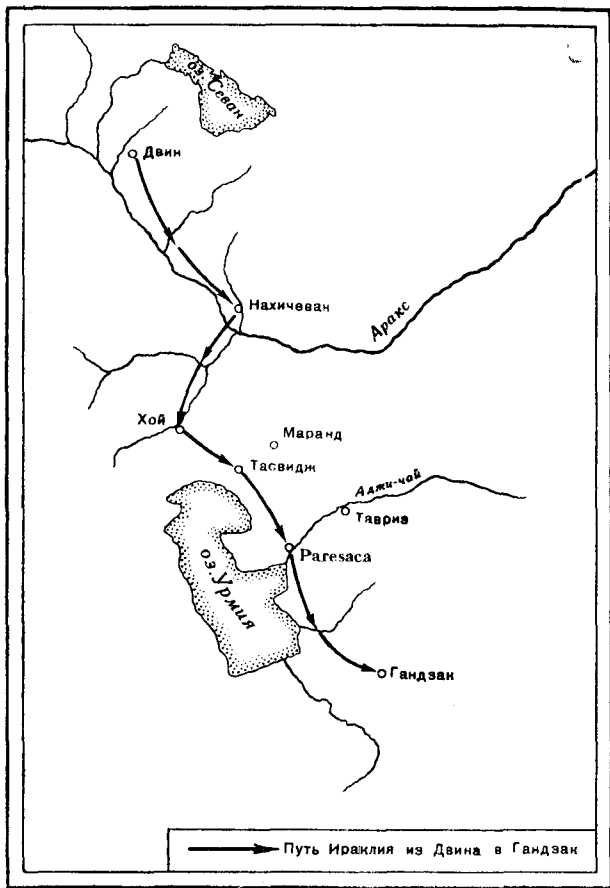
На основании этих достоверных источников направление маршрута первого персидского похода Ираклия устанавливается с достаточной определенностью. Маршрут этот можно предположить из Понта и Малой Армении в Феодосиополь (Карин), оттуда через нынешний Сарыкамыш

² См. Theoph. A. M. (от сотворения мира) 6113.

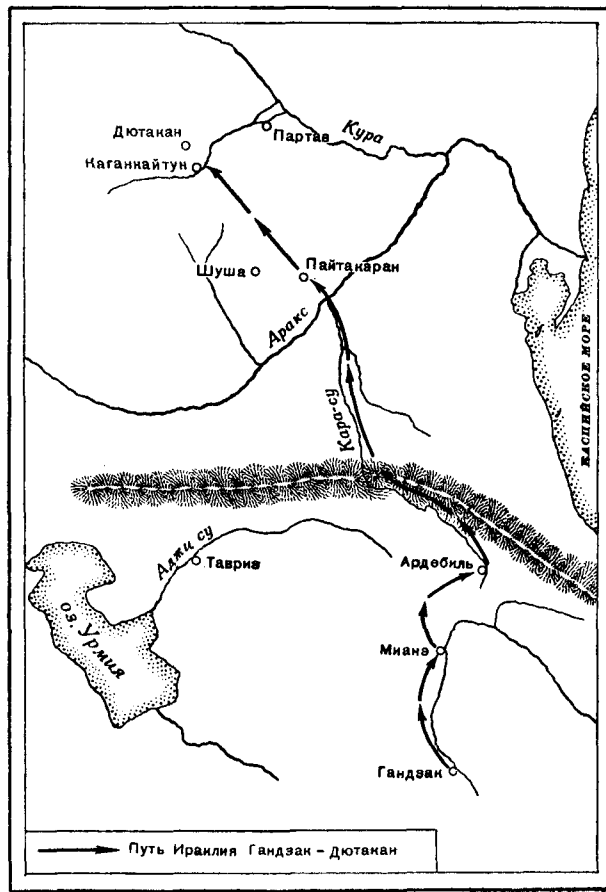
³ См. Th. Nöldeke. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887, S. 126.

⁴ См. Eutychii Patriarchae Alexandriae Annales, P. G. III.

⁵ E. Gerland. Die persischen Feldzüge des Kaisers Herakleios, BZ., III (1894), S. 345.

Карта 2

Карта 3

и древнеармянские области Вананд и Ширак в город Двин, а затем через Нахичеван в Атропатенский Гандзак. Первая часть этого пути (до нынешнего Кеприкея) устанавливается довольно точно по линии „Таблиц Певтингера“, подробно рассмотренной и выясненной в моей историко-географической работе „Главные пути древней Армении“.⁶ На линии этой, по описанию Таблиц, лежали следующие станционные пункты:⁷ Satala 20 Salmalasso 20 Darucinte 20 Aegea 15 Lucus Basaro 22 Sinara 15 Chalchdiara 12 Autisparate 15 Tharsidarate 20 Datamisa 10 Adconfluentes.

Дорога шла из района верхнего течения Лика — Келькида к Евфрату, а затем вдоль правого берега этой реки в нынешний Калдарич (Chalchdiara), находящийся около переправы через Евфрат, недалеко от нынешней Ашкалы, и отсюда через район Карин — Феодосиополя и нынешний город Хасан-Кала в Кеприкей, лежащий около места слияния Пасин-су с Араксом.

Дальнейший путь византийского войска, как видно из свидетельства Фомы Арцруни, определяется через нынешние Сарыкамыш и Карс в древнеармянскую область Ширак и оттуда в Двин. Любопытно, что по этому же пути — через области Ширак, Вананд и город Феодосиополь — вернулся в Кесарию (в 613 г.), как сообщает Себеос, вторгнувшийся в персидскую Армению византийский полководец Филиппик.⁸

Город Двин, который был резиденцией марзбанов и столицей Персидской Армении, как видно из вышеприведенных сообщений Себеоса и Фомы Арцруни, был взят и разрушен.⁹ Можно, следовательно, предположить, что Двин оказал Ираклию сопротивление. Такая же судьба постигла город Нахичеван и, повидимому, город Урмию.

Из Нахичевана войско Ираклия вышло к р. Араксу, перешло ее, двинувшись на юг, вторглось в Атропатену и направилось к столице этой области Гандзаку. Целью стремительного набега Ираклия была месть Хосрою за бедствия, причиненные империи, поэтому вся Атропатена беспощадно предавалась огню и мечу.

Основными и естественными путями из Нахичевана в район Атропатенского Гандзака являлись магистральные древние линии через Маранд и Тавриз или же через Хой и Тасвидж. Последняя линия, соответствующая линии Таблиц Певтингера Gobdi — Paresasa — Esbatanis, как выяснено в моем историко-географическом исследовании „Главные пути Армении по „Tabula Peutingeriana“,¹⁰ шла в юго-восточном направлении из Хоя в Тасвидж и отсюда по восточному побережью Урмийского озера в район Гандзака.

Путь наступления Ираклия, как я полагаю, вероятнее предположить по древней линии Таблиц Певтингера. Подтверждением такого предположения может служить то, что в числе городов, разгромленных византийскими войсками, у Фомы Арцруни упоминается г. Урмия, лежавший к юго-западу от магистрали Хой — Тасвидж, а город Тавриз, который в то время был значительным центром в Атропатене¹¹ на пути из Нахичевана в Гандзак, в источниках вовсе не упоминается.

⁶ Ереван, 1936, стр. 61—81. Ср. также мою работу „О торговле и городах Армении“, стр. 116—120.

⁷ Цифры между станционными пунктами обозначают римские мили (1,4815 км).

⁸ См. „История епископа Себеоса“, пер. С. Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 70 (гл. XXXII).

⁹ См. также *Georgiae Pisidae Heraclias*, 2, 163 (Bonnae, 1837).

¹⁰ Ереван, 1936, стр. 164—171 и 247—248.

¹¹ См. Фауст. История Армении. Венеция, 1889, стр. 149 (IV, 25) и стр. 157 (IV, 39).

Не встретив противодействия в своем быстром наступлении, которое Георгий Писида сравнивает с молнией, Ираклий взял штурмом и подверг разгрому резиденцию Хосроя—Гандзак и разрушил находившийся в нем храм огня. Это была месть за разрушение Иерусалима и пленение Креста. Местоположение древнего Гандзака, как известно, определено Роулинсоном на месте развалин Тахт-и-Сулейман, находящихся к юго-востоку от нынешней Мераги.¹² После разгрома Гандзака византийские войска, рассыпавшись по всей области, стали грабить и разорять окрестную страну. По вышеприведенному свидетельству Фомы Арцруни, кроме Гандзака ими были опустошены также Амаден и Май.¹³

Феофан сообщает также, что Ираклий после разгрома Гандзака занял Фивармайс (τήν Φιβαρμαίς), сжег этот город и находившийся в нем храм и преследовал затем Хосроя в горных теснинах.¹⁴ Название и местоположение города Фивармайс, к сожалению, не поддаются объяснению. Д'Анвилль¹⁵ отождествляет этот город с городом Урмией, что, конечно, совершенно невероятно. Гоффман полагал, что в тексте Феофана имеется путаница. Φιβαρμαίς он предлагал исправить и читать Βηδαρμαίς, и поэтому он считал возможным заключить, что упомянутое у Феофана название Φιβαρμαίς соответствует названию провинции Βετην—Αγθαυε,¹⁶ лежавшей к западу от горного хребта Загра. Однако, как нам известно, Ираклий в первый свой поход туда совсем не заходил.

Оправившись от паники, вызванной неожиданным, внезапным нападением, Сасанидская Персия начала оказывать Ираклию серьезное сопротивление и вызвала из Сирии Шахрбараза. Приближалась уже зима, и положение византийского войска могло стать критическим. Ираклий решил поэтому отступить в Албанию, надеясь, что здесь он сможет увеличить свои силы присоединением закавказских христиан.

О направлении маршрута отступавших из района Атропатенского Гандзака войска Ираклия дает нам сведения армянский историк Себеос: „До сведения Ираклия,— сообщает он,— дошла весть, что Хорьям (т. е. Шахрбараз) прибыл в Нисибин. Он взял свое войско и пленных, вернулся обратно через крепкую страну мидийцев и пришел в Пайтакаран“.¹⁷ Как видно из сообщения Феофана, византийская армия подвергалась на этом пути частым нападениям персов и потеряла всех пленных—50 тысяч по свидетельству Феофана.¹⁸

Из вышеприведенного сообщения Себеоса видно, что Ираклий шел в Албанию „через крепкую страну мидийцев“ и через Пайтакаран. Такие указания Себеоса, мне кажется, дают возможность определить с большим вероятием и этот путь Ираклия в Албанию. Под „крепкой страной мидийцев“, вероятно, следует подразумевать горы северо-восточной части персидского Азербайджана, которые в настоящее время носят название Карадаг, а под Пайтакараном—область или город, находившиеся около нижнего течения р. Аракса, к юго-востоку от города Шуши.

Выяснением местоположений упомянутых у Себеоса мест маршрут Ираклия определяется из района Атропатенского Гандзака через нынешние Миане и Ардабиль в район нижнего течения Аракса, где находился

Пайтакаран. Этот древний путь подробно описан в арабских источниках—у ал-Истахрия, Ибн-Хаукаля и других географов в следующем направлении: Ардабиль—Берзэнд—Балхаб—Варсан—Байлакан.¹⁹ По мнению Караулова, путь из Ардабиля в Варсан, тождественный с Вартанакертом древнеармянских источников, пролегал по течению Карасу.²⁰ А развалины Варсана или Вартанакерта, как указывает Минорский, находятся на берегу р. Аракса и называются ныне развалинами Алтана.²¹

Из древнеармянской области Пайтакарана, находившейся к юго-востоку от нынешнего г. Шуши, византийское войско, как видно из сообщения Моисея Утийского, направилось в область Ути и захватило здесь столицу Албании Партав. Здесь оно расположилось на зимние квартиры (623—624 гг.).

„Возвратившись оттуда [из Персидского Азербайджана],— пишет Моисей Утийский,— он [Ираклий] хотел провести зиму в странах агванских, иверских и армянских. Поэтому он письменно предложил князьям и владельцам этих стран добровольно выйти к нему навстречу и служить ему с войском своим во время зимы; в случае же отказа он обойдется с ними, как с язычниками и войска его возьмут крепости их и опустошат пределы страны их. Услышав о том, князья и владельцы агванские, по приказанию самого Хосроя, оставили великий город Партав и, выступив оттуда, укрепились в разных местах... Войско греческое в несметном количестве пришло и расположилось в области Ути, близ потока, на границах села Каганкайтук. Оно пограло и опустошило прекрасные сады и поля, через которые проходило. Выступивши оттуда, они расположились у потока Трту, близ деревни Дютакан“.²²

Упомянутое в приведенном сообщении с. Каганкайтук, как подробно выяснено в моей работе „Главные пути Армении“, лежало на левой стороне р. Тертера, недалеко от нынешней деревни Мадагис, и находилось на расстоянии приблизительно 50 км к западу от Партава.²³

В течение всего 624 г. театром ожесточенной войны между империей и Сасанидской Персией являлись Албания и Персидская Армения. О военных действиях этого года подробные, но неясные и довольно спорные сведения дает Феофан, сообщения которого уточняют и существенно пополняют Себеос и Моисей Утийский. Как видно из их сообщений, против Ираклия действовала в Албании вначале лишь армия Шахраплакана, но затем к последнему прибыли на помощь одна за другой еще две армии под начальством Шахрбараза и Шахина. Весною 624 г. получил подкрепления от лазов, абазгов и иверов, как можно заключить из рассказа Феофана, также и император Ираклий.²⁴ По свидетельству этого же автора, Ираклий имел несколько удачных стычек с войсками Шахраплакана,²⁵ но затем, после прибытия армий Шахрбараза и Шахина, персам удалось, как сообщает Себеос, окружить его армию, попавшую в критическое положение.

¹⁹ См. Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане.—Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XXIX (1901) и XXXVIII (1908).

²⁰ См. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, XXIX, стр. 67, прим. 59.

²¹ См. V. Minorsky, Hudud al-Alam. London, 1937, p. 398.

²² Моисей Утийский (Каганкайтук). История Агван, пер. Патканьяна, СПб., 1861, стр. 102—103.

²³ См. „Главные пути Армении по „Tabula Peutingeriana“. Ереван, 1936, стр. 200—202 и 250.

²⁴ Theoph. A. M. 6115.

²⁵ Ibid.

¹² Rawlinson, Memoir on the Site of the Atropatenian Ecbatana, JRGS. X, 1841.

¹³ О местоположении Мая см. подробное объяснение Маркварта в его исследовании „Eranschahr“. Berlin, 1901, стр. 18—20.

¹⁴ Theoph. A. M. 6114.

¹⁵ См. Mém. d'Acad. des Inscr. et Belles Lettres, t. 32, p. 560.

¹⁶ G. Hoffmann, Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer, Leipzig, 1880,

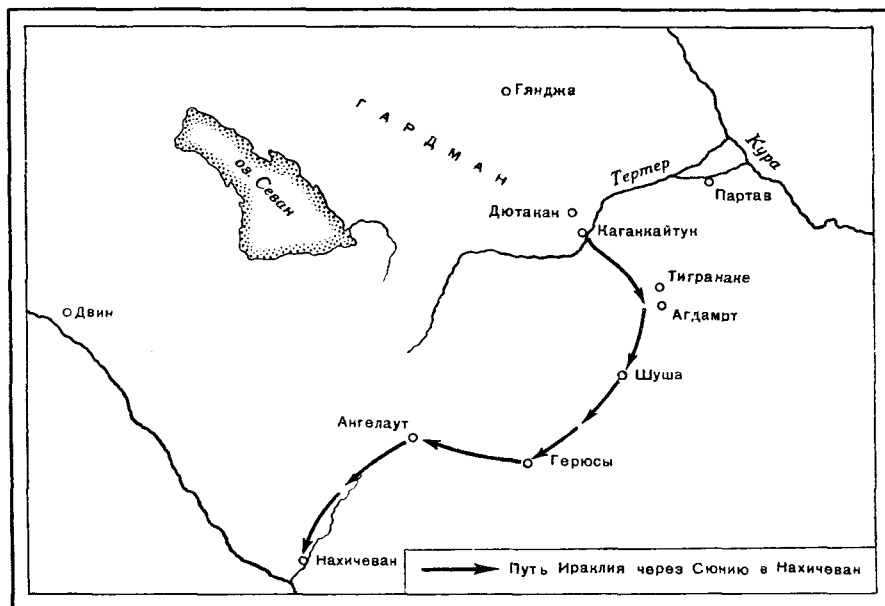
S. 252.

¹⁷ Издание Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 93 (гл. 36).

¹⁸ Theoph. A. M. 6114.

„Когда Хосрой был извещен, — свидетельствует Себеос,²⁶ — что Ираклий вернулся обратно, достиг Пайтакарана и намерен пройти через Албанию в Грузию, он приказал полководцу своему Шахрбаразу преградить ему путь. И последний поспешно прибыл в Айратат, двинулся против него в Гардман и расположился лагерем в другом Тигранакерте против него. А Шахин подоспел с 30 тысячами и разбил лагерь в тылу Ираклия, в местечке Тигранакерт. Эти расположились с одной стороны, а те с другой, и лагерь Ираклия был между ними двумя“.

Приведенное свидетельство Себеоса, в котором имеются точные и ценные топографические указания, к сожалению, не могло получить

Карта 4

должного освещения в исторических трудах вследствие слабой изученности исторической географии древней Албании. Из свидетельства Себеоса видно, что армия Шахрбараза расположилась в области Гардмана, лежавшей к югу от нынешних городов Шамхора и Ганджи и к востоку от р. Шамхор, где и следует предположить местоположение „другого Тигранакерта“. Нетрудно догадаться, что Шахрбараз, наступавший со стороны Гардмана, имел целью предупредить продвижение войск Ираклия на запад и вторжение их в пределы Грузии. Армия же Шахина, расположившаяся в местечке Тигранакерте, должна была преградить Ираклию путь на восток и юг.

Местоположение Тигранакерта, в котором расположилась армия Шахина, устанавливается совершенно точно в тылу Ираклия, на расстоянии приблизительно 40—45 км к юго-востоку от Каганкайтука. Развалины этого местечка лежат около крепости Шахбулаха и нынешней д. Тарнаут, находящаяся в 8—10 км к северу от нынешнего Агдама и в нескольких километрах к западу от евлах-шущинской дороги.²⁷

²⁶ Изд. Малхасянца, стр. 93 (гл. 36).

²⁷ М. Бархударянц. Арцах. Баку, 1895, стр. 28.

Очутившись во вражеском окружении, Ираклий не растерялся. Он стремительно напал на армию Шахина, находившуюся „в местечке Тигранакерте“, разбил и рассеял ее и открыл себе путь на юг через древнюю область Сюнию.

Относительно маршрута отступления войска Ираклия из Албании в Персидскую Армению в исторических трудах приводятся обычно неправильные разъяснения, основанные на явном недоразумении. Ошибки эти объясняются погрешностью в греческом тексте Феофана, которую можно легко исправить при помощи ценного свидетельства Себеоса.

Соответствующие свидетельства Феофана и Себеоса привожу полностью в подлинном переводе, подчеркнув в них места, касающиеся направления пути Ираклия.

1. Феофан, А. М. 6115 (перевод Оболенского и Терновского, Москва, 1890, стр. 250): „Во время сих сражений пришел в Саин (= Шахин) с своим войском, и его Ираклий разбил, много войска его истребил, а прочих рассыпал в бегстве и главное знамя их взял. Сарваразан (= Шахрбараз), соединившись с Саином, собрал спасшихся воинов и опять думал идти против Ираклия. Но царь пошел в страну Гуннов (следует исправить „Сюнниев“), в страны их непроходимые, по дорогам шероховатым и трудным“ (Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐπὶ τὴν τῶν Οὐννων [=Σύννων] χώραν καὶ ἐπὶ ταῖς ἀπὸ τῶν δυσχωρίας ἤλαυνεν, ἐν ταῖς τραχεῖσι τόποις καὶ δυσβάτοις). Варвары шли вслед за ними. Тогда лазы вместе с абазгами, убоавшись, отступили от римлян“.

2. Себеос (издание Малхасянца, Ереван, 1939, гл. 36, стр. 93): „Когда увидел Ираклий, что его окружили, он двинулся против войска, находившегося в тылу, стремительной силой разбил и разгромил его и пошел через Цхук: и выбрался он зимою через горы в равнину Нахичевана“.

Согласно приведенным свидетельствам маршрут Ираклия из Албании в район Нахичевана устанавливается с полной определенностью из района Тарнаута („местечка Тигранакерт“) по евлах-шущинской дороге, через Шушу и Герюсы, в область Сюнии „Цхук“ и оттуда через Ангеллаут и Беченагский перевал в Нахичеван. Нетрудно поэтому догадаться, что в греческом тексте Феофана Οὐννων есть простая описка вместо Σύννων.²⁸ Совершенно также очевидно, что следует отвергнуть предположения ученых, которые путь Ираклия из Албании указывают не в Сюнию, а в страну гуннов, сабиров или же в область саков — в Сакашен.²⁹

Подробные и точные сведения о дальнейшем пути Ираклия из района Нахичевана в древнеармянскую Апахунию дает нам Себеос в следующем своем сообщении:

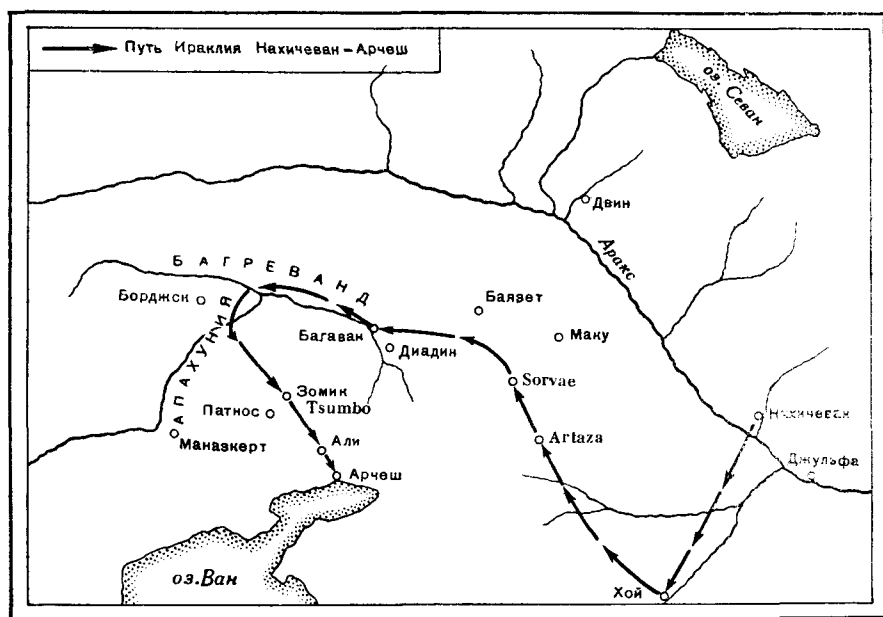
„Ираклий перешел вброд р. Аракс, достиг селения Врнчуник и разбил лагерь на его полях. Войско же персидское, придя туда, не смогло перейти реку в тот же день. Затем Ираклий прибыл в Багреванд, прошел в Апахунию и расположился лагерем в селе, называвшемся Грчмунк. А Шахрбараз разместил свои войска в области Ахивите, и сам

²⁸ Окраина Армении Сюния названа Σύννις или Σύννις у Евсевия Кесарийского в его Praeparatio evang. ed. Gaisford, 2, 88 (277); эта же область названа Σύννις у Константина Порфирородного. De ceremoniis, стр. 687 и у других авторов.

²⁹ H. Gelzer. Abriss der Byzantinischen Kaisergeschichte, см. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 948; Gerland. Die persischen Feldzüge des Kaisers Herakleios, Byz. Ztschr., III, S. 354; Ю. Кулаковский. История Византии, т. III, стр. 343—344 и др.

с 6 тыс. отборных, прекрасно вооруженных и отважных воинов отправился и засел в засаду в области Арчеше, намереваясь напасть ночью на лагерь Ираклия³⁰.

Направление и вышеприведенного пути Ираклия из района Нахичевана в область Апахунию нетрудно определить при помощи данных Таблиц Певтингера. Из района Нахичевана войска Ираклия, после перехода через р. Аракс, направились через селение Врчуник в Хой и шли затем в Багреванд по линии Таблиц Певтингера: Gobdi (=Хой) — Nasabi (=Нварсак) — Artaza (=Артаз) — Sorvae — Ortispi (=Ордспу).³¹ Дорога из Нахичевана шла в юго-западном направлении в Хой и следовала

Карта 5

далее в северо-западном направлении к верховьям р. Ак-чай; отсюда, в том же северо-западном направлении, в нынешний Каракенд, недалеко от которого находился стационарный пункт Таблиц Певтингера Ortispi, а затем через Багаван (=Учь-Килиса), лежавший в Багреванде, в область Апахунию, расположенную к северу от Сипан-дага в бассейне р. Арацания.

Селение Грчмунк в Апахунии, около которого расположились имперские войска, названо у армянского историка Асохика — Хрчтонк или Харчток.³² Вопрос о его местоположении, к сожалению, остается открытым. Было бы весьма заманчиво сопоставить это селение с нынешним „Борджоком“, лежащим к западу от р. Арацания, приблизительно в 15—20 км к северо-западу от нынешнего Дутаха-Энтаба.³³

³⁰ См. изд. Малхасянца. Ереван, 1939, гл. 36, стр. 94.

³¹ См. мою работу „Главные пути Армении“, стр. 139—162 и 246—247.

³² См. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, изд. С. Малхасянца. СПб., 1885, стр. 116 (II, гл. 3).

³³ См. „Борджок“ на 10-верстной карте бывшего Генерального штаба.

После прибытия Ираклия в Апахунию произошло новое столкновение с персами, о котором дают сведения Себеос и Теофан.

1. Себеос (изд. Малхасянца. Ереван, 1939, гл. 36, стр. 94): „Ираклий был извещен через подсланных разведчиков, что Хорьям (т. е. Шахрбараз) прибыл и устраивает ему засаду. Тогда он также подобрал отборных воинов и коней и напал на него с 20 тысячами войска. И дойдя до Али, он там обнаружил передовой отряд числом в 500 человек. Уничтожил он сначала их; однако один из всадников, спасшись, прибыл в Арчеш и сообщил Хорьяму печальную весть, что враги настигли их и вырезали передовой отряд в Али. Разгневался Хорьям на этого человека, приказал связать ему руки и ноги и сказал: „До сих пор Ираклий сам убегал от меня, а теперь, когда я настиг его с такой крупной силой, неужели он не укроется и теперь бегством от меня?“ Не успел он сказать это, как они стремительно нагрянули на них, окружили город с трех сторон, подожгли его и сожгли многочисленное войско... Уцелел лишь Шахрбараз, сев на плохого коня, и, спасшись таким образом, прибыл к своим войскам, которые были собраны в области Ахиовите“.

2. Теофан (перев. Оболенского и Терновского. Москва, 1890, А. М. 6115, стр. 250): „Между тем царь, продолжая путь, пришел в страны Персидской Армении. И поскольку эта страна находилась под властью персов, то многие сбежались к Сарваразу (=Шахрбаразу) и увеличили войско его. При наступлении зимы этот народ рассеялся по своим домам, о чем узнавши, Ираклий умыслил сделать в ночь внезапное нападение; по причине зимы варвары не имели никакого подозрения, и царь, выбравши крепких лошадей и мужественнейших из войска, разделил их на-двое, и одних послал вперед против варвара, а сам за ними с прочими следовал позади. Во время ночи с поспешностью заняли они местечко Сальваны (τὸ χωρίον Σαλβανόν) в 9-м часу. Находящиеся здесь персы, узнавши о нападении, вспрыгнули и устремились против них, но римляне истребили их всех, кроме одного, который принес известие варвару; он, вставши, сел на лошадь и нагой, необутый искал спасения в бегстве. Жен его и весь персидский цвет — правителей, сатрапов, отборных воинов, которые, взошедши на крыши домов, дрались, истребил огнем“.

В приведенных сообщениях Себеоса и Теофана о победе Ираклия над Шахрбаразом, как мы видим, нет существенных разногласий. Несомненно, однако, что сообщаемые Себеосом сведения представляют высокую ценность, так как они уточняют географическую обстановку события.

Путь ночного внезапного нападения Ираклия устанавливается из области Апахунии через нынешние Патнос или Зомик, т. е. через горный район, в котором, как было мною выяснено, находился укрепленный стационарный пункт Таблиц Певтингера Tsumbo или Цумб.³⁴

На пути из Патноса и Зомика в Арчеш находится и теперь перевал Али, лежащий приблизительно в 20—25 км к северу от Арчеша,³⁵ и нетрудно догадаться, что передовому персидскому отряду была поручена охрана этого перевала. Там же около перевала можно предположить и местонахождение местечка Али.³⁶

³⁴ См. мою работу „Главные пути Армении“, стр. 104—106 и 243.

³⁵ См. Аси на 10-верстной карте бывшего Генерального штаба.

³⁶ О селении и горе Аси ср. заметку Гюбшмана в его работе „Die altarmenischen Ortsnamen, Sonderabdruck aus dem 16 Bande der Indogermanischen Forschungen“. Strassburg, 1904.

Таким образом, как видим, и этот походный маршрут Ираклия выясняется с достаточной определенностью. Нетрудно также догадаться, что упомянутое у Феофана местечко Сальваны есть искаженное название селения Ади, т. е. Аси-авана (= Σαλ — (α)βανόν). Основываясь на новых данных настоящего исследования, можно, кроме того, заключить, что едва ли вероятно предположение Нормана Бэйнза, будто во время событий конца 624 г. Ираклием был взят город Ван.³⁷

После победы над Шахрбаразом войска Ираклия провели зиму в армянских областях к северу от озера Ван. А в начале марта, как подробно сообщает Феофан, Ираклий двинулся отсюда в Киликию и оттуда в Севастию.

Соответствующие свидетельства Феофана настолько достоверны и правдивы, что дают нам возможность определить довольно точно и этот маршрут Ираклия в Сирию.

„В сем году марта 1-го, — сообщает Феофан, — царь Ираклий, собравши свое войско, делал совещание, каким путем итти им; два пути предлежали ему тесные и трудные: один вел в Тарант (επι: Τάραντον), другой — в страну Сирийскую. Путь на Тарант был короче, но угрожал недостатком во всяком продовольствии; путь в Сирию, идущий через Тавр, представлял изобилие и удобство к продовольствию. Все присудили избрать этот путь, хотя он был шероховат и покрыт глубоким снегом. С великим трудом перейдя его, в семь дней пришли к р. Тигру, через которую перешедши, заняли Мартирополь и Амиду. Здесь получили отдых и войско, и пленные“³⁸

Из области к северу от озера Ван в Малую Азию вели, как совершенно правильно указывается в приведенном сообщении Феофана, два исторических пути. Один путь шел через Маназкерт в Карин — Феодосиополь и оттуда в Саталу и Малую Армению, а другой — через Таврские горы в Мартирополь — Фаркин и оттуда в Мелитену. Так как войско Ираклия отступило по второму пути, то нетрудно заключить, что направление упомянутого у Феофана другого пути на Тарант следует предположить через Феодосиополь и Саталу. Этот путь хотя и был, действительно, короче и удобнее, однако достать провиант для войск здесь было бы, конечно, трудно, так как армия Ираклия на этом пути весной 624 г. кормилась грабежом.

Следует отметить, что „путь на Тарант“ Кулаковский предполагает через древнеармянскую провинцию Таруберан, в которой находилась область Тарон.³⁹ Это — явное недоразумение, так как через Таруберан и Тарон пролегал упомянутый у Феофана „путь в Сирию“, по которому отступила в 625 г. армия Ираклия. Вышеозначенный Тарант отождествлял Сен-Мартен с областью Малой Армении Derendeh, которую армяне называли Daranda, а сирийцы — Touranda.⁴⁰ Маловероятным я считаю и это мнение. Мне думается, что у Феофана название Τάραντος, которое сильно искажено, может соответствовать названию области Карин, греч. Καρηνός или Καρηνίτις,⁴¹ через которую пролегал вышеозначенный короткий путь.

³⁷ См. The Cambridge Medieval History II, 1936, p. 294.

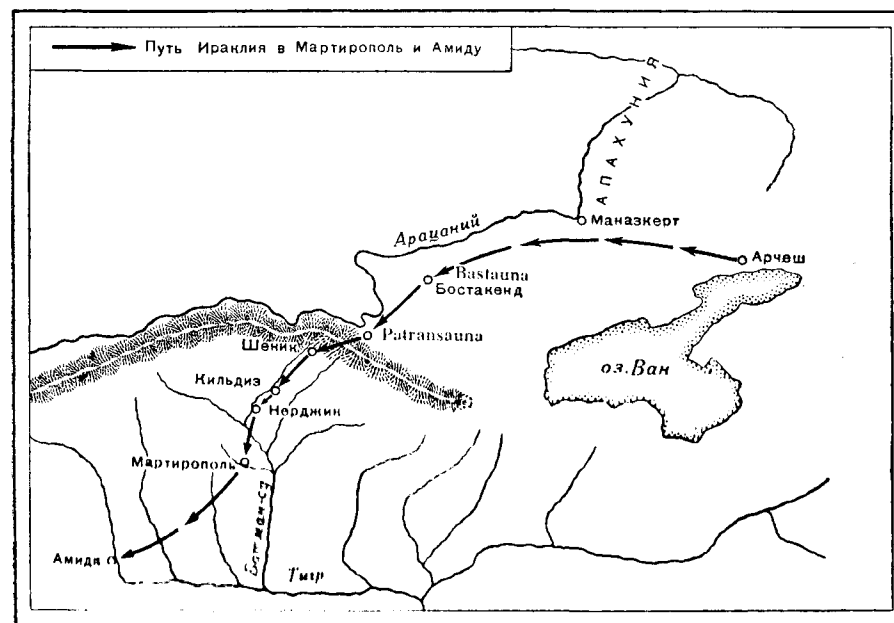
³⁸ Летопись византийца Феофана, пер. Оболенского и Терновского. М., 1890, стр. 233 (А. М. 6116).

³⁹ Ю. Кулаковский. История Византии, III, Киев, 1915, стр. 72.

⁴⁰ См. Histoire du Bas-Empire par Lebeau, Nouvelle ed. par M. de Saint-Martin IX. Paris, 1830, p. 108, прим. 3.

⁴¹ Strabo XI, 14, 5 (528) и C. Müller. Claudii Ptolemaei geographia I. Paris, 1911, p. 937.

Направление маршрута императора Ираклия из района озера Ван в Мартирополь — Фаркин устанавливается без особого труда вдоль магистрали Таблиц Певтингера Artaxata — Tigranocerta, которая была выяснена и подробно описана в моем исследовании „Главные пути Армении“.⁴² На этом пути, идущем через Мушскую равнину и горную цепь Тавра к верховьям р. Батман-су и оттуда через нынешние селения Кильдиз и Нерджик в Мартирополь (древний Тигранакерт), обозначены в Таблицах следующие станционные пункты: Elegasana (др.-арм. Елегакан) 15 Dagnevana (др.-арм. Доневанк) 26 Molchia 32 Vastavana или Bastavana (нын. Бостакенд) 26 Patansana или Patransana

Карта 6

(др.-арм. Патрансаван) 27 Dyzanas или Dizanas 22 Cyldiza (нын. Кильдиз) 20 Zanserio или Zancerion (сирийск. Зоникарт) 30 Tigranocerta (Фаркин — Мартирополь).⁴³

Расстояние от района озера Ван до Мартирополя, древнего Тигранакерта, как видим, составляет около 200 римских миль, или 300 км, и расстояние это имперские войска могли пройти приблизительно в 10 дней, а к верховьям р. Тигра около станции Dyzanas они могли притти, как правильно указано у Феофана, в 7 дней. Под р. Тигром в свидетельстве Феофана, как и в Анабасисе Ксенофонта (IV, 4, 3), подразумевается, повидимому, р. Нимфий, или нынешняя Батман-су. Любопытно также, что Нимфием Феофан называет в дальнейшем своем рассказе реку, протекавшую около г. Амиды, т. е. нынешний Тигр.

Войска Ираклия сделали остановку в районе между Мартирополем и Амидой. Здесь нагнал их Шахрбараз, который упорно следовал за Ираклием и пытался оказать ему противодействие.⁴⁴

⁴² Ерванн, 1936, стр. 85—104 и 241—242.

⁴³ Цифры между станционными пунктами означают римские мили (1,4815 км).

⁴⁴ Theoph. А. М. 6116.

После перехода через р. Нимфий, т. е. нынешний Тигр, дальнейший путь Ираклия указан у Феофана через Самосат и Германикею в Адану и к р. Сару и оттуда через Севастию в Понт, где войско Ираклия провело зиму 625—626 г.

Кампанию Ираклия 624—625 гг., как известно, Феофан прославляет как непрерывный ряд побед. Более верная оценка дана этим событиям в историческом труде Моисея Утийского. „Хотя войска персидские, — читаем в „Истории агван“,⁴⁵ — претерпели сильные поражения, однако отразили преследователя и загнали его в страну его, завладев городами, которые насильно отняли у него“.

О военных действиях Ираклия можно считать правильной также и следующую оценку Нельдеке: „Его почти авантюрные передвижения с места на место, во время которых он обычно не имел тыловой связи и должен был встречать большие затруднения при снабжении своих войск продовольствием, характеризуют Ираклия, как великого полководца и крупного политика“.⁴⁶

* * *

Борьба между Сасанидской Персией и Византийской империей продолжалась с особым ожесточением в 626 г.

Оттеснив Ираклия в Понт и восстановив свою власть в покинутых Ираклием областях, Сасанидская Персия вновь перешла в наступление и в союзе с аварами осадила Константинополь (летом 626 г.). Армия Шахрбараза наступала со стороны Халкедона, а против Ираклия должен был вести войну Шахин. Однако широко задуманный план персов не имел успеха. Аварский хан потерпел поражение (7 августа 626 г.) и должен был снять осаду и отступить. В том же году одержал победу над Шахином также и брат Ираклия Феодор.

Во время этих событий сам император Ираклий был занят организацией второго похода в Персию. Сформировав новую армию, он отправился, как сообщает Феофан,⁴⁷ в Лазику. Это сведение, как полагают, заслуживает доверия. Возможно поэтому, что вышеприведенное свидетельство Моисея Утийского о переезде Ираклия морским путем в Егерию, т. е. Лазику, относится не к первому его походу, а ко второму.⁴⁸

Основываясь на сообщении Никифора, Кулаковский считает вероятным, что переезд в Лазику, т. е. Колхиду, Ираклий совершил морским путем из Трапезунда.⁴⁹ Однако, как подробно будет выяснено ниже, предположение это крайне спорно.

Прежде чем начать второй свой поход, Ираклий искал новых союзников и нашел их в лице хазар. По сведениям Моисея Утийского, на 36-м году царствования Хосроя Парвиза (т. е. в 626 г.) император Ираклий послал посольство к Джебухану (Зиевилю, см. Феофан, А. М. 6117), предводителю хазар, и заключил с ним военный союз. После того, на 37-м году царствования Хосроя (т. е. в 627 г.), несметные полчища Джебухана, пройдя Дербентский проход, опустошили земли агван и иверов и осадили г. Тифлис.⁵⁰ Из нижеприведенных сообщений Феофана и Моисея

⁴⁵ Моисей Утийский, цит. соч., стр. 103.

⁴⁶ Nöldeke. Aufsätze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887, S. 126.

⁴⁷ Theoph. A. M. 6117.

⁴⁸ Моисей Утийский цит. соч., стр. 101.

⁴⁹ Ю. Кулаковский. История Византии, т. III, стр. 75; ср. Nicephori archiepiscopi Const. opuscula historica, ed. de Boor. Lipsiae, 1883, 15, 12.

⁵⁰ Моисей Утийский, цит. соч., стр. 103—112.

Утийского видно, что именно здесь, под стенами осажденного Тифлиса, произошла встреча Ираклия с своими новыми союзниками.

1. Феофан (пер. Оболенского и Герновского. Москва, 1890, стр. 235, А. М. 6117): „Хазары, перешедши Каспийские ворота, вторглись в страну Азербайджан (εις την χώραν τῆς Ἀδρονηῶν) под предводительством Зиевила, достоинством второго по кагане; и где они ни проходили, везде брали в плен персов, а города и села огню предавали. Царь, оставя землю лазов, соединился с ними“.

2. Моисей Утийский (пер. Патканьяна, гл. XI, стр. 107): „После всего этого потоки бурной реки (т. е. несметные полчища хазар) поднялись и устремились против Иверии, окружили и осадили изнеженный, торговый, славный и великий город Тифлис.“

Узнаёт о том и великий император. Собрав все войска своего могущества, он немедленно пришел к сподвижнику своему; и после взаимных даров и приношений, они весьма радовались при виде друг друга“.

Относительно даты описанных в приведенных сообщениях событий, как и направления маршрута Ираклия в Тифлис, как известно, в исторических трудах имеются непримиримые разногласия. Придерживаясь указаний Феофана, часть исследователей полагает, что вышеозначенные события имели место в 626 г.⁵¹ Однако другая часть ученых, как мне кажется, с большим правом относит эти события к 627 г.⁵²

Эта последняя дата устанавливается довольно точно при внимательном анализе соответствующих сообщений Моисея Утийского.

Не совсем ясен, однако, вопрос о направлении маршрута Ираклия из Егерии—Лазики в Тифлис. Обычно под Егерией—Лазикой ученые понимают область по течению реки Фасиса—Риона, т. е. Колхиду.⁵³ При таком толковании местоположения Лазики выяснение маршрута Ираклия из „земли лазов“ в Тифлис не представляло бы трудностей. Этот путь возможно определить через нынешнюю Шорапань, Сурамский перевал и затем вдоль р. Курь.

Однако достаточно обратиться к грузинским материалам, как возникает целый ряд сомнений. Очевидно, ко второму походу Ираклия в Персию относятся следующие сообщения грузинских источников:

1. См. Н. Я. Марр, Антиох Стратиг, Пленение Иерусалима персами в 614 г. (СПб., 1909, стр. 25): „Между тем царь Ираклий поспешил набрать войско и... несметное полчище бойцов со всех сторон от многих племен и с бесчисленным множеством народностей направился через Эвксинский понт, что представляет собою обширное море на севере. С ним была жена. Когда Ираклий достиг Трапезунда, в пределах Мингрелии, жена родила сына, которого он назвал Ираклием. Оттуда Ираклий отправил послов к (тюркскому) царю с обильными подарками. Тюркский царь прекрасно принял послов Ираклия и дал обет единения, после чего Ираклий отправился в тюркскую землю“.

2. Джуаншер, Краткая история Грузии (Венеция, 1884, гл. 15, стр. 96—97): „А Фоку убил Ираклий, родственник Маврикия, который, став царем греков и взяв многочисленное войско у западных тюрок, выступил для обретения животворящего Креста. Пустившись“

⁵¹ H. Gelzer. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte, S. 948; М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, Л., 1936, стр. 51—58; Lebeau. Histoire du Bas-Empire, IX, pp. 117—119 и др.

⁵² Ю. Кулаковский. История Византии, III, стр. 93—94; N. H. Baynes. Cambridge Medieval History. II, 1936, 297 sq.

⁵³ Ю. Кулаковский. История Византии, т. III, стр. 75.

в путь через Армению, он прибыл в Бзунцию и направился оттуда в Тифлис“.

В первом из приведенных отрывков представляет интерес сообщение о том, что „Ираклий достиг Трапезунда в пределах Мингрелии“, т. е. как правильно отмечает Н. Я. Марр, Мингрелии, понимаемой в смысле Лазики, или „страны егерцев“.⁵⁴ Любопытно, что и в „Армянской географии“ определено указано, что Джаник, т. е. страна цанов, или что то же — лавов, находившийся в районе Трапезундской области, был составной частью Егрии—Колхиды.⁵⁵ Можно считать поэтому вполне возможным и даже вероятным, что под Егерией — Лазикой, откуда Ираклий прибыл в Тифлис, следует подразумевать не нынешнюю Мингрелию в Западной Грузии, а „землю лавов“ в Трапезундской области.

Заслуживает также внимания и то, что в „Краткой истории Грузии“ Джуаншера путь Ираклия в Тифлис указан не из Западной Грузии через Сурамский перевал, а через Армению и Бзунцию (?). Предположить направление пути Ираклия в Тифлис через древнеармянскую область Бзунцию, лежащую у северо-западного угла озера Ван, было бы, конечно, совершенно невероятно. Можно поэтому думать, что Бзунция у Джуаншера есть искажение, и можно с некоторой уверенностью предположить, что в греческом тексте, который лег в основу грузинского сообщения, стояло, вероятно, не „Бзунция“, а Βιζάνια, упомянутая у Георгия Кипрского в числе епархиальных городов Трапезундской митрополии.⁵⁶ При этом новом толковании свидетельства Джуаншера путь Ираклия в Тифлис можно было бы предположить не из бассейна р. Фасиса — Риона через Сурамский перевал, а из Трапезундской области — через Ерзингян — в Визану, лежащую на берегу Евфрата южнее Котура, и оттуда через области Карин, Вананд и Ширак в Тифлис.

Рассмотренные нами свидетельства грузинских источников, как видим, ставят под сомнение предположение тех ученых, которые выступили Ираклия во второй персидский поход полагают не из района Трапезунда, а из нынешней Мингрелии, или же нынешней Аджарии. Думаю, что вопрос о направлении маршрута Ираклия в Тифлис не может считаться окончательно решенным и остается пока спорным.

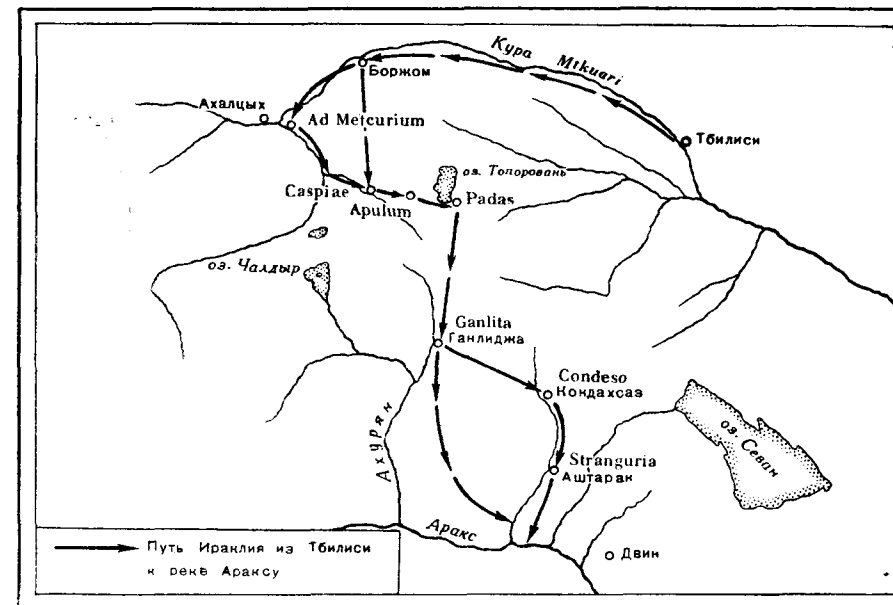
Прибыв в Тифлис, имперские войска осадили город вместе с хазарами. Но осада сильно затянулась, поэтому союзники решили временно ее прекратить. Хазары вернулись в свою страну, а Ираклий, получив от них 40 тысяч конного войска, стремительно двинулся в глубь Персии (осенью 627 г.).

Маршрут этого нового похода Ираклия в Персию подробно указан у Себеоса в следующем его сообщении: „Тогда Ираклий, взяв свое войско, вернулся в Армянскую страну; пройдя через Ширак, он достиг брода р. Аракса, перешел реку около селения Варданакерт и, двинувшись отсюда, стремительно вторгся в область Коговит. А Рочик Вехан и войско персидское полгали, что они отступают, обращенные в бегство. А он (Ираклий) направился через область Хер и Зареванд прямо в Ктезифон против Хосроя. И когда он уже вошел в пределы области Атропатены, тогда лишь узнал об этом Роч Вехан, который взял свое войско и пошел вслед за ним в г. Нахичеван. Он шел настолько спешно и днем и ночью, что, наконец, достиг его. А Ираклий перешел

стремглав на другую сторону горы Зараспа — в страну Ассирию. Персы же пустились за ним в погоню и, когда они направились на запад, Ираклий пошел в Ниневию“.

Приведенные подробные указания Себеоса, при полной определенности географических данных его сообщения, дают нам возможность установить довольно точно весь маршрут Ираклия из Тифлиса в район Ниневии.

Первая часть его пути от Тифлиса до брода р. Аракса около Варданакерта соответствует, в общем, маршруту Помпея, шедшего в обратном направлении из района Арташата в Гармозу, лежавшую к югу

Карта 7

от р. Куры и теперешнего Мцхета.⁵⁷ Из района Тифлиса войско Ираклия двинулось вдоль Куры в нынешний Боржом, а затем шло или через Бакуриани в Хоспию (Caspiae Таблиц Певтингера, недалеко от нынешнего Ахалкалаки) или же через Ацхури в Минедзе (Ad Metcurium Таблиц Певтингера, недалеко от нынешнего Ахалцыха) и оттуда через Ширак в Варданакерт, местоположение которого следует предположить к западу от Арташата. В моей работе „Тигран Второй и Рим“ было указано, что через место переправы около позднейшего Варданакерта должны были перейти р. Аракс также Помпей (в 66 г. н. э.) и Домиций Корбулон (в 58 г. н. э.), которые вели свои войска к Арташату обходным путем.⁵⁸

Переправившись вброд через Аракс, войско Ираклия продолжало путь, как нетрудно установить, по линии Таблиц Певтингера Artaxata — Gobdi.⁵⁹ Этот исторический путь представляется в Таблицах в следующем

⁵⁷ См. мою статью „Круговой путь Помпея в Закавказье“. — „Вестник древней истории“, № 4, 1939, стр. 74—76.

⁵⁸ См. „Тигран Второй и Рим“. Ереван, 1943, стр. 189.

⁵⁹ См. мою работу „Главные пути древней Армении“. Ереван, 1936, стр. 139—172 и 246—248.

⁵⁴ Антиох Стратиг, стр. 25, прим. 4.

⁵⁵ Армянская география, пер. Патканова, СПб., 1877, стр. 38—39.

⁵⁶ Georgii Cyprii. Descriptio orbis Romani, ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890, p. 73.

виде: Artaxata 39... Catispi (=Ortispi, др.-арм. Ордспу в области Коговите недалеко от нынешнего Тапариза) 27 Sorvae 24 Anteba (=Artaza, др.-арм. Артаз) 24 Nasabi (др.-арм. Нварсак) 17 Gobdi (Хой) 24 Filadelfia 20 Trispeda или Tarspedo (нынешний Тасвидж или Тарсвидж) 45 Paresaca (др.-арм. Парск).⁶⁰

Из Хоя на юг, как указано было выше, упоминаются в древних источниках два исторических пути: один через Маранд и Тавриз, а другой через Тасвидж, шедший по восточному побережью Урмийского озера. Направление пути Ираклия, указанное у Себеоса через область Зареванд, лежавшую к северу от Урмийского озера, устанавливается не через Маранд — Тавриз, а через Тасвидж.

После переправы через нынешнюю реку Аджичай, недалеко от которой находилась Paresaca Таблиц Певтингера, войско Ираклия продолжало путь, как отмечено в моей работе „Историко-географические мелкие исследования“,⁶¹ из района Дехаркана через нынешний Мияндуаб в Соучбулак и оттуда через горный хребет Зарасп (Загр) в Ассирию.

Английский ученый Норман Бэйнз, предполагавший означенный путь вдоль западной стороны Урмийского озера, т. е. через нынешние Салмас и Урмию, совершенно упустил из виду, что имперское войско пришло в Ассирию не с севера, а с востока.⁶² Оно прошло, как определено сообщает Себеос, на другую сторону горы Зарасп, т. е. той части горной цепи Загра, в которой находится Келишинский перевал.⁶³

По свидетельству Феофана, еще до прибытия имперской армии в Ассирию, покинули Ираклия его союзники хазары. Несмотря на это, византийское войско безостановочно продолжало свое наступление в глубь Персии.⁶⁴

О маршруте Ираклия после перехода через Зарасп — Загр определенные сведения сообщает только Феофан. Спустившись с войсками в Ассирию, как сообщает Феофан, Ираклий прибыл в область Хнайту (εις την χώραν χαμαῖδα),⁶⁵ лежавшую к югу от Ревандуза, где он дал своей армии отдых в течение семи дней. Покинув Хнайту, он двинулся на юг и опустошил смежные местности. Из свидетельств источников видно, что и второе наступление Ираклия, как и его первый поход, имело характер беспощадного истребления. Имперские войска предавали огню и мечу как персидские города и селения, так и пленных персов.

Борьбу с Ираклием должен был вести персидский полководец Рахзад, тот самый, который в вышеприведенном сообщении Себеоса назван Рочик Веханом. Этот Рахзад, следовавший за Ираклием из Нахичевана, оказался в крайне затруднительном положении, так как шел по опустошенным Ираклием местностям; это обстоятельство сильно затрудняло снабжение его армии продовольствием. 1 декабря 627 г., как сообщает Феофан (А. М. 6118), войска Ираклия перешли р. Большой Заб и расположились лагерем около Ниневии. Туда же прибыла вслед за ними армия Рахзада и стала лагерем вблизи места их расположения. 12 декабря произошло здесь решительное сражение, в котором персидское войско потерпело

⁶⁰ Цифры между стационарными пунктами означают римские мили (1.4815 км).

⁶¹ Ереван, 1945, стр. 13—14 и 49.

⁶² См. Cambridge Medieval History II, 1936, стр. 298. — Путь Ираклия предполагает в направлении к западу от озера Урмия также и Кулаковский („История Византии“, III, стр. 94).

⁶³ См. мою работу „Историко-географические мелкие исследования“, стр. 9—14 и 48—49.

⁶⁴ Theoph. A. M. 6118.

⁶⁵ Rawlinson. Memoir on the Site of the Atropatenian Ecbatana, JRGS, X, 1841, p. 73; Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer, S. 216.

жестокое поражение. В битве пали сам Рахзад и большая часть его военачальников.

После одержанной победы армия Ираклия спешно направилась на юг, 23 декабря 627 г. перешла р. Малый Заб и сделала остановку в богатом имении персидского сановника Исдема, где и отпраздновала праздник Рождества Христова (25 декабря 627 г.). После того она подошла к дворцу Хосроя, называемому Руса (*παλάτιον τοῦ Χοσροῦ, τὸ ἐπιλεγόμενον Ροῦσα* — Феофан, А. М. 6118), и разрушила его. В своей статье, помещенной в JRGS (X, 1841), Роулинсон отождествляет Русу, переставляя слоги, с Sogī или Bet Sogī сирийцев.

Разбитое около Ниневии персидское войско, получив подкрепление, поспешило на защиту Ктезифона и, обойдя Ираклия, перешло р. Торна (*Γόρνα* — Феофан, А. М. 6118), и расположилось на левом ее берегу. Император полагал, что персы хотят оказать ему сопротивление около моста Торны. Однако при приближении Ираклия неприятель бежал, и имперское войско беспрепятственно перешло реку по мосту.

Переправившись через Торну, войска Ираклия заняли в первых числах января 628 г. дворцы Беклал и Бебдарх (*Βεγλαλί, Βεβδάρχ* — Феофан А. М. 6118) и резиденцию Хосроя Даствагерд, в котором, кроме остальной богатой добычи, захватили 300 римских знамен, взятых персами в разные времена.

Местонахождение вышеозначенных пунктов, несмотря на имеющиеся в ученой литературе разногласия, в общем, можно считать достаточно выясненным. Сен-Мартен полагал, что р. Торна, названная у Плиния Tornadotus (VI, 27) и у Ксенофонта Phycus (Anabasis III, 4), была притоком р. Тигра и ныне носит название Katri-Sou.⁶⁶ По мнению Роулинсона, Торну можно отождествить с северным рукавом канала Naharvan, который находится в 80 английских милях от Малого Заба.⁶⁷

Вышеозначенные дворцы Беклал и Бебдарх и царская резиденция Даствагерд, как видно из сообщения Феофана (А. М. 6118), лежали сравнительно близко друг от друга и были захвачены Ираклием и его войсками почти одновременно, в первых числах января. Нетрудно поэтому убедиться, что местоположение их следует предположить на левой стороне среднего течения нынешней р. Диалы; недалеко от этой реки находился Даствагерд. Развалины этой замечательной резиденции сасанидских царей, известные ныне под именем Иски-Багдад, как выяснено, лежат на пути из Ханикина в Багдад близ селения Шахрабан, в 16 фарсах от Багдада и в 14 фарсах от Ханикина.⁶⁸

Разграбив и разрушив Даствагерд, 7 января 628 г. Ираклий двинулся дальше на юг в сторону Ктезифона, отстоявшего от Даствагерда на расстоянии 105—110 км. Выступив из Даствагерда, Ираклий прошел три дня пути и остановился в 12 милях от реки, или вернее, канала, Нахравана (*τὸν Ναρθρᾶ ποταμὸν* — Феофан, А. М. 6118), у которого в 19 милях от Ктезифона стояли персидские войска. Отсюда император выслал на разведку конный отряд, который ему сообщил, что мосты разрушены и переправа через Нахраван невозможна.

Ираклий был вынужден прекратить наступление и решил отступить. Путь его отступления устанавливается довольно точно вверх по течению

р. Диалы, а затем, после перехода через трудный перевал в горах Зарасп-Загра близ Шахризур, в Атропатенский Гандзак.

Выступив из района близ канала Нахравана, византийское войско отступило в направлении на северо-восток и прибыло в г. Шахризур (*εἰς τὸν Σαζοῦρον* — Феофан, А. М. 6118), который находился к юго-востоку от нынешней Сулеймани, на полдороге от Ктезифона до главного храма огнепоклонников в Атропатенском Гандзаке.⁶⁹

В Шахризуре Ираклий оставался, как сообщает Феофан, в продолжение почти всего февраля, а в это время его войска разоряли и опустошали окрестные области. 24 февраля войска Ираклия начали переход через горы Зарасп-Загр и, пройдя перевал под непрерывно падавшим снегом, прибыли в местечко Барзу (*χωρίον λεγόμενον Βαρζᾶν* — Феофан, А. М. 6118), где они отдохнули, простояв 7 дней. Как совершенно правильно указано Роулинсоном, местечко Барза может быть отождествлено с нынешним Bezeh⁷⁰ в области Vaneh, находящимся у верховьев р. Джегету-чай, впадающей в озеро Урмию.

Следует, однако, отметить, что большинство исследователей, основываясь, повидимому, на недостаточно ясных сообщениях Пасхальной хроники, полагают, что горный хребет Зарасп-Загр находился не между Шахризуром и Барзой, как указано выше, а между Барзой и Атропатенским Гандзаком. Местоположение местечка Барзы и области Ванэ, лежавших к востоку от горного хребта Загра в Атропатене, они ошибочно предполагают к западу от этого хребта, т. е. в Ассирии.⁷¹

8 марта 628 г. Ираклий двинулся со своими войсками в Атропатенский Гандзак и прибыл туда 11 марта. Там он дал своей армии длительный отдых. Еще до прибытия в Гандзак император имел сведения о кровавом перевороте в Персии. Во время же остановки Ираклия в Гандзаке к нему прибыло официальное посольство царя Кавада, которое, известив его о казни Хосроя Парвиза (29 февраля 628 г.) и о провозглашении „царем царей“ Кавада Широие, вступило с ним в переговоры о мире. После того, 8 апреля 628 г. Ираклий двинулся из Гандзака в Армению.

Обратный путь Ираклия из Атропатены через Армению в Византию не может быть точно выяснен, так как первоисточники не дают об этом точных сведений. Некоторые указания на это имеются в позднейших армянских и грузинских источниках, но свидетельства эти или легендарны или же спорны, и поэтому опираться на них крайне рискованно.

Из сообщений первоисточников известно лишь, что из Армении император отправился в Верхнюю Месопотамию, где ознаменовал свое пребывание в городе Амиде закладкой большого храма (зимой 628—629 г.).⁷²

⁶⁹ В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 138.

⁷⁰ JRGS, X, 1841.

⁷¹ The Cambridge Medieval History, II, p. 299; Ю. Кулаковский. История Византии, II, стр. 102 и др.

⁷² Chronique de Denys de Tell-Mahré, publiée et traduite par J. R. Chabot, Paris, 1895, p. 5.

⁶⁶ Histoire du Bas-Empire par Lebeau, ed. par M. de Saint-Martin, XI, Paris, 1830, p. 136, прим. 2.

⁶⁷ Rawlinson. JRGS, X (1841), p. 93.

⁶⁸ Ibid., p. 93 sq.; В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 132.

Н. И. БРУНОВ

КИЕВСКАЯ СОФИЯ — ДРЕВНЕЙШИЙ ПАМЯТНИК
РУССКОЙ КАМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Киевский собор Софии является одним из древнейших сохранившихся произведений русской архитектуры. Благодаря счастливой случайности он до нас дошел в очень хорошем состоянии.¹ Киевская София отличается очень высоким качеством своей архитектуры. Она относится к лучшим произведениям русского зодчества, к выдающимся произведениям зодчества всех времен и народов. Действительно, анализ архитектурной композиции Софии в Киеве дает очень много для выяснения вопроса об истоках русской архитектуры.

Киевская София остается до сих пор во многих отношениях недоисследованной, опубликована она неудовлетворительно, ее архитектурный образ очерчен и интерпретирован недостаточно. Все же в общих чертах древнейшая ее часть, о которой только и идет речь в настоящей статье, не касающейся более поздних добавлений к первоначальному ядру здания, достаточно восстановлена.² Вследствие того, что памятник очень хорошо сохранился, главной задачей при этом было — определить, какие его части добавлены в течение последующих строительных периодов. В данном месте я не буду разбирать вопросов, связанных с древнейшей формой Софии в Киеве, отмечу только, что первоначальное здание имело совершенно одинаковые северную, западную и южную ветви креста, что оно было пятинефным, с 13 куполами (все его квадратные деления плана были перекрыты куполами), имело в северной, западной и южной двухдольных ветвях креста цилиндрические своды, в каждой из них двумя

¹ Древности Российского государства. Киево-Софийский собор. СПб., 1871—1887; Д. Айналов и Е. Редив. Софийский собор в Киеве. СПб., 1899; К. Шероцкый. Киев, 1918.

² Д. Айналов. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятиной церкви в Киеве. — Тр. XII Археол. съезда, III, М., 1905; Д. Милеев. Древние полы в церкви св. Софии в Киеве. — Сб. в честь А. Бобринского. СПб., 1911; Я. Смирнов. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. — Труды XIII Археол. съезда, II, М., 1908. П. Окунев. Крещальня Софийского собора в Киеве. — Сб. в честь Д. Айналова П. 1916; И. Моргилевский. Об изучении Софийского собора в Киеве. — Рус. искусство. Берлин, 1923; его же. Київська Софія в світі нових спостережень. — „Київ та його околиця в історії і пам'ятках“. Киев, 1926; Н. Брунов. К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии. — Изв. ГАИМК, V, 1926; его же. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры XI—XII вв. — „Рус. архитектура“. М., 1940.

ярусами поднимавшиеся к центральному барабану, и было с трех сторон окружено сводчатой галереей на крестообразных столбах, имевшей открытый обход вокруг собора, расположенный на уровне хор. Вопрос о первоначальном ходе на хоры остается нерешенным.

Дата собора также не будет обсуждаться в настоящей статье. Ряд данных заставляет меня считать Киевскую Софию возникшей в 1017—1037 гг.³

Задачей настоящего исследования является изучение истоков русского зодчества путем анализа архитектурной композиции Софии в Киеве.

Под архитектурной композицией я понимаю не только формальную композицию, но весь комплекс элементов, составляющих архитектурный образ. В этом смысле следует говорить и об идейной композиции произведения архитектуры, о его композиции с точки зрения функционального назначения здания, о композиции в зависимости от технических и конструктивных предпосылок, но, естественно, особое внимание следует уделить композиции архитектурных форм. Идейная сторона архитектурного произведения, его функциональное назначение, технические и конструктивные предпосылки и его художественная форма являются основными элементами архитектурной композиции. Их нужно изучать каждый в отдельности. Особо важное значение имеют многообразные взаимоотношения этих элементов, которые необходимо, по возможности, подробно проследить, особенно наиболее существенные среди них. Из этих сложных взаимоотношений складывается в целом архитектурная композиция, возникает архитектурный образ. Необходимо помнить, что последний не является только суммой составляющих его элементов и что он прежде всего представляет собой некоторое единство. Для него характерно присущее ему особое архитектурно-художественное качество, на котором основана цельность архитектурного произведения. В этом заключается композиционный стержень, отсутствующий в эклектических постройках, чисто внешне, механически сочетающих различные элементы друг с другом. Произведение подлинной архитектуры отличается от них своим единым и целостным характером.

Большинство буржуазных историков русской архитектуры обычно считало Киевскую Софию византийской постройкой на русской почве.⁴ Эта точка зрения ошибочна. София в Киеве является первым известным русским зданием не только потому, что она стоит на русской земле, но, главным образом, потому, что ее архитектурная композиция обнаруживает характерные русские особенности, глубоко сближающие ее с русскими более ранними и поздними постройками. Киевская София является органическим звеном общей цепи развития русского зодчества. Она имеет своих предшественников на Русской земле, ее композиционные особенности являются дальнейшим развитием композиции этих предшественников. В свою очередь, композиционные приемы Киевской Софии получили дальнейшее развитие в более поздних произведениях русского зодчества.

Среди буржуазных историков русской архитектуры довольно распространен был прием искусственного расчленения процесса развития русской архитектуры на отдельные отрезки. Нередко утверждалось при этом,

³ Д. Айналов. К строительной деятельности князя Владимира. Сб. в память князя Владимира. П., 1917; Н. Сычев. Искусство Киевской Руси. — История искусства всех времен и народов. Л., 1929.

⁴ Одним из последних в этом смысле высказался R. Zaloziecky. — Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, 1927.

что каждый из таких отрезков настолько тесно связан с тем или иным соседним с Россией архитектурным и культурным центром, что эта связь его выражена сильнее, чем его связь с предыдущими периодами развития самого русского зодчества. Так, например, утверждали, что имеется разрыв между древнерусской архитектурой и русским зодчеством XVIII—XIX вв., считая последнее явлением, извне привнесенным в Россию. Самое древнерусскую архитектуру разделяли на более ранний период, окончившийся татарским завоеванием, который называли русско-византийским, указывая этим на якобы определяющую роль Византии, и на московский период, для зодчества которого имела, якобы, определяющее значение деятельность мастеров Ренессанса, работавших в Москве на рубеже XV и XVI вв., и влияние барокко в XVII в. В результате такого в корне неверного построения оказывалось, что собственно русское зодчество почти вовсе не существовало.

Этой ложной концепции следует противопоставить очевидный с первого взгляда факт существования замечательной русской архитектуры. Не только были созданы отдельные выдающиеся по своему архитектурно-художественному качеству русские постройки, но существует большая и глубокая самостоятельная русская архитектурная культура, для которой характерны свои собственные взгляды на архитектуру как искусство, на принципы архитектурной композиции, на архитектурно-художественную форму. Как всякое живое историческое явление русская архитектура развивалась на протяжении столетий, значительно видоизменяясь в связи с изменением реальной исторической жизни страны, государства и народа, которые она ярко отражала. Когда приглядываемся с этой точки зрения к русской архитектуре, то становится ясна глубокая взаимная связь отдельных этапов ее развития. Выяснение этой связи, исследование того, как одни композиционные приемы, на основе исторического развития русской культуры, порождали другие, органически из них вытекающие, изучение причин этого развития, — все это основные и насущные задачи истории русского зодчества.⁵ В основу этого изучения должен быть положен тот очевидный факт, что русская архитектура образует целостную и самостоятельную ветвь общего процесса всемирного развития архитектуры, искусства и культуры.

Если остановиться на одном из самых глубоких видоизменений, которые претерпела русская архитектура, — я имею в виду переход от русской архитектуры XVII в. к русскому зодчеству XVIII в., — то и тогда внимательное изучение архитектурной композиции приводит к выводу, что этот переход подготавливался в течение очень продолжительного времени, последовательно.⁶ Если взять поздний памятник древнерусской архитектуры, например, церковь в Филях, и сравнить его с ранним произведением русской архитектуры XVIII в., например, собором Смольного монастыря, — то разница между ними будет большая. Однако у них имеются также и очень существенные черты сходства, позволяющие представить себе, как собор Смольного монастыря развился из церкви в Филях. Это различие между ними, во всяком случае, гораздо меньше, чем различие, например, между Реймским собором и дворцом в Версале. Несмотря на это, никому не приходит в голову сомневаться в едином и самостоятельном характере французской архитектуры.

⁵ Н. Воронин. Главнейшие этапы русского зодчества X—XV столетий. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и фил., № 4, 1944.

⁶ „Барокко в России“. М., 1926; И. Бакланов. Эволюция архитектурных форм в русском провинциально-церковном зодчестве XVIII в. — Изв. Акад. истории мат. культ. П., 1922; Н. Коваленская. История русского искусства XVIII в. М.—Л., 1940.

Сказанному не противоречит некоторое участие иностранных мастеров в создании русских архитектурных произведений. Архитекторы классицизма и барокко в XVIII в., Ренессанса — в XV и XVI вв., романские зодчие — в XII в., византийские архитекторы X в. приезжали в Россию и принимали участие в сооружении русских зданий, причем эти иностранные архитекторы строили у нас совсем иначе, чем у себя на родине. Архитекторы разных национальностей и различных эпох, попав в Россию, подчинялись обаянию русской художественной культуры. Своим творчеством в России они включались в органический процесс развития русской архитектуры.

Это в одинаковой мере относится к архитекторам XVIII в., участвовавшим в строительстве Петербурга, и к византийским зодчим X в. — в Киеве.

Между произведениями русской архитектуры XVII и XVIII вв. имеется существенное различие, связанное с качественным скачком, который имел место в русском зодчестве при переходе от культуры Московского государства к культуре Российской империи. Также имел место качественный скачок в X в. при переходе от русской деревянной и земляной языческой архитектуры к каменной церковной архитектуре, что стоит в прямой связи с изменениями в социально-экономическом строе древней Руси, с образованием русского феодализма. Тем не менее эта последняя органически связана с русской архитектурой предыдущего времени.⁷

1. СВЯЗИ КИЕВСКОЙ СОФИИ С АРХИТЕКТУРОЙ ЯЗЫЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Не вызывает сомнения вопрос об органической связи романской архитектуры с постройками Западной Европы доклассового общества. Совершенно так же русская архитектура X и XI вв. связана по своему происхождению с древнейшими сооружениями Восточной Европы (рис. 1). Переход от первобытных построек к романской архитектуре сопровождался в Западной Европе влиянием более высокой византийской архитектуры. Этот же переход в Восточной Европе тоже был связан с влиянием византийского зодчества, через которое русской архитектуре были переданы и элементы античной архитектуры, унаследованные Византией.

Рассматривая русскую архитектуру как самостоятельное течение, развившее свои собственные композиционные принципы и обладавшее самостоятельным развитием, необходимо вместе с тем изучать ее в ее естественной связи с общим, всемирным процессом развития архитектуры. В этом отношении очень существенно отмеченная аналогия генезиса западноевропейской и русской архитектуры.

Архитектура Восточной Европы эпохи доклассового общества очень мало изучена с точки зрения истории русской архитектуры. Материал памятников исследуется археологами. Необходимо дополнить эту большую и кропотливую археологическую работу изучением элементов архитектурной композиции, — только тогда будет возможно сделать существенные выводы о связях первобытных сооружений с последующим развитием русской архитектуры, только тогда вполне выяснится внутренняя ценность этих сооружений как памятников культуры. Изучение архитектурной

⁷ Н. Брунов. К вопросу об истоках русского зодчества. — Вестн. АН СССР, 1944, № 6.

композиции первобытных сооружений даст также существенные руководящие указания археологам в их работе.

Сделанные до сих пор археологические открытия показывают, что в Восточной Европе в период до развития в X в. каменной христианской архитектуры Киевского государства выдающимся явлением в области зодчества были земляные сооружения, главным образом крепостные валы городищ и большие погребальные курганы. По тем и другим необходимо собрать материал и изучить его с точки зрения истории архитектуры. Это труднее сделать в отношении курганов, так как обычно во время раскопок их срывали, не считая ценной их архитектурную форму.

Городища и курганы являются памятниками, ярко говорящими нам на своем особом архитектурном языке о породившей их эпохе. В них можно наблюдать зарождение в недрах практического строительства искусства архитектуры и первые его шаги на русской почве. Городища живо свидетельствуют об изобретательности наших отдаленных предков при выборе места для укрепления. Земляные валы обычно

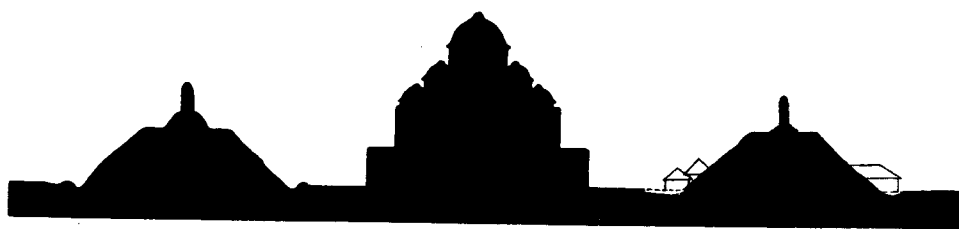

Рис. 1. Силуэты Киевской Софии и курганов в одном масштабе.

сочетаются с реками, впадающими в них речками и естественными холмами и свидетельствуют о глубоком знании человеком природных условий и о том, что жизнь наших предков на этом первоначальном этапе ее развития органически срослась с окружающей природой. В городищах преобладает практическое строительство, но уже в их земляных валах, с которыми обычно были связаны деревянные стены, начинает сказываться элемент архитектурно-художественной композиции.

Этот последний гораздо отчетливее выступает в погребальных земляных курганах. Не преследуя практических задач, они прежде всего являются памятниками погребенным в них людям. В связи с этим на их наружный облик оказывало влияние желание увековечить память о человеке, т. е. сохранить ее от всепоглощающего действия времени, противопоставить бесконечно изменчивому потоку жизни нечто навек неизблемое. Так начал зарождаться образ монументального сооружения.

Земляные валы древнейших русских городищ и языческие курганы сливаются с рельефом местности и с окружающим ландшафтом. Это — могучие сооружения, своими корнями связанные с почвой и как бы естественно вырастающие из земли. Валы городищ и курганы похожи на землю, вздыбленную богатырями. Эти валы проникнуты эпическим началом, на них лежит печать глубокой архаичности. Их образы овеяны народными преданиями, былинами и сказками.

Наряду с земляными сооружениями, в языческий период существовала также высокоразвитая деревянная архитектура. Основой ее было массовое народное жилое строительство. Русский народ с древнейших времен живет в лесу. Лес — его родная стихия, с которой он сжился на протяжении тысячелетий. Лес является естественным строительным мате-

риалом для русского народа.⁸ В IX—XI вв. в Киевском государстве существовала сложная деревянная архитектура очень высокого художественного качества. Большой потерей является ее исчезновение вследствие недолговечности строительного материала. Важнейшая очередная задача истории русской архитектуры и русской археологии сводится к собиранию даже малейших следов древнейшей деревянной русской архитектуры и всестороннему их изучению.

Наряду с ней большое значение в истории русской архитектуры принадлежит курганам. Курганы — русские пирамиды. Они являются русскими героическими погребальными сооружениями.⁹ Их прообразами были скифские курганы.¹⁰ Как скифы являются одними из предков русских,¹¹ так и русские курганы X в., сооруженные накануне принятия христианства, восходят одним из своих истоков к скифским курганам.¹²

Русские курганы X в., например так называемая Черная могила в Чернигове, существенно отличаются от египетских пирамид. Для последних особенно характерно геометрическое начало, с которым связан контраст с окружающей природой, с волнующимся морем песков пустыни. Геометрический характер пирамиды отличает ее от ее предка — первобытного кургана. Наоборот, русский курган X в. сохранил гораздо больше черт последнего.

Отличительной особенностью русского кургана X в., сближающей его отчасти со скифскими курганами, является массивный, скульптурный характер его наружной формы. Курган окружен ровом, вследствие чего его массив как бы постепенно нарастает из земли, не утрачивая связи с почвой. Самый курган имел довольно правильное круглое основание и представлял собой высокую земляную насыпь, обычно закругленную в ее верхней части. Наружные поверхности кургана были неровными. Вследствие этого усиливается лепной характер массива кургана. Курган был увенчан вертикальным камнем или статуей.

Толща земли как бы вздымалась и волнообразно нарастала вверх, образуя сперва ров, а затем мягкий, закругленный холм кургана. Движение разрешалось в пространстве в столбе или статуе.

Русский курган обычно расположен так, что виден издали на фоне широкого окружающего пространства. В архитектурной композиции кургана следует выделить три основных элемента: широкую даль ландшафта, в которую вкомпонован курган, объем самого кургана, выделяющийся на фоне пространственной шири, и движение вверх земляных масс кургана.

Пространственная ширь является одной из самых характерных особенностей русской архитектуры, широкие дали составляют неотъемлемую

⁸ С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

⁹ Д. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908; ср. А. Спицын. Владимирские курганы. — Изв. Археол. ком. 15, 1905. А. Арциховский. Курганы вятичей. П. Третьяков. Костромские курганы. — Изв. ГАИМК, X, 1931, 6—7. Б. Рыбаков. Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии СССР. № 11. М., 1949. См. в особенности о Черной могиле, стр. 24 сл. и рис. 3, 7 и 8.

¹⁰ Ср. W. Andrae. Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im alten Orient, 1930; ср. В. Миллер. Ассирийские заклания и русские народные заговоры. — Русская мысль XVII, 1896.

¹¹ А. Соболевский. Русско-скифские этюды. Изв. Отд. русск. языка и словесн. Акад. Наук XXVI, 1921.

¹² А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. Изв. Археол. ком. с. 65, 1918. Ср. Древности Геродотовой Скифии. Атлас I. СПб., 1863; Табл. II. СПб., 1872, стр. 74 сл.; там же. Рис. на стр. 1. Зап. Рус. археол. об-ва XI (Нов. сер., Труды Отдел. Слав. и Рус. арх. 4). СПб., 1—2, 1899. Рис. 6 на стр. 145 (рис. Н. К. Рериха кургана около Старой Руссы).

часть наиболее выдающихся русских построек: Киевской Софии, Новгородской Софии, Успенского собора во Владимире, Успенского собора и Покровского собора в Москве, церковей в Коломенском и Филях. Пространственная широта характерна для образов русской народной поэзии. В „Слове о Полку Игореве“ — „Боян... растекашеться мыслью по древу, серым волком по земли, сизым орлом под облакы“.¹³ Некоторые древнерусские стихотворения начинаются прекрасной припевкой:¹⁴

Высота ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские...

Особенно важно для понимания языческого кургана значение, которое земля имела для древней Руси, где население было по преимуществу земледельческим.¹⁵ Об этом красноречиво свидетельствует народная поэзия. Для русского крестьянина земля с первобытных времен имела священное значение. В произведениях народной поэзии земля — великая сила, дружелюбно настроенная к человеку. Земля — мать, „мать сыра земля“. Она плачет перед битвой, оплакивая своих сынов. Богатыри были припадают к земле и черпают в ней новые силы.

В древности существовала клятва землей, самая страшная клятва: при этом к земле припадали и ее ели. У наших предков была также распространена исповедь земле: к ней припадали и рассказывали ей свои грехи.¹⁶ В языческое время образ земли сливался с образом великого женского божества.¹⁷ После принятия христианства с этими народными представлениями слился облик богоматери.¹⁸

Для вопроса о происхождении русского кургана имеет значение связь кургана с простейшей разновидностью древнейшего русского жилища — круглой в плане хижинкой с коническим перекрытием (рис. 2 а, б). Такие хижинки были обнаружены раскопками в районе верхнего течения Волги, например полуземлянки, раскопанные около деревни Федоровское

¹³ „Слово о Полку Игореве“. М., 1938, стр. 31; Д. Айналов. Заметки к тексту „Слова о Полку Игореве“. — Труды Отд. др.-рус. л-ры Ин-та л-ры АН IV. М.—Л., 1940, стр. 157 слл.

¹⁴ К. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. — Рус. беседа IV, 1856. Отд. науки, стр. 67. Ср. изречение Кирилла Туровского: „Неизмерна небесная высота, не испытана преисподняя глубина, ниже сведомо божия смотренья таинство...“; Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 73.

¹⁵ Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. I—III. М., 1865—1869.

¹⁶ С. Смирнов. Древнерусский духовник; С. Смирнов. Исповедь земле. Сергиев, 1912; Ф. Буслаяев. Русская поэзия XI и начала XII в. — Исторические очерки русской народной словесности и искусства I. Русская народная поэзия. СПб. 1861, стр. 385 слл. Ср. Врем. Моск. Об-ва ист. и древн. рос. IX. М., 1851, стр. 27 слл.

¹⁷ Кондорский. Остатки культа богини-матери в настоящее время. Изв. Тавр. об-ва ист., археол. и этногр. М., 1928, стр. 85; Б. Фармаковский. Архангелский период в России. — Материалы по археол. России, № 34, 1914, стр. 23, 29, 35, 50, 78; В. Шкорпил. Отчет о раскопках в городе Керчи и на Таманском полуострове. — Изв. Археол. ком., 56, 1914; — Было высказано предположение, что до принятия христианства Владимир сделал попытку объединения языческих богов. Н. Рожков. Русская история I; С. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. — Историк-марксист, 1937, № 2 (60), стр. 53.

¹⁸ П. Соколов. Русский архиерей в Византии. Киев, 1913, стр. 51 слл.; Е. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 105 и др.; Ф. Корш. Владимирские боги. — Сб. Харьк. Ист.-фил. об-ва XVIII, 1909, стр. 51 слл.; И. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Зап. Моск. Археол. ин-та XVIII, 1912; ср. Гиббон VI. 1885, стр. 308; С. Смирнов. Бабы богомерзкие. — Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 217 слл.

и относящиеся к IV—III тысячелетию до н. э.¹⁹ Их конические перекрытия были покрыты слоем земли. Такая форма жилища может быть прослежена на территории будущего Русского государства вплоть до первого тысячелетия н. э. Аналогичную форму имели жилища русских около Болгар на Волге, которые описывают мусульманские путешественники X в.²⁰

Постепенно, на протяжении столетий, из конических кровель подобных жилищ развился русский шатер. Ряд данных говорит за то, что круглая форма примитивной полуземлянки перешла постепенно в форму восьмигранного жилого сруба, из которого потом развился восьмигранный шатровый храм. Маленькая восьмигранная часовенка в Белой Слуде²¹ дает представление о том, как протекал этот процесс.

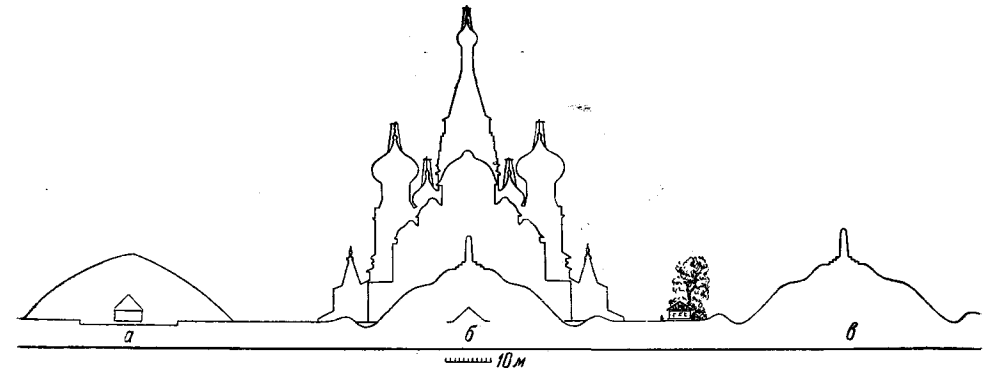

Рис. 2. Силуэты курганов и русских зданий в одном масштабе: а — курган у села Кальник, Киевской обл.; б — совмещение силуэтов жилой полуземлянки у д. Федоровское (район Верхней Волги), кургана, Софии в Киеве и Покровского собора в Москве; в — реконструкция кургана.

Шатер является одной из самых характерных форм русской архитектуры, применявшейся весьма успешно в самых разнообразных видах, как в дереве, так и в камне, на протяжении различных периодов развития русского зодчества. Шатер — одна из самых излюбленных архитектурных форм русского народа, в своем зодчестве очень своеобразно интерпретировавшего шатровое перекрытие. В некоторых отношениях можно было бы сравнить шатер с луковичной главой, являющейся также очень типичной формой русского зодчества. Для луковичной главы и для шатра характерно совмещение телесности, материальности архитектурных форм и проникающего их выразительного движения. Русскому народу чужды, например, отвеченные и бесплотные формы готических соборов, увенчания башен которых иногда напоминают русские шатры. В последних всегда архитектором подчеркнут материал постройки и телесность формы. Поэтому русские шатры обычно имеют гораздо более пологие скаты, чем готические шпили.

¹⁹ П. Третьяков. К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, 1941.

²⁰ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Даста. СПб., 1869; Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; Ибн-Фадлан. Путешествие на Волгу. 1933; Ф. Витберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП. 1908, февраль, марг.

²¹ И. Грабарь. История русского искусства, I, стр. 339.

Выраженное в них движение всегда является движением реальной архитектурной материи.

В отдаленнейшие времена шатер и курган были тесно связаны между собой (рис. 2а). В древнейших круглых хижинах в районе Верхней Волги земляной слой, покрывавший коническое перекрытие, напоминал курган. Деревянные погребальные камеры некоторых курганов, перекрытые шатром, говорят о том, что образы шатра и кургана были родственны друг другу и что путем увеличения земляного слоя над конической кровлей образовался курган.²²

Земляные сооружения древнейших времен оставили глубокий след в истории русской архитектуры, их еще возводили много столетий спустя

Рис. 3. Схема реконструкции Софии в Киеве, вид с юго-запада

после принятия христианства. Можно даже утверждать, что до образования во второй половине XV в. и в первой половине XVI в. Русского национального государства город, окруженный земляными валами, был ведущей формой ансамбля в русской архитектуре. В Московском государстве господствует каменный город, получивший очень широкое распространение, однако большое количество городов в XVI в., даже еще в XVII в. продолжало оставаться окруженным земляными валами. К ним относятся, например, Звенигород, Волоколамск, Дмитров, Переяславль-Залесский, Суздаль и многие другие. Такие земляные валы входили одной из существенных составных частей в архитектурную композицию ансамблей этих городов XVI и XVII вв.²³

²² Отчет Археол. ком. за 1891—1893 гг., рис. 200 на стр. 169, слл. Отчет Арх. ком. за 1897 г. СПб., 1909, стр. 12; Спицын в Изв. Арх. ком., 65, стр. 110, 126, 117.

²³ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. I. СПб., 1858, стр. 111; М. Фриде. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. — Изв. Росс. Акад. ист. мат. культ. III. Л., 1924, стр. 117, 125; М. Каргер. Крепостные стены Свяжска. — Изв. Об-ва Археол., ист. и этногр. при Казан. ун-те, XXXIV, 3—4. Казань, 1929, стр. 139 слл.; Н. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. — Тр.

Наоборот, курганы почти перестали возводить после принятия христианства. Курганы являются сооружениями, типичными для языческой Руси, однако некоторые композиционные особенности курганов передались и христианским церквям, которые стали их преемниками. Связь между

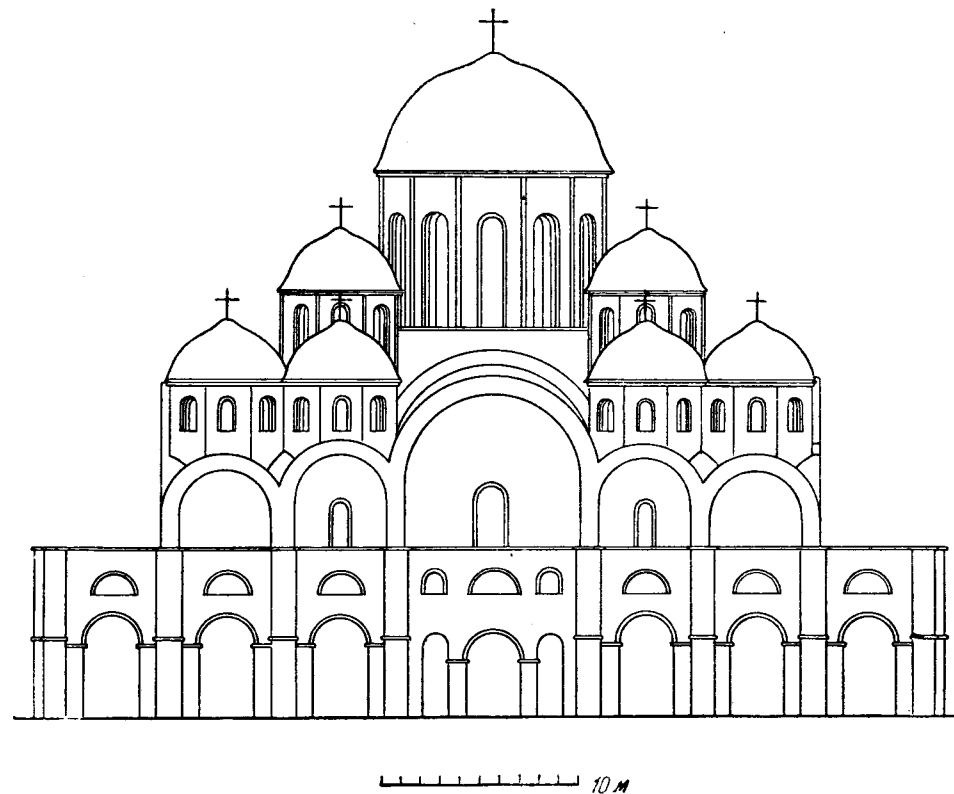

Рис. 4. Схема реконструкции западного фасада Софии в Киеве

церковью и курганом облегчалась также тем, что древние соборы Киевского государства были местом погребения князей. Так, например, Десятинная церковь в Киеве, 991—996 гг., была усыпальницей княжеского рода, в Киевской Софии также находились княжеские погребения.²⁴ Характер наружного объема первоначальной Десятинной церкви, фундаменты которой были раскопаны, остается неизвестным.²⁵

Моск. предвар. ком-та по устройству XV Арх. съезда М., 1911, стр. 47 слл.; А. Рудаков. Тульский кремль. Тула, 1916, стр. 6; О. Вулч. Коломна, М., 1928, стр. 8, 27. В. Подключников. Стратегический фактор в планировке древнерусских городов. — Сообщения Каб. ист. и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 3. М., 1944. А. Яковлев. Засечная черта Моск. гос. в XVII в. М., 1916, стр. 38, 21.

²⁴ Дитмар Мерзбургский говорит, что мраморные саркофаги князя Владимира и его супруги стояли в Десятинной церкви посреди храма; при перенесении гробниц князей Бориса и Глеба в 1115 г. в новую каменную церковь в Вышгороде Владимир Мономах хотел поставить их в середине храма и соорудить над ними сень, однако на самом деле гробницы были поставлены в нишу в южной стене храма. Ср. М. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. — Краткие сообщения Ин-та ист. мат. культ. АН СССР IV, 1940, стр. 18 сл.

²⁵ Отчет Археол. ком. за 1908 г. СПб., 1912. Рис. 195 на стр. 140, стр. 145, слл.; рис. 205 и табл. VI. Отчет Арх. ком. за 1913—1915 гг. П., 1918 г., рис. 239

Наружный объем Софии в Киеве (рис. 3—6) обнаруживает черты, унаследованные от русского языческого кургана. Отличительной чертой Софии является ее пирамидальный характер. Пирамидальность выражена в ее наружной форме настолько отчетливо и последовательно, что могла получиться только в результате целеустремленной композиции архитектора. Пирамидальность достигнута тем, что наружная открытая галерея доходит только до половины высоты основных стен, что своды ветвей

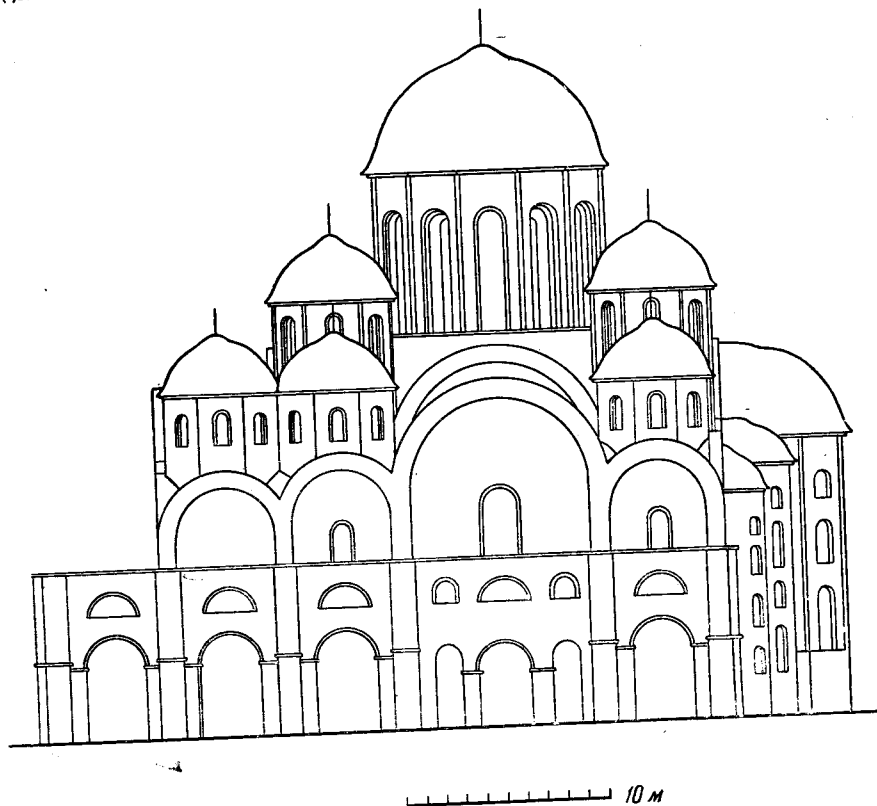

Рис. 5. Схема реконструкции южного фасада Софии в Киеве

креста с трех сторон уступами поднимаются к центральному барабану, что апсиды становятся все выше по направлению к средней апсиде и что барабаны куполов последовательно возвышаются в направлении к центральному барабану: восемь маленьких барабанов окружают центральную группу пяти более высоких барабанов, среди которых выделяется самый высокий барабан главного купола. Такой развитой пирамидальной композиции не найти в византийском зодчестве. В Софии Киевской пирамидальность воспринимается со всех сторон; она господствует во всех четырех фасадах здания, но особенно отчетливо выступает со стороны апсид.

Общее расположение Киевской Софии в природе очень напоминает расположение языческого кургана. Правда, София находилась в центре города, но она увенчивала собой высокий холм над Днепром, господствующий над очень широким горизонтом. Ее наружный массив органически связан с холмом, на котором он расположен. В нем как бы про-

должаются очертания холма, вырастающего над рекой на фоне огромных пространств. Движение массива холма как бы переходит в движение архитектурных форм, вырастающих из земли, увенчивая собой холм.

В период Владимира (980—1015 гг.) и Ярослава (1019—1054 гг.) в Киевском государстве еще сохранились многочисленные пережитки

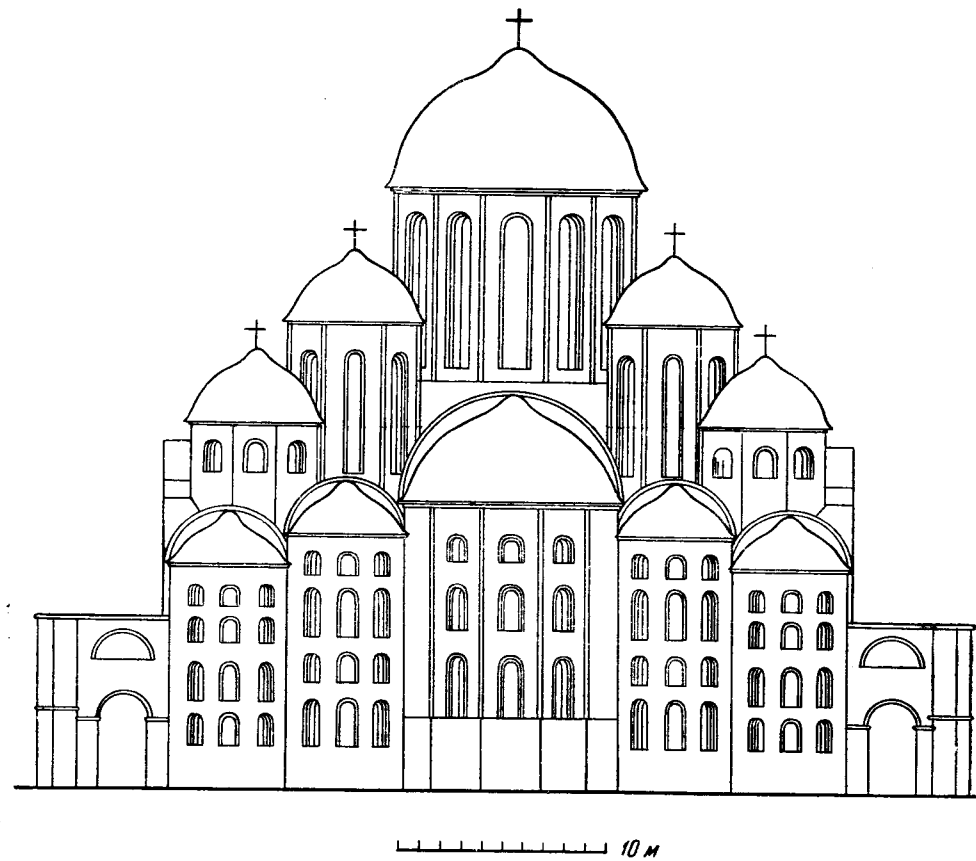

Рис. 6. Схема реконструкции восточного фасада Софии в Киеве

патриархальных отношений и язычества.²⁶ Феодалный строй складывался во второй половине X в. Однако, в эпоху Владимира еще не было того развития аскетизма, монашества и пессимизма, которые особенно сильно проявляют себя в XII в. Это время проникнуто оптимизмом, бодрым и жизнерадостным отношением к реальному миру.²⁷ Воздержания и умеренности не придерживались отцы наши, говорит, согласно летописи, Владимир. Отказываясь от заимствования религии волжских болгар, киевляне

²⁶ С. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 140; А. Пресняков. Лекции по русской истории I.—Киевская Русь. М., 1938, стр. 123; Б. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939, стр. 202; Ср. Н. Рубинштейн. Памятники истории Киевского государства.—Историк-марксист I, 1938.

²⁷ Н. Никольский. О древнерусском христианстве.—Русская Мысль. 1913 г., 6, стр. 1—23. Е. Голубинский. Христианство на Руси до Владимира.—ЖМНП, 187, 1876, стр. 46 сл., 133 сл. В конце XI в. еще многие „... без стыда и без сраму две жены имеют“ (Русск. ист. библ. VI, стр. 18. Бахрушин. Историк-марксист, 1937, № 8, стр. 63).

мотивировали это решение тем, что "...и не веселья в них, но печаль и смрад велик". Умеренность Западной церкви была доводом против нее. Пережитки этого жизнерадостного отношения к миру должны были удержаться и в эпоху Ярослава (1019—1054 гг.), хотя в это время уже наметился перелом в сторону более строгой и аскетической религиозности. Эти пережитки дают о себе знать в проповедях первого русского митрополита — Иллариона, современника постройки Киевской Софии.

В них выступает языческая тризна, как за пирамидальным наружным объемом Киевской Софии — языческий курган.

Ряд особенностей Киевской Софии свидетельствует о влиянии на нее русской деревянной архитектуры. В 989 г., т. е. еще до построения Десятинной церкви в Киеве, была построена в Новгороде присланным из Киева епископом дубовая София²⁸ о „13 верхах“. При этом не столь существенно совпадение количества глав этой церкви с количеством глав Киевской Софии, сколько важно известие о том, что в русской деревянной архитектуре существовали многоглавые постройки еще до начала строительства крупных каменных церквей, через год после крещения Руси.²⁹ Не может быть сомнения в том, что многоглавая композиция древнейшей деревянной Новгородской Софии восходит к русской языческой деревянной архитектуре. Это подтверждается тем, что многоглавие является одним из самых характерных мотивов русского зодчества более поздних периодов, а также тем, что оно в такой развитой форме нигде не встречается в византийском зодчестве.

Многоглавие Киевской Софии унаследовано от русской деревянной архитектуры предыдущего периода. Подтверждением этому служит то, что весь наружный объем Софии в Киеве делится на вертикальные ячейки, завершаемые барабанами куполов. Эта черта особенно отчетливо выступает со стороны апсид, постепенно становящихся все выше по направлению к средней апсиде. В этом сказалась привычка плотников компоновать здание из вертикальных башнеобразных срубов. Отметим, что влияние деревянной архитектуры сказалось не в деталях, а в существенных чертах композиции наружного объема.

К влиянию деревянных прототипов относится также ступенчатое расположение сводов ветвей креста и открытая наружная галерея.³⁰

Все отмеченные особенности Киевской Софии, возникшие под влиянием деревянной архитектуры, как-то: многоглавие, башнеобразная структура объемов, ступенчатое расположение полукружий и открытая наружная галерея, — являются характерными особенностями русской архитектуры на последующих этапах ее развития; все это излюбленные формы древнерусского зодчества.

Пирамидальные объемы курганов влияли, следует предположить, также и на деревянные здания X в., бывшие прототипами Софии в Киеве.

²⁸ А. Строков, В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 32.

²⁹ Под 938 г. Владимир "... повеле рубить церкви и поставляти по местам, идеже стояху кумиры..." (Летопись Нестора. СПб., 1912, стр. 53). Относительно церкви Ильи, упоминаемой в договоре с греками 945 г., было высказано предположение, что эта церковь — константинопольская.

³⁰ В композиции Киевской Софии проявился принцип ярусной структуры объемов, получивший широкое развитие в дальнейшей эволюции русской архитектуры и превратившийся в одну из самых характерных ее особенностей. Ярусная композиция наружных объемов, но в другой форме, типична для архитектуры древнего Востока, в частности для сикурата в Месопотамии. Ярусность существовала в русской деревянной архитектуре языческого времени. Следы ее наблюдаются в деревянных конструкциях крепостных валов XI—XII вв., состоявших из системы более крупных деревянных клеток, на которые поставлены клетки меньших размеров. См. текст Н. Полонской в Трудах Моск. предвар. к-та по устройству XV Археол. съезда. М., 1911, стр. 47—86.

Композиция курганов воздействовала на последнюю как непосредственно, так и через многоглавые деревянные здания с наружными галереями.

Общие очертания наружной формы Софии в Киеве родственны очертаниям как бы гигантского шатра.³¹

Проследивая связи архитектуры Киевского государства со строительством восточных славян предыдущего времени, необходимо все время помнить, что русская архитектура X—XI вв. представляет собой, по сравнению с архитектурой дофеодалного периода, новую, гораздо более высокую качественную ступень, обусловленную сложением русского феодализма. Архитектура Киевского государства возникла из строительства предшествующего периода в результате скачкообразного развития под влиянием крупнейших изменений в общественных отношениях восточных славян.

II. КИЕВСКАЯ СОФИЯ — ПРОТОТИП РУССКИХ ПОСТРОЕК XVI — XVII вв.

Пирамидальная композиция Киевской Софии глубоко родственна многим произведениям русской архитектуры последующего времени, в частности, таким выдающимся постройкам, как Покровский собор (Василий

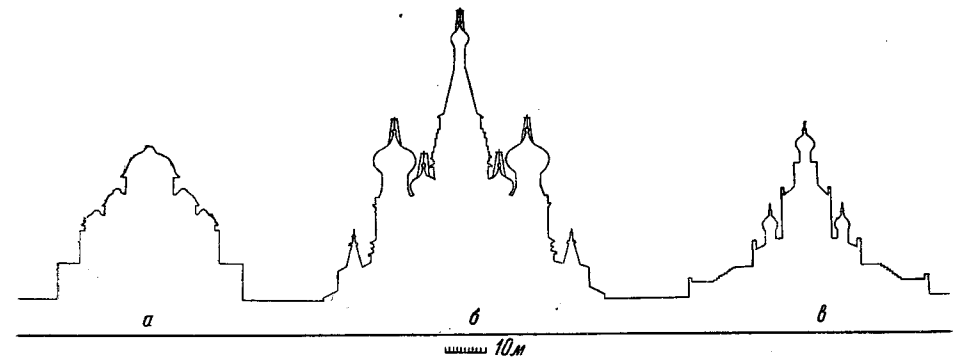

Рис. 7. Силуэты: а — Софии в Киеве, б — Покровского собора в Москве, в — церкви в Филях

Блаженный) в Москве и церковь в Филях, которые были важнейшими вехами на пути развития древнерусского зодчества. Покровский собор является наиболее выдающимся произведением всей древнерусской архитектуры (рис. 2 и 7).

В Покровском соборе и даже в церкви в Филях содержится под покровом высоко развитых форм основа языческого кургана, за которым

³¹ В более поздней русской архитектуре неоднократно наблюдается, что очертания шатра продолжают и в нижних частях здания или что шатровые церкви, по своим очертаниям и по силуэту, напоминают пирамиду или шатер, например, раннемосковские храмы (Н. Брунов. Сообщения Кабинета истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. I, М. 1919), Благовещенский собор Московского Кремля после построек XVI в. (В. Суслев. Памятники древнерусского зодчества. Изд. Акад. худож., церковь в Дьякове, церковь в Острове, вместе с приделами, с восточной стороны (снимок у D. Vuxton, Russian Mediaeval Architecture, Cambridge, 1934), Покровский собор (Василий Блаженный) в Москве, взятый целиком, вместе с пристройками (В. Суслев. Церковь Василия Блаженного в Москве. СПб., 1912, рис. 2, стр. 7), церковь Покрова в Рубцове (М. Красовский. Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911), церковь в Филях (И. Грабарь. История русск. искусства, II, стр. 44) слл.), деревянные церкви в Уне, Конецгорье, Подпорожье, Ширкове, Белозерске, Кижях (С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942, стр. 93, 103, 144, 156, 170, 173, 175).

стоит простейшая хижина с коническим перекрытием. И в Покровском соборе, и в церкви в Филях пирамидальный наружный объем связан с землей и вырастает из почвы.

Киевская София является отдаленным прототипом Покровского собора. Последний отличается более живописным, подвижным и выразительным характером своего силуэта, его наружный объем сильнее расчленен на отдельные башнеобразные массивы. София в Киеве имеет более компактный, строгий и сдержанный объем. Все же в ней заложены как бы в виде эмбрионов особенности, которые получили развитие в Покровском соборе. Движение вверх пирамидального объема Киевской Софии, распадающегося на множество нарастающих к центру башен, в своем дальнейшем развитии породило фантастическое сочетание башен, глав и шатров Покровского собора.

Огромная фигура мозаичной богоматери, занимающая собой конху главной апсиды Софии в Киеве, господствует среди всех изображений внутри храма. Это указывает на то, что идея Софии, т. е. „премудрости божией“, интерпретирована в Киеве в XI в. совсем иначе, чем в VI в. в Константинополе. Образ Софии сливается с образом богоматери.³²

В народе богоматерь в конхе главной апсиды Киевской Софии называлась „нерушимая стена“, чем подчеркивалось ее покровительство людям. В представлениях народа богоматерь сливается с „матерью сырой земли“, и на нее переходят свойства языческого верховного женского божества. Это тоже связывает Киевскую Софию с народными образами языческого времени. Вследствие этого образ богоматери утерял свой мистический характер и приобрел черты здорового народного реализма.

В XI в. главные храмы крупнейших городов Киевского государства — Киева, Новгорода, Полоцка — посвящаются Софии. Начиная с XII в., когда процесс феодального дробления в основном уже закончился, главные соборы Владимира и других городов посвящены Успению богородицы, т. е. взятию, согласно легенде, богородицы на небо, обожествленному образу богоматери. Это относится также и к Успенскому собору в Москве. Богоматерь Успения — небожительница, уходящая из реального мира. Такое истолкование образа богоматери характерно для феодальной аристократии, которая стремилась внедрять в народ отвлеченные аскетические идеалы.

В XVI в. на первый план вновь выступает облик богоматери, обращенный к земле: центральное здание новой Москвы XVI в. посвящено Покрову, т. е. покровительству богоматери людям. Покрову посвящена также и церковь в Филях.

Церковь в Филях — один из последних памятников дневнорусского зодчества. Ее архитектура имеет светский, дворцовый характер. Ее стены — тонкие, легкие и воздушные, прорезанные большими оконными проемами. Ее объем включает в себе просторное и развитое внутреннее пространство, свободно сообщающееся через окна с пространством природы. Все же пирамидальная форма наружного объема этого здания роднит его с Покровским собором, с Киевской Софией. Церковь в Филях уже не имеет компактной телесности более ранних русских построек, но ее наружный объем все еще нарастает от земли, увенчивая собой холм над рекой, и в экспрессивном движении вздымается вверх. Еще шаг дальше в развитии русской архитектуры, и эта связь с отдаленнейшими временами будет нарушена: русское зодчество вступит в новую фазу своего развития, связанную с Петербургом.

³² Полн. собр. русск. летоп. I, стр. 147.

III. КИЕВСКАЯ СОФИЯ И АНСАМБЛЬ КИЕВА

Русские зодчие, изучая византийскую архитектуру, через ее посредство познакомились также и с античной архитектурой. Система римского сводчатого общественного здания, гражданского и культового, частично отразилась в архитектуре Киевской Софии. Характерно, что в трактовке архитектурных объемов, мощных и материальных, Киевская София стоит ближе к древнеримским прототипам византийских построек, чем к этим последним. Утонченный, тепличный характер византийской аристократической архитектуры был чужд свежему и непосредственному взгляду на мир русских людей X—XI вв. Они интерпретировали византийские формы по-своему.

Архитектуру Киевской Софии невозможно правильно понять, если не связывать ее с ансамблем Киева XI в. (рис. 8).

Древнейший Киев языческого времени был расположен на вершине холма над Днепром, центр города занимало языческое капище (а), объем которого господствовал, как курган, над широким пространством. При Владимире Киев был значительно расширен, но композиционный принцип ансамбля города остался тот же: вершину холма над рекой заняла Десятинная церковь (б). При Ярославе город был расширен очень сильно, но старый принцип композиции города был сохранен: вершину более крупного холма над рекой заняла София (в).³³ В этом нашла себе выражение преемственная связь Софии с языческим капищем и курганом.

Названия зданий, возведенных Ярославом, указывают на то, что установились культурные связи между Киевом и Константинополем. Ярослав воздвиг собор Софии, церкви Ирины и Георгия, Золотые ворота. Все эти названия были присвоены зданиям, которые составляли часть ансамбля

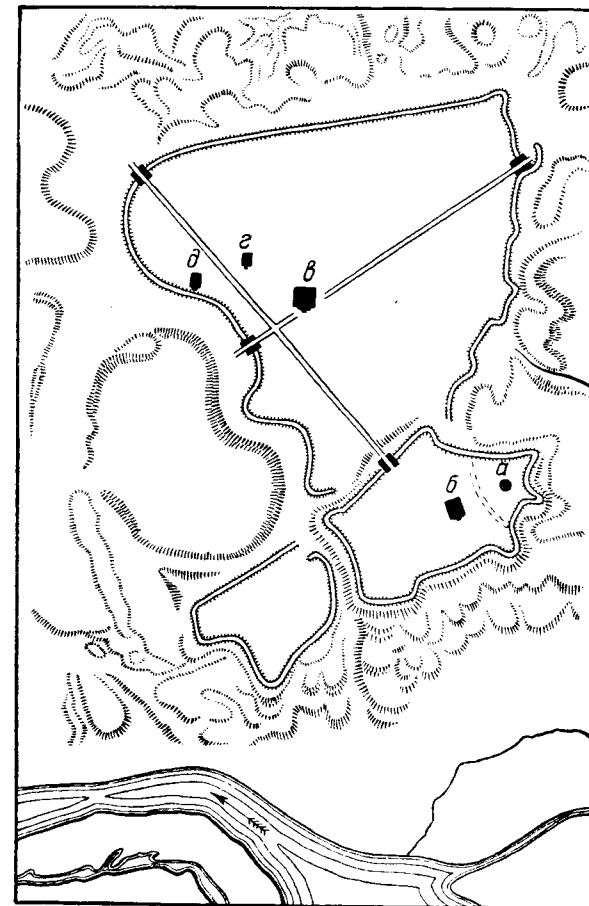

Рис. 8. План древнего Киева.

³³ М. Каргер. К вопросу о Киеве VIII—IX вв. — Краткие сообщения Ин-та ист. мат. культ. АН СССР VI. М. — Л., 1940. Рис. 10 на стр. 64, стр. 64 сл.

Киева, развившего принципы градостроительства, сложившиеся у восточных славян еще до образования Киевского государства.

Расположенные друг против друга четверо городских ворот Киева были соединены пересекавшимися прямыми главными городскими улицами. На их пересечении была расположена главная площадь города, на которую выходила София и на которой происходили народные собрания.

Вся система напоминает античные города.³⁴

Отметим, что София, а также церкви Ирины и Георгия (д, г) ориентированы в $\frac{3}{4}$ по направлению к осям главных улиц, вследствие чего их наружные массы воспринимались объемно при движении вдоль улиц. Аркады наружной галереи Киевской Софии выходили на площадь;³⁵ можно предположить, что на верхней открытой платформе галереи стояли князь, его приближенные и феодальная знать, когда внизу собирался народ. Интерьер Софии был тесно связан с площадью и находившимся поблизости княжеским дворцом.

Новейшие исследования, которые проводились Институтом истории и теории архитектуры Академии архитектуры Украинской ССР, привели к выводу, что Киев Ярослава Мудрого занимал еще гораздо более крупную площадь, чем та, которая показана на рис. 8.

Наружные формы Киевской Софии выглядят простыми, по сравнению с богатством и сложностью ее интерьера. Последний служил пышным обрамлением для князя и образовывавшейся феодальной аристократии. Нижние помещения собора были доступными для всех желающих, собор открывался своими аркадами на вечернюю площадь. От нижних помещений были сильно отделены хоры, высоко приподнятые над полом храма и предназначенные для князя и аристократии. Они были богато обставлены, доступ на них был закрыт, они охранялись. Возможно, что хоры Софии были связаны с дворцовыми помещениями деревянными мостками, по которым можно было пройти на них поверху непосредственно из дворцовых зал. Разделение внутренних пространств собора на нижние помещения и хоры было наглядным выражением разделения русского общества XI в. на народную массу и выделившуюся из нее аристократическую верхушку.

IV. ИДЕЯ „СОБОРА“ В КИЕВСКОЙ СОФИИ

Одной из основных идей, которая легла в основу архитектурной композиции Софии, является идея „собора“, т. е. собрания народа, во главе с аристократией и князем, в церкви. Эта мысль выражена в архитектурной композиции здания. Алтарные апсиды были отделены от средней части интерьера при помощи невысокой алтарной преграды, представлявшей собой колоннаду с поставленными между колоннами иконами. Когда распахивались центральные двери алтарной преграды, перед присутствующими открывалось театральное зрелище (рис. 9 и 10): полукруглое сидище в глубине центральной апсиды было занято священнослужителями.

Идея покровительства божеством и его служителями княжеской власти, феодальной аристократии и феодальному строю, выраженная в большом значении алтаря церковного здания, имела существенное значение для укрепления молодого русского феодализма и для усиления в глазах народа авторитета господствующего класса феодальной аристократии.

³⁴ А. Геркан. Griechische Städteanlagen. 1924.

³⁵ Полн. собр. русск. летоп. I, стр. 137.

В противоположной части храма находилось против главной апсиды на хорах княжеское место: на фресках в западной ветви креста была изображена присутствующая в храме княжеская семья. Хоры были заполнены знатью. Центральная часть храма под главным куполом была занята амвоном — кафедрой, стоявшей перед главным входом в алтарь, и была средоточием культовых церемоний и процессий. Вокруг оставалось значительное свободное пространство, необходимое для культовых действий. Кругом, главным образом под хорами, стоял народ. В дни многолюдного стечения народа не все могли поместиться внутри храма. Тогда народ стоял также под сводами наружной галереи и окружал здание снаружи, заполняя собой вечернюю площадь.

В этом народном собрании господствовала строгая иерархия. Архитектурная композиция „организовывала“ народ, вносила феодальный „порядок“ в народное собрание. Идею этой иерархии выражали также и наружные формы Софии, постепенно, ступенями нарастающие вверх от наружной галереи к центральному куполу.

В Византии нет ни одной постройки, в которой так отчетливо была бы выражена в архитектурной композиции идея народного собрания. София в Киеве связана с вечем, своими истоками восходящим к патриархальным временам. В этой особенности Киевской Софии нашел выражение народный характер древнерусской культуры и древнерусского зодчества. Связь Софии в Киеве с народными собраниями делает нам более понятным народный характер ее архитектуры.

V. ОТЛИЧИЕ КИЕВСКОЙ СОФИИ ОТ АРХИТЕКТУРЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Развитие русско-византийских отношений во второй половине X в. сказалось и на взаимодействии русской и византийской культуры. Византия познакомила русских архитекторов с достижениями античной архитектуры.³⁶ Общение русского искусства с искусством соседних стран, в том числе и Византии, обогащало собственно русское искусство и помогало русским зодчим осуществить их собственные архитектурные замыслы.

Детальное сравнение Киевской Софии с византийскими постройками раскрывает перед нами в полной мере самостоятельный и цельный характер этого замечательного памятника русского зодчества. Следует помнить, что византийское зодчество распадается на несколько течений.³⁷ Среди них для сравнения с русской архитектурой особенно большое значение имеет средневизантийское зодчество Константинополя и Малой Азии.³⁸ В византийском зодчестве на первом месте по своему художественному значению стоит архитектура столицы. В средневизантийской архитектуре господствовал крестовокупольный архитектурный тип.

³⁶ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1882; Левченко. История Византии. М., 1940; М. Приселков. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. — Вестник древней истории, 1939, № 3 (8), стр. 98—109.

³⁷ G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916; J. Ebersolt. Monuments d'architecture byzantine. Paris, 1934; J. Strzykowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, I—II. Wien, 1919.

³⁸ J. Strzykowski. Kleinasien. Leipzig, 1903; H. Rott. Kleinasienische Denkmäler. Leipzig, 1908; W. Ramsay, G. Bell. The Thousand and one Churches. London, 1909; E. Herzfeld, S. Guyer. Meriamlik u. Korykos. — Monumenta Asiae Minoris Antiqua II. 1930.

Его исходными формами являются иранский храм огня Сасанидского времени³⁹ и крестообразная погребальная часовня типа мавзолея Галлы Плакидии в Равенне.⁴⁰ Крестовокупольный тип⁴¹ был широко распространен в средневизантийское время в Константинополе и в архитектуре других византийских городов, в частности в зодчестве восточных городов и, среди них, в городах Малой Азии.

Киевская София представляет собой крестовокупольное здание.

Отличительной особенностью Киевской Софии является то, что она представляет собой пятинефный вариант крестовокупольного архитектурного типа, существенно отличающийся от трехнефного его варианта.

Средневизантийские церкви Константинополя были все, за очень немногими исключениями, пятинефными. Наоборот, в византийских областях огромное большинство средневизантийских крестовокупольных церквей были трехнефными, и только в немногих случаях известны в больших городах пятинефные крестовокупольные храмы. Среди последних для нас представляет некоторый интерес только церковь в Майфаркине в Месопотамии, X в.⁴² К ней присоединяется церковь в Мокви в соседней с Византией Абхазии, XI в.⁴³ Среди константинопольских построек средневизантийского времени особенно характерны и могут дать материал для сравнений следующие постройки: Атик⁴⁴ и Календер⁴⁵ второй половины IX в., северная церковь монастыря Липса, 908 г.,⁴⁶ Эски-Имарет, первой половины XI в., Молла-Гюрани, второй половины XI в.⁴⁷ и южная церковь монастыря Пантократора XII в. Перечисленные здания Константинополя образуют отчетливый исторический ряд памятников, дающих ясное представление о характере и развитии средневизантийской архитектуры Константинополя⁴⁸ (рис. 9—12).

Пятинефный крестовокупольный тип имел в XI в. широкое распространение в Киевском государстве. Ярослав построил в этом типе не только Киевскую Софию, но также и церкви Ирины⁴⁹ и Георгия.⁵⁰ Десятинная церковь, возведенная в X в. в форме трехнефного здания,

³⁹ E. Herzfeld. *Archeological History of Iran*. London, 1935; Monneret de Villard. *The Fire Temples*. — *Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archeology*, vol. 4, 1935. Dec., p. 175. A. Pope. *A survey of Persian Art*, London — New York I, 1938; II, 1939; IV, 1938.

⁴⁰ G. Ricci. *Sepolcro di Galla Placidia*. Roma, 1930.

⁴¹ G. Millet. *L'école grecque dans l'architecture byzantine*. Paris, 1916; автор справедливо различает между другими вариантами крестовокупольной церкви, следующие два варианта: 1) со вписанным крестом (напр., Русафа); 2) с обнаженным крестом (напр., мавзолей Галлы Плакидии). Причины, по которым Г. Чубинашвили (*Die Kirche in Zromi*. Tiflis, 1934. стр. 81) не считает возможным причислить церковь вне стен Русафы к крестовокупольному архитектурному типу, представляются мне неубедительными. Ср. J. Sauvaget. *Les Ghassanides et Sergiopolis*. Byzantion XIV, 1939, p. 115 ss.

⁴² G. Bell. *Churches and Monasteries of the Tûr Abdin*. Гейдельберг, 1913, стр. 31 сл.

⁴³ А. Павлинов. *Церковь в Мокви*. Материалы по археологии Кавказа. III. М., 1893, стр. 14 сл.; ср. И. Толстой, Н. Кондаков. *Русские древности*, IV. СПб., 1891, рис. 44—45; O. Wulff. *Altchristliche und byzantinische Kunst* (1915), рис. 410.

⁴⁴ *Byz. Ztschr.* XXXII, 1932. S. 57 ff.

⁴⁵ Там же, стр. 53 сл.

⁴⁶ *Belvedere*, 1926, SS. 217—236; O. Wulff. *Nachtrag*, S. 61 сл.

⁴⁷ *Byz.-Neogr. Jahrb.* 1932; O. Wulff. *Nachtrag*, S. 64.

⁴⁸ Приведенная литература весьма существенно дополняет и исправляет данные у J. Ebersolt.

⁴⁹ П. Эрнст. *К раскопкам у памятника св. Ирины*. — Юбилейный сб. Ист.-этногр. об-ва при Киевском университете. Киев, 1914, Отчет Археол. ком. за 1913—1915 гг. I, 1918, стр. 167 сл.

⁵⁰ Д. Милеев. *Вновь открытая церковь XI в. в Киеве*. — Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911, стр. 117 сл.

была в XI в. расширена и превращена в пятинефную крестовокупольную церковь. Софийские соборы в Новгороде⁵¹ и в Полоцке⁵² относятся к тому же архитектурному типу. Пятинефный крестовокупольный тип в XI в. был господствующим в Киевском государстве, причем в самом Киеве нам в это время известны целых четыре его представителя. Ни в одном византийском городе, кроме Константинополя, не сохранилось больше одного пятинефного крестовокупольного здания. Обилие послед-

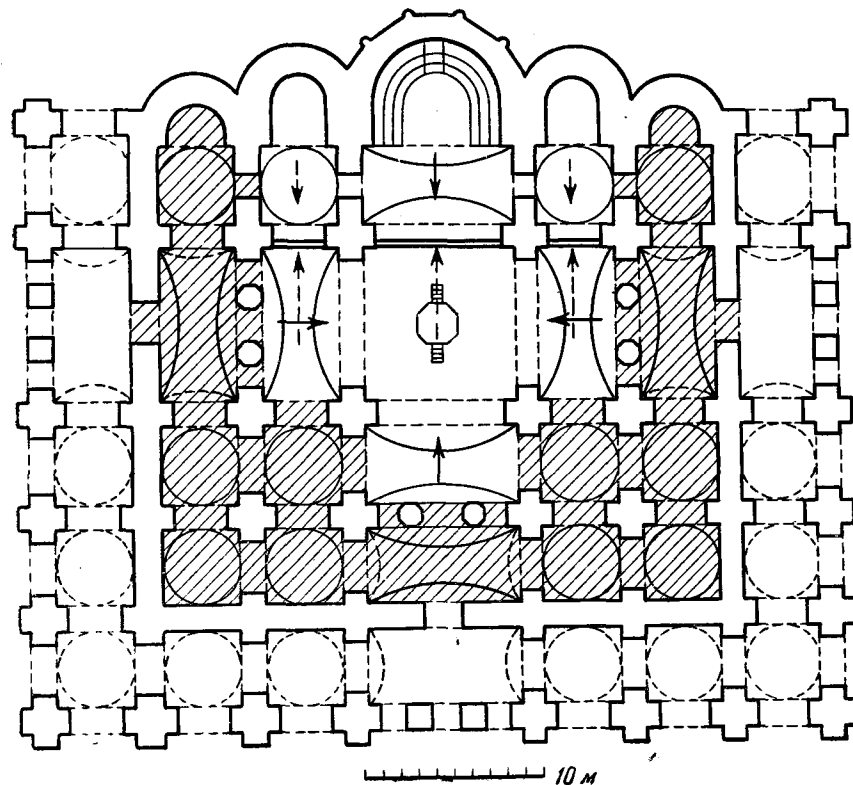

Рис. 9. План Софии в Киеве

них в Киеве составляет очень характерную особенность зодчества Киевского государства XI в.

Необходимо отметить основные причины широкого распространения пятинефного варианта крестовокупольной церкви. Оно объясняется большими размерами пятинефных зданий, отличающихся этим от скромных трехнефных построек. Поэтому их возводили во многочисленном Константинополе и в некоторых наиболее крупных городах Византийского государства. В Фессалониках, втором по величине и значению после Кон-

⁵¹ Новгородская София подробно изучается в настоящее время Институтом истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, готовящим развернутую монографию об этом памятнике. — *Проблемы архитектуры*. М., 1947.

⁵² К. Шероцкий. *Софийский собор в Полоцке*. Сборник в честь Д. В. Айналова II, 1916, стр. 77 сл.; И. Хозеров. *Полоцкое будаунитва старадауняга перыяду*. — *Працы камісіі гісторыі мастацтва I*. Минск, 1928; М. Шчакаціхін. *Навасы з гісторыі беларускага мастацтва I*. Минск, 1928; Н. Брунов. *Беларуская архітэктура ў XI—XII ст.* Зб. артыкулаў. Минск, 1928.

стантинополя византийском городе, была сооружена еще в конце VII — в начале VIII в. пятинефная крестовокупольная София. Большие пятинефные соборы построены в XI в. также в огромном Киеве, в Новгороде и Полоцке, где они в это время были единственными каменными церквами.

Две другие причины господства пятинефной крестовокупольной церкви в Константинополе относятся к функциональному назначению и к художественной композиции константинопольских церквей.

Отличительной особенностью столичного культа является его театральный характер. В константинопольских церквах широко распростра-

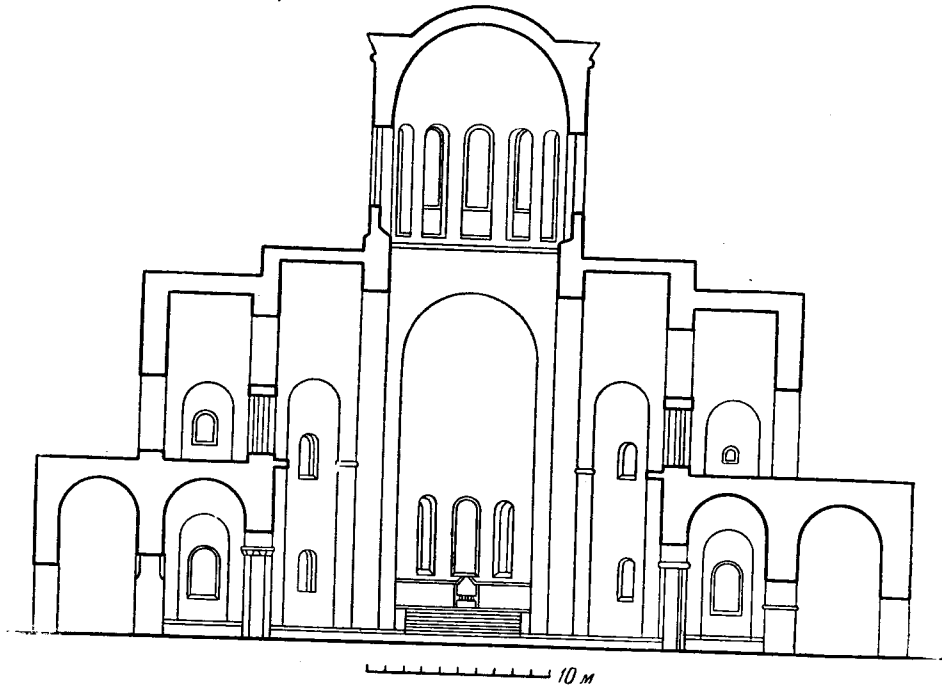

Рис. 10. Разрез Софии в Киеве

нено было богослужение Константинопольской Софии, влиявшее и на богослужение остальных столичных храмов.⁵³ Основой культовых действий в константинопольских церквах были процессии и церемонии, развертывавшиеся около амвона, расположенного под главным куполом. Смысл этих процессий заключался в том, что они в символической форме изображали события священной легенды. При этом по ходу действия амвон изображал, например, то пещеру, в которой, согласно легенде, родился Христос, то гору с крестом, на котором он был распят. Священнослужители изображали при этом различные

⁵³ С. Скабалаевич. Толковый типикон I. Киев, 1910; А. Беляев. Byzantina II, СПб., 1893; ср. Зап. Русск. археолог. об-ва VI, 1893, стр. 144 и Прибавл. к творен. св. отцов, 26, 1830, стр. 1004. J. Ebersolt. Sainte Sophie de Constantinople. Paris, 1910; G. Anrich. Das antike Mysterienwesen in seinem Einfluss auf das Christentum. Göttingen, 1894; L. Bréhier. L'art byzantin et le théâtre, в L'art byzantine. Paris, 1924; H. Koestlin. Geschichte des christlichen Gottesdienstes. Freiburg, 1887.

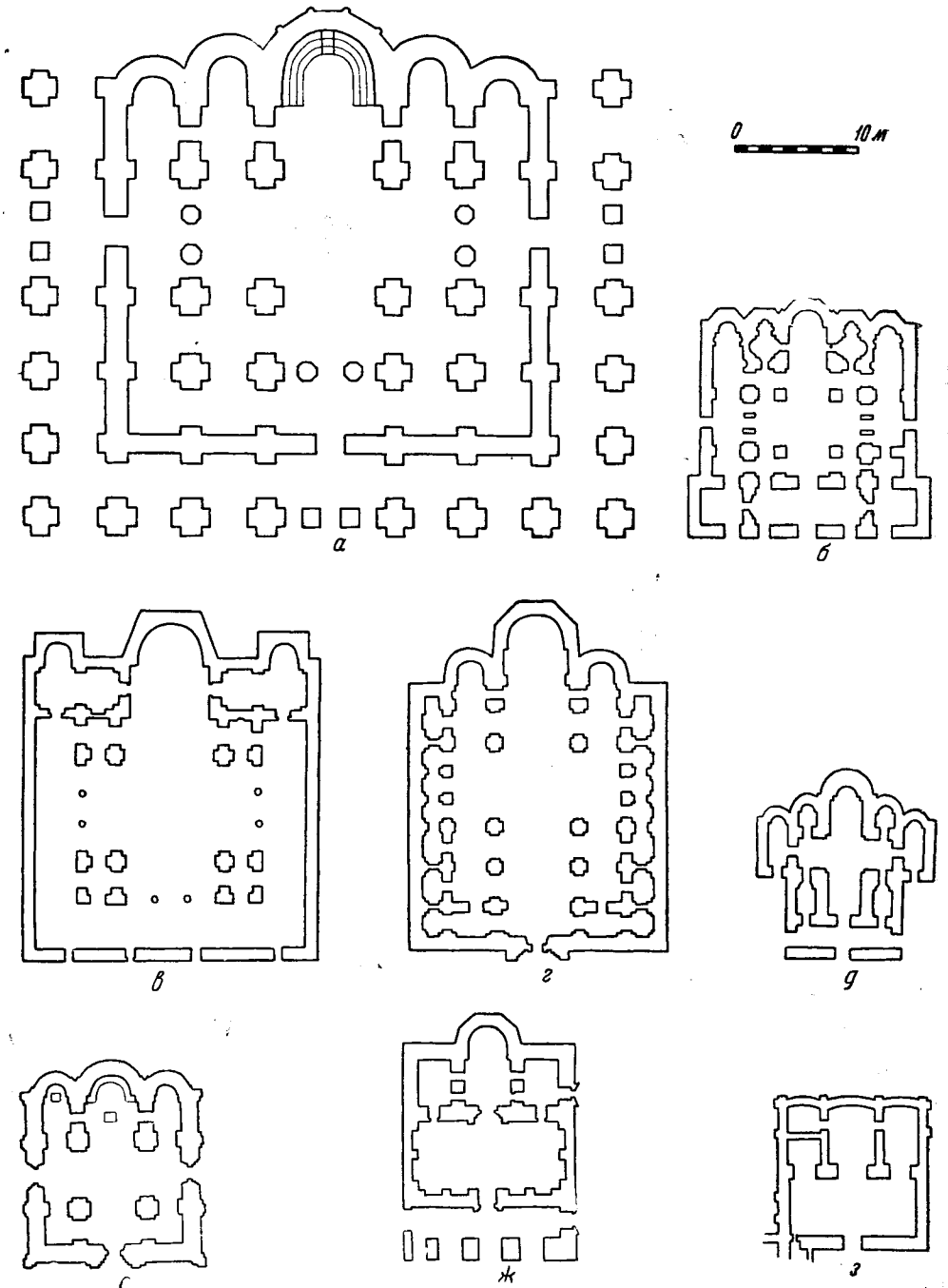

Рис. 11. Планы в одном масштабе: а — София в Киеве; б — Северная церковь монастыря Липса в Константинополе; в — церковь в Майфаркине; г — церковь в Мокви; д — церковь в Херсонесе; е — собор в Переяславле Залесском; ж — церковь в Сала в Месопотамии; з — Путинковская церковь в Москве

персонажи священной легенды, причем старший из них исполнял роль Христа. Такой характер богослужения объясняет нам, почему византийские богословы называли церковь театром (*θέατρον ἁπλαστον καὶ πνευματικόν*),⁵⁴ а латиняне обычно отмечали театральность константинопольского культа.

Театральность культовых действий является причиной расчленения интерьера церковного здания в Константинополе на центральную часть и на крайние боковые нефы пятинефной церкви. Центральная часть — большая, просторная, завершенная куполом над амвоном; крайние боковые нефы — узкие, низкие и обычно имеют хоры. Центральная часть пред-

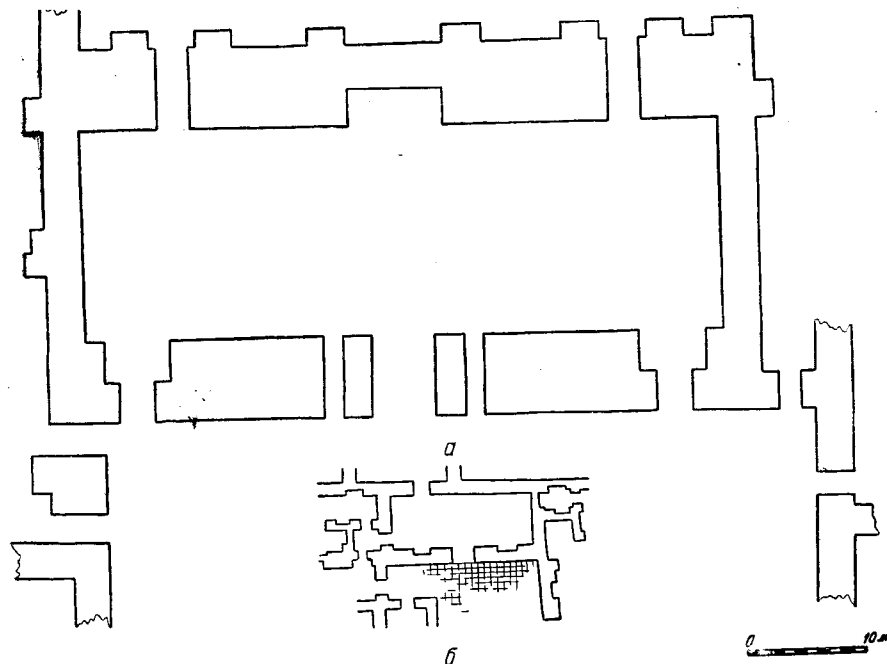

Рис. 12. Планы в одном масштабе: а — тронный зал дворца в Вавилоне; б — приемная комната жилого дома в древнем городе Ур в Месопотамии

назначена для культовых процессий, крайние боковые нефы — для присутствующих при культовых действиях, для зрителей этого церковного театра (*θέατρον*). Разделение церковного интерьера на помещение для культовых церемоний и на помещения для зрителей закреплялось в архитектурно-композиционном отношении противопоставлением средней купольной части и открывающихся на нее внутренних галлерей. В византийских церквях Константинополя купол очень сильно выделяет центральную точку интерьера, в которой расположен амвон. Это говорит о том, что в константинопольских храмах амвон был главным культовым центром, преобладавшим над алтарем.

Архитектурная композиция средневизантийских константинопольских церквей пятинефного крестовокупольного типа связана с эллинистической художественной традицией. Противопоставление большого и светлого центрального пространства окружающему его внутреннему обходу, откры-

⁵⁴ W. Gass. *Symbolik der griechischen Kirche*. Berlin, 1872. S. 299.

вающемуся в него аркадами, восходит, через посредство Константинопольской Софии, к эллинистическому перистиллю. В пятинефных крестовокупольных церквях Константинополя IX—XII вв. существенную роль играет контраст различных по форме и различно освещенных пространств центральной части и внутреннего обхода, унаследованный от эллинистических перистиллей.

Достаточно одного взгляда на рис. 11, чтобы убедиться в том, каким выдающимся архитектурным произведением является Киевская София, по сравнению с современными ей византийскими постройками. Несравненно крупнее масштабы ее архитектуры, свидетельствующие о грандиозном по тому времени размахе архитектуры Киевского государства. Очень своеобразен, свеж и убедителен самый архитектурный замысел Киевской Софии, превосходящий аналогичные византийские композиции.

Характерно, что в Киевской Руси был в XI в. принят богослужебный устав Константинопольской Софии, в котором церковно-театральный момент был развит особенно сильно.⁵⁵ Наглядное представление о том, каковы были эти символические драматизированные изображения событий священной легенды, дают, например, сохранившиеся описания так называемого Пещного действия, имевшего место в наиболее выдающихся русских церквях, начиная с Софийских соборов XI в.⁵⁶ Театрализованному характеру культа соответствует в Киевской Софии разделение ее интерьера на высокую одноярусную центральную часть и на окружающие последнюю более низкие помещения с хорами.

Особенности, присущие как Киевской Софии, так и константинопольским церквам, отступают на второй план перед очень существенными чертами различия между ними.

Больше всего бросается в глаза то, что Киевская София выстроена в простом варианте крестовокупольного архитектурного типа,⁵⁷ в то время как все известные нам византийские пятинефные крестовокупольные здания обнаруживают сложный его вариант. Последнее относится также и к провинциальным византийским представителям этого типа и к церкви в Мокви. Сущность этого различия заключается в том, что, например, в северной церкви монастыря Липса (рис. 11 б) в плане господствует квадрат и преобладает центрическое начало: подкупольный квадрат, расчлененный четырьмя свободно стоящими в интерьере столбами, окружен двумя concentрическими рядами помещений. Первый ряд, внутренний, состоит из четырех ветвей креста, между которыми находятся четыре угловых помещения; второй, внешний, состоит из нартекса, крайних боковых нефов и трех помещений алтаря средней части. Вся композиция внутренних помещений строится вокруг центрального подкупольного квадрата, вокруг амвона.

Наоборот, план Киевской Софии (рис. 11 а) представляет собой прямоугольник, несколько вытянутый вширь, с юга на север. Это зависит от того, что в восточной части здания отпало, по сравнению с константинопольским зданием, одно деление плана. В Киевской Софии центральный подкупольный квадрат, как и в Константинополе, окружен четырьмя

⁵⁵ М. Приселков. *Очерки по церковно-политической истории Киевского государства X—XII вв.* СПб., 1911.

⁵⁶ А. Дмитриевский. *Пещное действие*. — *Виз. Врем.* I, 3—4, 1895, стр. 1 слл.; М. Савинов. *Пещное действие в Софийском соборе в Вологде*. — *Рус. филол. вестник.* XXIII. Варшава, 1890, стр. 24 слл.

⁵⁷ K. Michel, A. S'ruock. *Die mittel-byzantinischen Kirchen Athens*. — *Athenische Mitteilungen.* 1906, S. 279 ff.; G. Millet. *L'école grecque dans l'architecture byzantine.* Paris, 1916, p. 56.

ветвями креста, между которыми расположены четыре угловых помещения. Разница состоит в том, что алтарь не примыкает, как в Константинополе, в качестве самостоятельной части интерьера к этой девятидольной крестовокупольной основе здания, а как бы вдвинут внутрь последней. В Софии Киевской восточная ветвь креста и восточные угловые помещения не являются, как в церкви монастыря Липса, частью помещения для молящихся, — они являются алтарными помещениями. Вследствие этого восточная пара столбов под главным куполом не стоит свободно, как в Константинополе, а слилась со стенками между апсидами, отделяющими друг от друга различные части алтаря. Алтарная преграда в Константинополе отделяла восточную ветвь креста и восточные угловые помещения от алтарной части; в Киевской Софии алтарная преграда расположена между восточной парой столбов, несущих главный купол. В итоге восточная ветвь креста и восточные угловые помещения расположены в Константинополе к западу от алтарной преграды, в Киеве — к востоку от нее. В Константинополе они составляют часть помещения для молящихся, в Киеве — часть алтаря. Вследствие этого в Киевской Софии, в восточной ее части, отпало, по сравнению с константинопольскими зданиями, одно поперечное деление плана, алтарь оказался вдвинутым в центральную часть церкви, алтарная преграда — передвинутая на одно деление к западу. Именно поэтому общая форма плана Киевской Софии не квадратна, как в Константинополе, а прямоугольна и несколько вытянута в ширину. Это явление целиком подходит под определение „простой вариант крестовокупольного типа“, в то время как константинопольские здания являются представителями его „сложного варианта“. Однако в сочетании с пятиглавой разновидностью крестовокупольного здания простой вариант последнего встречается только в русской архитектуре.

Необходимо отметить другие существенные отличия Киевской Софии от константинопольских зданий.

В Киевском соборе все его части перекрыты сводами, в то время как в Константинополе сводами перекрывалась только центральная часть здания, а крайние боковые нефы имели деревянное перекрытие; в них были устроены хоры, для которых характерны деревянные настилы, служившие полами хор и потолками для помещений нижнего яруса. С этим связана в Киевской Софии очень последовательно проведенная по всему зданию система крестообразных, т. е. квадратных, столбов, к которым приставлено с каждой стороны по лопатке, причем на стенах имеются лопатки, соответствующие лопаткам столбов. Все эти лопатки соединены друг с другом арками, поддерживающими своды. В итоге образована проходящая через все здание система крестообразных столбов, связанных друг с другом арками и отчетливо расчленяющих интерьер на отделенные друг от друга ячейки. В Константинополе, наоборот, подкупольные столбы имели квадратную форму или их заменяли колоннами. В Салониках и в Майафаркине сохранена константинопольская система перекрытия центральной части сводами, а внутреннего обхода — деревом. В Мокви здание целиком перекрыто сводами, а столбы имеют крестообразную форму; однако в Мокви лопатки выступают из уровня столбов и стен гораздо меньше, чем в Киеве, а на наружных стенах совсем отсутствуют. В архитектурно-композиционном отношении развитая система крестообразных столбов Киевской Софии очень важна: именно она создает прекрасное расчленение интерьера Софии в Киеве на множество частей, отчетливых по форме и гармонично соединенных друг с другом. Такое расчленение неизвестно в византийских зданиях.

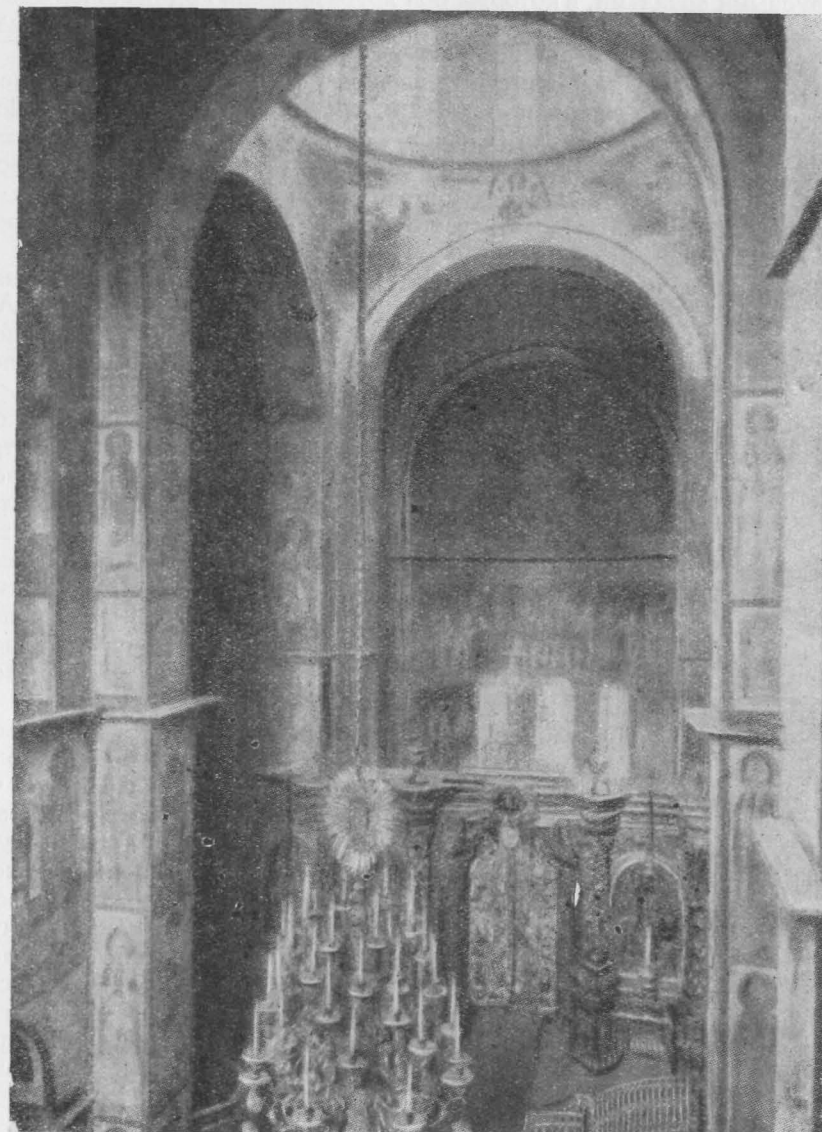

Рис. 13. Интерьер Софии в Киеве. Вид на восток

Существенным отличием Киевской Софии от константинопольских зданий являются ее развитые хоры, высота которых примерно равна высоте помещений под ними. Вследствие этого центральная часть опоясана двухъярусными аркадами, в которых оба яруса примерно одинаковой высоты. Наоборот, в Константинополе в средневизантийское время хоры всегда гораздо ниже, чем помещения, находящиеся под ними, которым они подчинены в композиционном отношении. Хоры одинаковой высоты с помещениями, находящимися под ними, типичны для ранневизантийской архитектуры Константинополя (София, Сергей и Вакх, Виталий в Равенне и Сан-Лоренцо в Милане, тесно связанные с константинопольской архитектурной школой). Однако кое-где в византийском зодчестве эта особенность продолжает существовать еще и в средневизантийское время, в то время как в столице было выработано новое соотношение хор и расположенных под ними галлерей. Об этом свидетельствуют здания, построенные в других архитектурных типах, например церковь Луки в Фокиде⁵⁸ или Сан-Марко в Венеции, оба XI в. Отмеченная особенность характерна также для пятинефных крестовокупольных Софии в Салониках и церквей в Майафаркине и Мокви.

Существенной особенностью Софии в Киеве является также одинаковая форма трех ветвей ее креста, отделенных тройными аркадами от внутреннего обхода. В большинстве константинопольских церквей западная ветвь отделена от внутреннего обхода глухой стеной, что связано с устройством замкнутого нартекса. Одна Календер, второй половины IX в., имела западную ветвь креста, открывавшуюся тройной аркадой во внутренний обход. Это говорит о том, что аналогичное устройство могло иметь место также и в других, не дошедших до нас, зданиях Константинополя. Подтверждением этому служит церковь в Майафаркине, где три ветви креста оканчиваются тройными аркадами. Первоначальное устройство западной ветви креста в Мокви остается необследованным.

Очень существенно отличие Киевской Софии от константинопольских церквей в отношении устройства алтарной части. В Константинополе боковые помещения алтаря имеют замкнутый характер, вследствие чего только средняя апсида открывается внутрь главной части интерьера. Наоборот, в Киевской Софии все три апсиды центральной части здания открыты во всю их высоту в главное помещение собора. В этом отношении церковь в Майафаркине (рис. 11 в) примыкает к константинопольским постройкам, церковь в Мокви (рис. 11 г) имеет три открытые внутрь главной части апсиды. Все же Киевская София существенно отличается от Мокви тем, что в ней три открытые апсиды сочетаются с простым вариантом крестовокупольного храма, в Мокви — со сложным вариантом. Вследствие этого апсиды Киевской Софии, ближе придвинутые к центральной части интерьера, гораздо больше выделены в композиции интерьера.

Наиболее существенными чертами сходства Киевской Софии со зданиями Константинополя являются центрическая композиция с расчленением интерьера на центральное пространство и окружающий его внутренний обход, а также сложная композиция внутреннего пространства, родственная Константинопольской Софии и эллинистическому зодчеству. Вследствие расчленения внутреннего пространства Киевской Софии на центральное помещение и внутренний обход, вследствие устройства в последнем хор и расчленения средней части здания на ветви креста,

⁵⁸ R. Schultz, S. Barnsley. The Monastery of Saint Luke of Stiris in Phocis. London, 1901.

Рис. 14. Интерьер Софии в Киеве. Вид на северо-восток

интерьер Киевской Софии насыщен богатством разнообразных эффектных перспектив, открывающихся из одних частей здания в другие. Двухъярусные тройные аркады, повернутые в три четверти, видные в пересечении их арками, сочетание разнообразных пространственных планов, сложные композиции арок, сводов и куполов, живописное чередование различно освещенных помещений — все это очень обогащает интерьер и насыщает его привлекательными и приятными для глаза зрительными образами. Для них характерны смелые ракурсы, смена разнообразных архитектурных мотивов, сложные пересечения одних форм другими, тонущие в полумраке помещения, на фоне которых выделяются ярко освещенные части интерьера, живое, вибрирующее пространство которых наполняется золотым блеском мозаик.

Детальное сравнение интерьера Киевской Софии (рис. 13—18) с интерьерами современных ей храмов Константинополя заставляет утверждать, что имеющиеся между ними черты отличий очень существенны.

Тройная аркада хор Эски-Имарет является характерным мотивом константинопольской архитектуры, трактованным в Киевской Софии совершенно иначе (ср. рис. 15 и 19).

В Константинополе преобладает пространство, в Киеве — объем. Легкие мраморные колонны константинопольской аркады овеяны пространственной средой, в которой они как бы растворяются. По своей толщине они много раз укладываются в проемы аркады. Две колонки как бы только подразделяют единый проем тройной аркады.

В Киеве тонкие колонки заменены массивными кирпичными столбами. Их толщина почти равна ширине проемов аркады. Столбы преобладают над проемами, они стесняют их своим объемом. В Киеве тело столбов, объем преобладает над пространством.

Колонки аркады хор Эски-Имарет имеют характер карликовых форм, они миниатюрны и утонченны, на них лежит печать замкнутой, тепличной, проникнутой мистикой аристократической культуры константинопольской знати средневизантийского времени.

Столбы аркад Киевской Софии мощны и монументальны. В них нашло себе выражение полнокровное и здоровое народное чувство телесного. Эти аркады гораздо ближе к величественным формам древнеримской архитектуры, чем выросшие в искусственной среде средневизантийской придворной знати, оторвавшейся от истоков народного творчества, тепличные формы константинопольских церквей XI в. Аркады и столбы Киевской Софии отмечены печатью архаичности, они суровы, замкнуты, сдержанны и коренасты. Этот этап развития русского зодчества глубоко отличен от современной ему константинопольской архитектуры, живущей прошлым и представляющей собой утонченный, изощренный, заключительный этап тысячелетнего развития античного зодчества.

Сделанные наблюдения необходимо распространить на трактовку всего интерьера Софии в Киеве, взятого в целом. В Константинополе легкие квадратные подкупольные столбы, или, тем более, колонны, обтекаемые пространством, способствуют преобладанию в интерьере пространственного начала. Этому соответствуют своды ветвей креста без подпружных арок, подобные легким пологам, взлетающим вверх под действием ветра. Интерьеры константинопольских церквей полны пространственности, унаследованной ими от эллинистической архитектуры. Воздушная среда как бы свободно переливается из одних частей интерьера в другие, связывая их друг с другом и насыщая вну-

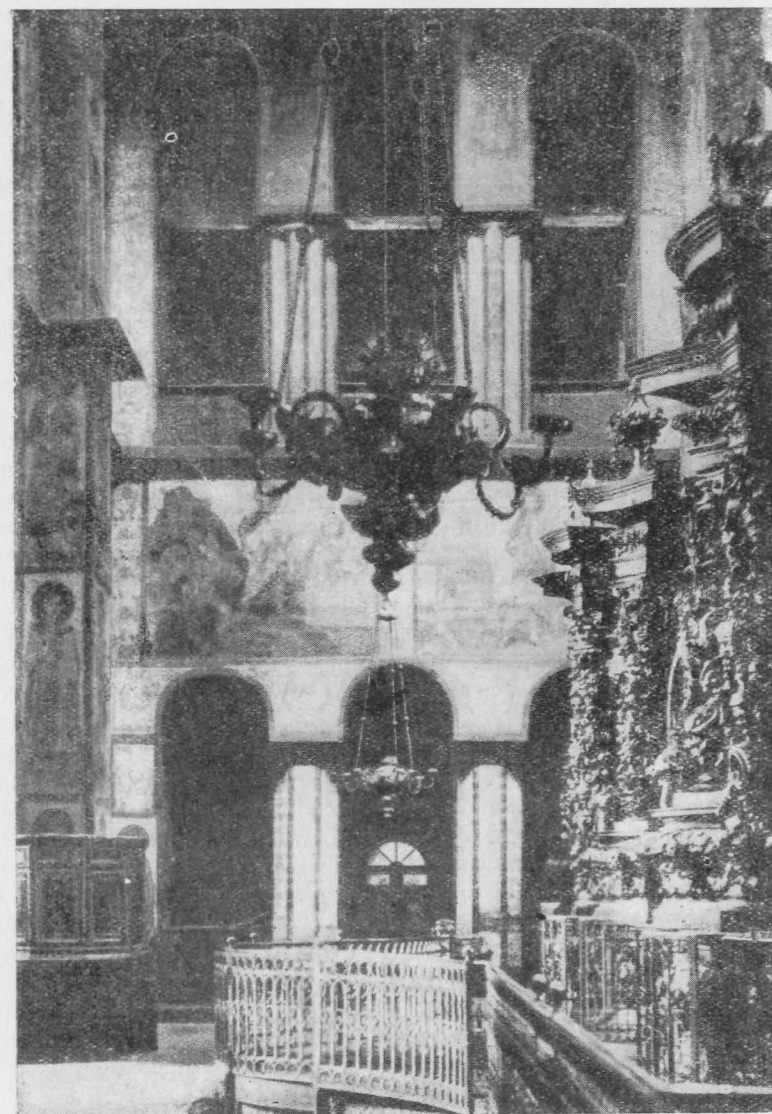

Рис. 15. Интерьер Софии в Киеве. Вид на северную ветвь креста из подкупольного помещения

треннее пространство движением, пронизывающим его во всех направлениях.

В Киевской Софии лоптки, очень сильно выступающие из стен и столбов, соединенные друг с другом мощными арками, создают преобладание массы столбов и стен, арок и сводов над пространством, которое они в себе заключают (рис. 13—18). Это придает интерьеру гораздо более тяжеловесный и телесный характер. Движение внутреннего пространства парализуется лоптками и арками: вклиниваясь между отдельными частями интерьера, последние отчетливо отделяют их друг от друга. Внутреннее пространство все охвачено лоптками и арками, образующими как бы клетки, расчленяющие интерьер на отдельные части, имеющие отчетливую форму. Вследствие этого разнообразие живописных перспектив ослабляется, зато усиливается четкое расчленение интерьера на относительно самостоятельные ячейки, из которых одни преобладают над другими, что создает композиционную связь их друг с другом.

Отмеченные отличия интерьера Киевской Софии от константинопольских церквей свидетельствуют о том, что в русском здании преобладает телесное начало и связанное с ним простое и ясное расчленение интерьера.

Сравнительное изучение наружных форм Киевской Софии и константинопольских зданий позволяет сделать аналогичные наблюдения. Это убеждает в том, что живое чувство материи, которое нашло себе выражение в архитектурной композиции Киевской Софии, унаследовано от предыдущего этапа развития русского зодчества. Оно получило дальнейшее развитие на последующих ступенях эволюции русской архитектуры.

Архитекторы, выстроившие Софию в Киеве, были знакомы с новейшими достижениями столичной византийской архитектуры. Об этом свидетельствуют кладка Софии и карликовые ниши, которыми украшены ее апсиды.

Отличительной особенностью кладки Софии в Киеве (рис. 20 и 21) являются широкие слои цемьянки между рядами кирпича. Между каждыми двумя соседними рядами кирпича, выступающими на поверхность, за цемьянкой скрыт промежуточный ряд кирпича, не доведенный до поверхности стены. Благодаря такому приему кладки поверхности стен имеют полосатый характер: ряды кирпича, толщиной 3—4 см, чередуются с широкими слоями цемьянки, достигающими 11—12 см. Вследствие этого создаются вибрирующие поверхности стен приятного темнорозового тона, получающегося вследствие частого чередования большого количества светлорозовых широких полос цемьянки с узкими красными кирпичными полосами. Такая кладка неизвестна в Константинополе до половины XI в.⁵⁹

Система карликовых ниш, покрывающих апсиды средневизантийских константинопольских церквей, постепенно развивалась на протяжении X в. Поверхности апсид северной церкви монастыря Липса 908 г. и погребальной церкви императора Романа Лекапена (Будрум) 940 г.,⁶⁰ имеют только зачаточные формы подобных ниш. Эски-Имарет имеет их в еще не вполне развитой форме, и только средняя апсида Молла-Гюрани обнаруживает развитую систему карликовых ниш. Эту апсиду и следует сравнивать с апсидами Софии в Киеве.

⁵⁹ Н. Брунов. К вопросу о восточных элементах византийского зодчества. Труды Ин-та археол. и искусствозн. РДНИОН, 1929, стр. 24 сл.; *Byz. Ztschr.* XXVI, 1926. Табл. I, II; *Revue des études grecques* XXXIX, 1926, стр. 20 сл.; Th. Schmidt. *Die Koimesis-Kirche von Nikaiä*. Berlin 1927. Tabl. II; G. Millet. *L'ancien art serbe. Les églises*. Paris, 1919 (Церковь в Куршумляе в Сербии XII в.); его же *L'école grecque*. Рис. 86 и 87 на стр. 171.

⁶⁰ *Belvedere*, 1926. Рис. 21.

Рис. 16. Интерьер Софии в Киеве. Вид из подкупольного помещения на юго-запад

Рис. 17. Интерьер Софии в Киеве. Вид из южного крайнего нефа на центральную часть

Сравнение оконных проемов средних апсид Киевской Софии и Молла-Гюрани (ср. рис. 22 и 23) приводит к тем же выводам, что и сравнение друг с другом аркад хор. В Константинополе — единый воздушный проем, только слегка подразделенный двумя тоненькими карликовыми колонками. В Киеве — массивные столбы сильно отделяют друг от друга три разоб- щенных оконных проема; они господствуют над последними и как бы зажи- мают пространство проемов. Наиболее существенно преобладание в Киевской Софии телесной массы. В Молла-Гюрани проем окна занимает в высоту бо́льшую часть апсиды, в Киевской Софии — меньшую. Это находит себе выражение в том, что в ней над окнами расположено два ряда ниш, в то время как в Молла-Гюрани над окном помещается только один. Вследствие этого в константинопольской апсиде господствует простран- ство оконного проема, в киевской — стена и масса апсиды. В Молла- Гюрани ниши — полуциркульные в плане, в Софии — плоские.

Поэтому константинопольские ниши как бы разрушают стену, киев- ские — не нарушают поверхности стены, что придает ей монументаль- ный характер.

В целом обработка апсиды Молла-Гюрани создает образ искус- ственной, изощренной, упадочной архитектуры. Через доминирующий в ней тройной оконный проем внутреннее пространство сообщается с про- странством природы. Большой оконный проем и ниши над ним растворяют объем апсиды в пространстве. Ниши над окном, благодаря своему полуцир- кульному плану, как бы втягивают пространство в оставшуюся узкую полосу стены над окном. Вследствие этого в стену проникает окружающая атмо- сфера, с которой сливается наружный объем здания и в которой как бы раство- ряется его поверхность. Все это придает зданию призрачный и фантастиче- ский характер, очень усиленный карликовыми пропорциями архитектур- ных форм.

В Киевской Софии господствует телесная масса апсиды. Окно зани- мает лишь небольшую часть последней, оно еще менее значительно на вид, так как его проем разбит на три разоб- щенные части, подавляемые мощными столбами. Последние восстанавливают цельность телесного объема апсиды, подчеркивая массу. Над окнами преобладает глубокая верхняя часть апсиды. Плоские ниши не только не растворяют поверхности стен, но, наоборот, подчеркивают ее материальность.

Благодаря всем этим особенностям в Киевской Софии доминирует мощный, монументальный и величественный телесный объем, родствен- ный земляным сооружениям предшествующего периода.

Обратимся еще раз к многоглавию Киевской Софии. Мы не найдем его ни в Константинополе, ни в зодчестве византийских провинций, однако пятиглавые церкви встречаются в византийской архитектуре. Византийское пятиглавие глубоко отлично от многолавия Софии в Киеве: византийские барабаны куполов обычно расставлены широко и свободно, каждый из них отчетливо отделяется от соседнего и пред- ставляет собой самостоятельный объем. Барабаны Киевской Софии тесно прижаты друг к другу: они сливаются в один общий, очень компактный пирамидальный массив.

ОТЛИЧИЯ СОФИИ В КИЕВЕ ОТ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В МАЛОЙ АЗИИ

Торговые и культурные связи Киевской Руси с византийскими горо- дами Малой Азии отличались очень оживленным характером. Связую- щими звеньями между ними были расположенное на Таманском полу-

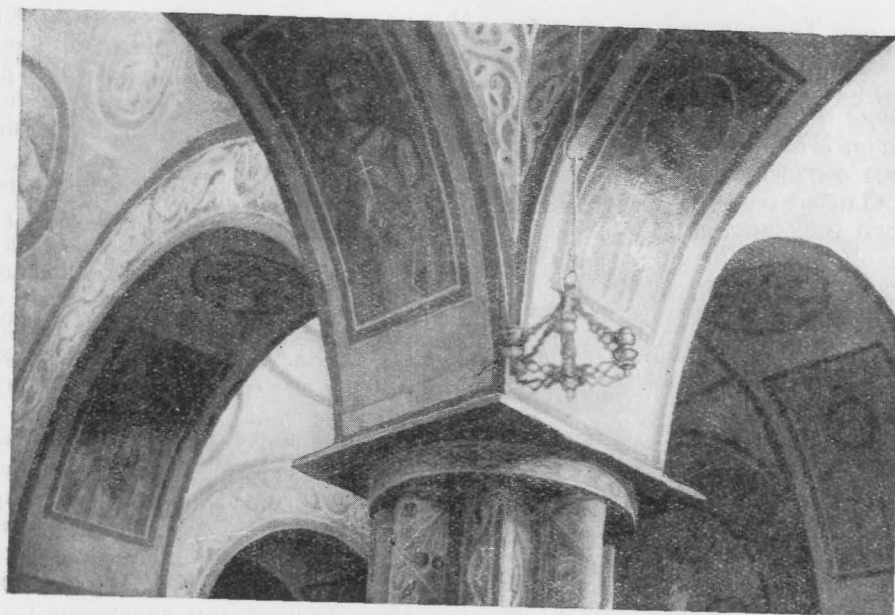

Рис. 18. Интерьер Софии в Киеве. Юго-западное угловое отделение хор

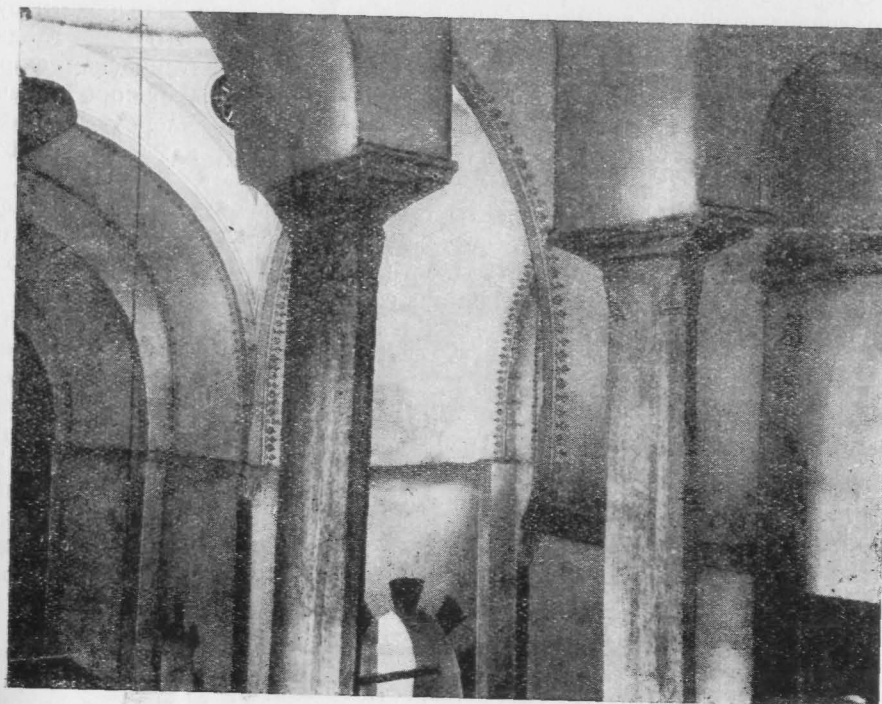

Рис. 19. Интерьер Эски-Имарет в Константинополе

острове Тмутараканское княжество,⁶¹ в которое входила восточная часть Крыма, а также византийские города Крыма, некогда — греческие колонии. На противоположном берегу Черного моря главными портами были Трапезунд и Синоп, с которыми наши предки постоянно поддерживали сношения. Это делает вероятным, что русские архитекторы XI в. были знакомы с византийскими постройками в Малой Азии.

Однако разница между архитектурой Малой Азии и зодчеством Киевского государства заключается в следующем. Византийская архитектура Малой Азии сильно зависит от зодчества Константинополя, развитие которого она отражает. Малоазиатская архитектура является провинциальным течением византийского зодчества. Наоборот, в Киеве в X—XIII вв. сложился крупный самостоятельный центр развития архитектуры. Это стало возможным благодаря замечательной восточнославянской архитектурной традиции и архитектурной культуре, сложившейся на протяжении длительного развития во времена язычества.

Архитектура Киевской Софии очень существенно отличается от византийской архитектуры в Малой Азии. Последняя известна довольно хорошо, и все же невозможно привести близкую аналогию древнейшему сохранившемуся произведению русской архитектуры. Церковь в Майафаркине является некоторой отдаленной восточновизантийской аналогией Киевской Софии. Она возведена в период, непосредственно предшествовавший постройке последней. Сравнение их друг с другом вскрывает столь существенные отличия между ними, что черты сходства отступают на второй план. Киевская София является русским памятником и образует органическое звено развития русского зодчества.

Очень существенным различием между постройками Малой Азии в средневизантийское время и Софией в Киеве является трактовка наружного архитектурного объема. Здания Малой Азии имеют обычно гладкие стены, из которых складывается очень простая геометрическая форма целого. Наружный объем малоазиатских зданий представляет собой обычно очень простой цельный параллелепипед, несколько расчлененный только в верхних своих частях. Этому соответствует тесаный камень в качестве строительного материала.

Наоборот, наружный объем в основном кирпичной Киевской Софии очень расчленен, что связано с ее тринадцатиглавием, сложившимся под влиянием русского деревянного зодчества, а также с ярусностью закомар и наружной галлереей, происходящими из того же источника.

Система крестообразных столбов и лопаток Киевской Софии отдаленно напоминает некоторые архитектурные памятники Малой Азии, древней Месопотамии и античности.⁶² Сходство заключается в применении столбов с приставными лопатками. В интерьерах церквей Малой Азии, например, в Хрисокефалос в Трапезунде (рис. 24), постройке X в.,⁶³ имеются крестообразные столбы. В церкви Иоанна в Керчи (рис. 25), VIII в.,⁶⁴ крестообразные столбы сочетаются с колоннами, а стены прорезаны лишь очень небольшими оконными проемами. Это напоминает византийскую архитектуру Малой Азии, с которой была связана византийская архитектура Крыма. В Херсонесе была раскопана пятинефная

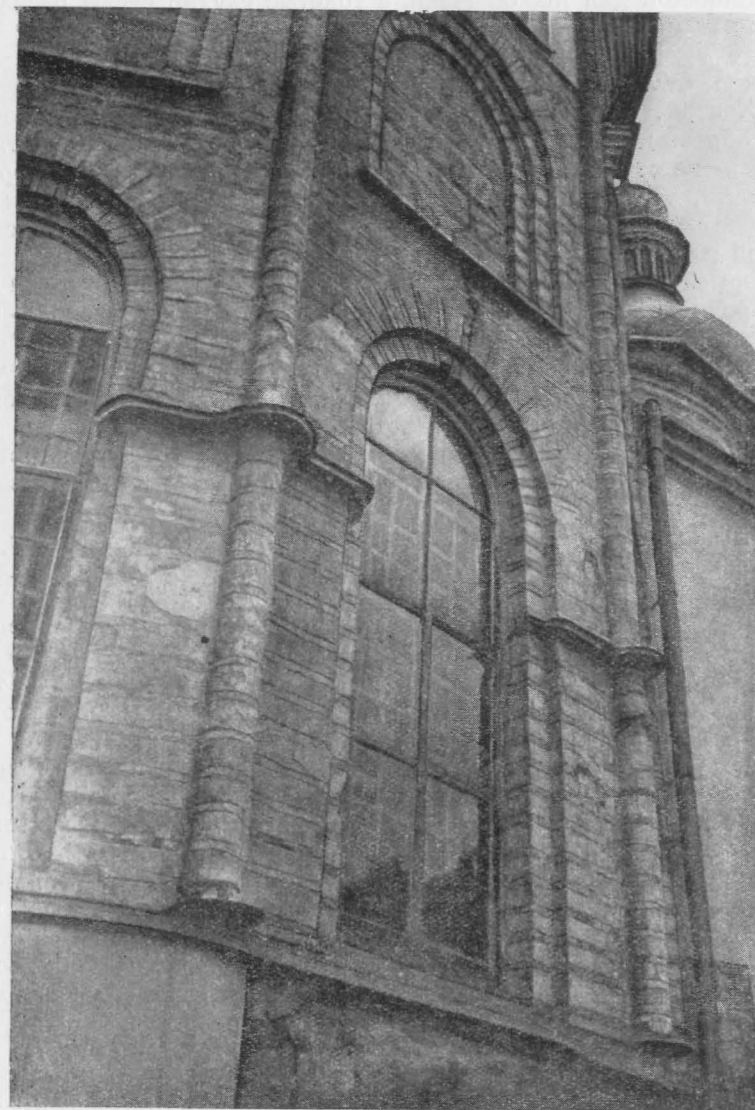

Рис. 20. Средняя апсида Софии в Киеве

⁶¹ А. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. — Истор. зап. 1940, № 8, стр. 79 слл.

⁶² R. Voyn. Altertümer von Ägä. Berlin, 1839. Рис. 16, стр. 14 слл.

⁶³ G. Millet. Le monastère et les églises de Trébizonde. — Bull. de correspondance hellénique XIX, 1895; Ср. Byzantion IV. Bruxelles, 1929.

⁶⁴ Н. Брунов. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи. — Виз. Врем. XXV, 1927, стр. 87 слл., рис. 3.

крестовокупольная церковь 7 в.⁶⁵ (рис. 11 д), которую необходимо сравнить с Киевской Софией.

В отличие от последней херсонесское здание выложено каменной кладкой, типичной для Малой Азии, а толстые глухие стены расчленяют интерьер на множество совершенно разобщенных замкнутых помещений.

Глубокое отличие архитектуры Киевской Софии от архитектуры церквей Хрисокефалос в Тапезунде и Иоанна в Керчи заключается главным образом в том, что малоазиатская и крымская византийские церкви носят на себе следы влияния константинопольской миниатюрности, изощренности, упадочности архитектурных форм, в то время как Киевская София — величественна и монументальна, она глубоко связана с народной деревянной архитектурой.

Некоторые черты сходства Киевской Софии с церковью в Мокви могут породить мысль, что архитектура первой — кавказского происхождения. Это предположение отпадает при сравнении наружного облика церкви в Мокви и Киевской Софии (ср. рис. 22 и рис. 26), они глубоко отличны друг от друга.⁶⁶ Некоторое сходство их планов объясняется сходством функционального назначения этих двух построек.

Главный Киевский собор выстроен в типе простого варианта пятинефной крестовокупольной церкви. Мы не наблюдаем этого явления ни в Константинополе, ни в Малой Азии.

В византийской архитектуре Малой Азии был распространен простой вариант трехнефного крестовокупольного здания. Он возник под влиянием особого типа восточновизантийской церкви, отличительной особенностью которой является выгнутая в ширину форма главного помещения. Церковь в Сала в Месопотамии (рис. 11 ж) — характерный пример таких зданий.⁶⁷ Для нее типичны толстые стены, в которых имеются только небольшие окошки — щели; ее внутреннее пространство распадается на отдельные замкнутые помещения.

Выгнутая в ширину форма главной части, предназначенной для молящихся, представляет собой помещение для молитвы. В восточных провинциях Византии богослужебный ритуал сильно отличался от столичного: он был гораздо проще, в нем отсутствовал театрально-драматический элемент и господствовала молитва,⁶⁸ т. е. обращение со своими просьбами к высшей силе, которую фантазия людей того времени рисовала в виде „царя небесного“, наподобие реально существовавшего византийского царя. „Царь небесный“, восседал на алтарном столе, называвшемся престолом, т. е. тронном. В это тронное помещение, т. е. в алтарь, вели „царские двери“, само оно было отделено глухой стеной от присутствующих. Главное помещение представляло собой пространство, вытянутое вширь перед алтарной стеной. Входящий в него оказывался как бы зажатым между алтарной и входной стенами, свободное пространство открывалось только по сторонам. Сама форма интерьера заставляет вошедшего принять

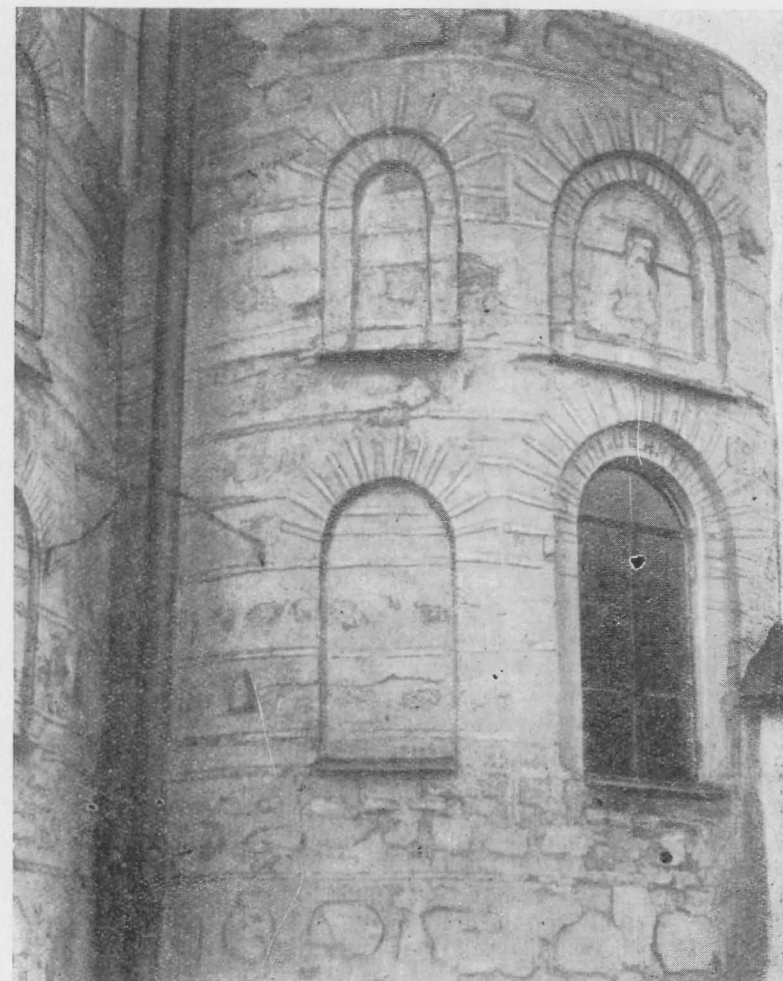

Рис. 21. Южная боковая апсида Софии в Киеве

⁶⁵ Д. Айналлов. Памятник христианского Херсонеса I. М. 1905. Отчет Археол. Ком. за 1906 г. СПб., 1909, стр. 6 слл.; *L'art Byzantin chez les Slaves II*. Paris, p. 25 слл.; ср. Б. Греков. Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь. — Изв. Тавр. архивн. ком. III (60) Симферополь, 1929.

⁶⁶ Об этом подробно — *Byzant. Zeitschr.*, XXVII, 1927, S. 64 ff.

⁶⁷ А. Baumstark. *Oriens Christianus*. Нов. сер. V, 1915, S. 111 ff.; W. Bayer. *Der syrische Kirchenbau*. Berlin, 1925; H. Kohl. *Kasr-Firaun*. Leipzig, 1910; H. Glück. *Der Breit- u. Langhausbau in Syren*. Heidelberg, 1916.

⁶⁸ Gerbert. *Scriptores ecclesiastici de musica sacra*. San Blasii, 1784 I. 2; Скабаланович. Толковый типикон, стр. 242 слл. — *Sabrol. Dictionn.* V. 1904, стр. 1186.

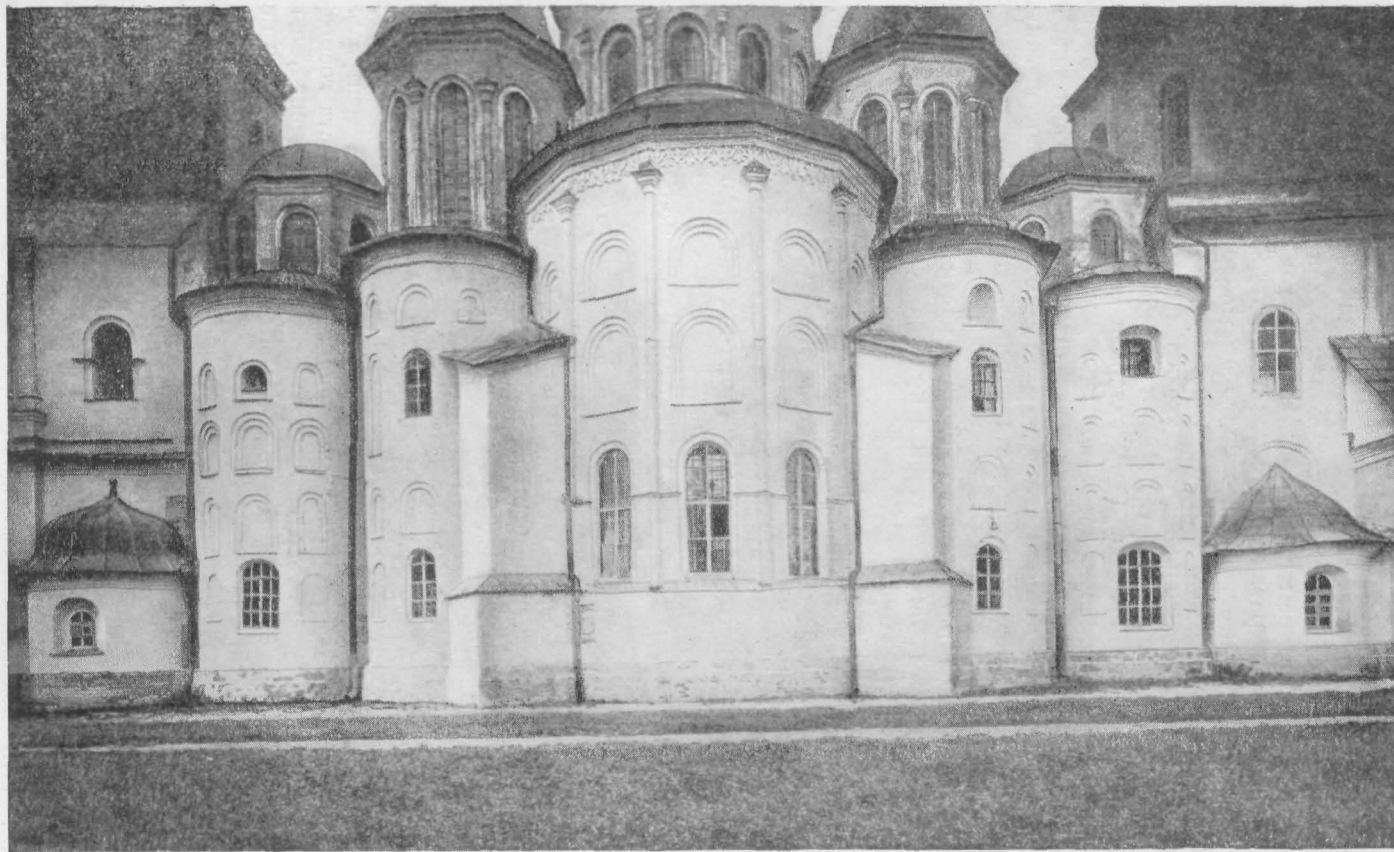

Рис. 22. София в Киеве. Восточный фасад

напряженную фронтальную позу перед тронном „небесного царя“. Когда входит несколько человек, они становятся в ряд перед алтарной стеной. Когда вошедших больше, чем может поместиться в одном ряду, они образуют несколько параллельных рядов перед алтарем.

Вытянутое в ширину пространство для молящихся восточновизантийских церквей этого типа восходит к древней ассиро-вавилонской архитектуре. Не случайно, что церковь в Сала и другие сходные с ней здания находятся в Месопотамии. Их архитектура сложилась под воздействием формы тронного зала вавилонского царя, развившего форму главной комнаты народного жилого дома (рис. 12). Тронный зал в Вавилоне — самый грандиозный и величественный представитель этого типа сооружений. Его вытянутая в ширину форма связана с его назначением, она заставляет входящих становиться во фронтальную позу рядами перед тронном царя. В византийское время комплекс представлений, связанных с древневосточным деспотом, был перенесен на „царя небесного“. Вместе с этими представлениями в Византию перешла также и архитектурная форма древнего ассиро-вавилонского тронного зала, повлиявшая на византийские церкви типа монастырского храма в Сала.

Архитектурный тип, похожий на тип церкви в Сала, был распространен в русской архитектуре XVII в. Представителем его является главная часть Путинковской церкви в Москве (рис. 11 з). Сходство последней с церковью в Сала объясняется тем, что сходное назначение здания вызвало на Руси появление вытянутой в ширину моленной церкви. Древнерусское богослужение по своему происхождению связано и с константинопольскими культовыми ритуалами, и с восточновизантийским богослужением молитвенного характера. Типично, что молящиеся стояли в Путинковской церкви, и в других сходных церквах, именно рядами перед алтарной стеной.

Изучение Софии в Киеве с точки зрения применения в ней простого варианта крестовокупольного храма позволяет проникнуть в смысл этого композиционного приема. Сравнение с церковью монастыря Липса обнаруживает иную трактовку интерьера. В последней девятидольная главная часть всесторонне симметрична; в ней расположены четыре свободно стоящих столба, несущих купол. Они образуют как бы балдахин над амвоном, центральное местоположение которого этим сильно подчеркнуто.

В Киевской Софии, вследствие применения простого варианта крестовокупольного храма, алтарь вдвинут в центральный крестовокупольный квадрат. Этим нарушается строгая центричность композиции: направлению ветвей креста в сторону амвона, к главному куполу, противопоставлена обращенность главного пространства на алтарь, на алтарную преграду, на три открывающиеся в него апсиды (рис. 9). Перед алтарной преградой образовалось, именно вследствие применения простого варианта крестовокупольного храма, вытянутое в ширину пространство, состоящее из северной и южной ветвей креста и из пространства под главным куполом. Благодаря западной ветви креста центростремительное начало все же сохранено в интерьере главной части: три ветви креста направлены на амвон. Однако вследствие того, что алтарная преграда переместилась на одно деление на запад, по сравнению с константинопольскими постройками, амвон оказался расположенным перед царскими дверями алтарной преграды, занимая центр солеи. Благодаря этому купол композиционно соединился с алтарной преградой, выделяя пространство перед главным входом в алтарь. Так, вследствие применения простого варианта крестовокупольного здания в Киевской Софии органически слиты воедино центрическая композиция крестовокупольной системы, с амвоном в центре,

и вытянутое в ширину моленное пространство, с его обращенностью главной части интерьера на алтарь.

В интерьере Киевской Софии вытянутое в ширину пространство дано в сочетании с центрической крестовокупольной композицией и потому выступает не так отчетливо, как в Сала. Глухая алтарная стена Сала уступила свое место трем гигантским, открытым в главную часть нишам апсид. В последующем развитии русской архитектуры вытянутый в ширину интерьер постепенно выступает все более отчетливо: форма Путинковской церкви медленно образуется на протяжении столетий. Отметим некоторые существенные этапы этого процесса. В трехнефных крестовокупольных русских церквях XII в. кубического типа с четырьмя столбами, например, в Переяславле-Залесском (рис. 11 е), алтарная преграда, как в Киевской Софии, отделяла восточную ветвь креста и восточные угловые помещения под алтарь; хоры занимали собой западную ветвь креста и западные угловые помещения. Остается свободным четко отграниченное вытянутое в ширину пространство, состоящее из северной и южной ветвей креста и подкупольного помещения. В новгородских церквях XIV—XV вв., например, моленное пространство главной части выступает еще отчетливее, так как некогда низкая алтарная преграда сменилась иконостасом, сильнее отделившим алтарь.

Прослеженный процесс развития показывает, что здания с вытянутым в ширину пространством возникли в русском зодчестве независимо от византийского зодчества Малой Азии под воздействием сходного назначения зданий.

VII. СОФИЯ В КИЕВЕ ПОСТРОЕНА РУССКИМИ МАСТЕРАМИ

Простая снаружи, Киевская София отличается большим богатством и сложностью форм своего интерьера.

Подкупольное пространство является узловым пунктом композиции интерьера. На него обращены с трех сторон ветви креста и их двухъярусные тройные аркады. Вместе с тем подкупольное пространство органически связано с главной апсидой. Вследствие этого направленность ветвей креста на центр увязывается с обращенностью всего интерьера в сторону апсид.

Внутри Киевской Софии достигнуто строгое подчинение одних частей другим, соответствующее иерархической ступенчатой ярусности ее наружных объемов. Вследствие того что западные угловые помещения заняты хорами, очень отчетливо выступает крестообразная форма центральной части. Над более мелкими аркадами в глубине ветвей креста господствуют более крупные двухъярусные аркады угловых помещений, а над всем доминируют четыре мощные подкупольные арки и связанные с ними три грандиозные ниши апсид.

Киевская София обнаруживает черты соприкосновения с византийской, романской и мусульманской архитектурами, но она глубоко отлична от них всех по существу своей архитектурной композиции.

В плане Софии в Киеве отчетливо выступает система квадратов, перекрытых куполами. Аналогичное построение в мусульманских мечетях отличается равномерным сопоставлением большого числа квадратов в плане, который, путем прибавления новых квадратов, можно расширять во все стороны. Это композиционный принцип, восходящий еще к первобытным аллеям камней и напоминающий бесконечный рапорт в орнаменте. Наоборот, Киевская София имеет ясно выраженный центр, сдерживающий всю ее композицию.

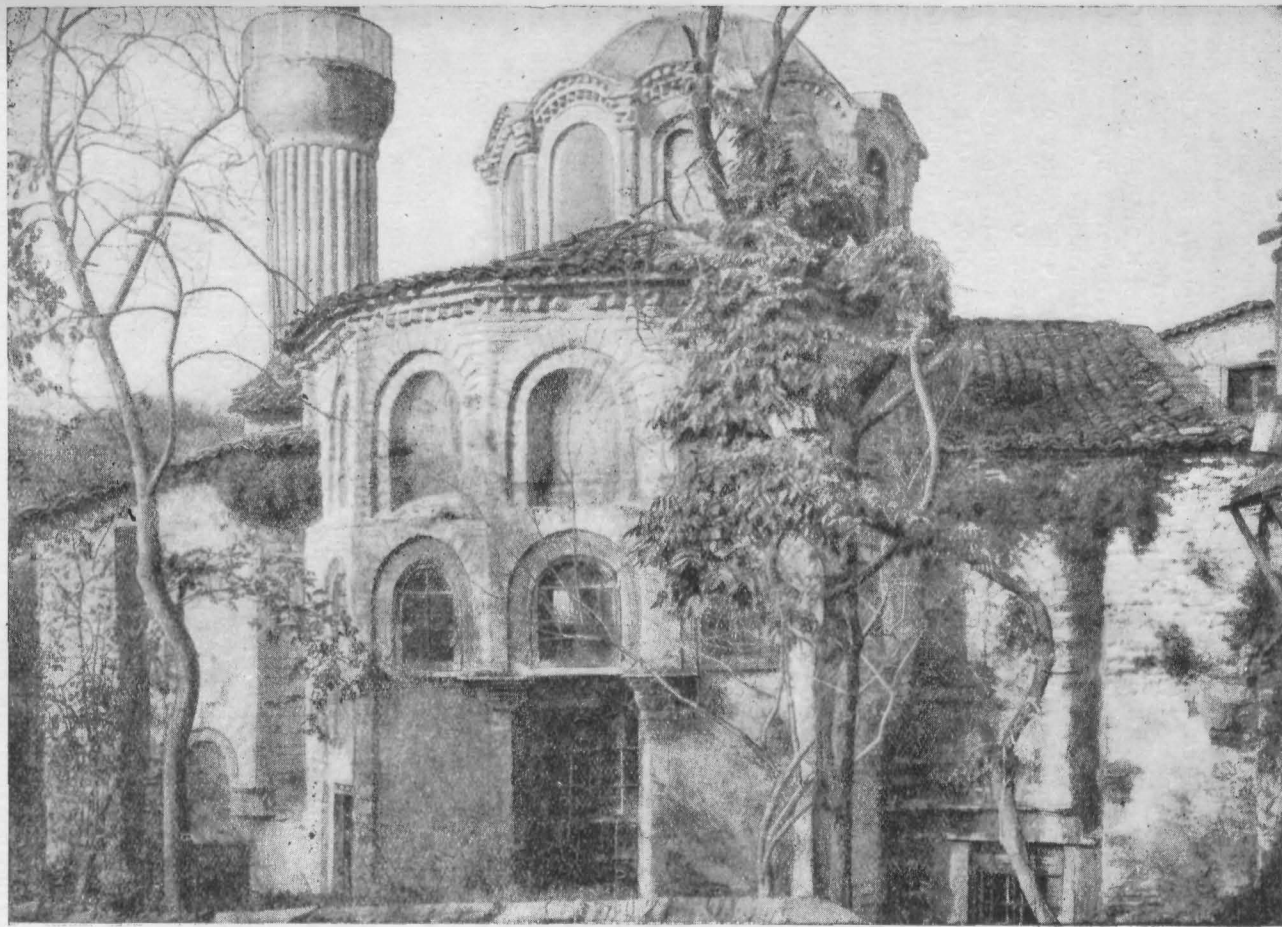

Рис. 23. Апсида Молла-Гюрани джами в Константинополе

Рис. 24. Интерьер церкви Хрисокефалос в Трапезунде

Соотношение квадрата под главным куполом и угловых квадратов Киевской Софии напоминает романскую связанную систему. Однако Киевской Софии совершенно чужда механистичность последней, с ее постоянным повторением простых кратных отношений и нанизыванием множества одинаковых травей на одну ось. Композицию Киевской Софии отличает от византийских церквей, в которых отдельные части внутреннего пространства переходят друг в друга и сливаются, ясность расчленения интерьера на отдельные, самостоятельные части.

Каждая ее часть отчетливо отделена от соседней и отличается законченным и легко обозримым характером. Это достигается при помощи системы крестообразных столбов и лопаток стен. Благодаря этой системе здание очень отчетливо расчленено на отдельные ячейки, которые свободно и непринужденно сочетаются друг с другом, образуя систему, замечательную по стройности и кристаллической ясности архитектурно-художественной мысли. Включенная в организм целого, каждая ячейка подчиняется ему, но при этом не утрачивает присущей ей законченности.

Простой и глубоко гармоничный ритм связывает между собой отдельные части Софии в Киеве. Ее архитектурный организм распадается на несколько последовательно подчиненных друг другу групп ячеек: за наружной зоной ячеек внешней галлерей следуют двухъярусные ячейки внутреннего обхода, имеющего хоры и двумя своими западными углами вклинивающегося в центральную часть здания; над всем доминирует на ступень более высокая и снизу доверху свободная центральная часть, сама распадающаяся на ветви креста, апсиды и на господствующее над ними и над всем зданием вертикальное пространство под главным куполом. Спокойно, уверенно и отчетливо архитектор членит здание на элементы, из которых он образует крупные подчиненные друг другу группы.

Альберти говорил, что основой архитектурной композиции является расчленение. Киевская София — образец прекрасно расчлененного здания, выдерживающего сравнение с лучшими произведениями античности и ренессанса. В ней впервые нашло себе выражение в камне пробудившееся на ранней ступени развития русского народа глубокое чувство большой архитектурной формы.

Сравнение Киевской Софии с церковью Луки в Фокиде и Сан-Марко в Венеции, двумя наиболее выдающимися средневизантийскими зданиями, убеждает в том, что прекрасное расчленение древнейшего сохранившегося произведения русской архитектуры является особенностью чисто русской, самостоятельно выработанной в X—XI вв. в зодчестве Киева. Отчетливое расчленение Киевской Софии на отдельные ячейки было подготовлено, вероятно, привычкой плотников компоновать здание из отдельных срубов.

Русская архитектура создала в Киевской Софии памятник выдающейся самостоятельной архитектурно-художественной ценности. Это не было бы возможно, если бы на Руси не существовало многовековой архитектурной культуры.

Рассказ послов Владимира, отправленных накануне принятия христианства в разные страны для ознакомления с различными религиями этих стран, передан летописью. Этот рассказ дает живое представление о том, как русские в X в. относились к культуре своих соседей. Он позволяет наглядно представить себе, как расценивали они архитектуру соседних народов. Этот замечательный текст показывает, как сознательно наши предки относились к культуре соседних народов, когда они перенимали у них те или иные культурные ценности. Приведенные слова показывают также, что у русских X в. чувство красоты, эстетическое чувство было уже очень развито.

Рис. 25. Интерьер церкви Иоанна в Керчи

Структура общества в период сложения русского феодализма и преобладающая идеология господствующего класса феодальной аристократии Киевского государства поставили задачу создать блестящий ореол вокруг господствующего класса и противопоставить этим феодалов общей массе крестьян и горожан. Нужно было найти и развить такие формы культа, которые наглядно проповедовали бы превосходство господствующего класса феодальной аристократии над их подданными и при этом обращались бы к высокоразвитому эстетическому чувству народа.

Архитектурная композиция Киевской Софии является убедительным подтверждением этого. Прекрасное расчленение архитектурного

Рис. 26. Церковь в Мокви

организма Киевской Софии превосходит византийские образцы и содержит новое качество, присущее русскому зодчеству.

Русская буржуазная наука привыкла все хорошее, что у нас было в прошлом, приписывать иностранцам.

Нет оснований считать архитекторов Киевской Софии византийцами. Рассказывая о построении Софии в Киеве, исторические источники ничего не говорят о том, кто были создавшие ее мастера. Когда строили Десятинную церковь в Киеве, в 991—996 гг., пригласили византийских мастеров. Под 989 г. в летописи написано, что Владимир „...помысли создати церковь пресвятыя богородица, и послав приведе мастера от грек“ (Лет. Нест., стр. 53). С 990 до 1017 г. протекло 27 лет, до 1037 г. — 47 лет. Этого времени было достаточно для того, чтобы образовалась своя, русская школа мастеров. Следует предположить, что византийский архитектор,

приехав в Киев, объединил для сооружения здания группу выдающихся русских архитекторов-плотников, которых он познакомил с византийскими архитектурными формами и обучил техническим и конструктивным приемам каменного дела, выработанным к концу X в. в византийской архитектуре. Все это русские архитекторы изучили на практике во время строительства Десятинной церкви, расположенных около нее дворцовых корпусов и других каменных зданий. Тридцать или даже пятьдесят лет — достаточный срок для того, чтобы первоначальная группа первых русских архитекторов-каменщиков могла усовершенствоваться и твердо стать на ноги, а также для того, чтобы образовалась более широкая группа их учеников. Не следует забывать, что у византийского руководителя постройкой Десятинной церкви учились каменному делу не новички, не имевшие никакого отношения к архитектуре, а высококвалифицированные архитекторы. Это были не только люди, вполне владевшие искусством архитектуры, но и художники, за искусством которых стояла тысячелетняя традиция русской деревянной архитектуры и монументальных земляных сооружений. Древнейшие русские архитекторы — каменщики X—XI вв., совершенствуясь в своем искусстве, конечно, продолжали оставаться в контакте с константинопольской школой византийского зодчества и с другими течениями последнего. Они, в частности, ездили в те русские города, где происходило строительство, а также в Константинополь и другие византийские города, а в некоторых случаях, и в соседние страны. Однако наиболее выдающимся фактом начальной поры развития русского искусства является то обстоятельство, что русские архитекторы XI в. не только глубоко переработали все виденное ими под влиянием замечательной восточнославянской архитектурной традиции периода до образования Киевского государства, но что они в Киевской Софии создали своеобразное русское здание и вместе с тем наиболее выдающийся архитектурный памятник всей Европы XI в. Русские зодчие X—XI вв. были хорошо осведомлены о всем том новом, что появлялось в архитектуре соседних стран.

Анализ архитектурной композиции Киевской Софии приводит к выводу, что она построена русскими мастерами. В Киевской Софии, в расчленении ее архитектурного организма, созданы предпосылки для образования прекрасно расчлененных владимиро-суздальских зданий XII в.⁶⁹

⁶⁹ А. Бобринский. Резной камень в России. F. Halle. Die Bauplastik von Wladimir—Ssusdal. Вена, 1929. Памятники русского зодчества III. Церковь Покрова на Нерли. Изд. Акад. архит. СССР. М., 1930.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ „ГРУЗИНСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ ТРАПЕЗУНДСКИМ АСПРАМ“

Изучению памятников грузинской нумизматики, охватывающих период свыше двадцати столетий и представляющих собой чрезвычайно многообразный и многочисленный материал, посвящен ряд трудов и исследований. Но именно по причине многообразия и обширности этого материала, не только отдельные монетные типы, но даже целые их группы и серии остались иногда недоработанными и недоисследованными. Даже не все уже опубликованные и изданные монеты можно было бы признать окончательно определенными, или точно приуроченными к тому или иному периоду.

К категории таких недостаточно исследованных монет следует отнести очень большую их серию, впервые возникающую в Грузии в XIII в. Эти монеты, имевшие в свое время широкое распространение, дошли до наших дней в очень большом количестве и выделены в отдельную и самостоятельную серию, известную под названием „грузинских подражаний трапезундским аспрам“. Термин этот был введен в буржуазной науке — в частности, В. Ланглуа называл их „imitations des aspres compénats“,¹ а О. Ретовский — grusinische Nachprägungen,² т. е. „имитациями“ и „подделками“.³

Современные нумизматы несколько изменили этот термин: Е. А. Пахомов признал в этих монетах „грузинские подражания трапезундским аспрам“,⁴ Т. Н. Ломоури, назвав их „ასპრების მიმკეპელოება“,⁵ полностью разделяет это мнение.

¹ V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgie. Paris, 1860, p. 104.

² O. Retovski. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt. Moskau. Synodal Buchdruckerei. 1910, S. 108. Эта капитальная и с полным знанием предмета исполненная монография снабжена 15 таблицами с превосходными фототипиями монет, исчерпывающее описание которых содержит еще полсотни таких же изображений. Конечно, это значительно облегчает сравнение интересующего нас материала.

³ Nachprägung буквально обозначает „перечекан“, но в том смысле, как его употребляет О. Ретовский, оно имеет значение „подделки“.

⁴ Е. А. Пахомов. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа вып. II. Изд. Азерб. фил. АН СССР. Баку, 1933, стр. 46.

⁵ თ. წ. ლომოური. «ფული ფოთა რუმთველიძე ეპოქაი» — статья помещена в юбилейном сборнике «სოთარუმთველიძე ეპოქის შატერიალური ვულტურა». Тбилиси 1938. აკად. ჯ. ჯავახიშვილი. «ქართული საფას-სახომთმეტყონეობა ანუ ნურსპატიკა — მეტროლოგია». Тбилиси, 1925.

На первый взгляд этот термин, уже получивший широкое распространение, не может вызвать возражений, так как даже поверхностного сравнения „грузинских подражаний“ с трапезундскими аспрами вполне достаточно для того, чтобы убедиться в их несомненном сходстве и даже общности денежной системы. Более того, подлинно трапезундские аспры в огромном большинстве отличаются лучшей выделкой, тщательной передачей изображений, полновеснее и, наконец, чеканены из лучшего серебра.

Этому, современному нам и привившемуся в научной литературе, термину огромную поддержку оказывает и коренное древнегрузинское название монеты — „кирманеули“, часто встречающееся в древних рукописях и упоминаемое царем-законодателем Вахтангом в своде законов. На это обстоятельство было обращено внимание покойного академика И. А. Джавахишвили.

Уже сам по себе этот древнегрузинский термин намекает, вернее, прямо указывает на греческое (в данном случае трапезундское) происхождение монеты, как бы битой именем Кир Мануила. Мы видим, что и внешний облик монеты (одинаковые изображения, имена, надписи) и издревле сопутствующий ей термин, выработанный в Грузии, подтверждают правильность установившегося определения и применяемого термина.

Но если к такому признанному определению и распространенному термину подойти критически и проанализировать их в освещении дошедших до нас исторических сведений, то необходимость пересмотра этого термина станет совершенно очевидной, и мы должны будем убедиться в том, что и термин, выработанный задолго до царя Вахтанга, являясь по существу правильным, дает нам ложное представление о происхождении монет этого типа.

Даже при самом поверхностном знакомстве с историей грузино-трапезундских отношений, легко убедиться в том, что в XIII—XIV вв. грузинским Багратионам не было надобности или необходимости что-либо заимствовать от трапезундских Комнинов, или в чем-либо им подражать. Во взаимоотношениях этих двух соседних государств активная роль постоянно принадлежала Грузии, и последняя никогда и ни в чем от Трапезунда не зависела. Наоборот, на всем протяжении существования Трапезундской империи периодически наблюдалось обратное явление. При таких условиях было бы естественно предполагать, что вряд ли Грузия прибегала к таким мероприятиям, как выпуск собственной, для внутреннего обращения в Грузии же, монеты по образцу того государства, по отношению к которому она проявляла лишь активность. Если это и произошло, то, по всей вероятности, по причинам особым и ничего общего не имеющим с обычным подражанием.

Анализ исторических событий и взаимоотношений между Грузией и Трапезундом не входит в наши задачи. Исторические данные будут попутно нами привлекаться в качестве вспомогательного материала. Наша задача заключается в сопоставлении с максимальной полнотой нумизматических фактов, этих немых, но беспристрастных и правдивых свидетелей давно минувших событий.

По свидетельству О. Ретовского, изображение императора, стоящего во весь рост en face на лицевой стороне монеты, и такое же изображение покровителя и патрона империи, св. Евгения, на оборотной стороне монеты с соответствующими греческими надписями, впервые возникают в Трапезунде при Иоанне I Комнине (1235—1238 гг.). Введенный этим императором тип аспра остается неизменным на всем протяжении XIII в., видоизменяясь лишь на пороге XIV в.

Однако аналогичное изображение царя, но уже на монете грузинской, мы видим задолго до появления трапезундских аспров. Мы тут коснемся малоизвестной, но очень редкой разновидности медной монеты грузинского царя Георгия IV Лаши (1213—1222 гг.).⁶ Изображение этой монеты (уникум Государственного музея ССР Грузии, № 1 нашей таблицы) мы помещаем для сравнения с изображением первого трапезундского аспра (№ 2 той же табл.).

Сопоставляя две эти монеты, мы убеждаемся в абсолютном сходстве их лицевых сторон. Различие материала, из которого изготовлены обе эти монеты, и отсутствие сходства их оборотных сторон не должно иметь значения. Это сходство отмечает и Е. А. Пахомов, который, при обсуждении возникновения монетного типа Георгия Лаши, говорит: „Фигура царя представляет как бы копию изображения императора на монетах Трапезунда, но я не думаю, что она заимствована отсюда, так как в 1210 или 1220 г. этот тип аспров едва ли уже чеканился в Трапезунде“.⁷

Таким образом, можно считать установленным, что это первый случай, когда монету Георгия Лаши нельзя отнести к подражаниям. Во всяком случае этот монетный тип создавался в Грузии не под влиянием трапезундских аспров, ибо он появляется здесь раньше, чем в Трапезунде, по меньшей мере на 15 лет.

Описывая дальше трапезундские аспры, О. Ретовский указывает, что изображения двух стоящих рядом императоров появляются на них при Иоанне II (1280—1297) и Алексее II (1297—1330). Возникновение такого типа он относит ко времени незадолго до 1297 г. До этого на всех без исключения трапезундских аспрах император изображался один.

Но если допустить, что такая монета появилась в первый же год рождения Алексея II, т. е. в 1284 г.,⁸ то даже в этом случае мы увидим, что подобный „двухфигурный“ монетный тип обращался в Грузии значительно раньше. Это обстоятельство нам придется доказывать самостоятельно, так как монета, о которой идет речь, хотя издавалась и раньше, но определена совершенно ошибочно. М. Баратаев, например, неправильно приписал ее Давиду и Баграту, датировав концом X, началом XI в.⁹ В. Ланглуа, предложив совершенно фантастическое чтение легенд, судя по вопросительным знакам, сопровождающим это чтение, видимо, сам сомневается в высказываемых предположениях. Действительно, предложенное им чтение ჰიჰიჲ (ჰეგეგეჲ ჰეგეგეგეგეგეგე, т. е. царь царей Баграт) и ჰიჰიჲ (ჰეგეგეგეგეგეგე ჰეგეგეგეგეგეგე, т. е. царей царица Анна)¹⁰ крайне натянуто и не выдерживает критики хотя бы уже потому, что противоречит грамматическому складу.

В настоящее время мы располагаем четырьмя такими монетами, при этом в экземплярах значительно лучшей сохранности, чем те, которые имелись у М. Баратаева и В. Ланглуа, а потому необходимо переиздать этот неверно описанный и неправильно определенный монетный тип.

AR d=21—22 mm, p=2,32 gr (№ 3 нашей табл.). Ав. Изображение двух стоящих во весь рост en-face царей в богато расшитых одеяниях. Стоящий слева от зрителя бородатый царь левой рукой поддерживает

⁶ Она издана Е. А. Пахомовым, передававшим ее изображение прорисью (6, 110, 111).

⁷ Е. А. Пахомов. Назв. соч., стр. 110, 111.

⁸ М. П. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства, СПб., 1844, стр. 70.

⁹ М. П. Баратаев. Назв. соч., стр. 5—7.

¹⁰ V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgie. Paris, 1860, p. 92.

крест на длинном древке. Этот же крест поддерживается правой рукой стоящим справа безбородым царем. На полях монеты, вертикально расположенные шрифтом „асомтаврули“, грузинские буквы: слева — ღჳჳ, справа — ღჳჳ, которые читаются как „ღვთო მფჳჳ“ (царь Давид) и „მფჳჳ მფჳჳ ღვთო“ (царь царей Давид). Все это охвачено двойным ободком.

Р. v. Грубовато исполненное изображение Богоматери с точечным нимбом (сидящей на троне?). Слева от нимба в одну строку грузинские буквы „асомтаврули“ ღღ(1?), а справа в две строки под титлом

წო: მწ(1?), которую М. Баратаев и В. Ланглау прочли правильно, — „ღვთა ღმერთი“ (т. е. Божья мать). Ободок точечный.

Эта интересная и довольно редкая монета чеканена от имени двух соцарствующих Давидов. Это позволяет легко датировать ее, так как грузинская история в этом периоде знает только двух соправителей, носящих это имя; это Давид IV Нарин, сын Русуданы (1245—1293), и Давид V, сын Георгия Лаши (1247—1271), которыми выпущен этот монетный тип во время их совместного управления Грузией. Эта монета была выпущена, видимо, около 1262 г., когда, после соглашения с Хулагу Ханом, Давид V вернулся в восточную Грузию из Кутаиси, где вместе с Давидом IV сидел на престоле. После этого Грузия окончательно была поделена на Восточную и Западную. Но если даже допустить, что монета чеканилась уже после окончательного раздела Грузии, это не могло произойти позднее 1271 г., когда Давид V не стало.

Таким образом, монета с изображением двух стоящих рядом царей появляется в Грузии опять-таки минимум лет на двадцать раньше, чем был выпущен аналогичный „двухфигурный“ аспр в Трапезунде. Изображение описанной нами грузинской монеты для сравнения с аналогичным трапезундским аспром помещено на приложенной таблице под № 3 и 4.

Тут мы имеем уже второй случай, когда видоизменение трапезундского аспра происходит значительно позднее появления аналогичной же грузинской монеты, которая, в свое время, видимо, была довольно распространена, — для ее чеканки было изготовлено несколько матриц.¹¹

Далее, по свидетельству О. Ретовского, „при Алексее II последовало многократно отмеченное изменение монетного типа аспра. Император, как и святой Евгений, изображаются уже конными, а не стоящими, как это было в ходу до этого. Лошадь всегда обращена вправо, тогда как лица императора и святого обращены en face. Этот тип остается в употреблении до падения царства, что подтверждается сохранившимися монетами последующих императоров“.¹²

Действительно, тип традиционного трапезундского аспра, бывшего в ходу на протяжении шести десятков лет, резко меняется лишь на пороге XIV в. Но аналогичное изображение конной фигуры царя на грузинской монете мы встречаем значительно раньше. Обратимся к неоднократно описанному диргему Давида IV Нарина, датированному 467-м (грузинским) короником (1247 г. н. э.), и сравним конные фигуры царей, изображенные на этой и вышеупомянутой трапезундской монете.¹³ Сходство, конечно, очевидно.

Если ко всему сказанному добавить, что активно вмешивавшийся в дела Трапезундской империи Давид Нарин скончался в 1293 г., т. е.

¹¹ Изображение одной из таких монет, с любопытными искажениями грузинских надписей (без сопроводительного описания), помещено на таблице под № 8.

¹² О. Retovskii. Назв. соч., стр. 135.

¹³ См. № 5 и 6 нашей таблицы.

незадолго до воцарения в Трапезунде Алексея II (1297), то это очевидное сходство изображений станет более понятным и, кстати, напомним о том, что тут уже третий случай возникновения нового типа трапезундского аспра спустя много лет после появления аналогии в грузинской нумизматике.

Вряд ли можно считать это тройное совпадение случайным, несмотря на то, что мы можем проследить сходство лишь лицевых сторон, ибо еще И. И. Толстой отмечал случай, когда мы „имеем дело с копией, собственно, с нескольких оригиналов или прототипов, причем в эту копию вложены некоторые характерные особенности каждого из них и особое предпочтение отдано, по неизвестной нам причине, одному типу, почему-то остановившему на себе внимание копировальщика“.¹⁴ Чтобы не ходить далеко за примерами, укажем на грузинские монеты XI в. царей Баграта IV и Георгия II, заимствовавших для своих монет лишь изображение лицевой стороны византийской монеты Константина Мономаха. Так, и трапезундские аспры XIII—XIV вв. не рабски подражали грузинским оригиналам, а некоторые их особенности воспроизводили сознательно или невольно.

Возможно, что с некоторыми более или менее заметными видоизменениями и дополнениями монетные типы возникали в Грузии и Трапезунде на основе заимствований от ходких в то время монет сопредельных с ними стран (Византии, сельджуков и пр.). Но это заимствование, или (если уж так привился этот термин) подражание, возникало раньше в Грузии, а затем в Трапезундской империи; об этом достаточно красноречиво свидетельствуют приведенные примеры.

На основании этих примеров возникает вопрос: не сыграли ли грузинские монеты XIII в. передаточной роли при создании типа трапезундских аспров?

Далее, все это показывает, что привившийся термин — „грузинские подражания трапезундским аспрам“ не соответствует исторической действительности. На фоне взаимоотношений, существовавших в XIII—XIV вв. между двумя этими государствами, этот вошедший в обиход термин звучит, по меньшей мере, малоубедительно.

Прежде всего нам надо затронуть другую сторону вопроса, возникающую каждый раз, когда речь заходит о признаках, свидетельствующих в пользу правдоподобности применяемого ныне термина. Мы уже упоминали о том, что подлинно грузинские кирманеули имеют очень близкое сходство с подлинно трапезундскими аспрами. Сходство это неоспоримо, ибо в обоих случаях лицевые стороны передают одинаковые изображения стоящего en face императора; и тут, и там мы видим на оборотной стороне такое же изображение покровителя и патрона Трапезундской империи, святого Евгения, совершенно чуждого грузинским святым и почти не принятого в народе. Более того, обе стороны монет снабжены греческими надписями, сообщающими имена трапезундского императора и его святого покровителя, которые на грузинских кирманеули (так же, как и изображения) все больше и больше грубеют и искажаются.

Трудно было бы найти более или менее правдоподобное объяснение этому обстоятельству, кроме уже существующего, т. е. несомненного факта подражания трапезундским аспрам. Но обнаружение чрезвычайно интересных и не лишенных значимости нумизматических фактов оказывает нам неожиданную помощь и может пролить свет на это явление. Несколько лет назад нами был приобретен аспр, ничем не отличающийся от подлинно

¹⁴ И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв. Зап. имп. Рус. археол. об-ва, т. VI, ноя. сер. СПб., 1893, стр. 322—323.

трапезундского, но выдающий свое грузинское происхождение тем, что материалом для его перечекана послужил грузино-гулагуидский диргем. Несколько позже два-три аналогичных экземпляра были нами обнаружены в нумизматическом собрании Кутаисского музея, где нам пришлось побывать только проездом. Поэтому, к сожалению, эти экземпляры не могли быть тщательно изучены.

Конечно, этот перечекан легко можно было бы объяснить тем, что грузино-гулагуидские диргемы, попав на трапезундский рынок и поступив затем в монетный передел, были превращены путем перечекана в трапезундские аспры. Но, прежде всего, монеты гулагуидского типа к западу не распространялись, и их находки не регистрировались даже в Западной Грузии. Но интереснее всего тот курьезнейший анахронизм, который обнаруживается на приобретенном нами „аспре“: судя по сохранившимся под перечеканом деталям, этот „аспр“ принадлежит выпуску значительно более раннему, чем тот материал, из которого он перечеканивался.

Изученная нами монета, если ее рассматривать как трапезундский аспр, принадлежит выпуску Мануила I (1238—1263), но перечеканен он из грузино-гулагуидского диргема, который, как это установлено, впервые начал чеканиться лишь с 678 г. хиджры, т. е. с 1279/1280 г.¹⁵ До этого на протяжении двадцати лет в Тбилиси чеканилась монета совершенно иного типа — так называемый „казник“.¹⁶

Как могло произойти, что материалом для чеканки „трапезундского аспра“ использован грузино-гулагуидский диргем, выпущенный 17 лет спустя? Остается непонятным, как хотя бы в последний день своей жизни, в 1263 г. Мануил I мог использовать грузино-гулагуидский диргем самого раннего выпуска для этого монетного типа, т. е. 1279 г.?

Можно ли объяснить это тем, что ближайшие преемники Мануила I предпочитали выпускать аспры от имени своего отца и для этого пользоваться вообще не попадавшими в Трапезунд грузино-гулагуидскими диргемами? Не противоречило бы это, наконец, существующим в средние века традициям и понятиям заявления прав на престолонаследие? Это было бы тем более непонятным и странным в период, последовавший тотчас после смерти Мануила I, когда положение его ближайших преемников было неустойчивым и даже крайне непрочным. Вспомним неоднократно попытки Георгия, предшественника и брата Иоанна II, восстановить утраченное им положение. Вспомним, наконец, исторический эпизод 1285 г., когда Иоанн II был свергнут с престола, который временно был захвачен его сестрой Теодорой.¹⁷ Мог ли при таком шатком положении Иоанн II упустить возможность проявления такой важной регалии, как выпуск собственной монеты, и повседневного напоминания о том, что император — именно он, а не кто-либо другой? Надо полагать, что этой возможности

¹⁵ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 571.

¹⁶ Изображение этой монеты, содержащей анахронизм очень большой значимости, мы поместили на приложенной таблице под № 7. Но так как мы опасались, что снимок в натуральную величину не передаст еле заметных невооруженным глазом и полураздавленных „штампом Мануила I“ мельчайших деталей грузино-гулагуидского диргема (знак креста и обрывки арабской легенды, включенные в линейный квадрат), то решили отдельно поместить и увеличенное изображение этой монеты, на котором все мельчайшие детали видны уже ясно.

Для более удобного осмотра раздавленных деталей штамп Мануила I представлен в перевернутом виде, и тут же помещен снимок с грузино-гулагуидского диргема в натуральную величину.

¹⁷ Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезундской империи. Изд. АН СССР. Л., 1929, стр. 71.

он не упустил, о чем свидетельствуют многочисленные монеты, помеченные его именем.

Так чем же объяснить наличие так называемых „подлинно трапезундских аспров“, чеканенных по всем признакам где-то вне Трапезунда и, надо полагать, именно в Грузии? Не чеканились ли эти аспры в те или иные остро политические моменты в Грузии, которая, как известно, активно вмешивалась в дела Трапезундской империи? Можно ли считать случайностью совпадение таких подробностей, как перечеканка грузино-гулагуидского диргема 80-х годов XIII в. и активнейшее вмешательство Грузии в 1285 г. в дела Трапезунда?

В свете этих фактов становится вероятным следующее предположение: той же самой Теодоре, „бывшей в замужестве за Грузинским князем“¹⁸ и при захвате трапезундского престола пользовавшейся поддержкой Грузии, требовалось не только войско, но и собственные денежные средства, предпочтительнее в трапезундской валюте. Энергичные попытки Византии и Грузии удержать свое влияние в Трапезунде требовали не менее энергичных и экстраординарных мероприятий, в числе которых мероприятия финансово-экономического характера должны были занимать одно из первых мест. Не этим ли следовало бы объяснить возникновение в грузинской нумизматике пресловутых „грузинских подражаний трапезундским аспрам“ и, главное, такое огромное их количество?

Мы не беремся этого утверждать, но в виде одного из вероятных предположений история возникновения и распространения грузинских кирманеули может быть представлена в таком виде.

„Находившаяся в замужестве в Грузии сестра Иоанна II, Теодора, в 1285 г., собрав войско, вторглась в Трапезундскую империю и после взятия Трапезунда сама воссела на престол. Ясно, что ее войска должны были быть грузинские, а сама Теодора могла одержать победу лишь при поддержке грузинской государственной политики и трапезундской военной партии — сторонников грузин“.¹⁹

Кроме военной помощи, оказанной Теодоре, грузинское правительство, несомненно, должно было снабдить ее и необходимыми денежными средствами, и средневековые финансисты могли прибегнуть к остроумной мере — выпуску валюты того государства, куда посылалось „вспомогательное войско“. Подобные финансовые мероприятия известны и из негрузинской нумизматики, в частности из русской.

Медные пятаки Екатерины II помечены императорскими коронами, но мы знаем, что пятаки царствования Екатерины II с королевскими коронами — не русской чеканки, а шведской, и изготовлены в 1788 г. на монетном дворе в Авесте.²⁰ Очевидно, что чеканка их в Швеции была предпринята не с фискальными целями, а ради удобства шведской армии. Со стороны шведского правительства изготовление ходячей монеты вражеской страны для нужд вторгшейся в эту страну армии вполне понятно.

Какими же должны были быть аспры, предназначенные для снабжения экспедиции, возглавляемой Теодорой? Надо полагать, что до возведения ее на трапезундский престол выпускать аспры, битые ее именем, было бы несколько преждевременно, поэтому предпочтение было отдано аспрам, помеченным именем ее отца, Мануила I, тем более что при нем политические интересы соседей — Грузии и Трапезунда — совпадали и трений

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Изд. Акад. наук ССР Грузии. Тбилиси, 1941, стр. 96.

²⁰ И. И. Толстой. О пятаках Екатерины II с королевской короной. Зап. Нумизм. отд. имп. Рус. археол. об-ва, т. I, вып. IV, СПб., 1910, стр. 158—159.

между ними не было. Аспры же, меченные именами ближайших предшественников Теодора, ее братьев Георгия и Иоанна, последнему условию удовлетворять уже не могли.

Не этим ли объяснить возникновение и древнегрузинского термина? Аспры, изготовленные в Грузии и меченные именами Кир Мануила, и получили общее название «кирманеули».

В дальнейшем с них стали изготовлять время от времени видоизменяющиеся и постепенно грубеющие копии. Сначала, конечно, принимались все меры к тому, чтобы эти монеты ничем не отличались от обрабатывавшихся до того в Трапезундской империи, и они выпускались доброкачественными и тщательно выполненными, т. е. первоначальный оригинал сохранялся полностью. Вот почему некоторые кирманеули, и, в частности, привлеченный нами образчик перечекана, по своим деталям ничем (или почти ничем) не отличаются от подлинно трапезундских. Но в дальнейшем, когда население стало к ним привыкать, кирманеули начали грубеть, ухудшаться в пробе и уменьшаться в весе, тем более что порча монеты уже с XIV в. становится повсеместным явлением.

В дальнейшем эти грубо исполненные кирманеули изготовлялись для трапезундского населения только в особых случаях и, являясь сначала ходячей монетой в пограничных с Трапезундом областях, постепенно проникали в западную и, отчасти, в юго-западную Грузию. Для этого также создались специфические условия, ибо в находившейся под влиянием монгольских ильханов Восточной Грузии широкое распространение получили тбилисские грузино-гулагидские диргемы, помеченные именами ильханов. Западная же Грузия ильханов не признавала; монета, помеченная их именем, тут не привилась, и находок таких монет тут совсем не зафиксировано. Здесь должен был выработаться совершенно иной тип монеты, которым, надо полагать, и явился кирманеули.

Судя по дошедшим до нас массам этих огрубевших кирманеули, их выпуск продолжался в течение многих десятилетий. Трудно иначе объяснить наличие такого большого количества их вариантов, дающих все переходы от тщательно исполненных изображений и правильно переданных надписей до самой примитивной и грубой схематичности этих изображений и полной неразборчивости надписей.

Следует обратить особое внимание еще на одно обстоятельство, которому до сих пор не придавалось значения. Просматривая имеющиеся запасы нумизматических памятников, а также таблицы изданий по трапезундской нумизматике, мы обратили внимание, что все трапезундские аспры XIV—XV вв. носят изображения конных фигур императора и святого. Грузинские же кирманеули этого времени продолжают выпускаться по старым образцам XIII в., т. е. со стоящими во весь рост изображениями en-face.

Это обстоятельство объясняется тем, что позднейшие, грузинские кирманеули действительно являются подражаниями, но не трапезундским аспрам, а тем, которые первоначально были изготовлены в Грузии со специальной целью. Ими в 1285 г., как говорилось выше, вероятно, была снабжена Теодора, дочь Мануила I и „жена грузинского князя“, которую грузинское правительство, с грузинским же войском и необходимой казной, отправило в Трапезунд.

На некоторых позднейших кирманеули, наряду с уже окончательно искаженными греческими легендами, попадаются отдельные грузинские буквы. Известны, например, с грузинской буквой „асомтаврული“ — ლ (K); с грузинскими же ლჳ („царь“) на лицевой, рядом с изображением царя

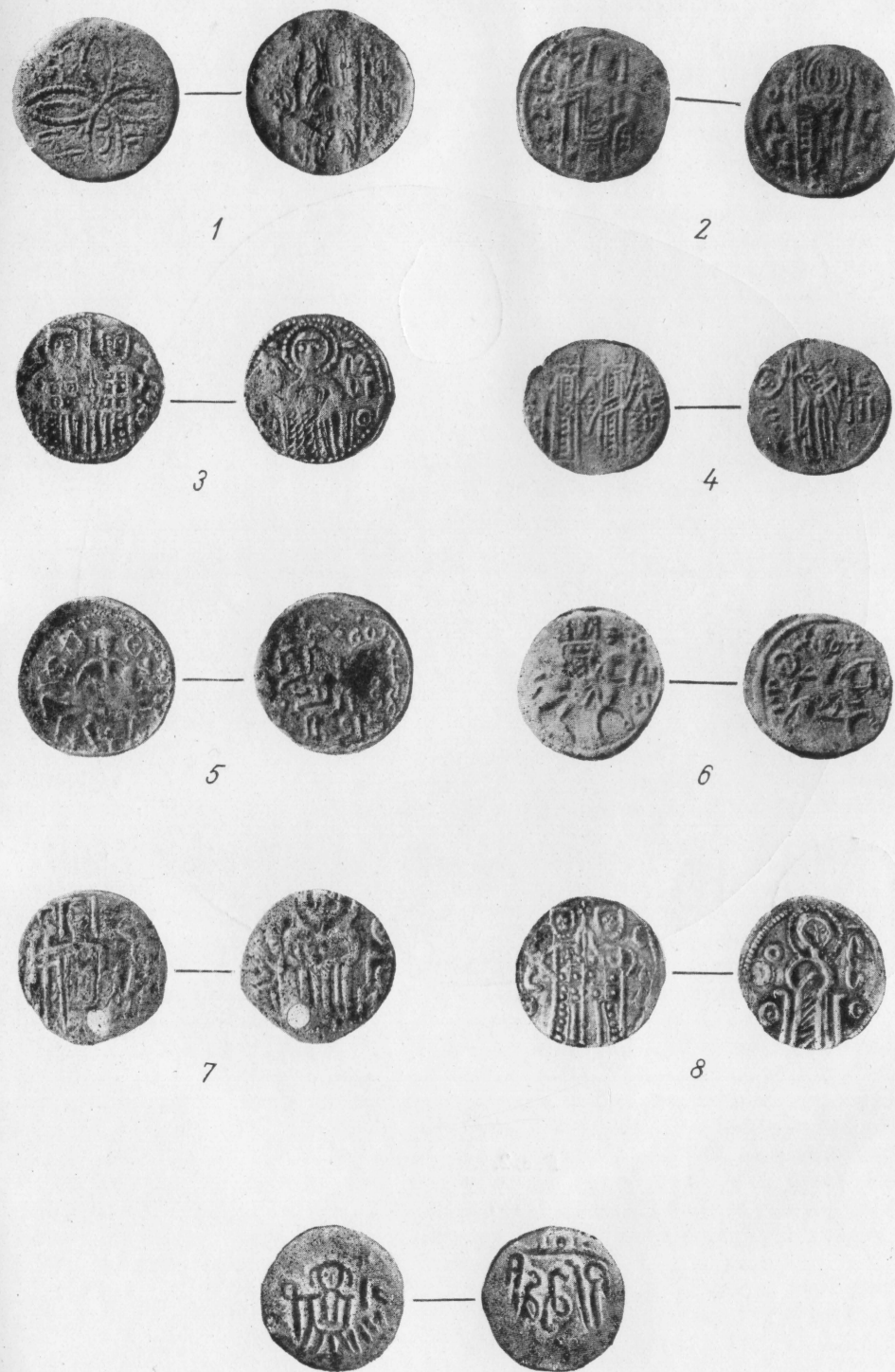

Рис. 1.

и ЦЧ (Георгий) на оборотной стороне, рядом с изображением святого. Этот последний вариант тоже издавался раньше, но опять-таки неправильно; М. Баратаев искал на нем имя св. Нины — „первой просветительницы царя и народа грузинского“, ²¹ а В. Ланглуа, объединив в описании надписи обеих сторон монеты, приписал ее царю Георгию. ²²

На самом же деле, как видно по рисункам, приведенным названными авторами, а также по экземпляру аналогичной же монеты Государственного музея Грузии, имя Георгия стоит не рядом с изображением царя, а на оборотной стороне, около изображения святого и, скорее всего, к нему же и относится. Необходима все же оговорка; святой изображен в позе св. Евгения, т. е. „стоящим во весь рост en face“, а не конным, как обычно изображают в Грузии св. Георгия.

Нам бы хотелось остановиться еще на обнаруженном М. М. Иващенко чрезвычайно интересном варианте кирманеули, на котором грузинским шрифтом „мхепрули“ навыворот выбито имя Вамека Дадиани. Приходится сожалеть, что эта пока уникальная монета находится в частном владении и недоступна для тщательного изучения. Но хорошо и то, что, с любезного разрешения владельца, мы можем дать необходимые сведения, — изображение, метрологические данные и описание ее.

AR, d = 20—21 mm, p = 2,91 gr. (№ 9 нашей табл.).

Изображение, лишь отдаленно напоминающее человеческую фигуру, стоящую во весь рост en face, в короне (?) с подвесками и лабаром или крестом в правой руке. На уровне левого плеча горизонтально расположенные греческие буквы ΓΕ, а ниже, на второй строке, но вкось ΙΝ (видимо, остатки имени св. Евгения). Ободка не видно.

R.v. Почти все поле монеты занято грузинской надписью, шрифтом „мхепрули“, выбитой навыворот (зеркальным письмом) — „ვაშაკ“ (Вамек), повидимому заключенной в рамку, — слева и сверху видны ее линии. Ободка не видно и тут.

Прав С. И. Макалатия, приурочивший эту монету Вамеку Дадиани (1384—1396), ²³ так как только он, оставивший нам превосходные архитектурно-художественные памятники в Хоби и Цаленджахи, с их прекрасными фресками и пространными грузинскими и греческими надписями, свидетельствующими о связях Мингрелии с Византией, мог выпустить монету этого типа. Создавшиеся к концу XIV в. политические условия подтверждают это предположение.

„Царю царей всея Грузии“, Георгию, сыну Баграта, находившемуся в это время в состоянии длительной и тяжелой войны с завоевателем Азии, Тамерланом, было не до отколовшихся феодалов. Вамек, при создавшихся политических условиях оставался оторванным и изолированным от остальной Грузии и поневоле должен был тяготеть к тем единоверцам, которые все еще находились вне досягаемости Тамерлана. Этим условиям Византия и Трапезунд отвечали, поэтому завязавшиеся с ними связи, естественно, могли побудить Вамека к выпуску монеты, воскрешающей старые, еще не забытые традиции.

Выпущенный от имени Вамека Дадиани кирманеули является пока еще первой из известной серии так называемых „феодалных“ грузинских

²¹ М. П. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства. СПб., 1844, стр. 18—21.

²² V. Langlois. Essai de classification des suites monétaires de la Georgie. Paris, 1860, p. 104.

²³ «ს. ი. მაკალათია, შემეცნებლობის კვლევის ინსტიტუტი». Изд-во Груз. краев. об-ва. Тбилиси, 1941, стр. 90.

Рис. 2.

монет. Этот монетный тип, так же как и некоторые другие разновидности кирманеули, чеканились в конце XIV в.; некоторые же из них, окончательно грубеющие и все более и более мельчающие разновидности, должно быть, выпущены значительно позднее.

Проф. С. Какабадзе, например, полагает, что, в то время, как в Восточной Грузии (с Месхетией) под термином „тетри“ в XIV в. подразумевалась монета в две драхмы, в Западной Грузии под этим же термином признавался эквивалентный трапезундскому аспру кирманеули. Параллельно с трапезундским аспром кирманеули испытывают процесс постепенного измельчания и уже на рубеже XIV—XV вв. снижаются до размера в 1.2 данги. Уже позднее кирманеули упоминаются в сигелях при определении кровнических норм („выкуп за кровь“) и, в частности, в Западной Грузии даже до середины XVI в. В Восточной же Грузии, во второй половине XV в., этот термин был уже отжившим, поэтому при его упоминании в сигеле становится необходимым определение его размера.

Таким образом, грузинские „подражания трапезундским аспрам“ на самом деле не являются сколком с трапезундских монет. Характерные для трапезундских аспров изображения создаются в Грузии независимо от трапезундского влияния и сплошь да рядом раньше, чем в Трапезунде; возможно, что грузинские монеты и трапезундские аспры заимствовали эти изображения из общего источника, причем в Трапезунд они попали через Грузию.

В то же время некоторые грузинские монеты (кирманеули) были чеканены сознательно по образцу трапезундских аспров; они нужны были грузинскому правительству для утверждения своего влияния в Трапезундской империи.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

ЦАРЬГРАДСКАЯ ЛИЦЕВАЯ ПСАЛТИРЬ XI в.

Среди иллюстрированных греческих рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина хранится одна подлинная жемчужина книжного искусства — Псалтирь XI в. (греч. 214). Хотя И. А. Бычков¹ дал краткое, но весьма точное описание этого интереснейшего манускрипта, а В. В. Стасов опубликовал несколько его заставок и инициалов,² историкам византийской живописи он остался почти неизвестным.³ Между тем Ленинградская псалтирь является памятником первостепенного значения, дающим прекрасное представление о стиле константинопольской миниатюры позднего XI в.

С первого же взгляда ленинградская рукопись⁴ поражает своим изяществом и изысканным характером. Небольшая по размерам (в малую 4-ю долю листа), она писана на отлично выделанном пергамене и украшена красивыми заставками и крохотными инициалами. Письмо рукописи обнаруживает единый почерк. Заглавия псалмов и начальные буквы стихов исполнены золотом, а некоторые, сверх того, и красками (лл. 12 об., 40, 57, 80 об., 173 и 194). Последний псалом писан весь золотом, в форме креста (лл. 295 об. — 296 об.); в форме же креста писан конец псалма 76-го (лл. 151—152). На обороте л. 327 находилась запись, намеренно выскобленная. Заставки и инициалы рукописи распределяются следующим образом:

- Л. 1. — прямоугольная заставка из растительного орнамента и буква М, составленная из трех фигур (левая фигура почти целиком утрачена; рис. 1). Все фигуры даны в царских облачениях. Над средней, изображающей мальчика, написано микроскопическими буквами $\kappa\omega\sigma\tau\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ (т. е. *Κωνσταντίνος*), а внизу, под ней же, $\mu\alpha\rho\upsilon\rho\omicron\upsilon\epsilon\upsilon\eta\tau$ (т. е. *μαυροϋεϋητ*); над правой фигурой, держащей руку на главе ребенка, также сохранилась надпись — $\mu\alpha\rho\iota\alpha\ \alpha\upsilon\tau\omicron$ (т. е. *Μαρία αυτο*); надпись над левой фигурой совершенно стерлась.

¹ И. Бычков. Приобретения Библиотеки. А. Целые коллекции. Отчет императорской Публичной библиотеки за 1882 г., стр. 13—16.

² В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, табл. СХХIV—17—23.

³ Кроме краткого упоминания в моей статье „The Mosaics of Cefalù“ — *Art Bulletin*, 1935 (XVII), p. 210.

⁴ Приобретена от П. К. Николаидеса.

- Л. 80 — олень перед купелью — символ крещения (иллюстрация изречения псалтири об оленье, „стремящемся к источнику водному“; — рис. 2).
- Л. 98 — буква Е, составленная из четырех фигур (простерший десницу Христос, ангел, молящийся Давид и стоящий Нафан; — рис. 3).
- Лл. 153, 157 — прямоугольные заставки с растительным и геометрическим орнаментом — рис. 4.
- Л. 297 — полосная заставка с растительным орнаментом и буква А, скомпонованная в виде фигурки пляшущей Мариам — рис. 5.
- Л. 299 об. — буква П, составленная из фигур Моисея и Иисуса Навина — рис. 6.
- Л. 306 об. — буква Е, составленная из трех фигур (мать Самуила Анна, благословляющий Спаситель, стоящий Самуил; — рис. 7).
- Л. 308 об. — буква К, скомпонованная в виде фигуры держащего свиток Аввакума — рис. 8.
- Л. 311 об. — буква Е, составленная из четырех фигур (благословляющий Спаситель, вытянувший правую руку Исая, стоящие царь и царица — рис. 9).
- Л. 313 — небольшая миниатюра с изображением пророка Ионы, которого два сидящих в лодке бросают в море; справа — кит, готовый проглотить Иону — рис. 10.
- Л. 314 об. — буква Е, составленная из фигур трех стоящих отроков — рис. 11.
- Л. 319 — буква Е, составленная из четырех фигур (три отрока в печи огненной и парящий над ними ангел — рис. 12).
- Л. 328 об. — почти целиком стершееся изображение царя Давида.

Входящие в состав первого инициала фигуры, несмотря на утрату фигуры василевса, позволяют довольно точно датировать рукопись. Здесь, несомненно, портретированы дочь иверского царя Баграта IV Мария, бывшая женой императора Михаила VII Дуки (1071—1078) и позднее императора Никифора Вотаниата (1078—1081),⁵ и ее сын Константин Порфирородный (1074—1093/94).⁶ Фигура слева могла изображать как Михаила VII, так и Никифора Вотаниата. Исходя из биографии Марии и Константина, наиболее вероятной датой возникновения рукописи следует считать время около 1080 г. Основанием для такой датировки служит год рождения Константина (1074), представленного на миниатюре еще ребенком. С другой стороны, рукопись не могла быть изготовлена после 1088—1090 гг., потому что в течение этого времени Мария,

⁵ Ее портрет фигурирует на л. 1 об. Cod. Paris. Coislin 79 (H. Oumont. *Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI-e au XIV-e siècle*. Paris, 1929, p. 33, Табл. LXII). Cod. Coislin 79 мог быть выполнен для Михаила VII Дуки, так как его миниатюры с изображением Никифора Вотаниата были вмонтированы на месте более старых миниатюр, которые были вырезаны по внутреннему краю рамок. О Марии см. F. Chalandon. *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène* (1081—1118), Paris, 1900, p. 27.

⁶ О Константине Дуке см. В. Васильевский. *Византия и печенеги*, ЖМНП, р. 1872 (CLXIV), стр. 309—312; F. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène*, p. 24.

Рис. 1. Заставка и инициал из псалтири, греч. 214, л. 1, ок. 1080 г.
Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина

Рис. 2. Купель и олень. Миниатюра из псалтири, греч. 214, л. 80, ок. 1080 г.

Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина

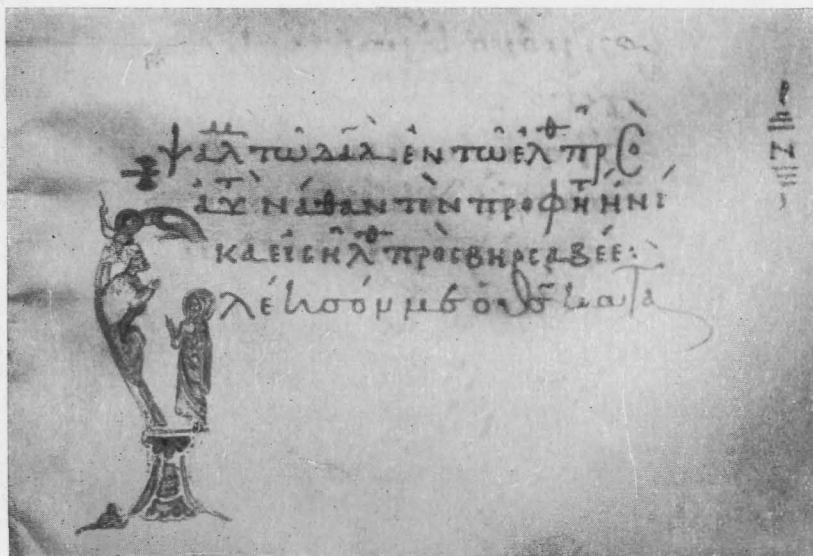

Рис. 3. Инициал из псалтири, греч. 214, л. 98, ок. 1080 г.

Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина

Рис. 4. Заставка из псалтири, греч. 214, л. 153, ок. 1080 г.

Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина

изображенная на миниатюре в царской одежде и в венце, удалась в монастырь, сменив царское одеяние на монашеское. Если слева был портретирован Михаил VII, то рукопись должна была быть исполнена не позднее 1078 г. (но и вряд ли ранее этой даты); если же здесь находилось изображение Никифора Воганиата, вскоре после своего воцарения обвенчавшегося, в нарушение церковных законов, с императрицею Марией, то рукопись была написана и разукрашена в 1079—1081 гг., что опять приводит нас к датировке временем около 1080 г.

Все те фигуры святых, которые введены в инициалы, являются для иллюстрации псалтири традиционными. Мы находим здесь и царя Давида,⁷ и пророков Нафана,⁸ Исаяю,⁹ Аввакума,¹⁰ Иону,¹¹ и Самуила с его матерью Анной,¹² и пляшущую Мариам,¹³ и Иисуса Навина,¹⁴ и Моисея,¹⁵ и трех отроков.¹⁶ В иконографическом плане изображения ленинградской рукописи не дают ничего нового. Зато они использованы совсем по-новому, будучи искусно вкомпонованы в инициалы, которые служат главным украшением рукописи.

Ленинградская псалтирь очень небольшого размера (0.173 × 0.13). Выполнена она необычайно тщательно, с тонким пониманием своеобразных красот книжного искусства. Прекрасно найдены соотношения между текстом и широкими полями, между полями и инициалами, между заставками и размерами всего листа. Каждая страница рукописи, даже когда она лишена орнаментальных и фигурных украшений, поражает своей строгой архитектурной упорядоченностью. Здесь нельзя изменить ни одной детали без того, чтобы не оказался нарушенным эффект целого. Ровное изящное письмо (минускул), с довольно значительными расстояниями между буквами, превосходно согласуется с легким, прозрачным орнаментом заставок и с крохотными фигурными инициалами, всегда занимающими на полях то место, которое является наиболее удачным в общей композиции листа. При этом ни в письме, ни в миниатюрах нет ничего сухого, механического, стереотипного. Они выполнены очень свободно, с нередкими отступлениями от строгой симметрии, что придает листам рукописи характер большой свежести.

⁷ Этот образ встречается во всех лицевых псалтирях.

⁸ Ср. E. T. De Wald. *The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint*, vol. III. — *Psalms and Odes*. P. 2: Vaticanus graecus 752. — Princeton 1942, p. 16, Табл. XXIII (л. 82); p. 22, Табл. XXXI (л. 163 об.); p. 33, Табл. XLIII (л. 342).

⁹ Ср. O. Dalton. *Byzantine Art and Archaeology*. Oxford, 1911, рис. 294 (Lond. Add. Ms. 19352); H. Oumont. *Op. cit.*, Табл. XII-а и XIII (л. 435 об. Cod. Paris, gr. 139); E. T. De Wald. *Op. cit.*, p. 19, Табл. XXVII (л. 134), p. 39, Табл. LI (л. 445 об.), p. 42, Табл. LV (л. 469); E. T. De Wald. *The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint*. Vol. III. — *Psalms and Odes*. P. I: Vaticanus graecus 1927. Princeton, 1941, p. 47, Табл. LXIX (л. 277).

¹⁰ Ср. Н. Кондаков. *Миниатюры греческой рукописи псалтири IX в. из собрания А. И. Худова*, М. 1878, Табл. XII; E. T. De Wald. *Vat. gr. 752*, p. 42, Табл. LV (л. 465); E. T. De Wald. *Vat. gr. 1927*, p. 46, Табл. LXVIII (л. 274 об.).

¹¹ Ср. Lond. Add. Ms. 19352, л. 201; H. Oumont. *Op. cit.*, Табл. XII (Cod. Paris, gr. 139, л. 431 об.); E. T. De Wald. *Vat. gr.*, 752, p. 42, Табл. LV (л. 472); E. T. De Wald. *Vat. gr. 1927*, p. 47, Табл. LXIX (л. 278 об.).

¹² Ср. O. Dalton. *Op. cit.*, Рис. 272 (Lond. Add. Ms. 19352); H. Oumont. *Op. cit.*, Табл. XI (Cod. Paris, gr. 139, л. 428 об.); E. T. De Wald. *Vat. gr. 1927*, p. 43, Табл. LXV (л. 264 об.) p. 46, Табл. LXVIII (л. 273); E. T. De Wald. *Vat. gr. 752*, p. 42, Табл. LV (л. 462 об.).

¹³ Ср. Cod. Barb. gr. 372, л. 243; E. T. De Wald. *Vat. gr. 752*, p. 41, Табл. LIV (л. 449 об.).

¹⁴ Ср. E. T. De Wald. *Vat. gr. 752*, p. 20—21, Табл. XXIX (л. 153).

¹⁵ Как и образ Давида, образ Моисея фигурирует во всех лицевых псалтирях.

¹⁶ E. T. De Wald. *Vat. gr. 752*, p. 42—44, Табл. LV (лл. 473, 478, 479, 480); E. T. De Wald. *Vat. gr. 1927*, p. 47—48, Табл. LXX, LXXI (лл. 279 об., 280, 283 об.).

Как во всех лучших образцах византийского книжного искусства, в Ленинградской псалтири особенно хороши ее краски, подобранные с замечательным вкусом. В инициалах золото сочетается с киноварью, нежными водянисто-синими, фиштакково-зелеными, сиреневыми и фиолетовыми тонами. В инициалах на лл. 306 об. и 311 об. к этим излюбленным художником краскам присоединяются еще удары желтого и темно-лилового. Карнация написана свободно, и сочно-зеленые, красные и белые цвета смело сопоставлены друг с другом, благодаря чему, несмотря на микроскопические размеры голов, достигается впечатление энергичной красочной лепки. Колорит заставок и инициалов лишен кричащей пестроты. В отличие от колорита рукописей восточного происхождения, он строится на слегка пригашенных красках, что позволяет художнику достичь изумительной гармонии тонов. Мы имеем здесь дело не с простой раскраской, а с тонко продуманными колористическими решениями, далеко отходящими за собою все то, что изготавлялось в это же время в скрипториях романского Запада.

Ленинградская псалтирь несомненно была выполнена в Константинополе. На это указывает все — и дорогой, очень тщательно выделанный пергамен, и превосходное письмо, обнаруживающее руку первоклассного писца, и тончайшей работы заставки, и инициалы, принадлежащие кисти выдающегося миниатюриста, и, наконец, особая отшлифованность всего манускрипта. Есть основания полагать, что местом изготовления рукописи был скрипторий Михаила VII — этого безвольного воспитанника Пселла. Следуя по стопам своего наставника, Михаил был большим книголюбом, настолько большим, что это отвлекало его от решения неотложных государственных задач. Вместо того, чтобы энергично действовать, Михаил Дука изучал риторику, писал стихи и увлекался искусством.¹⁷ Ленинградская псалтирь дает как раз прекрасное представление о том, что нравилось царьградскому обществу накануне прихода к власти Комнинов. Ее камерный строй форм, столь чуждый народному искусству, выражает вкусы тепличной придворной среды, чуть не доведшей своей эгоистической классовой политикой Византийское государство до гибели.

Псалтирь Публичной библиотеки не является стоящей особняком рукописью. Ее стиль обнаруживает множество точек соприкосновения со стилем лицевых манускриптов третьей четверти XI в. Стиль этот характеризуется необычайной легкостью декорировки. Миниатюры редко занимают целый лист. Лишенные обрамлений, либо заключенные в очень узенькие рамочки, они располагаются в виде крохотных изображений на полях и в тексте, образуя с последним строгое композиционное единство. Небольшие фигурки лишены тяжести, орнаменту и инициалам присуща особая прозрачность; тонкие, едва приметные линии, подобно паутине, окутывают формы, колорит строится на нежных тонах, лишенных пестроты и жесткости. Этот стиль можно рассматривать как одну из высших точек в развитии византийской книжной иллюстрации.

Целая группа константинопольских манускриптов третьей четверти XI в. может быть приближена к Ленинградской псалтирю. Это — псалтирь от 1066 г. в Британском Музее (Add. Ms. 19352),¹⁸ Евангелие в париж-

¹⁷ Ср. его характеристику у Н. Скабалановича. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 109—110.

¹⁸ F. Piper. Verschollene und aufgefundenen Denkmäler und Handschriften, „Theologische Studien und Kritiken“, hrsg. von Ullmann und Rothe 1862 (II), S. 431 ff.; G. F. Waagen. Ueber byzantinische Miniaturen, Ztschr. für christliche Archäologie und Kunst, 1856 (I), S. 97—108; Id. Galleries and Cabinets of Art in Great Britain. London, 1857, p. 7—21; Н. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 115—116; J. Tikkanen. Die Psalterillustration im Mittelalter, Bd. I. — Die Psalterillustration in der Kunstgeschichte, Helsingfors, 1895, S. 12; F. G. Kenyon. Facsimiles of Biblical Mss. in the British Museum, London, 1900, Табл. VII; G. F. Warner. Reproductions from Illuminated Mss., ser. 11. London, 1907, Табл. 2—3; J. A. Herbert. Illuminated Manuscripts, London, 1911, p. 49—52; O. Dalton. Op. cit., pp. 470—471; H. Oumont. Notes sur les manuscrits grecs du British Museum. — Bibliothèque de l'École des Chartres, 1834 (XLV), p. 349; G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile au XIV-e, XV-e et XVI-e siècles. Paris, 1913, index s. v. Londres, p. 742, особенно стр. 7, 590—592.

ской Национальной библиотеке (gr. 74),¹⁹ Евангелие в венской Национальной библиотеке (Theol. gr. 154),²⁰ Евангелие в афинской Национальной Библиотеке (57),²¹ Евангелие (с Синаксарем) в Ватиканской библиотеке (gr. 1156),²² Слова Григория Назианзина со Словом на Рождество Христова Иоанна Дамаскина в иерусалимской Патриаршей библиотеке (Γαφρον 14),²³ фрагмент Синаксаря в ленинградской Публичной библиотеке (греч. 373),²⁴ сильно реставрированная Псалтирь в Ватикане (Barb. gr. 372),²⁵

тиорам греческих рукописей. Одесса, 1376, стр. 115—116; J. Tikkanen. Die Psalterillustration im Mittelalter, Bd. I. — Die Psalterillustration in der Kunstgeschichte, Helsingfors, 1895, S. 12; F. G. Kenyon. Facsimiles of Biblical Mss. in the British Museum, London, 1900, Табл. VII; G. F. Warner. Reproductions from Illuminated Mss., ser. 11. London, 1907, Табл. 2—3; J. A. Herbert. Illuminated Manuscripts, London, 1911, p. 49—52; O. Dalton. Op. cit., pp. 470—471; H. Oumont. Notes sur les manuscrits grecs du British Museum. — Bibliothèque de l'École des Chartres, 1834 (XLV), p. 349; G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile au XIV-e, XV-e et XVI-e siècles. Paris, 1913, index s. v. Londres, p. 742, особенно стр. 7, 590—592.

¹⁹ H. Bordier. Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1883, pp. 133—136; G. Millet. L'Art byzantin, pp. 234—235 (в „Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours, publiée sous la direction d'André Michel“, I—II, Paris, 1905); H. Oumont. Evangiles avec peintures byzantines du XI-e siècle, I—II. Paris, s. a. (в 1940 г. вышло 2-е изд.); G. Millet. Iconogr. de l'évangile, Index s. v. Paris, p. 746, особенно стр. 8, 562—563, 581—592; H. Gerstinger. Die griechische Buchmalerei. Textband und Tafelband. Wien, 1926, S. 32; Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, 2-е éd., II, Paris, 1926, pp. 63—633; G. Millet. Séances du 12 juillet. Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles lettres, 1933, p. 342—343; — Буберль датирует Cod. Paris. gr. 74 XII — началом XIII в. Такая поздняя датировка решительно опровергается крупным и тонким стилем миниатюр, особенно же их мягким и нежным колоритом, совсем не похожим на несравненно более жесткий колорит миниатюр позднего XII в.

²⁰ Н. Кондаков. Назв. соч., стр. 241—242; G. Millet. Iconogr. de l'évangile, Index s. v. Vienne, p. 753, особенно стр. 7, 537—588; H. Gerstinger. Op. cit. S. 33—34, 47 (с указанием более старой литературы) и табл. XII—XIV; J. Tikkanen. Studien über die Farbengebung in der mittelalterlichen Buchmalerei. Helsingfors, 1933, S. 163—169 (в серии „Societas scientiarum Fennica Commentationes Humanarum Litterarum“, V—1); P. Buberl u. H. Gerstinger. Op. cit., S. 21—31, Табл. VI—X—1, XI.

²¹ P. Buberl. Die Miniaturhandschriften der Nationalbibliothek in Athen. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse, 1917 (60—2), S. 9—11; Табл. IX—XIII; A. Delatte. Les manuscrits à miniatures et à ornements des Bibliothèques d'Athènes. Liège — Paris, 1926, p. 8—11. Табл. II—IV (в серии „Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège“ fasc. XXXIV).

²² Н. Кондаков. Назв. соч., стр. 215—217; G. Millet. Iconographie de l'évangile Index s. v. Rome, p. 743, особенно стр. 13, 180, 591—592; P. Buberl u. H. Gerstinger. Op. cit., S. 23. — Несмотря на то, что Милле отвел совершенно верное историческое место Cod. Vat. gr. 1156, Буберль отвел его, без достаточных оснований, к позднему XII в.

²³ Н. Кондаков. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб., 1904, стр. 231—233, 296; Millet. L'art byzantin, p. 245, 247; Id. Iconographie de l'évangile, p. 141; V. Lasareff. Two Newly Discovered Pictures of the Lucca School. — Burlington Magazine, 1927 (LI), p. 61; W. H. P. Hatch. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem, Cambridge Mass., 1931, pp. 58—75, Табл. I—XVIII. — Стиль миниатюр выдает ближайшее сходство с Paris. gr. 74, Vat. gr. 1156 и с кодексом Физиолога в Смирне. Один лист Иерусалимской рукописи хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде (греч. 334). См. Н. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи, СПб., 1911, Рис. 332.

²⁴ Ближайшие стилистические аналогии к фигурам святых мы находим в Cod. Vat. gr. 1156, Vind. hist. gr. 6 и Paris. gr. 580.

²⁵ Ф. Буслеев. Письмо из Рима на имя председателя Об-ва. — Вестн. Об-ва древне-русского искусства при Московском Публичном музее. М., 1875, вып. 6—10, стр. 67—72; Н. Кондаков. Назв. соч., стр. 115; J. Tikkanen. Die Psalterillustration im Mittelalter, S. 12; G. Millet. Iconographie de l'évangile, p. 7, 592. — Стриговский (J. Strzygowski. Die Miniaturen des serbischen Psalters der Königl. Hof- und Staatsbibliothek in München. — Denkschr. d. kaiserl. Akad. d. Wiss. in Wien, philos.-hist. Klasse, 1905 (LII), S. 107) и Буберль (P. Buberl u. H. Gerstinger. Op. cit., S. 23)

два Менология в венской Национальной библиотеке (hist. gr. 6)²⁶ и в парижской Национальной библиотеке (gr. 580),²⁷ Жития святых в Амбросиане (E 89 inf.),²⁸ Жития святых и Слова от 1063 г. в московском Историческом музее (греч. 9),²⁹ Псалтирь от 1077 г. в венской Национальной библиотеке (Theol. gr. 336).³⁰ Но особую близость Ленинградская псалтирь обнаруживает к Новому Завету от 1072 г. в Университетской библиотеке в Москве (№ 2280)³¹ и к Евангелию в Дионисиате. Здесь встречаются почти тождественные по композиционному построению и по тонкости отделки фигурные инициалы. Вероятно, все три рукописи вышли из одной мастерской.³² Так как Новый Завет был исполнен для императора Михаила VII Дуки, то есть все основания полагать, что этой мастерской был царский скрипторий, традиции которого держались и при Никифоре Вотаниате.

Встречающиеся во всех трех рукописях фигурные инициалы достигли особого расцвета как раз в третьей четверти XI в. Это, в частности, показывают Слова Григория Назианзина от 1062 г. в Ватикане (gr. 463), где в небольшие буквы заключены целые сцены, иллюстрирующие текст.³³ Такие же фигурные инициалы мы находим в Евангелии из Сан Джорджи деи Гречи в Венеции.³⁴ Этот же изящный каллиграфический стиль 60—70-х годов выступает и в Словах Григория Назианзина в московском

датируют Ватиканскую псалтирь, вслед за Тикканеном, XII в.; Кондаков и Лампрос (S. Lampros, *Empereurs byzantins*. Athènes, 1911, p. 40, № 351) — XI в. (до Романа Диогена, 1067—1071), Милле — эпохой первых Комнинов. Рукопись грубо реставрирована. Нетронутые реставрацией миниатюры (лл. 15 об., 190, 222, 223 об., 227 об.) выдаются своим тонким исполнением и целиком укладываются в рамки стиля третьей четверти XI в.

²⁶ H. Gerstinger. *Op. cit.*, S. 30, 31, 47 (с указанием более старой литературы) и табл. XVI—XVII; P. Buberl u. H. Gerstinger *Op. cit.*, S. 38—43. Табл. XIII—XV.

²⁷ H. Bordier. *Op. cit.*, p. 299—300; H. Кондаков. Назв. соч., стр. 213—214; H. Omont. *Op. cit.*, pp. 49—50. Табл. СII. — Эта рукопись вышла из той же мастерской, что и Cod. Vind. hist. gr. 6.

²⁸ A. Martini et D. Bassi. *Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae II, Mediolani, MCMVI*, p. 1087—1033, N 1017. — Эта рукопись была исполнена в той же мастерской, что и Cod. Vind. hist. gr. 6 и Paris. gr. 530.

²⁹ H. Кондаков. Назв. соч., стр. 214; Арх. Владимир. Систематическое описание рукописей московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 575—577, № 382. — Хотя рукопись происходит из монастыря Ставроникиты, она несомненно константинопольского происхождения. Для орнаментики ср. Cod. Lond. Add. 11870; для стиля фигур — Paris. gr. 580, Vind. hist. gr. 6, Vind. theol. gr. 336.

³⁰ H. Gerstinger. *Op. cit.*, S. 41, 37 (с указанием более старой литературы) и табл. XV; P. Buberl u. H. Gerstinger. *Op. cit.*, S. 35—38. Табл. XII. Орнаментика выдает большое сходство с Новым Заветом от 1072 г. в московской Университетской библиотеке.

³¹ Арх. Амфилохий. О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях. М., 1870, стр. 22—27; *Exempla codicum graecorum*. Vol. I: *codices Mosquenses*. Ed. G. Serejeli et S. Sobolevsky, M. 1911, Табл. XX; М. Алпатов. Царьградские миниатюры апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве. — Труды Секции искусствоведения Ин-та археологии и искусств., 1928 (II), стр. 108—112; Id. *Un nuovo monumento di miniatura della scuola constantinopolitana*. — *Studi bizantini*, 1927 (II), pp. 103—108. — Орнаментика рукописи крайне близка к Cod. Vind. theol. gr. 336, стиль — к Vind. theol. gr. 154 и особенно к Leningr. gr. 214 и Евангелию в Дионисиате.

³² Из этой же мастерской вышел, повидимому, и Cod. Paris. Coislin, 79 миниатюры которого были добавлены, как уже отмечалось выше, в эпоху Никифора Вотаниата. Особенно близко к Cod. Leningr. 214 письмо этой рукописи. Ср. прим. на стр. 3.

³³ H. Кондаков. Назв. соч., стр. 204; H. Peirce a. R. Tyler. *Byz. Art*. London, 1926, pp. 42—43. Табл. 57 (в серии „Kai Khosru Monographs on Eastern Art“).

³⁴ H. Кондаков. Назв. соч., стр. 243—244; O. Wulff. *Altchristliche und byzantinische Kunst*, II. Berlin — Neubabelsberg, 1914, S. 536.

Историческом музее (греч. 61).³⁵ Он держится и в конце XI в. Но постепенно он утрачивает свою тонкость и виртуозную каллиграфичность. В исполнении инициалов появляется известная небрежность, портится рисунок, трактовка делается все более сухой и стереотипной. Такие рукописи, как Псалтирь от 1084 г. в монастыре Пантократора на Афоне (№ 49)³⁶ и Евангелие в пармской Палатинской библиотеке (Palat. 5)³⁷ иллюстрируют самое начало того процесса, который получает свое логическое завершение в миниатюрах XII в.

Московский университет и ленинградская Публичная библиотека имеют все основания гордиться тем, что среди их рукописных собраний хранятся два подлинных шедевра византийской книжной иллюстрации. Исполненные несомненно в одной мастерской, и московский Новый Завет, и Ленинградская Псалтирь освещают тот этап в развитии византийской миниатюры, когда последняя достигла наибольшей тонкости и предельной красочной изощренности. Они могут рассматриваться как два характерных памятника константинопольского искусства, которое приобретает для нас из года в год всё более четкие и ясные очертания.

³⁵ Арх. Владимир. Систематическое описание рукописей московской Синодальной библиотеки, стр. 151—152, № 146; *Copies photographiques des miniatures des manuscrits grecs conservés à la Bibliothèque Synodale (autrefois Patriarcale) de Moscou*, III, M. 1865, табл. I—X; H. Кондаков. Назв. соч., стр. 204.

³⁶ H. Brockhaus. *Die Kunst in den Athos-Klöstern*, 2-te Aufl. Leipzig, 1924, S. 174—176, 205—207; G. Millet et S. Der-Nersessian. *Le psautier arménien illustré*. *Revue des Etudes Arméniennes* 1929 (X), p. 165 сл.

³⁷ F. Odorici. *Memorie storiche della Nazionale Biblioteca di Parma*. P. III. *Atti e memorie delle R. R. Deputazioni di storia patria per le province modenesi e parmensi* 1865 (III), fasc. I, p. 447—449; H. Кондаков. Ук. соч., стр. 253; E. Martini. *Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane*, I, p. 1. Milano, 1893, p. 149—153; G. Millet. *Iconographie de l'évangile*, Index s. v. Parme, p. 748.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

О СВЯЗИ КИРИЛЛОВСКОГО УСТАВА
С ВИЗАНТИЙСКИМ УНЦИАЛОМ

Важность изучения истории славянского письма в тесной связи с историей греческого средневекового письма была осознана уже в середине прошлого века. В 60-х годах XIX в. были изданы первые сборники снимков с рукописей, куда вошли и греческие и славянские памятники для облегчения их сравнительного изучения.¹ В литературе появились статьи о влиянии греческой письменности на славянскую. Но, несмотря на это, проблема связей славянской письменности с греческой недостаточно выяснена и до настоящего времени. Еще в 1914 г. в своем предисловии к „Сборнику снимков с греческих уставных рукописей“, целью которого являлось именно облегчение сравнительного исследования того и другого письма, А. И. Соболевский писал: „Вопрос об отношении славянского кирилловского письма в южнославянских и русских рукописях XI—XIV вв., которое у нас принято называть уставом, к греческому унциальному письму (которое также можно называть уставом), — вопрос почти нетронутый. Не подлежит сомнению, что славянский кирилловский устав восходит к греческому уставу, но происхождение некоторых его букв все еще требует объяснения. Сверх того вызывает недоумение отсутствие в славянском уставе ударений, хотя бы поставленных и без точной последовательности. Наконец, необходимо установить, как рано славянский устав стал жить самостоятельной жизнью, видоизменяясь в общем и в частности независимо от греческого письма. Для ответа на вышеозначенный вопрос требуется знакомство с греческим унциальным письмом того времени, когда оно существовало рядом со славянским уставом и могло уже влиять на последний, и прежде всего, приведение в известность тех греческих рукописей, которые в данном случае могут быть полезны“.²

Однако в дальнейшем труды, посвященные истории славянского кирилловского письма, продолжали ограничиваться общими замечаниями о связях и зависимости этого письма от византийского. Отсутствие углубленного изучения византийского письма, недостаточное внимание к истории

письма вообще и недооценка значения палеографии препятствовали детальному рассмотрению вопроса.

Первыми работами, посвященными связям славянского и греческого письма, были упомянутые выше труды арх. Амфилохия и арх. Саввы, именно — сборники снимков с греческих и славянских рукописей.

Позднее в курсах истории славянского и кирилловского письма стали встречаться указания на его связь и зависимость от греческого; иногда указывалось на греческие рукописи, письмо которых могло служить образцом при составлении кирилловского алфавита. Обычно история возникновения и развития славянского кирилловского письма излагается схематично и может быть сведена к следующим положениям: 1) кирилловский алфавит был изобретен по образцу византийского литургического унциала в IX в.; 2) позднее устав сменяется полууставом. На этом история древнейшего славянского письма кончается.

В учебнике В. Н. Щепкина история кирилловского устава изложена так:

„Относительно источника обоих алфавитов (т. е. кириллицы и глаголицы. — Е. Г.) мнения огромного большинства ученых согласны: кириллица есть точное повторение греческого литургического устава IX—X в., глаголица основана на греческой скорописи приблизительно того же времени. В IX в. в Византии были в употреблении оба вида письма, с X в. византийский устав (т. е. прямое, отдельное и тщательное письмо) перестал быть обычным почерком, он сохранялся лишь в литургическом употреблении для роскошных, каллиграфически исполненных церковных книг — евангелий, апостолов, псалтырей. Но неосторожно было бы извлекать из этого факта какие-нибудь даты для славянских азбук; так, например, нельзя утверждать, что славянская кириллица могла быть создана только в IX, а не в X в., ибо ничто не мешало, например, школе Симеона создать литургическое письмо в подражание греческому литургическому уставу или воспользоваться для кириллицы тем греческим уставом, который был в употреблении в годы молодости Симеона, проведенные им в Царьграде (до 893 г.), или еще более древними рукописями. Наконец, надо помнить, что культурные течения, особенно на окраинах, не сменяются моментально, и исчезновение делового устава в X в. не означает его повсеместного исчезновения с первых лет этого века“.³

Из этой цитаты наряду с неточным, даже неправильным пониманием терминов (скоропись и устав) видно и недостаточное знакомство В. Н. Щепкина с историей греческого средневекового письма. В. Н. Щепкин является сторонником старшинства глаголицы; по его мнению, именно глаголица была изобретена Константином-Кириллом в IX в. и образцом для нее послужило классическое книжное письмо средневековья — минускул, называемый В. Н. Щепкиным скорописью. В X же веке, как утверждает В. Н. Щепкин, на смену глаголице пришла кириллица, созданная при дворе болгарского царя Симеона по образцу греческого литургического устава.

Исследователи славянской палеографии повторяют одну и ту же ошибку, называя византийский минускул скорописью и определяя устав, или унциал, как „прямое, отдельное и тщательное письмо“. Латинской палеографией уже давно установлено принципиальное отличие между унциалом (или, как принято у нас называть, уставом), минускулом и курсивом. Минускул в славянской палеографии называется скорописью, а курсив (который и представляет собой подлинную скоропись) в славянской палеографии не известен совсем. Все эти три типа письма

¹ Савва, архимандрит. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки М. 1863; Амфилохий, архимандрит. О влиянии греческой письменности на славянскую с IX по начало XVI в. М. 1872; его же. Палеографическое описание греческих рукописей определенных лет с XI по XVII в. М. 1879.

² Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI вв. Сост. А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. СПб., 1913. Предисловие.

³ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 16.

коренным образом отличаются как по своему происхождению, так и по применению, хотя могли существовать одновременно.⁴

В наследие от античного мира средневековый Запад и Византия получили два типа письма: капитальное письмо надписей, важнейшей тенденцией которого являлось стремление к четкости и красоте, и курсив — канцелярское письмо, служившее для обиходных целей и определявшееся стремлением к быстроте и удобству. С переходом на мягкий материал — папирус и пергамен, — из капитального письма развилось книжное письмо раннего средневековья — унциал, развитие и история которого на Западе и в Византии было единообразным. Одновременно с унциалом продолжает существовать курсив, служивший обиходным целям. Позднее, в VII—VIII вв. вследствие влияния книжного письма (унциала) на письмо канцелярское (курсив) в Византии и на Западе развивается классическое письмо средневековья — минускул, служившее в течение долгих веков книжным и обиходным целям.

Между этими тремя основными типами письма существует принципиальное различие. Унциал есть письмо маюскульное, *scriptura majuscula*, определяемое границами двух параллельных, мысленно проводимых линеек и не выбрасывающее (вернее, почти не выбрасывающее) за пределы этих линеек никаких элементов букв. Письмо же минускульное, *scriptura minuscula*, определяется четырьмя параллельными линейками, из коих две внутренние заключают то, что можно назвать телом буквы, а две внешние дают границы вытягивающихся вверх и вниз осей, петель, крючков.⁴

Курсив может быть как маюскульным, так и минускульным письмом. Античный курсив есть курсив маюскульный; средневековый курсив — письмо минускульное.

Этой принципиальной разницы между отдельными типами письма исследователи славянской палеографии не проводили. В. Н. Щепкин, выводя глаголицу из греческого минускула, называемого „скорописью“, создает ошибочное представление о самом источнике глаголицы. Далее В. Н. Щепкин ошибочно считал унциал не только книжным письмом, но и деловым, т. е. служившим для канцелярских нужд. Поэтому представление об источнике кириллицы В. Н. Щепкина так же не точно, как и представление об источнике глаголицы.

Академик Е. Ф. Карский, характеризуя византийское письмо IX в. (т. е. периода возникновения кириллицы), указал, что в Византии было два типа письма — устав, или унциал, и скоропись (т. е. минускул).⁵ Е. Ф. Карский считал, что в основу кириллицы был положен один из дуктов византийского унциала — именно так называемый праславянский унциал. Для разъяснения этого термина следует обратиться к истории византийского унциала.

Возникнув, как уже сказано выше, из капитального письма надписей, унциал живет в Византии в качестве книжного письма до XII в. включительно. За этот длительный период своего существования унциал прошел определенные этапы развития. Древнейший унциал характерен правильностью форм: четырехугольные буквы (Н и π) образуют правильный квадрат, а круглые (ο с е) — круг; буквы стоят на строке прямо. Надстрочные знаки (ударения и придыхания) не употребляются. Сокращений мало; сокращаются лишь *Nomina Sacra*, союз *καί* и N на конце строки.

Уже в VI в. наблюдается изменение стройности унциального письма; буквы вытягиваются, округлые становятся овальными, заметна тенденция к их наклону. Так, в знаменитой рукописи Венского Диоскорида, писанной в самом начале VI в., второй писец пишет с легким наклоном вправо. В VII и VIII вв. встречаются уже целые кодексы, писанные вытянутым, наклонным унциалом. В IX в. и позднее, когда унциал, как книжное письмо, вытесняется минускулом, им пишут только более или менее роскошные богослужебные рукописи. Этот поздний унциал и называется „литургическим“ унциалом, т. е. унциалом, употребляемым для богослужебных текстов. Литургический унциал также не был однообразным. Наряду с изящным тонким письмом встречаются кодексы, писанные письмом небрежным, которое казалось грубоватым.

В этих рукописях буквы вытянуты; в них резко подчеркнута различие толстых и тонких линий; каждая линия как бы закончена; тонким, едва заметным штрихом писец заканчивает все перпендикулярные линии; овал (буквы ο ε с) обязательно имеет на вершинах капельку, вершины его как бы заштрихованы. Горизонтальные линии (напр. перекадинка Т Γ Δ) оканчиваются также капельками или крошечными заштрихованными треугольниками. В отдельности или в незавершенном виде эти особенности встречаются во многих унциальных рукописях. Полного же своего развития они достигают в только что характеризованном письме, которое принято не только указывать в качестве прообраза кириллицы, но и называть „праславянским“.⁶

Этот тип византийского письма действительно имеет много общего с древнейшими славянскими рукописями, но не со всеми, а только с теми, письмо которых близко к письму Остромирова Евангелия, т. е. с роскошными памятниками. В письме Остромирова Евангелия присутствуют все черты, характерные для праславянского унциала. В Остромировом Евангелии так же резко подчеркнута разница между толстыми и тонкими линиями букв, так же отчетливо видна манера заканчивать каждую линию тонким штрихом или капелькой. Но, повторяю, эти характерные черты присущи не всем древним славянским рукописям. Остромирово Евангелие — один из наиболее известных памятников древней славянской письменности, и здесь сходство особенно бросается в глаза. Древнейшие же славянские рукописи (Супральская рукопись, Евангельские листки Ундольского, Саввина книга, Житие Кондрата — памятники XI в., несомненно более древние, чем Остромирово Евангелие) имеют мало общего с праславянским унциалом, но гораздо больше общего с древнейшим византийским унциалом. Буквы этих древнейших славянских рукописей не вытянуты, но почти квадратны: тонкие и толстые линии отличаются в незначительной мере или совсем не отличаются, тенденция заканчивать линии штрихом или капелькой выражена слабо.

Таким образом, уже в древнейшем периоде славянской письменности имеются два типа устава, которые восходят к двум различным дуктам греческого унциала.

Еще одно соображение подтверждает неудовлетворительность термина „праславянский“ унциал. Под праславянским понимается унциал, легший в основу кирилловского алфавита. Однако все греческие рукописи, писанные

⁴ О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Изд. 2-е. Л., 1936, стр. 57.

⁵ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 160—162.

⁶ Е. Ф. Карский. Назв. соч., стр. 160—164; П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Энд. слав. фил. П., 1914, стр. 16—22; V. Gardthausen. Griechische Palaeographie, 2-е изд. Lpz., 1911—1913, т. II, стр. 151; E. M. Thompson. Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912; стр. 214.

этим письмом, относятся к X или XI вв., т. е. к тому времени, когда славянское письмо уже существовало.⁷

Итак, до сих пор источник кирилловского алфавита не был установлен с достаточной четкостью. То же можно сказать и о времени происхождения кириллицы. Все еще не решен окончательно вопрос, какой же именно из двух алфавитов был изобретен Константином-Кириллом в IX в.— глаголица или кириллица. В. Н. Щепкин, будучи сторонником старшинства глаголицы, утверждает, что кириллица возникла в X в., в школе болгарского царя Симеона. Е. Ф. Карский держится мнения, что именно кириллица была создана в IX в. Он приводит также интересную гипотезу одного из крупнейших славистов XIX в. И. И. Срезневского.

И. И. Срезневский считал, что кирилловская азбука возникла у славян ранее IX в., основываясь не только на свидетельстве черноризца Храбра, ясно указывающего, что славяне до Кирилла пользовались греческими буквами „без устройства“.⁸ Утверждая, что славяне заимствовали из Византии письмо не в IX, но в VIII или даже в VII в., И. И. Срезневский указывал на отсутствие надстрочных знаков (придыханий и ударений) в древнейших славянских рукописях, тогда как в греческих унциальных рукописях IX в. эти знаки становятся обязательными. В унциале же VII—VIII вв. надстрочные знаки почти не встречаются, и потому следует предположить, что письменность славян возникла ранее IX в. Опровергая мнение И. И. Срезневского о времени возникновения славянских письмен, Е. Ф. Карский отмечал, что и в IX в. в Византии употребление надстрочных знаков было несистематичным. Употребление или, наоборот, неупотребление славянами надстрочных знаков в письме само по себе не может служить доказательством заимствования ими письма из Византии в тот или иной период. В средние века значительная часть надстрочных знаков (именно придыхания) в греческом языке уже утратила свой смысл и не имела значения при произношении, а потому могла быть воспринята при заимствовании алфавита для другого языка, где применение надстрочных знаков было бы уже ничем не оправдано.

Итак, славянской палеографией до сих пор не окончательно решены основные проблемы — о времени происхождения славянской азбуки и о типе греческого письма, послужившего образцом при составлении кириллицы.

Как же следует подойти к исследованию связей кирилловского устава с византийским унциалом? Является ли устав по отношению к византийскому письму просто „сколком“, „повторением“ унциала? Являются ли древнейшие, дошедшие до наших дней, славянские рукописи простым подражанием византийским или они представляют собой продукт самостоятельного графического творчества славян?

Для выяснения этих вопросов следует вновь обратиться к истории византийского унциала. Помимо уже указанных ранее этапов своего развития, византийский унциал мог приобретать, в зависимости от влияния алфавитов других народов, некоторые особенности, придававшие этому

⁷ Упоминаемое в некоторых трудах евангелие 844 г., принадлежащее Гос. публичной библиотеке в Ленинграде, греч. № 33, писано унциалом, отличным от интересующего нас дукта. Вдобавок, датировка этой рукописи 844 г. не доказана. Так, А. И. Соболевский (мы присоединяемся к его мнению) датирует это евангелие 924 г. См. А. И. Соболевский. Назв. соч., Предисловие; П. А. Лавров, Назв. соч., стр. 16—17.

⁸ И. И. Срезневский. Палеографические заметки, сделанные во время путешествия летом 1860 г. СПб., 1860.

греческому письму как бы местный, локальный характер. Известны четыре дукта греческого унциала: коптский, западноевропейский, грузинский и праславянский.

Коптский дукт представлен двумя десятками отрывков рукописей и одним двуязычным кодексом, хранящимся в Британском музее. Ни одна из этих рукописей не содержит указаний на свое происхождение. Все рукописи, писанные греческим унциалом коптского дукта, относятся к VI—VII вв. н. э., т. е. к тому времени, когда у коптов уже существовало самостоятельное развитое письмо.

Буквы разбираемого нами дукта стоят на строке прямо; разница между тонкими и толстыми линиями ничтожна или вовсе отсутствует; буквы квадратны, как бы приземисты; заметно стремление заканчивать линии петельками или закруглениями (см. рис. 1).

Западноевропейский дукт греческого унциала представлен исключительно двуязычными кодексами с параллельным текстом на греческом и латинском языках. Как и в предыдущем случае, ни в одной из этих рукописей не содержится прямых указаний на их происхождение. Датируются рукописи этого дукта также VI—VII вв. В этих рукописях сходство алфавитов очень велико не только потому, что латинский и греческий унциалы вообще имеют между собой много общего, но и потому, что греческие буквы стилизованы на манер латинских, что отчетливо видно на прилагаемом снимке (см. рис. 2).

Грузинский дукт представлен всего двумя евангелиями (одно VIII в., другое IX в.), обнаруженными в грузинских монастырях и также не содержащими указаний на свое происхождение.

Письмо этих двух рукописей (особенно характерно письмо Коридетского евангелия VIII в., снимок с которого мы помещаем здесь, см. рис. 3) отличается от письма прочих греческих унциальных рукописей. Линии букв толсты, как бы несколько изломаны. Заметны небольшой наклон вправо, своеобразная манера делать некоторые линии горизонтальными, тогда как обычно они наклонны — так верхняя косая черта „х“, нижняя линия овала „а“, верхняя линия овала „р“, поперечная линия „л“; с этим связана манера расширять верхние углы некоторых букв. Вряд ли можно говорить о сходстве греческого письма этих рукописей с грузинским письмом. Но несомненно, что две греческие рукописи грузинского происхождения имеют определенные особенности письма, не свойственные греческому унциалу вообще.

Характеристика праславянского дукта дана была раньше.

Все вышеописанные дукты византийского унциала имеют одну важную общую черту: они возникли в то время, когда уже существовало развитое письмо — коптское, грузинское, латинское, следовательно, эти дукты унциала возникли под влиянием уже существовавших алфавитов. Коптский, грузинский и западноевропейский дукты не следует рассматривать как некоторые своеобразные типы или виды византийского унциала. Возникновение этих дуктов следует объяснять индивидуальной манерой писца, привыкшего писать латинским, коптским или грузинским письмом, и потому несколько изменяющего буквы греческого алфавита согласно привычным формам. Это соображение подтверждается и происхождением рукописей. Так, западноевропейский дукт представлен параллельным текстом на греческом и латинском языках в двуязычных кодексах, происходящих из западноевропейских скрипториев.

К сожалению, рукописи „праславянского“ дукта не имеют никаких указаний на свое происхождение. Однако на основании вышеизложенного могут быть сделаны следующие выводы.

ΕΠΙΤΕΛΕΥΣΕ ΤΟΥ ΧΥ

ΕΙΠΕΝ ΑΥΤΩ	ΤΑ ΤΩ ΓΑΡ ΕΧΟ
ΠΟΝΗΡΕ ΔΟΥ	ΤΙ ΠΑΝΤΙ ΔΟΘΗ
ΛΕΚΛΙΟΚΝΗΡΕ	ΘΕΤΑΙ ΚΑΙ ΠΕΡΚ
Η ΔΕΙΣ ΟΤΙ ΘΕ	ΣΕΥΘΗΣ ΕΤΑ
ΡΙΖΩ ΟΠΟΥ ΟΥ	ΑΠΟ ΔΕ ΤΟΥ ΜΗ
ΚΕΣ ΠΕΙΡΑ ΚΑΙ	ΕΧΟΝΤΟΣ ΚΑΙ
ΣΥΝΑΓΩΘΕ ΘΕ	ΟΘΕ ΧΕΙΛΡΘΗΣΕ
ΟΥ ΔΙΕΣΚΟΡ	ΤΑΙΑ ΠΛΥΤΟΥ
ΠΙΣΑ ΕΔΕΙΟΥ	ΚΑΙ ΤΟΝ ΑΧΡΕΙΟ
ΣΕ ΒΑΛΕΙΝ ΤΟ	ΔΟΥΛΟΝ ΕΚ ΒΑ
ΑΡΓΥΡΙΟΝ ΜΟΥ	ΛΕΤΕ ΕΙΣ ΤΟ
ΤΟΙΣ ΤΡΑΠΕ	ΣΚΟΤΟΣ ΤΟΘ
ΖΗΤΑΙΣ ΚΑΙ ΕΛ	ΖΩΤΕΡΟΝ ΕΚΕΙ
ΘΩΝ ΕΓΩ ΕΚΟ	ΕΣΤΑΙ Ο ΚΛΑΥ
ΜΙΣΑ ΜΗΝ ΑΝ	ΘΜΟΣ ΚΑΙ Ο ΒΥ
ΤΟ ΘΕ ΜΟΝ ΣΥΝ	ΓΜΟΣ ΤΩ ΝΟ
ΤΟ ΚΩ ΑΡΑ ΤΕ	ΔΟΝΤΩΝ ΟΤΑΝ
Α ΠΛΥΤΟΥ ΤΟΤΑ	ΕΕΛΘΗ ΟΥΣ ΤΟΥ
ΛΑΝΤΟΝ ΚΑΙ ΔΟ	ΑΝΟΥ ΕΝ ΤΗ ΔΟ
ΤΕ ΤΟ ΕΧΟΝ Η	ΖΗ ΑΥΤΟΥ ΚΑΙ
ΤΑ ΔΕ ΚΑΤΑ ΛΑΝ	ΠΑΝΤΕΣ ΟΙ ΑΓΙΟΙ

Рис. 1

Θαυμαζω οτι ου τις ταχως	Μικρον quod sic tam cito
μετατιθες θε	TRANS FERIT MI
απο του καλεσαντος υμας	AB EO QUI VOCAVIT UOS
εχαριτι χυ	IN GRATIA IHU XPI
εις τερον ευαγγελιον	IN ALIUD EVANGELIUM
ουκ εστιν αλλο	QUOD NON EST ALIUD
ει μητινες ειπον	NISI SIS UNTA LIQUI
οιταρ ασσοιτες υμας	QUI CONTURBANT UOS
και θελοντες μεταστρεψαι	ET VULVNT CONVERTERE
το ευαγγελιον του χυ	EVANGELIUM XPI
αλλα και ελη ημεις	SED LICET NOS
ηαγγελουσε ουρανου	AN TAN CELUS DE CAELO
ευαγγελιζηται υμιν	EVANGELIZAVERT UOBIS
παρο ευαγγελια μεθα υμιν	PRETER QUI EVANGELIZAVIT UOBIS
αναθεμα εστιω	ANATHEMA SIT
ωσπροειρηκαμεν	SICUT PRAEDIXIMUS
και ρηπαλιν λεγω	ET NUNC ITERUM DICO
εις τις υμας ευαγγελιζεται	Siquis uobis adnuntiavert
παρο παρελαβετε	PRETER QUI QUOD ACCEPIS
αναθεμα εστιω	ANATHEMA SIT
αρθι παρ ανθρωπου σπειρω	MODO ENI HOMINIBUS SALDEO
ητον οη	ANITDO
ηζητω ανθρωποις	ANIT QUAE RO HOMINIBUS
αρεσκειν	PLACERE
εις ταρετιαν ανθρωποις	SID HUC HOMINIBUS
ηρεσκον	PLACEREM
χυλο υλο ουκ ανημην	XPI SERVUS NON ESSEM
γνωριζω υμιν	NOTU ENIM UOBIS FACIO
αδελφοι	FRATRES
το ευαγγελιον	EVANGELIUM
το ευαγγελισθεν υπεμου	QUAEVANGELIZATUM EST AME

Рис. 2.

ΟΥΤΑΝ ΕΝΩΣΕΝ ΟΥΤΟ
ΥΣΟΦΘΑΛΜΟΥΣ:
ΟΔΕΙΠΕΝ ΟΤΙ ΠΡΟ
ΦΗΤΗΣ ΕΣΤΙΝ:
ΟΥΓΕΠΙΣΤΕΥΟΝΔΕ
ΟΙ ΟΥΔΑΙΟΙ ΠΕΡΙ ΑΥΤΟΥ
ΟΤΙ ΗΝ ΤΥΦΛΟΣ ΠΑ
ΝΕΚΛΕΨΕΝ. ΕΩΣ Ο
ΤΟΥ ΕΦΩΝΗΣΑΝ
ΤΟΥΣ ΓΟΝΕΙΣ ΑΥΤΟΥ
ΤΟΥ ΑΝΑΚΛΕΨΑΙΝ ΟΣ
ΠΑΙΝΡΗΤΗΣ ΑΝΑΥΤΟ
ΥΣ ΛΕΓΟΝΤΕΣ ΟΥΤ
ΟΣ ΕΣΤΙΝ ΟΥΙΟΣ ΑΥΤΟΥ
ΟΙ ΟΥ ΜΕΙΣ ΕΛΕΓΕΤΕ
ΟΥΤ ΤΥΦΛΟΣ ΕΓΕΜΙ
ΗΘΗ ΠΩΣ ΟΥΚ ΕΠΕΜΑΡΤΙ
ΑΠΕΙΡΡΩΝΕΣ ΑΥΤΟΥΣ
ΟΙ ΟΝΕΙΣ ΑΥΤΟΥ Η Α
ΕΙΠΟΝ ΟΙ ΔΑΔΜΕΝΟΤ
ΙΟΥΤΟΣ ΕΣΤΙΝ ΟΥΙ
ΟΣ ΑΥΤΟΥ Η ΑΝΟΤΙ ΤΥ
ΦΛΟΣ ΕΓΕΝΝΗΘΗ Π
ΩΣ ΔΕ ΝΥΝ ΒΛΕΠΕΙ ΟΥ
ΚΑΥΔΑ ΜΕΝ ΗΓΙΣΑΥΤΟ
Υ ΑΝΕΩΣΕΝ ΤΟΥΣ Ο
ΦΘΑΛΜΟΥΣ Η ΜΕΙΣ
ΟΥΚ ΟΙΔΑΜΕΝ ΑΥΤΟ
ΕΡΩΤΗΣΑΤΕΝ ΔΙΣΕΙ
ΑΝΕΤΕΓΑΥΤΟΣ ΠΕΡΙ

217
219
ΕΑΥΤΟΥ ΛΑΛΗΣΕΙ:
ΤΑΥΤΑ ΕΙΠΟΝ ΟΙ ΓΟΝΕΙ
Σ ΑΥΤΟΥ ΟΤΙ ΕΦΟΚ
ΟΥΝ ΤΟ ΤΟΥΣ ΟΥΔΑ
ΙΟΥΣ Η ΔΗΤΑΡΣΥΝ
ΕΤΒΘΕΙΝ ΤΟ ΟΙΟΥ
ΔΕ ΟΙ ΗΜΕΙΣ ΑΝΤΙΣΑ
ΥΤΟΝ ΟΜΟΛΟΓΕΙ
ΣΕΙ Η ΑΠΟΣΥΝΑ
ΓΩΓΟΣ ΓΕΝΗΤΑΙ:
ΔΙΑ ΤΟΥΤΟ ΟΙ ΓΟΝ
ΕΙΣ ΑΥΤΟΥ ΕΙΠΟΝ
ΟΤΙ Η ΔΙΓΓΙΑΝ ΕΤΕΙ
ΑΥΤΟΝ ΕΡΩΤΗΣΑΤΕ:
ΕΦΩΝΗΣΑΝ ΟΥΝ ΗΘΗ
ΑΝΟΜΕΙΓΔΕΥΤΕΡ
ΟΥ ΟΣΙΝ ΤΥΦΛΟΣ
Η ΑΙ ΕΠΑΝΑΥΤΩ Δ
ΟΣ ΔΟΥΣ ΑΝΤΩΘΩ
Η ΜΕΙΣ ΟΙ ΔΑ ΜΕΝ
ΟΤΙ ΟΥΤΟΣ Ο ΑΝΟΣ
ΑΚΑΡΤΟΛΟΣ ΕΣΤΙΝ:
ΕΙΠΕΝ ΟΥΝ ΕΙΓΕΝΟ
ΣΕΙ ΑΚΑΡΤΟΛΟΣ
ΕΣΤΙΝ ΟΥ Η ΟΙ ΔΑ
ΕΝ ΟΙ ΔΑ ΟΤΙ ΤΥ
ΦΛΟΣ ΗΝ ΑΡΤΙΣ
ΛΕΠΩ:
ΕΙΠΟΝ ΟΥΝ ΑΥΤΩ
ΠΑΔΙΗΤΙ ΕΠΟΙΗΣΕ
ΣΟΙ

Рис. 3

σο φωνησαν
την συνεσι
των συνεσι
αυτου κρυψω
ο υαυτοις βαθε
ως ποιουσιν
βουλην και
διακυσθην
κρυψη βου
λην ποιουσιν
τες και εστι
εν σκοτειτα
εργα αυτων
και ερουσιν
τις ημας εν
ρακεν και η
ημας γνωσει
η ημεικ ποι

ου λην ου χω
ο παλοσ του κε
ραμεωσ λογι
σθησσ ο εμνη
ερεϊ τα πλασμα
των πλασαντι
αυτον ου συ
μεεπλασα
και το ποιη
ματα ποιησαντι
ου συνητεωσ
με ποιησα
ου χιε τιμησ
και μετατε
θησεται οαικα
ριοσ ενσ το οροσ
το χερμελ εν
ο χερμελεσ

Рис. 4

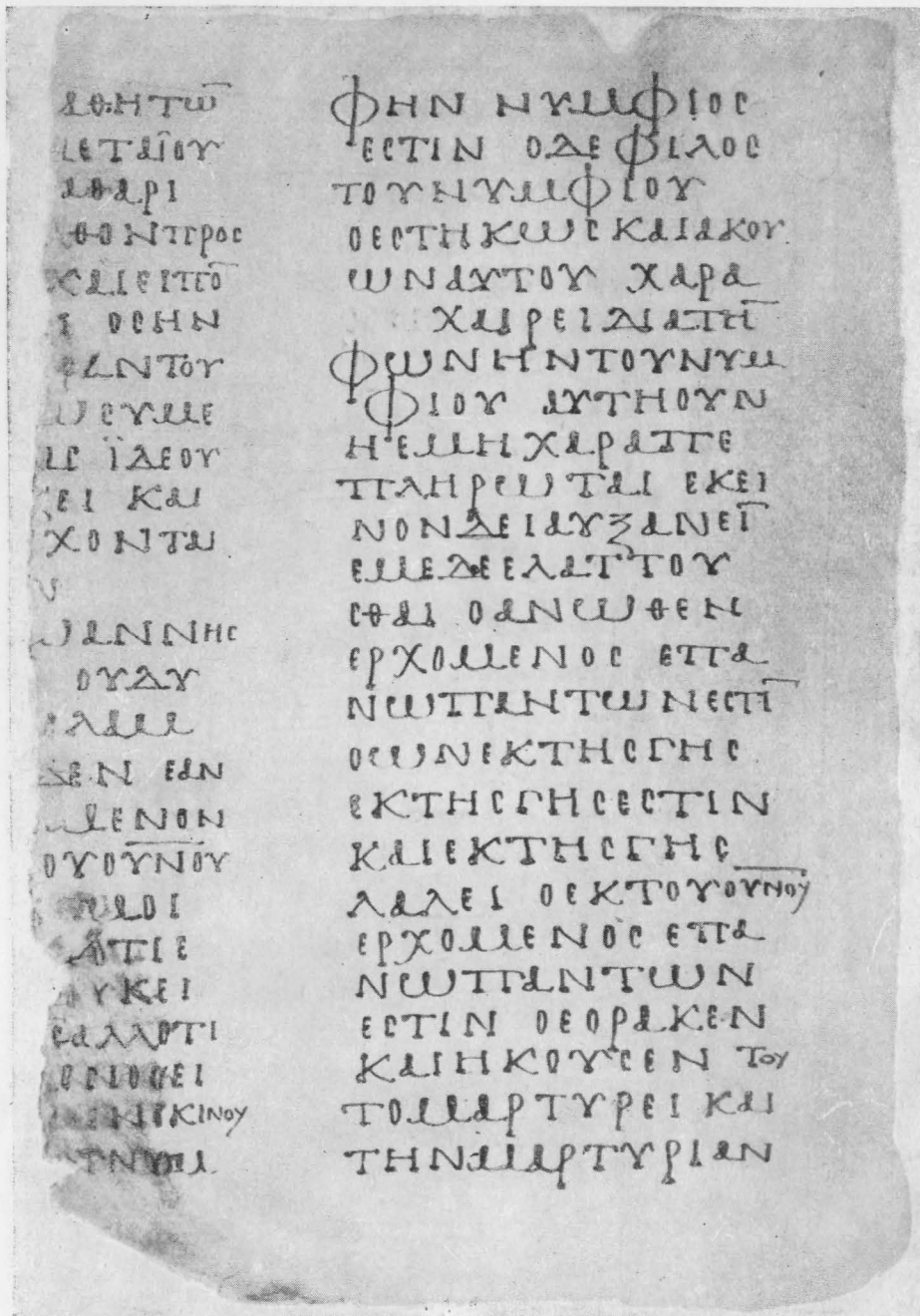

Рис. 5

Так называемый „праславянский“ дукт византийского унциала, который в трудах по славянской палеографии рассматривается как послуживший образцом для кириллицы, таковым не является. Рукописи, написанные этим дуктом византийского унциала, относятся к X—XI вв., т. е. к тому времени, когда славянская письменность уже существовала. Прочие дукты византийского унциала возникли под влиянием уже существовавших алфавитов. Вследствие отсутствия памятников славянского письма, более древних, чем конец X—начало XI вв., мы не можем утверждать, что праславянский дукт византийского унциала возник под влиянием уже существовавшего славянского письма, но несомненно, что он возник в византийском унциале в период развития славянского письма — кириллицы. Славянское письмо есть результат самостоятельного графического творчества народа, применяющего и изменяющего это письмо в зависимости от нужд своего языка (рис. 5).

За 150—200 лет, протекших от создания кириллицы до написания сохранившихся древнейших памятников славянской письменности, кирилловский устав уже прошел стадию простого подражания византийскому письму и вступил в новый этап самостоятельного развития. Таким образом, древнейшие славянские рукописи являются продуктом самостоятельного графического творчества славянских народов, а так называемый праславянский дукт византийского унциала следует рассматривать как отражение в византийской письменности процесса становления славянского письма.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

I. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

А. ГРЕГУАР И ЕГО РАБОТЫ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ

В настоящее время, после смерти Ш. Диля, Анри Грегуар является наиболее видным представителем буржуазного византиноведения. Он — редактор международного византиноведческого журнала *Byzantion*, существующего с 1924 г. Под его руководством проходили международные византиноведческие конгрессы: в Бухаресте в 1924 г., в Белграде в 1927 г., в Афинах в 1930 г., в Софии в 1934 г., в Риме в 1936 г., и проводятся также научные предприятия, как, например, издание *Corpus Bruxellense* византийских историков.

Вышедший под редакцией Mauris в 1946 г. в Нью-Йорке журнал *Byzantina metá Byzantina*, в котором напечатана благодарность известного реакционера генерала де-Голля Грегуару, „как борцу за нашу западную культуру“, прославляет Грегуара как преданного друга греческого народа, как неустрашимого борца за свободу народов и цивилизации.¹

Мы, однако, не слышали, чтобы Грегуар был взволнован великой трагедией, которую вот уже несколько лет переживает греческий народ на глазах всего мира, и чтобы он когда-либо выражал протест против бесцеремонного хозяйничанья в Греции англо-американских империалистов, распоряжающихся там, как в своей колонии. Наоборот, из того же журнала мы узнаем, что Грегуар является „поклонником английской колониальной политики“. С репутацией неустрашимого борца за свободу народов плохо мирится также то обстоятельство, что вместо благодарности Советскому государству и Советской Армии, благодаря победам которых Грегуар только и мог со своим журналом вернуться на родину в Бельгию, он счел возможным и уместным выступить в 1947 г. со злобными и клеветническими нападениями против советской власти и советского византиноведения. Грегуар старается представить дело так, что за все время советской власти в области византиноведения не сделано „ничего или почти ничего“, хотя он прекрасно знает о трудах Ф. И. Успенского, Вальденберга, Мацулевича, Брунова, Лазарева, Алпатова и других советских византинистов и в своей статье вынужден признать научное значение напечатанных в „Византийском сборнике“ и других органах работ Дьяконова, Липшиц, Пигулевской, Левченко.²

Стремление представить в ложном свете положение советской науки, умалить ее достижения вытекают из всего характера научной и политической деятельности Грегуара. Мы оставляем в стороне его политиче-

скую деятельность бельгийского журналиста-либерала, друга египетского короля Фуада и сателлита английского и американского империализма. Мы ограничимся только характеристикой его научной деятельности в области византиноведения. К этой последней целиком относятся общие черты, характеризующие современную буржуазную историческую науку, стремящуюся доказать неизбежность капитализма. Модернизация прошлого, враждебное отношение к народным массам, произвольное обращение с историческими фактами, беспомощный эклектизм или полный отказ от обобщений и выводов — вот что отличает работы буржуазных историков, вышедшие за последние годы. Можно только сказать, что среди буржуазных византинистов Грегуар стоит на наиболее реакционных, враждебных марксизму идеалистических позициях.

Грегуар — плодовитый писатель. Круг его тематики широк. В области византиноведения он занимается собранием малоазиатских христианских надписей, византийской эпопеей Дигениса Акрита и в 1942 г. напечатал большую работу об этой эпопее,³ характеристику которой дал уже А. П. Каждан и которую мы оставляем без рассмотрения.⁴

Необходимо только отметить, что А. Грегуар является сторонником А. Веселовского и его сравнительного метода. Действительно, как сама работа, так и многочисленные предварительные сообщения и этюды Грегуара по работе над византийской эпопеей, напечатанные в *Byzantion* и в других журналах,⁵ подобно работам Веселовского, рассматривают византийскую эпопею вне ее зависимости от классовой борьбы, исторической действительности, культурного уровня среды. Работы Грегуара склонны сводить изучение византийского эпоса к анализу мертвых схем, к сличению кочующих мотивов, сюжетов и образов, игнорируя тем самым национальное и конкретное историческое содержание литературного произведения, и поэтому страдают недостатками, присущими работам школы Веселовского, а именно формализмом и космополитизмом. К сожалению, А. П. Каждан недостаточно остановился на вопросе о том, как метод Веселовского отразился на книге А. Грегуара.

Предметом изучения Грегуара являются также византийско-арабские, византийско-славянские и византийско-русские отношения, „обращение“ Константина и особенно история Византии IX в. Грегуару нельзя отказать в знании источников и литературы, но во всех своих работах он обращает внимание лишь на идейные мотивы поступков людей, ограничивается внешним описанием событий, оставляя в стороне главное содержание истории — развитие материального производства, борьбу классов, внутреннюю закономерность исторического процесса. Грегуар сознательно отказывается от работ синтетического характера. В своей рецензии-некрологе, характеризуя крупного английского византиниста Бьюри, он пишет: „Бьюри был неспособен к синтезу. Общеизвестно, что синтез не был его делом. Мы, со своей стороны, убеждены, что он занимался более полезным делом. Время синтеза, „большой истории“ еще не наступило для большей части периодов византийской истории.“⁶ У Грегуара наиболее ярко проявляется присущее большинству современных

³ H. Grégoire. *Digenis Acritas. The Byzantine epic in History and Poetry with collaboration of Prof. Panos Macropulos.* — N. National Herald, 1942.

⁴ Известия АН. Серия истории и философии, т. 5, № 2.

⁵ *Byzantion* VI. 1931. 481—503; VII, 1932, 397—420; IX, 414—416; XIV, 263—315; *Revue des études grecques*, 1933, № 46. — *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie Royale de Belgique*, XII, 1931, 436—493.

⁶ *Byzantion* XV, p. 739.

¹ H. G. Mauris. *Biographie de M. Henri Grégoire*, p. 48.

² *Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des Sciences morales et politiques.* 5 série, t. XXXII, 10—12 (1946). Bruxelles, 1947.

буржуазных историков враждебное отношение к народным массам, ко всем прогрессивным, реформаторским и народным движениям, имевшим место в истории Византии. Главным предметом занятий Грегуара является история Византии IX в., в частности — царствование последнего представителя Аморийской династии, Михаила III (842—867). Можно согласиться с тем, что историография Македонской династии стремилась сознательно очернить память этого императора. Но всякий беспристрастный и объективный исследователь, учитывая это обстоятельство, не может все-таки отрицать, что царствование Михаила III было пагубным для Византии, как победа реакции, победа иконопочитателей над иконоборцами и разгром плебейского движения павликиан. Ведя борьбу с паразитическим монашеством, иконоборцы делали полезное, прогрессивное дело, способное укрепить империю, и несчастьем для Византии является не их деятельность, а конечная победа иконопочитателей.

Далее, в это же царствование десятки тысяч павликиан были подвергнуты самым зверским истязаниям: их сажали на кол, топили в море; имущество их отбиралось в казну. Такова действительная и весьма мрачная картина этого царствования. Между тем именно это царствование вызывает восхищение Грегуара. Он не жалеет красок для прославления правительства Михаила III и признает это царствование „славнейшим“ в истории Византии, причем главной заслугой Михаила III, по мнению Грегуара является „восстановление православия, подавление иконоборческой и павликианской ереси“. Грегуар пишет:

„Нужно ли перечислять славу этого царствования, становясь на двойную точку зрения современников и потомства! Восстановление православия, подавление иконоборческой и павликианской ереси, восстановление образованности, сопротивление римским притязаниям, достижение и переход Евфрата, устрашение Египта, двойная угроза Криту, изгнание и затем крещение русских, победа над азиатскими арабами, усмирение и христианизация болгар, обращение в христианство Моравии — таковы основные факты этого славного царствования“.⁷ Установление того факта, что „Аморийская династия была одной из славнейших в Византии“, Грегуар считает своим важнейшим научным достижением,⁸ и в этом с ним согласна редакция журнала *Βυζαντινα μετὰ Βυζαντινα*. В статье „Предварительные заметки к биографии Анри Грегуара“ американский журнал признает, что одно из важнейших научных дел Грегуара есть реабилитация Михаила III. Такая беззастенчивая фальсификация истории является показателем того, как низко пала современная буржуазная историческая наука. Даже некоторые представители буржуазной позитивистской историографии чувствовали неловкость от такого произвольного толкования исторических фактов, и Шарль Диль, например, характеризовал новые концепции Грегуара относительно личности Михаила III как „парадоксальное преувеличение“.⁹

В своем стремлении превратить идеи в определяющую движущую силу истории Грегуар отказывается от материалистического объяснения проблем византийской истории даже там, где оно уже принято некоторыми представителями русской и иностранной позитивистской историографии. Известно, что разгром под Манцикертом (1071 г.), катастрофу в Малой Азии и ее потерю Византией В. Г. Васильевский и Ш. Диль

объясняли исчезновением в Византии свободного крестьянства и развитием феодализационных процессов. Такое же объяснение дает и Острогорский в своей „Истории Византийской империи“. Но Грегуар решительно восстает против такого объяснения. По его мнению, „аграрные отношения, законы против крупной собственности и феодализация, иммунитет, прония и все остальное — только побочные явления“ (*epiphénomènes*).¹⁰ Причины катастрофы — чисто идейные и заключаются в том, что Византия, проникнутая сознанием своего превосходства, впала в чрезмерную беспечность, достигнув апогея славы и восстановления при Василии II, и вернулась к старой идее, что для государства дешевле пользоваться наемными варварами, чем содержать туземную армию.

Общеизвестно, что славяне в переходе от античности к средним векам играли не менее активную и видную роль, чем германцы, сломив вооруженной рукой сопротивление Восточно-Римской империи, захватив большую часть Балканского полуострова, проникнув в значительном количестве в оставшиеся под властью Византии области, и способствовав тем самым созданию в Византии VII—VIII вв. многочисленного класса свободных крестьян. Известно также, что славяне вместе с армянами и грузинами играли активную роль в политической жизни Византии, занимали иногда самые видные посты в византийском государственном аппарате, войске и церкви. Но Грегуар советует предать забвению обоснованную Ф. И. Успенским теорию о влиянии славян на развитие общественного строя Византийской империи и пытается всячески преуменьшить роль славян в истории Византии.

Видный византийский полководец Фома Славянин является вождем самого крупного крестьянского восстания в Византии (IX в.). Грегуар знает, что оба важнейших источника — Генесий и Продолжатель Феофана — склоняются к мнению, что Фома происходил от незнатных и бедных родителей славянского племени, поселенных на Востоке, и что обаяние его имени подготовило ему много приверженцев среди славянского населения Фракии.¹¹ Но Грегуар всё же не согласен признать Фому славянином. „До настоящего времени, — пишет он, — его [Фому] объявляли славянином на основании показания Генесия, подтвержденного продолжателем Феофана. Но второй текст Генесия говорит ясно, с точностью, которая внушает убеждение, что мятежник был уроженцем местности около Газюры, т. е. армянином. Как хорошо показал Адонц, имя скифа ничего не означает, и византийские хроники, так же как арабские, легко называли скифами, т. е. людьми варварского происхождения, несомненного армянина, как Василий Македонянин“.¹²

Однако в византийских источниках армяне никогда не называются скифами. То, что Фома был рожден около Газюры, не является показателем его армянского происхождения, а означает только, что эта славянская семья, как и множество других, переселилась на Восток. Грегуар подчеркивает, что Василий II, основатель Македонской династии, несомненно был армянин, но сам он в этом не слишком уверен. Он знает, что А. Васильев, написавший специальную работу о происхождении Василия Македонянина, допускает, что „Василий происходил от смешанного брака — армянина и славянки“. Грегуар знает, что Василий

¹⁰ Byzantion XVI, t. 2. Book Reviews, Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, SS. 545—546.

¹¹ Theoph. Cont., ed. Bonn, p. 50. Genesios, ed. Bonn, p. 32.

¹² Byzantion IX (1934). Comptes rendus. Le premier volume du Corpus Bruxellense. Byzance et les Arabes, t. I, p. 801.

⁷ Byzantion VIII, 2; H. Grégoire. Etudes sur le neuvième siècle, p. 531.

⁸ Byzantion IX (1934), t. 2. Comptes rendus. Le premier volume du Corpus Bruxellense „Byzance et les Arabes“, t. I, p. 804.

⁹ Ch. Diehl et G. Marcais. Le monde oriental de 395 à 1081, p. 319.

происходил из низшего сословия и родился в деревне близ Адрианополя, в местности, заселенной славянами; что Лиутпранд, усердно собиравший сведения о греках в Константинополе в половине X в., ничего не слышал об армянском происхождении Василия, а установил только, что он был выходцем из Македонии, низкого происхождения;¹³ что все арабские свидетельства X в. (Гамза Исфаганский, Табари, Евтихий Александрийский, Масуди), говорящие о происхождении Василия, упорно настаивают на его славянском происхождении, в частности говорят о том, что мать его была славянка.¹⁴

В последнее время Грегуар уделяет все большее внимание проблеме византийско-русских отношений. Проблема эта действительно заслуживает серьезного внимания. В ряду исторических тем, признанных Академией Наук СССР подлежащими преимущественному изучению, очень много внимания уделено проблемам международных отношений России и в частности вопросам русско-византийских связей.¹⁵ Несмотря на имеющийся в этой области ряд ценных работ русских ученых во главе с академиком В. Г. Васильевским, история этих связей является едва ли не одной из самых темных областей русской историографии. При всем наличии огромного количества фактов, отражающих эти связи во всех областях средневековой русской культуры, отдельные — очень важные — моменты в истории сношений средневековой Руси с Византией остаются недостаточно обследованными. Поэтому инициативу бельгийского ученого в этом направлении можно было бы приветствовать, если бы она не руководилась определенной политической тенденцией. Эта политическая тенденция выражается в том, что Грегуар в настоящее время является особенно ретивым поборником „норманнской“ теории, сводящей, как известно, всю проблему Киевской Руси к варяжскому завоеванию, или к призыванию варягов. Эта теория, выдвинутая еще в XVIII в. немецким историком Байером и его последователем Шлецером, оказалась необычайно живучей. Ее использовали для фальсификаций всякого рода лжеисторики, начиная от германских фашистов и кончая русскими белоэмигрантами, ныне находящимися на службе у американского империализма. Советские историки на основе тщательного изучения не только ранее известных письменных источников, но и вновь открытых археологических памятников показали, что первые государственные образования в среде восточного славянства возникли задолго до пресловутого „призывания“ варягов, что Русское государство возникло в результате внутреннего развития общественных отношений. Академик Б. Д. Греков подверг решительной критике взгляды ученых, считавших началом Русского государства так называемое призывание варягов, и обосновал новыми аргументами тезис В. О. Ключевского, что первой завязью Русского государства является образование некоторыми племенами восточного славянства военно-политического союза в Причерноморье в VI в. По вопросу о так называемом „призывании варягов“ Б. Д. Греков показал, что дело шло не о призывании варягов для создания государства и управления, а о приглашении (одной из борющихся новгородских группировок) наемного отряда скандинавских воинов. В своем ответе шведскому историку Туре Арне академик Греков разъяснил, что Рюрик, конечно, никакого государства не организовал,¹⁶ он застал в Новгороде государственный строй уже

¹³ А. Васильев. О происхождении Василия Македонянина. — Виз. Врем., т. XII, стр. 162.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. доклад академика В. П. Волгина в № 3 „Исторического журнала“ за 1945 г.

¹⁶ „Новое Время“, 1947, № 30.

существующим. Приглашенные варяжские дружины очень хорошо поняли, что необходимо для удержания на русской почве: варяги заговорили на русском языке, называли своих детей славянскими именами, поклонялись славянским богам и быстро ославянились.

Грегуар полностью игнорирует все новейшие исследования по истории Киевской Руси, проделанные советскими историками во главе с академиком Грековым. Для него норманнская теория незыблема. Но норманистов не устраивают выводы, полученные академиком В. Г. Васильевским из анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, о нападении руссов на византийские владения до 860 г. Поэтому Грегуар и поставил своей задачей опровержение этих выводов.

В т. XV журнала *Byzantion*, выпущенном в США во время войны, была опубликована статья, поднимающая вновь вопрос о том, имело ли место нашествие русских на Византию до 860 г. Ученица Грегуара, Жермена да Коста Луйе, сделала доклад на эту тему на всемирном V конгрессе византинистов в Риме в 1936 г.,¹⁷ а затем опубликовала его в *Byzantion*. По мнению Грегуара, ей удалось „полностью и окончательно“ опровергнуть точку зрения Васильевского. Этой статье Грегуар предпослал свое предисловие, в котором не только вполне солидаризируется с автором, но и формулирует свою точку зрения в значительно более резкой и решительной форме. По словам Грегуара, проблемы возникновения Киевского государства вообще не существует. Восточные, византийские и западные источники, совпадая удивительным образом, намечают три этапа и три даты в истории завоевания Руси Скандинавией: 1) начало IX в. — торговые связи; 2) около 839 г. — Скандинавское государство близ Новгорода под главенством правителя, который, из подражания Хазарскому, принял титул Хакана; 3) период, который начинается около 860 г., когда скандинавы основались в Киеве и отсюда произвели нападение на Константинополь. Что касается этих нападений, то из их числа было лишь два исторически достоверных: нападение 860 и 941 гг. Грегуар и Луйе забывают про поход 1043 г., в достоверности которого никто до сих пор не сомневался. Как Грегуар, так и Луйе приходят к выводу, что единственное свидетельство о древнейшем походе Руси на Византию, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить не к периоду 820—842 гг., как предполагал Васильевский, а к 941 г., т. е. отождествляют его с походом Игоря. По их мнению, исключается самая возможность этого похода в столь раннее время, так как в рассматриваемый период не существовало якобы никакого славянского государства в Южной Руси, способного угрожать Византии. Напротив, в то время русские были еще простыми торговцами, друзьями империи или воинами, нанимавшимися на службу империи и жившими, вероятно, еще в Балтике.¹⁸

Поскольку всему этому противоречит свидетельство жития Георгия Амастридского, то Грегуар и Луйе и ставят своей задачей во что бы то ни стало опровергнуть датировку его жизни, установленную Васильевским. Относя житие к числу переработок Симеона Метафраста, они утверждают, что именно тогда в него и был внесен новый отрывок о нападении Руси на Амастриду, поскольку он находится в самом конце жития. Отметим, что Грегуар и Луйе напрасно приписывают себе честь

¹⁷ Atti del V Congresso Internazionale di studi Bizantini e Neoellenici, V, Rome, 1935, p. 85. Y eut il des invasions russes dans l'empire Byzantin avant 860? — *Byzantion* XV, pp. 231—248.

¹⁸ *Byzantion* XV, 246.

этого „открытия“. Уже много лет назад Филарет Харьковский в своей „Истории русской церкви“ доказывал, что русский эпизод жития Георгия Амастридского относится к походу Игоря; к таким же выводам приходил Д. И. Иловайский; в 1881 г. такие же взгляды развивал Гутцейт.¹⁹ А. Васильев вынужден был указать, что Грегуар и Луйе не привлекли никаких новых источников, не дали никаких новых аргументов, а их „открытие“ было сделано 60 лет тому назад.²⁰ Тем не менее А. Васильев перешел на позиции Грегуара и Луйе и в своей новой монографии „The Russian Attack on Constantinople in 860“ посвятил целую главу житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, где пытался подкрепить шаткую позицию Грегуара и Луйе новыми аргументами. Всякий беспристрастный исследователь, однако, легко убеждается, что ни Грегуару, ни Луйе, ни пришедшему к ним на помощь А. Васильеву не удалось поколебать прочно обоснованную аргументацию Васильевского, приписывающего составление жития Георгия Амастридского дьякону Игнатию, родившемуся около 770—774 гг. и умершему около половины IX в. А. Васильев вынужден признать „поразительное сходство“ в стиле несомненных произведений дьякона Игнатия и автора жития Георгия Амастридского, но, по мнению А. Васильева, и это не дает еще окончательного доказательства авторства жития. Подкрепить свое сомнение какими-нибудь вескими аргументами он не в состоянии. Он указывает только, что в авторстве жития сомневались также Никитин и Дворник.

Между тем В. Г. Васильевский методом сопоставлений цитат из жизни Георгия и несомненно принадлежащих перу Игнатия *Vita Tarasii* (ed. Heikel), *Vita Nicephori* (ed. de Boor) убедительно доказал принадлежность всех этих житий перу одного автора, ибо стиль, манера, литературные приемы, отдельные выражения, свойственные автору жития Георгия Амастридского, самым близким образом сходятся с приемами, имеющимися в литературных трудах, подписанных именем Игнатия. В своей работе „О походе Руси на Византию ранее 842 г.“ Е. Э. Липшиц новыми аргументами подкрепила положение Васильевского, что житие Георгия Амастридского принадлежит к числу произведений византийского писателя первой половины IX в. — Игнатия.²¹ Последнее, кроме соображений В. Г. Васильевского, Е. Э. Липшиц подтверждает сохранившиеся у Федора Студита стихотворениями Игнатия, данными миниатюр лицевой Хлудовской Псалтири. Е. Э. Липшиц правильно отмечает, что инициатором жития следует считать не Иоанна Амастридского, как полагал Васильевский, а знаменитого идейного вождя иконоборцев Иоанна Грамматика, с которым Игнатий был связан в иконоборческий период своей жизни и к которому обращены слова похвалы, завершающей житие Георгия Амастридского.

Высказанное Васильевским мнение о примирительном отношении Игнатия к иконоборчеству на определенном этапе его жизни находит свое подтверждение, ввиду того, что Е. Э. Липшиц отыскала стихи Игнатия иконоборческого содержания. Е. Э. Липшиц справедливо отмечает: „Обращение к иконоборческому патриарху Иоанну, заклеяменному всей последующей византийской историографией, как черно книжник, еретик и чародей, содержащееся в похвале, завершающей

¹⁹ W. Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios v. Amastris u. die Zeit ihrer Abfassung. — Известия имп. Акад. наук. Петербург XXVII (1831) pp. 333—338.

²⁰ The Russian Attack on Constantinople in 860, pp. 70—88.

²¹ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. „Исторические записки“, 1948, № 26.

житие Георгия Амастридского, после рассказа о нападении русских на Амастриду, указывает вновь на то, что житие дошло до нас в своей первоначальной форме, как это установил В. Г. Васильевский, а не в переработке конца X—начала XI в. Симеона Метафраста, как то полагают Грегуар и да Коста Луйе. Немыслимо было бы предполагать, чтобы весь компромиссный характер жития по вопросам иконопочитания, и особенно похвала Иоанну Грамматику, могли быть сохранены в редакции Симеона Метафраста ко времени полного торжества иконопочитания, когда самое имя Иоанна подвергалось всяческим проклятиям. Именно поэтому, вероятно, это житие и было столь мало популярно, что сохранилось только в одной рукописи.²²

А это обстоятельство является решающим. Если установлено, что житие Георгия Амастридского написано дьяконом Игнатием, то все возражения Луйе и Грегуара против выводов Васильевского должны отпасть. На помощь Грегуару, однако, приходит А. Васильев с тремя новыми аргументами, которые он называет „решающими“,²³ забывая, что два из них уже были опровергнуты Васильевским.

Самым сильным аргументом против теории Васильевского А. Васильев считает характеристику Руси в § 43 жития, как народа „хорошо известного, в высшей степени дикого и грубого“. Васильев считает невероятным такую широкую известность Руси в первой половине IX в., но не может отрицать, что русские послы в это время уже бывали в Константинополе (например, в 838/9 г.); не может он отрицать и свидетельства Ибн-Хордадбег, который говорит о существовании очень широких и развитых торговых отношений русских (славянских) купцов с обеими империями Востока — христианской и магометанской — уже в первой половине IX в. Второй аргумент Васильева заключается в подчеркивании того места жития, где говорится, что русские достигли Амастриды, идя от Пропонтиды, т. е. Мраморного моря, что, по его словам, имело место только во время похода 941 г. Но Васильевский уже разъяснил, что выражение „Пропонтида“ здесь употреблено в более широком смысле, при котором в нее включается и Босфор, и потому здесь речь идет о набеге, в котором Русь начала свой грабёж с Босфора при входе в Константинопольский пролив, а потом, держась берега, достигла Амастриды.²⁴

Столь же малоубедительным представляется и третий аргумент А. Васильева, именно ссылка на Похвалу св. Иакинфу, составленную Никитой Пафлагонским будто бы после русского нашествия 860—861 гг., в которой дается восторженное описание благосостояния города Амастриды.²⁵

„Полное умолчание Похвалы о каком-либо предшествующем опустошении Амастриды, и ее благосостояние после 860/61 г., — пишет Васильев, — ясно показывает, что русское нападение на Амастриду, упоминаемое в житии Георгия, должно быть отнесено к позднему периоду, именно к походу Игоря 941 г.“²⁶ Но Васильев забывает, что Никита Пафлагонянин, писатель, относимый к концу IX и к началу X в., мог писать эту Похвалу тогда, когда все последствия кратковременного набега руссов были бы совершенно изглажены и самый набег забыт.

²² Е. Э. Липшиц. Цит. соч., стр. 331.

²³ The Russian Attack on Constantinople in 860, pp. 80—88.

²⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, СХХХII.

²⁵ Nicetae Paphlagonis in laudem S. Hyacinthi Amastrensis. Patr. Gr., t. 105, 421.

²⁶ The Russian Attack on Constantinople in 860, p. 88.

Таким образом, попытка Грегуара — Луи — Васильева опровергнуть точку зрения Васильевского отнюдь не отвечает современному состоянию науки. Эта попытка сделана без привлечения всей совокупности источников, без анализа произведения Игнатия и даже с неполным использованием важнейшей литературы вопроса.

Притом житие Георгия Амастридского отнюдь не является единственным памятником, говорящим о русских нападениях на византийские владения в первой половине IX в., нападениях, которые в качестве своего рода рекогносцировок неизбежно должны были предшествовать походу руссов на Константинополь в 860 г.

Правда, Грегуар и Васильев отрицают значение жития Стефана Сурожского, как исторического источника. Васильев, ссылаясь на то, что житие Стефана Сурожского сохранилось только в славянском переводе очень поздней даты и является произведением русского книжника XV в., высказывает сомнение в том, что оно восходило к греческому оригиналу, и приходит к выводу, что „как исторический источник житие Стефана Сурожского должно быть исключено. Его текст может иметь значение только как памятник древней русской литературы“.²⁷ Грегуар считает почему-то житие Стефана только „позднейшим подражанием житию Георгия Амастридского“ и также отрицает всякое его историческое значение. Но утверждения Грегуара и Васильева бездоказательны.

Конечно, житие Стефана Сурожского, как это признавал и Васильевский, менее надежный источник, нежели житие Георгия Амастридского, но если сравнить оба параллельных жизнеописания — краткое, греческого Синаксаря (по халкинской рукописи № 75) с полным русским, то мы в состоянии воспроизвести, как это доказал Вестберг,²⁸ первоначальное подлинное греческое житие святого. Для этого нужно положить в основание греческий Синаксарь и дополнить его сведениями из русского жития. Сюда относятся выселение Стефана в Константинополь в „лето“ царя Феодосия и патриарха Германа, пребывание его в Константинополе, подвижничество в монастырском уединении, обстоятельства воцарения Льва, столкновение с патриархом Германом и возведение на патриарший престол сирийца Анастасия, истязание духовных лиц, некоторые подробности обличения царя Стефаном; наконец § 28 жития, где говорится о том, что Константин V отпустил Стефана в Сурож, здесь же говорится о его епископской деятельности и, наконец, о чудесах. При таком сопоставлении биография святого производит впечатление цельности и связности и не противоречит в общем действительному ходу вещей. Поэтому нет никакой основательной причины опровергать содержание жизнеописания Стефана; также с еще большей решительностью следует признать рассказ о чудесах подлинной составной частью первоначального жития. Только благодаря греческому первоначальному источнику русский писатель XV в. не сделал никакого промаха в наименовании храма, в котором хранились останки Стефана, и правильно назвал его св. Софией.

Из описания первого чуда мы узнаем, что сам Стефан назначил своим преемником Филарета, который действительно выступает епископом в сказании о третьем чуде и был, как доказал Васильевский, современником Федора Студита.²⁹ Это историческое лицо также не мог выдумать русский книжник XV в. В отрывке о втором чуде говорится о христианском князе Юрии Тархане, ученике Стефана. Хазарский титул „тархан“

указывает на политическую подчиненность Стефана хазарам, что соответствует исторической обстановке в Крыму в VIII в. В правление Юрия Тархана умер епископ Стефан. В 787 г. он был еще в живых, так как его имя постоянно отмечается в актах второго Никейского собора.

Спустя немного лет после смерти Стефана, когда епископом был преемник Стефана Филарет, появилась в Крыму русская рать из Новгорода под начальством Бравалина. Следовательно это событие следует приурочить к первой четверти IX в. Сообщение о том, что русские явились из Новгорода, а не из Киева, является доказательством того, что рассказ о посмертном чуде сложился раньше, чем Киев сделался центром государства и исходным пунктом для военных экспедиций.

Можно согласиться с Васильевским и Вестбергом в том, что под Корсунской царицей Анной следует подразумевать хазарскую царицу, похожую на ту, которая в том же житии названа „дочерью керченского царя“.

Поэтому Вестберг вполне прав, признавая за житием Стефана значение важного исторического документа по истории древней Руси и Таврического полуострова за первую четверть IX в. „Если иметь в виду знание лиц и событий автором жития, с одной стороны, и свежесть специальных, не известных из других источников известий, то следует полагать, что первоначальная биография нашего святого не могла быть написана позднее середины IX в.“³⁰

Конечно, для Грегуара и А. Васильева гораздо легче отбросить исторический документ, объявив его позднейшей фальсификацией, нежели заниматься неблагодарным и гораздо более трудным делом его научного анализа и выяснения его историчности. Попутно мы должны отметить, что Луи и Васильев даже не позаботились точно изложить в своих работах содержание жития Стефана. Так, Луи пишет, что нападение Бравалина на Сурож, по житию, произошло много лет спустя после смерти святого (*plusieurs années après la mort du saint*),³¹ тогда как в тексте документа сказано наоборот: „мало лет мину“.³² К удивлению нашему, точность цитирования и изложения изменяет на этот раз и А. Васильеву. Так, он пишет, что Стефан Сурожский претерпел мученическую смерть при Константине V. Между тем и в кратком греческом и в полном русском житии говорится, что Стефан Сурожский был отпущен Константином V в Сурож, где и умер естественной смертью. Мы знаем, что в 787 г. Стефан был в качестве епископа Сурожского участником второго Никейского собора. При такой небрежности в изложении содержания памятника, конечно, легко можно доказать его неисторичность.

Утверждая, что „норманнские викинги на юге России в половине IX в. сделали уже господами Черного моря“ (*they soon became masters of the Black Sea*),³³ Васильев и Грегуар в то же время со странной непоследовательностью хотят нас уверить, что русские первым объектом своего нападения на византийские владения избрали саму византийскую столицу, забывая, что византийские источники недвусмысленно указывают, что нападению на столицу предшествовали опустошения и грабежи русских на всем Черноморском побережье. Так, у Скилицы-Кедрина мы читаем: „На все находящееся внутри Эвксинского понта и на все его побережье“

²⁷ The Russian Attack on Constantinople in 360, p. 83.

²⁸ Ф. Вестберг. О житии св. Стефана Сурожского, „Виз. Врем.“, XIV, 1, стр. 223.

²⁹ Epistolae Theod. Studit., lib. II, № 164. Patr. Gr., t. 99, 1520.

³⁰ Ф. Вестберг. Назв. соч., стр. 223.

³¹ Byzantion XV (1940—1941), pp. 238—248.

³² В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 95.

³³ The Russian Attack on Constantinople, p. 81.

нападал русский флот (народ же рос-скифский, живущий у северного Тавра, дикий и грубый), и на самый царствующий град навлекли они страшную опасность".³⁴

Далее они же пытаются нас уверить, что только в 941 г. была ситуация, отображенная в житии Георгия Амастридского, т. е. только тогда русские сначала проникли в Пропонтиду, т. е. Мраморное море, а затем, покинув Пропонтиду, достигли Амастриды. „Мы, — пишет Васильев, — имеем абсолютно точное представление об объеме русских операций в 941 г.: от Никомидии, другими словами от Пропонтиды и Мраморного моря на юге до Пафлагонии на севере. Это меня абсолютно убеждает, что история, рассказанная в житии Георгия Амастридского, имеет дело с экспедицией Игоря".³⁵ Однако все византийские источники (Симеон Логофет, продолжатель Феофана, житие Василия Нового) сообщают, что флот Игоря не проник в Мраморное море, а у самого входа в Босфор (ἐλαί δὲ πλῆσιον τοῦ ἐν τῷ Εὐζείνῳ πόντῳ φάρον ἔγενοντο, ἐν τῷ Ἱερῷ λεγομένῳ) встретил византийский флот, потерпел поражение; множество монокилов было истреблено греческим огнем. Остатки русской флотилии устремились к побережью Вифинии, откуда отдельные их отряды производили набеги внутрь страны. Точное определение территории, опустошенной русскими, дает только житие Василия Нового.³⁶

Житие рассказывает, что после того, как в Иероне русским был прегражден путь в пролив, они высаживались отдельными отрядами на азиатском берегу Босфора и проникали внутрь страны до Ираклеи Понтийской и до Пафлагонской фемы. Но внутри этой фемы и до Амастриды они все-таки не проникли, так как конечным пунктом опустошения морского побережья показана Ираклея Понтийская. В житии сказано: „они пробились до Ривы, простирая набеги до Понтийской Ираклеи и Пафлагонии, пройдя всю Никомидийскую область (ἐφθάσαν δὲ μέχρι πόντου Ἱρακλείας καὶ Παφλαγονίας ἄπασαν δὲ τὴν στρατηγίδα Νικομηδείας διελθόντες).

Таким образом источники убеждают нас в том, что в 941 г. русские, во-первых, не проникали в Пропонтиду, если под ней подразумевать Мраморное море, как в этом пытается нас уверить Васильев, а во-вторых, не могли достигнуть и Амастриды. А в связи с этим рушатся и все построения Грегуара, да Коста Луйе и поддерживающего их Васильева. И если Васильев во введении к своей книге жалуется на „волну гиперкритицизма, охватившего умы многих выдающихся западных ученых“, то его самого с полным основанием можно упрекнуть в необоснованном гиперкритицизме по отношению к житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Тенденциозное отношение Грегуара к событиям древнерусской истории еще более ярко выявляется в его работах, посвященных походу Олега 907 г. на Константинополь. Подпав под влияние идей русского белоэмигранта Баумгартена, который в эмиграции стал историком и ярким норманистом, Грегуар заразился его гиперкритицизмом в вопросах древней русской истории.³⁷ Между 860 и 941 гг. Грегуар не знает никаких достоверных дат русской истории.³⁸

³⁴ Georgii Cedreni, ed. Bonn, II, 173; Theophani Continuat. Patr. gr., t. 109, p. 210.

³⁵ Vasiliev. Op. cit.

³⁶ Pseudo Symeoni Magistri, 442—443. Migne, Patr. gr., t. 109.

³⁷ N. de Baumgarten. Aux origines de la Russie. Roma, 1939. Orientalia christiana anal. № 119, pp. 5—80. — Seminarium Condacovianum XI, 227.

³⁸ Byzantion XI (1936); H. Grégoire. Miscellanea epica et ethymologica, p. 602.

„Самая личность Олега, — пишет Грегуар, — совершенно легендарна. Что касается похода на Константинополь, то никто в это больше не верит. Нечего доказывать, что Константинополь не был осажден в 907 г. Царствование Льва VI нам хорошо известно благодаря множеству источников, и поход Олега абсолютно не может быть включен в анналы этого царствования".³⁹ По мнению Грегуара, летописная легенда о походе Олега была заимствована из искаженного рассказа об одном из действительно бывших походов (860 или 941 гг.) или из эпического произведения, смешавшего эти экспедиции. Торговые договоры Руси с Византией в 907 или в 911 г. Грегуар считает невозможными.

„Если Византия Льва Мудрого не имела дела с русскими, — пишет Грегуар, — то она почти все время сталкивалась с болгарами Симеона. Шахматов считал, что в летописи Нестора ряд мест, говорящих об Олеге, заимствован из болгарской летописи, где говорилось о деяниях Симеона, которые были перенесены на Олега. Таким образом, ряд сказаний о Симеоне и болгарах перешел на счет мифического Олега. Легенда об Олеге и немыслимом для этого времени русском походе возникла потому, что в это время болгары угрожали Константинополю и во главе их стоял болгарин, представлявший Симеона так же, как мифический Олег представлял Игоря, причем этот болгарский боярин носил имя Олега".⁴⁰

По мнению Грегуара, легенда об Олеге имеет эпиграфическое происхождение. Грегуар ссылается на найденную в 20 километрах от Фессалоник надпись на пограничном между Византией и Болгарией столбе, в которой упоминается Феодор, великий тархан, причем в подлиннике написано ἐπὶ Θεοδώρου ὄλγου τραχανοῦ (ὄλγου — турецкий, ὄλγ — великий). Видя эти надписи на множестве пограничных столбов, русские путешественники, „приученные рассматривать имя Олега как типичное для русского князя“, преобразили этого ὄлγου болгарской надписи в князя Олега, нападающего на Константинополь. Кроме того известно, что этот боярин, упоминаемый в болгарской надписи, вел переговоры с византийцами в 895 и 913 гг., и так как причиной болгарско-византийских войн при Симеоне были торговые споры, то война кончилась торговым договором между Византией и Болгарией, текст которого до нас не дошел, но киевские летописцы определенно знали о нем из болгарских источников. Несомненно, по Грегуару, этот договор имел подпись болгарского министра, того же самого, чье имя мы встречаем на пограничных столбах с титулом ὄλγου τραχανοῦ. Отсюда в русской летописи и появилась легенда о заключении великим князем Олегом торгового договора с греками.⁴¹

Домыслы Грегуара встретили обоснованную критику Острогорского, который правильно назвал их „фантастическими".⁴² Действительно, отрицание Грегуаром Олега, как исторической личности, не заслуживает даже рассмотрения и объясняется только недостаточным его знакомством с русскими источниками и литературой. Ошибочно также утверждение Грегуара о „множестве" византийских источников для времени похода Олега, так как продолжатель Феофана, продолжатель Георгия Монаха, Лев Грамматик, Феодосий Мелитенский, Псевдо-Симеон только переписывают и пересказывают Симеона Логофета. Таким образом, для времени

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ H. Grégoire. Byzantion. XI (1936), t. 2.

⁴² Seminarium Condacovianum (1939). Expédition du Prince Oleg contre Constantinople en 907, pp. 47—62; 296—298.

похода Олега есть только один византийский источник, написанный во второй половине X в. и дающий довольно скудные данные для царствования Льва Мудрого. Молчание множества источников сводится к молчанию одного источника. Что византийские источники иногда умалчивали об очень важных событиях, показывает тот факт, что крещение Руси при Владимире не упоминается ни в одном из них. Никто не будет отрицать, что летописный рассказ о походе Олега на Константинополь содержит ряд легендарных подробностей, но включенный в нашу летопись договор, датируемый точно 2 сентября 911 г., не вызывает никаких сомнений в целом ни по содержанию, ни по форме, ни по языку. Его текст есть несомненный и буквальный перевод с греческого мирного договора, заключенного в 911 г. между посланниками Олега, которые перечисляются поименно, и византийским правительством. Договор 911 г. дает очень точную дату — 2 сентября (15 индикта) 6420 г. Цифры индикта и года совпадают и показывают, что договор был заключен 2 сентября 911 г. Совершенно правильно сказано, что договор был заключен в правление трех императоров — Льва, Александра и Константина. Совместное правление этих трех императоров продолжалось в течение короткого срока — с 9 июня 911 г. (день коронации Константина VIII) до 11 мая 912 г. (день смерти Льва VI), и именно к этому краткому периоду относится договор, заключенный 2 сентября 911 г.

В то время как самый договор упоминает трех императоров, рассказ летописи о нападении Руси на Константинополь в 907 г. и о предварительном соглашении упоминает только двух императоров, что совершенно правильно, так как в годы, предшествующие окончательному договору (до 9 июня 911 г.), были только два императора. Далее, договор 911 г. упоминает о предварительном соглашении, в котором, очевидно, были те же статьи, которые вошли в окончательный договор. Договор 911 г. содержит статью, дающую русским право зачисляться в императорское войско, что подтверждается книгой церемоний Константина Порфирородного, которая сообщает, что уже в 910 г. русские в количестве 700 человек участвовали в походе Имерия на Крит и получали определенное содержание.⁴³

По договору 911 г. русским предоставлялись значительные привилегии. Если отбросить поход Олега, то становится непонятным, почему греки дали русским такие значительные привилегии, как, например, право торговать беспошлинно. Наконец, в самом тексте договора 911 г. есть прямое указание, что этому договору предшествовали военные действия. В самом начале договора сказано „по первому убо слову да умиримся с вами, греки“.⁴⁴ Совершенно ясно, что не было смысла заключать мир, если этому договору не предшествовала война.

В своем ответе Острогорскому⁴⁵ Грегуар уже не поднимает вопроса о мифичности Олега, о подлинности и точной дате договора, заключенного в 911 г. Олегом с византийским правительством, а отрицает только русский поход на Константинополь 907 г., ссылаясь на молчание источников.

Мы подробно остановились на некоторых работах Грегуара, чтобы показать советскому читателю их тенденциозную направленность, произвольное обращение видного представителя современного буржуазного

⁴³ De Saerim., p. 651.

⁴⁴ „Повесть Временных лет“ по Лаврентьевскому списку. 2-е учебное издание Постоянной археографической комиссии АН СССР, стр. 33.

⁴⁵ Byzantion, XIV, pp. 379—380.

реакционного византиноведения с историческими фактами. Справедливость требует признать, что такое произвольное истолкование характерно не только для его работ в области русско-византийских отношений. Ввиду того, что наша характеристика слишком затянулась, мы ограничимся немногими примерами. Хорошо известно, что в период победы христианства в IV в. последним убежищем язычества оставалась деревня. Таковой была сирийская деревня в описании Либания.⁴⁶ Еще в VI в., при Юстиниане, Иоанн Эфесский, конечно „при содействии“ властей, обращает в христианство 70 тысяч малоазиатских язычников.⁴⁷ Между тем Грегуар в рецензии на книгу Bidez, *La vie de Julien* заявляет, что „уже при Юлиане силой христианства была Малая Азия, особенно деревня, анатолийский хинтерланд. Эти крестьяне, горцы Писидии, Исаврии, Фригии, Киликии были в ту пору фанатичными христианами“.⁴⁸

Работа советского историка, проф. Дьяконова, „Византийские димы и факции в V—VII вв.“ впервые показала, в чем заключалась программа венетов и прасинов, этих своеобразных политических партий Византии, за что они боролись и что их разделяло. В результате влияния этих партий политика императоров V—VI вв. представляла постоянные колебания, и императоры распадаются на две группы. Одни преимущественно держатся восточной ориентации, интересуются больше финансовой политикой, чем военной, борются с варварами золотом и дипломатией, опираются больше на двор, чем на сенат, поддерживают монофизитов и вместе с тем покровительствуют прасинам (Феодосий II, Зинон, Анастасий). Другие преимущественно держатся западной ориентации, больше интересуются военными делами, ведут борьбу с монофизитами и являются сторонниками венетов (Юстиниан II, Тиверий, Маврикий).⁴⁹

Между тем Грегуар со своей ученицей Ивонной Янсенс, пуская в ход искусственные аргументы, пытаются во что бы то ни стало доказать, что Маврикий, император армянского происхождения, поддерживал „зеленых“, покровительствовал монофизитам, за что и получил прозвище маркионита.⁵⁰ Они закрывают глаза на такие очевидные факты, как восстание под прасинским знаменем в Египте против Маврикия.⁵¹ Это значит, что политика Маврикия была благоприятна для венетов, т. е. для греко-римских крупных землевладельцев, а не для прасинов. Особенно показательно, что Маврикий подверг жестокому преследованию восточных монофизитов, дав на это широкие полномочия своему соотечественнику епископу Мелитенскому Домициану, который был для него самым близким человеком и советником по всем делам.⁵²

Известно также, что в 602 г., когда началось восстание войска на Дунае, венеты были безусловно лояльны, прасины же жаловались на префекта претория Константина Лардиса, отказывая тем самым правительству в своей поддержке. Они же приняли активное участие в перевороте 602 г. в Константинополе и сожгли дом префекта претория Лаодиса. Безусловной ошибкой является утверждение Грегуара, что

⁴⁶ Libanii Opera III, 409, ed. Foerster.

⁴⁷ А. Дьяконов. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1907, стр. 67.

⁴⁸ Byzantion V, t. 2, p. 722.

⁴⁹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. Византийский сборник, стр. 214.

⁵⁰ Byzantion XV, Maurice le Marcioniste, p. 395. Ivonne Janssens. Les Bleus et les Verts sous Maurice; Phocas et Heraclius. Byzantion, 1936, XI, 2, pp. 499—536.

⁵¹ I. Ephes. V, 19; I. Nik. 99, p. 536.

⁵² Дьяконов. Назв. соч., стр. 224.

конец политической роли факций был положен Константином III.⁵³ Мне уже приходилось приводить свидетельство Георгия Амартола о том, что Юстиниан II в 695 г. был свергнут димом венетов (ed. de Boor, II, 731), — для опровержения общераспространенного среди византинистов мнения, что правление Ираклия или Константина III, как думает Грегуар, является временем падения политической роли партий цирка. Свидетельство Амартола показывает, что партия „голубых“ играла крупнейшую роль в самом конце VII в.⁵⁴

Такие же бездоказательные утверждения мы находим у Грегуара в его работе о древнейшем местопребывании венгров.⁵⁵

Известно, что происхождение мадьяр следует выводить из южного Приуралья и Поволжья. Автор армянской „Географии“, памятника, написанного не ранее VIII в., знал племя бушков, кочевавшее восточнее р. Волги и бывшее ближайшим соседом переместившихся к Волге хазар. Эти бушки и есть башкиры — „баджгард“ арабских источников, предки современных башкир и венгров. Из своего прежнего местожительства к востоку от Волги мадьяры были повидимому вытеснены печенегами, которые и в дальнейшем продолжали их теснить на запад. По словам Константина Порфирородного, мадьяры поселились в Причерноморских степях, в местности, которая называлась Лебедией. Точное местонахождение этой страны неизвестно, но несомненно, что она находилась в Северном Причерноморье, между Доном и Днепром. Хазары быстро подчинили мадьяр своему влиянию. Однако пребывание мадьяр в Лебедии было немногим древнее вторжения печенегов. По данным Константина Порфирородного, мадьяры прожили вместе с хазарами в Лебедии всего три года.⁵⁶ Если это так, то поселение здесь мадьяр произошло не раньше конца 20-х годов IX в. Между тем Грегуар пишет, что „гунны, турки, угры, саварто-асфалы обитали в течение трех веков (до 896 г.) между Доном и Дунаем, и политическим центром этой области был кантон, называвшийся Лебедия, который находится в окрестностях современного Лебедина, недалеко от слияния Ингульда и Ингула“, причем утверждает, что этот населенный пункт существовал уже в конце VI в.⁵⁷ Грегуар не задается вопросом, почему венгры, если они кочевали 300 лет в южно-русских степях, оставили так мало памяти по себе в русской летописи.

В произвольности толкования текстов, в громадных преувеличениях выводов нередко упрекали Грегуара Дольгер, Острогорский, Ш. Диль. Даже журнал *Βυζαντινα μετὰ Βυζαντινα*, поместивший сплошной панегирик Грегуару, должен был отметить, что „его мысль слишком быстра, и он слишком нетерпелив в своих исканиях“.⁵⁸

Можно привести много других аналогичных примеров, характеризующих научные методы и научную направленность бельгийского византиниста, возглавляющего ныне буржуазное византиноведение. Но приведенных примеров, я полагаю, достаточно для демонстрации его враждебного отношения к народным массам, произвольного обращения с историческими фактами, полного отказа от обобщений и выводов, его тенденциозности. Мы знаем, что Советский Союз и его политика, а также прошлое

⁵³ H. Grégoire. Maurice le Marcioniste. Byzantion, XV, p. 395.

⁵⁴ Виз. Врем., т. I (XXVI); М. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.

⁵⁵ H. Grégoire. L'habitation primitive des Magyars. Byzantion XV, 277.

⁵⁶ De adm. imperio c. 38.

⁵⁷ Byzantion XIII, 1, p. 410.

⁵⁸ *Βυζαντινα μετὰ Βυζαντινα*, p. 25.

и настоящее нашей страны подвергаются злобным нападкам со стороны империалистического окружения и его ученых прислужников. Ученая деятельность Грегуара даже в такой, казалось, отдаленной от современной области, как византиноведение, может служить хорошей иллюстрацией этого положения, помогает отбросить ошибочное представление о чистой, академической науке, будто бы существующей у буржуазных специалистов. Да и сам Грегуар не скрывает политической направленности современного буржуазного византиноведения. Еще во время войны он писал в своем журнале: „Теперь, когда географическая и историческая важность Византии — Константинополя — Стамбула проявляется все решительнее, когда вопрос о проливах является главнейшим в европейском и мировом конфликте, когда владения (некогда византийские) в Европе и Азии снова являются осью цивилизованного мира, — нет нужды агитировать за историю Византии. Она силой вещей снова введена в общую культуру, даже в Америке. И не будет парадоксом сказать, что США теперь не встретят взятия Константинополя с такой тупой инертностью, как это было в Западной Европе в 1453 г.“⁵⁹

Это лишний раз свидетельствует об откровенном пресмыкательстве тех западноевропейских ученых, которые, не брезгуя явной фальсификацией истории, стремятся помочь американскому империализму в его попытках установления мирового господства.

М. В. Левченко.

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВИЗАНТИНО-МОРАВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ IX в.

Эта тема имеет чрезвычайно большое значение и для политической и для культурной истории славянских народов. В упорной борьбе с немецкой агрессивной молодой славянское государство должно было искать внешней поддержки, — поэтому моравский князь Ростислав обращается в Константинополь. Византийский император Михаил III и патриарх Фотий посылают в Моравию церковную миссию, во главе которой стоят крупные византийские дипломаты: солунские братья Константин и Мефодий. Стремясь установить моравскую церковь, независимую от немецких епископов, защищавших интересы немецких феодалов, византийские миссионеры выступают с лозунгом создания славянской литургии, церковной службы на славянском языке. Для этого Константину и Мефодию пришлось разработать славянскую письменность и перевести на славянский язык большое число богослужебных книг. С этих переводов Константина и Мефодия и приходится начинать историю славянской литературы.

Однако известия о византино-моравских отношениях в середине IX в. скудны. Эти сведения приходится черпать почти исключительно из иностранных житий солунских братьев, из так называемых „Паннонских легенд“. Однако вопрос о характере и времени создания Паннонских легенд весьма сложен, и разногласия в датировке их в буржуазной науке продолжают и до последних дней. В то время как известный польский историк А. Брюкнер, впадая в крайность, считал автором или, по крайней мере, редактором жития Константина (далее обозначается ЖК) самого Мефодия, к тому же собравшего материал для собственного

⁵⁹ Byzantion XVI, t. 2 (19423). Book Reviews; Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, Beck, 1940.

жития (далее обозначается ЖМ), в самое последнее время было высказано противоположное мнение, отодвигающее написание легенд чуть ли не к XV в. Это мнение в 1945 г. высказал и сделал попытку обстоятельно обосновать В. Сл. Киселков.¹ Основные его доводы таковы.

Паннонские жития не имеют признаваемого за ними значения, так как это не оригинальные, самостоятельные произведения, а обыкновенные средневековые компилятивные жития, местами мастерски составленные на основании старых, известных и неизвестных науке памятников. Авторы использовали старые краткие жития Константина и Мефодия, итальянскую легенду, текст Несторовой летописи, не дошедшее до нас сочинение Константина Философа о хазарской миссии и другие источники. Составители должны были обладать значительным образованием и большой любознательностью, чтобы использовать эту сумму источников — „староболгарских“ (это подчеркнуто у Киселкова), русских, латинских и греческих.

Очень позднее происхождение и компилятивный характер легенд ясен, по Киселкову, из „множества признаков“. Выбираем главные.

1. Из известных в науке 17 списков ЖК и 8 ЖМ нет ни одного старше второй половины XV в. Это говорит за то, что легенды написаны не ранее XV в.

2. Списки происходят от одного „болгарского“ подлинника и различаются только разностями в правописании, где видны следы влияния языков сербского, русского, латинского и греческого.

3. Авторы склонны к легендарности, проявляют наивность, идеализируют прошлое.

4. В легендах встречаются противоречия исторической правде, или другим памятникам и даже самим себе. Имеются анахронизмы.

5. Если легенды написаны на основе других книжных памятников, то, очевидно, они написаны „много лет“ спустя после смерти братьев.

6. Что легенды представляют собой компиляцию из известных и неизвестных науке памятников, это, по мнению Киселкова, видно из предлагаемого им текстуального сопоставления отдельных мест легенд с выдержками из кратких проложных житий, из итальянской легенды, похвальных слов Константину и Мефодию, из „Несторовой летописи“ (Повесть временных лет), из церковных служб Кириллу и Мефодию.

Относительно вышеизложенных доводов заметим следующее.

Отсутствие ранних списков пространных житий не может говорить за то, что жития появились только в XV в. Письмо Анастасия Библиотекаря, открытое проф. Фридрихом в 1892 г., сохранилось пока только в рукописи XIV в. (рукопись Алкобазской библиотеки, около Лиссабона); но никому не придет в голову отодвигать время появления письма к XIV в. Однако относительно жития Мефодия известно, что его можно читать в сборнике московского Успенского собора, который относится, по мнению О. Бодянского, А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, к XII в.² А житие Кирилла, по многим признакам и по общему мнению исследователей, написано раньше жития Мефодия.

Если в тексте житий наблюдается бесспорное влияние русского и сербского языков (некоторые исследователи отмечают и моравизмы), то естественно предполагать, что списки житий, прежде чем дожить до XV в., прошли через руки переписчиков разных национальностей, на что требо-

¹ Д-р В. Сл. Киселков. Славянские просветители Кирилл и Мефодий. София, 1945, стр. 58 и сл.

² См. критические замечания М. Н. Тихомирова. О некоторых болгарских исторических трудах. — Вопросы истории, 1948, № 6, стр. 91.

валось немалое время. Между прочим, влияние греческого и латинского языков для авторов XV в. труднее объяснить, нежели для лиц, более близких к окружению солунских братьев; в ЖМ XVII о Горазде читаем отзыв самого Мефодия: „оучень же добръ въ латинскыю книги“.³

Признаки легендарности и тератологический элемент в житиях объясняются самым свойством житийского жанра, и нужно удивляться не тому, что тератологический элемент здесь есть, а тому, что он так ограничен в житиях, особенно в житии Мефодия. Если авторы легенд „идеализируют прошлое“, то не потому, что после событий и до их эпохи протекло шесть веков, а потому, что самая цель всякого жития требует прославления своего героя, и элемент идеализации здесь неизбежен.

Известно, что в пространных житиях встречаются ошибки. Но в одних случаях жития сами себя исправляют, в других этим ошибкам исследователи ищут объяснений и легко вносят поправки (в ЖМ VIII в письме Адриана II титул папы „раб божий“ вместо „раб раб божиих“ (servus servorum Dei). Отдельные ошибки оказываются не ошибками, а историческими фактами (например, встреча Мефодия с венгерским князем (ЖМ XIV) подтвердилась недавно открытой хроникой Адмонта).⁴ При всем том наличие ошибок не дает права отодвигать памятник на 600 лет, как не может колебать общей достоверности житий, а лишь требует проверки каждого отдельного их показания путем сопоставления с другими источниками или же через выяснение исторической возможности отмечаемого факта.

Соображение, что наши легенды написаны на основе других книжных памятников и, следовательно, появились „много лет“ спустя после смерти братьев, еще недостаточно, чтобы отнести их на целые шесть веков позднее эпохи братьев.

Попытка доказать, что жития являются компилятивным памятником, собранным из разных сочинений, не может быть признана обоснованной. Наши легенды вовсе не носят характера компиляции набранных с разных сторон и механически сцепленных отрывков; это не грубо сделанная мозаика, а цельные, законченные произведения, где не удастся обнаружить разницы стилей и мировоззрений, политических и церковных тенденций, симпатий и антипатий. Если в ЖК внесены части полемических сочинений или речей, а в ЖМ целое папское письмо, то это не компилятивность, а документальность. С другой стороны (это не менее важно), Пространные жития богаче содержанием всех памятников, какие могли бы быть привлечены в компиляцию; нетрудно свести все эти сочинения к заимствованиям или переделкам ЖК и ЖМ,⁵ но нельзя ЖК и ЖМ свести к этим сочинениям. В житиях встречаются места, которых неоткуда было заимствовать и которые мог написать только человек, близко знакомый с событиями того времени. Таково сообщение ЖК XVII,

³ Удобным для пользования изданием источников является „Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия“, составленный Н. Я. Ястребовым. СПб., 1911; критическое издание Пространных житий дано П. А. Лавровым: Академия Наук СССР. Труды славянской комиссии, т. I; П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

⁴ Annales d'Admont. E. Kiebel. Eine neu aufgefundene Salzburger Geschichtquelle. — Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, 1921. Имеются замечания К. Schüneman'a в Ungar. Jahrbücher 1922, II, pp. 222, 221. Издание осталось нам недоступным, и мы вынуждены ограничиться ссылкой на Fr. Dvornik. Les Légendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. Prague, 1933. „Byzantinoslavica Supplementa“, t. I, p. 224.

⁵ Может быть, Итальянская легенда и Паннонские легенды черпали материал из общего источника в тех разделах, где их содержание совпадает.

что во время пребывания братьев в Риме (868) там были хорошо известные исторические лица — епископы Формоз, Гаудерих, Арсений и Анастасий Библиотекарь.⁶ „Повелѣ папѣжъ двѣма епископома, Формосоу и Гондрихоу, сватити словѣньскыа оученикы“. „Пѣша сватоую литоургию словѣньскы надѣ сватымъ гробомъ (т. е. ап. Павла), имѣюще на помощь святаго Арсения епископа, единого соуща шть седми епископ, и Анастасиа вивлотикара“. Или другое замечание — о судьбе враждебных Мефодию лиц, „чудесно погибших“ за эту враждебность, т. е. умерших вскоре после столкновений с Мефодием (ЖМ X): „они не избыша святаго Петрова суда. Д бо шть нихъ епископи оумьроша“. И в самом деле, словно сговорившись, почти одновременно перемерли архиепископ зальцбургский Адалвин (875), епископы: фрейзингенский Ганнон (875), пассауский Герменрих (874). Четвертый мог быть не епископ, а архипресвитор Рихвальд, но и он пошел в общий счет с епископами. Можно сослаться на XV главу ЖМ, где содержатся столь важные сведения и о переводческой работе Мефодия.

Отдельные показания житий блестяще подтвердились историческими документами, вроде письма Анастасия Библиотекаря к Гаудериху. Считать вместе с В. Киселковым ошибкой указание житий на то, что братья (прежде всего Константин) признавались на Западе святыми уже в близкое к ним время, — нет оснований. Пусть у братьев, особенно у Мефодия, было много врагов среди немцев; были лица, не сочувствовавшие их делу, и в Риме, и Нятцах — Венеции. Но память Константина бесспорно пользовалась великим уважением на Западе, была окружена ореолом святости. *Vir magnae sanctitatis; vir apostolicae vitae* — вот известные отзывы Анастасия Библиотекаря. Несомненно, пользовался Константин почетом и на Востоке; его гимны, написанные в честь папы Климента в связи с „открытием его мощей“ в Херсонесе, пелись в греческих церквах.⁷

Мы продолжаем считать, что Паннонские легенды возникли в годы, близкие к эпохе братьев, где бы они ни появлялись — в Паннонии, Моравии или Болгарии. Остаются неизвестными их авторы или автор; может быть, это ученики братьев (особенно Климент) или ученики их учеников. Но самые легенды содержат в основном надежный материал, не исключающий, однако, ошибок и нуждающийся в критической оценке отдельных показаний.

Вопросами, связанными с византино-моравскими отношениями в середине IX в., в последнее время много занимался чешский ученый Франтишек Дворник.⁸ В своей докторской диссертации „Славяне, Византия и Рим в IX в.“ Дворник совершенно справедливо рассматривает византино-моравские отношения этого времени не изолированно, но в тесной связи со всей остальной взаимоотношений между славянами и Византийской империей, начиная с VI в. Однако эти взаимоотношения рассматриваются им в идеалистическом плане: Дворник изображает славян как реципиентов византийской культуры и говорит о воплощении в славянах византийской души, византийского гения. Поэтому он видит в христианизации,

⁶ Этого совпадения не отрицает В. Киселков, хотя и хотел бы отнести его к 870 г.

⁷ В письме Анастасия к Гаудериху читаем: „Quae idem mirabilis vere philosophus in hujus (s. Clementis) honorabilium inventionem reliquiarum solemniter ad himnologicon Dei omnipotentis edidit, Graecorum resonant scolae“. Ястребов, стр. 79.

⁸ Fr. Dvornik. Les Slaves, Byzance et Rome au IX-e siècle (Travaux publiés par L'Institut des Etudes Slaves, v. IV), Paris 1926 De SS. Cyrillo et Methodio in luce historiae byzantinae (Acta V Conventus Velehradensis), Les légendes de Constantin et de Méthode vus de Byzance, Prague, 1933, Cyrill und Methodius Menschen, die Geschichte machten, Bd. I, Wien, 1933.

в миссии солунских братьев сущность славяно-византийских отношений, а отнюдь не один из этапов сложной политики: не миссия, по мнению Дворника, служила орудием политики, а политика — средством миссии, средством „воплощения в славянах византийского гения“. Дворник решительно отрицал, что деятельность миссии была обусловлена политическими соображениями, и исключал политическое значение посольства моравского князя Ростислава в Византию в 862 г. Значение этого посольства он сводил к гораздо более скромным целям — пригласить проповедников, владеющих славянским языком. Фр. Дворник рассуждал так. Нельзя допустить, чтобы Ростислав имел в виду заключить политический союз с Византией: он не мог не понимать, что расстояние между Византией и Моравией слишком велико и отношения могут быть только непрямыми. Кроме того, в данный момент не было условий, которые диктовали бы такой союз: старый антагонизм между франками и Византией смягчился, а с болгарами моравы были в хороших отношениях. Правда, в 863 г. Людовик Немецкий заключил союз с Борисом против Ростислава, но это, несомненно, было уже после посольства. Итак, политический союз не входил в планы Ростислава. Не мог он мечтать и о правильной церковной организации с епископом во главе, так как христианство в Моравии было распространено очень слабо. Было бы чистым безумием при наличных условиях пытаться связать Моравию с византийским патриархом. Такая попытка вызвала бы энергичный протест Рима, а немцам доставила бы прекрасный случай вмешаться, как защитникам папы, в славянские дела. Событие представляется более простым. Ростислав опасался немецких проповедников, которые были столько же служителями евангелия, сколько эмиссарами немецкой монархии. Немецкие епископы и аббаты очень часто меняли свой крест и посох на панцырь и меч, направленный против славян. Ростиславу нужны были проповедники, знающие славянский язык, — ему было безразлично, где их искать, и поэтому, не найдя их в Риме, он обратился к Византии. Если это обращение имело неисчислимы исторические последствия, то Ростислав их предвидеть не мог. Такова цепь рассуждений Дворника.

Мы не можем согласиться с доводами Дворника. Пусть расстояние, разделявшее эти страны, исключало возможность переброски армии в пределы союзника, но этого и не требовалось. Союз мог быть направлен прежде всего против Болгарии, как опасного для обоих государств и ненадежного соседа, и в этом случае возможность совместных, т. е. одновременных, действий вполне допустима. Если антагонизм франков и греков и смягчился, то не исчез: противоречия интересов в Италии и в северо-западном углу Балканского полуострова сохраняли свою силу. Споры из-за императорского титула по временам ослаблялись, но не исчезали. Василий Македонянин вычеркнул в актах собора 869 г. императорский титул перед именем Людовика II; затем между двумя императорами возникла, по инициативе Константинополя, неприятная (для нас очень интересная) переписка,⁹ хотя политические интересы (общая арабская опасность) диктовали необходимость союза двух империй и вызвали дипломатические переговоры, а по другим мотивам возникали и проекты брачных союзов (между сыном Василия Македонянина и дочерью Людовика II).

Называть отношения моравов и болгар в 862 г. хорошими представляется странным, если в следующем же 863 году Борис заключил

⁹ Ответное письмо Людовика II сохранилось. — *Baronii Annales, ecclesiastici, Coloniae Aggripinae. 1603, vol. X, ad annum 871 (p. 557 sq.)*.

с Людовиком союз против Моравии; вполне правдоподобно, что Ростислав в 862 г. уже предвидел готовившееся враждебное выступление Болгарии. Можно ли считать попытку установить связь с византийским патриархатом чистым безумием? Едва ли. Если приходилось бояться немцев, то здесь дело зависело от реального соотношения сил. Борьба с немцами продолжалась, исход ее еще не определился, и Ростислав не чувствовал себя слабее немцев. Если бы за ним сохранился перевес, он добился бы независимости и от немцев и от Рима, и мог бы установить связи с Византией. Тремя-четырьмя годами позднее болгарский князь Борис в своих колебаниях между Византией и Римом не обнаружил боязни ни пред Римом, ни пред Византией, ни пред немцами: он действовал, как находил нужным, — и мог так поступать, потому что чувствовал свою силу. В 865 г. он принял христианство из Византии, обманув ожидания и Людовика Немецкого, и папы, а в 866 г. нашел нужным, к радости Николая I, вступить в церковную зависимость от Рима. На недовольство греков он не обратил внимания. Через два года Борис снова вернулся под юрисдикцию константинопольского патриархата. Рим, конечно, протестовал и пред Борисом, и пред Василием Македонянином; патриарху Игнатию, все время искавшему и находившему защиту и опору в борьбе с Фотием в Риме, грозили анафемой. Все было бесполезно. Немцы, конечно, за папу не заступились, — вопреки ожиданиям Дворника. Игнатий сослался на волю императора и прикрылся решением собора 869 г.; Борис и Василий никаких угроз не боялись, и все осталось так, как хотели они, а не папа. Так было бы и с Ростиславом, если бы его государственная мощь была крепче. События 864 г. показали, что необходимой мощи не было, и планы политической и церковной независимости Моравии оказались разбитыми.

Говоря о книге Дворника, приходится отметить крайне неряшливое обращение автора с фактами. Например, Дворник постоянно называет императора Михаила I Рангаве — Михаилом II, Феодосия II дважды называет Феодором, приписывает патриарху Никифору четыре литературных выступления против Магнеса (?), тогда как на самом деле Никифор написал три памфлета против Мамоны, под которой он разумел иконоборческого императора Константина V (Migne. Patr. gr., vol. 100, col. 508—509). Особенно много погрешностей допускает Дворник там, где рассказывает об арабо-византийских отношениях; хотя он и ссылается на книгу А. А. Васильева „Византия и арабы“, но в изложении своем совершенно не учитывает исследований Васильева и ведет рассказ буквально по старой и не соответствующей современному состоянию науки книге Гердберга. Подобных примеров можно привести очень много. Особенно странен рассказ Дворника о том, что арабы в середине IX в. захватили Дамаск, хотя на самом деле имела место лишь попытка перенести столицу из Багдада в Дамаск.

Взгляды Дворника не привились даже в буржуазной науке: уже В. Н. Златарский¹⁰ и Ив. Огиенко¹¹ решительно подчеркнули политический характер посольства Ростислава и миссии солунских братьев. В результате этого в последующих работах Дворнику пришлось отказаться от своих представлений о чисто церковном характере миссии Константина и Мефодия: в своей работе „Легенды о Константине и Мефодии“

¹⁰ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2, София, 1927.

¹¹ Проф. Иван Огиенко. История церковно-славянской миссии. Том первый. Константин и Мефодий, их життя та діяльність. Варшава, 1927.

Дворник был вынужден признать политический характер этих событий. В этой работе (стр. 229) Дворник отказывается от своих прежних представлений. Анализируя отношения Моравии, Болгарии и немцев в 50—60-х годах IX в., он приходит к выводу, что обращение Ростислава к Византии с просьбой о политическом союзе было неизбежно; он признает, что опасность заключения союза между болгарами и немцами толкала Ростислава на сближение с Византией. Но более того, Дворник стремится доказать, что мораво-византийские отношения уже ко времени Ростислава и Михаила III имели долгую историю. Для доказательства этого он обращается к археологическим данным. Прибегая к обычному для буржуазной археологии приему, Дворник утверждает, что коль скоро в культурных слоях Паннонии были обнаружены изделия византийского производства уже в VI в., значит уже с VI в. между Паннонией и Византией существовали более или менее регулярные торговые связи. Византийские предметы были обнаружены и при раскопках погребений близ городища Старе Место, неподалеку от тех местностей, где традиция устанавливала центр государства Ростислава, — а так как это погребение может быть отнесено к IX—X вв., то следует вывод, что торговые связи с Византией сохранялись в этих областях и до времени Ростислава. Разумеется, этот вывод следует считать очень поспешным: византийские предметы VI в. попадали в Паннонию, где в это время осели аварские и славянские племена, скорее всего не в результате регулярного обмена, но либо в виде даров, посылавшихся византийскими императорами аварам и славянам, либо как добыча, захваченная этими народами в их набегах на византийскую территорию. Да и в IX в. византийские предметы роскоши могли попасть в Моравию не прямо из Византии, но через Болгарию и особенно через Венецию, служившую центром византийской торговли со Средней и Западной Европой. Во всяком случае находки византийских предметов на территории Моравии еще не могут служить доказательством вековых торговых связей (VI—IX вв.), предшествовавших посольству Ростислава и моравской миссии.

После сношений по поводу моравской миссии мы не видим непосредственных связей между Византией и Моравией в течение почти двух десятков лет... Только в начале 80-х годов путешествие Мефодия в Константинополь свидетельствует об этих связях.

Однако Хонигманом было высказано мнение, что Византия пыталась вмешаться в моравские дела десятилетием раньше.¹² Его взгляды опираются на следующее рассуждение.

В Фульдской летописи рассказывается, что в январе 872 г. в Регенсбург к Людовику Немецкому приходили послы от императора Василия I с богатыми дарами и, между прочим, с немалой частью чудотворного креста (cum parte non modica salutiferae crucis); послы были приняты с почетом, получили соответствующий ответ и вернулись домой. Ни состав посольства, ни цель его не указаны. В ноябре 873 г. приходил в Регенсбург посол императора Василия архиепископ Агафон „для возобновления прежней дружбы (ad renovandam pristinam amicitiam) с письмами и дарами“.

Был ли в составе посольства 872 г. тот же Агафон, — сказать нельзя. Назван скорее думать, что не был, так как было бы непонятно, почему, назвав Агафона под 873 г., хронист не отметил его под 872 г., хотя обратил внимание на принесенные им дары.

¹² Ern. Honigmann. Studies in Slavic Church History. II. Archevêque de Moravie, rival de S. Méthode. — Byzantion, XVII (Amer. Ser. III), 1944—1945, pp. 163—182.

Наличие реликвии (креста) может говорить лишь о том, что в составе посольства были и духовные лица, может быть, епископ, — как это было вообще в дипломатических обычаях Византии; но был ли это архиепископ Агафон, — не видно. Хонигман категорически утверждает, что и в 872 г. Агафон состоял в составе посольства.

Имя Агафона, архиепископа (а может быть, по нашему предположению, только епископа), упоминается в источниках еще один раз — в актах Константинопольского собора 879—880 гг., реабилитировавшего Фотия, где среди епископских или архиепископских подписей встречается подпись Ἀγάθωνος Μοραβίων, — Ἀγάθων Μοραβίων. Хонигман пытается установить положение, что этот Ἀγάθων и archiepiscopus Agathonus, посол 873 г. (по Хонигману, и 872 г.), одно и то же лицо, и делает отсюда далеко идущий вывод: Византия предприняла шаги, чтобы подчинить себе моравскую церковь, и с этой целью Игнатий в 873 г. поставил Агафона архиепископом моравским вместо Мефодия, находившегося в это время в заточении в Швабии. Догадку Хонигмана проф. Грегуар называет „открытием“ и стыдит советских ученых за незнание его.¹³

Чтобы придать убедительность своей догадке, Хонигман должен был доказывать, что Агафон 873 г. и Агафон 879 г. — одно и то же лицо и носил сан архиепископа; что этот архиепископ был сначала сторонником Игнатия и лишь позднее перешел на сторону Фотия; что посольство 872 г. узнало об исчезновении Мефодия и, следовательно, о вакантности моравской кафедры, — это и дало повод патриарху Игнатию поставить Агафона архиепископом моравским. По Хонигману, о моравских делах в Византии могли узнать даже раньше 872 г., так как Святополк, захватив власть (870), должен был уведомить посольством византийское правительство о своем вступлении на княжеский стол. Если Агафон в подписях назван Моравским, то здесь нужно разуметь, по мнению нашего автора, именно Великую Моравию. Заменяя Мефодия, ставленника Рима, собственным ставленником, Игнатий сводил счеты с Мефодием, как с фотианином, а Византия мстила тому же Мефодию за его союз с папой, службу Риму и измену интересам империи. Константин и Мефодий представляются сообщниками Фотия в его начавшейся борьбе с папой Николаем I; как орудие этой борьбы или как средство умилостивить папу были использованы открытые Константином в Херсонесе „мощи“ папы Климента: отправляя братьев в моравскую миссию, Фотий дал Константину тайную инструкцию в том смысле, что они должны ждать его приказов, прежде чем передать папе эти драгоценные реликвии, которые могли бы быть полезным средством для примирения с папой. Показательно, что византийские источники совершенно замалчивают имя солунских братьев и их дело; это говорит за отрицательное отношение к ним со стороны византийского правительства, церкви и общества. Константин и Мефодий и сами считали, что Игнатий относится к ним враждебно. Таковы основные утверждения Хонигмана.

Разберемся в них. Прежде всего, квалифицировать построения Хонигмана как открытие нельзя, если бы даже они и оказались обоснованными. Уже Гергенрёттер¹⁴ в 60-х годах прошлого века высказал мнение, что если считать Агафона 873 г. и Агафона 879 г. за одно и то же лицо, то можно было бы предполагать, что через него Византия хотела укрепить

¹³ H. Grégoire. Les études byzantines en Russie Soviétique. Académie Royale de Belgique. — Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques, 5 série, t. XXXII, 10—12 (1946). Bruxelles, 1947; Б. Горянов. По поводу выступления профессора Грегуара. — Вопросы истории. 1948, I, стр. 110—112.

¹⁴ Hergentröther. Photius, Patriarch v. Constantinopel. B. II, S. 631.

пить свое влияние в Моравии. Но и Гергенрёттер не первый высказал это предположение. За сто слишком лет до него это сделал Лёкень, только гораздо решительнее, именно: Фотий, пылавший злобой завистью (к Риму), пытался (конечно, тщетно) подчинить себе Моравию, поставив для моравов епископом Агафона, присутствовавшего позднее среди архиепископов и митрополитов на соборе 879 г. Замыслы Фотия оказались тщетными, и Моравия осталась под властью римского престола вплоть до вторжения сюда нечестия Лютера.¹⁵ Ошибка Лёкена была бы в том, что он приписал Фотию то, что сделал, по Хонигману, Игнатий. Заметим, что Гергенрёттер был более осторожен в своих суждениях, чем Лёкень и Хонигман.

Можно ли поддерживать тезисы Хонигмана? Был ли Агафон 873 г. тождествен с Агафоном 879 г.? Для доказательства тождества Хонигман приводит два довода: 1) список подписей собора 879 г. и 2) крайнюю редкость в Византии этого имени, так что трудно, даже невозможно, разуметь здесь два лица. По поводу первого соображения можно указать, что в подписях собора 879 г. наблюдается большая путаница; размещения подписей членов собора по рангам не соблюдается; самый ранг членов собора не указывается, и хотя имя Агафона стоит между двумя митрополитами, однако эту же группу митрополитов включает подпись епископа. Можно считать титул Агафона 879 г. — „архиепископ“ — не вполне установленным. Что касается редкости имени Агафон, то как раз среди подписей того же собора 879 г. встречается другой Агафон — епископ Цезарей (Κερασσηνών) в Лидии. Поэтому все те справки, которые собрал с большой тщательностью и осведомленностью наш автор, теряют доказательную силу. Можно сомневаться, что Агафон 873 г. и 879 г. одно и то же лицо. Что игнатианин Агафон мог позднее перейти на сторону Фотия, это вполне возможно, так как подобные перебежки из одной партии в другую при изменении обстановки были явлением заурядным; но если это соображение и вносит поправку ко взгляду Лёкена, то для разбираемого вопроса не имеет значения.

Могло ли, далее, произойти поставление Агафона на место Мефодия в той обстановке, с которой хотел бы связать событие наш автор? Прежде всего воспользуемся хронологической сетью, в которую должно быть вплетено поставление Агафона архиепископом моравским.

В 869 г. 14 февраля умер в Риме Константин-Кирилл. В конце того же года или в 870 г., в обоих случаях по возвращении Мефодия из Паннонии от Коцела, Адриан II поставил Мефодия архиепископом Моравии и папским легатом всех славянских стран. 869 г. — война между сыновьями Людовика Немецкого и Ростиславом. 870 г. — Святополк изменил Ростиславу, предав его немцам, которые ослепили и заточили его (ум. в 874 г.). Святополк, однако, не получил фактической власти, так как Карломан, управлявший Баварией и Восточной маркой, заставил его жить при своем дворе.

В конце 870 г. немецкие епископы, захватив Мефодия, подвергают его насилиям и издевательствам и „судят“ его, архиепископа и легата, на что, по каноническим правилам, не имеют никакого права. После инсценировки „суда“ Мефодий заточен в Швабии. Папа Адриан II (ум. в 872 г.) не знает об этом, а Иоанн VIII (872—882) узнает через монаха Лазаря в мае 873 г. В январе 872 г. приходит к Людовику Немецкому первое посольство Василия Македонянина. В ноябре 873 г. — второе посольство, на этот раз во главе с архиепископом Агафоном. Во второй

¹⁵ Oriens Christianus, I (1740), col. 105—106.

половине 873 г. легат папы Иоанна VIII, Павел, добился освобождения Мефодия.

В дальнейшем ни о каком Агафоне мы не слышим вплоть до 879 г., когда это имя мелькнуло в актах собора, не оставив следа, если не говорить о справедливом сомнении — тот ли это Агафон, который был в Регенсбурге в ноябре 873 г.

Такова хронологическая канва. Куда же можно поместить поставление Агафона? Для него не находится места. Если бы это поставление действительно состоялось, оно необходимо предполагало бы хорошую осведомленность Византии в моравских делах. Каким путем могли проникнуть эти сведения, притом секретного характера, так как немцы тщательно скрывали участь Мефодия, не желая, чтобы слухи о ней дошли до папы? ¹⁶ Любопытные византийские купцы, о которых мог бы напомнить Дворник, если они и доезжали в это время до Моравии, помочь едва ли могли: они узнали бы не больше, чем папа.

Предположения Хонигмана, что Святополк после своего прихода к власти отправил для сообщения об этом посольство в Константинополь, принять нельзя, так как, погубив Ростислава, Святополк фактической власти не получил, и понадобилось восстание моравов под предводительством Славомира, чтобы путем новой измены (на этот раз — немцам) Святополк вернул себе власть.

Узнало ли византийское посольство 872 г. об участии Мефодия, сказать с уверенностью нельзя. Посольство шло в Регенсбург, к Людовику Немецкому, а не к моравам, — шло, как нужно предполагать, с политическими, а не церковными целями; если оно и проходило через Моравию, то не имело повода здесь задерживаться; виделось ли оно со Святополком, мы не знаем, да и Святополк в то время не мог чувствовать себя достаточно прочно, чтобы вести самостоятельную политику. Во всяком случае очень сомнительно, чтобы посольство 872 г. успело получить сведения о Мефодии. Но допустим, что сведения были получены и принесены в том же году в Константинополь. Нужно было время, чтобы здесь возник и был обсужден план замещения моравской кафедры своим ставленником; тем более нужно было время, чтобы предварительно договориться (что, по Хонигману, и было сделано) с немцами и Святополком, для чего могло понадобиться новое посольство. Все эти предполагаемые действия должны были занять осень и зиму 872 г. В мае 873 г. Иоанн VIII узнает о заточении Мефодия, во второй половине 873 г. легат папы, Павел, освобождает Мефодия, который снова оказывается на моравской кафедре. В ноябре 873 г. Агафон прибывает в качестве посла в Регенсбург. Очевидно, еще летом этого года он был в Константинополе, а когда, проездом к Людовику, попал в Моравию, моравская кафедра была занята ее законным архиепископом. Допустить, что Агафон был поставлен Игнатием весной или ранним летом 873 г., невозможно: тогда Агафон и отправился бы в Моравию, а не с дипломатическим поручением к немцам.

Хронология исключает возможность замещения моравской кафедры Агафоном.

¹⁶ Когда в Риме предъявили епископу фрейзингенскому Ганнону обвинение в неканоничности собора, судившего Мефодия, и тиранических действиях против него (archiepiscopus, legatione apostolicae sedis ad gentes fungentem), тот нагло заявил, что он об этом ничего не знает (mentiendo negasti), хотя сам был зачинщиком и виновником всех гонений и бедствий Мефодия. — Papa Johannes VIII. Ep. ad Annonem episcopum. Ястремов, 83.

Хонигман ищет доказательств того, что Агафон, императорский посол 873 г., был поставлен архиепископом моравским, в глухой подписи под актами собора 879 г. — Ἀγαθὸν Μοραβίων. Что нужно разуметь под словом Μοραβίων — Великую Моравию или же небольшой город на Сербской Мораве с этим именем? Ряд ученых (среди них Голубинский, Дворник, из более ранних — Ассемани) видел здесь Сербскую Мораву, и к этому мнению, ввиду безусловной невозможности считать Агафона архиепископом Великоморавским, нужно присоединиться. Хонигман считает невероятным, чтобы епископ небольшого города носил титул архиепископа. Но, во-первых, могли быть архиепископы титулярные, у которых не было в подчинении никаких других епископов (вроде Халкидона и Катаны, отмеченных Хонигманом); во-вторых, можно ли быть уверенным в том, что в списке подписей собора 879 г. сообщаются достаточно точные данные? При беспорядочности, путанности списков не мог ли епископ оказаться рядом с архиепископами? Обозначения титулов-рангов членов собора, как сказано выше, не имеется, и о титуле приходится догадываться по соседству данного члена собора с другими членами. Хонигман сам отмечает, что иерарх Охриды Болгарской (Гавриил) помещен среди епископов, хотя иерарх Охриды скорее всего носил сан архиепископа.

Но не здесь главные, неопределимые трудности для разбираемой „теории“. Эта „теория“ никак не увязывается ни с действиями Рима, ни с интересами немцев, ни со стремлениями византийцев. Начнем с последних, т. е. с Игнатия и Василия I.

Были ли у Игнатия побуждения сводить счеты с Мефодием за его приверженность к Фотию, а у византийского правительства мстить ему за связи с Римом и мнимую измену интересам Византии? Мефодий, несомненно, находился в связях с Фотием, — и не только через брата своего Константина — *amicus fortissimus* Фотия, но и непосредственно, лично: он с братом принял от Фотия предложение итти в Хазарскую миссию; если по возвращении из Хазарии он отказался от архиепископства, то согласился стать игуменом в монастыре Полихрон; в моравскую миссию он пошел с благословения Фотия. Однако было бы ошибкой считать Мефодия приверженцем Фотия в смысле партийности, как не был партийцем-фотианином и Константин. Ни по складу своего характера, ни по идейным интересам своей жизни братья не были людьми партии. *Amicus fortissimus* Фотия, Константин, однако, вступает с ним в философский спор (о двух душах в человеке), клонившийся к защите малопросвещенного Игнатия. Ко двору императрицы Феодоры Константина пригласил логофет Феоктист, правая рука и друг Феодоры и сторонник Игнатия. Через брата и Мефодий должен был стать близким к кружку Феодоры и Феоктиста. Это не помешало братьям сблизиться и с Фотием — особенно потому, что и патриарх, и солунские братья были сторонниками активизации миссионерской деятельности среди соседних языческих народов (болгары, руссы, хазары, моравы и пр.). Но если братья и были в канонических связях с Фотием-патриархом, то это не должно было дать Игнатию повод к какой-либо враждебности к ним. Братья никогда не выступали против него; а всем было известно, что за время первого патриаршества Фотия епископы — ставленники и сторонники Игнатия — почти все перешли на сторону Фотия, так что на соборе 869 г. было признано, что только 22 епископа не изменили Игнатию.

Молчание византийских источников о деле братьев мы не можем считать признаком недоброжелательства к братьям со стороны византийского общества. Это молчание может в известной мере объясняться

тем, что современные братьям историки (Генесий, Продолжатель Георгия Монаха, Симеон Логофет) мало интересовались церковными событиями. Моравия и ее дела были значительно удалены от Византии и не могли привлечь ее внимание в такой степени, как хотя бы соседняя Болгария. Кроме того, значение дела Константина и Мефодия выяснилось не в IX в., а гораздо позднее. Нельзя, далее, думать, что моравское дело братьев было окончательно забыто в Византии и никто не писал о нем по-гречески. Напомним болгарскую легенду (Житие Климента), Охридскую легенду, — хотя это были памятники значительно более поздние. Наконец, нужно обратить внимание и на случайное показание Анастасия Библиотекаря в письме к Гаудериху о том, что песнопения, изданные Константином Философом в описании обретения мощей папы Климента, поются у греков (Graecorum resonant scholae). Если вошли в общее употребление сочинения Константина, это говорит за то, что было известно и его имя.

Но главное возражение против теории Хонигмана мы видим в том, что поставление Агафона неизбежно должно было вызвать реакцию со стороны Рима и немцев, а этого-то мы и не видим.

Рим не мог молчать в деле Мефодия, — и он не молчал. Иоанн VIII, узнав в мае 873 г. через монаха Лазаря о суде и заточении Мефодия, принял решительные меры к его освобождению. Не потому, конечно, что Мефодий был ему лично близок и дорог, а потому, что дело шло об авторитете Рима: ставленник и легат апостолического престола подвергся, вопреки каноническим правилам, суду епископов, которые были ниже его по рангу и не имели права его судить. Папа считал, что архиепископ и легат подсуден только ему. Папский авторитет был подорван, с чем Рим мириться не мог. И мы читаем грозные послания и инструкции Иоанна VIII. Папа требует, чтобы Зальцбургский архиепископ Адалвин, как первый виновник низложения Мефодия, лично и восстановил его в его звании. Через легата своего, Павла Анконского, папа порицает Адалвина и Герменриха за их незаконные действия против Мефодия, подвергает Герменриха, который превзошел „жестокость тиранов, свирепость зверей“, запрещению и требует его на суд в Рим. То же было с Ганноном Фрейзингенским. Все эти папские послания падают на лето и конец лета 873 г. В том же 873 г. папа в письме к Карломану подтверждает за Мефодием право свободно отправлять, по прежнему порядку, епископские обязанности в Паннонском епископате. Среди такой обстановки в Моравию является ставленник Константинополя, Агафон. Допустимо ли, чтобы Иоанн VIII, у которого как раз продолжались большие неприятности с Византией из-за болгарской церкви, стал молчать? Конечно, нет. Но, может быть, он об этом не знал? Тогда нужно предполагать, что не знал о своем сопернике и Мефодий, — так как если не он, то его окружение довели бы об этом до сведения папы, на что папа не мог не ответить. Все это совершенно невероятно. Но невероятность этой комбинации еще более усиливает, — если только ее можно усилить, — сам Хонигман. Он полагает, что греки заблаговременно договаривались и с немцами, и со Святополком о возможности поставления нового архиепископа в Моравию и будто бы получили согласие. Это значило бы, что в то самое время, когда баварские епископы писали свое *Conversio* в защиту немецких прав на Паннонию и Моравию, презрительно называя архиепископа Мефодия *quidam Graecus, Methodius nomine*, который „ввел славянские письмена и привел в пренебрежение латинскую мессу и весь церковный латинский чин“ (*vilescere fecit... missas et evangelia ecclesiasticumque officium*

illorum, qui hoc latine celebraverunt), — что в это самое время те же немцы приглашают нового грека, к тому же еще теснейшим образом связанного с константинопольским императором и патриархом! Мы не настолько легковверны, чтобы принять эту комбинацию.

Не останавливаясь на этом, Хонигман рисует нам любопытную сцену дружеской беседы между Агафоном и немцами: „Легко можно представить, — пишет он (стр. 173), — что, спрошенный немецкими епископами о том, что нужно думать о [его] соотечественнике Мефодии и его претензиях, Агафон отвечает: Мы — греки — не знаем, по какому праву один из этих „философов“ [Мефодий] называется архиепископом; как вы впрочем хорошо знаете, истинный греческий архиепископ Моравии — это я!“

Не будем останавливаться на других соображениях Хонигмана; они падают, как падает его основной тезис. Итак, от „открытия“ Хонигмана ничего не остается.

Из разобранных нами примеров достаточно отчетливо выступают особенности буржуазной исторической науки. Буржуазные историки (Дворник) рассматривают христианизацию как самоцель, как насаждение византийской культуры среди отсталых, варварских народов. Они не хотят видеть того, что насаждение христианства было одним из элементов византийской политики. Но и те буржуазные историки, которые готовы признать политический характер византино-моравских отношений в середине IX в. (Златарский, Огиенко, Киселков), даже не ставят вопроса о внутренних причинах христианизации Моравии: они не понимают того, что становление классового феодального общества делало невозможным сохранение старой языческой религии, возникшей в недрах бесклассового общества, — христианская классовая религия, освящающая гнет феодалов и царскую власть, была нужна Ростиславу и моравским феодалам не потому, что они восторженно относились к высокой византийской культуре, но потому, что они справедливо видели в христианстве идеологическое оправдание своего господства.

Раскрывается не только методология, но и методика исследования буржуазных историков в работах рецензируемых нами авторов: погоня за сенсационными „открытиями“, которые на проверку оказываются известными уже Лёкению и Гергенрёттеру, пренебрежение к фактам, приводящее к мифотворчеству и превращающее историческое сочинение в антиисторический роман, не говоря уже о той тенденциозности, которая постоянно проявляется в исследованиях, посвященных кирилло-мефодиевской проблеме, и которая особенно отчетливо выступила в работах Александра Брюкнера. Общий кризис буржуазной историографии проявился и в работах, посвященных византино-моравским отношениям в середине IX в.

Ф. М. Россейкин

II. РЕЦЕНЗИИ

Н. М. ТОКАРСКИЙ. АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ.

Издание Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1946, стр. 381 + 96 табл.

Великое художественное наследие древней Армении, в частности архитектурное, поистине огромно. Им по праву гордится армянский народ, и не только армянский, ибо зодчество Армении — одно из наиболее

ярких явлений мировой культуры, особенно в средние века. Однако приходится отметить, что изучено оно совершенно недостаточно; очень много памятников еще не выявлено, не опубликовано и не исследовано. Но и накопленный богатейший материал пока не обобщен. Научная история армянского зодчества, фундамент которой заложен трудами Н. Я. Марра и Т. Тораманяна, до сих пор не написана.¹ Ее с нетерпением ждут и историки Армении, и широкие круги советской интеллигенции, и творцы новой армянской архитектуры, которые по праву столь дорожат родным художественным наследием.

Первый шаг в этом отношении предпринял Н. М. Токарский. Автор уже давно занимается историей армянского зодчества, долгое время работал в Армении, и мы в праве ожидать от его книги существенных результатов. По словам автора, его работа имеет целью „сделать общий обзор древнеармянского зодчества, проследить, как на протяжении веков в различных условиях работала и развивалась творческая мысль армянских зодчих...“ (стр. VIII—IX), причем рассчитана рецензируемая книга на „читателя, не занимающегося специально вопросами истории архитектуры“ (стр. IX). Однако книга эта, задуманная как научно-популярная работа, содержит не только ранее известный материал, но вводит в научный обиход еще не опубликованные памятники, а также результаты новейших исследований, в частности — исследований самого автора, что придает книге характер оригинального исследовательского труда. Это обстоятельство, несомненно, повышает наш интерес ко всей работе.

Книга, не считая введения и приложений, состоит из шести глав; из них первая посвящена древнейшей и античной архитектуре Армении до V в. н. э., а остальные — средневековому зодчеству и строительным приемам древних мастеров. Отметим крупный недостаток книги: армянская архитектура после XIII — начала XIV в. совсем выпала из поля зрения автора, хотя известно, что в восточных областях Армении, переживавших в XVI—XVII вв. экономический подъем, монументальное строительство в этот период не только не прекратилось, но продолжало в некоторых отношениях развиваться, и для историка культуры представляет значительный интерес. Отмечу также, что выделение „Строительных приемов древних мастеров“ в особую главу следует признать неудачным, ибо характеристика строительной техники оказалась оторванной от самих памятников, рассмотренных в основных главах, при описании которых и следовало сказать об их технике. К тому же эта дополнительная глава содержит и архитектурное описание пещерного комплекса Гегарда (стр. 344—350), что было бы уместнее включить в главу об архитектуре XII—XIV вв.

В главе I, посвященной древнейшему зодчеству Армении, автор ограничивается краткими замечаниями о народном жилище, исходя из этнографического материала; затем он переходит к древним армянским городам, характеристика которых поневоле основана лишь на письменных источниках и, наконец, дает достаточно подробное описание знаменитого храма римской эпохи в Гарни, который датирует временем царя Трдата I, т. е. I в. н. э.

Древнейшие города Армении археологически еще совершенно не тронуты, а потому их характеристика, данная автором, не могла дать о них цельного представления. Но для изучения армянского народного жилища

¹ Если не считать двухтомного труда J. Strzygowsky. Die Baukunst der Armenier und Egipta, 2 тома, Wien 1918. Но помимо крайне формалистических и расистских концепций автора, эта работа не охватывает всей истории армянской архитектуры и ограничивается материалом лишь ранне-средневековым.

уже накоплено немало материала, который Н. М. Токарский, к сожалению, использовал в ничтожной степени. Автор говорит лишь о карадаме и даже не упоминает о таких архаических по своему облику комплексах, как пещерные поселения Армении (например, старый Горис), в сооружениях которого ясно отразились черты общинно-родового уклада; не привлечен им и сравнительный кавказский материал.² Невнимание к этому материалу значительно снижает ценность главы I; вдобавок ее содержание плохо связано Н. М. Токарским с темой „народное жилище“. Между тем, по важности этого предмета ему следовало уделить особое внимание и посвятить отдельную главу.

В более близкую ему область автор вступает в главе II, посвященной ранне-средневековому армянскому зодчеству (V—VII вв.). В этой главе автор значительное место уделит гражданской монументальной архитектуре — ранне-средневековым замкам и дворцам, ввел эти памятники в историю армянского зодчества, причем описания некоторых из них (Анберд, Двин) издаются им впервые. Автор говорит об их топографии (в связи с хозяйственной жизнью), об их техническом оснащении (водопроводы, водосборные сооружения, скрытые ходы к реке и пр.) и особенно подробно останавливается на Анберде — замке, высоко расположенном на южном склоне Арагаца и археологически исследованном в 1936 г. под руководством академика И. А. Орбели и при участии автора. Изложение сопровождается фотографиями — планом по собственным обмерам автора (к сожалению, не воспроизведен разрез дворца). Автор относит основную часть дворца к VII в. (стр. 26, 29), что вероятно, но все же недостаточно аргументировано: ссылки на различный характер кладки дворца и других построек Анберда (церкви 1026 г. и бани) не убедительны, ибо эти здания слишком различны по своему характеру и назначению.

В ту же главу включено и описание крепости в Бдини и замка Тигниса, относящихся, как указывает и автор, к более позднему времени — к IX—XI вв. Включение их в данную главу в качестве важного сравнительного материала представляется вполне правомочным. Однако использованный автором материал не исчерпывает даже то немногое, что нам известно. Почему-то не привлечен такой ценнейший памятник, как замок в Н. Талине, построенный не позднее X—XI вв. Следовало сказать и о крепости в Воротанберде (Сисианского района).

Важный материал содержит и следующая часть главы, посвященная патриаршим дворцам в Двине (открытым раскопками 1937—1939 гг.) и близ Вагаршапата. Автор дает и реконструкцию Двинского дворца (табл. 7); его внутреннюю колонную часть он представляет в виде открытого дворика, с чем трудно согласиться: против этого свидетельствует расположение колонн, образующих три правильных квадрата, и мощные капители высотой около 2 метров, рассчитанные, очевидно, на более сложное покрытие, нежели легкая одиночная балка. Гораздо убедительнее реконструкция архитектора В. М. Арутюняна (которую имеет в виду автор в примечании на стр. 45),³ предполагающая поквдратное деревянное сводчатое перекрытие, что подтверждает и этнографический материал. Описание дворца в Вагаршапате чрезмерно кратко и не соответствует значению этого памятника. К тому же нет анализа композиции дворца. Между тем происхождение ее очень важно в историко-культурном отношении:

² См. напр. Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение, как исторический источник. „Советская этнография“, 1936, № 4—5.

³ Теперь она опубликована.

следовало привлечь памятники Ирана и особенно Сирии и Месопотамии, где сохранились многочисленные виллы и дворцы до-арабского времени (например, дворец в Мшате V в.) и где мы наблюдаем близкие композиционные решения. Тогда стало бы понятно то культурное окружение, в котором протекало творчество зодчих ранне-средневековой Армении, не оторванной от близкой ей культуры Ближнего Востока, а, наоборот, тесно связанной с ней повседневным живым общением.

Этот же недостаток сказался и в основном разделе главы II, посвященной культовой архитектуре V—VII вв. (стр. 48—109). Автор привлек здесь обширный материал, поражающий богатством и разнообразием форм, смелостью композиций и зрелым мастерством; армянские зодчие создали в полном смысле слова классическую архитектуру, несколько не утратившую и поныне силу своего художественного воздействия. Автор убедительно устанавливает хронологическую цепь развития форм от базилик до сложных центральных построек, кончая Звартноцем — венцом художественного гения средневековой Армении. При этом Н. М. Токарский привлекает немало нового материала, до того не опубликованного (храм в Арамусе, Таргманчацванк в Айгешате, храм в Сисиане, базилика в Арамусе и др.). Автор убедительно показывает, что первоначальный собор в Эчмиадзине, вопреки мнению Т. Тораманяна, относится к VII, а не к V в. (стр. 59—61), выясняет первоначальный облик столь важного памятника, как храм Рипсима близ Эчмиадзина (стр. 87—88), дает очень полезную сводку орнаментальных мотивов архитектурного убранства VII в. (стр. 119—127), выясняет черты первоначальной постройки Нерсеса Строителя в Ишхане, из форм которого, по мысли автора, исходил зодчий Звартноца (стр. 97—98), что, на наш взгляд, неоспоримо. Замечу, что этим, однако, не решается вопрос о происхождении сложной композиции Звартноца в целом, явившейся несомненно результатом сложного архитектурного развития. Этот вопрос автор, правда, ставит, но лишь негативно, отрицая византийские источники, что вполне справедливо. Зато совершенно не учтены сирийские параллели, притом более ранние (собор в Босре 512—513 гг.); между тем именно такое сравнение показало бы, насколько велики были достижения армянских зодчих — создателей Звартноца.

Не менее важен был бы аналогичный сравнительный анализ и в отношении своеобразной центральной композиции в виде подкупольного пространства с выступающими экседрами, образцами которой являются храмы в Багаране и Мастаре (стр. 76—79); но об этом у автора — ни слова. Зато совершенно необоснованно этот тип генетически связан с небольшими по размеру простыми крестообразными храмами, столь распространенными в Армении и Грузии в VII в.; между тем, наличием общего принципа центричности и ограничивается связь того и другого типа, что еще ничего не дает для выяснения конкретного процесса архитектурного развития. В специальной литературе уже указывалось, что небольшой крестообразный храм ведет свое происхождение, несомненно, из погребальной архитектуры римского времени (исходный момент — прямоугольный склеп с лежанками с трех сторон, с четвертой стороны — вход; отсюда понятен мемориальный характер крестообразных храмов). Обо всем этом в книге также ничего не сказано, зато происхождение этих небольших храмов в форме чистого креста почему-то связано с купольными залами (стр. 73—76), а это ничего не объясняет. Ничего не говорится и о происхождении композиции многоапсидных храмов [церкви в Егварте, Иринде (стр. 106—107)], истоки которой также лежат в архитектуре еще римского времени. Наконец, совершенно непонятно, почему типичные купольные базилики в В. Талине и Двине, лишь услож-

ненные боковыми экседрами, рассматриваются после многоапсидных центральных зданий, с которыми они генетически никак не связаны и, в сущности, не имеют никаких точек соприкосновения.

Вряд ли приемлема и методика датировки памятников ранне-средневековой архитектуры, не имеющих точной даты, по орнаментике датированных памятников (стр. 90, 119, 123), ибо по наличному материалу нет никакой возможности установить *начальный* момент применения той или иной орнаментики: то, что автору, на основании датированных примеров, кажется относящимся только к 30-м годам VII в., может относиться и к более раннему, и к более позднему времени (в пределах данного исторического периода — VI—VII вв.).

Автор поступил совершенно правильно, привлекая попутно аналогичные армянским архитектурные памятники Грузии, прежде всего замечательный храм Креста близ Мцхета. Однако в полемике с Г. Н. Чубинашвили, который настаивает на приоритете Грузии в выработке этой композиции, якобы перенятой армянами позднее, у Н. М. Токарского проскальзывает противоположная и, в сущности, столь же неверная тенденция закрепить этот приоритет именно за армянскими зодчими. Ведь сам же Н. М. Токарский справедливо указывает на „одновременное появление там и здесь сходных типов построек и сюжетов в убранстве“ (стр. 93). Дело, конечно, не в том, где раньше появилась композиция церкви Креста (Джвари) и церкви Рипсима (для решения этого вопроса еще нет надежных оснований), а в том единстве творческого пути, которыми шли зодчие и Армении, и Грузии в эпоху раннего средневековья (V—VII вв.). Грузинское и армянское зодчество того времени — это *единое* художественное и, тем самым, историческое явление, что отнюдь не исключает индивидуальности того или иного армянского или грузинского произведения в рамках одной архитектурной концепции.

В связи с этим можно вполне присоединиться к той критике, которой автор подвергает в конце главы статью Г. Н. Чубинашвили об армянской архитектуре IX—XI вв.⁴ В этой статье Г. Н. Чубинашвили объявляет многие выдающиеся армянские памятники VII в. памятниками X—XI вв., стремясь убедить читателя, что у армянских зодчих хватило способностей лишь на „наивные, подчас беспомощные неудавшиеся попытки создать... новые архитектурные композиции“.⁵ Вся армянская архитектура IX—X вв. (та самая, которая в действительности была создана в VI—VII вв.) являет, по мнению Г. Н. Чубинашвили, „безотрадную картину“.⁶ В научно-популярной книге Н. М. Токарского, естественно, не нашла места развернутая критика этой „концепции“, извращающей процесс художественного развития всего Закавказья, а не только Армении. Статья Г. Н. Чубинашвили требует специального разбора,⁷ но сделанные Н. М. Токарским замечания вполне обоснованы.

Глава III в первой своей части (стр. 137—182) содержит по существу лишь обзор материала с кратким описанием памятников, сначала анийских, затем провинциальных („княжеские селения, монастыри, селения“). Этот обзор большей частью носит характер нередко между собой ничем не связанных экскурсий по памятникам IX—XI вв., но включает в себя и более поздние памятники (XII—XIII вв.). Местами обзор очень

⁴ В сб. „Сасунский Давид“, под ред. проф. Меликсет-Бека. Изд. Тбил. гос. ун-та, Тбилиси, 1939, стр. 17—57.

⁵ Там же, стр. 44—46.

⁶ Там же, стр. 33.

⁷ Некоторые замечания (в связи лишь с одним памятником) содержатся в брошюре В. М. Арутюняна, по поводу датировки храма в Аруче. Ереван, 1946.

содержателен и представляет серьезное исследование отдельных памятников. Сюда относится новая датировка столь важного памятника в Ани, как церковь Апостолов, которую автор на основании достаточно веских соображений относит к началу XI в., а затем выясняет в данной связи последовательность крупного строительства в Ани (стр. 154—157), продолжая в этом отношении работу Т. Торамаяна. Очень интересен анализ круглого храма Гагика (1001 г.) и дворцовой церкви X—XI вв. Однако собственно история армянского зодчества IX—XI вв. и процесс его развития даны в следующем, очень кратком разделе (стр. 183—193), где автор выясняет основные черты архитектуры той поры, преемственную связь с классическим армянским зодчеством, основные тенденции ее развития, дает стилистические (правда, очень скупые) характеристики. При этом автору приходится возвращаться к уже описанным памятникам, некоторые из них вновь описывать, а один из наиболее важных по значению — знаменитый храм на о. Ахтамаре — выделен им из общего изложения в особый раздел (стр. 194—199), хотя он тесно связан с архитектурой той поры и очень важен для понимания всего ее развития. Вряд ли можно признать удачной такую структуру главы, где внешнее описание памятников совершенно оторвано от их осмысления.

Трудно безоговорочно согласиться и с утверждением автора о господстве в провинциальном церковном строительстве X—XI вв. шаблона: наличие архитектурного канона общей композиции еще недостаточно для такого утверждения. Нередко, даже в глуши, можно встретить церкви, носящие ярко выраженные индивидуальные черты, например церкви в Байсызэ (Галинского района), Бджни (Ахтинского района), первоначальная церковь в Хоракерте (Алавердского района). Тем более нет основания говорить о каком-то „творческом тупике“ армянских зодчих IX—XI вв. (стр. 188), чему, впрочем, противоречит весь ход мыслей автора. Читателя смущает и противоречие в характеристике архитектурной орнаментики X—XI вв.: то автор не находит в ней „ни одного из мотивов VII в.“ (стр. 190), что неверно, то указывает на целую серию мотивов, „отмеченных известным архаизмом“ (стр. 192), т. е. наблюдаемых уже в VII в. Однако не трудно убедиться, что и этим старым орнаментальным мотивам в Багратидскую эпоху был придан новый стилистический облик.

Глава IV — „Тайкская архитектурная школа X в.“ выпадает из общей структуры книги, ибо те памятники, о которых идет речь, являются во всех отношениях памятниками грузинской архитектуры, да и принадлежат они территории, которая по своей культуре к X в. стала уже грузинской. Если можно согласиться с автором, что первоначальный храм, построенный в VII в. Нерсесом Строителем на своей родине — Ишхане, является памятником армянского зодчества (стр. 203) и потому имеет прямое отношение к армянской культуре, то нет никаких оснований рассматривать последующее (в X в.) зодчество этой области как противостоящее архитектуре остальной Грузии или как своего рода средостание между архитектурой грузинской и армянской (стр. 202). В тех памятниках Чорохского бассейна, которыми оперирует автор (храмы X—начала XI вв. в Ошке, Хахуле, Тбети и перестроенный храм в Ишхане), составляющих единую по стилю группу, ярко выражены черты, типичные именно для грузинской архитектуры. Это ясно сказывается хотя бы в плановом решении в виде креста с элементами базиличной протяженности (удлиненная западная ветвь креста): своеобразие грузинской архитектуры X—XII вв. заключается именно в компромиссе базиличного и центрально-купольного принципа, тогда как в Армении

центрально-купольный принцип безраздельно господствует уже с VII в. Такие выдающиеся грузинские памятники, как храмы в Алаверди (вторая половина X в.), Кутаиси (ок. 1003 г.), Мцхете (ок. 1029 г.) — достаточно показательны в этом отношении. Соответственно коренным образом отличается и вся внутренняя композиция, где нет той объединенности всего пространства под куполом, как это наблюдается в армянской архитектуре (армянские и грузинские зодчие в X—XI вв. ставили перед собой различные архитектурно-художественные задачи). То же следует сказать и о трактовке фасада с его глубоким расчленением сильно выступающими пучками полуколонок, что опять-таки не характерно для армянского зодчества, где аркатура (например, Анийский собор, церковь Спасителя в Ани и др.) плоскостна и не нарушает монолитности фасада; наоборот, в грузинском зодчестве эта аркатура играет активную роль: она мыслится как основной конструктивный элемент фасада. Этим коренным и резким отличием автор явно пренебрегает (стр. 209).

С некоторым основанием можно говорить лишь об отдельных чертах влияния первоначального собора в Ишхане (VII в.) на храм в Хахуле (обработка алтарного полукружия нишами, что наблюдается и в армянском зодчестве начала XI в. — в Анийском соборе, Мармашене), т. е. о некоторых чертах влияния армянского зодчества, но это ни в какой мере не нарушает весь художественный облик храма в Хахуле, типично грузинский.

В целом все эти памятники Чорохского бассейна настолько же отличаются от собственно армянских, насколько грузинское зодчество X—XI вв. отличается от армянского зодчества того же времени. Поэтому общий вывод главы („основные направления, по которым шло развитие архитектурной мысли в тяготеющих к Грузии владениях Давида и багратидском царстве, совпадали“) остается совершенно необоснованным, а вся глава остается загадкой для читателя.

Эта глава книги Токарского („Тайкская архитектурная школа X в.“) подверглась подробному и отрицательному разбору и со стороны академика С. Н. Джанашиа,⁸ с выводами которого в этом отношении нельзя не согласиться.

В следующей главе автор возвращается к собственно армянскому зодчеству в XII—XIV вв., в эпоху рождения нового архитектурного стиля, который автор, следуя Н. Я. Марру, связывает с расцветом городов и городской культуры в Армении той поры [прежде всего Ани (стр. 220)]. Автор справедливо делает ударение именно на гражданской архитектуре, созревшей в новых социальных условиях городской жизни и определившей новый расцвет армянского зодчества XII—XIV вв., развитие которого не было приостановлено и сельджукским завоеванием. Зато новая политическая обстановка теснее связала армянское искусство с искусством соседних мусульманских стран: „оживленная караванная торговля, обмен мастерами вели к появлению форм, сюжетов и технических приемов в искусстве, носящих скорее признаки скрещения, чем заимствования“ (стр. 218). Это хорошо показано автором в дальнейшем изложении на основании обширного материала.⁹

⁸ С. Н. Джанашиа. Об одном примере искажения исторической правды. „Вопросы истории“, 1947 г., № 5, стр. 71—89; ранее была напечатана отдельной брошюрой в издании „Заря Востока“.

⁹ В связи с этим следует признать крайне неудачной фразу: „С появлением в Армении сельджуков справедливо связывают сложение новых форм в армянской архитектуре XII—XIV вв.“ (стр. 216). Читатель может подумать, что именно сельджукам Армения обязана этими архитектурными формами, что, конечно, неверно, да этому противоречит и все дальнейшее изложение.

Первый раздел этой большой главы посвящен гражданской архитектуре (стр. 222—262), преимущественно анийской; второй — церковной архитектуре (стр. 262—321); третий — мостам, которые почему-то рассмотрены в отрыве от гражданской архитектуры, несмотря на то, что тесно связаны с городом (анийские мосты) и с караван-сараями, описанными выше. Неудачная компоновка материала сказывается и в других частях главы: например, о порталах речь идет в нескольких местах (стр. 223—225; 278—297); рассмотрение анийской гостиницы и караван-сарая почему-то разобщено.

Преимущественное внимание в этой главе автор уделяет не столько архитектуре и архитектурной композиции, сколько декоративной разработке архитектурной плоскости и отдельных архитектурных элементов, особенно портала. Это понятно, ибо в поздне-средневековом армянском зодчестве декоративная разработка интерьера и фасада приобрела особое значение и нередко стояла в центре внимания зодчих. Данная глава, несмотря на свои структурные недостатки и отдельные неверные утверждения, составляет лучшую часть книги.

Прекрасно прослежена смена форм портала (стр. 223—225, 278—297), тенденции развития которых автор убедительно связывает с новыми ху ожественными велениями, вызванными новой общественно-политической обстановкой в Армении во второй половине XIII и XIV вв. (особенно стр. 294—296); очень хорош анализ сталактитовых сводов и полусводов, столь характерных для армянского зодчества XIII—XIV вв. (стр. 252—256); не менее интересен анализ декоративной разработки церкви Тиграна Онеца и Бахтагеки в Ани и их подобных (стр. 267—271), как и общая характеристика всей декоративной композиции армянских храмов XIII в. (особенно стр. 276); интересны соображения о массовом изготовлении литых гипсовых украшений (стр. 299—304), о развитии фигурной декоративной наборными плитками (стр. 235—240) и т. д. Популярное изложение и здесь содержит исследование материала в полном смысле слова, хотя и без достаточного научного аппарата, который автор опустил, имея в виду именно популярный характер издания.

Правда, и здесь не со всем можно согласиться. Вряд ли можно принять утверждение, что резьба на фасадах XIII в. „начала переходить на поверхность стены, заполняя часто сплошным узором значительную площадь“ (стр. 235—236). Наоборот, несмотря на исключительное развитие этой резьбы, она никогда не заглушает гладь стены: традиции классического армянского зодчества не были изжиты вплоть до XVII в. — в этом одна из наиболее замечательных черт архитектуры поздне-средневековой Армении. Резьба лишь акцентировала отдельные архитектурные элементы — портал, окно, карниз, подчиняясь архитектонике фасада.

Никак не могу согласиться с произвольной трактовкой неправильных перекрестий на концах креста на восточном фасаде церкви Спитакавор, как „отталкивающей гримасы“ (стр. 294); скорее здесь нарочитое воспроизведение грубо сколоченного деревянного креста; его несколько асимметричная форма хорошо вязалась с общей асимметричностью в композиции фасадов, столь характерной для армянского зодчества XIII в., что создавало известную динамику форм. Но об этой асимметрии автор ничего не говорит, будто бы ее не замечает. Неверно, что тяги, состоящие из мелких сталактитов, появляются только в конце XIII в. (стр. 291—292); они известны на памятниках уже середины этого века (например Хоракерт, Мшкаванк и др.). Говоря об изобразительных мотивах резьбы, автор касается только декоративной стороны дела, совершенно умалчивая о содержании изображений; особенно это важно в отношении птиц

с человеческой головой (сиринов) и крылатых животных тоже с человеческой головой, изображения которых, как указывает автор, встречаются всюду в Армении XIII в. (стр. 234, 269—270, 307—308) и Иране, добавим, — и в М. Азии и Месопотамии того же времени. Эти типичные для кавказо-иранского культурного мира образы священной райской птицы (может быть Анка) и священного крылатого полуконя-получеловека (не кентавра), часто в нимбе (на керамических росписях), помещенные нередко на порталах армянских церковных притворов (например в Макараванке), может быть, унаследовали значение апотропея. Во всяком случае, автор не должен был пройти мимо этого вопроса.

Главное внимание Н. М. Токарский, повторяю, сосредоточил на декоративном убранстве зданий. Но этим не исчерпывается суть дела. Бесспорно, что собственно архитектурная композиция продолжала развиваться и в Захаридскую эпоху, и даже позднее; достижения армянских зодчих в этом отношении не менее велики и значительны. Между тем автор эти достижения оставил в тени. Не случайно, что оба основных раздела главы (гражданское и церковное зодчество) начинаются с изучения не архитектурной композиции, а с порталов (стр. 226 сл., 273 сл.). Правда, и здесь немало ценных наблюдений, например об устройстве караван-сарая, где нефы, как хорошо показал автор, отделялись низкими арками, непосредственно опирающимися на пол, без столбов (стр. 240—246), о влиянии грузинской архитектуры в разработке восточного фасада (стр. 267, 276), о реконструкции ктиторийской группы в Нораванке (стр. 312). Но все же эта сторона дела разработана автором значительно слабее.

Совершенно недостаточное внимание уделено бесстолбной композиции с системой нервюрного перекрытия в виде взаимно перекрещивающихся арок (стр. 255—260), представляющей одно из самых выдающихся достижений армянского зодчества XII—XIII вв. не только в художественном, но и в техническом отношении. Автор не прослеживает развития этой композиции, уже вполне выработанной по крайней мере в конце XII в.,¹⁰ а не в 30-х годах XIII в., как полагает автор (стр. 257, 313—314), к тому же неверно датируя такое нервюрное перекрытие нижнего этажа колокольни в Нор-Гетике 1231 г., т. е. временем первоначального сооружения; на самом деле это перекрытие относится к 1291 г. — дате всей двухэтажной постройки.¹¹

Автор совершенно не объясняет такого важного явления, как уменьшение размера церквей, что характерно для культовой архитектуры XII—XIII вв., сводя дело к „желаниям и возможностям заказчиков“ (казалось, возможности у богачей-заказчиков были достаточные) и к условиям скученной городской застройки (стр. 266), хотя небольшие размеры церквей не менее типичны для монастырского и сельского церковного строительства. При этом автор не учитывает того, что в период позднего средневековья резкое уменьшение размеров церковного здания характерно не только для Армении, но и для многих христианских стран, в том числе и для Византии. Дело, очевидно, в новых социальных условиях этого строительства, когда церковное здание строится уже не для всех; оно рассчитано на ограниченный круг молящихся. Зодчие сознательно стремятся придать церкви замкнутый, уединенный, нередко

¹⁰ Большой гавит собора в Ахпате, построенный в начале XIII в., дает эту композицию уже во вполне законченном и притом усложненном виде, следовательно, зарождение ее относится, вероятно, еще к предыдущему периоду.

¹¹ На месте ясно видно, что пилоны, примыкающие к стене и поддерживающие арки перекрытия, частью закрыли ниши в первоначальных стенах, резко отличающихся от вышележащих частей и характером кладки.

интимный характер;¹² в условиях города — это приходский храм, построенный общиной или для общины.

В объяснении генезиса обычной для Армении композиции четырехстолпного гавита автор, следуя С. Д. Лисициану (стр. 248—249, 297), возводит ее к простому и очень архаичному крестьянскому жилищу — туну или карадаму, какие еще сохранились кое-где, а в глуши строились до последнего времени (1936 г.). Однако, как не вяжется явно дворцовый облик обширного притвора-гавита с маленьким, темным и глухим, словно пещерным, карадамом — курной избой! Реальную и, конечно, опосредствованную генетическую связь того и другого можно установить лишь при наличии промежуточных звеньев развития, но их нет. Дело, мне кажется, обстоит сложнее: не представляет ли четырехстолпная композиция армянского гавита сокращение трехнефной дворцовой залы, известной в Армении начиная с V в., в частности, во дворце Багратидов в Ани (XI в.) и дожившей до XIII в., когда ее использовали именно для монастырского притвора (в Санаине); зодчие сократили число устоев до двух пар с целью привести всю композицию в соответствие с центрическим принципом, безраздельно господствовавшим в армянской архитектуре XII—XIV вв.

Предложенное объяснение отнюдь не означает принижения роли крестьянской архитектуры в армянском монументальном строительстве. Так, армянские караван-сарай XII—XIII вв. в форме базилики следует, на наш взгляд, связать именно с крестьянским гомом — помещением для скота, в виде деревянной „базилики“. Близость назначения естественно привела к использованию этой формы для караван-сарая, а позднее, в XVI—XVII вв., и для самих церквей (их много в Даралагезе и Зангезуре). К сожалению, автор не касается этого вопроса, имеющего несомненный историко-культурный интерес (см. стр. 240—246); при этом опущен особенно важный памятник такого рода — самый крупный из известных в Армении — „тройной“ караван-сарай близ Н. Талина.

Несмотря на указанные недостатки, рассмотренная глава представляет большой интерес. Впервые читателю дается связный и правдивый рассказ о богатейшем по своим формам и содержанию армянском зодчестве позднего средневековья.

Если оценивать книгу Н. М. Токарского в целом, то приходится признать, что в ней немало крупных недостатков. Первый из них — невнимание к вопросам генезиса архитектурных форм средневековой Армении, которые большей частью рассматриваются вне связи с окружающей ее культурой сопредельных стран. Этим в значительной степени объясняется и то, что процесс развития архитектурных форм прослежен не всегда четко, особенно в главе о ранне-средневековом зодчестве (V—VII вв.).

Второй существенный недостаток — почти полное отсутствие стилистического анализа, к которому автор, повидимому, относится пренебрежительно (стр. 130), хотя только таким путем может быть вскрыта художественная природа памятника. Наряду с этим встречаются чисто эстетские, ничего не говорящие характеристики („неуклюжий купол“, „развалистый вид“, „унылая форма“ — стр. 54, 172, 187 и др.). Попадают в рецензируемой книге и другие ошибки, но эти недостатки в значительной степени искупаются крупными достоинствами. Прежде

¹² Особенно типична не раз привлекавшаяся автором церковь Григория 1237 г. в Нор-Гетике. Характерно, что для церквей и монастырей в XIII в. ищут не открытое место, чтобы церкви были видны издали, как бы завершая пейзаж, как в раннее средневековье, а прячут их в ущелья, в лесную чащу, в горы, в малодоступные и удивленные места, словно скрывая храм от мирской суеты.

всего, книга Н. М. Токарского — первый более или менее полный обзор истории армянского зодчества, сделанный с привлечением огромного материала и с большим знанием дела. Автору нередко пришлось идти по еще не исследованному пути; поэтому его обзор перерастает в историко-архитектурное исследование, положительные результаты которого бесспорны. Уже это одно делает книгу Н. М. Токарского очень ценным вкладом в историю не только армянской архитектуры, но и армянской культуры в целом. Кроме того, книга подкупает простотой и ясностью изложения, что облегчает не специалисту усвоение большого материала, содержащегося в данной работе и накопленного многими годами упорного труда. Книга Н. М. Токарского хорошо послужит дальнейшему изучению истории армянского зодчества.

А. Л. Якобсон

Г. ОСТРОГОРСКИЙ. ВИЗАНТИЙСКИЕ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ.

Bysantinoslavica, IX, 2, Прага, 1948, стр. 203—306.

За последнее время в советской исторической литературе появилось несколько обзоров, посвященных анализу научной деятельности Г. А. Острогорского.¹ Эти обзоры и рецензии доказали, что современное буржуазное византиноведение развивается в реакционном направлении и одним из его представителей является автор рецензируемой работы. Ныне Г. А. Острогорский выступил с большой статьей „Византийские писцовые книги“, в которой он поставил себе задачу „дать общий сравнительный анализ всех опубликованных доселе византийских писцовых книг, как уже изученных, так и оставшихся еще неиспользованными“ (стр. 206).

Внимание советских византинистов, а также историков всех других специальностей, занимающихся исследованиями общественно-экономических отношений в эпоху феодализма, справедливо будет привлечено широтой поставленной автором задачи. Со времени выхода в свет произведений Ф. И. Успенского, который впервые ввел в научный оборот византийские писцовые книги, как источник для изучения аграрных отношений Византийской империи,² прошло более полувека. За это время в научный оборот было введено большое количество памятников аграрных отношений Византии. Это время характеризуется большими успехами в области изучения истории аграрного строя Византии, которая разрабатывалась главным образом русскими учеными, как и византийские писцовые книги исследовались почти исключительно ими. Советское византиноведение подвергло общему пересмотру вопросы византийского феодализма, и работы советских византинистов (Н. В. Пигулевская, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц, А. П. Дьяконов, Б. Т. Горянов, А. П. Каждан) внесли много нового в изучение общественно-экономических отношений в византийской феодальной деревне. Естественно поэтому, что попытка дать общий анализ *всех опубликованных писцовых книг* Византии сама по себе должна вызывать и вызывает большой и вполне заслуженный интерес.

¹ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — „Вопросы истории“, 1945, № 3—4; М. В. Левченко. Рецензия на книгу G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940. — Виз. Врем. II (XXVII), 1948; его же, Рецензия на эту же книгу. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1947, № 12.

² Ф. И. Успенский. Материалы для истории землевладения в XIV в. Зап. Новоросс. ун-та, 38 (1883); его же, Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ч. 225 (1883), стр. 187—201; ч. 231 (1884), стр. 1—46, 189—335; ч. 240 (1885), стр. 1—52.

Поставленная автором широкая задача, а также небольшое количество хранящихся в наших библиотеках экземпляров журнала „Byzantinoslavica“, где помещена эта работа Г. А. Острогорского, заставляет нас воспроизвести перечень писцовых книг, которые автор считает важнейшими и которые легли в основу его исследования:

1. Практик пожалованных Андронику Дуке имений округа Алопекон, близ Милета, от июня 1073 г.: ed. F. Miklošich et T. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, VI, pp. 4—15.

2—5. Практики владений Ксенофонтского монастыря от октября 1300, января 1318, ноября 1320 и января 1338 г.: ed. L. Petit. Actes de Xeporhon. Приложение к Византийскому Временнику X (1903), №№ 3, 6, 7, 11.

6—8. Практики владений Зографского монастыря от января 1294, октября 1300 и мая 1320 г.: ed. W. Regel, E. Kurtz et B. Korabiev. Actes de Zographou, — приложение к Византийскому Временнику XIII (1907), №№ 53, 15, 17.

9. Практик грамот, пожалованных прониару Михаилу Мономаху, деревень Хантакс и Нисион от января 1333 г.: там же, № 29.

10. Славянский перевод практика владений Хиландарского монастыря от ноября 1300 г. изд. В. Мошин. Акты из Светогорских архивов; Споменик Српске Академие, 91 (1939), стр. 206—217.

11. Практик пожалованных Хиландарю деревень Евнух и Липсохорий от сентября 1317 г.: ed. L. Petit, Actes de Chilandar I. Приложение к Византийскому Временнику XVII (1911), № 38.

12. Практик пожалованной хиландарскому иеромонаху Калиннику части деревни Малицены от сентября 1323 г.: там же, № 92.

13—15. Практик владений Лавры на Лемносе от января 1299 и октября 1319 г. и на Халкидике от января 1420 г.: изд. Александр Лавриот, Κωνσταντίνου Σύλλογος XXV (1893/94), стр. 165—166, 163—165, 166—168.

16. Практик имения русского монастыря св. Пантелеймона в Ревеникии 1425—1429 г.: Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона. Киев, 1873, № 27.

17—18. Фрагменты практиков владений Эсфигменского монастыря 1298/99 и около 1320 г.: ed. L. Petit et W. Regel, Actes d'Esphigmé-pou. Приложение к Византийскому Временнику XII (1906), стр. XIV—XV и XV—XVII.

19. Практик владений монастыря архистратига Михаила на Лемносе от января 1300 г.: F. Miklošich et T. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, VI, pp. 256—258.

20. Фрагмент практика владений Меникейского монастыря 1344 или 1345 г. F. Miklošich et T. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, V, pp. 123—125.—А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеле српских владара. Београд, 1936, № 42.

В первом разделе работы (стр. 207—229) автор рассматривает вопрос о датировке писцовых книг, имеющий большое значение для исследователя; вместе с тем разрешение его является очень сложным, так как большинство „практиков“ содержат лишь указание о месяце и индиктионе в которых они изданы; год издания в большинстве случаев не указан и может быть установлен лишь путем привлечения остальных внутренних данных документа и сопоставления их с аналогичными данными, встречающимися в других документах. Здесь автор вносит поправки в даты практиков, которые были определены их издателями.

Хотя это не относится непосредственно к материалу раздела о датировке, мы считаем необходимым остановиться на одном положении автора,

встречающемся в этом разделе. Речь идет о грамоте, по которой при императоре Мануиле II Палеологе Русскому афонскому монастырю были переданы земли в тридцать зевгариев на Кассандре. Составил документ в качестве кефали Кассандры Стефан Дука Редин, причем упоминается, что распоряжение исходит не от самого императора, а от его сына „всеблаженнейшего деспота“. Из этого факта Г. А. Острогорский выводит заключение, что здесь отражается установившееся в последнюю эпоху истории Византии положение, когда „жалкие ее остатки распались на ряд отдельных уделов, лишь формально связанных с центром наподобие древней Руси, фактически же живших своей особой жизнью под управлением младших членов династии“ (стр. 226). Поздневизантийский феодализм характеризуется дальнейшим развитием проники, как основного вида держаний в Византии. Возникнув в предшествующие периоды, в эпоху Палеологов развивается экскуссия, соответствующая западноевропейскому иммунитету, и в своем развитии достигает наибольшей полноты. Обладая полнотой налоговой экскуссии, будучи ограждены от вмешательства должностных лиц центрального, областного и местного аппарата, получая право управления и суда по отношению к зависимому населению, монастыри и светские феодалы превращали свои держания в замкнутые административно-хозяйственные округа, почти независимые от центральной власти: происходил процесс, о котором говорил Энгельс, утверждая, что сословие феодальной аристократии „... было включено в государственную организацию и сделалось одним из рычагов правительственной машины... Но чем более вклинивался этот новый элемент в старый государственный строй, тем более он потрясал основы этого строя“.³ Но все дело в том, что в Византии никогда не было „уделов“, и проводить аналогию между „уделом“ Киевской Руси и византийским феодальным держанием нет решительно никаких оснований. Эпоха Палеологов знает частные случаи, когда члены царствующего дома получали в управление отдельные области империи. Именно эта эпоха, характеризующаяся безграничным ростом крупных земельных владений, отмечена попытками укрепить династию. Члены царствующего дома, назначаемые правителями, бывали теснейшим образом связаны с Константинополем, и императоры могли в любое время убрать с постов областных правителей своих родственников, если они превышали свою власть, если они делали попытки превратиться в самостоятельных правителей. Отдельные правители из царствующей династии, действительно, сильно превышали свою власть, как это имело место в названном Г. А. Острогорским случае, когда сын Мануила II, деспот Андроник, в 1423 г. продал Фессалонику Венеции за 50 000 золотых номисм. Но это была не система, а исключение: Палеологи еще могли держать в своих руках представителей своей династии, в то время как у них не было больше сил, чтобы сдерживать в какой-либо степени крупных светских феодалов-прониаров, стремившихся вырваться из-под опеки центральной власти.

Автор рецензируемого исследования стремится, далее, разрешить вопрос о том, какой характер имели писцовые книги в Византии, с какой целью они составлялись и кому шли записанные в них доходы (стр. 230), так как, по его мнению, имеющиеся работы Ф. И. Успенского, П. Безобразова и других исследователей не смогли разрешить этого вопроса. Все неясности и неточности в определении характера писцовых книг происходят, по мнению Г. А. Острогорского, вследствие „неясности представлений об отношениях феодального общества“ (стр. 232).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 406.

Нам уже приходилось⁴ отмечать, что Г. А. Острогорский, как и все буржуазные историки, неспособен понять движущие силы византийского феодального общества. И если Г. А. Острогорский говорит о неясности представлений об отношениях феодального общества, то эта неясность существует у буржуазных византинистов, в первую очередь у него самого, ибо только на основе марксистско-ленинского метода исторического исследования можно дать правильную характеристику феодальных отношений, и советские византинисты с успехом исследуют сложнейшие проблемы византийского феодализма.

Одной из особенностей трактовки форм византийского феодализма в буржуазной исторической науке является представление о том, что в сознании византийцев теснейшим образом переплетались фискальные и владельческие права. Отдельные исследователи доходили до предположения, что все права на землю исходили из первоначального предоставления feudалу права сбора определенной ренты с определенной земли. Одним из наиболее горячих сторонников этой теории является автор рецензируемого исследования. Наиболее отчетливо это формулируется Г. А. Острогорским именно в рецензируемой книге: „Земельное пожалование означало не только и не столько перенесение владельческих прав, сколько перенесение с государства на feudала права на получение с жалуемых земель сеньориальной ренты. В этом и заключается собственный смысл пожалования (курсив мой — Б. Г.), это прежде всего интересовало жалуемого и на это было обращено главное внимание жалующего, — и как владельческие права, так и вытекающие из них права на получение ренты просто переходили с жалующего на жалуемого, чаще всего без каких-либо ограничений или изменений“ (стр. 234).

Подобное утверждение находится в явном противоречии с показаниями документов, большое количество которых дошло до нашего времени. Как мы уже отметили, точка зрения Г. А. Острогорского не является одинокой. Многие исследователи шли дальше и утверждали, что прония возникла из пожалования права на получение ренты с населения определенного района. По мнению этих исследователей, право на ренту позднее стало рассматриваться в Византии как право на землю и сидящих на ней крестьян, признаваемых тем самым париками прониара. Этот вопрос имеет особое значение при определении характера пронии, вообще феодального держания и их развития в поздней Византии в особенности. Некоторые исследователи считали, что прония в IX—XII вв. не представляла собой поместья, земельной собственности, что она возникла как пожалование частному лицу права на сбор определенной суммы государственных налогов. Эта определенная сумма податей носила название *ποσότης*, и прония будто бы являлась пожалованием права на сбор этого *ποσότης*; лишь в позднее время это право превращается в право на владение землей, с населения которого прониары имели право взимать определенную сумму налогов. Эти исследователи явно принимали причину за следствие. Именно пожалование владений на основе пронии влекло за собой предоставление права на сбор налогов с населения жалуемых земель.

Ряд документов подтверждает высказанное нами положение и не оставляет никакого сомнения в том, что именно пожалование пронии влекло за собою одновременно, а зачастую (что особенно важно) и впоследствии право сбора определенной суммы налогов с населения терри-

тории, переданной на основе пронии. Возьмем хотя бы один пример. В 1343 г. кавалларий кир Мануил Месопотамит обратился к императору Иоанну V Палеологу с просьбой пожаловать ему право сбора с его пронии, находящейся в Дракове, налогов на сумму 20 иперперов.⁵ Эта формулировка отчетливо показывает, что предоставление права налогов являлось следствием уже ранее пожалованного владения землей на основе пронии. Это пожалование было сделано Иоанном V в особом хрисовулле на основе наследственного права на всю землю. После смерти Месопотамита все эти его права переходили к его детям и другим наследникам, также с правом передачи их по наследственному праву. Формулировка о *ποσότης*, приведенная в этом акте, полностью опрокидывает все обоснования теории о происхождении пронии из предоставленного права сбора определенной квоты налогов. Подобное же значение *ποσότης* видно из описи Зографского монастыря в Фессалоникской феме, составленной сборщиком налогов Димитрием Апельмене,⁶ которую автор работы хорошо знает и подвергает анализу. Излагая содержание полученного им распоряжения о составлении описи, Апельмене говорит, что целью его является передать каждому владельцу определенный *ποσότης* с принадлежавшего ему владения.

Таких примеров очень много. Все они говорят о том, что пожалование пронии — первичный, а предоставление права сбора налогов — вторичный акт, что эти акты разделены всегда некоторым отрезком времени, иногда очень большим. Ошибочность противоположных взглядов происходит от того, что изучение характера пронии буржуазными учеными велось в полном отрыве от изучения византийской экскуссии (иммунитета), и Г. А. Острогорский не только не составляет в этом отношении исключения, но скорее представляет собою типичный пример буржуазного историка, в основе построений которого лежит порочная, идеалистическая, а поэтому антинаучная концепция понимания византийской истории.

Если бы изучение характера пронии и экскуссии не велось изолированно друг от друга, то Г. А. Острогорскому не пришлось бы, анализируя императорский питтакий от февраля 1073 г. (стр. 234—236), „открывать“ известные истины и, указывая, что владельцу предоставляется право получать с пожалованных имений то, что доселе получала с них казна, заявлять, что „трудно представить себе более ясное доказательство перехода всех фискальных прав государства на землевладельца-феодала“. Этот вывод автор мог бы сделать, не предпринимая такого тщательного анализа этих актов, а лишь внимательно присмотревшись к формулировкам о налоговой экскуссии, встречающимся уже в XI в. и попадающим все чаще и чаще в императорских хрисовуллах по мере того, как мы приближаемся к поздневизантийскому времени. Он увидел бы, что формулировки о налоговой экскуссии становятся настолько обычным явлением, что для них императорская канцелярия употребляет вместо подробных формул краткие схематические формулы, с перечислением всех налогов, от которых освобождается владелец или которые он получает право собирать.

В дальнейшем изложении автор останавливается на рассмотрении форм византийского феодального поместья, на анализе крестьянской

⁵ L. Petit et B. Korablev. Actes de l'Athos. V. Actes le Chilandar. Виз. Врем. XVII (1911), прил., стр. 277.

⁶ W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Actes de l'Athos. IV. Actes de Zo-graphou. Виз. Врем., XIII (1907), прил., стр. 35—37.

⁴ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 137.

стаси, соотношении между пахотной землей и виноградниками в подворных владениях крестьян, сводя имевшиеся уже до этого наблюдения, сделанные русскими учеными, главным образом, Ф. И. Успенским, П. Безобразовым, Б. А. Панченко и др. Составленная автором таблица (стр. 239), основанная на данных Зографского и Хиландарского монастырей, позволила автору прийти к выводам, впрочем уже делавшимся другими исследователями, что неподеленная земля крупного землевладельца превосходила находившиеся в подворном владении крестьян участки в пять раз по Хиландарскому и даже в десять раз по Зографскому монастырю. Материалы, рассмотренные Г. А. Острогорским, позволили ему сделать вывод и о том, что, будучи территориально меньшим отрезком феодального поместья, подворные участки крестьян в то же время являются наиболее продуктивной и доходной частью (стр. 240) владения, вследствие чего в эксплуатации их больше всего были заинтересованы крупные землевладельцы.

При изучении писцовых книг наибольший интерес исследователя вызывает важная задача проникнуть в тайны сложного, запутанного византийского податного обложения, недостаточно еще изученного.

Несмотря на многие попытки приоткрыть завесу над этой „тайной“, делавшиеся в первую очередь русскими учеными, основные законы, по которым составлялись византийским фиском податные описи, остаются еще книгой за семью печатями. Автор разбираемой работы делает в этом направлении еще одну попытку.

В основу исчисления налогов автор кладет византийскую классификацию париков-зевгаратных, имеющих пару волов и нормальный земельный надел, и воидатных — имеющих одного вола и половинный земельный надел. Такая классификация вызвана, по мнению Г. А. Острогорского, тем, что „в нормально развивающемся хозяйстве естественно устанавливается известное соотношение и, так сказать, равновесие между количеством земли и рабочим скотом, которым владеет крестьянин“ (стр. 244).

Автор отмечает, что прежние исследователи пытались охватить все элементы, которые византийские податные органы учитывали при исчислении налогов: пастбищный взнос за скот, подушную подать по числу членов семьи и т. д. Здесь автор приходит к давно уже установленному русскими учеными выводу, что хотя все эти элементы и учитывались, тем не менее основой обложения было количество земли. Характеризуя по этому принципу отдельные описи, Г. А. Острогорский, рассматривая имущественное положение группы хиландарских крестьян Градца, приходит к неожиданному и совершенно необоснованному выводу, что здесь „бросается в глаза относительное благосостояние крестьянина (курсив мой. — Б. Г.) Градца“ (стр. 254). Этот ошибочный тезис о благосостоянии византийского зависимого крестьянства не нов для Г. А. Острогорского.

Мы уже имели случай показать ошибочность такого взгляда. Мы отмечали неправильность его утверждения о том, что земли зависимых париков в Византии были наиболее производительными из всех земельных владений,⁷ что парики в крупных владениях были в сравнительно обеспеченном положении. Как раз тот материал, который он привлекает для доказательства правильности делаемого им вывода, противоречит тезису автора.

⁷ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 141.

В самом деле, истина заключается только в том, что в поздневизантийское время дифференциация крестьянства достигла значительных размеров. Это видно на примере автора, взятом из описи Градца, в котором из 26 крестьянских семей у 20 есть и пахотные поля и виноградники, причем пахотные участки довольно значительны: 6 дворов владеют по 100 модиев, 3 двора — по 70 модиев, 10 дворов — по 50 модиев и только один крестьянин имеет 25 модиев земли. Но автор сам указывает, что в рассматриваемом им селе имеется крестьянин, владеющий лишь $\frac{1}{2}$ модия виноградника, есть крестьяне, имеющие 1— $1\frac{1}{2}$ модия земли. Надо сказать, что взятый автором пример не является показательным, так как село Градец имело всего 26 дворов, а подобная малочисленность дворов не дает возможности делать обобщающие выводы. Имеется много описей, охватывающих гораздо больше крестьянских дворов и позволяющих с большим основанием привлечь их для решения вопроса о том, каково было „благосостояние“ византийского крестьянства. Часть этих материалов была привлечена нами в законченной в 1947 г. монографии о поздневизантийском феодализме; здесь мы хотим показать, что эти материалы опрокидывают теорию Г. А. Острогорского, как не имеющую под собой никаких оснований.

Те же акты Зографского монастыря, которые привлекает к исследованию Г. А. Острогорский, показывают нам совершенно иную картину. Составленная нами по писцовым книгам 1320 и 1333 гг. таблица, которую мы приводили в печатаемой в этом томе статье „Византийское крестьянство при Палеологах“ без всяких комментариев, показывает всю порочность выводов, которые всюду протаскивает Г. А. Острогорский.

Всякий беспристрастный исследователь увидит в этой таблице совсем не то, что хочет сказать Г. А. Острогорский, который прекрасно разбирается в материале, но, в угоду своим предвзятым идеалистическим взглядам, не желает его правильно использовать.

Таблица, составленная на основании актов Зографского монастыря, исследованных П. Безобразовым,⁸ показывает, что в писцовых книгах содержится поименное перечисление париков, опись наделов каждого парика и сумма подлежащих уплате этими париками налогов. В этой описи значится 2 парика, имеющих по 100 модиев земли (один из них при 5 членах семьи), 1 парик с 25 модиями, 1 с 8 модиями и 13 париков, вовсе не имеющих своего земельного надела, причем лишь 6 из них имеют сад или виноградник, размером от $\frac{1}{3}$ до 2 модиев. Такая же картина наблюдается в передаточной грамоте, по которой императорский чиновник в 1323 г. передал иеромонаху Калиннику треть владений в Мамиционах.⁹ По этой грамоте (в которой перечислены и парики, показаны площади пахотной земли и виноградника и размеры налогов) из 30 париков 9 вовсе не имеют виноградников, при небольших земельных наделах. Таких примеров в поздней Византии можно найти очень много. Все они свидетельствуют об обезземеливании крестьянства при одновременном выделении в византийской деревне зажиточной верхушки. Если мы сопоставим это с данными о тяжести налогового обложения, то это убедительно покажет нам всю глубину заблуждений Г. А. Острогорского о „благосостоянии“ византийских париков.

⁸ П. Безобразов. Об актах Зографского монастыря. Виз. Врем., XVII (1910) СПб., 1911, стр. 403—414. Расхождение в годах объясняется тем, что том фактически вышел в 1911 г.

⁹ L. Petit et B. Korablev. Actes de l'Athos. V. Actes de Chilandar. Виз. Врем., XVII (1911), прил., стр. 194—193.

В литературе по внутренней истории Византии высказывались предположения, что византийские парики могли свободно распоряжаться своим имуществом на основе личной собственности. Положительным моментом в исследовании Г. А. Острогорского является то, что он на основе рассмотрения писцовых книг пришел к правильному выводу, что „отчуждение паричской земли на сторону нуждалось в разрешении сеньера, и... сеньер не допускал — или допускал лишь в исключительных случаях — отчуждения паричского имущества, которые могли повлиять на платежеспособность его крепостных и вызвать понижение причитающихся ему с них поступлений“ (стр. 266). Этот вывод не отличается новизной. Русские византилисты, в первую очередь Ф. И. Успенский и его ученики, давно этот вывод обосновали.

Большой материал рассмотрен Г. А. Острогорским для иллюстрации положения так называемых „элеветеров“ и стремления византийских светских феодалов и монастырей привлечь их на свои земли. Сделанный им анализ этих материалов позволил ему прийти к правильному выводу: что эти „элеветеры“ находились в процессе перехода от состояния свободных в состояние полностью зависимых париков, что свидетельствует об усилении закрепощения остатков свободного византийского крестьянства в поздней Византии. Говоря о категориях „поздне-византийского крестьянства“ (стр. 283), автор стремится определить положение так называемых *ξενοπαρίκοι*. Этот термин часто встречается в поздневизантийских актах, но его особенности еще никем из византистов не были определены. Не удалось это сделать и автору рецензируемой работы. Он пишет лишь, что „отличительной чертой элеветеров...“ с которыми он отождествляет *ξενοπαρίκοι*, является их крайняя бедность (стр. 285), что они „несомненно состояли из беглых крепостных и разорившихся свободных крестьян“, вели „бродяжнический образ жизни и даже, оседая на поместьях феодалов, становясь под их защиту и попадая в зависимость от них, лишь очень редко выходили из состояния крайней скудости и необеспеченности, не приобретали обычно прочной оседлости и не сливались с коренным паричским населением“ (стр. 286).

Определение категории элеветеров на основе анализа текстов позволяет показать, что элеветеры были крестьянами, еще не записанными в государственные кадастры, еще не известными государственной казне, *τῶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί*. Эта категория состояла из крестьян, которые не имели земельных наделов и орудий производства и были вследствие этого свободны от налогов и повинностей, имея возможность свободно передвигаться из одного владения в другое. Попадая на земли светских феодалов или монастырей, они пользовались освобождением от налогов и повинностей до первого составления нового кадастра, когда они переводились в обычное состояние париков. Таким образом, элеветеры не были бывшими крепостными (как думает Г. А. Острогорский), бежавшими и вновь попавшими в поместья феодалов, а представляли собой переходную стадию незначительной прослойки свободного крестьянства, еще уцелевшего в поздневизантийское время. Этот слой становился все малочисленнее по мере закрепощения византийского крестьянства, и, чем ближе к концу истории Византии, тем реже упоминания этой категории в актах, относящихся к крестьянскому землевладению. Во всяком случае неприемлемым является модернизаторский термин „сельский пролетариат“ (стр. 286), который автор рецензируемой работы применяет по отношению к элеветерам, „свободници“, как их называет хиландарский практик.

Как и в других своих работах, Г. А. Острогорский утверждает в противоречии со всем доступным нам материалом поздних актов, что проиарские крестьяне были в лучшем положении, что они пользовались „льготным обложением“ (стр. 291). Не говоря уже о том, что он приводит данные лишь по одному документу, все поздние акты свидетельствуют о том, что положение проиарских париков было весьма тяжелым, что они испытывали гнет двойной эксплуатации — со стороны государства и со стороны своего проиарата-феодала, что, как говорит и наш автор, впадая в явное противоречие с самим собой, „... чем ниже были официально установленные платежи его крепостных, тем, очевидно, легче было выжать из них известные излишки, если не деньгами, то хоть продуктами“ (стр. 293). Даже приведенная нами таблица показывает, что и безземельные крестьяне не могли избежать обложения фиском, извлекавшим из крестьян большие средства. Но если этого мало, можно привести разительные примеры. Я назову хотя бы перечень налогов, которые должны были уплачивать крестьяне фессалоникской фемы. Мы говорим здесь о налоговом руководстве, составленном сборщиком податей фессалоникской фемы Константином Пергаменом в XIV в. и приведенном нами в печатающейся в этом томе нашей статье „Византийское крестьянство при Палеологах“.

Автор рецензируемой работы приводит данные для доказательства его вывода: „хозяйство византийских феодальных поместий... покоилось почти всецело на денежной основе и что феодальная рента... являлась преимущественно денежной рентой“ (стр. 295).

Эти данные понадобились автору для того, чтобы показать, что барщина в византийском феодальном поместье была невелика. Это также неверно. Отработочная рента постепенно вытеснялась денежной рентой, и мы видели в практике Константина Пергамена, какие большие размеры она принимала. Вместе с тем барщина была и в позднее время очень высокой, если учесть тяжесть налогового обложения, если принять во внимание, что взыскание налогов по иммунитетным грамотам возлагалось на проиаров-феодалов.

По мнению Г. А. Острогорского, аэрикон (с XIV в. — *αἴρη*) связывается с судебными правами византийского феодала-иммуниста. Сбор этот, по его мнению, взимался первоначально за различные правонарушения, как в пользу пострадавшего, так и в пользу государственной казны. Как отмечает автор, вопрос о значении аэрикона выяснен опубликованием грамот Вазелонского монастыря в Трапезунде Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем (стр. 299, прим. 284). С аэриконом по характеру и значению сборов Г. А. Острогорский сближает также и *φοινῶν*, денежное взыскание за убийство, и *παρδευοφδορία*, денежное взыскание за растление. Характеризуя эти сборы, автор утверждает, что „под влиянием славянского права (курсив мой. — Б. Г.) римский правовой принцип индивидуального преследования преступников стал в Византии со временем заменяться началом коллективной ответственности общины, выражавшейся даже при тягчайших преступлениях в денежных штрафах, наподобие древне-русской виры и южнославянской вражды“ (стр. 300). Правильно отмечает автор, что, передавая феодалу сбор аэрикона с зависимых от него крестьян, государственная власть Византийской империи в позднее время отказывалась в пользу феодала и от соответствующих своих судебных прав, как раньше отказывалась в пользу феодала от своих фискальных прав. В этом нужно усматривать переход византийской экскусии — иммунитета от более низкой к более высокой его форме.

Вопрос о византийском иммунитете затрагивается Г. А. Острогорским вскользь, поскольку в основе исследования здесь лежат только писцовые книги. Изучение иммунитета должно вестись на основе кропотливого изучения всего богатейшего документального материала, дошедшего до нас от поздневизантийского времени. Это изучение вскроет многие, еще невыясненные в науке, особенности византийского феодализма.

Статья Г. А. Острогорского представляет некоторый интерес, как свод замечаний, относящихся к аграрной истории византийского крестьянства, в основном давно известных и сделанных главным образом русскими византинистами. Порочная идеалистическая концепция Г. А. Острогорского мешает ему сделать правильные выводы. Только советские византинисты, работая на основе марксистско-ленинского метода, способны разобраться в сложном, еще недостаточно изученном комплексе феодальных отношений Византийской империи.

Б. Т. Горянов

Д. АНГЕЛОВ. ФЕОДАЛИЗМЪТ ВЪ ВИЗАНТИЯ.

Исторически преглед III (1946—47), кн. 2.

Для современного западноевропейского буржуазного византиноведения характерным является его идеалистическое направление. Признавая и всячески подчеркивая прогресс в истории Византийской империи, современные буржуазные историки рассматривают его как „прогресс духа“. „Основным для историка Византии, — пишет Г. Острогорский, — является вопрос, как... греко-христианский дух жил и развивался в римской форме, насколько он сумел себе эту форму подчинить и насколько сам ей подчинился и к ней применился.¹ Еще ранее А. Гейзенберг утверждал: „Византия — это ставшая христианской Римская империя греческой нации. В этой тройственности заключены глубочайшие корни ее существа“.²

Наряду с идеалистической постановкой вопроса для современных буржуазных византинистов характерно стремление к идеализации Византийской империи; они подчеркивают, что сильная государственная власть создавала для Византии особое место в средневековом мире.³ Полемизуя с создавшимся в конце XVIII и начале XIX в. представлением о Византии как о „худшем государстве“,⁴ они пересматривают вопрос о цезарепапизме, о регламентации ремесла, о хозяйственной роли церкви, стремясь показать, что хозяйственная деятельность церкви была якобы плодотворной, регламентация ремесла содействовала его бурному развитию, а церковь вела независимую политику, сопротивляясь императорской власти. Современные буржуазные византинисты пересматривают характеристики отдельных политических деятелей, стремясь поднять на щит многих из тех, кто был осужден старой историографией: А. Грегуар, например, в рецензии на „Историю Византийского государства“ Г. Острогор-

ского стремится представить Михаила Пьяницу выдающимся политическим деятелем, а результаты политики Юстиниана весьма плодотворными для дальнейшей политической истории Византии.

Изучение истории Византии на Западе, созыв конгрессов, издание многочисленных журналов — все это обусловлено тем, что в современной реакционной буржуазной исторической науке распространяется интерес к истории именно тех государств, в которых была развита бюрократическая государственная машина — орудие подавления трудящихся масс. Апологеты империализма пытаются „показать“, сколь велико было благополучие трудящихся масс под заботливым вниманием бюрократического государства. Такую задачу, разумеется, можно выполнить лишь путем прямой фальсификации истории.

Этот апологетический интерес делает понятной реакционность западноевропейского византиноведения. Нельзя считать случайностью, что среди буржуазных византинистов были такие известные реакционные деятели, как Филов, Г. Братиану, английский дипломат Ренсимен и др. Не случайно, что глава немецких византинистов А. Дельгер прославлял на IV конгрессе византинистов в Софии (в 1934 г.) „благоприятное влияние“, оказанное якобы „фюрером“ на развитие немецкого византиноведения, а Г. Острогорский еще в 1940 г. выступал с нападка на Советский Союз.

Все это объясняет, почему западноевропейские и американские византинисты бессильны создать научную историю Византийской империи. Зато у них имеют самое широкое хождение различные „теории“, претендующие на то, чтобы объяснить особенности исторического развития Византийской империи. Очень модной является за рубежом концепция, которую можно назвать теорией „обратного пути“ византийской истории: в то время, как на Западе, — утверждают сторонники этой теории, — крестьяне из несвободных превращались в свободных, в Византии, наоборот, свободное крестьянство было низведено до положения античных рабов.⁵

Лишь в очень немногочисленных работах западноевропейских буржуазных историков встречаются попытки рассматривать византийское крестьянство как феодальное: Острогорский говорит о *dominium utile* париков,⁶ Соловьев и Мошин сравнивают их с западными вилланами,⁷ Константеску, утверждая, что в Византии до XI в. применялся преимущественно труд рабов и мистиев, предположил, что с конца XI в. парикия принимает характер западного вилланства.⁸ Однако все эти попытки не идут далее провозглашения в самой общей форме сходства парикии с западноевропейским вилланством. Лишь отдельные частные вопросы были поставлены в самое последнее время Мошиным⁹ и Острогорским.¹⁰

Только советские византинисты правильно поставили вопрос о византийском феодализме. Они впервые стали последовательно рассматривать Византию как государство феодальное. Византийская империя прошла тот же путь исторического развития, что и государства Западной Европы, конечно, со своими особенностями.

⁵ G. Bratianu. Servage de glèbe et régime fiscal. — Annales d'histoire économique et sociale, V (1933).

⁶ G. Ostrogorsky. Agrarian conditions in the Byzantine empire. — Cambridge Economic History, v. I (1942), p. 218.

⁷ А. Соловьев — В. Мошин. Гречке повелю српских владаря, Београд, 1936, стр. 479.

⁸ N. Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale? — Bull. de la section historique de l'Académie Roumaine, XI (1924), 108.

⁹ В. Мошин. Δουλικόν ζευγχιον — Seminarium Kondakovianum, X, 1938.

¹⁰ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, — Byzantinoslavica, IX, 1948.

¹ Г. Острогорский. Отношения церкви и государства в Византии. — Seminarium Kondakovianum IV (1931), 122.

² A. Heisenberg. Staat u. Gesellschaft d. byzantinischen Reiches. — Kultur d. Gegenwart, Lpz., 1923, S. 304.

³ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, München, 1940, S. 18.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 192.

На фоне работ западноевропейских буржуазных историков несомненно выделяется статья болгарского ученого Д. Ангелова, который, используя многочисленные источники, рисует историю византийского феодализма. Эта статья представляет для советского читателя тем больший интерес, что автор ее пытается опереться на марксистско-ленинское определение феодализма. Это показывает, что учение марксизма-ленинизма завоевывает себе все большее число приверженцев в странах народной демократии. Однако Д. Ангелов — далеко не марксист.

По мнению Ангелова, феодализм характеризуется тремя особенностями: натуральным хозяйством, полной собственностью феодала на землю, сопровождающейся закрепощением крестьян, и, наконец, соединением земельной собственности с политической властью. Это определение близко к определению феодализма у классиков марксизма-ленинизма, однако оно несколько неточно. Для феодализма характерна не полная собственность феодала на землю, но двойственная или, вернее сказать, дробимая собственность. Феодальный крестьянин является собственником земли, правда условным, и только с развитием денежной ренты он превращается постепенно в простого арендатора.¹¹ Далее, собственность в феодальном обществе выступает как бы раздробленной между представителями господствующего класса. Эта „иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными“.¹² Феодальная земельная собственность „покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне“.¹³

Далее, вместо неопределенного и расплывчатого выражения: „соединение земельной собственности с политической властью“, следовало бы говорить о внеэкономическом принуждении, о специфике выкачивания феодальной ренты.

Первый период в истории византийского феодализма, по мнению Д. Ангелова, приходится на IV—VII вв. В это время Византия была еще мировой империей, наследницей римско-эллинистических государств. Торговля и промышленность играли значительную роль в хозяйственной жизни империи, служившей посредницей между Центральной Азией и землями Средиземноморья. Поэтому Д. Ангелов говорит, что натуральное хозяйство было исключительным явлением, встречавшимся лишь в немногих районах (например, на Балканах). Основную массу сельского населения составляли колонны; хотя встречались еще рабы и свободные крестьяне-общинники, но и те и другие все более отходили на задний план. Называя колоннов феодально-зависимым крестьянством, Д. Ангелов отмечает, что ранневизантийский феодализм не является классическим, он проникнут своеобразной двойственностью: здесь закрепощение крестьянства сочетается с развитым денежным обращением (стр. 219—221).

Второй период приходится на VII—X вв., когда империя переживает глубокие территориальные перемены, которые приводят к „истинному перелому в ее социально-экономической и общественной структуре“. С потерей Египта, Сирии, Месопотамии Византия лишается тех областей, где был особенно распространен труд закрепощенного населения. В то же время славянское вторжение дает империи новых свободных собственников. Исходя из всего этого, Д. Ангелов совершенно ошибочно считает, что в это время исчезают феодальные явления (стр. 222—223).

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, 1936, стр. 703.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

¹³ Там же.

Феодальные отношения, по мнению автора, вновь развиваются в Византии, начиная с первой половины X в., когда, с одной стороны, крупные собственники ведут наступление на крестьянство, а с другой, — в условиях господства арабов на море, — торговля становится невыгодной и хозяйство все более принимает натуральный характер. Нуждаясь в деньгах, императоры раздают воинам земли в пронию, т. е. в бенефиций. На своих землях проиары пользуются экскуссией (иммунитетом), получают административные функции (стр. 223—225).

Последний период (1261—1453) — время бурного развития феодализации: теперь прония-бенефиций превращается в собственность (вотчину). Император раздает земли феодальной знати: севастократорам, кесарям и прочим титулованным особам, в результате чего ослабляется самая идея единой власти и империя превращается в конгломерат областей (стр. 226—227).

В заключение Д. Ангелов отмечает три особенности византийского феодализма: сохранение городов, сохранение свободного крестьянства и наличие сильной императорской власти, поскольку феодальная идеология еще не сложилась (стр. 227—228). Предложенная Д. Ангеловым периодизация опирается на принципы, далекие от марксизма, он исходит из случайных явлений.

Уже это краткое изложение содержания работы Д. Ангелова показывает, что он следует не столько марксистской методологии, сколько традициям русского дореволюционного византиноведения; в изложении истории византийского феодализма X—XV вв. Д. Ангелов следует за Ф. И. Успенским и, подобно последнему, придает первостепенное значение вопросу о пронии и ее эволюции. Единственной попыткой Д. Ангелова „сочетать“ теорию Успенского с марксизмом является стремление связать феодализацию с переходом к натуральному хозяйству. Однако натурализацию хозяйства Д. Ангелов понимает слишком упрощенно: разумеется, ослабление торговых связей в Средиземноморье в период арабского господства не могло породить феодализм. Кроме того, возможно ли говорить о натурализации хозяйства в это время, когда не только сохраняется по преимуществу денежная система обложения, но и более того, ряд старых натуральных повинностей (аннона, например) переводится на деньги? С другой стороны, Д. Ангелов сам подчеркивает сохранение городов в Византии, что также противоречит его утверждениям о натурализации хозяйства в X в.

Д. Ангелову чужд марксистский диалектический метод, поэтому он не ставит проблемы генезиса феодализма, генезиса феодальной собственности. Процесс феодализации X в. подменяется им простым расширением уже заранее данного крупного поместья (феодального?); естественно спросить, откуда же взялись эти крупные собственники? Буржуазные историки (Андреадис, Острогорский) объясняют это очень просто: в результате ограничительных мероприятий императора Льва VI в городе („Книга эпарха“) капитал уже не мог находить себе применения в ремесле и торговле и потек в деревню, — крупные собственники стали скупать землю. Тем самым вопрос о генезисе феодальной собственности подменяется простым переносом капитала из города в деревню.

Далек Д. Ангелов от марксизма и потому, что для него история феодализма — это история феодалов. Подробно разбирая вслед за Успенским историю превращения пронии в вотчину, Д. Ангелов оставляет вне поля зрения непосредственных производителей и даже не останавливается на такой кардинальной для всякого медиэвиста проблеме, как закрепощение крестьянства. Еще в XI в., как отмечает Михаил Пселл,

пáрики имели свободу перехода (на это обратил внимание незаслуженно забытый русский исследователь Н. Скабаланович), но уже в XIII в., когда франки вторглись в Морею, греческие феодалы просили их обеспечить им, греческим феодалам, крепостное право в их владениях. Запрещение перехода пáриков отчетливо сформулировано и в Кефалонийской описи 1262 г. В Малой Азии свобода перехода сохранялась несколько дольше: еще в XIII в. пáрики Лемвийского монастыря могли переходить на новые места и, чтобы вернуть их, монастырь должен был исхлопотать специальную грамоту императора. Окончательно крепостное право, по видимому, устанавливается в XIV в., когда появляется термин *πάρικοι φύσχοι* — „природные пáрики“.

Не уделяет Д. Ангелов должного внимания и таким категориям византийского сельского населения, как рабы и мистии, которые в IX—XI вв. играли весьма значительную роль в хозяйстве крупных собственников; не останавливается он и на превращении их в феодально-зависимое крестьянство.

Но и самая история феодала, история пронии, как ее изображает Д. Ангелов, вызывает некоторые сомнения. Он следует, как уже было отмечено, в этом вопросе за Ф. И. Успенским, не замечая того, что теория Успенского внутренне противоречива: установив на материале венецианских и сербских документов XV в. условный характер пронии, Успенский утверждает, что к XIV в. прония превращается в вотчину. Простое сопоставление этих дат должно бы привести к представлению об обратном развитии — от вотчины к бенефицию, тем более, что акты XV—XVI вв. рисуют развитую условную собственность на бывших территориях Византийской империи.¹⁴ Трудно согласиться с Д. Ангеловым и в его трактовке византийского иммунитета: если в византийской дискуссии в XI в. видеть иммунитет, то останетса непонятным, каким образом дискуссия могла быть пожалована и пáрикам (Пига, XX. I) и что представляли собой экскуссаты дрома. К тому же, как правильно показал П. Яковенко, судебный иммунитет появился в Византии лишь в XIV в.

История классовой борьбы не нашла достаточного отражения в работе Д. Ангелова. Монастырские акты и жития святых рисуют нам постоянную и ожесточенную борьбу крестьян, отстаивавших свои права: они не только покидают насиженные места и уходят „в бега“, рассчитывая найти лучшую жизнь в другом месте, но и создают разбойничьи отряды, угоняют скот феодалов, избивают монахов, поджигают монастырские строения и т. п. Мы знаем случаи, когда крестьяне с оружием в руках являлись на спорное поле и дружно, всеми упряжками деревни, запахи-вали его.

Все это показывает, что работа Д. Ангелова не является марксистской: он следует не методологии марксизма-ленинизма, но традициям русской исторической науки, Васильевскому и Успенскому. Но и это заставляет выделить его работу среди современных византиноведческих работ. Прежде всего заслуживает пристального внимания тот факт, что Д. Ангелов стремится разрешить основной для прогрессивного византиноведения вопрос: проблему общественного строя Византийской империи; при этом он решает его правильно, говоря о феодализме в Византии. Далее, Д. Ангелов делает бесспорный шаг вперед по сравнению с Васильевским и Успенским, поскольку он не просто отождествляет византийский фео-

дализм с западноевропейским, но ставит вопрос об особенностях византийского феодализма; действительно, в Византии сохранялись весьма долго элементы дофеодальных общественных укладов: свободное крестьянство, рабство и т. п. Бесспорно прогрессивным является стремление Д. Ангелова дать периодизацию византийской истории (хотя с предложенной им периодизацией нельзя согласиться), в то время как подавляющее большинство западноевропейских историков или отрицают необходимость периодизации, или пользуются „периодизацией“ по династиям.

Следует приветствовать и то, что Д. Ангелов в трактовке истории VII в. порывает с характерной для буржуазного исторического мифотворчества концепцией (Острогорский), приписывающей „создание“ свободного крестьянства реформаторской деятельности императора Ираклия и его преемников, и объясняет изменения общественного строя империи в это время вторжением славян. Однако законное недоумение вызывает трактовка Д. Ангеловым вопроса о влиянии славян на историю Византии: почему германское вторжение в Западно-Римскую империю привело к созданию там феодальных отношений, тогда как славянское вторжение в Византию разрушило, по мнению Д. Ангелова, те феодальные отношения, которые уже пронизывали аграрный строй Восточно-Римской империи?

Буржуазные историки склонны объяснять это особенностью славянского характера, „мистической“, „мягкой“ славянской душой, которая делала славян якобы неспособными к созданию государств и т. п. (К. Кадлец, Ф. Дворник). Историки-марксисты отрицают наличие каких-либо принципиальных различий в общественном строе древних славян и германцев и показывают, какое огромное влияние оказала славянская колонизация и свободная славянская община на общественный строй Византии. Некоторые особенности политического строя Восточно-Римской империи были уже отмечены буржуазными историками (Штейн, Костер), но они не могли их объяснить. Чтобы понять причины устойчивости Восточно-Римской империи, следует обратить внимание на то, что наиболее крупные восстания рабов и колонов происходили в Западно-Римской империи (движение багаудов, циркумцеллионов, „кварабская война“ в Сицилии в середине III в., движение африканских рабов в связи с восстанием Максимиана Фракийца и т. п.). Это показывает, что кризис рабовладельческой формации на Западе был гораздо более острым, чем на Востоке.

В этом кроется главная основа того факта, что если варварам и удалось сокрушить Западную империю, то славянское вторжение в империю Восточную не привело к тем же результатам. Следует иметь в виду, что решающей причиной падения Западной империи была, прежде всего, причина внутренняя, а именно революция рабов: варварское завоевание могло стать победоносным лишь при условии победоносной революции рабов.

Однако вторжение славян на Балканы имело огромные последствия. Славянам не пришлось разрушать феодализм в Восточно-Римской империи, как думает Д. Ангелов; это не могло произойти по той простой причине, что сложившегося феодализма там еще не было; можно говорить лишь о зарождении феодального уклада в недрах рабовладельческой формации. Славяне, находившиеся на пути от общинно-родового строя к феодализму, не только не разрушали эти феодальные элементы, но, наоборот, значительно их укрепили. В работах советских исследователей (Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц,

¹⁴ П. Г. Ζερλέντος. Γραμμата Φραγκων δουκῶν τοῦ Ἀιγαίου πελάγους. Byzantinische Zeitschrift. 1904.

М. Я. Сюзюмова) очень хорошо показано влияние славянского вторжения на складывание в Византии феодальных отношений.

Только с момента вторжения славянства, расшатавшего, хотя и не разрушившего, государственную машину рабовладельческой Византии, можно говорить о росте феодальных отношений в Византии.

А. П. Каждан.

ÉTUDES PALESTINIENNES ET ORIENTALES.

Robert Devreesse. *Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe.* Paris, 1945, pp. XIX+340.

Антиохийский патриархат уже по связи со своим центром — городом Антиохией — должен был играть выдающуюся роль на Востоке. Антиохия на Оронте, некогда блестящая столица Селевкидов, была для Востока крупнейшим политическим, торговым и культурным центром, где сталкивалось влияние эллинистического мира с культурными традициями соседнего Ирана и семитических народностей. Отсюда — интересный синкретизм верований и нравов; собственная школа в богословии; распространение тайных культов, магии и суеверий. Антиохия часто была ареной крупных социальных движений. История восточных ересей в значительной мере связана с Антиохией. Все это вызывает интерес к изучению Антиохии и сирийских церквей.

Дать очерк истории антиохийского патриархата в связи с его исторической географией и поставил себе задачей Р. Девреесс.

Точно понятая тема требовала изложить историю патриархата в намеченных автором хронологических рамках — от торжества христианства до арабского завоевания — осветить его внутреннюю жизнь и внешние отношения, его значение в истории христианской догмы, административные права по отношению к митрополиям и епископатам, его экономическое положение, значение в общественной жизни Антиохии и политических движениях восточной части империи, его связи с отдельными областями и народами огромной территории патриархата.

Более широко понятую задачу, которая соответствовала бы и заглавию книги, автор отклоняет. В его книге читатели „не найдут ничего или почти ничего, что относилось бы к внутренней жизни патриархата — к литературе, праву, литургике, учреждениям. Не ставит он себе целью проникнуть в детали гражданской или военной организации. Многочисленные надписи, среди которых много датированных, могли бы дать любопытные сведения об архитектуре, не говоря о технике“ (стр. X). То, что автор дает, это — „в некотором роде антиохийский патриархат, рассматриваемый извне“.

Можно выразить сожаление, что автор, так ограничивая тему, заранее лишает ее значительной части интереса. Ниже мы увидим, как автор выполнил свою задачу — рисовать патриархат „извне“.

Книга распадается на две части. Первая часть представляет очерк общей истории антиохийского патриархата — с объявления христианства государственной религией и до арабского завоевания. Вторая посвящена местной истории провинций и епископий, епископским спискам и перечню христианских памятников, включая эпиграфический материал, рассеянный на огромной территории патриархата.

Достаточно просмотреть заглавия отдельных глав первой части, чтобы понять, на чем сосредоточен интерес автора.¹ Вехами изложения служат ереси, начиная с арианства и кончая монофизитством и монофелитством, и соборы — с Никейского и по Халкидонский, включая соборы, примыкающие к Халкидонскому. Мелетинская схизма не вносит разнообразия в тематику, так как и она является выражением внутренней борьбы церковных партий.

Зарождение ересей, образование церковных партий и их взаимная борьба, вмешательство императоров в дела церкви, созыв соборов, выработка вероисповедных формул, правительственные репрессии, которым подвергаются несогласные с одобренным правительством вероисповеданием (причем гонимыми оказываются то „еретики“, то православные), связь церковных событий с внутривосточными, а равно и с международными отношениями и военными столкновениями, — в таком плане строится все изложение. Подходя к концу первой части, автор уделяет больше внимания международному положению империи на Востоке и сепаратистским движениям в Сирии и Палестине, связанным с монофизитством. Достаточно подробно изложены персидские войны при Маврикии, где отмечена между прочим роль антиохийского патриарха Григория (570—593). Еще подробнее рассказаны события правления Ираклия, его персидские войны и его религиозная политика, имевшая целью примирить монофизитов с православными и вызвавшая новую ересь монофелитства, новые споры и преследования, которые углубили взаимное отчуждение церковных партий. Но был уже близок конец самого патриархата, и Девреесс подробно излагает (глава VII) историю завоевания Сирии и Палестины арабами (632—640), условия подчинения христианского населения победителям, уничтожение православного антиохийского патриархата и поддержку монофизитов со стороны арабов.

В какой мере можем мы назвать рецензируемый очерк историей антиохийского патриархата? Наш автор, подобно своим предшественникам, останавливается на вопросах, которые относятся прежде всего к общей истории византийской церкви или же к истории империи. Автор, правда, пытается оттенить роль антиохийского патриархата, но это ему мало удается, и в своем изложении он обычно вынужден, упомянув об антиохийских делах, опять возвращаться к общецерковным или общеимперским. В первой главе, посвященной арианству, рассказ ведется в рамках общей церковной истории и лишь попутно говорится об антиохийской церкви, где „ересь произвела большие опустошения“. В главе о мелетинских распрях речь идет не столько об Антиохии и самом Мелетии, сколько об Афанасии Александрийском, который своим вмешательством, поддержав противника Мелетия — Павлина, закрепил смуту, а с другой стороны, о той горячей и продолжительной деятельности, которую развернул как на востоке, так и в Риме в пользу Мелетия Василий, епископ Кесарии Каппадокийской. В поисках наиболее спокойного периода, сколько-нибудь свободного от церковной борьбы и смут, Девреесс указывает пятидесятилетие с 380 по 430 г.; за это время антиохийская патриархия переживает расцвет своих сил и влияния. Рассказывая об Эфесском соборе, наш автор увлечен потоком общецерковных событий, и Антиохия отодвинута на задний план. Тем более это

¹ Вот эти заглавия: 1. Арианство. 2. Мелетий (т. е. мелетинская схизма). 3. Второй и Третий вселенские соборы. 4. Эфес и Халкидон. 5. Неудача Халкидонского собора: монофизитство. 6. Тритеизм и двойная иерархия. 7. Завоевания и крушение патриархата.

нужно сказать о периоде несторианских и монофизитских споров, о времени упорной церковной борьбы.²

Все эти явления и события имеют общецерковное и общеимперское значение, а особая роль в них антиохийского патриархата у нашего автора ничем не выделена. Только широкое распространение монофизитства в Сирии и Палестине можно считать явлением до некоторой степени характерным для сирийского Востока. Когда на антиохийскую кафедру вступил Север (512—538), а особенно при Якове Барадее, монофизитство окончательно восторжествовало в патриархате.

Однако было в истории патриархата особое, вновь сложившееся явление, имевшее важные политические последствия: происходит сближение с арабскими вождями монофизитов и их постепенный отрыв от империи. Антиохийская кафедра теряет свое значение для христиан Сирии, так как ее занимает „халкидонит“, т. е. „еретик“ и подданный императора. Отныне директивы сирийским христианам и монастырям идут из пустыни, от арабских вождей. Из этой политико-религиозной ориентации вытекают и административные меры: монофизиты или яковиты ставят своего сектантского епископа рядом с православным, если не могут его устранить совсем.

„Теперь враг может придти, — восклицает Девреесс, — двери открыты. Кто бы это ни были — персы или арабы, если только они явятся в качестве врагов императора, его чиновничества и их теологии, — они будут приняты как освободители“ (стр. XIII). Здесь и лежит, по мнению автора, объяснение, почему менее чем в десять лет Палестина и Сирия попали в руки арабов: успех мусульман был подготовлен глубоким вероисповедным разделением. Сами не предвидя того, монофизиты открыли путь для завоевателей: в 632—640 гг. Сирия и Палестина оказывали прием не исламу, а врагу Константинополя и его символа. О том, что за вероисповедным разделением крылись более глубокие социально-экономические факторы, Девреесс, как увидим ниже, и не догадывается.

Таким образом, пред нами не история антиохийского патриархата, а общая церковная история, тесно связанная с политической историей империи, куда вкраплены антиохийские события. Девреесс и сам предвидел эту опасность — уклониться от темы в указанную сторону; но его попытки дать именно антиохийскую историю успехом не увенчались. С другой стороны, желая ограничить свою задачу изложением внешней стороны жизни антиохийского патриархата, Девреесс подробнейшим образом излагает историю догматических движений. Но, во-первых, история идеологий, правильно понятая, поставленная в связь и обусловленная историей социально-экономических отношений, относится не к внешней, а к внутренней истории. А во-вторых (и это главное), самое построение всего исследования, в основу которого положена история догматических движений и в котором делаются попытки объяснить крупные социальные и политические явления вероисповедными разногласиями, в корне порочно: оно принимает за причину то, что является только следствием.

² К каким мерам борьбы со своими противниками прибегали епископы, показывает случай, рассказанный Афанасием и Феодоритом и относящийся ко времени арианских споров: чтобы скомпрометировать противников, приехавших на совещание, местный епископ (дело было в Антиохии) ночью подослал к ним продажную женщину, обещав ей встречу с молодыми людьми. Убедившись, что ее обманули, женщина поспешила скрыться. Скандал дошел до императора Констанция, и виновник потерял епископскую кафедру.

В историю церковных событий — времени Эфесского собора, первых лет монофизитства — автор мог внести некоторые подробности, освещенные им в ранее напечатанных журнальных статьях. Но если мы хотим искать у него новых точек зрения в более важных вопросах его темы, мы их не находим: его мысль движется по известным, ранее проложенным путям, и незаметно стремления углубить понимание исторических явлений.

Остановимся на некоторых моментах. В качестве итогов своей работы Девреесс указывает причины, которые, по его мнению, привели к гибели сирийских поместных церквей и антиохийского патриархата. Основное зло в зародыше крылось, по его утверждению, в религиозной политике Константина I. Объявив себя „епископом внешних дел церкви“, вмешиваясь в церковные дела, законодательствуя и навязывая свои взгляды в вопросах веры, группируя около двора епископат, послушный его замыслам, император продолжал по отношению к христианству роль, которую его предшественники играли для религии язычников, т. е. роль государя по отношению к своим подданным. Преемники Константина держались той же политики. Церковь потеряла свою свободу, — и в этом основная причина гибели сирийских церквей и антиохийского патриархата. Рядом с этой причиной и в связи с нею стоит другая — поведение епископов, которые, уступая во всем воле императора, отчасти по слабости и трусости, отчасти по духу искательства, ввели в христианское общество интриги, зависть, раздоры, делавшие невозможным спокойное обсуждение новых проблем и догм. Этими двумя язвами страдали поместные церкви.³

Итак, цепь рассуждений нашего автора такова: восточная церковь потеряла свободу; епископат угодничает пред императорской властью; свободное исследование религиозных проблем невозможно: отсюда — ереси; среди последних — важнейшая для Востока ересь монофизитства; она отрывает сирийские церкви от Византии, подготавливает и облегчает победу арабов, и ислам уничтожает православный антиохийский патриархат.

Эта логическая цепь совершенно порочна и скользит по поверхности важных исторических явлений, не задевая их корней. Допустим, что церковь до Константина была свободна, несмотря на гонения, хотя бы при Диоклетиане; пусть свобода давала ей полную возможность обсуждать вопросы догмы. Откуда же гностицизм, манихейство, монтеизм и т. д.? Или церковь не имела свободы — тогда ей нечего было терять от союза с государством при Константине; или она была свободна, но свобода, как видим, не исключала возможности ересей, другими словами, ереси возникают из каких-то других причин, а не из-за отсутствия свободы богословского обсуждения.

Если многие епископы запятнали себя угодливостью пред властью и недостойным поведением, то объяснять этим церковно-политические потрясения совершенно недостаточно; причины лежали глубже. Было бы наивно ставить, например, разделение церквей в IX—XI вв. в связь только с поведением епископата, забывая, что здесь действовали длительные и серьезные социальные, политические и культурные факторы.

Что касается монофизитства, которому автор придает такое исключительное значение в судьбах Востока, то здесь необходимо выяснить: на чем основывалась движущая сила этой ереси, как и вообще всяких ересей.

³ Автор указывает и третью причину: домогательства со стороны александрийской церкви первенства на Востоке, включая Константинополь. Эту причину, как менее важную, мы оставляем в стороне.

Автор склонен думать, что вероисповедное разногласие само по себе способно было произвести отрыв Сирии и Палестины от империи: „Для монофизитов Константинополь уже не имел значения; более того, всякий контакт с империей вызывал ужас. Одна идея утвердилась в головах этих неистовых спорщиков: „Credo Константинополя и верующих империи — не наше; греки и их император — наши враги“ (стр. 96).

Дело здесь вовсе не в религиозных спорах. Если ересь захватывала широкие круги народных масс, сирийцев и арабов, то потому, конечно, что здесь имели силу более глубокие социальные факторы, — она являлась одной из форм классовой борьбы. „Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени... Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости“. „Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания“.⁴

В отчуждении Сирии и Палестины от империи нужно видеть, прежде всего, результат социального угнетения, социальной борьбы. Златоуст не раз с церковной кафедры обращал внимание паствы на тяжелое положение бедноты и требовал от богачей известных жертв в пользу бедных. Эти напоминания настолько энергичны и так часто повторялись, что едва ли они вытекали из общей евангельской морали, и в них естественнее видеть отражение социальных язв общества. Вот что говорит Златоуст о деревенском населении: это люди, измороженные голодом, „которые работают без отдыха всю свою жизнь, удрученные нестерпимыми оброками, осужденные на гнетущую нужду... Им не дают дышать и их одинаково обируют, плодоносны ли их поля, или бесплодны. Может ли быть нищета, подобная их нищете, когда они в конце зимы, проведенной в самой грубой работе, измученные холодом, дождем и целодневными трудами, возвращаются домой с пустыми руками? Они трепещут пред наказаниями, пред незаконными поборами и грабительством правителей“.

Не лучше было положение и городских низов, так что понятно народное возмущение финансовой политикой Константинополя. Когда в 387 г. в Антиохии были объявлены новые, повышенные налоги, в городе вспыхнуло возмущение, разъяренная толпа сбросила статуи императора и императрицы и готова была провозгласить нового императора. Народное движение было подавлено, но оно весьма показательно. Христианская империя несла подчиненным народам не только религиозные идеи, она требовала денег. Тяжесть налогов в Византии и способы их взимания известны. „Что может быть хуже сборщиков налогов!“ — восклицал Златоуст с церковной кафедры. Но дело было не в одних сборщиках, а во всей администрации и суде. Общественных должностей люди домогаются только „для того, чтобы найти повод к грабительству, — чтобы делать, с одной стороны, бесполезные раздачи, а с другой — угнетать подчиненных“. В суде нет защиты. „Судьи носят

только название судей, в действительности это воры и убийцы“.⁵ Жадность торгового класса не знает границ. Еще Иероним называл сирийских купцов самыми скупыми людьми из всех смертных. Когда антиохийцы жаловались императору Юлиану на дороговизну съестных припасов, тот объяснил, что дороговизна создана не голодом или неурожаем, а жадностью богачей и торговцев. На сирийских окраинах произвол сборщиков и администрации и ограбление населения проявлялись еще разнузданнее, чем в центре государства. Недаром арабы-завоеватели назначали жителям осажденных городов при их сдаче льготные податные условия.

Помимо основных, определяющих социальных факторов, могло сказываться, в качестве фактора производного, племенное отчуждение. Уже перевод церковных книг на сирийский язык говорит о стремлении сделать церковь народной, сирийской. Арабские племена, принявшие христианство, оказывались в момент арабских завоеваний в двойственном положении: религия привязывала их к христианской Сирии, племенное происхождение тянуло в другую сторону, и когда ислам выступил в качестве организатора и объединителя племен под знаменем новой веры, арабы-христиане выступили против империи. Конечно, от автора, на книге которого стоит сакраментальное *Imprimatur*, мы не можем ожидать особого внимания к социальным факторам; но доискиваться подлинных причин важных исторических явлений, о которых он говорит, он обязан. Этого он не сделал.

Поэтому не вызывает удивления и трактовка Девреессом цирковых партий и их борьбы. Он повторяет давно устаревшие, даже для буржуазных ученых, взгляды на партии, как на исключительно спортивные организации, добавляя лишь то, что во время цирковых смут „в Антиохии, как и везде“, неразборчивые в средствах люди пользовались беспорядками, чтобы свести свои личные счета с неприятными людьми. Между тем, если автору недоступна работа Ф. И. Успенского,⁶ — он, очевидно, не знает русского языка, — то статью Манойловича он мог читать во французском переводе. Но автор не заинтересован поисками новых точек зрения.

Здесь уместно отметить резкую разницу между старой порочной методологией буржуазного ученого-католика и марксистской методологией советской исследовательницы Н. В. Пигулевской с правильным освещением явлений, с исканием углубленного анализа исторических фактов. В своей книге об отношениях Византии и Ирана на рубеже VI и VII вв. Н. В. Пигулевская касается некоторых событий, близких к антиохийскому патриархату.

Мы упоминали неудовлетворительное и давно устаревшее понимание у Девреесса борьбы цирковых партий; у Н. В. Пигулевской можно

⁵ Златоуста иногда называют „народным трибуном“. Это неверно. Проповедник был способен горячо восставать против пороков общества, против угнетения и нищеты, но он был далек от мысли отвергать существующий политический, а тем более социальный порядок.

⁶ Статья А. П. Дьяконова Византийские димы и факции в V—VII вв. вышла одновременно с разбираемой нами книгой. — „Византийский сборник“. М. — Л., 1945, стр. 144—227. Еще позднее вышла книга Н. В. Пигулевской. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. — Л. 1946 и статья М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. — Виз. Врем., т. I (XXVI), 1947, стр. 164—183. Труды названных советских ученых вскрыта подлинная сущность византийских димов и факций и показано, что борьба цирковых партий имела в основе борьбу классов византийского общества.

⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

читать на эту тему целый обширный отдел (стр. 129—164), где выяснена социальная основа димов и их борьбы. Советская ученая вскрывает глубокие социальные корни народных волнений (стр. 137—138). Так, в 507 г. в Антиохии, при непосредственном участии цирковых партий, произошли крупные волнения; хотя они и были усмирены жестокими мерами, однако вслед за тем правительство отменяет тяжелую подать — хрисаргир, которою облагалось городское население и которую «наиболее тяжело было выплачивать низам города, так как любой труд, любое поделье подлежало обложению. Его взымали за осла, перевозившего тяжести, с блудницы, торговавшей своим телом» (стр. 138). Дело не ограничилось отменой хрисаргира, власти были вынуждены принять и другие меры, имевшие целью несколько облегчить положение трудового населения и успокоить его; в городе начались общественные постройки, требовавшие немало рабочих рук.

Далее и Девреесс и Н. В. Пигулевская говорят о выступлении антиохийского патриарха Григория в качестве примирителя двух враждующих военных партий в византийском войске на восточном фронте во время войны с персами при Маврикий. Девреесс в двух строках отмечает патриотическое действие Григория: он созвал всех начальников, включая младших, и умиротворил их (стр. 98). Но на чем покоилось влияние Григория в военных кругах, мы не видим. Повидимому, автор предполагает, что авторитет Григория держался на его высоком духовном сане в соединении с почтенными личными качествами. На это можно заметить, что армия в походе, тем более солдатская масса, едва ли много думала о церковных чинах. У Н. В. Пигулевской читаем (стр. 77): «Другим лицом, на которое возлагали надежду успокоить смятенные войска, был Григорий, епископ антиохийский, к которому Маврикий обратился с письмом весной 589 г. Григорий был в чести у войска, так как снабжал его деньгами и провиантом» (разрядка наша). Это убедительно и согласно с источниками.

Девреесс, как мы видели, пытается объяснить такой факт большого политического значения, как отчуждение монофизитской Сирии и Палестины от империи, исключительно догматическими разногласиями и ересями. Мы видели, что это утверждение неверно. Но в связи с этим отметим у Н. В. Пигулевской еще одну мысль, свежую и правильную, что в Византии, следовательно, и в Сирии «были в наличии многочисленные группы людей, мало заинтересованные в клерикальных спорах, которые так захватывали участвовавших в них немногих современников, что они считали их интересными для всех и высказывали эту свою точку зрения, долго вводившую в заблуждение и историков» (стр. 115). Думаем, что это заблуждение, действительно, давно пора исправить и ввести в исторически правдоподобные рамки степень византийской, а может быть, и вообще средневековой религиозности. Может быть, не так уж неправ был император Юлиан, когда, раздраженный упорным и насмешливым сопротивлением антиохийцев (христиан и язычников безразлично) проводимой им реставрации язычества, он в своем Мисопогоне, давая знаменитую убийственную характеристику жителей Антиохии, с желчью заявляет: «Большая часть народа исповедует атеизм». Пусть здесь значительная доза преувеличения. Однако и Златоуст, лет 20 спустя после Юлиана, не мог похвастаться большими результатами своих «вдохновенных» проповедей. Так, он пытался бороться с непреодолимой страстью своей паствы к театру и цирку и не раз произносил громовые проповеди против зрелищ; его слушали с захватывающим вниманием, награждали бурными аплодисментами, а затем,

не дождавшись конца церковной службы, уходили из храма и спешили... в театр или на ипподром.

Ближе к истине те из современных нам церковных историков, которые отличают действия иерархов той эпохи от настроений народной массы. «Народ посещал богослужение и раздачу милостыни, не слишком беспокоясь о партиях в высшем духовенстве, предоставляя ученым богословам изощряться в прениях, подкрепляемых большим количеством текстов, а соборам постоянно перерабатывать заново формулировку символа веры».⁷

Преувеличивать значение самих религиозных споров отнюдь нельзя. За ними крылись более серьезные причины, лежавшие в социально-экономических условиях, в жизни широких народных масс, в нищете крестьянства, жалком положении городских низших классов, в нестерпимом налоговом гнете, в разнузданном произволе администрации. Социально-экономический гнет, испытываемый населением Сирии и Палестины и охарактеризованный выше словами современников, отрывал эти обширные и важные окраинные страны от империи, толкая их в руки завоевателей-арабов и принесенного ими ислама. Религиозные споры и «ереси» — это рябь на поверхности мощных народных движений.

Для правильного понимания и глубокого освещения народных движений и социальных потрясений нужны, очевидно, иные методологические приемы, которыми не располагает автор разбираемой нами книги и которые вообще несовместимы с буржуазной и тем более с католической идеологией.

Итак, в своей книге Девреесс руководился в корне порочной методологией, что и привело его к неизбежным ошибкам и извращениям: он принимает следствие за причину, вместо углубленного анализа крупных исторических явлений и социальных движений ограничивается их поверхностным описанием, оставаясь на позициях устарелых и ложных историографических концепций и лишая себя возможности дать новые, свежие идеи и выводы.

Переходим ко второй части. Она распадается на восемь глав и представляет обзор отдельных митрополий антиохийского патриархата, начиная с самой Антиохии. Истории города Антиохии автор не касается. Его интересуют в первую очередь христианские памятники Антиохии, отмеченные у древних авторов или выявленные современными археологическими изысканиями; на втором месте стоит характеристика самих антиохийцев, на третьем — списки патриархов и, наконец, церковная организация патриархата (гл. VIII). Последняя глава (XV) посвящена анализу *Notitia Antiochena*.

Сама Антиохия, естественно, занимает у автора первое место. Больше всего внимания уделено характеристике антиохийского населения, где использованы отзывы Юлиана и Златоуста.⁸ Пред нами встает живая картина огромного, по тогдашним масштабам, города, неугомного, с подвижным, легкомысленным, распущенным населением. Богатые классы гонятся за роскошью, землевладельцы и торговцы — за незаконной наживой: и верхи и низы общества охвачены страстью к зрелищам — театру, ипподрому. По Юлиану, в городе больше плясунов, флейтистов, мимов, чем граждан. Он утверждает, что антиохийская молодежь предается бесконечным дебошам; женщины пользуются необузданной свободой. Златоуст отмечает и суеверие народной массы.

⁷ Л. Дюшен. История древней церкви. 1914, стр. 183.

⁸ Автор пользуется книгой Allard (1910) и обходит молчанием гораздо более авторитетную работу T. Bidez (1930).

Пользуясь отзывами Юлиана и Златоуста и рассказом о поведении антиохийцев во время процесса о низвержении императорских статуй, автор не пытается внести никаких оговорок, хотя Юлиан писал под влиянием несомненного раздражения против антиохийцев за их оппозицию его делу, а Златоуст, горячий проповедник, сгущал краски в порыве ораторского увлечения.

В очень небольшом разделе о церковной организации (стр. 119—123) содержатся краткие и мало определенные сведения о правах патриарха и более точные о положении и правах митрополитов, хотя и здесь мы ничего не находим о праве суда, о доходах митрополитов и поборах в их пользу. Разряды низшего духовенства только перечислены; по вопросу о неполно ясных функциях хорепископов и периодевтов у автора нет никаких разъяснений.

Во второй части книги Девреесс добросовестно собрал достаточно обширный историко-географический материал, составил списки иерархов, дал полезный перечень христианских памятников и надписей с указанием, где имеются о них сведения.⁹ Однако он не дал никакого анализа отмеченного материала. Мы узнаем, например, где изданы надписи, но о содержании и исторической ценности их никаких указаний не встречаем. Обобщений и выводов нет, — обработка материала предоставляется другим.

Приложенные схематические карты провинций заимствованы у разных авторов (Honigmann, R. Sussaud, больше всего из Publication of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria in 1904—1905). Карты, числом 11, даны в разных масштабах и, к сожалению, не сведены в дополнительную общую карту, которая давала бы более полное представление о Сирийском востоке. В общем, материал второй части книги Девреесса является полезным справочником, которым воспользуются будущие исследователи.

Порочность методологии, пренебрежение к анализу социально-экономических факторов помешали автору вскрыть истинные причины ожесточенной борьбы между отдельными направлениями восточной церкви в Антиохийском патриархате.

Ф. М. Россейкин

LOPEZ, ROBERT SABATINO. SILK INDUSTRY IN THE BYZANTINE EMPIRE.

Speculum XX, 1 (1945), 1—42.

Статья Р. С. Лопес о производстве шелка в Византийской империи и шире своего названия. Она уже названия, ибо ее хронологические рамки охватывают только IV—X вв., лишь изредка она затрагивает XII в. Судьбы поздневизантийской шелковой индустрии остаются вне поля зрения автора. Но статья Лопес и шире своего названия, ибо она затрагивает не только производство шелковых тканей и торговлю шелком, но трактует некоторые важные вопросы экономической истории византийского города в IV—X вв.

⁹ На стр. 161 указана важная использованная им литература. Ни в этом месте, ни на других страницах мы не встречаем ни одной русской книги; не упомянуты работы Н. А. Медникова, Н. П. Кондакова, „Известия Русск. археол. института в Константинополе“.

Лопес начинает с анализа государственных коллегий, *ἐπιβόλια σάβιατα*, которые, по его мнению, являются продолжением римских (стр. 4). От них отличались частные коллегии, которым было запрещено производить первосортные ткани. Частные коллегии были уничтожены при Юстиниане I, который установил низкие цены на шелк-сырец и ввел монополию шелкового производства (стр. 11). Однако после смерти Юстиниана, повидимому при Ираклии, государственные монополии слабеют; контроль за закупкой шелка-сырца передается из рук одного *Comes commerciorum* в руки многочисленных коммеркариев. Купцы вновь получают право скупать сырец от государства; даже в случае покупки на вольном рынке купец мог рассчитывать на безнаказанность (стр. 12—13).

Анализируя общественные отношения по „Книге епарха“, Лопес вслед за Андреади утверждает, что Византия отнюдь не была страной монополий и привилегий, что ограничение производства, которое мы находим в „Книге епарха“, не отличается от цеховых ограничений в Западной Европе и направлено на ослабление конкуренции между коллегиями (стр. 17—18). Любопытна отмечаемая Лопес роль архонтов в текстильном производстве; он даже склонен считать „Книгу епарха“ компромиссом между купечеством и архонтами — в ущерб императору (стр. 15). Лопес отмечает ту текучесть и подвижность византийского ремесла, которая проступает за монополиями и ограничениями в „Книге епарха“; он указывает, что там уже нет подлинного равенства коллегий и что коллегия метаксопратов (торговцев шелком) подчинила себе ряд других (стр. 18).

Во второй части своей работы Лопес характеризует византийскую торговлю — и в частности торговлю шелком. Он подчеркивает, что иностранные купцы были ограничены в праве покупать шелковые ткани; им, например, запрещалось покупать те первосортные ткани, которые производились в императорских мастерских (стр. 22—28). Подробно автор останавливается на торговых льготах, которые византийцы предоставляли арабам, болгарам и русским (стр. 29 и сл.), анализирует торговлю с Венецией; последняя, по его мнению, была до конца X в. торговым форпостом империи, организованным по византийскому образцу (стр. 37—38).

Вопрос о византийском ремесле и торговле подвергся в последнее время пересмотру в буржуазной науке в связи с той идеализацией Византийского государства, которая отчетливо ощущается в новых работах западноевропейских византистов. В конце XIX в. Жюль Николь трактовал политику византийского правительства по отношению к ремеслу как губительный режим, и взгляд этот был поддержан Вальцингом, Корнеманном и Штёкле. Впервые эта точка зрения подверглась критике в 1912 г. в рецензии Эрнста Майера на книгу Штёкле,¹ но особенно резко выступил против нее Миквиц, который утверждал, что Николь смешивает строгую регламентацию с притеснением (*Bedrückung*); по мнению Миквица, нет большей регламентации, чем та, „какую добровольно принимают на себя из чисто эгоистических целей члены современных картелей“.²

Еще более идеализирует византийскую систему организации ремесла итальянский исследователь Дж. Марцемини.³

¹ Byzant. Ztschr. XXI (1912).

² G. Mickwitz. Die Kartellenfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens, Helsingfors. 1936, S. 207.

³ G. Marzemi. Il libro del prefetto. — Atti Reale d. Institute Veneto Sc. morale e letter. XCIV (1934—1935), p. 406.

В работе американского ученого Р. С. Лопес эта идеализация византийской системы организации ремесла выступает, пожалуй, еще более ярко. Лопес утверждает, что „не только басилевс, но и весь народ прямо или косвенно извлекал прибыль и честь из монопольного производства драгоценных тканей, подобно тому как американцы извлекают прибыль из промышленных ресурсов США“ (стр. 2). Эти взгляды Лопес определены тем, что в связи с ростом империалистических монополий буржуазным историкам пришлось пересмотреть свое отношение к регламентации ремесла в средние века: то, что казалось Николоу губительным, теперь превратилось в „прибыль и честь“. Если уже следовать сомнительному сравнению Р. С. Лопес, то будет очевидно, что как в Византии прибыль из шелковой монополии извлекали архонты и императорский двор, так точно и в США всю прибыль получает немногочисленная кучка империалистов-миллионеров. Это как раз и стремится скрыть Лопес.

Лопес, разумеется, не хочет видеть, сколь тяжелым было положение непосредственных производителей, ремесленников, производивших шелковые ткани,⁴ — наоборот, он всячески подчеркивает привилегированность их положения.

Идеализуя византийское ремесло, Лопес склонен придавать чрезмерное значение шелковой индустрии. „Контроль за производством дорогих тканей, — говорит Лопес, — был почти таким же могущественным оружием в руках византийских императоров, как обладание такими основными стратегическими материалами, как нефть, уголь и железо, у американского и британского правительств“ (!) (стр. 1). По его мнению, вся история болгаро-византийских отношений определялась желанием болгар получить дорогие ткани (стр. 32). При этом Лопес почти совсем не замечает той оживленной работоторговли, которую вели болгары с Византией. Он не жалеет красок, чтобы нарисовать богатство и роскошь Константинополя (стр. 22). Восторженно звучат его заключительные слова: „Константинополь предстает перед нами прежде всего как сияющий город чудес, весь наряженный в шелк, пурпур и золото“ (стр. 42).

Важнейшим аргументом для этого заключения для Лопес служит известие испанского путешественника Вениамина Тудельского, относящееся к XII в., т. е. к тому времени, когда шелковая монополия уже переживала острый кризис, ибо Лопес считает, что она сохранилась лишь до середины XI в. (стр. 3). При этом Лопес игнорирует сообщение Лиутпранда Кремонского, посетившего Константинополь лишь через несколько десятилетий после издания „Книги эпарха“, т. е. еще во время расцвета шелковой монополии Византии. В своем донесении Оттону I Лиутпранд оставил превосходное описание одной из торжественных церемоний в Константинополе. Вот что пишет Лиутпранд: „Огромная толпа купцов и простого народа, собранная для торжественной встречи и прославления Никифора, стояла стеной по сторонам дороги от двора до Св. Софии, снабженная весьма простенькими щитишками (*clipeolis tenuibus satis*) и дешевыми копьями. Этот позор увеличивался еще и тем, что большая часть этой толпы явилась для его прославления босиком... Но и оптиматы его, которые вместе с ним проезжали мимо босой плебейской толпы, были одеты в огромные

туники, порванные от излишней ветхости (*nimia vetustate rimatis*)... не было ни одного, чья одежда была новой при его прадеде. Никто не был украшен ни золотом, ни драгоценными камнями, кроме самого Никифора“. Разумеется, раздраженный неудачей своей миссии в Византию, Лиутпранд был склонен чрезмерно сгущать краски, и все же из этого описания не убранным в шелк и золото предстает перед нами Константинополь X в., но городом с преобладающим населением босяков и нищих, ночующих в портиках и галереях, укрываясь от холодных зимних ветров.⁵ Такую же картину рисует нам и житие Андрея Юродивого.

Жаль, что в своей работе Лопес не проследил судеб шелковой индустрии и после X в. Он мог бы тогда увидеть, что в XII в. шелковое производство передвигается из Константинополя на запад, на Балканы. „Тимарион“ называет центром византийского ткачества Беотию и Пелопоннес; Цец прославляет легкость фиванских тканей; Оттон Фрейзингенский говорит, что центрами текстильного производства были Коринф, Афины и Фивы; наконец, Вениамин Тудельский застал в Фивах большое число опытных мастеров-серикариев.

В свете этого передвижения ремесла, а вслед за ним и торговли на запад становится понятнее и попытка перенести в Солунь центр торговли с болгарами.⁶ Это перенесение Лопес вслед за старыми исследователями приписывает дворцовой интриге. Ему кажется, что оно вызвало одобрение высших слоев, не желавших, чтобы „грязные варвары“ портили вид столицы (!) (стр. 32). Но если мы признаем, что это передвижение ремесла на запад действительно произошло в X—XII вв., то трудно будет согласиться с Лопес в том, что кризис византийского ремесла был определен только вражескими вторжениями (стр. 3). Я уже указал, что сам Лопес удачно прослеживает элементы назревающего кризиса в константинопольском ремесле X в.

Византийское текстильное производство можно проследить и за пределами XII в. О его жалком состоянии в первой половине XV в. очень убедительно рассказывает Плифон. Теперь уже не могла идти речь ни о какой монополии: Плифон мечтает только о том, как бы отгородиться таможенным барьером от итальянских тканей, которые душат греческое ремесло.

В заключение отмечу неточность автора. Лопес утверждает, что начальные стадии в текстильном производстве выполняли женщины, а заключительные процессы — мужчины (стр. 6). Однако из „Тимариона“ мы узнаем, что были ткани, изготавливаемые мужчинами, и ткани, изготавливаемые женщинами.

Работа Р. С. Лопес содержит значительное количество удачно подобранных фактов, которые иногда проливают свет на некоторые частные вопросы. Однако характерная для буржуазных работ эпохи империализма тенденция идеализировать средневековую регламентацию ремесла не позволила автору рецензируемой статьи разобраться в своеобразии византийского шелкового производства, на которое он смотрит глазами американского монополиста.

А. П. Каждан

⁴ См. об этом Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком — Виз. Врем., т. I (XXVI), 1947, стр. 195 сл.

⁵ Продолжатель Феофана, стр. 417.

⁶ Ср. Bratianu. La commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. — Сб. в честь на проф. Ников, София, 1939.

PALMER A. THROOP. CRITICISM OF THE CRUSADE. A STUDY OF PUBLIC OPINION AND CRUSADE PROPAGANDA.

N. V. Swets and Zeitlinger. Amsterdam, 1940.

Крестовые походы, создавшие совершенно новые условия во взаимоотношениях между средневековыми Востоком и Западом, всегда привлекали большое внимание исследователей. Вокруг них была создана огромная научная литература. В этой литературе значительное место занимали труды, посвященные так называемому вопросу о „направлении четвертого крестового похода“. В решении этого вопроса были созданы две основные теории. По одной из них направление четвертого крестового похода, закончившегося завоеванием Константинополя и образованием Латинской империи, было заранее предрешено. Противоположная теория стремилась доказать, что это направление похода было вызвано случайными факторами, выявившимися в процессе самого похода. В русской исторической литературе обстоятельный обзор литературы по этому вопросу был дан в работе П. Митрофанова,¹ а также в работе Ф. И. Успенского о крестовых походах.² К обзору научной дискуссии по этому вопросу возвращался и А. А. Васильев.³ В иностранной литературе обзор трудов, посвященных этой проблеме, составил Герланд,⁴ рассмотревший теории Гопфа, Мас-Латри, Риана, Штрейта, Тессье, Нордена и других буржуазных исследователей, занимавшихся этой проблемой.

Изучая историю крестовых походов, буржуазные ученые исследовали политические, экономические, военные и особенно религиозные причины этого движения, охватившего Европу в XI—XIII вв. Почти совсем вне поля зрения историков оставалась общественно-политическая идеология этой бурной эпохи. Между тем, как правильно замечает автор рецензируемой книги, „общественное мнение“ этой эпохи не могло не реагировать на это величайшее движение средневековья. Автор поставил перед собой трудную задачу. Трудности эти заключаются в том, что весьма нелегко найти источники, позволяющие контролировать проявления общественного настроения по отношению к крестовым походам. Выражение общественного мнения можно частично усмотреть в местной народной литературе на старофранцузском, провансальском языках и среднегерманском наречии, а также в обширной церковной литературе. По этим источникам автор предпринял исследование, целью которого было проследить стремление папства поднять Европу на „священную войну“ и антикрестовое движение в общественном мнении европейских народов, которое, как считает автор, в конце концов расстроило планы папства.

Уже при рассмотрении основных причин крестовых походов, которые автор излагает в первой главе, явно выступает его идеалистическая позиция в анализе этих причин, совершенно неприемлемая для марксистской исторической науки. Историк-марксист не может согласиться с точкой зрения автора, что „в течение всех крестовых походов папство было и в политическом и в интеллектуальном отношении верховным арбитром“ (стр. 3). В этом положении автор присоединяется к взгляду Люшера, высказанному им в его монографии об Иннокентии III.⁵

¹ П. Митрофанов. Изменение в направлении четвертого крестового похода. Виз. Врем. IV (1897), вып. 3—4, стр. 461—523.

² Ф. И. Успенский. История крестовых походов. СПб., 1901, стр. 99—112.

³ А. А. Васильев. Histoire de l'empire byzantin, t. II. Paris, 1932, pp. 104 ss.

⁴ E. Gerland. Der vierte Kreuzzug und seine Probleme. — Neue Jahrb. f. das klass. Alt. XIII (1904), SS. 505—514.

⁵ A. Luchaire. Innocent III: la question d'Orient. Paris, 1907.

Во второй главе („Independent criticism“) автор рассматривает основные линии пропаганды против крестовых походов. Главным мотивом этой пропаганды было то, что вместо первоначально прокламированной борьбы с мусульманским миром, провозглашенной в качестве цели крестовых походов, папство уже вскоре начало использовать крестовые походы в своих внешнеполитических целях, предпринимая войны против христианских государств. Этот мотив, как показали некоторые историки,⁶ звучал уже в XI в. и получил особое распространение в литературе XIII в., когда народным массам различных европейских стран были уже широко известны многочисленные неудачи руководителей крестоносных ополчений. В это время получают большое распространение народные поэтические произведения, содержащие резкие нападки на организаторов крестовых походов и разоблачающие их истинные цели. В ряду этих произведений особое место занимают провансальские *sirventes*, рассчитанные на широкую аудиторию. Это были в большинстве случаев полемические произведения, затрагивавшие злободневные политические вопросы и часто написанные по заказу крупных феодалов либо отдельных политических групп. С этой точки зрения они представляют большой интерес как исторический источник. Одним из первых произведений этого рода являются *sirventes* провансальского трубадура Giraut de Bornelh конца XII в. Они были вызваны потерей Иерусалима в 1187 г. и пассивной позицией папы Григория VIII перед лицом этого поражения.⁷ Автор собрал интересный материал о борьбе папской курии против подобных выступлений. Он показал, что подобные антипапские песни трубадуров преследовались инквизицией. Так, например, горожанин Тулузы Бернард Раймон Баранон был осужден инквизицией за публичное исполнение *sirventes* Guillem Figueira против папства. Некий Guyot de Provins, клюнийский монах, написал на старофранцузском языке сатиру на церковь, известную под именем La Bible. В этой сатире он обвинял папство в корыстных целях при организации крестовых походов и объяснял, что именно эта причина вызывает походы исключительно против Византии, а не против мусульман. Значение выступления Figueira с его *sirventes* станет более понятным, если учесть, что они были написаны в Тулузе в 1229 г., когда город был осажден крестоносным ополчением, посланным папой Григорием IX (1227—1241) против альбигойцев.⁸ Ценным является также материал источников, показывающий, что при организации четвертого крестового похода, закончившегося разгромом Византии, папство знало заранее направление похода и оправдывало его борьбой против „греков-схизматиков“.

Третья глава рецензируемой книги посвящена интересному собранию, составленному францисканцем Gilbert de Tournay и известному под названием *Collectio de scandalis ecclesiae*,⁹ а также некоторым более мелким произведениям отдельных трубадуров, направленным против крестовых походов, вместо мусульманских стран направлявшихся в Византию, привлекавшую крестоносцев своими богатствами. В этих

⁶ См., например, Carl Erdmann. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens (Forschungen zur Kirchen- und Geistesgeschichte VI). Stuttgart, 1935; Carl Mirbt. Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII. Leipzig, 1894.

⁷ См. также A. Kolsen. Sämtliche Lieder des Trubadours Giraut de Bornelh. Halle, 1935.

⁸ V. de Bartholomaeis. Poesie provenzali storiche relative all'Italia. — Istituto storico Italiano; fonti per la storia d'Italia, scrittori secoli XII—XIII, LXXII. Roma, 1931.

⁹ Archivum Franciscanum Historicum, XXIV (1931), pp. 33—62, ed. A. Stroick.

документах проглядывает угрюмая ненависть против церковной десятины, средства которой шли на организацию крестовых походов, презрительное недоверие к знати, враждебность народных масс по отношению к папской политике; все это, по мнению автора, вызывало постепенный спад волны крестоносных предприятий во всей Европе.

Значительный интерес представляет рассмотренная автором докладная записка ольмюцкого епископа Бруно папе Григорию X (1271—1276), содержащая сведения об отношениях славянских стран с папством и империей. В этой записке Бруно предстает как защитник интересов чешского короля Пржемысла Оттокара II (1253—1278), стремившегося с помощью папства получить императорский престол. Выступая против походов в отдаленные страны против мусульман, в которых крестоносные ополчения потерпели ряд серьезных неудач, Бруно настаивает на необходимости походов против „варварских“ народов Венгрии, Руси, Литвы, Пруссии, где, по его мнению, следовало привести к покорности и обратить в христианство существовавшие еще „многочисленные языческие племена“. Автор обнаруживает здесь (стр. 107) излишнюю доверчивость к этому интересному источнику. Ссылка на „языческие племена“, которых в это время уже не могло быть в перечисленных странах, естественно, была лишь дипломатическим приемом, имевшим целью убедить Григория X изменить политику в организации крестовых походов. Записка Бруно интересна также тем, что в ней содержится правильная оценка деятельности тевтонского ордена. Автор напоминает, что мнение епископа Бруно совпадает с характеристикой Рожера Бекона, который в 1268 г., за несколько лет до записки Бруно, писал, что христианизация в Пруссии и других северных странах затрудняется деятельностью тевтонского ордена. По словам Бекона, „собратья германского императорского дома (тевтонские рыцари) разрушают все надежды на обращение своими постоянными войнами, имеющими целью стремление к господству. Нет сомнения, что все варварские племена возле Германии давно были бы обращены, если бы не жестокость собратьев германского дома, так как языческие племена всегда готовы принять (христианскую) веру мирным путем посредством проповеди. Но люди из германского дома мешают этому, стремясь покорить их и привести в рабство, наряду с этим обманывая римскую церковь своими уговорами“.¹⁰

Другим документом, обращенным к папе Григорию X, был трактат доминиканского монаха из Акры Вильгельма Триполийского *De statu Saracenorum*. В этом трактате его автор показал себя большим знатоком мусульманского мира, хорошо знавшим арабский язык. Его основной идеей была та, что для отвоевания священной земли нужны не вооруженные крестоносные ополчения, а сотни и тысячи миссионеров. Он излагает историю Магомета, арабских завоеваний. Отмечая, что магометанская религия составлена из элементов иудаизма и христианства, Вильгельм Триполийский доказывал легкость обращения „неверных“ в христианскую веру. В этом разделе автор рецензируемой книги показывает деятельность ряда других проповедников мирного завоевания мусульман путем их обращения в христианство: *Tacques de Vitry, Guillem Daspol, Raymon Pennafort, Ricoldus de Monte Crucis, Raymond Lull, Giraut Riquier, Ramon de Cornet* и других миссионеров францисканского и доминиканского орденов.

¹⁰ Roger Bacon. *Opus majus*, p. III, cap. 13, ed. T. H. Bridges. Oxford, 1900: III, pp. 120—122.

Пропаганду мирного обращения мусульман вели также греческие миссионеры из Византии и марониты, как свидетельствует *Tacques de Vitry*.¹¹

Наиболее интересным документом, в котором наиболее полно исследованы причины пропаганды против крестовых походов, является трактат *Humbert de Romans*, известный под названием *Opus tripartitum*.¹² Автор этого трактата занимал выдающееся положение в доминиканском ордене, с 1254 по 1263 г. он был магистром ордена. Его трактат перекликается с дошедшими до нас песнями трубадуров, таких, как *Montaudon, Peire Cardenal, Raimbaut de Vaquieras, Floquet de Marseille*, творчество которых относится ко времени четвертого крестового похода, когда крестоносцы на 57 лет прервали течение византийской истории, основав Латинскую империю.

Известно, что страх заморского похода напугал многих крестоносцев, которые перед отправкой из Зары покинули ряды ополчения. Трубадуры *Bertran d'Alamanon, Sordello* и особенно *Gauclem Faidit* в своей песне *Del gran golfe de mar* отчетливо выразили эту боязнь морских передвижений. Нас интересует здесь тот факт, что эта боязнь морских походов, как показывает автор рецензируемой книги, широко использовалась теми деятелями, которые вели пропаганду против крестовых походов. В этой пропаганде использовались также мотивы любви к родине, нежелание оставлять родные места, семьи.¹³

В своей книге автор рассматривает попытку папства возродить идею крестовых походов, которая была предпринята на Лионском соборе 1274 г. Известно, что это время совпадает со стремлением Михаила VIII Палеолога снова пустить в оборот предложение о церковной унии между западной и восточной церквями, уже часто служившей одним из самых излюбленных тактических приемов византийской дипломатии. Византийский император обещал всемерную помощь крестоносцам для отвоевания св. земли — продовольствие, деньги и даже армию. Тем не менее меры, направленные к организации нового крестового похода, потерпели крушение, несмотря на энергичную деятельность, развитую папой Григорием X (1271—1276). В его пропаганде широко использовалась литература, вышедшая из-под пера защитников идеи крестовых походов, в частности *Historia Universalis*, в предисловии к которой ее автор *Tacques de Vitry* излагает историю крестовых походов и заявляет, что его книга будет служить крестоносцам для укрепления веры в правоту их дела. Использовались также многочисленные в то время предсказания о великом вожде, который явится, чтобы спасти святую землю, или даже о воскрешении выдающихся государей средневековья — Карла Великого, Фридриха Барбароссы или кого-либо другого, которые станут во главе крестоносного ополчения.¹⁴

Но деятельность Григория X, которая, казалось, на первых порах обещала большие успехи, обречена была на провал: крестоносное движение шло к своему упадку и не могло быть восстановлено никакой

¹¹ *Tacques de Vitry. Epistola*, ed R. Röhricht. Ztsch. f. Kirchengesch., XIV (1894), 117—118.

¹² *Mansi. S. C. C. XXIV*, cols 109—132; *Consilia omnia tam generalia, quam particularia*, ed. Crabbe. Köln, 1551; E. Brown. Appendix ad fasciculum rerum expendarum et futiendarum, ab Orthuino Gratio... editus, sive tomus secundus scriptorum veterum. London, 1690.

¹³ См. особенно *H. Schindler. Die Kreuzzüge in der altprovenzalischen und mittelhochdeutschen Lyrik*. Dresden, 1889.

¹⁴ *F. Kampers. Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Saga*. München, 1895.

самой активной пропагандой. Автор рецензируемой книги объясняет безуспешность этой пропаганды борьбой между европейскими государствами, трудностью привлечь достаточные для крестоносного ополчения силы, действием антипапской пропаганды и даже ростом „национального сознания“ в европейских странах, народы которых якобы не желали признавать интересы папства выше интересов своих „национальных“ государств. Основной причиной упадка крестоносного движения автор, исходя из своей идеалистической концепции, считает рост пропаганды против крестовых походов.

Дело, разумеется, не только в пропаганде, которая не может быть признана решающей причиной упадка крестовых походов. Надежды на прочные захваты на Востоке были потеряны, многочисленные неудачи, а особенно разгром Латинской и восстановление Византийской империи затрудняли привлечение в ряды крестового ополчения рыцарей, потерявших надежду на захваты новых земель и крестьян, видевших в походах лишь излишние тяготы и нередко — неизбежную гибель. Но основной причиной упадка крестовых походов был рост производительных сил в странах Европы, создавший возможность повышения производительности хозяйств и увеличения накоплений, вследствие чего одна из основных побудительных сил крестовых походов — стремление к наживе — значительно ослабела и лишила крестовые походы их прежней заманчивости.

В рецензируемой книге показана картина идеологической борьбы, которая велась между сторонниками дальнейших крестовых походов, вдохновляемых папством, и их противниками; удачно сделан выбор литературного материала, и перед читателем предстают живые люди XIII в., с их идеями и стремлениями.

Тем не менее мы не можем признать правильным основное положение автора об ослаблении крестоносного движения, как результате пропаганды против крестовых походов. За борьбой идей в книге не видно борьбы социально-экономических интересов различных общественных классов и групп. В книге недостаточно представлена борьба течений внутри византийского общества по отношению к крестоносному движению. Решение этих проблем имеет большое значение для изучения сложных взаимоотношений Византии и Запада в эпоху крестовых походов.

Б. Т. Горянов

P. H. SCHWEINFURTH. DIE WANDBILDER DER KIRCHE VON BOJANA.

Berlin, 1943

Современное западное искусствознание уделяет большое внимание средневековью, однако изучение средневекового искусства отнюдь не объективно. Ложной интерпретацией художественного наследия, оставленного Западом, Византией, Балканами, Русью, преследуется определенная цель. Многочисленные работы являются своеобразной формой утверждения воинствующей реакционной буржуазной идеологии. Цель оправдывает средства, а потому эти работы отличаются удивительной недобросовестностью. Упорно игнорируются очевидные факты, замалчиваются новые открытия, намеренно искажается подлинное лицо искусства прошлого, и на щит поднимаются наиболее реакционные черты этого искусства, — черты, обладающие якобы вечной, непреходящей ценностью.

Рецензируемая книга — типичный пример такого рода писаний. Она не представляет большого научного интереса, и о ней не стоило бы говорить, если бы не возможность остановиться на некоторых вопросах, связанных с изучением византийского искусства и средневекового искусства славянских стран на Западе.

В книге нет ни новых фактов, ни нового освещения старого материала. Для подробного описания фресок Швейнфурт пользуется большой литературой о Бояне, список которой приложен в конце книги, а для собственных „концепций“ о характере и существовании византийского искусства и болгарской живописи (что для него едино суть) — теориями почтенной давности, решительно отвергнутыми советской наукой, но имеющими успешное хождение за рубежом.

Из короткого введения явствует, каково отношение византийского искусства к искусству Запада. Это введение необходимо, по мнению Швейнфурта, для того чтобы найти, как он выражается, „масштаб для оценки Боянской росписи“, а на самом деле — это предлог для изложения далеко не оригинальных мыслей о решительном различии между искусством Запада и Востока.

Смысл путанных рассуждений сводится к следующему. В Византии господствует тесная связь изображений с христологическими проблемами. Отсюда их неизменность. Этому содействует античная традиция, являющаяся фундаментом византийского искусства.

Другое дело на Западе. Там царит свобода и „безудержной фантазии... предоставляется арена для далеко идущего разнообразия... в создании священных изображений“ (стр. 3). В результате оказывается, что „динамическому становлению Запада в византийском искусстве противостоит все еще статическое бытие классической антики, с которой византийское искусство находится до последнего времени в непосредственной связи...“ (стр. 4).

Таким образом, быстро и легко отрицается возможность развития в византийском искусстве, и тысячелетняя его история сводится к повторению одних и тех же форм. Эта неспособность к движению, естественно, распространяется и на искусства стран, находящихся в орбите византийской культуры, т. е. на искусства Руси, Сербии, Болгарии. Как раз один из основных „тезисов“ Швейнфурта, который он доказывает возможными и невозможными способами, — несамостоятельный характер средневекового болгарского искусства. Как когда-то Швейнфурт признал почти все древнерусское искусство только за вариант византийского,¹ так спустя 13 лет он упрямо и вопреки фактам пытается представить основной памятник национальной болгарской художественной культуры рабской копией храмовых росписей Византии.

Боянская роспись уже в введении признается одним из „лучших памятников монументальной живописи византийского круга“ (стр. 4). В дальнейшем это положение уточняется, и фрески становятся от начала до конца византийскими. Для доказательства привлекается весь аппарат иконографического метода, а также многочисленные родственные связи болгарских царей с греческими императорами.

Связь боянских фресок с византийским искусством бесспорна, и было бы нелепо говорить о средневековом болгарском искусстве, обходя молчанием византийскую живопись. Но столь же неверно относить все, что есть в Бояне, исключительно за счет Византии. Непростительно в монографическом очерке о болгарском памятнике умалчивать о

¹ См. его книгу „Geschichte der russischen Malerei in Mittelalter“, 1930.

важных фактах, свидетельствующих о расцвете национальной болгарской школы живописи. А Швейнфурт ни словом не упоминает об исследованиях болгарских ученых, убедительно доказавших существование тырновской школы, самым значительным памятником которой является как раз Боянская роспись. Будучи не в силах опровергнуть того, что изображения Ивана Рылского и св. Недели чисто болгарские, он строчкой ниже замечает относительно болгарских надписей, являющихся веским доказательством работы в Бояне отечественных художников: „Все же обычно встречающиеся надписи не могут безоговорочно являться доказательством деятельности болгарских мастеров в Бояне“ (рис. 18). Если надписи на болгарском языке и не могут безоговорочно доказать того, что храм расписывали болгары, то все же этот факт стоит большего, чем брак дочери Ивана Асеня II с никейским императором Феодором II Ласкарем.

Толкуя о греческом происхождении Боянской росписи, Швейнфурт повсюду ссылается на византийское искусство XI—XII вв. и заявляет, что лишь случай не оставил нам греческих памятников, современных Бояне, которые, если бы сохранились, могли бы подтвердить его мысль. На самом деле до нас дошли памятники византийской живописи XIII столетия, главным образом миниатюры и иконы. Вот они действительно продолжают линию развития собственно византийского искусства XII в. и сильно отличаются от боянских фресок. В них отсутствуют те своеобразные реалистические черты, которые позволяют видеть в живописи Сербии и Болгарии этого времени оригинальное большое искусство, во многом превосходящее византийское искусство XIV в. и являющееся в какой-то мере параллелью к итальянскому дученто.

Но дело в том, что Швейнфурт старается как раз не видеть этих новых черт, не замечать нового смысла, таящегося в старых иконографических схемах, нового духовного облика героев Бояны, исполненных удивительной мягкости, способных на несвойственные суровым византийским святым душевные движения. Это происходит потому, что Швейнфурт оценивает византийское искусство, и в частности боянскую роспись, с определенных позиций. Что привлекает его в боянских фресках, что считает он самым ценным в памятниках Византии? На это следует ясный и исчерпывающий ответ. Он пишет: „Перед красочными стенами Бояны, перед лицом полных значительности фигур, чувствуешь себя непосредственно затронутым силой „необходимой потребности в метафизическом“, о которой говорит Шопенгауэр“ (стр. 4). Оказывается, Швейнфурт ищет в византийском искусстве прежде всего удовлетворения якобы извечной потребности человека в метафизическом, абстрактном, потустороннем. Он не пытается выяснить, каким образом болгарским, в данном случае, художникам удалось своим искусством ответить на запросы времени и выразить, несмотря на гнет феодальной системы, большие человеческие чувства. Он считает наиболее ценным самую реакционную сторону византийского искусства; он умиляется, когда видит, что духовные силы человека средневековья скованы догмами, а творчество — тесными рамками канонов. Наиболее привлекательным в Бояне, с точки зрения Швейнфурта, является подчинение искусства религии; изображенные евангельские события интересны лишь тем, что в них можно живо ощутить основные догмы православной церкви.

В анализах отдельных изображений Швейнфурт последовательно проводит свою мысль, подкрепляя ее цитатами, придающими, по его мнению, изложению необходимую академическую неопровержимость. Относительно Христа-Эвергета он спешит процитировать А. Грабаря: „Это (т. е. изображение Эвергета. — О. С.) на самом деле совершеннейшее

выражение в искусстве догмы воплощения“ (стр. 19). Говоря о „Сожествии во ад“, он пишет: „Значение изображения лежит в его абстрактном величии“ (11). Число примеров могло бы быть увеличено, но достаточно и двух, чтобы представить себе, в каком направлении идет анализ.

При внимательном чтении книжки Швейнфурта, написанной замысловато и путанно, выясняется, что он все мировое искусство оценивает с точки зрения „необходимой потребности в метафизическом“. В конце длинных рассуждений о той же композиции „Сожествие во ад“ он сравнивает с боянской фреской гравюру Дюрера, как будто Дюрер имеет какое-то отношение к болгарскому искусству XIII в., и с грустью замечает, что „старание Дюрера в отношении свято ощущаемой веры остается позади византийской концепции „Сожествия во ад“, которая все еще осуществляет в христианской форме идеальный мир античного мифа, мир, открывающийся по ту сторону вещей и суеты жизни“ (стр. 11). Оказывается, искусство Ренессанса является в какой-то мере шагом назад в сравнении с византийским. Мощный реализм XIV—XVI вв. — свидетельство того, что художники, наконец, увидели реальный мир и погрузились в „суету жизни“, стремясь обнаружить в окружающих предметах прекрасное; этот реализм признается Швейнфуртом далеко не самым основным в искусстве Ренессанса. При этом он ссылается на античные мифы, видя в них высшее проявление свойственного человеку „бегства от действительности“, искажая смысл древних сказаний, самое привлекательное в которых — прославление человека, его духовной силы, его физической красоты. Стараясь убедить читателя в том, что центральной проблемой мирового искусства является удовлетворение постоянной жажды метафизического, и что в Бояне это — основное, Швейнфурт не находит (да и не смог бы найти) этому ясных и простых доказательств, поэтому он намеренно усложняет изложение. Однако в результате обнаруживается, что ему не под силу раскрыть подлинную сложность и противоречивость боянской росписи.

Все богатство идейного содержания боянских фресок в сущности исчерпывается цитатой из Шопенгауэра, а все их художественное своеобразие сводится к простому копированию греческих оригиналов. Это объясняется не только совершенно определенной „философской“ системой, на которой Швейнфурт строит свое здание, но и порочностью его научного метода. Он — верный ученик немецкого формалистического искусствознания, хотя и с меньшей убедительностью, чем его учителя, прибегает к его основным положениям. Он совершенно некритически пользуется иконографическим методом, ограниченность которого удивительно удобна для доказательства наиболее спорных построений, явно не соответствующих действительности.

Анализируя любую композицию только со стороны ее иконографической схемы, можно легко признать то, что утверждает Швейнфурт, т. е. греческое происхождение Боянской росписи. Поэтому он прекращает анализ сразу же, как только установлена связь какой-либо фрески с византийским первоисточником. „Успение“ изображено в средневизантийской иконографической трактовке этой темы“ (стр. 12), — заявляет он, — и этого вполне достаточно, по его мнению, для характеристики изображения, как будто вся его ценность заключается в том, что оно иконографически близко византийской композиции XI или XII вв.

Иногда Швейнфурт пускается в самые свободные сравнения и при этом обнаруживает абсолютное отсутствие не только исторического чутья, но даже простой способности, не мудрствуя лукаво, видеть

художественное произведение. В анализе „Распятия“ упомянуто несколько памятников из самых различных эпох, и все они, оказывается, обладают чертами, родственными болгарскому изображению. Разумеется, в первую очередь, устанавливается связь с Византией XI в. Но этого мало. Далеким прообразом апостола Иоанна оказывается не кто иной, как Лаокоон. Поиски источников ограничиваются эллинизмом. Завершением исканий византийских художников признается „Распятие“ Брунеллески, и попутно высказывается мысль, что идея, лежащая в основе фрески, вдохновляла Марло, когда он писал своего „Фауста“. Уж поистине дальше идти некуда!

В заключение надо сказать, что невозможно, конечно, требовать от Швейнфурта, чтобы он при анализе Боянских фресок принимал во внимание всю сложность социально-экономических отношений в болгарском обществе XIII в. Но даже в буржуазном искусствознании давно признана необходимость связывать искусство с культурой эпохи. У Швейнфурта же Боянская роспись дается вне времени и пространства. Упомянутые в книге болгарские цари и вельможи могут быть с успехом заменены какими угодно другими фигурами, лишь бы они состояли в родстве с византийскими императорами. От этого характеристика, данная Бояне Швейнфуртом, нисколько не изменится. Лучше совсем не говорить о среде, породившей тот или иной художественный памятник, чем с серьезным видом заявлять, например, о том, что портреты ктиторов в Бояне „производят впечатление абстрактного в византийском смысле“ (стр. 15), но в то же время жизненны, потому что „окружены воздухом своего времени“ (!?) (там же).

Книга Швейнфурта не недоразумение, а сознательная фальсификация исторической правды. Она не только плоха, она вредна. Она неправильно ориентирует читателя, изучающего средневековое искусство славянских стран. Швейнфурт не желает за условностями византийского искусства чувствовать живой ритм реальной жизни. С таким же упрямством он старается не замечать в Боянских фресках иного, нежели в греческой живописи, отношения художников к миру и человеку. Характеристика Швейнфуртом Бояны не должна удивлять. Следует принять во внимание, что, работая над книгой, он тоже был „окружен воздухом своего времени“, а реакционные идеи, витающие в этом воздухе, достаточно хорошо известны.

О. И. Сопочинский

ERNEST T. DE WALD. THE ILLUSTRATIONS IN THE MANUSCRIPTS OF THE SEPTUAGINT.

Vol. III. Psalms and Odes. Part I: Vaticanus graecus 1927. Part II: Vaticanus graecus 752. Princeton. — Princeton University Press, 1941—1942.

Отделение искусства и археологии Принстонского университета приступило к публикации обширного труда, посвященного лицевым рукописям Семикнижия. Этот труд рассчитан на шесть томов. В написании этого труда принимают участие Э. де Уольд, А. М. Фрайнд и К. Вейцман. Пока вышли первая и вторая части третьего тома, в которых де Уольд публикует две Ватиканских лицевых псалтири (Cod. gr. 1927 и Cod. gr. 752). Третий том включает в себя еще две части — третью, посвященную псалтирям с иллюстрациями на полях, и четвертую, посвящен-

ную псалтирям с иллюстрациями во весь лист. Итоги изучения лицевой псалтири будут даны в шестом томе.

Если иконография Нового завета получила весьма подробное освещение в трудах Н. В. Покровского и Габриэля Милле, то иконография Ветхого завета донныне оставалась мало разработанной. Хотя на эту тему и появилось много отдельных статей и специальных работ, тем не менее не создано ни одного обобщающего труда. Данную лаку и призван заполнить новый шеститомный труд.

В первой части своей работы де Уольд дает полную публикацию Ватиканской псалтири XII в. (gr. 1927). Ее характерной особенностью является расположение миниатюр не на полях, как в псалтирях „монастырского типа“, и не на отдельных листах, как в псалтирях „аристократического типа“, а в начале каждого псалма и каждой песни. При этом миниатюры буквально следуют тексту, что делает их бесценным иконографическим источником. На большинстве миниатюр представлен Давид, который выступает как пророк либо учитель, указующий на исполнение своих слов, или как просящий божественного заступничества. Так как в толкованиях ранних отцов церкви слова Давида обычно переносятся на Христа, то изображение последнего введено в целый ряд миниатюр. В Ватиканской псалтири фигурирует также немало ветхозаветных сцен (эпизоды из жизни евреев — Иосифа, Моисея, Ионы, трех отроков и др.) и ряд новозаветных (вход господень в Иерусалим, распятие, вознесение, крещение и др.). Часть последних восходит к толкованиям отцов церкви на псалмы. Наконец, среди иллюстраций встречаются миниатюры, позаимствованные из „Лествицы“ Иоанна Лествичника. Весь этот богатейший иллюстрированный материал, обнаруживающий гораздо большее сходство с „монастырской“ редакцией, нежели с „аристократической“, подробно комментируется де Уольдом. Он приводит сначала полный текст псалма на греческом языке, затем точно воспроизводит все надписи изображений и, наконец, дает описание миниатюры. Этому порядку он придерживается в применении к каждой миниатюре. Хотя раскрытие сюжета не всегда достаточно обстоятельно и точно,¹ тем не менее подобный порядок описания себя оправдывает. Во всяком случае для иконографических штудий он приемлем.

Во второй части своего труда де Уольд публикует другую Ватиканскую рукопись — псалтирь, исполненную около 1059 г. (gr. 752). В отличие от Cod. Vat. gr. 1927, в котором миниатюры лишены рамок, здесь каждая миниатюра имеет свой кадр. Миниатюры иллюстрируют не текст псалмов, а текст толкований на псалмы, причем они располагаются перед псалмом и, как правило, посреди столбца с текстом толкований. Кроме сцен из жизни Давида и изображения Иисуса Навина, сражающегося с филистимлянами, в Cod. Vat. gr. 752 отсутствуют ветхозаветные эпизоды. Новозаветные сцены сгруппированы в начале (л. 17 об.—18 об.). Они объединены в исторический цикл, имеющий литургическое значение. Помимо Давида и Христа на миниатюрах представлены пророки, цари и святые, а также музыканты Асаф, Еман, Ефам, Идифум и сыны Кореевы. На подавляющем большинстве миниатюр изображены церковные здания либо алтари. Несомненно, эти постройки символичны; около одной из них стоит надпись „невеста Христова“, а св. Василий в своем слове на псалом I называет псалмы „церковными голосами“. Опубликованные де Уольдом Ватиканские рукописи ясно показывают, что традиционное деление лицевых псалтирей на

¹ Ср. рецензию Дмитрия Тселоса в Art Bulletin, 1942 (XXIV), стр. 104—107.

„аристократические“ и „монастырские“ носит слишком упрощенный характер. Несомненно, в Византии существовало гораздо больше редакций. Но столь же несомненно, что архетип лицевой псалтири был создан не позднее IV—V вв.¹ Вероятно, это был свиток, в котором иллюстрации располагались в виде сплошного фриза.² В Cod. Vat. gr. 1927 лишенные рамок миниатюры хранят отдаленные отголоски таких фризов. Каковы были промежуточные звенья между этим архетипом и редакциями IX—XII вв., — это должны выяснить дальнейшие иконографические штудии. Возможно, все эти вопросы будут поставлены де Уольдом в шестом томе, где он обещает дать сводку своим изысканиям. Поэтому нам придется еще вернуться, после появления в свет обещанного тома, к критическому обсуждению всех тех вопросов, которые возникают в связи с проблемой лицевой псалтири, этой популярнейшей на Руси книги, во многом определившей идейный замысел скульптурной декорации владимиро-суздальских храмов.

В. Н. Лазарев

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ

ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ „ИСТОРИИ“ АГАФИЯ МИРИНЕЙСКОГО

Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе
(Agathiae Myrinci libri quinque. Bonn, 1828).

Книга II

Кн. 2, гл. 18. 554 г. н. эры. Мне теперь нужно обратиться к стране лазов и персидским войнам, как они совершались в те времена.

Между римлянами и персами уже с давнего времени велась великая война, и часто они опустошали земли друг друга, то без какого-либо объявления войны совершая налеты, то сталкиваясь многочисленными войсками в открытых сражениях. Незадолго до этого было заключено перемирие, не с тем однако, чтобы иметь полный мир и совершенно прекратить опасности войны, но только на Востоке и в пределах Армении каждому народу был гарантирован мир. В пределах же Колхиды война продолжалась.

Лазы в древности назывались колхами. Что это действительно так, никто в этом не будет сомневаться, кто знаком с территорией Фазиса, Кавказом и долговременным их в этих местах проживанием. Говорят, что колхи являются колонией египтян. Ибо гораздо раньше прибытия героев, которые сопровождали Язона, и даже раньше владычества ассирийцев и времен Нина и Семирамиды, Сезострис, египетский царь, собрав многочисленное войско из своих подданных, не только прошел и покорил всю Азию, но даже дошел до этой страны и известную часть войска тут оставил, откуда и ведет начало род колхов.¹

Об этом свидетельствует и Диодор Сицилийский² и другие многочисленные древние историки. Итак, эти лазы, или колхи, или египтяне, переменившие свое местожительство, в наш век были тревожимы многими войнами, и много сражений произошло в этих местностях. Ибо Хозрой, царь персидский, вторгнувшись и уже захватив много

¹ Лазы занимали плодородную и богатую долину Риона, где находилась ведущая в хозяйственном отношении область этого племени — Мухиризий (Мухуриси), вмещавшая в себе множество густо населенных сел. На территории Колхиды это лучшая область. „Здесь и вино получается хорошее, и другие плоды произрастают хорошо“ (Прокопий Кесарийский). Здесь лежало большинство внутренних городов лазов — Родополь-Варунхе, Кутаиси и др., почему в древнегрузинской исторической литературе указанный район обозначается, как Самоколакр (буквально: городской).

² Diod. Sic. I, 53; Strab. 15, 687.

¹ Cp. G. Benson and D. Tselos. New Light on the Utrecht Psalter, — Art Bull., 1931 (XIII), стр. 1—69. Мысль о наличии старого архетипа отстаивал еще в 1875 г. Ф. И. Буслаев. См. его „Письмо из Рима на имя председателя Общества“, опубликованное в Вестнике Об-ва древнерусского искусства при Моск. публ. музее, 1875, вып. 6—10, стр. 67—72.

² Cp. D. Tselos. Art Bull., 1941 (XXIV), стр. 107.

очень выгодных позиций в этой стране, никак не хотел этим удовлетвориться, но считал необходимым подчинить своей власти и остальную страну.

Юстиниан же, римский император, не считал ни правильным, ни справедливым оставить без помощи Губаза, бывшего в то время царем колхов, и весь народ, отдавшийся ему, дружественно настроенный, связанный единством религии. Мало того, он пытался как можно скорее и всеми силами изгнать оттуда врага. Ибо он предусматривал и опасения, что если персы одержат верх в войне и овладеют всей страной, то у них уже не будет никаких препятствий к тому, чтобы, плавая без всяких опасений по Черному морю, вторгаться во внутренние области Римской империи. Поэтому он сосредоточил там величайшее и сильнейшее римское войско под начальством лучших своих полководцев. Ибо начальствовали над ним Бесса, Мартин и Буза, люди виднейшие и испытанные во многих сражениях. Был послан даже Юстин, сын Германа, будучи еще очень юным, но уже опытным в военном деле.

19. Мермерой, вождь персов, когда раньше дважды нападал на Археополь, был отражен. Обхожу молчанием некоторые другие действия, тем более что Прокопий ритор об этом подробно говорит. Отсюда мне следует начать изложение. Итак, тогда он снова приходит к укреплениям Мухиризию и Котезию с тем намерением, чтобы, обойдя трудно проходимые местности вокруг Телефиса, дойти до реки Фазиса, в то время как римляне будут поражены его неожиданным приходом, [и] попытаться каким-либо способом захватить укрепления, что было бы весьма трудно совершить, если бы он продвигался открытым и прямым путем.³

Стратиг же Мартин, засев со своими войсками в Телефисе (это была сильная и весьма укрепленная преграда), тщательнейшим образом охранял проходы. И вообще это место было чрезвычайно трудно пройти, ибо пропасти и обрывистые скалы, обращенные друг к другу, делали лежащую под ними тропинку весьма тесной, и ни с какой стороны не было другого подхода. Расположенные кругом поля были чрезвычайно илесты и болотисты, покрыты густыми кустарниками и чащами, так что и одному легко вооруженному проход был весьма труден, тем более тяжело вооруженным массам. Сверх того и римляне не жалели никакого труда и если находили какую-либо местность недостаточно безопасной, которую, казалось, можно было пройти, ее преграждали бревнами и камнями и постоянно над этим трудились. Когда Мермерой находился в затруднении в такой обстановке и много обдумывал положение, он пришел, наконец, к выводу, что если он сможет каким-либо способом устранить охрану римлян и понемногу ослабить их бдительность, то попытка прохода не будет для него совершенно безнадежной. Если враги будут непрерывно караулить местность, то невозможно победить обе трудности. Если же они ослабят свою бдительность и останется только преодолеть бездорожье и превратить каким-либо образом непроходимые пути в проходимые, то это он не считал совершенно невозможным. Он надеялся пройти без особого труда, вырубив и прочистив множеством рук чащи, выкопав и устранив мешающие проходу камни.

³ В 553 г. бои происходили у сильно укрепленного города Телефиса (совр. с. Тольби), на берегу р. Цхенис-Цхали в Самтредском районе, в Несосе (совр. Исула) у крепости Оногур.

Поэтому для осуществления задуманного, он изобретает следующую уловку. Он притворился внезапно заболевшим тяжелой и неизлечимой болезнью и слег, показывая вид, что испытывает величайшие страдания, и оплакивая свою судьбу. Внезапно всё войско охватило слух, что полководец весьма тяжело заболел и проживет недолго. От тех, которые предпочитали за плату служить противнику предательством своих и тайно выдавать военные секреты, истина скрывалась. План сохранился самым надежным способом и не сообщался даже ближайшим друзьям. Обманутые только одними слухами, которые распространялись среди толпы, они [шпионы] сообщили об этом римлянам, которые легко этому поверили, и не столько известию, сколько своему внутреннему желанию.

20. Они сейчас же ослабили свою, ранее деятельную и постоянную, заботу и небрежнее стали нести охрану. Спустя несколько дней было объявлено, что Мермерой умер. В действительности же он скрывался в одной хижине, притом так, что и у самых близких ему людей победило то же мнение. Тогда еще больше римлянам стало казаться излишним проводить бессонные ночи и чрезмерно трудиться. Вследствие этого, оставив завалы на путях и труды, которым для этой цели предавались, они впали в распушенный образ жизни, спали целые ночи, проводя время в лагерях, не делая ничего нужного, прекратили даже высылать разведчиков. Они убедили себя, что персы, лишенные полководца, никоим образом против них не пойдут; мало того, убегут как можно дальше. Узнав об этом, Мермерой внезапно отбрасывает хитрость и появляется перед персами таким же, каким был и раньше. Тотчас же с величайшей быстротой, подняв все войско, искусно преодолев искусством трудности пути, описанные раньше, он приблизился к укреплению и уже угрожал римлянам, которые не могли защищаться, пораженные неожиданным поворотом дела. Тогда Мартин решил очистить этот пункт, прежде чем Мермерой совершенно проникнет внутрь и причинит римлянам великое зло. Ибо каким образом им, немногочисленным, было возможно удержать множество неприятелей и не быть при первом же натиске уничтоженными?

Таким образом обманутые варварами и совершая позорнейшее отступление, они спешили соединиться с прочими войсками. Войско, которым командовали Бесса и Юстин, разбило лагерь в одной местности, расположенной недалеко от Телефиса, отстоящей⁴ от него на расстоянии только 7 стадий.⁵ Там нет ничего, кроме горшечного базара, откуда и название местности. По-римски эта местность называется Олария — то же самое, что по-эллиски Хитрополия.⁶ Когда уже многие, опередившие других вместе с Мартином, находились в безопасности, все полководцы решили, ожидая неприятеля, выстроиться там и противостоять ему, мешая дальнейшему продвижению. В числе виднейших военачальников был некто по имени Феодор, хотя происходящий из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных, нравов и заменивший их более высокой культурой.

⁴ Имя Телефиса живет и поныне на левой стороне Чхарулы, ниже Сканды, лежащей между Чхарулой и Зувой. Brosset, Histoire de la Georgie, p. 104.

⁵ στάδιον = 184,97 м.

⁶ По близости от Телефиса в местности, называвшейся Горшечный рынок, стояла войска под начальством Бессы и Юстина. Агафий передает имя по-латыни словом Ollaria и по гречески οὐτροπολία. Это имя — перевод туземного. По-грузински „горшок“ — „квеври“, и неподалеку от Телефы течет речка Кверула. Brosset. p. 101.

Итак, этот Феодор с своей дружиной (а за ним следовало не менее 500 его соотечественников) еще оставался у Телефиса, так как ему Мартином было приказано уходить оттуда не раньше, чем увидит ему наступающих неприятелей и разведает насколько возможно их численность, их настроение и их намерения.

21. Он же, смелый и на всё способный, выполнил поручение и затем, когда увидел множество персов, входящих в укрепление, и установил, что они не остановятся здесь, но одержимы желанием сражаться, тотчас начал отходить. Увидев на пути многих из римлян, не спешащих в Хитрополию, как это им было предписано, но врывающихся в жилища лавов, грабя там хлеб, полбу и прочее съедобное, пытался их отзывать, обвиняя в безрассудстве, как не сознающих, в какой опасности они находятся. Кто из них был менее жаден и распушен, убежденные в лучшем, присоединялись к нему и медленно отступали. Феодору, однако, не было возможности своевременно уведомить полководцев, что Мермерой им угрожает. Персы же внезапно напали на некоторых предавшихся грабежу, не прекращающих его и находящихся вне лагеря. Некоторые из них были убиты, другие же опрометью бежали и внезапно ворвались в лагерь с шумом и жалобными воплями, так что внезапно привели всех в замешательство. Безмерно испуганные воины начали бежать из лагеря. Военачальники же (войско не было еще построено в боевой порядок), боясь уже, чтобы варвары не напали на неподготовленных, пренебрегли тем, что раньше было постановлено, и не знали, что предпринять. Не было и времени для выяснения обстановки, да этого не допускало само смятение умов. Поэтому, снявшись с равнины и увлекая за собой все войско, начали постыдное и беспорядочное отступление; бегство прекратилось только когда добрались до Острова.⁷ Отстоит же Остров от Телефиса приблизительно на 5 парасангов. Такой дневной переход совершили эти „благородные“ воины в своем бегстве. Парасанг, по Геродоту и Ксенофону, составляет 30 стадий, а у иверов и персов только 21. Так считают и лазы, но отнюдь не пользуются этим термином, а употребляют термин „передышка“ и, по моему мнению, правильно. Ибо у них носильщики тяжестей, пройдя один парасанг, слагают с себя ношу и немного отдыхают, причем другие их сменяют по очереди, и сколько раз это делают, на столько путь измеряют и делают. Но как бы ни называть парасанг, Остров отстоит от укрепления на 150 стадий. Местность эта сильно укреплена и нелегко доступна, окружена потоками рек. Ибо Фазис и Дрокон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале отстоя друг от друга очень далеко, здесь, вследствие изменения местности, постепенно сближаются друг с другом, отделяясь друг от друга небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фазис плотиною, направили его течение в Дрокон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают немалое пространство. Пройдя дальше на Запад, естественно сближаются и почти сливаются, так что всё, ими охваченное, образует совершенно остров. Здесь-то и оказались в сборе римляне.

⁷ Северный приток Фазиса Докон сближается в нижнем течении с Фазисом; римляне прокопали канал в узком месте и образовали Остров (Докон-Техур). Одно место в нижнем течении реки носит имя Изолети у туземцев и названо Изуля на карте Ген. штаба 1834 г. Brosset.

22. Мермерой же, придя в Хитрополию, много упрекал своих за трусость и неповиновение и решил не двигаться дальше и не нападать на Остров. Ибо он не мог доставить ни продовольствия такому войску в средину враждебной страны, ни к осаде не был подготовлен. Однако, не считая возможным возвращаться в Телефис к тамошнему бездорожью, он бревнами и специально для этого приготовленными лодками соединил берега Фазиса и, создав подобие моста, перевел все войско без всякой помехи. Он поместил персов в укреплении Оногурий, которое он раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог, а затем возвратился в Котасий и Мухирисий.⁸ Пораженный болезнью и находясь в тяжелом положении, большую и сильнейшую часть своего войска он оставил там для охраны территории, сам же удалился в страну, называемую Иверией. С трудом доставленный в город, называемый Месхита, Мермерой, не будучи в силах перенести тяжести болезни, здесь действительно умер. Это был человек величайшей рассудительности, сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромя на обе ноги, он не мог ездить верхом, но труды переносил как сильнейший юноша и не отказывался ни от каких подвигов, но появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, он одержал много побед. Таким образом, полководческий дар зиждется не на силе тела, а на благоразумии. Тогда бездыханное и обнаженное тело Мермероя его близкие вынесли за город и оставили, по отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами.

Книга III

2. В двадцать пятом году царствования Хозроя, когда война велась в области Колхиды и Мермерой умер, императору Юстиниану пошел 29-й год его правления римлянами. Когда Хозрою было сообщено о смерти Мермероя, он, естественно, был очень опечален и обеспокоен этим несчастьем. А чтобы войско в Лазике не оставалось без вождя, он тотчас поставил во главе его Нахогарана, одного из самых знаменитых и знатных своих людей.

Когда тот, приготовив все необходимое, направился в путь, в Колхиде произошло удивительное и постыдное событие. После того как римляне, охваченные постыднейшим бегством, как об этом выше было сказано, оставили даже часть своего обоза на разграбление врагам, Губаз, царь лазов, считая, что нельзя переносить такой позор и боясь, чтобы в будущем не произошло чего-нибудь еще более преступного, тотчас оповестил обо всем Юстиниана, обвиняя военачальников, возлагая всю вину на их глупость, в особенности обвиняя Бессу, затем Мартина и Рустика. Этот Рустик был эллино-галатом по происхождению. В войске он находился не в качестве стратига или таксирха и вообще не имел никакой военной должности. Он был только одним из служащих императорского казначейства, притом не того ведомства,

⁸ Центром Лазики являлся город на р. Техури, грандиозные развалины которого под названием Нокалахеви, сохранились до наших дней; греко-римляне называли его Археополь, а коренное население — Цихе-Гожди. Археополь находился на расстоянии одного дня пути от Мухирисия. Procop. Bell. Goth. 4, 14.

в котором собирались общественные налоги (это было поручено другому), но того ведомства императорской сокровищницы, откуда посылались средства для награждения отличившихся в боях. Отсюда этот человек играл не второстепенную роль, но был среди наиболее авторитетных людей, так что ему сообщались военные тайны, а распоряжение вождей тогда только считалось действительным и подлежало выполнению, если ему это было угодно. Юстиниан уже раньше был недоволен Бессой. Ему надлежало по взятии крепости Петры до прихода Мермероя загородить как можно тщательнее все проходы из Иверии.⁹ Он мог с этой стороны сделать недоступными для варваров горы Лазики. Этому способствовала сама природа местности. Он же всем этим по небрежности пренебрег, занятый объездом вверенных ему городов и вымогательством из них денег. Вспомнив об этом, когда до него дошло новое обвинение, Юстиниан легко ему поверил. Бесса был немедленно лишен власти. Имущество его было конфисковано. Он был выслан в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений.¹⁰ На Мартина [император] также был сильно рассержен, однако оставил ему высшее командование. Среди военачальников он был первым, Юстин вторым, Буза после него и затем по порядку все остальные. И раньше никогда Мартин и Рустик не относились к Губазу чистосердечно, но глубокое и жестокое, едва прикрытое, соперничество, разгоралось между ними, хотя еще не вылилось в открытый пожар. Началось оно завистью и клеветой, а затем было подогрето и увеличено постоянным и безрассудным подозрением. Рассматривая все его действия с предвзятой точки зрения и мучая этим себя, они питали и укрепляли соперничество. Губаз знал об их ненависти к нему и подозрениях и, вызванный на ответную ненависть, часто называл их трусами и хвастунами, которые не заботятся о серьезных делах. На пирушках перед собеседниками он настойчиво выражал свое негодование на них, и если к нему приходили посольства от соседних народов, и пред ними он не скрывал своих нападков на них и не умалчивал ни о чем. Они же, не перенося этого, разгневанные его доносом императору и считая, что он не прекратит доносов, если они еще допустят ошибки, решили устранить Губазу, чтобы этим отомстить за полученные обиды и освободить себя от всяких опасений на будущее время.¹¹

3. Обсудив тщательно между собою этот вопрос, и, наконец, придя к выводу, что, прежде чем убить его, нужно попробовать заручиться согласием императора, они посылают в Византию Иоанна, брата Рустика, сообщить императору, что Губаз изобличен в благопритворности персидской стороне. И вот Иоанн, добившись тайной аудиенции у императора, оклеветал Губазу, как уже отпавшего от римлян, и утверждал, что он скоро передаст [персам] всю страну, если только каким-либо способом ему не помешают в этом. Император был поражен этим неожиданным известием, но не поверил ему полностью. Придерживаясь средней линии, он сказал: „Позаботьтесь, чтобы этот человек был здесь“. Иоанн же, боясь, чтобы не раскрылась клевета, когда тот

придет, сказал: „Будет исполнено, господин. Однако что нам сделать, если он не пожелает добровольно отправиться сюда?“ — „Нужно принудить, как подданного, — ответил император, — нужно употребить все средства прислать его сюда“. Иоанн тотчас прервал его: „Если он и принуждаемый будет сопротивляться, то что делать с ним?“ — „Что же другое, — ответил император, — как не то, что полагается с тираном: пусть погибнет жалкой смертью“. — „Следовательно, — сказал Иоанн, — тому нечего бояться, кто его убьет?“ — „Нечего, — ответил император, — если погибнет, как враг при сопротивлении и непослушании“. Так ответил император и приблизительно то же написал начальнику войска. Иоанн ничего больше не узнавал и, считая, что его желание удовлетворено полностью, тотчас возвращается к колхам, везя это письмо. Мартин и Рустик, прочитав письмо, решили, что дело хорошо подготовлено, и тотчас приступили к его осуществлению. Итак, они призвали Юстина и Бузу, скрыли задуманное и заявили, что нужно как можно скорее идти к Губазу и обсудить с ним совместный поход против персов в Оногурис. Те поверили и отправились вместе. Их сопровождал небольшой отряд войска. Когда несчастный Губаз узнал, что к нему идут начальники войска, то, не подозревая никакой опасности, вышел к ним навстречу у реки Хоб, беззаботный, ничего не опасаясь, сопровождаемый немногими своими, да и то невооруженными и не приготовленными к бою. Ведь он шел к друзьям и близким, не к неприятелям, а к защитникам страны от иностранных врагов.

4. Итак, все сидя на лошадях рассуждали о делах. Тогда Рустик сказал: „Ты, Губаз, должен присоединиться к нашему походу против персов и взять на себя часть наших трудов против тех, которые занимают Оногурис. Позорно терпеть их пребывание в середине нашей страны, в особенности когда они чрезвычайно малочисленны и не могут состязаться с нами“. Губаз ответил: „Вам одним, добрые люди, необходимо над этим поработать, так как вы одни являетесь виновниками того, что случилось. Ибо если бы вы не были охвачены какой-то внезапной небрежностью и распушенностью в ведении дел, то ни укрепление это не было бы окружено стеною, ни вы не были бы охвачены таким позорным и постыдным бегством, и вообще ничего не случилось бы недостойного. Теперь же, если вы, как говорите, желаете славы и если вы имеете мысли, достойные военачальников, это служебное преступление вами же должно быть исправлено. Я никогда за вами не последую и не приму участия в войне, пока все, что вами упущено, не будет вами же и исправлено“. Как только это было сказано, как будто бы это возражение было признаком отпадения на сторону персов, очевидного и сознательного стремления к тирании, вышеупомянутый Иоанн, явившийся вестником зла, тотчас же выхватив кинжал, поразил Губазу в грудь, но еще не смертельно. Тот же, сидевший на лошади, сразу упал на землю, не столько, думаю, от силы удара, сколько от неожиданности. Один из дорифоров Рустика, выполняя поручение, ударом меча по голове окончательно добил его, барахтающегося по земле и еще пытающегося встать. Таким образом был убит Губаз и по указанным причинам, как о том рассказывают люди наиболее осведомленные. Юстин и Буза конечно скорбели и негодовали, считая случившееся ужасным преступлением. Однако они сохраняли молчание, думая, что это выполнение определенного приказа Юстиниана. Все же войско лавов было охвачено огромным негодованием и скорбью, так что впредь не хотело ни соединяться с римлянами, ни воевать вместе с ними.

⁹ В качестве основной базы для византийских военных сил в Лазике, по приказу Юстиниана, на берегу Черного моря, по видимому в устье Чороха или несколько севернее, между Кобулети и Цисихсузири, был построен укрепленный город Петра, после долгой борьбы оставшийся за римлянами.

¹⁰ О предшествующей деятельности Бессы P r o s o p. Bell. Goth. III, 20; IV, 11.

¹¹ О предшествующей деятельности Губазу см. P r o s o p. Bell. Goth. II, 29; IV, 16.

Похоронив убитого по своему обряду, они не принимали никакого участия в войне, считая себя жестоко оскорбленными и потерявшими отечественную славу.

5. Лазы — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Между народами, находящимися под чужой властью, я не видел никого другого столь знаменитого, так очастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов. Впрочем, в старину жители были совершенно незнакомы с благами, которые приносит море, они не слышали даже названия корабля, пока туда не приплыл известный [корабль] Арго. В настоящее же время колхи и совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку. Так что, если отбросить медных быков, рождение людей Землей и прочее баснословное и невероятное, что сознательно выдумывается поэтами об Айте, то настоящее положение вещей можно признать много лучшим, чем старое.¹² Таковы лазы. Естественно, они считали, что им нанесена невыносимая обида, что они несправедливо лишены своего царя.

Римляне же, по наущению Мартина, приготовились немедленно всеми силами напасть на персов, осадив Оногурис.¹³ Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, а это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же большим оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана, который, говорят, первым выдержал добровольное истязание за людей, приверженных к христианству, и был побит камнями его противниками; поэтому и местность названа его именем. Но нам, думаю, ничто не мешает воспользоваться старым названием, что больше и подобает истории. Итак, римское войско готовилось к походу против Оногуриса. Инициаторы убийства особенно на этом настаивали, надеясь легко овладеть этим укреплением, надеясь, что император, даже узнав об их обмане, не очень на них разгневется, но конечным успехом с них будет снято всякое обвинение. Итак, все и военачальники и войска, расположившись лагерем в Археополе, приготовляли так называемые черепахи и машины для метания огромных камней и другие подобные орудия для штурма стен, если это понадобится. Черепаха — сооружение, сплетенное из прутьев, с кровлей, непроницаемое вследствие частоты прутьев, со всех сторон прикрывающее входящих в него людей. Сверху и со всех сторон сооружение покрывают шкурами, чтобы оно было крепче и отражало копьей. Люди же внутри, находясь в безопасности, незаметно подвигают его куда хотят. Когда же оно придвигается к башне или стене, находящиеся в нем подкапывают землю и, вынимая ее, обнажают фундамент и затем,

¹² Греческий миф рассказывает, что Фрикс, дружелюбно принятый в Аие царем-чародеем Айтеом, сыном Гелия и Персеиды, принес в жертву златорунного барана, на котором сюда приплыл, а руно повесил в роще Арея. Аргонавты за поколение до Троянской войны отправились за этим руном под предводительством Гелия.

¹³ Крепость Оногурис находилась в Самтредском районе, недалеко от Телефиса.

беспрерывно работая ломами и молотами, подрывают и расшатывают основание.

Так римляне готовились к осаде.

6. В это время был захвачен оруженосцами Юстина один перс, пробирающийся в укрепление.

Доставленный в лагерь и подвергнутый сечению, он был вынужден правдиво рассказать о планах своих и показал следующее: Нахогаран уже прибыл в Иверию. Он послан воодушевить войско, находящееся здесь, сообщением, что полководец скоро прибудет. Он сказал, что персы, находящиеся в Мухирисе и Котаисе, в скором времени прибудут сюда помочь своим соотечественникам. Они уже знают о походе. Когда это было сказано, римские военачальники немедленно начали совещаться о положении дел. Буза предлагал со всем войском идти навстречу наступающим врагам. Вследствие своей малочисленности они, по всей вероятности, будут побеждены, и тогда несомненно сдадутся очень скоро и находящиеся в укреплении, как лишенные помощи. Если же они и будут сопротивляться, то без всякого труда будут подавлены. Это предложение понравилось даже Улигангу, вождю герулов. Он часто повторял поговорку, варварскую и незамысловатую, но дельную и полезную, что нужно сначала подавить пчел, а затем можно с удобством собирать мед. Рустик же, сделавшийся самоуверенным и наглым, как думаю, вследствие своего преступления, и вследствие того, что сговор с Мартином придавал ему духу, осыпал Бузу открытыми насмешками и словесными оскорблениями, говоря, что он никогда не подавал разумных советов. Он считал, что лучше всего никогда не подвергать войско ненужному труду, а всеми силами напасть на укрепление, захватить его без больших трудностей и предупредить таким образом врагов извне; небольшой же отряд, если нужно, послать против неприятелей, чтобы задержать быстроту их продвижения. Разумеется, план Бузы был гораздо лучше и более соответствовал и положению дел и лучшему способу военного искусства и соединял предприимчивость с безопасностью. Но так как, вероятно, все принимали участие в преступлении, так как присоединились и последовали за преступниками, то победило худшее и вредное мнение, для того чтобы немедленно последовало наказание. Против персов, наступающих из Мухириса, было послано не более 600 всадников. Начальствовали над ними Добрагез и Усигард, оба варвара по происхождению, но поставленные во главе римских когорт. Все же остальные вместе с начальниками, приступив к укреплению, немедленно принялись за дело. Придвинув машины, пытались пробить ворота и, окружив всем множеством стены, метали копьей. Персы же, прикрываясь зубцами стен, всеми силами отражали их, как этого требовала обстановка, осыпая римлян камнями и удерживая внешние укрепления. Подвешивая сверху ткани и покрываясь ими, они ослабляли этим силу ударов, которые ими везде задерживались. С обеих сторон сражались с величайшим воодушевлением и ожесточением. Казалось, скорее происходит битва, чем осада, настолько велико было с обеих сторон военное воодушевление и проявление военных подвигов. Одни сражались за свою жизнь, которой угрожала не малая опасность, другие же считали позором уйти без результата, раз уже произведено нападение, не взяв укрепления, не освободив Археополис от вражеского соседства.

7. В это время отряд персов — 3 тысячи хорошо обученных всадников, — наступая от Котаиса и Мухириса, двигался к Оногурису. Они двигались неосторожно, не ожидая никаких враждебных действий против

себя. Внезапно на них наскочили Добрагез и Усигард со своими всадниками и тотчас обратили в бегство расстроенных этим внезапным нападением. Когда это стало известно осаждающим крепость римлянам, они стали штурмовать с большим жаром. Стащили прикрытие со стен и, без всякого порядка во многих местах перейдя стены, рассеялись по укреплению, надеясь на легкий грабеж, так как внешние враги были прогнаны и никто им внутри не угрожал. Но [шедшие на выручку] как скоро узнали, что не все римское войско напало на них, но только немногие, притом скорее разведчики, чем настоящие бойцы, внезапно издав громкий крик, напали [на римлян]. Те, не выдержав такой перемены, перешли к обороне, а затем обратились в поспешное бегство. Персы преследовали их на близком расстоянии.

Произшло так, что одни стремились догнать, другие скрыться. Одновременно и те, кто бежал, и те, кто преследовал неотступно, перемешанные добежали до остальных римских войск. Когда поднялся громкий крик, всё римское войско, бросив осаду и крепость, которая считалась почти взятой, вместе с военачальниками обратилось в бегство, не успев задержаться даже настолько, чтобы разобраться в случившемся, узнать, каково число бегущих и число преследующих, но все неслись стремглав в беспорядочном бегстве, как бы охваченные безумной паникой. Персы, окрыленные этим, преследовали бегущих еще сильнее. Находящиеся в крепости [они видели происходящее], внезапно сделав вылазку оттуда, присоединились к остальным персам в преследовании римлян и тем сделали их бегство еще более поспешным. Конечно, вся конница римлян в своем быстром беге легко вышла из-под ударов копий. Из пехоты же многие были перебиты, задержанные на мосту реки, называемой Чистой, через которую им нужно было перейти. Там вследствие тесноты одновременно перейти многим было невозможно. Они толкали друг друга, и одни падали в речной поток, другие же, оттесненные назад, попадали в руки врагов. Со всех сторон одни ужасы соединялись с другими, и, может быть, всё войско было бы истреблено, если бы военачальник Буза, услышав крики и вопли и узнав величину опасности, не повернул назад со своею собственной дружиной и, противопостав варварам, не задержал постепенно их натиск до тех пор, пока римские войска, с трудом переправившись через мост, не оказались в безопасном месте и не соединились с остальными. В прежнем лагере, который разбили вблизи Археополиса, никто не остался, но в страхе пробежали через него, оставили там весь обоз, самые необходимые предметы и предметы большой ценности и скрылись внутри страны, доставив неприятелям не только славную и громкую, но и весьма прибыльную победу.

8. Ибо они, найдя местность, лишенную людей, разрушили вал, разграбили все, что было в лагере, и радостные возвратились назад, заняв снова старые места. Стало вполне ясным, что жестокое мщение за нечестивое убийство поразило римское войско, которое избрало наихудший план действий и, насчитывая не менее 50 тысяч опытных воинов, побежало так постыдно перед тремя тысячами персов, понеся притом большие потери. Сверх того и сами инициаторы преступления через непродолжительное время понесли тяжчайшее наказание, как мы дальше об этом расскажем. Когда наступила зима, все войско было распределено по городам и укреплениям там, где каждому было указано место для зимовки. Между тем положение колхов было в высшей степени запутано и неясно, так как и виднейшие между ними люди недоумевали, что им делать и куда обратиться.

Поэтому собрали они в укромном месте в одном из ущелий Кавказа

большинство народа, так чтобы их планы не стали известны римлянам и устроили совещание по вопросу, следует ли переходить к персам, или оставаться еще под властью римлян. Тотчас же были отвергнуты многие предложения, одни призывающие к одному, другие к другому. Поднялся несказанный и беспорядочный шум, так что даже нельзя было разобрать, кто говорит и что говорит. Тогда их вожди призвали толпу к молчанию и предложили желающим, кто бы они ни были, выступить и изложить в порядке, что нужно делать.

Один из наиболее значительных людей среди них, по имени Эит, который болезненное всех переносил это преступление и больше всех возмущался им, и вообще всегда был ненавистником римлян и благоприятствовал персам, используя такой прекрасный повод, пытался раздуть значение этого события выше всякой меры. Он утверждал, что настоящее положение дел не нуждается ни в каком обсуждении. Нужно немедленно и совершенно открыто перейти на сторону персов. Другие же доказывали, что не следует так внезапно изменять всю их жизнь, а нужно внимательнее обсудить этот вопрос и принять наилучшее решение.

Он же, в гневе бросившись на средину собрания, говорил, как обычно говорят на народных собраниях. Он был более искусным оратором, чем это свойственно варварам. Те аргументы, которые мог привести оратор, подкреплялись справедливостью дела. А говорил он таким образом:

9. „Если бы Римляне нас оскорбили словами или намерениями, справедливо, чтобы и мы мстили за обиду подобным же образом. Но теперь каким образом может быть терпимо, что они нам причинили самое страшное зло, а мы вместо того, чтобы отомстить за обиду, расплываемся в промедлениях и размышлениях. Никто не может сказать, что враги не изобличены самими делами и событиями: но нельзя сказать, что они только это замыслили и держали в уме. Нет необходимости приводить какие-либо основания для доказательства их тайных и скрытых козней. Но такой выдающийся муж, как Губаз, умерщвлен самым жалким образом, как один из многих и презренных. Увяло старое достоинство колхов, и в дальнейшем нам следует уже думать не о том, чтобы повелевать другими, но мы должны довольствоваться, если нас не слишком будут эксплуатировать те, которые когда-то были нашими подданными. Разве не является абсурднейшим делом по поводу таких притеснений сидеть и обсуждать, будем ли считать их злейшими врагами или друзьями, хотя нужно знать, что их наглость не ограничится этим, но, если мы простим это оскорбление, они на этом не остановятся: если мы останемся спокойными, они будут нас оскорблять еще бесстрашнее. Ибо они всегда были жестокими по отношению к своим подданным и привыкли презирать своих клиентов. Даже царя они имеют лукавейшего, который всегда услаждается переменами в существующем строе. Поэтому и преступление было так быстро совершено. Он на этом горячо настаивал, они быстро и с готовностью выполнили. Мы подверглись опустошению почти что ради них. Мы не дали им повода для какой-либо обиды; не было никакого повода к вражде. Но они совершили по отношению к нам постыднейшее и жесточайшее преступление, обращаясь с нами так же, как и раньше, как бы внезапно и одновременно показав по отношению к нам все виды зла: жестокость, безумие, ненависть и остальное тому подобное. У персов же нравы не таковы. Существует большая разница. Если они раз приобретут друзей, они всегда проявляют по отношению к ним величайшее дружелюбие. По отношению к врагу они проявляют величайшую ненависть до тех пор, пока враг остается

врагом. Как бы я желал, чтобы у государства колхов была прежняя сила так, чтобы оно не нуждалось в посторонней и чужеземной помощи, но само удовлетворяло бы свои нужды во всех случаях — в мире и в войне.

Теперь же, когда или вследствие различия времени или вследствие враждебности судьбы, или по обоим причинам мы дошли до такой слабости, что подчинены другим, я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам. Так мы благополучно отделаемся от тех, кто является нашими действительными врагами; совершенное ими преступление не остается без наказания, и одновременно мы позаботимся о нашей безопасности в будущем. Ибо их лукавые и льстивые нравы, которые они выставляют с обманчивой кротостью и притворной обходительностью, чтобы обманывать легковверных и затем их обижать, окажутся излишними и напрасными. У них будет отнята всякая возможность подобных действий против нас, так как у нас вследствие вражды будут прерваны с ними всякие отношения, и мы открыто отделаемся от них. А если они попытаются начать против нас войну, и если им придется одновременно встретиться с лазами и персами и притом во враждебной стране, они не выдержат даже первого натиска. Недавно только со всем своим войском они сразу были обращены в постыднейшее бегство небольшим отрядом персов и еще до сих пор не отдышались от этого бегства, и побежденные, так сказать, во всем, одной скоростью бега победили преследующих их персов.

10. Ясной и вероятнейшей причиной этого, как всякий скажет, является трусость и порочность их планов. Ибо бесчестие им присуще как близкое, характерное и прирожденное качество. И когда к врожденным порокам присоединяется добровольное преступление, то оно удваивает бедствия погибающих по воле божественного провидения в виде искупительной жертвы за допущенное преступление. Ибо победа утверждается не столько оружием, сколько благочестием, и я полагаю, что никогда преступные и нечистые люди не получают божественной помощи.

Если мы благоразумны, то нельзя присоединяться к тем, у кого нет даже здравого ума и которым враждебен тот, от руки которого зависит участь всех. Итак, показано открыто и притом скорее самими делами, чем словами, что наш переход к персам будет легким, весьма выгодным для нас и прежде всего угодным богу. И мы не будем казаться неверными и поступающими несправедливо. Ибо и раньше весьма часто мы были оскорбляемы римлянами. Однако считали нужным оставаться при старом положении вещей, считая никуда не годным производить перемены по любым представившимся поводам, хотя бы они были и очень важны, но все же были переносимы и не являлись такими совершенно нетерпимыми. Но теперь когда нас поразили чрезвычайные и неизлечимые бедствия, переносить это легко без всякого огорчения, не оскорбляясь такими низкими и жестокими деяниями — это свойство не благоразумных, но робких и жалких людей, прикрывающих свое равнодушие к общественным делам именем сдержанности. Большого по жестокости преступления, я думаю, никто и из чужих не укажет, и совершенное не может быть пренебрежено. Поэтому и нами не может быть пренебрежено, и нашим бесчестием будет, если увидят нас забывших своего царя и прислуживающих его убийцам.

И если бы могло случиться, чтобы он присутствовал здесь, он несомненно взывал бы к вам и горячо упрекал за ваше малодушие, почему эти преступники еще находятся в его земле, а не изгнаны из нее давно.

Но так как он не появится и не будет призывать вас, вы в своей душе представьте, что он находится среди вас и стоя среди вас показывает свои раны — и грудь и голову — и призывает свой народ хотя бы теперь отомстить врагам. Поэтому кто из вас может сомневаться и рассуждать, справедливо ли колхам питать сострадание к Губазу? Если мы будем опасаться того, справедлив ли будет наш переход к персам, то нам нужно бояться, что мы окажемся участниками преступления, покинув его и пренебрегая отмщением за его убийство. Мы будем считаться более вероломными, если при жизни его проявляли к нему такую дружбу, а после смерти потеряли даже память о нем. Конечно, когда дела идут хорошо, было бы великим безумием изменять старые учреждения, но когда дело обстоит наоборот, я считал бы пагубным не уметь быстро приспособляться к обстановке.

О постоянстве нужно судить по делам, отвечающим разуму. Сохранять настоящее положение дел не всегда похвально, но только тогда, когда это сообразно с рассудком. Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказывается скорее тот, кто держится за старое и на этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому. Когда об этом от нас услышат и в этом разберутся персы, они по справедливости будут обходиться с нами дружественно и будут сражаться за нас, так как они одинаково человечны и великодушны, умеют хорошо приспособляться к обычаям соседей, особенно принимая в добровольный союз страну, столь удобно географически расположенную, и столь значительное войско, которое они желали бы иметь с затратой больших средств и трудов. Итак ни о чем, кроме этого, не думайте, но тотчас приступим к самому делу и осуществим задуманное. Так мы добьемся величайшей славы, совершив дело правильное и справедливое, способное принести только пользу“.

11. Когда Эит сказал это, тотчас вся толпа поднялась с криком и требовала в тот же день перейти на сторону персов, хотя те не были об этом извещены, и сами (колхи) не были настолько подготовлены, чтобы скрыть случившееся от римлян или их отразить, если они попытаются помешать переходу. Нисколько не заботясь о будущем, ни о том, во что обойдется это предприятие, толпа беспорядочно требовала ускорить решение. Ибо вообще свойственно и врождено толпе стремиться к новизне и радоваться переменам. Эти же были сильно возбуждены и раздражены не только как варвары, но в особенности потому, что считали причину перемены справедливой и были восхищены речью Эита, которая еще сильнее их возбудила и возмутила. Когда они так шумели, успокоил их возбуждение один человек по имени Фартаз, человек с исключительным авторитетом у колхов, разумный и умеренный, пользующийся исключительной популярностью. Он усмирил их задор, умоляя не решать этого дела, прежде чем не выслушают его.

С трудом приведенные к спокойствию авторитетом его имени, они остались на своих местах, а он выйдя на середину говорил таким образом: „Мы не испытали ничего нового, колхи, возбужденные силой красивого слова. Ибо красноречие — непобедимая сила. Оно воздействует на всех, в особенности на тех, кто никогда раньше не подвергался его воздействию. Но не таково оно для тех, кто может ему противостоять мудрым рассуждением, вытекающим из рассмотрения сущности дела. Поэтому не одобряйте то, что было сказано. Оно кажется правдоподобным только вследствие неожиданности и необычности сказанного, а не вследствие полезности и справедливости. Поймите лучше, — хотя бы эти слова и были вам очень приятны, что вы можете выбрать лучшее.“

Лучшим свидетельством обмана пусть будет самый способ легкого убеждения. Только желающий советовать лживое нуждается в украшении и разнообразии речей с тем, чтобы красотой речи скорее увлечь простые души. Вы, слушая эти привлекательные, но обманчивые доводы Эита, не понимаете сами, как вас обманывают. Каждому должно быть ясно, если не другое, то хоть то, что он с самого начала поставил на обсуждение иной вопрос, совершенно чуждый тому, ради которого мы собрались.

Так, например, когда и вы все говорите, что нет ужаснее случившегося и всячески осуждаете это убийство и обсуждаете единственно вопрос, действительно ли виноваты те, кто обвиняется в убийстве Губаза, он обошел их обвинение и много слов потратил на то, что уже известно. Я также считаю проклятыми и ненавистными богу и охотно бы видел погибшими от самой жестокой казни не только прямых убийц, которые совершили преступление своими руками, но также всех тех, кто позволил совершить преступление, хотя и мог помешать, сверх того, всех тех, кто радовался этому, всех, кто не скорбел об этом.

Но если я это и признаю, то отнюдь не признаю полезным переход к персам. И пусть никто не считает благоразумным и последовательным, если по отношению к нам совершили преступление, то нужно и нам предать отечественные законы; если мы раздражены вероломством, то отсюда не вытекает, что мы должны усвоить такие же методы. И теперь мы не можем переделать то, что случилось и совершено, но нужно помыслить о том, чтобы мы, обсуждая дела с душой, охваченной гневом и негодованием, не затемнили неблагоразумно наше суждение, лишив себя возможности более здравого и разумного решения. Ибо свойство безрассудных постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же мужей мудрых — изучать неожиданности судьбы, не смущаться неожиданными переменами с тем, чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду и на будущее.

12. Но этот советник, который давно уже благоприятствует персам и стремится всячески, чтобы мы перешли к ним, пытается запугать нас, как детей, а именно (утверждая), что римляне не удовлетворятся тем, что они против нас осмелились сделать, но поразят нас еще более жестокими бедствиями, и что их царь постоянно стремится к нововведениям, что он является инициатором и зачинщиком давно задуманного и подготовленного убийства, и, говоря это, превозносит персов удивительными похвалами, надеясь убедить нас этим способом сделаться просителями и добровольными перебежчиками к тем, кто для нас по природе являются величайшими врагами. К этой единственной цели он стремится, это он задумал с самого начала и стремясь совершить то, что он заботливо обдумал и безрассудно советует, он нарушает и перемешивает порядок обсуждения, делая обсуждение бесполезным. Решению обычно предшествует обсуждение, которое исследует вещи недостаточно ясные. И только тогда, когда установлено то, что нужно делать, необходимо наличие и воли и решимости совершить то, что задумано и постановлено. Этот же из конца делает начало, уже постановляя раньше, чем рассмотрен вопрос. Ибо какой будет плод обсуждения, если оно последует за решением. Вы же, Колхи, приступайте к обсуждению без всякой предвзятой мысли и не придерживаясь какого-либо предвзятого мнения. Как можно преодолеть превратности судьбы и направить события к желаемой цели? Нужно придерживаться противоположного метода, мыслить о своих делах без всякой предвзятости и свободно, тщательно взвесить все обстоятельства для того, чтобы принять наиболее обдуманное,

вытекающее из сущности дела решение. Если мы так будем рассуждать, для нас тотчас же станет ясным, что ни римские войска, ни их военачальники и меньше всего сам император не строили козней против Губаза. Ибо у них самих общеизвестно и установлено, что Рустик и Мартин, завидуя его счастью, были охвачены личной злобой, причем прочие вожди не только не помогали им, но даже болезненно перенесли случившееся. Бесчестно и сверх того бесполезно из-за вины одного или может быть двух дерзко нарушать общественные законы, которые мы привыкли соблюдать, так легко изменять весь распорядок нашей жизни, к которому мы так хорошо привыкли, выставлять себя предателями и дезертирами по отношению к тем, которые стоят на страже нашей страны, чтобы мы жили спокойно и безопасно и наконец, что является самым нечестивым, отказаться от истинной религии и священных тайн. Ибо это неизбежно произойдет, если мы перейдем на сторону ожесточеннейших врагов божественного имени. Если они запретят нам сохранять верность нашей вере, но принудят нас перейти к своей, что ужаснее этого для нас может быть — одинаково и для живых и для умерших? Ибо какую выгоду мы приобретем, если присоединим к себе (допустим, что это так) всю Персию, а погубим наши души. Но если даже сделают уступку и позволят (сохранить религию), прочного дружелюбия с их стороны по отношению к нам не будет, но будет неверное и непрочное, измеряемое одной только выгодой.

Ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных верований. При отсутствии застраивания и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов. Даже родственники, близкие и земляки, если лишаются единства взглядов, пользуются только именем дружбы, а на самом деле по отношению друг к другу являются совершенно чужими людьми. Итак, колхи, с какой доброй надеждой мы перейдем к персам, если они неизбежно окажутся нашими врагами, и ничего лучшего отсюда не произойдет для нас, кроме того, что мы тем легче будем притесняемы ими, так как гораздо труднее остерегаться скрытого врага, чем явного. Далее, если хотите, допустим, что все обстоит так (как говорит Эит), что это дело не противоречит ни справедливости, ни чести. И будем считать, что нравы персов постоянны и верны, что они всегда будут сохранять договоры и соглашения. Но, если даже это будет налицо, и у нас не будет никакого другого препятствия, то все же наши силы для этого предприятия недостаточны. В самом деле, каким образом мы перейдем к другим, когда нам угрожают Римляне, и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей? Каким образом мы избежим жесточайшего возмездия, когда те, которым надлежит притти нам на помощь, будут медлить вдали в Иверии или медленно оттуда двигаться, а те, которые будут осуществлять возмездие, занимают всю страну и обитают в наших городах“.

13. Хотя этот благородный человек и говорит, что они не выдержат и первого нашего нападения, используя в качестве довода то, что недавно случилось, но кто не знает случайностей войны и того, что она отнюдь не протекает в определенном порядке, и враждебная судьба не всегда будет преследовать тех, которые сейчас очень плохо ведут свои дела. Напротив, победа часто переходит к побежденным и исправляет превратности судьбы. Поэтому нам не подобает быть чрезмерно самоуверенными, как будто им уже предопределено сообразно своим нравам и привычкам во всех сражениях терпеть поражения. Если они побеждены только потому, что действовали не так, как должно, то этот

пример нужно обратить в нашу пользу и предупредить опасности, вытекающие из необдуманных решений. Таким образом из предшествующих случаев мы не можем обнадеживать себя верной победой над ними. Правдоподобно, что те, которые раньше ошибались, наученные самим опытом, чего нужно избегать, будут вести свои дела в дальнейшем с большей заботливостью и исправят то, что раньше было упущено и пренебрежено. Если же бог им враждебен за совершенное преступление и за это они подвергаются бедствиям, зачем нам вмешиваться и предлагать ему наше содействие, как будто он сам не осуществит правосудие и как будто он нуждается в нашей помощи? Какой большой пример нечестия останется для других, если мы оскорбим нашим отпадением высшее благо, которое и при нашем спокойствии защищает нас должным образом. Пусть никто не показывает нам мертвого Губаза, выступающего среди нас с малодушными речами и умоляющего своих соотечественников сжалиться над ним, показывая нанесенные ему раны. Это может быть и подходит изнеженным порочным душам, но отнюдь не свойственно царю, притом царю Лазов, притом Губазу. Ибо, если бы он в самом деле присутствовал среди нас, то как человек благочестивый и здравомыслящий, он несомненно сурово осудил бы нас за подобные замыслы и дал бы нам наказ не падать так духом и не впадать в расслабление, не скрываться тайно по обычаю рабов, но мужественно противостоять несчастью, придерживаясь в большей степени колхского образа мыслей, свободного от предвзятости и не допускать ничего позорного, недостойного отеческих нравов, оставаться при настоящем (порядке) в убеждении, что божественная помощь никогда не оставит народа колхов. Поэтому не является ли высшей безрассудностью в то время, как он, насильственно умерщвленный, несомненно учил бы нас так, мы для того, чтобы показать наше к нему расположение, думаем как раз противоположное. Я боюсь, чтобы мы не подверглись величайшему наказанию уже за то, что обсуждаем и обдумываем подобные планы. Наконец, если бы мы замыслили отпадение в деле сомнительном, допускающем разные решения, то и тогда было бы рискованно в вопросах такой важности зависеть от случайности, но тогда было бы позволено инициаторам этого плана рассуждать свободнее и беззастенчивее. Но, если порочность этого совета и бедствия, отсюда вытекающие, для всех ясны и очевидны, разве не достойны вашей ненависти те, которые наталкивают вас на этот путь. Поэтому нужно воздерживаться от всего этого, и это умеренно сказано. Я же думаю, что о случившемся необходимо сообщить императору и просить его по справедливости покарать главных виновников этого преступления. Если он пожелает (это сделать), раздоры наши с римлянами тотчас прекратятся, и наше старое и привычное братство с ними в трудах и походах возобновится. Если же он откажет в нашей просьбе, тогда только надлежит нам обсудить, не выгоднее ли нам вступить на другой путь. Если мы так сделаем, то нас нельзя считать забывшими об умерщвленном Губазе и в то же время мы не окажемся действующими скорее безрассудно, чем по расчету.

14. Когда это было сказано, колхи, как говорится, пропели палинодию и изменили решение. В особенности к этому побудила их боязнь лишиться истинного богопочитания и веры, если они отпадут к персам. После того, как мнение Фартаза победило, тотчас были выбраны лучшие и знатнейшие из народа колхи, которые должны были сообщить императору Юстиниану, что было совершено над Губазом и раскрыть ему весь обман, а именно, что он никогда не был сторонником персидской партии, никогда не предпринимал ничего против римлян,

Мартин же и Рустик возвели на него эту клевету за то, что он их часто порицал за многочисленные, допущенные по лености и безрассудству ошибки, и убили невинного. Они просили дать душе убитого это удовлетворение. Они не сказали ничего другого, кроме того, чтобы он не оставлял не отомщенным это преступление, а царем им не назначал какого-нибудь чужеземца и иностранца, но Цатэ, младшего брата Губаза, который в то время находился в Византии, так чтобы у них снова были восстановлены отечественные законы и непрерывная ненарушимая с древности последовательность царского престолонаследия. Император признал их просьбу правильной и справедливой. Он весьма быстро удовлетворил их просьбу и послал Афанасия, одного из первых членов сената для тщательного расследования преступления и суда сообразно римским законам.

Тот, явившись в Лазуку, тотчас послал Рустика в город Апсарунт и держал там взаперти в местной тюрьме. Иоанну же, который обманул императора и сделался одним из главных участников преступления, который в то время пытался тайно скрыться и в бегстве искать себе спасения, на пути случайно встретился Метриан (он был одним из императорских дорифоров, которых зовут скрибонами). Послан он был сюда, чтобы оказать помощь Афанасию и выполнять его указания. Захватив Иоанна Метриан представил его судье, который и его послал в Апсарунт, где он содержался в тюрьме и кандалах, пока не будет закончено начавшееся судебное расследование.

555 г. 15. Как только началась весна, Нахогаран прибыл в Мухрисий и тотчас начал собирать войска и со всей тщательностью готовиться к войне. Равным образом и римляне приготавливались, собравшись вокруг Острова, и развязка естественно задерживалась. Тогда наибольшей заботой их было приготовить всё нужное для ведения войны. Уже и Цатэ прибыл из Византии с Сотерихом, получив царское достоинство и свои инсигнии от римского императора по старому обычаю. Этими инсигниями являлись золотая корона, усеянная драгоценными камнями, и хитон, шитый золотом, спускающийся до пят, пурпуровые сапоги и митра, равным образом украшенная золотом и ценными камнями. Пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено, а разрешена только белая, однако, не обычная. Посредине с обеих сторон она отсвечивает золотым шитьем, с императорской фибулой на хламиде, украшенной драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями. Когда Цатэ вступил в царском облачении в свою страну, военачальники и все римское войско, вышедшее с приветствием, встретили его с должными почестями. Они шли впереди него, великолепно вооруженные, большею частью конные. Лазы, с трудом оставив свою скорбь, обратившись к радости, провожали его, сменяя друг друга. Со всех сторон звучали трубы, знамена высоко развевались. И было торжество блестящим, горделивым и более праздничным, чем это обычно бывает в царстве лазов. Цатэ, ставши у власти, взял в свои руки руководство и управлял своим народом, как ему было угодно и к к рекомендовал отечественный обычай. Военачальник же Сотерих отправился в указанный ему путь, ибо он привез императорские деньги для раздачи соседним варварам в качестве императорской субсидии. Эта раздача производилась ежегодно с древних времен. Следовали за ним и старшие сыновья, Филагрий и Ромил, чтобы тотчас по выходе из домашней обстановки приучаться постепенно к трудам, так как они уже достигли возмужалости и были способны к труду. Третий же из них, Евстратий, был оставлен в Византии, так как еще был очень молод и сверх того

слабого телосложения. Когда Сотерих пришел в страну мисимиян, они были в то время подданными царя колхов, так же как Аписидии.¹⁴ Но язык у них разный, так же как и нравы. Живут же они севернее народа Аписидиев и несколько восточнее. Итак, когда он пришел к ним, они были заняты обсуждением вопроса о его намерении передать одно из их укреплений, расположенное у самых границ лазов, которое они называют Вухлоон, аланам, чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получили субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгория Кавказских гор и самому идти к ним.

16. Когда мисимияне об этом или узнали или только подозревали, они посылают к нему двух из своих наиболее знатных людей, по имени Хада и Туана. Те находят его остановившимся возле самого этого укрепления. Подозрение их еще более усилилось. Они сказали: „Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Подобаает тебе не позволять никому другому отнимать наше, ни самому этого не желать. Если же у тебя нет такого намерения, уходи отсюда как можно скорее и избери себе другое место-пребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы всё будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты здесь оставался и медля“.

Сотерих полагал, что никак нельзя стерпеть столь дерзкие речи. Считая, что нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян, он приказал своим телохранителям избить их палками, которые они носили. Те жестоко с ними расправились и отпустили их полумертвыми. Совершив это, Сотерих оставался там же, полагая, что из этого не произойдет никакой беды и что ему так же нечего бояться, как если бы он подверг телесному наказанию своих преступных рабов; затем, когда настала ночь, беззаботно лег спать, не расставив никаких караулов. Равным образом его сыновья, спутники, домашняя прислуга и рабы, следовавшие за ним, все они более беззаботно, чем следовало в неприятельской стране, предались сну. Между тем мисимияне, не стерпев полученного оскорбления, вооружившись, набросились на них и, ворвавшись в помещение, где почивал военачальник, немедленно перебили спавших рабов. Когда, естественно, поднялся сильный крик и шум, сознание беды дошло до Сотериха и прочих, которые там находились. Когда они со страхом вскочили со своих постелей, еще отягченные и расслабленные сном, то совершенно не могли защищаться. У одних закутанные шкурами ноги препятствовали движению, другие же, бросившись за мечами, чтобы принять участие в беспорядочной схватке, беспомощно носились в потемках, не зная, что делать, и наталкиваясь на стены, позабыв, где положили оружие. Некоторые, отчаявшись в обрушившемся на них бедствии, ничего и не предпринимали, а только звали друг друга и издавали жалобные вопли, не зная, что предпринять. Когда они находились в таком состоянии, ворвавшиеся варвары изрубали и самого Сотериха, и его детей, и всех прочих; разве только кто случайно ускользнул через заднюю дверь или другим способом. Когда преступники это сделали, они ограбили поверженных и все имущество, которое те привезли с собою, и сверх того императорскую казну, расправившись [с Сотерихом и его свитой] как с настоящими врагами, а не с друзьями и господами.

17. Когда после совершения этого жестокого убийства и выполнения преступного замысла разгоряченные их страсти улеглись и гнев утих,

тогда, рассмотрев совершенное ими, они начали задумываться и поняли, какой жребий ими брошен, а именно, что в ближайшее время придут римляне для отмщения, а они не смогут выдержать их нападения.

Поэтому, открыто отпав [от римлян], они перешли на сторону персов и послали посольство, добиваясь, чтобы те приняли их под свою защиту и немедленно оказали бы им помощь, как своим подданным. Известие это, сообщенное римским военачальникам, вызвало у них гнев и величайшее огорчение. Но они никак не могли немедленно отомстить мисимиянам, поглощенные еще более важными заботами, так как Нахогаран уже вел 60 тысяч вооруженных людей к Острову, который в то время занимали Мартин и Юстин, сын Германа. Наемники же из гуннов, которых называют савирами [у римлян находился отряд тяжело вооруженных, около двух тысяч, которыми предводительствовали Балмах, Кутилзис и Илагер, знаменитейшие у них люди], расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей, чтобы, по обычаю, тревожить врагов, которые, как предполагалось, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным.¹⁵ Нахогаран же, после того как узнал, что савиры занимают эти места, тотчас послал против них отряд в 3 тысячи, отобранный из вспомогательных дилимнийских войск с предписанием [он был заносчив и кичлив] всех истребить и не оставлять в тылу у него, когда он будет идти в бой. Что касается дилимнитов, то они — весьма многочисленное племя, обитающее по соседству с Персидской страной, на среднем течении реки Тигра. Их можно причислить к самым воинственным народностям. Они не являются стрелками или сражающимися издалека; они носят копье и сариссы и меч, свисающий с плеча, маленький кинжал, привязанный к левой руке, защищаются большими и малыми щитами. Их нельзя назвать ни легко вооруженными, ни голяками и тяжело вооруженными войсками. В случае необходимости они издали мечут копья и сражаются врукопашную. Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды. Они опыты в перестройке боевого строя и в приспособлении к любой случайности. Они легко взбираются на высокие холмы, занимают возвышенности и с величайшей быстротой, если это нужно, убегают назад и, снова повернувшись, с ожесточением теснят и преследуют [врагов]. Искушенные и весьма опытные во всех видах боевых действий, они наносят врагам весьма тяжелые удары. Уже давно приученные к войне, они издавна сражаются под знаменами персов, но не по принуждению, как подданные, ибо они свободны и живут по своим законам и не привыкли подчиняться насилью и чьему-либо произволу.¹⁶

18. Итак, этот отряд дилимнитов с наступлением ночи двинулся против савиров, предпочитая напасть на них еще спящих и таким образом легче истребить всех. И, я полагаю, они не ошиблись бы в своей надежде, если бы судьба их не обманула.

Когда они шли в этот поход, им случайно в темноте и безлюдии попался один колх. Они за него жадно ухватились и принудили его стать проводником к савирам. Это поручение он весьма охотно исполнил и шел впереди их. Когда же он достиг густого леса, он постепенно собрался с духом и от них отделился. Ему удалось избежать преследования. Предупредив врагов, он быстро добрался до савиров и нашел их всех лежащими на земле и крепко спящими. „О, несчастные, — закричал он громко и пронзительно, — вы сейчас погибнете“. Когда они

¹⁴ Племя мисимиян, подвластное царю колхов, но имевшее свой особый язык и свои собственные законы, жило севернее апшилов, по верхнему ущелью р. Кодора.

¹⁵ О савирах Procop. Bell. Goth. IV, 11.

¹⁶ Procop. Bell. Goth. IV, 14.

с трудом пробудились, он объявляет им, что враг сейчас нагрянет. Они с шумом вскочили, вооружились, вышли за укрепления из кольев и, разделившись на две части, устроили засаду, оставив без охраны вход в ограду лагеря, а равным образом и хижины, построенные из кольев и шкур. А дилимниты, по незнакомству с местностью, сделав огромный крюк, всё же до рассвета добрались до лагеря гуннов. С уверенностью, на свое горе, они вторгаются в него, собираются внутри и, выступая молчаливо, без всякого шума, чтобы гунны не догадались и не поднялись, начинают метать копья в их убежища и хижины, рассчитывая перебить спящих, и уже считая дело поконченным. Между тем савиры, выскочив с двух сторон из засады, внезапно набрасываются на них. Они же, пораженные этим внезапным и неожиданным ударом, когда надежды их сменились отчаянием, приведенные в беспорядок, не знали, что им предпринять, ибо им, сбившимся на небольшом пространстве, было не легко спастись бегством. Не могли они точно распознать, кто их враги, так как пришлось бороться и с ночью и со страхом. Поэтому тотчас же они были истреблены савирами, не оказав даже попытки сопротивления. Восемьсот человек погибло в лагере. Остальные, с трудом выбравшись из него, блуждали беспорядочно, не зная, куда идти. Им казалось, что они убежали далеко; на самом же деле, сделав круг, они возвращались обратно и попадали в руки врагов. Так прошла вся ночь. Утром, когда рассвело, оставшиеся в живых дилимниты, узнав дорогу, бросились прямо в персидский лагерь, причем савиры и теперь не переставали их преследовать и насаждать на них сзади.

Между тем военачальник Бабас, который уже давно командовал римскими войсками, находящимися в Колхиде, в это время ночевал в Археополисе, и когда началась суматоха и вокруг раздавался крик, не зная, что делается, но сохраняя хладнокровие, молча скрывался внутри. Когда же солнце осветило вершины гор, он быстро разобрался в происходящем, а именно, что савиры гонят дилимнитов. Тогда и он, выскочив из укрепления с отрядом, который оказался у него под рукой, учинил не малое среди них побоище, так что едва тысяча добралась до Нахогарана.¹⁷

19. Последний, потерпев неудачу в своем предприятии, тотчас направился к Острову и, разбив лагерь вблизи римлян, вызвал Мартина для переговоров. Когда тот явился, он сказал: „Ты, военачальник, весьма сообразительный и благоразумный человек. Ты один из тех, которые обладают наибольшей властью у римлян. Неужели ты не желаешь освободить каждого из наших государей одновременно от трудов и от взаимной вражды? Итак, если ты желаешь заключить перемирие и мирный договор, то перейди с войском в Трапезунд, город Понтики. Мы же, персы, останемся здесь. Благодаря этому мы будем, не торопясь, спокойно договариваться о перемирии и мире, пользуясь верными посредниками. Если же ты добровольно не выведешь отсюда войско, то знай, добрый человек, что ты будешь изгнан силой. Ибо я считаю победу обеспеченной. Ее я держу в руках так же, как эту собственность“. Говоря это, он показал кольцо, которое носил. Мартин в ответ сказал: „И я очень желаю и ценю мир и буду помогать осуществлению твоего предложения. Но я думал бы, что мы этого добьемся лучше, если ты как можно скорее переберешься в Иверию. Я же возвращусь в Мухирисис, и тогда мы внимательно обсудим наши дела. Ты можешь говорить о победе кичливо и заносчиво, считать ее продажной, легко приобретаемой, зависящей от нашего усмотрения. Я же считаю, что победа зависит от одного

бога, и она дается не гордецам и чрезмерно самонадеянным, но тем, кому даст это общий творец и правитель“. Когда Мартин, оскорбленный заносчивостью, с большой энергией и достоинством дал этот ответ, не договорившись о мире, они прекратили переговоры. Один вернулся в лагерь, Мартин же на Остров. Нахогаран, полагая, что ему там никак нельзя оставаться, решил перейти к городу Фазису и там скорее вызвать римлян на бой. Он считал, что это укрепление очень легко взять, так как оно все выстроено из дерева, а окружающие его обширные равнины удобны для сооружения лагеря. О том, что город Фазис назван от носящей то же название реки, я думаю, всем хорошо известно. Эта река протекает недалеко от города и через него впадает в Эвксинское море. Город расположен у морского побережья и устья. Отстоит от Острова приблизительно на 6 парсангов к западу.¹⁸

20. Итак, немедленно глубокой ночью, спустив на реку лодки, привезенные на телегах, и соединив их, Нахогаран без ведома римлян построил мост и перевел все войско на противоположный берег. Он желал добраться до южной части города, где воды Фазиса, казалось, никак не могли ему помешать приблизиться к стене, ибо эта река уклоняется и впадает к северу от города. Отойдя от реки, как только стало рассветать, Нахогаран продолжал свой путь. Обойдя Остров как можно дальше, Нахогаран двинулся внутрь страны.

Римляне, узнав о походе едва около полудня, были этим чрезвычайно расстроены и пытались всеми силами предупредить врагов под стенами города. Поэтому, наполнив воинами все триэры и легкие 30-весельные суда, которые стояли в порту, они быстро понеслись по течению реки. Но Нахогаран их предупредил. Дойдя до середины реки между Островом и городом, он преградил все течение реки бревнами и лодками, соединенными между собой, и сзади поставил группы слонов там, где можно было пройти. Римский флот, увидя это издали, повернул кормы судов и отступил, усиленно гребя веслами, борясь с большими трудностями против течения быстрой реки. Тем не менее персы захватили два пустых судна. Их экипаж, увидев, что будет захвачен [неприятелями], отважно бросился в воду, предпочитая, как полагаю, меньшую настоящую опасность большей и испытывая превратности судьбы. Поэтому с легким духом они бросились в волны и, барахтаясь в сильнейшем водовороте, с трудом добрались до своих.

Тогда римляне оставили на Острове Бузу с его войском, поручив ему заботу о всех тамошних делах и оказание им помощи, если это окажется необходимым. Перейдя снова реку и избрав другую дорогу по сухому пути, чтобы не притти в места, уже занятые врагом, они добрались до города Фазиса, одноименного с рекой. Войдя в город, военачальники расставили по стенам караулы, сообразно данным ими распоряжениям. Они не считали свои силы равными неприятельским, если произойдет регулярное сражение. Юстин, сын Германа, первый располагается со своими войсками в самой возвышенной части города, обращенной к морю. Немного дальше занял место Мартин со своими полками. На самой середине заняли позиции Ангилас с маврами-пелтастами и копьеносцами, Феодор с тяжеловооруженными даннами и Филомафий с исаврийскими пращниками и копьеметателями. Неподалеку от них был расставлен отряд лангобардов и герулов. Вождем тех и других был Гибр. Остальная часть стены, обращенная на восток, была охраняема

¹⁷ О его предшествующей деятельности Procop. Bell. Goth. IV, 13.

¹⁸ Почти у устья Риона.

восточными полками под командой военачальника Валериана. Таким образом римское войско было расставлено для защиты стен.

21. Была сооружена чрезвычайно крепкая внешняя ограда, которая могла выдержать первый натиск неприятелей и могла бы служить внешним укреплением для стены. Военачальники справедливо боялись за нее, так как она была построена из дерева, из-за старости имела повреждения в разных местах. Поэтому они выкопали глубочайший круговой ров, который так был наполнен водой, вышедшей из берегов, что она скрывала заостренные колья, густо набитые во рву, и делала их незаметными. Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем и которое имеет исток в Эвксинский Понт, то легко заполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фазиса как можно ближе придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху были поставлены воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами. Были поставлены там и другие дальнестрельные орудия для их активного применения. Кроме того по реке были расставлены и другие суда с той и другой стороны, под начальством Валериана. Снаряжены они были совершенно сходно и предназначались для отражения врагов, поражаемых с той и другой стороны с более возвышенных мест в случае их приближения. Чтобы корабли, расположенные по реке, не были легко повреждены кем-либо, Доброгез — ант, таксиарх и некий гунн, лохаг, по имени Элмингир, по приказанию военачальников, снарядили десять легких судов с двойной кормой, наполнили их своими орудиями и, пройдя как можно дальше вверх по реке, охраняли ее с величайшей тщательностью, наблюдали за переездом со всех сторон, плавая то по середине реки, то приближаясь к тому или иному берегу; и тогда случилось нечто радостное и приятное, что случается на войне и в боевом столкновении. Несколько дальше от того места, где были расположены указанные суда, стояли два грузовых 30-весельных корабля, которые, как я выше указал, были захвачены персами, имея на борту гоплитов-мидян; они были привязаны канатами к берегу. Ночью, когда все на них спали, поднялась сильная буря и растянула канаты. Давлением двигающихся судов канаты обоих кораблей были внезапно порваны. И так как не могли быть использованы весла, ни рулевым веслом судно не могло быть направлено в другое место, то течение подхватило не управляемые и беспомощные суда и весьма быстро понесло их к римлянам, которыми начальствовал Доброгез. Увидев их, последние с радостью их захватили, будучи обрадованы неожиданным приобретением, в особенности потому, что корабли, которые раньше ушли от них пустыми, вернулись наполненными людьми.

22. В это время, снявшись с лагеря со всем войском, Нахогаран приблизился к городу, желая перестрелкой испытать римлян, произведут ли те вылазку, и таким образом яснее определить, какие военные приготовления ему надлежит делать на следующий день. Когда персы подошли на расстояние брошенной стрелы, они тотчас же по своему обычаю начали часто стрелять из лука. Многие римляне были ранены. Одни, защищаясь, оставались в строю, другие выходили из боя. Ангилас же и Филоматий и около 200 человек из их отрядов, хотя Мартин приказал всему войску оставаться на своем месте и сражаться с укрытий, открыли ближайšie к ним ворота и бросились на неприятеля. Феодор же, начальник отряда цаннов, вначале сдерживал своих и запретил вылазку, обвиняя их в безрассудстве. Когда же те не послушали

приказания, он сам присоединился к большинству, хотя и неохотно. Он пошел с ними на неприятелей, чтобы не показаться трусливым, по этой одной причине отказываясь от благоразумия. Предприятие это ему отнюдь не нравилось, но он хотел быть его участником, чем бы оно ни кончилось. И действительно, все они там едва не погибли, если бы их не спасла случайность, ниспосланная богом. Ибо дилимниты, которые стояли на том месте, выстроенные в боевой строй, пренебрегая малочисленностью нападавших, в молчании ожидали их и не двигались с места.

Когда же те подошли поближе, они незаметно выдвинули вперед фланги и замкнули их в плотный круг. Римляне же, охваченные со всех сторон, думали уже не о причинении врагу какого-нибудь вреда, но считали славнейшим и неслыханным деянием, если им удастся каким-либо образом ускользнуть. Итак, сомкнувши ряды и выставив вперед колья, они ринулись на неприятеля, отрезавшего им путь к городу. Когда те увидели, что они несутся с огромным натиском и как бы отчаиваются в спасении, тотчас нарушили свой строй и расступились, не выдержав натиска людей, борющихся с верной смертью и на всё дерзающих. Благодаря этому отходу вырвавшиеся путем бегства римляне с радостью оказались внутри стен и тотчас заперли ворота. Они прошли через такую опасность, не отличившись ничем другим, кроме своего бегства и спасения.

23. Носильщики же персов давно уже работали над засыпкой рва, засыпали его весь, и то, что повсеместно было разбросано и разрыто, теперь было сложено и сглажено, так что местность стала доступной для войска, идущего на штурм стен, и тараны и другие приспособления для штурма города без труда можно было пододвинуть к стенам. Они затратили, однако, больше времени на это, чем полагалось такому множеству работников. Ибо, когда камни были во множестве свалены в землю, этого нехватало для заполнения рвов. Деревья можно было добыть только издалека, из срубленного леса, и подвезти только с большим трудом. Римляне уже раньше сожгли все постройки в прилегающей к городу местности, кроме того все гостиницы и вообще все жилища вблизи города, с тем, конечно, намерением, чтобы враги не нашли там удобного и пригодного для их нужд материала и не могли легко соорудить осадные орудия. Больше в этот день не произошло ничего, достойного упоминания. Когда наступила ночь, Нахогаран возвратился в лагерь. На следующий день Мартин пожелал укрепить дух своих и этим нанести удар врагам. Он собрал все римское войско, как бы желая посоветоваться о настоящем положении дел. Как им заранее было подготовлено, на средину вышел никому не известный человек, покрытый пылью, как будто прошедший длинный путь. Он сказал, что недавно прибыл из Византии и принес письмо от императора. Получив его с большой радостью и распечатав, Мартин прочел его не про себя тайно, не пробежал одними глазами и не скрыл его содержание, но прочитал громким голосом, чтобы все слышали. В письме, вероятно, содержалось нечто и другое: „Мы посылаем тебе также другое войско, не меньшее того, которое ты имеешь, а посему, если враги и превосходят вас количеством, то во всяком случае не настолько, насколько вы превосходите их храбростью, что уравнивает вашу меньшую численность и количественную несоразмерность. Но, чтобы они даже этому не радовались, прими и это войско, посылаемое не ради необходимости, а ради славы и показа. Итак, будьте бодры, сражайтесь храбро, зная, что мы сделаем все, что необходимо“. Его немедленно спросили, где войско. Он ответил, что оно отстоит не дальше четырех персидских парасангов,

что он оставил его около реки Неогна, где оно имело стоянку. На это Мартин, притворно выражая на лице негодование, сказал: „Пусть идут назад, пусть как можно скорее возвращаются домой. Ибо я никогда не позволю им присоединиться к нам. В самом деле недостойно, чтобы эти [войска] пришли без необходимости и, не испытав опасности, приобрели одинаковую славу; чтобы исход войны приписан был им и, что несправедливее всего, они получили бы одинаковые награды с нами в то время, когда эти мужи уже давно являются нашими боевыми товарищами, в течение долгого времени переносили с нами огромные труды, часто сражались против неприятеля и уже довели дело до такого состояния, что недалек разгром врага и венец достижения полной победы. Впрочем пусть они остаются там, пока не будут готовы к уходу. А нам достаточно этих для лучшего завершения войны“. Сказав это, он сейчас же, повернувшись к войску, спросил: „А разве вы не думаете так же, боевые товарищи?“. Они же радостным криком подтвердили решение полководца, как самое правильное, а сами оказались гораздо больше уверенными в себе, как будто они и в самом деле не нуждались ни в какой помощи. В особенности же побуждала их к соревнованию и желанию сражаться надежда на добычу. Они надеялись в ближайшее время все разграбить, как будто бы враги были уже уничтожены. Забота у них была только о том, как разделить между собою добычу.

24. Произошло однако и нечто большее, чем то, на что рассчитывал Мартин. Проникнув в массы и широко распространившись, дошли до самих персов слухи, что другое римское войско дошло до реки Неогна и скоро соединится с этим. Всех охватила тревога и страх, что им, ослабленным столькими трудами, предстоит сражаться против свежеего войска, с нетронутыми силами. Нахогаран же без промедления послал отряд персидских войск средней величины по тому пути, по которому, он думал, пройдут те, о которых был обманут молвой. Придя туда, они должны были проявить великую бдительность и тщательность в бесполезном деле. Заняв наиболее выгодные места и устроив засады, они ожидали тех, которые вовсе не должны были притти [ожидали] чтобы напасть на них, идущих беззаботно и беспорядочно, что было весьма естественно для собирающихся притти неожиданно, и таким образом задержать скорость их продвижения до тех пор, пока не будет взят штурмом [город]. Таким образом, понапрасну трудился не малый отряд персов, оторванный от остального войска. Нахогаран же выступил немедленно, очевидно желая предупредить подход тех, которые никак не могли притти. С большой высокомерностью он набросился на римлян, открыто хвастаясь и сверх того клянясь, что он в тот же день сожжет весь город со всеми людьми. Вероятно вследствие своей гордости этот безумец забыл, что исход сражения — дело всегда неверное и сомнительное, подверженное многим случайностям и колебаниям в ту и другую сторону, в особенности же зависящее от божественного верховного определения; так как даже важные дела не остаются всегда в одном и том же положении, но бесчисленные народы, многочисленные города и вся жизнь изменяются внезапно, приводятся в замешательство, и все надежды во всех делах постоянно колеблются и изменяются. Он же дошел до такой гордыни, что даже рабам и прислуге, которые, рассеявшись в лесу, рубили деревья, или для заготовки дров, или для осадных орудий, предписал, как только они увидят высоко поднимающийся дым, то знали бы, что это огонь охватил римскую деревянную ограду, и, бросив свою работу, бежали бы к нему и

бросали огонь, чтобы легче все сжечь. Так хвастаясь, подступает он к стенам города. Юстина же, сына Германа, который подумал, что Нахогаран тогда нападет на город, осенила некая мысль, как я думаю, внушенная божеством, итти как можно скорее к святейшему храму, который у христиан в большой чести и который находится недалеко от города, и молиться о божественной помощи. Итак, отобрав из войска своих и Мартина самых храбрых и воинственных солдат и взяв 5 тысяч всадников, причем все были вооружены наилучшим образом, как идущие на бой, он выступил с ними, со знаменами и прочими военными украшениями. Случайно вышло, что ни персы не заметили их ухода, ни они движения [персов] к городу. Последние, двигаясь другим путем, сомкнутыми рядами начали штурм стен. Они завязали перестрелку гораздо сильнее [чем накануне], надеясь таким образом больше устрашить римлян и как можно скорее овладеть городом.

25. Стрелы летели до того густо, одни за другими, что своим множеством закрыли все небо, как будто бы были связаны между собою, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильнейшем ветре. Другие тащили осадные орудия и метали огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепаками, рубили стену топорами. Так как она была деревянная, то ее можно было легко разрушить. Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено. Но и римляне, стоя на башнях и брустверах, сражались с ожесточением и воодушевлением, как бы желая самым делом показать, что нет никакой нужды им в помощи новых войск. На деле ясно обнаружилось, насколько полезна и действительна была хитрость Мартина. Ибо все действовали неумоимо, ничего не упуская из того, что было необходимо для отражения врага. Ибо и множество копий и дротиков, бросаемых с высоты, поражало врагов, так как они попадали в не прикрытую никакими укреплениями массу, которая не могла передвинуться в другом направлении. Камни [подвозимые] повозками, бросали в черепахи, разрушая их до основания. Кроме того, и меньшие камни, метаемые пращами, пробивали шлемы и щиты мидян и не позволяли приближаться к стенам, поражая здесь еще сильнее. Из тех же, которые как я сказал, были расставлены в высоких лодках, одни стрелами, бросаемыми с высоты, поражали многих, другие искусно пользовались военными орудиями. Губительные дротики, бросаемые с большой силой, неслись очень далеко, так что даже далеко отстоящих варваров внезапно пронзали вместе с их лошадьми и повергали на землю. Поднялся величайший крик, и трубы с каждой стороны издавали воинственные звуки. Персы гремели тимпанами и издавали громкие вопли для возбуждения страха. Ржание лошадей, стук щитов, разрывы кольчуг вызывали смешанный, но сильный грохот. Между тем Юстин, возвращаясь из храма, разведав по беспорядочным крикам и шуму, что происходит, тотчас повернул конницу и построил в боевой порядок, приказал поднять знамена и всем взяться за дело, уяснив себе, что не без воздействия божества они вышли из города, чтобы внезапным нападением навести на врага панику и заставить прекратить осаду. Тотчас же продвинувшись немного вперед, они увидели персов, штурмующих стены, и тотчас же в тесном строю, издав громкий крик, напали на ту часть врагов, которая в боевом строю была расположена около моря. Отсюда они длинными копьями, сариссами, некоторые же, действуя мечами, сокрушали все, что им попадалось по пути. Произведя сильнейший натиск на тесные ряды

врагов, ударяя их щитами, они прорвали их густой и тесно сжатый строй.

26. Персы же, думая, что это то самое войско, которое, как они слышали, приближалось, уже пришло скрытно, незамеченное теми, которые были посланы против них, отделенные от остальной армии [персов], были исполнены смятения и страха и приведены в беспорядочное состояние. Они начали медленно пятиться и отступать. Когда это увидели издали дилимниты [они сражались под средней частью стены], то оставили там немногих, а прочие направились к той части войска, которая находилась в особом затруднении. Ангила же и Феодор, римские полководцы, о которых я упоминал раньше, заметив малочисленность оставшихся, тотчас же с достаточно сильным отрядом произвели из города вылазку и некоторых из них убили. Остальные обратились в бегство, причем римляне преследовали их безостановочно. Тогда дилимниты, шедшие на помощь тесным персам, тотчас повернули обратно, чтобы идти навстречу римлянам. Считая лучшим и более разумным как можно скорее оказать помощь своим товарищам, они неслись в чрезмерном усердии и неумеренной скачке, так что более уподоблялись постыдно бегущим, чем нападающим. Скакали они, чтобы помочь своим, но распространяли вокруг себя больше смятения, чем боевого духа. Персидские же отряды, стоявшие ближе всего к ним в боевом строю, увидев, что дилимниты несутся такой беспорядочной толпой, считая, что это не что иное, как бегство, и решив, что они никак не навлекли бы на себя этот позор, если бы не подвергались какой-то чрезвычайной и неустранимой опасности, и сами рассыпались, обратившись в постыдное бегство. Таким образом, уже замышляемое и подготовляемое бегство сделалось явным. Дилимниты, то же думая о персах, последовали за ними и бежали, — одновременно обманщики и обманутые. Когда это происходило, множество римлян, выйдя из укрепления, сделали бегство персов еще более стремительным, преследуя их и уничтожая отстающих. Обрушиваясь с разных сторон на тех, кто еще сопротивлялся и сохранял строй, они ожесточенно сражались. В то время как левое крыло варваров уже явственно слабело и распадалось, стоявшие на другом крыле продолжали сражаться с величайшей храбростью. Слоны, поставленные перед укреплениями, нападая на римлян, тотчас же приводили в смятение даже их сомкнутый строй, если где-нибудь он им противостоял. Кроме того, восседающие на них стрелки наносили большой урон нападающим римлянам и стреляли в них без промаха. Точно так же и разъезжающие [повсюду] отряды всадников удачно нападали и приводили в беспорядок пехотинцев и тяжело вооруженных. И уже с этой стороны римляне отступали, собираясь бежать.

27. В это время один из оруженосцев Мартина по имени Огнарис, находясь в крайне стесненном положении, так что ему не представлялось никакой возможности бежать, и уже отчаяваясь в своем спасении и как бы испытывая жребий судьбы, с большой силой поразил копьем в бровь набросившегося на него самого свирепого из слонов, причем острие копья проникло так глубоко, что конец его повис вниз. Страдая от полученной раны и, сверх того, напуганный болтающимся у глаза дротиком, тот тотчас попятился назад, начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поразил многих персов и подбрасывал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный рев. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец, привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым приближался, приводил в бешенство. С поднятой гривой они противились

[всадникам]. А тех, кого хватал зубами, раздирали и разрывали. Все наполнилось воплями и смятением. Лошади, испуганные бешенством зверя, совершенно не слушались поводов, но, становясь на дыбы, сбрасывали седоков, скача в бешенстве, носились между рядами и, тяжело дыша, выпускали пар ноздрями. Люди отступали, натыкались друг на друга, внезапно толкали друг друга. Каждый старался опередить своего соседа. Многие были убиты своими, натыкаясь на мечи своих друзей и товарищей. Когда суматоха и смятение усилились, ранее вышедшие из стен римляне, и те, кто еще оставался внутри, сплотившись в единый боевой порядок, бросились на приведенных в замешательство врагов, прикрыв передний край боевого строя щитами. Те, уже истомленные, не могли выдержать этого натиска и обратились в быстрое, беспорядочное бегство, разрозненные, распыленные, кто куда мог, не оказывая сопротивления преследователям. Сам Нахогаран, изумленный неожиданным исходом дела, быстро убежал назад, грозя всем бичом и приказывая бежать как можно скорее, что они и сами делали. Так его кичливость обратилась в свою противоположность. Римляне же только тогда прекратили преследование и избивание варваров, когда Мартин отозвал их трубою, считая сделанное достаточным, и не смягчил их души, объятые гневом. Таким образом, персы, оставшиеся в живых, с трудом ускользнули в лагерь, потеряв в этом бою не меньше 10 тысяч воинов.

28. Возвратившись после преследования, римляне сожгли черепахи и прочие военные орудия персов, оставленные около стен. Когда были зажжены большие костры, злосчастные прислуга и носильщики, посланные для рубки леса, увидев издали поднимающийся высоко и расстилающийся в воздухе дым, тотчас устремились к городу, думая, что горят стены, как это кичливо раньше обещал Нахогаран. Итак, они устремились усиленным бегом, боясь, как говорят, чтобы не опоздать к празднику, и чтобы всё не было обращено до их прихода в пепел и золу. Они состязались друг с другом в скорости, не зная что тот, кто придет первым, первым и умрет. Ибо все они, поочередно захваченные римлянами, были перебиты, как будто бы для этого и появились. И так погибло немногим менее 2 тысяч. Виновником гибели стольких рабов, совершенно неопытных в военном деле, которые никогда не вступали в строй, был Нахогаран, давший необдуманные приказания. Так заносчивость губит не только своих носителей, но и тех, кто их обслуживает и им подчиняется. После этого дела римляне, естественно, были исполнены лучшими надеждами на то, что в будущем они легко окажутся победителями, если варвары попробуют возобновить сражение. С большими почестями они похоронили своих, сколько их погибло в сражении [а их было не меньше двухсот], восхваляя их мужество и то, что они, как мужи, доказали свою храбрость. Трупы же врагов ограбили и захватили большое количество оружия и других вещей. Некоторые из убитых носили не только щиты, панцири, луки и колчаны, но и золотые цепи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться виднейшие и знатнейшие мидяне, этим отличаясь от толпы. Нахогаран же, хотя уже недоставало предметов необходимости и угрожала зима, повидимому, желал продолжать военные действия и готовиться к этому, но его желание и намерение не осуществилось на деле. Выслав на следующий день отряд дилимнитов на расстояние стади и приказав им стоять против римлян в боевом строю, тем самым демонстрируя предстоящую битву, он сам незаметно с остальными войсками двинулся по направлению к Кутаисию и Мухиризису. Когда он уже прошел большую часть пути, тогда и дилимниты, свернув боевой строй, весьма легко отступили, как

всегда это удается легко вооруженным, сильным и быстрым на ходу. При соединении и другой отряд персидского войска, который раньше вследствие хитрости Мартина был послан к реке Неогну, как об этом выше рассказано мною. Ибо как только они узнали, что персы побеждены и римляне овладели всей страной, тотчас скрытыми путями, удаленными от торных дорог, достигли Мухиризиса, являясь участниками не сражений, но позора, более постыдного, чем бегство. Итак, когда все войско соединилось, оставив там большую часть конницы и назначив Нафриза, знаменитейшего мужа среди персов, их начальником, он сам с немногими возвратился в Иверию, чтобы там перезимовать.

Книга IV

1. Когда Римляне одержали победу в войне, и наступила как бы передышка несчастий и одновременно смолк гром оружия, тогда было начато судебное дело относительно преступления, совершенного раньше по отношению к Губазу. Итак Афанасий величественно восседал на высоком седалище, одетый в хламиду, которую носят только самые выдающиеся из начальников. Присутствовали люди, опытнейшие в скорописи и в умении быстро и ловко расшифровывать написанное, другие служащие, держащие себя сурово и торжественно, опытнейшие в судебных делах, звонкоголосые глашатаи и ликторы. Все они были выделены константинопольским правительством.

Те, которым это было поручено, выносили на середину железные оковы, ошейники, кандалы, петли и другие орудия пытки. И мне кажется, император Юстиниан не безосновательно, не безрассудно, но весьма разумно приказал организовать судебное дело с этим церемониалом и торжественностью, чтобы не только присутствующие там варвары удивлялись римским учреждениям, когда они им будут представлены с торжественным церемониалом, и больше привыкали к их управлению, но если даже Губаз, убитый за попытку отпадения к мидянам, окажется в этом изобличенным, то, чтобы колхи больше не скорбели о его убийстве и не возмущались этим, как страшным бедствием. Если же убийцы будут изобличены во лжи и в совершении постыдного преступления и будут осуждены общественным судом, то варварам приговор покажется более суровым, и наказание окажется удвоенным, когда преступники будут проведены через войсковой строй в предшествии глашатая, карательного меча, когда виновным будет отрублена голова в лицезрении всех. Ибо он знал, что если он по обычаю варваров путем тайной казни прикажет устранить Рустика и Иоанна, то колхи будут считать, что недостаточно суровые наказания назначены за подобные преступления. Когда же судебное дело ведется перед трибуналом, и дело решается с участием двух сторон, и судебные служащие проходят взад и вперед, а виновные каждый по очереди в порядке встают и отвечают согласно приказанию, когда зрителям будет показана вся торжественность суда и красноречие, поражающее слух, при выполнении всего этого само возмездие будет представлено варваром более суровым и даже, может быть, превышающим меру совершенного преступления. Процедура суда поражает даже самих римских граждан и лишает их душевного равновесия, хотя они часто с этим сталкиваются, тем большее воздействие будет на варваров, к этому не приученных. По этой, я думаю, причине римский, лучше сказать аттический трибунал, был учрежден на Кавказе.

2. Тогда Рустик и Иоанн, выведенные из тюрьмы, были поставлены с левой стороны, как обвиняемые. На противоположной стороне

появились в качестве обвинителей мудрейшие из колхов, уже давно изучившие греческий язык. Они попросили прежде всего огласить во всеуслышание инструкции по этому вопросу императора, которые Иоанн раньше привез военачальникам. Когда это требование было удовлетворено судьей, их громким голосом прочитал один из тех, которые к этому были предназначены. Они заключали в себе следующее: „Мне кажется невероятным и абсурдным сообщаемое вами, а именно, что Губаз порешил, покинув отеческие нравы, и тех, которые во всем с них придерживаются одинаковых верований, оставить римлян, старых своих руководителей, и перейти на сторону людей столь враждебных, чуждых и отличных от нашей веры, и сверх того не вызванный на это никакой с нашей стороны обидой. Впрочем, так как мы знаем, что все человеческое непрочное и обманчиво, и нередко можно наблюдать круговорот разнообразных и изменчивых случайностей, мы считаем, что не должен быть вполне лишен доверия и ваш вестник. Нельзя не попытаться предупредить то, что он или только замышляет, или уже окончательно решил. Поэтому мы оставляем за собой особо внимательное и тщательное изучение этого дела, которое еще неясно. Конечно, тягостно ни на кого твердо не полагаться, относиться с подозрением и страхом даже к близким к нам. Тем не менее (во всем мы последовательно придерживаемся этого принципа) мы следуем природе и не доверяем никому. Но чтобы с одной стороны не принимать поспешно какого-либо жестокого и бесчеловечного решения по отношению к Губазу, а с другой стороны, чтобы не показаться слабым и непредусмотрительным, боящимся действия, чтобы избежать риска с той и другой стороны, решено нами нечто среднее, как более соответствующее умеренности, а именно доставить этого человека сюда. Итак пришлите его, как можно скорее или добровольно, или принудительно. Если же он, узнав ваше желание, будет сопротивляться и откажется ехать, когда вы будете пытаться захватить его и отправить (так как и это вам позволительно делать) или даже поднимет на вас руки, тогда только мы будем убеждены на деле, что он задумал отпадение, и в дальнейшем будем считать его в числе величайших врагов, так что если даже кто его убьет, осмелившегося на это, то мы будем считать это только достойным воздаянием за преступление. Тогда исполнителя не постигнет никакое наказание. Он не будет наказан, как человекоубийца, но должен быть восхваляем, как тираноубийца“. Так были установлены точные инструкции императорских писем.

3. Тотчас же колхи, выделенные для обвинения, как только судья им предложил изложить сущность своего обвинения, если они этого желают, горячо приступили к обвинению и сказали следующее: „Само совершенное преступление, о судья, даже если бы мы молчали, ясно требует, чтобы виновники были подвергнуты суровейшим наказаниям. Впрочем, если вашими законами так установлено, что даже об очевиднейших и величайших преступлениях решение не выносится, пока факты не будут доказаны речами, то и мы теперь кратко изложим сущность (обвинения). Так нами будет выполнено предписание закона, даже если наша речь будет проста и бесхитростна, и совершенно не будет соответствовать величине содеянных преступлений. Ибо какое оправдание может быть тем, кто бесчеловечно убил такого мужа, вашего друга, вашего слугу, товарища в войне и мире, связанного с вами единством религии, всегда отстаивающего ваши интересы, тем, кто возбудил против вас такое озлобление (в народе), заслужив тем признательность ваших врагов. Ибо умерщвлен ими царь, притом царь народа не безызвестного, ревностный поборник добродетели, отстаивавший интересы римлян гораздо

больше, чем убийцы. В самом деле повергнуты и расстроены дела колхов, а лучше сказать дела всего государства, поскольку мы составляем часть и не малую (римских) подданных, нарушен и ваш целостный неповрежденный порядок, а ваша мощь сильно поколеблена, так как государство здоровое и крепкое не во всех своих частях, но потрясенное хотя бы в малой своей части, уже не может стоять крепко. Напротив присваивает себе ложное наименование то, что лишено целостности и совершенства. Итак, они являются виновниками всего этого. Но, говорят, вы не должны рассматривать самый факт, хотя и жестокий, а обращать внимание только на то, с какой целью и с каким намерением он совершен, больше представлять себе в уме разными темными якобы правдоподобными аргументами воображаемое благодеяние, какое от него якобы получено, чем верить тому вреду, который на самом деле он причинил. Рассеивая постоянно в толпе эти басни и ложь до начала суда, виновные полагали, что обманут души многих. Но если это они представят на самом суде, пусть знают, судья, что не свойственно римлянам позволять себя дурачить безнаказанно, оставив без внимания явное, столь очевидное злодеяние, ради сомнительных отговорок, которые они тщетно выдумывают. Нельзя переносить тех, кто, убив такого мужа, этим бесстыдно хвастаются, бесстыдно лгут, будто это убийство принесло пользу государству. Каким образом могут сосуществовать столь кричащие противоположности, или каким образом, называя это деяние бесчеловечным, мы одновременно будем восхвалять намерения совершивших его. Всегда несоединимы и весьма далеко отстоят друг от друга и никогда не могут быть соединены подлость и польза, жестокость и правосудие.

4. Но если даже взять только одни их побуждения, то и ими также изобличаются эти злобные и негоднейшие люди. Те, кто питает замыслы, благоприятные персам, как эти кровожадные, не могут даже называться римлянами. Нельзя иметь никакого дружественного общения с ними, как соотечественниками. Они скорее должны рассматриваться, как враги, как будто бы уже теперь отделенные от вас общим законом, хотя еще вами не написанным. Противники и враги должны узнаваться по своим делам, а не по месту пребывания. Осуществляющий с величайшим рвением угодное врагам, по заслугам должен рассматриваться, как враг, хотя бы он присутствовал здесь, вместе воевал, хотя бы он был ближайшим родственником. Но говорят, они убили не друга, не царя, но скорее врага, тирана и сторонника персов. Они дошли до такого бесстыдства и низости, что мертвого обвиняют в склонности к мидянам. Несчастный даже мертвый не свободен от клеветы, но теперь обвиняется в измене, так что ему и победа нисколько не помогла. Какой закон у вас или у варваров одобрит обвинение после приведения приговора в исполнение? Сделавшись всем вместе — и судьями, и врагами, и обвинителями, — они вынесли приговор без объяснения причин, приговор, какой можно было вынести только тому, кто действительно обвинен в тирании.

Им нужно было прежде, чем умерщвлять его, если только они верили своим обвинениям, открыто возбудить против него судебное дело, вызвать на расследование виднейших граждан, а не клеветать, как теперь, на обвиненного без суда. А если это всем позволено, то почему бы и нам не уничтожить этих людоедов нашими руками? А если нас, возможно, вызвали бы в суд, то мы выступали бы противниками уже мертвых и упрекали бы их в том, что ими было содеяно раньше. Мы попытались бы доказать, что мы справедливо одно преступление возместим другим. Ибо мы гораздо более оскорбленные очевидными преступлениями, совершенными ранее, могли бы легко отмстить за себя, и наше

отмщение было бы правильным. Но если вам надлежит жить сообразно отечественным законам, то ни нам, ни другим не подобает совершать подобного. В самом деле, если одним будет позволено убивать своих частных врагов как только им это заблагорассудится, и если эти случаи будут учащаться, и это своеволие возрастет до бесконечности, то каким образом у всех сохранится возможность оставаться безопасными и целыми, служить свободно и без страха? Ибо, если все будут безнаказанно убивать друг друга, если осмелятся безнаказанно наносить друг другу обиды, и вы не можете покарать их за это, то разве не погибнет нелепо весь народ, а возможность расследования будет пресекать наглость предпочитающих самостоятельное мщение.

5. Но, скажут, какое зло в том, если благодаря убийству одного человека и притом изменника, союзники научатся вести себя осмотрительнее. Конечно, если множество предателей будет истреблено, даже если исполнителям от этого не будет никакой иной пользы, то самый факт кары подобных преступников сам по себе достаточно полезен. Но если предательство это совершенно не доказано, и в то же время человек так высоко поставленный сразу умерщвляется и подвергается каре, как будто бы уже изобличенный, то каким образом это сделает для вас союзников более сговорчивыми? Разве не расторгнут они скорее договора и соглашения, если сочтут вас участниками такого преступления? Они могут считать, что, если вы даже по отношению к людям близким и теснейшим образом с вами связанным до того бесчеловечны и низки, то никоим образом не можете быть постоянны и верны по отношению к чужеземным и иностранцам, с которыми вы считаетесь только до тех пор, пока этого требует необходимость. Но само собою разумеется, вы не являетесь участниками этого безбожного замысла, и этот тяжкий, требующий очистительной жертвы грех, в котором всецело они виноваты, не затрагивает ни римского народа, ни укоренившегося у союзников убеждения, что вы всегда верны, постоянны и управляетесь справедливейшими законами. Для большего убеждения нас в этом и учрежден этот ваш трибунал для общей славы народа, дабы все понимали, что совершенно без вашего ведома колхам причинена такая жестокая несправедливость и насилие. Теперь, быть может, взгляды многих разделяются, и мнения колеблются. Когда же по твоему решению, судья, эти преступники будут скоро казнены, будет более ясно, чем теперь, что вы не привыкли предавать ваших друзей, но являетесь мстителями за сделанные преступления. Хотя на словах они, повидимому, защищают себя, на деле они вынуждены себя обвинять, изобличать и признавать подлость совершенного ими преступления. Ведь императорские письма подписывают военачальникам выслать Губаза в Византию, принудить его, если он не послушается и будет противиться необходимости, но отнюдь не умерщвлять пока он не начнет действовать враждебно, открыто отпав (от империи). Они же не будучи военачальниками и не получив ни от кого позволения делать все, что им заблагорассудится, внезапно умертвили несчастного, даже не предложив ему отправиться в Византию, не сделав ни малейшего усилия принудить его, если бы он сопротивлялся, не предъявив в качестве доказательства правительственного предписания, если бы он каким-либо образом обнаружил неповиновение. Они хвастаются и кичатся, что выполнили поручение императора; в действительности же они изобличаются в полном пренебрежении к его воле, так как не устрашились возвести на Губаза ложное обвинение и собственным произволом вынести по отношению к нему приговор, противоположный тем, вполне разумным предписаниям, которые

в действительности были даны (императором), и, что беззаконнее всего, даже не показали императорских писем, сделав вид, что они совершают свое деяние на основании этих писем.

6. Поэтому мы не думаем, что какая-либо казнь и мучение могли превзойти их злодеяние. Должна быть избегаема и запрещается законами всякая несправедливость по отношению к кому бы то ни было, а в особенности когда дело идет о том, с кем обошлись так возмутительно, кто был столь дружелюбен и благожелателен нам, кто часто подвергался опасностям ради своих союзников. Кто променял персидские богатства и все блага за одну дружбу к вам? Кто отверг дружбу Хозроя, у которого легко было ему получить большое богатство, кто предпочел у вас довольствоваться меньшим? Когда ваша страна в течение очень долгого времени была теснима мидянами, когда ваши войска еще медлили приходом, кто быстро менял свое местопребывание, скрываясь на высочайших вершинах Кавказа и таким образом предпочитал лучше вести жизнь, походящую на звериную, чем использовать щедрость врагов, вернуться домой и жить изнеженно и с полными удобствами? Кто же это? Тот, кто не боялся никаких трудностей и тягостей, если дело касалось важных интересов, — Губаз. О законы, о справедливость! И о нем, Губазе, говорят, что он замыслил отпадение к мидянам, что он тиран и предатель римлян. Умерщвлен Рустиком и Иоанном, отвратительными и гнусными людьми человек, бывший царем, который даже если бы он действительно был виновен в этом преступлении, все же не мог быть покаран немедленно этими людьми, но должен был отчитаться в своих действиях и получить своевременно заслуженное наказание от общего величайшего и правосуднейшего государя Римлян и Колхов. Но у них не было никакой уважительной причины для совершения этого преступления. Только безумная ненависть, вытекавшая из зависти, довела их до этого преступления, не оставив никакого времени для правильного обсуждения, обдуманного размышления и осознания должного. Поэтому, отбросив все преграды, дав полную свободу раздутую высокомерию своей души и пылающей ненависти они и осуществили то, что замыслили и обдумали в своей душе гораздо раньше, используя эти письма, как предлог, даже не обратив внимания и не помывшись об особенностях настоящего положения. Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами. И действительно, поскольку от них зависело, они стремились к тому, чтобы мы отдались нашим врагам и устраивали козни против старых друзей. Страна наша стала бы персидской, отечественные учреждения были бы совершенно уничтожены; все пришло бы в хаотическое состояние — какие безумные замыслы для поднятия восстания и внутреннего смутнения в нашей стране. Когда дело обстоит таким образом и наши дела так потрясены, то, если можно придумать достойное наказание преступникам, оно должно быть придумано. И если мы всегда верны по отношению к римлянам, то несправедливо, судья, чтобы преступники злоупотребляли нашей кротостью и претерпели меньше, чем требует величина их преступления“.

7. Когда они так обвиняли, собравшиеся там толпы колхов не могли хорошо расслышать отдельные слова или уяснить значение отдельных аргументов. Но, зная о чем шла речь, они помогали обвинителям выражением своего им сочувствия, такими же жестами и мимикой. Находясь

в сильном душевном волнении, они отображали на своих лицах то надежду, то отчаяние. И затем, когда обвинители кончили речь, а судья немного замедлил и устроил совещание, они были этим огорчены и молча возмущались, что преступников не подвергают казни немедленно. Когда же судья объявил, что и обвиняемые могут сказать в свою защиту все, что желают, тогда они начали открыто протестовать и шуметь, причем уже явственно слышались отдельные негодующие выкрики. Но обвинители, знаками призвав к молчанию толпу, предупредили нарастание беспорядка. Когда водворилось молчание, Рустик, выйдя на середину с братом своим Иоанном, сказал следующее: „Судьба быстро изменила и повернула в обратную сторону наши желания. Когда нам полагаются величайшие награды, мы пытаемся избежать смертного приговора. Но тем не менее этот суд представляется нам весьма желательным и исполненным величайшей славы. Пусть станет всем ясным, что нам одним принадлежит заслуга умерщвления предателя и тирана и сохранение интересов императора, так что, если нас постигнет смерть, мы охотно воспримем как желательное и добровольное то, что вынужденно и горько. Мы умрем, сохраняя прекрасное для ободрения и успокоения души напутствие на дорогу — наше собственное сознание, что оставляем Римлян, сохраняющих власть в Колхиде, сознание, что она не отнята у них. Если бы этот трибунал был персидским, и нам пришлось бы выступать пред их судом, то, конечно, нам было бы необходимо отрицать то, что было сделано, следовало бы бояться расследования, мы всячески бы стремились всеми способами отрицать (наше участие) перед судьями, настроенными по отношению к нам самым враждебным образом, раздраженным этим событием, так как благодаря ему они лишились своей надежды.“

Когда же судья — римлянин, зачем нам отрицать факты или зачем оправдываться перед вами в том, что мы убили тирана и этим оказали вам большие услуги.

Не должно приписывать почетный титул царя тому, кто его совершенно не заслужил и сам доказал это, хотя об этом и кричат обвинители и говорят о жестокости совершенного нами злодеяния. Ибо подобает давать это наименование не носителю внешних украшений — фибул и хламид, но тому, кто почитает правосудие, умеет сдерживать свои страсти, а свои помыслы направляет только к возвышенному. Если бы мы убили такого мужа, мы поступили бы противозаконно, обвинение было бы справедливым, и Колхи нас справедливо называли бы насильниками, гордецами, разбойниками.

Но так как его нравы были весьма далеки от этих добродетелей, и он не замыслил ничего разумного, но думал только о том, как бы тайно навести на нас Персов, и им продать нашу власть, то разве не было наилучшим исходом предотвратить этим славнейшим деянием самую возможность угрожающей напасти. Тот, кто предусматривает опасность, угрожающую от чьих-либо козней, если только может, должен немедленно предотвратить эти козни и угрожающий кризис любыми способами; вместо того, чтобы медлить, приспособляться к обстоятельствам, должен нанести удар огромной силы, а не удовлетворяться возможностью предотвращать козни другими кознями. Ибо, когда замыслы уже приведены в действие, тогда не остается никакого средства предотвращения, тогда все сразу пойдет к худшему, когда с уничтожением общественного спасения пропадает даже надежда на него. Поэтому благоразумным нужно действовать быстро и предупреждать, чтобы не случилось чего-либо непоправимого.

8. Хотя обвинители и усердствуют, называя это преступлением, заслуживающим очистительной жертвы, разбоем и другими того же рода трагическими наименованиями, чтобы представить событие в самом отвратительном виде, и всеми силами стараюсь представить только голый факт, но твое дело, судья, внимательно рассмотреть также все то, что ему предшествовало, что нас побудило к этому делу, и из полной обоснованности наших мотивов убедиться в нашей преданности. Ведь мы видим повсеместно по городам, как бродяг, воров и других подобных преступников карают отсечением головы, отсечением ног, и мы не осуждаем такую казнь, которую видим своими глазами, какой бы она ни представлялась нам жестокой и бесчеловечной, и не осуждаем за это должностных лиц, выносящих приговоры, не называем их проклятыми, безумными, преступными. Но рассматривая проделанное (преступниками) и учитывая то, что они получают возмездие за свои преступления, мы радуемся жестокости (наказаний). Не напрасно изобретена казнь, так как преступники отнюдь не исчезают. Умерщвлен нами Губаз. Правильно определяя понятие врага, обвинители согласны, что оно относится не только к чужестранцу, но даже и к соотечественнику, который стремится служить врагам. И мы такое определение считаем наилучшим и вернейшим, так как оно свойственно природе самого дела. Так как каждая из сторон согласна с этим, то позволю нам доказать, что Губаз был враг, пользуясь этим самым определением. Если это будет доказано, то станет очевидным, что он и убит по справедливости. Всегда и всякий варварский народ хотя и подвластен римлянам, но умом всегда отстоит от них весьма далеко, с трудом переносит бремя законов и установленный порядок и обычно стремится к переменам и смутам. И жить безмятежно под властью других он никак не допускает, даже не думая о том, пострадал ли он от какой-либо несправедливости. Так как им невозможно примириться с этим, народы сходных с ними порядков и близко к ним расположенные стремятся присоединить их к себе. Хотя Губаз был подвержен всем этим порокам, как варвар, и страдал свойственным этому народу вероломством, но он сверх того проникся такою ненавистью к нам, что даже не считал нужным ее скрывать. Наоборот, он выявил и проявил враждебность открыто на деле, ту ненависть, которую носил скрытно уже давно в своей душе.

Когда мы напряженно работали и подвергались всем опасностям, чтобы разрушить планы врагов, он считал, что нужно оставаться дома со своими соотечественниками и не принимать никакого участия в военных трудах.

Но он тщательно наблюдал, куда клонится ход боевых состязаний. Если римлянами совершалось какое-либо славное дело и доставляло соответствующую истинную славу победы, он, выявляя свой враждебный завистливый нрав, пытался сейчас же осмеивать совершенное, развенчать величие совершенного деяния, называя его потешным концом смешного предприятия, а если оно и удалось, приписывал его не храбрости, а изменчивости судьбы. А когда мы случайно терпели неудачу (ибо как может случиться, чтобы человеческие дела всегда оставались в одном положении, а не превращались в противоположность), тогда он, как некий добровольный судья событий, тотчас же освобождал судьбу от всякой вины, как будто бы исход событий от нее не зависел. Для него тогда оставалось твердо установленным, что нет никакой другой причины нашей неудачи, кроме дряблости нашего духа, бессилия рук и безрассудства планов. Изменчивость, непостоянство и капризы судьбы и все, чем оскорблял нас, он никогда не относил за счет врагов, как будто в этом отношении они превосходили нас.

9. И об этом он кричал открыто и давал знать не только персидским войскам, которым во всем способствовал и содействовал, но тотчас же гонцы, отправленные им, объявляли об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше этих и еще дальше. Он не поколебался бы ради этого обойти все концы земли. А суть известий была такова: „Римляне не годны в войне, и побеждаются варварами“. И в этих делах он прилагал все свое старание не только, чтобы оскорбить весь римский народ (хотя и это чудовищно и достаточно явное доказательство враждебной души), но к этому он прибавлял и нечто другое, еще более важное, над чем он больше всего трудился и упражнялся. Он замышлял поколебать частично мнение, сложившееся у всех народов о величайшем императоре, как превосходящем силой всех других и украшенном бесчисленными трофеями и таким образом их, охваченных страхом и удивлением к величию римского имени, натолкнуть на дерзость и своеволие.

Не называется ли по справедливости тот, кто это делает, врагом? Или его лучше называть другом, благожелателем, царем, находящимся под защитой договора, и другими титулами, какими обвинители украшают тирана, хотя обе стороны согласны в том, что не иначе можно отличить друзей от врагов, как только по результату их дел и по доброй или злой их настроенности.

Если мы доказали, что Губаз огорчился нашими победами и радовался, если случалась по нашей вине какая-либо неудача, то зачем же варвары ссылаются на римские законы, по предписанию которых мы привыкли наказывать или, если нужно, даже уничтожать колеблющихся хотя бы частично государственный порядок, или причиняющих ему вред?

Но если покажется лучшим, оставив подозрения, догадки и доказательства, взятые из вероятности, рассмотреть исключительно голые факты, то куда это рассмотрение нас приведет? Персами занималось укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Был нетерпимый позор, что неприятельские войска прочно водворились в нашей стране, в наших стенах. У военачальников укрепилось решение двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто подготовлял против нас всякие козни. Для этого предприятия необходимо было нам войско колхов, не только потому, что они, знакомые с местностью больше, чем мы, помогали бы нам своими советами, но и для того, чтобы объединить с нами свое войско и свои силы, так как нам пришлось бы сражаться против тяжело вооруженных, засевших в укрепленном месте, и против тех, кто вероятно пришел бы им на помощь из Мухиризиса. Что нужно было сделать военачальникам при таких обстоятельствах? Нужно было встретиться с вождем племени и просить его о союзе, объяснив ему справедливость просьбы. И действительно встретились и объяснили нужное. Он же, как будто убедив себя, что он и в самом деле царь, и что ему, следовательно, позволено и действительно жить по своему произволу, не захотел не только соединить свое войско с нашим для штурма укрепления, но даже и присутствовать там. При этом он не дал даже каких-либо объяснений, хотя бы и мало удовлетворительных, но представляющих какой-нибудь благовидный предлог для отказа. Вместо этого он отказал в нашем требовании самым грубым образом, надменнее, чем это подобало наемнику и подданному. Сверх того, упорствуя в своей ненависти против военачальников, он, как враг, обрушился на них с оскорблениями, считая это храбростью, приличествующей царям. Конечно, этим он совершенно определенно проявил бесстыдство в давно

задуманном преступлении. Разве можно было при таких обстоятельствах медлить дальше, ожидать более веских доказательств, показывать императорские письма, в которых от него требовали отправиться в Византию, когда он не хотел проделать и весьма короткого пути внутри своей собственной страны? Как мы могли попытаться послать его, пропитанного такой к нам враждебностью, в Византию? Какое беспримерное смятение, сколько внутренних смертоубийственных столкновений мы возбудили бы этим. Скорее всего мы дали бы толчок к открытому отпадению и непрерывным вторжениям персов, когда этот враг бесстыдно противился бы нам и во всем сильно противодействовал, когда и без того весь этот народ весьма склонен к возмущению, склонен более, чем другие варвары, к изменению существующего строя, в особенности, когда поблизости есть желающие принять их под свою защиту. Мы же, умертвив вождя возмущения, таким образом легко предотвратили целую цепь подобных бедствий, уже назревавшую и рождающуюся, предотвратили настолько легко, что теперь даже открыто отказываются верить, действительно ли что-либо готовилось.

10. Поэтому пусть судьи не предъявляют писем и не осуждают нас в том, что мы совершенно нарушили инструкции. Кому не было очевидно, что предписание о необходимости ему итти в Византию было только пробой и испытанием, подчинится ли он добровольно предписаниям и будет ли с ними считаться должным образом. А так как нам было хорошо известно упрямство и наглость его души, почему он отказался от меньшего, то каким образом его можно было побудить к большому, не придя тотчас же к великому кризису?

А мы пришли бы к нему неизбежно, когда и без того много зла произошло в то время. Кто пренебрегает благоприятным моментом и не хватается сейчас же за то, что нужно делать, напрасно дальше будет призывать упущенную возможность. Оставалось, быть может, как говорят обвинители, начать судебное дело против Губаза и вызвать в суде пустое словопрение, предпочитая безопасности дел надутые речи, но этого не позволяли уже имевшиеся налицо персы, представляющие самую реальную угрозу и готовые к нападению на всю область колхов по его наущению и при его содействии. Теперь, когда мы всесторонне показали, что Губаз одновременно и враг и предатель, помыслы которого были направлены к тирании, какую разницу думают видеть колхи в том, был ли он умерщвлен нами или другими? Чувство любви к отечеству рождается и упрочивается не у одних только полководцев или лиц, облеченных властью, но у каждого желающего жить свободно является соответствующая забота о государстве, в котором он занимает какое-либо место, и желание всеми силами способствовать общественному благоденствию. Хотя они называют нас проклятыми и достойными презрения, однако на самом деле мы вернейшие подданные императора и римские патриоты, не позволявшие злоумышлять против него. Если нужно к этому еще что-либо прибавить, то знай, судья, твердо, что это правильное и справедливое, совершенное по необходимости деяние совершено с одобрения Мартина“.

11. Когда и эти закончили речь, Афанасий прежде всего обратил внимание на речи Рустика. Дважды был судебный допрос; все обстоятельства дела были точно разобраны и исследованы, было установлено отсутствие какой-либо измены или стремления к тирании со стороны Губаза, а (как выяснилось) имело место незаконнейшее и низкое убийство. Если он отказался от совместного похода к Оногурису, то причиной этому было не его отпадение на сторону Мидян, но его негодование

на начальников войска за то, что укрепление это было потеряно вследствие их безрассудства и небрежности. Когда все это судьей было установлено, то он решил: сообщение, что и Мартин принимал участие в подготовке этого злодеяния, довести до сведения императора. Им же, неопровержимо уличенным в убийстве, он вынес приговор, в котором предписывал немедленно подвергнуть их смертной казни путем отсечения головы. Их провозили по общественным дорогам, посаженных на мулов, специально для колхов, что было для них предметом любопытного зрелища и напоминанием о необходимости величайшей осмотрительности. Особенно их поражал голос герольда — глашатая, кричащий громко и пронзительно, призывающий бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств. Когда же у них были отрублены головы, тогда все прониклись состраданием, забыв об оскорблении. Этим закончился суд. Колхи же снова прониклись величайшим благорасположением к римлянам, восстановив старые к ним отношения.

12. После этого римское войско зимовало в городках и укреплениях, как каждому было указано. В это время люди, имеющие наибольшую власть у мисимиян, пришли в Иверию к Нахогарану и объявили ему, что они сделали с Сотерихом. Истинную причину они дипломатично скрыли. Сказали только, что когда они в течение долгого времени стояли на стороне персов, их обливали грязью колхи и римляне и считали их самыми опозоренными людьми. Напоследок же явился к ним сам Сотерих, на словах якобы для распределения денег союзникам, а на деле для того, чтобы уничтожить и погубить весь народ. „Итак, нам надлежало, — говорили ораторы, — или совершенно погибнуть, или, предупредив римлян, заслужить у кого-либо славу необдуманности и с их стороны подвергаться осуждению, но сохранить наш старый образ жизни и принять о делах нас касающихся наиболее полезное решение. Мы избрали лучшее и более соответствующее человеческим нравам, мало заботясь о брани и упреках, а выше всего ставя наше спасение. Поэтому мы умертвили Сотериха и тех, кто явился с ним для указанных целей, чтобы отомстить за нанесенную нам обиду и этим, дав залог крепчайшей верности персам, перейти к ним с наибольшей славой. Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут преследовать нас своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, поскольку это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, и не пренебрегать народом, угрожаемым смертельной опасностью, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо вы легко убедитесь, что и в военном деле мы опытные и, по заключении с вами союза, будем сражаться весьма храбро, и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, — безопасный операционный базис, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов“. Нахогаран, услышав это, принял их весьма радостно, похвалил за отпадение и приказал возвратиться домой в уверенность, что в нужный момент они получают персидскую помощь. Послы, вернувшись домой и рассказав обо всем, внушили народу величайшие надежды.

556 г. 13. Весной римские военачальники собрались и решили итти на мисимиян. Бузе же и Юстину было приказано остаться у Острова для охраны этого пункта и заботы обо всем. Послано было против неприятеля около 4 тысяч пехоты и конницы, среди которых были и другие мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них Максенций и Феодор,

вождь отряда цаннов, оба люди воинственные и таксиархи. Так они начали поход. Предполагалось, что немного позже к ним присоединится и Мартин, как будущий руководитель, чтобы экспедиция даже на короткое время не была лишена вождя. Начальствование над всеми войсками, пока они будут проходить через подвластную территорию, было передано армянину Боразу и Фарсанту колху, которые не превосходили прочих участников ни воинской доблестью, ни другими достоинствами, даже уступали некоторым. Ибо Бораз числился в числе лохагов. Другой же был вождем служившей при императорском дворце тагмы колхов. Звание — магистр, название же [тагма] получила по имени служивших в ней варваров. Но он не имел ни такого благоразумия, ни такого авторитета, чтобы уверенно управлять римским войском. Итак, это войско, когда уже наступило лето, пришло в страну апсильцев. Когда они хотели продвигнуться дальше, то препятствием им явился персидский отряд, там собравшийся. Ибо узнав о приговорах римлян и о том, что они идут на мисимиян из Иверии и городков, расположенных вокруг Мухиризица, персы, выступив, двинулись на римлян, предупредив их в занятии местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам. Поэтому римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время, пока не истечет срок жатвы; итти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным. Итак, каждое войско оставалось на месте; ни одно из них не делало даже попытки продвинуться дальше, но они взаимно наблюдали друг за другом и выжидали, кто двинется первый. Были у персов также вспомогательные войска из гунов-савиров. Этот народ, и величайший и многочисленнейший, весьма жаден одновременно и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим. В прежней войне они воевали против персов, когда в ночном бою истребили нападающих на них многих дилимитов, как об этом я выше рассказал. Когда же военные действия были закончены, они были отпущены римлянами, получив условленную плату, и перешли на сторону тех, кто немного раньше был их ожесточенным врагом, — те ли самые, или другие, но, во всяком случае, из того народа, посланные в качестве союзного войска.

14. Из них около 500 савиров помещались в каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска. Когда Максенций и Феодор хорошо разведали, что они, отложив оружие, находятся в беззаботном состоянии, то тотчас послали против них 300 всадников. Окружив незаметно стены [они были не очень высоки, но возвышались настолько, что можно было видеть лицо стоящего внутри всадника] и подойдя, как я сказал, к стенам со всех сторон, они стали поражать варваров метательными копьями, камнями, стрелами и всем, что попадалось под руку. Те, вообразив, что врагов больше, чем было на деле, пораженные неожиданностью, даже не думали о защите; не было возможности и бежать, так как они находились внутри стен. Итак, все находящиеся там были быстро перебиты. Только 40 человек, чудесным образом, при помощи рук и ног, взобравшись на стены, бросились в разные стороны и скрылись в ближайшем дремучем лесу. Но римляне и там не прекращали их преследовать. Как только об этом было возведено персам, тотчас они посылают отряд всадников в 2 тысячи человек в безукориз-

ненным боевом порядке. Римляне же, уступая им в численности и как бы удовлетворенные совершившимся, поспешно отступили и оказались в безопасности в укреплении, из которого вышли, гордясь славным деянием и скорбя только о Максенции, так как он был весьма тяжело ранен каким-то варваром, скрывшимся в лесу. Положенный на носилки, он был спасен сверх всякого ожидания. Тотчас же после ранения спутники, подняв его, как можно скорее унесли оттуда, прежде чем враги нагрянули массой. Когда же те явились и напали, тогда римляне убежали по какому-то другому пути, увлекая за собой преследователей, и дали возможность, хотя с трудом, доставить его до укрепления.

15. Между тем Юстин, сын Германа, послал одного из своих таксиархов, гунна по происхождению, по имени Эльминзура, из Острова в Родополь с 2 тысячами всадников. Этот Родополь был городком колхов, а в то время занят был персами. Взят он был гораздо раньше Мермероем, который поместил в нем персидский гарнизон. Я обхожу молчанием, каким образом это произошло, так как это ясно описано Прокопием. Когда Эльминзур туда явился, ему помогла счастливая судьба. Персидский гарнизон в то время случайно находился вне города; большинство же жителей рассыпалось по разным местам. Войдя в него без всякого труда и подчинив город своей власти, он произвел рекогносцировку в окружающей местности и истребил всех до одного встретившихся персидских солдат. Что же касается местных уроженцев и обывателей, то так как он знал, что они скорее благодаря внешнему давлению, чем по собственному вероломству, перешли на сторону персов, то позволил им жить в отечественном городе, ради большей гарантии взяв заложников и урегулировав там все должным образом. Так Родополь был возвращен в прежнее состояние, вернулся к отечественным нравам и подчинился римскому императору. Этим летом не произошло больше ничего, достойного упоминания. Когда наступила зима, персы тотчас же, сняв лагери, отступили снова в Кутанси и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам. Ибо отеческими установлениями и нравами у них не допускается предпринимать зимой продолжительные и трудные заграничные военные походы. Римляне же, освободившись от преграждающих путь персов, продолжали свой поход в страну мисимиян. Когда они дошли до так называемого укрепления Тибелия, отделяющего страну мисимиян от апсильцев, прибыл Мартин, чтобы принять управление и руководство всем войском. Но некая приключившаяся ему там тяжелая болезнь помешала осуществлению его намерения. Поэтому он остался там, чтобы немного позднее возвратиться в страну колхов и ее крепости. Войско же тем временем продолжало продвигаться вперед, руководимое прежними военачальниками. Прежде всего оно решило еще раз испытать настроение мисимиян, не возвратятся ли они добровольно к более благоразумным намерениям, признав своих прежних правителей, не раскаются ли они в совершенных ими преступлениях, сдавшись римлянам без боя и возвратив все деньги, похищенные у Сотериха. Итак, отобрав, насколько возможно было это, самых разумных людей из апсильцев, посылают их в качестве послов. Мисимияне же были далеки от того, чтобы отказаться от своего упорства и новыми деяниями загладить безрассудство старых. Мало того, эти преступные люди, обремененные злодеяниями, находящиеся во власти злого демона и заслуживающие всякого другого бранного наименования, которое им могло присвоить справедливое негодование, отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они не

знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский, без всякого упрека, совет, могущий принести им выгоду.

16. Итак, начав по своему безумию с нечестивых дел, они продолжали упорствовать в прежних и даже еще более нечестивых преступлениях. Хотя они знали, что персы ушли и не придут, как было условлено, на помощь, но полагаясь на трудно проходимые места и надеясь, что римляне их никогда не перейдут и не преодолют, совершили еще более жестокие преступления. Есть в этой стране гора, останавливающая на себе внимание, не слишком высокая и возвышающаяся не намного над местностью, но чрезвычайно крутая, прямо поднимающаяся вверх, со всех сторон окруженная обрывистыми скалами. Посредине была тесная, плохо протоптанная дорожка, не легко проходимая и доступная даже одному бесстрашному человеку, так что если бы один человек, стоящий на вершине горы, препятствовал проходу, то враги, даже весьма многочисленные, легко вооруженные и такие же ловкие, как исавры, никогда не смогли бы пройти. Полагаясь на эту местность, они и пришли к крайнему безумию. Римляне, когда им стало известно об ужасном злодеянии мисимиян, были охвачены бешеным негодованием. Когда варвары медлили и на горе не была еще установлена охрана, римляне, предупредив их, заняли вершину и, овладев ею без всякого сопротивления, рассыпались немедленно по более плоской и доступной для лошадей местности. Мисимияне же, лишившись этой надежды, тотчас сожгли многие ненужные им укрепления, так как не в состоянии были защищать их, и все собрались в одном, которое казалось им наиболее укрепленным.

С древних времен оно называется Тцахар; называют его железным за его неприступность и крепость.

На немногих римлян и не больше чем 40 всадников, собравшихся вместе (они, однако, были не из рядовых, но отборные и принадлежали к командному составу), когда они продвигались вперед отдельно от остального войска, напало 600 мисимиян пеших и конных, полагая, что, окружив их, легко перебьют благодаря своей численности. Но те, имея опыт в военном деле и быстро заняв какой-то холм, показали доблестные дела. Завязался ожесточенный бой, шедший с переменным успехом. Они пытались окружить римлян. Римляне же то бросались на них сомкнутым строем, чтобы прорвать и привести в расстройство весь варварский строй, то отступали и возвращались в безопасное место. Между тем остальные римские войска внезапно показались на одной горе, возвышающейся над местностью. Варвары, подозревая засаду и хитрость, тотчас обратились в поспешное бегство. Римское же войско [ибо все перемешались между собой] ожесточенно преследовало врагов, пока не истребило их множество, так что из всего множества врагов только 80 человек невредимо спаслись в это железное укрепление. Я не сомневаюсь, что если бы римляне одним дружным натиском напали на это укрепление, то враги, потрясенные только что понесенным поражением, могли бы быть взяты с первого приступа, и в тот же день война была бы закончена. Но так как [римляне] лишены были надлежащего вождя, который обладал бы властью и благоразумием, но были все почти равны между собою и, взаимно упрекая друг друга, отдавали противоречивые приказания и каждый слушал только самого себя, — то действия их остались незаконченными и не заслуживали одобрения. Так как они приходили к разным решениям и предлагали одно одно, другой другое, то не делалось ничего из того, что они затевали, а каждый, негодуя, что его мнение не принято, приступал к делу небрежнее

и нерадивее и больше радовался неудачному исходу, чтобы в дальнейшем хвалиться и говорить своим, что он не может указать никакой другой причины неудачи, кроме той, что не последовали его личному мнению.

17. Находясь в таком состоянии, они разбили лагерь дальше от врага, чем полагалось при осаде. Затем, идя около рассвета, не произвели должной разведки, но, охваченные косностью и медлительностью, считали безделицами серьезные и весьма благоприятные обстоятельства. Позже, чем подобало, произвели нападение на врагов; раньше, чем следовало, вернулись обратно. Узнав об этом, Мартин немедленно послал к ним, в качестве вождя и руководителя, каппадокийца по происхождению, уже давно почтенного полководческим достоинством, имя которого было Иоанн, а прозвище ему дали Дакна. Он прислан был к колхам немного раньше императором, имел полномочия Рустика, а именно обо всем происходящем тщательно осведомлять его, а отличившихся воинов награждать императорскими дарами. Итак, этот Иоанн, придя в страну мисимиян и став во главе римского войска, тотчас расставил всех вокруг укрепления и начал осаду, одновременно произведя нападение на оставшихся вне и стремясь расстроить все их дела. Большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему и проход для всех незнакомых с местностью чужестранцев. Местные же жители, вследствие знания местности, с трудом спускались вниз по одной чрезвычайно узкой и скрытой тропинке, в случае необходимости, и снова взбирались наверх. У подножия горы, на влажном и плоском месте, били ключом источники питьевой воды. Там, спускаясь ночью (так как римляне за ними наблюдали и частично мешали), варвары черпали воду. Один исавр, по имени Илл, поставленный здесь на карауле, увидев множество мисимиян, поздно ночью спускающихся сюда, не мешал этому, будучи скрытым и соблюдая тишину. Когда же они, наполнив сосуды водой, возвращались обратно, исавр тайно последовал за ними, одновременно с ними поднимался, пока не вззошел на вершину и внимательно не рассмотрел местность, насколько мог сделать это в темноте, и не установил, что не больше восьми человек было поставлено для караула и защиты прохода. Выяснив все это, он тотчас спустился вниз и все доложил полководцу. Тот был весьма обрадован известием и ближайшей ночью отобрал 100 храбрых и ловких воинов и послал их к подъему разведать местность и произвести нападение, когда это позволит обстановка.

Он приказал им, когда прочно закрепятся на вершине, подать знак трубой, чтобы и остальное войско произвело нападение на стены, и враги со всех сторон были приведены в замешательство.

18. Илл, идя впереди, повел людей к подъему, уже им разведанному. За ним следовал Зинер, дорифор Маркеллина, а за ним Леонтий, сын Добрагеца, а за ним Феодор, таксиарх цаннов, а за ним по порядку все остальные следовали повзводно. Когда уже прошли половину пути, те, кто шел впереди, ясно заметили зажженный стражей огонь и то, что они лежат весьма близко к нему. Семь из них, очевидно, спали и лежали растянувшись. Один только, облокотившись на локоть, был похож на бодрствующего, но и он уже боролся со сном, опустив отяжелевшую голову. Однако было неизвестно, как дело пойдет дальше, так как он часто качал головой и снова ее подымал. В это время Леонтий, сын Добрагеца, поскользнулся в какой-то луже, сильно упал и покатился вниз,

словам щит. Естественно, раздался сильный звук. Испуганные стражи пробудились и, сидя на своих ложах, обнажили мечи, поворачивали головы во все стороны, но не могли понять, что произошло. Так как блеск огня ослеплял их глаза, то они не могли рассмотреть стоящих во мраке, и стук, происшедший во время их сна, не был вполне ясен и различим, как такой, какой мог быть произведен только поломкой оружия. Римляне же тщательно все наблюдали. Задержав шаг, они оставались спокойными и молчаливыми, как будто корнями вросли в землю; не было слышно никакого звука, ноги оставались неподвижными, как были поставлены, и застыли или на остром камне, или прижимая куст. Если бы дело не обстояло таким образом, какое-то сознание того, что делалось, дошло бы до стражей, и они, конечно, сбросили бы какой-нибудь огромный камень, который, падая вниз, легко сокрушил бы всех пытавшихся подняться. Поэтому римляне стояли молча и неподвижно, так что не слышно было даже их дыхания, зарождавшегося в груди. И, разумеется, я удивляюсь им и хвалю их образцовый порядок, то, что они моментально, как будто по уговору понимая то, чего требовала обстановка, застыли в образцовом порядке, мысленно сообразив то, что время не позволило высказать. Варвары же, не заметив ничего угрожающего и опасного, снова возвратились к тому, что им было желательно, и сладко заснули.

19. Тогда римляне, напав на них, объятых сном, изрубили как других, так и этого полубодрящего, как его кто-то назвал в шутку, и затем, неустрашимо продвигаясь вперед, рассыпались по улицам. И одновременно труба прозвучала на битву. Услышав это, мисимияне были поражены и неожиданностью и неизвестностью обстановки. Вскочив с постелей, они пытались собраться и, выскакивая из разных жилищ, соединиться. Но римляне, встречая их при выходе и принимая их, так сказать, мечами, произвели страшное избиение. Одни, уже выскочившие, немедленно умерщвлялись, а за ними другие, за ними третьи, так что не было никакого перерыва в избиении, производимом в общей свалке. Многие женщины, вскочив с постелей, с громким плачем высыпали на улицу. Но, охваченные гневом, римляне не пощадили и их. И они, жесточайшим образом изрубленные, явились искупительной жертвой за преступное бесстыдство своих мужей. Одна красивая женщина выскочила с зажженным факелом в руках и была хорошо видима, но и она, пронзенная копьем в живот, погибла самым жалким образом. Из римлян же кто-то, схватив факел, бросил огонь в жилище. Жилища, построенные из дерева и соломы, быстро воспламенились. Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем и народу апсильцев и другим, более отдаленным. Тогда, конечно, варвары стали погибать еще более страшным способом. Те, кто оставались дома, сжигались вместе с домами, или их давили обрушивающиеся постройки. Над теми же, которые выскакивали из домов, нависала еще более верная смерть от мечей. Было захвачено много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни; другие, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падая вниз, принимались на подставляемые копья и пронзались ими в воздухе. И, конечно, римляне не без основания проявляли величайшее озлобление против мисимиян как за убийство Сотериха, так и за преступное злодейство по отношению к послам; но, разумеется, не следовало по отношению к грудным детям, которые отнюдь не являлись участниками злодейств их отцов, свирепствовать так жестоко. И этот проступок не прошел безнаказанно.

20. Вся ночь была проведена в этих ужасных делах. Когда уже все это место было разорено, 500 хорошо вооруженных мисимиян, выйдя из

укрепления на рассвете, напали на римлян, которые даже не выставили караулов, так как считали, что одержали полную победу. Поэтому весьма многих из них убили, прочий же обратился в бегство, быстро выгнав их [из поселения]. Те беспорядочно бросились вниз, возвратились в лагерь с многочисленными и разнообразными ранами и от неприятельского оружия и от сильных ушибов ног от частых падений на камни. Поэтому у них не было больше духа карабкаться на эту скалу, но предпочтительнее казался штурм стены в той части, где нападение было наиболее удобно, а ров засыпан. Сообразно этому, построив несколько домиков и хижин как можно ближе к стене, они безопасно штурмовали ее, пользуясь одинаково и осадными орудиями, и метанием копий, и другими подобными способами, делая положение тех, кто был внутри, чрезвычайно тяжелым и даже невыносимым. Варвары от этого тяжело страдали, были весьма сильно теснены, но не переставали защищаться. Некоторые из них, пользуясь черепахами, пытались наступать на римские сооружения, чтобы их разрушить. Но, прежде чем они приблизились и должным образом прикрылись, некий Сваруна по имени, славянин по происхождению, метнул копье в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же черепаха дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили, поражая копьями. Один из них, однако, спасся бегством и уже приблизился к укреплению, входил в ворота, но тут погиб, пораженный многими стрелами, и, рухнув там, остался лежать на пороге ворот, растянувшись меньшей частью тела вне укрепления, а большей внутри. Мисимияне заметили это и истолковали, как неблагоприятное и печальное предзнаменование относительно будущего. Вообще они уже изнемогали от тягостей и желали вернуться к дружбе с римлянами, в особенности потому, что к ним не пришла, как было условлено, помощь от персов. Учитывая все это, взвешивая свои силы и то, что они не равны римским, понимая, что они не могут больше выдерживать войну, теперь только с большим трудом вернувшись к более разумным мыслям, они немедленно послали послов к Иоанну и просили не губить их всенародно, не уничтожать совершенно народ, уже с древних времен подчиненный римлянам, одной с ними религии, который, раздраженный многими несправедливостями, пытался им противодействовать, но делал это с варварским безумием. Они говорили, что все же они заслуживают сострадания и прощения, понеся столь тяжелое наказание и претерпев столь жестокие бедствия, как, например, сожжение всех окружающих укреплений построек, гибель не менее 5 тысяч мужчин цветущего возраста, гораздо большего числа женщин и еще большего количества детей, так что немногочисленного недостает, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен. Иоанн весьма охотно принял их просьбу, отчасти, чтобы не оставаться дальше с войском в пустынном и чрезвычайно холодном месте, а отчасти потому, что совершившие преступление действительно понесли достойное наказание.

Итак, он получил заложников и все деньги, которые Сотерих принес с собой, все остальное его имущество и самое главное — императорское золото (было полновесной и неподдельной монетой 28 800 номисм).

Получив, повторяю, все это, прибавив к этому большую добычу, он разрешил им снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни, а сам возвратился в страну колхов; возвратилось и прославившееся своей храбростью войско, потеряв только 30 человек.

21. После этого император Юстиниан совершенно отстранил Мартина от власти и назначил на его место Юстина, сына Германа, который начальствовал над всеми войсками в Колхиде и Армении с полной

и абсолютной властью. Тому раньше было не очень приятно, что Мартин занимает первое место и повелевает всеми, действительно принимая немалое участие в интриге, веденной против Губаза. Но он держал все это про себя и скрывал до времени, полагая, что нельзя колебать или переменить командование при такой запутанной военной ситуации, в особенности учитывая ту популярность, какой пользовался Мартин в войске, как за опытность в военном деле, так и за умение правильно руководить отдельными предприятиями. Конечно, это обстоятельство и было, как я думаю, для того спасением, ибо иначе ему нужно было умереть вместе с Иоанном и Рустиком. Теперь же, из уважения к его победам и благоразумию, которое он проявлял в минуты опасности, [император], убавляя незаметно и смягчая чрезвычайную суровость и строгость законов, простил ему его преступление, но не позволил ему больше стоять у власти, а приказал жить частным человеком, считая достаточным наказать его атимией, даже если он и являлся участником такого преступления. Итак, поскольку персы сохраняли спокойствие и положение дел напоминало перемирие, то он его снял с должности, а Юстину, связанному с ним близким родством и вообще человеку большого авторитета в то время, он передал власть, вызвав его в Византию, и снова отослал к колхам уладить там последовательно все дела.

В его свите был некто Иоанн по имени, африканец по происхождению, вначале человек незаметный и бедный, так что ради получения средств к жизни он должен был даже служить за плату, сопровождать оруженосцев и переносить тяжести положения слуги, но немного спустя поднялся до большого богатства и заносчивости. Изобретая разные махинации, имея успех в разных выдумках, он стал известен незадолго до этого Юстину, этот наихудший и коварнейший человек, который ради выгоды не отказывался ни от какого позорного и бесчестного предприятия. Теперь он просил у полководца определенную сумму денег, обещая, по получении ее, предоставить и ему самому, давшему эти деньги, в какое угодно время предметы продовольствия на выгодных условиях, затем всем его наличным слугам, рабам, свите, переводчикам, оруженосцам: снабдить и всех этих необходимым продовольствием. Он обещал, сделал это, не только сохранить все деньги и вернуть столько же, сколько взял, как взятые займы, но и прибавить известную сумму в качестве процентов. И, конечно, это казалось многим пустой похвалой, граничащей с загадкой. Юстин же, которому подобало бы возмутиться этими нелепыми предложениями африканца, так как он должен был понимать, что тот не сможет выполнить обещаний, не делая несправедливостей и насилий, не погубив разными противозаконными сделками всех, с кем ему придется иметь дело, все же принял предложение, выдал деньги и позволил ему делать что хочет для выполнения этих условий.

22. Тогда Иоанн, объезжая римские деревни, какие были на дороге, созывал жителей там, где не хватало быков, и заявлял, что войско в них нуждается. Показывая 20 талантов, он говорил: „На эту сумму вам нужно поставить быков, отнюдь не на меньшую. Получите их, а мне как можно скорее доставьте быков“. Они же просили его об освобождении от этого и клялись, что имеющих у них быков не хватает даже для обработки собственных полей. Однако этот негодяй сурово отказывал им в этом и угрожал строгими карами, если у полководцев не будет возможности даже купить необходимые средства передвижения; и, притворно негодуя, он представлял дело так, что те, продав самое ценное свое имущество и собрав столько денег, сколько они могли, откупались от требований этого негодяя. Убравшись отсюда и появившись там, где даже не слышали

названия верблюдов и мулов, он кричал, что прибыл для их покупки, и, пользуясь тем же способом, предъявлял деньги и уходил, получив отступное. Так обходя повсеместно и ища чего не было, ничего не продав, ничего не купив, не заключив никакой сделки, он собирал деньги и выскивал с тех, кому ничего не давал взамен, и благодаря этому очень скоро основная сумма налогового бремени удваивалась у налогоплательщиков. Когда он явился в страну колхов, он и там проделал то же самое. Сверх того, добыв, не знаю каким способом, грузовые суда, собрав всевозможными насилиями местные продукты, скупив многое за бесценок, он отправил все это и распродал в других местах. Естественно, что войско нуждалось в самом необходимом, так что даже зелень им покупалась. Этот же преступный спекулянт и перекупщик получил громадные прибыли. Из этих прибылей он возвратил с процентами Юстину взятые у него деньги и доставил ему в то же время продовольствие. Юстин хотя и знал, что делалось, обращал мало внимания на плач и слезы ограбленных людей, постоянно приходящих к нему, бросающихся к его ногам и заклинающих его избавить их от вымогательств. Таким образом, он недостойным способом извлекал выгоды из несправедливости и радовался этому, пользовался непокупным продовольствием и притом делал более увесистым свой денежный кошелек.

Со временем, позднее, он должен был получить за это тяжелое возмездие.

Хотя он вынес после того бесчисленные труды и добился величайшей славы отражением варваров на реке Дунае, но нисколько не был смягчен и покрыт этим божественный гнев. Как полагаю, он оставался прочным, крепко запечатленным в памяти, хранимым до благоприятного момента. Не тотчас обычно накладывается наказание, как только мы согрешили, но большей частью спустя некоторое время, когда, быть может, мы уже забыли свой проступок, и потому скорбим о бедствиях, нас постигших, как будто мы страдаем от них безвинно и несправедливо и обвиняем зависть и вражду людей, как потерпевшие от них незаслуженное.

Перевод М. В. Левченко

NICIPHORI ARCHIEPISCOPI CONSTANTINOPOLITANI OPUSCULA HISTORICA

Edidit Carolus de Boor, Lipsiae, Teubner, 1880

НИКИФОР ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СО ВРЕМЕНИ ПОСЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ МАВРИКИЯ*

После того как император Маврикий был убит, Фокой, осуществившим это, была захвачена императорская власть. Дела христиан были доведены им до таких бедствий, что многими распевалось, что, в то время как персы извне опустошают державу ромеев, Фока прилагает к этому еще более силы изнутри.¹ Это сделалось невыносимым для ромеев. Поэтому тогдашние правители Ливии, которые набрались смелости благодаря большому расстоянию, а также и потому, что им была вручена Мавриkiem стратегия (это были два брата — Иракий и Григорий), договорились послать совместно сыновей с обюдным условием, чтобы тот из них, который прибудет вперед, если сможет, захватил бы импера-

* Примечания, обозначенные цифрами, см. в конце статьи.

торскую власть. И вот они послали морем Ираклия, сына Ираклия, снарядив большой флот из судов, заполненных командами из афров и маврусиев.² Никиту же, сына Григория, с многочисленным конным войском послали сушей. Ираклий, сопутствуемый счастливым жребием и нагруженный самыми благоприятными ветрами, опередил Никиту, благополучно приплыл в Византию и уже приблизился к захвату города. Крисп же, это был зять Фоки, который тогда занимал пост эпарха города (τὸν τοῦ ὑπάρχου τῆς πόλεως ἄρχοντος) и был могущественным среди императорских людей, был враждебно настроен по отношению к Фоке, потому что был им всячески оскорбляем по причине низвержения его, Криспа, статуи. Дело в том, что как-то димоты из партий противоположных цветов* незаконно поставили ее наравне со статуей (τῇ εἰκόνι) Фоки.³ И он вступил на путь коварства. Уверяя обманным образом Фоку, что он трудится в его пользу, и подтверждая, что Ираклий пришел на собственную погибель, он в то же время содействовал Ираклию к лучшему осуществлению [его целей]. И окружающие Фоку зрители** сколь и граждане (καὶ ὅσων πολιτικῶν ἐξ αὐτῶν) восстали, ибо уже димоты из партии зеленого цвета [прасины] подожгли императорские помещения [кесарий] и возглашали о чужом царствовании. Но узнав о сильном наступлении на них войск Ираклия, они покинули императора и перешли на их сторону. Некто по имени Фотий, который был оскорблен Фокой, так как его жену император некогда обесчестил, проникнув во дворец с множеством войска, тотчас же захватил Фоку, снял с него императорское облачение, закутал его в черные одежды, скрутив руки, связанные за спиной, и на судне вручил пленника Ираклию. Ираклий, увидев его, сказал: „Так-то, несчастный, ты правил государством“. Тот же ответил: „А ты намереваешься лучше управлять?“ И сразу же Ираклий еще на корабле приказал подвергнуть Фоку казни мечом, затем отсечению членов, в том числе правой руки от плечевого сустава, и повесить их на копьа, а тело его протащить к так называемому форуму Быка⁴ (τὴν τοῦ βοῦς λεγόμενὴν ἀγορὰν) и там его предать сожжению. [Ираклий] приказал и Доментиола, брата Фоки, и Воноса, и Леонтия, хранителя императорской казны (τὸν τῶν βασιλικῶν χρημάτων ταμίαν), до конца поддерживавшего Фоку, казнить. Так это и произошло.

Сергий же — патриарх города (πρόεδρος) — и вся толпа народа приняли Ираклия с лучшими чувствами. Тот же поощрял Криспа к возведению в императорское достоинство. Но он говорил, что здесь найдется не ради [домогательства] государственного престола (τῆς βασιλείας), но чтобы лучше отомстить за незаконное поведение Фоки по отношению к Маврикию и детям Маврикия. И он не согласился. Наконец, решением сената (ὑπὸ τῆς συγκλήτου βουλῆς) и народа Ираклий был провозглашен императором и увенчан патриархом короной. Криспа же Ираклий назначил стратигом и послал к армии в Каппадокию. Затем же, так как разнеслась молва, что персы воюют против ромеев, Ираклий прибыл из Византии к Криспу, находившемуся тогда в Кесарии, чтобы держать с ним совет об общих делах. Но тот прикинулся больным и едва принимал недружелюбным образом часто являвшегося императора, возлежа с видом немощного. Затем*** даже слышали, что он и ругал его.

* Речь идет о „зеленых“ и „голубых.“ См. Феофан под 6099 г.

** На ипподроме.

*** Предшествующие слова: παραχρῆμα ἐν τῇ ἐκείνου κατὰ κλίμακας ἐκείνου, καὶ μόλις εἶδυστο εἰς τὴν ἀουτὴν εἰσέρχονται в Боннском издании „Бревиария“.

Ираклий же, внимая происходящему представлению, при всем том сносил дерзости, выжидая еще удобный случай. Он полагал пока, что они действительно должны договориться друг с другом, хлопоча, как должно, об интересах государства.

Тот же насмеялся таким образом и говорил, что не следует императору оставлять империю и так надолго оставаться в отдалении от военных сил. Тем временем у Ираклия родился сын, которого он назвал Константином.

Тогда же и Никита, находившийся в сане патрикия, прибыл в царственный город. Поэтому Ираклий вернулся в Византию и принял Никиту с честью великой и великолепием, как родного и разделяющего почет брата, так как это было ими договорено еще, когда они отправились из Ливии. И Крисп прибыл в Византию, чтобы принять участие в чествовании прибытия Никиты. Ираклий воспользовался святой купелью и для крещения сына и для того, чтобы сделать Криспа приемником.⁵ Тот при этих условиях вошел во дворец. Ираклий же собрал всех членов сената (ἐκ τῆς συγκλήτου βουλῆς) и всех других многочисленных горожан вместе с патриархом Сергием и обратился к ним, говоря: „Кого оскорбляет обижаящий императора?“ Они же сказали: „Бога, сделавшего его императором“. И выдвинул вперед Криспа, чтобы и он признал, что считает это справедливым. Тот же, не понимая этого [подстроенного] драматического представления, сказал, что отважившийся на такую дерзость по справедливости не заслуживает снисхождения. Тут император напомнил ему, как он притворялся больным в Кесарии, как пытался унижить императорское достоинство, в то время как сам уговаривал его принять императорскую власть. И взяв при этом кодекс (τὸ βιβλίον), шлепнул его по щеке, сказав: „Тот, кто не соблюдал родства, будучи зятем, как же стал бы соблюдать дружбу“, и сразу же передал его, чтобы ему постригли голову [в монашество], и иерарху для провозглашения по обычаю о пострижении. К пришедшим же к нему вместе с Криспом воинам обратился со следующими словами: „Папа (ὁ παπῆς) Крисп имел вас до сих пор [своими. — Е. Л.] слугами, мы же ныне сделали вас собственными слугами государства“. И определил им обычное содержание (συντρέξιον), назвал их первыми и призвал войсковые тагмы (ἐν τοῖς στρατιωτικαῖς τάγμασι). Они же, выказав великую охоту, стали славословить императора вместе со всем прочим множеством народа. Затем же Крисп был заключен в храм [монастырь. — Е. Л.], так называемые Хоры^{6а}, и, прожив там год, умер. Ираклий, надевши своего брата Федора властью на первом месте после императора [придворные имели обыкновение именовать его куропалатом], и еще Филиппика, зятя императора Маврикия по сестре, постриженного в то время в клир, послал игемоном в область, ранее управлявшуюся Криспом. Филиппик, прожив год, в следующем году умер и был погребен в основанном им прекрасном и благословенном храме в Хрисополе.^{6б}

Прошло недолгое время, и охваченная эпилептической болезнью жена императора Евдокия умерла. Во время выноса ее тела, когда, как обычно, на это зрелище собралось много народа, какая-то девушка, высунувшаяся с верхнего этажа, неосторожно плюнула [это была служанка кого-то из горожан]. И плевок упал из незащищенного воздуха и испортил драгоценные одежды, которыми было покрыто тело императрицы. Разгневанные за это участники выноса схватили служанку и осудили на сожжение на костре. И не с благочестивым погребением, а как то подобает по варварскому закону. Так нечестивые незакон-

ным делом сопутствовали погребальной процессии императрицы. И еще искали везде госпожу этой служанки, чтобы и ее подвергнуть казни сожжением. Она же, однако, подозревая это, убежала от гибели и более ее потом никогда и не видели. Вот то, что тогда имело место вокруг императорского дворца.

И опять же, с другой стороны, в то время как это произошло, вот что случилось. В одной из областей (τῶν ἐπιχωρίων)* (там было когда-то какое-то поселение, ныне более неизвестное) жил один человек, выделявшийся и богатством и блестящей жизнью, которого звали Вутилином. Он занимал должность, обыкновенно именуемую у ромеев кандидатской.⁷ По соседству с ним жила некая овдовевшая женщина, которую соседство его тяготило. Дело в том, что из-за происшедшего между ними спора о пограничных землях Вутилино приказал своим людям (τοῖς παισὶ τοῖς αὐτοῦ) затеять драку с соседями. При этом они убили палками одного из сыновей вдовы. Она же, взяв с собою окровавленные одежды уже умершего сына, приехала с этим в Византий, чтобы искать правды у Ираклия. Когда же она увидела, что он выезжает, она подбежала, схватила лошадь, на которой он ехал, за узду и с слезами, показывая на одежду сына, завопила: „Пусть это произойдет и с твоими детьми, если ты за эту кровь, которую я показываю тебе, сразу же по справедливости не отомстишь“. Императорские же оруженосцы стали преследовать ее, чтобы ударить. Но император удержал их и приказал, чтобы она более не осмеливалась приближаться к нему, с тем, однако, чтобы дело было исследовано судебным порядком. И женщина, не добившаяся осуществления своих притязаний, разразилась рыданиями и удалилась. По прошествии некоторого времени инициатор убийства стал опасаться, чтобы женщина снова не обратилась к императору; когда он приехал в Византий, он сразу же смешался с народом, и когда по окончании конских ристаний император увидел его среди димотов, он приказал городскому эпарху подозреваемого человека взять под охрану. Затем же послал за женщиной и тщательнейшим образом допросил ее об убийстве. И тогда приказал схватить Вутилино с тем, чтобы с помощью его слуг подвергнуть его тому же наказанию, от которого погиб ее сын, и соответственно его тоже покарать смертью.

613 г.

Ираклий же принял сына Ираклия (его же именуют Константином — ибо он носит два имени) из рук патриарха после освящения его святым крещением в божественной купели. И тут же, надев на него знаки императорского достоинства и украсив его диадемой, нарек его императором. Дочь же свою, по имени Григорию, отдал в жены Никите патрикию и, так как он стал благодаря ей ближайшим родственником императора, поставил его золоченую конную статую на колоннах на площади, именуемой Форумом.⁸ Вот что там произошло.

Хозрой же, персидский царь (βασιλεύς), собрав многочисленную армию, послал ее против ромеев, назначив начальником персидских сил Саита.⁹ Тот же, поспешив к Александрии, насильно захватил ее и поработил весь Египет; и также захватил весь Восток. Многих увел в неволю, других же умертвил беспощадным образом. И вот он так упрочился, что вслед за тем пошел со всеми войсками против города Халкедона, подвергнув его длительной осаде, пригласив в то же время императора вступить в переговоры. Император принял это предложение и переправился к нему сам и в сопровождении императорской гвардии (δορυφορίᾳ) и свиты. Увидев его, Саит встал со своего кресла и бросился

* Ed. Bonn — τῶν ἐπιχωρίων.

на землю ниц. Тот же с лодки, в которой он приехал, провозгласил ему приветствие и отдал ему дары. Тогда Саит сказал ему следующее: „О, император, нужно, чтобы царства (βασίλεια) ромеев и персов не расходились в суждениях и никоим образом не противостояли друг другу, но сохраняли бы дружбу и договоры единодушнейшим образом (это лучше и приятнее всего было людям издревле, и ныне, и способствует жизни, благополучию и законности) и чтобы договор оставался во всей силе и впредь. Ибо мы знаем, что никогда не появится государства, которое могло бы соревноваться, не оказавшись более слабым, с этими империями. И разве не грешно в то время, когда возможно руководствоваться разумом и взаимным пониманием и укреплять благосклонность и дружбу между собой, выступать с оружием друг против друга и вредить подданным несправедливым злом? Из-за чего же это происходит? Если бы вы установили согласие и мир, то это сделало бы и каждого из вас, и других людей много счастливее и указало бы на пример, достойный удивления и подражания во всей жизни. Труд и забота изменяются для вас в радость и покой. Если же вы предпочитаете лучше пренебречь столь великим благом и отвергнете мир прочь и сочтете, что он вам не принесет пользы, и выберете вместо этого взаимное нерасположение и зло, то вы станете виновниками многочисленных войн и породите то, что содействует дурному и отталкивающему и тогда изведете великими трудами и потом, и убьете людей, и причините великий ущерб имуществу. И вообще, война явится для вас исходом, ведущим к великому злу. Подобным же образом и ныне вы можете видеть, что когда я насильно вторгнулся в ромейскую землю, она увидела и претерпела страшнейшие [бедствия]. Поэтому вы оказались самым несчастливейшим и жалким из государств“. Так он клятвенно заверял, что стремится, чтобы ромейская и персидская державы пошли по пути установления мирных отношений.

Тот же изъявил свою готовность это сделать и объявил [это], но прибавил, что придаст этому веру, если таковы истинные намерения Хозроя. Но Саит сказал: „Если ты ко мне имеешь доверие, то тогда соизволь лучше сейчас послать своих представителей к Хозрою (я убежден, что и он сам, я хорошо знаю, присоединится к моему мнению) и заключите с нами договор и установите, чтобы вами мир впредь во все времена соблюдался прочно и нерушимо“.

Император же Ираклий, после того как он об этом узнал из благосклонных и обворожительных речей, обрадованный и очарованный, согласился все выполнить с готовностью и ревностью. И патриарх, и высшие сановники, которых он призвал к совету, охотно присоединились к решению о выполнении этого дела. И сразу же были назначены посланными представителями (διαπρεβευσόμενοι). Олимпий, занимавший должность эпарха претории (ὁ τὴν τῶν ἐπαρχῶν τῶν πραιτωρίων διαπρωξίαν), Леонтий — эпарх города, Анастасий, эконом великого храма, который носит название Софии божественной мудрости, — самый достойный доверия в делах. Саит взял их и ушел назад из Халкедона, удаляясь в Персидскую страну. И в то время, как он подвигался по ромейской земле, он их вел с почетом и с достойным уважением (почестями), но когда же он вступил в Персию, он заковал их в железо (связанными) привел к Хозрою. Хозрой же, после того, как он узнал, что Саит признал Ираклия как императора (ὡς βασιλέα) и почтил, вместо того чтобы захватить его пленником и привести к нему (ибо об этом он мечтал и на это возлагал надежду), сильно вознегодовал на него и, наконец, содрав с него кожу, предал его неумолимой и

насилованной смерти. Ромейских же послов отдельно каждого отдал под крепчайшую охрану, истязуя их величайшим образом.¹⁰

Это немало омрачало правление императора. К тому же в то время произошел также тяжелый голод в империи, потому что Египет перестал снабжать хлебом остальные (части), вследствие чего истощились многие императорские хлебохранилища (τῶν βασιλικῶν σιτηρεσίων). К тому же и заразная эпидемия напала на горожан и поразила многих из них смертью. Из-за всего этого император был ввергнут в большое уныние и нужду. И он намеревался по этой причине направиться в Ливию. И тут же отправил вперед много золота, серебра и драгоценных камней. Немало из них, попав в большое волнение, было смыто и поглощено морской пучиной. И тогда граждане, проведавшие об этом, насколько это было в их силах, стали препятствовать ему. Патриарх же призвал его в храм и связал его клятвами, убеждая, насколько возможно, чтобы он не покидал столицы. Уступая им, хотя он и тужил о настоящих несчастьях, он поступил согласно их воле, хотя и неохотно.

Прошло некоторое время, и государь гуннского народа (ὁ τῶν Οὐννων τοῦ ἔθνους χῆρος) вместе со своими правителями и дорифорами прибыл в Византий, домогаясь у императора, чтобы принять христианство. Тот же охотно его принял и ромейские архонты были восприимчивыми гуннских архонтов, а их жены — гуннских жен, и их окрестили в божественной купели. И также они были одарены императорскими дарами и были наделены званиями. Император удостоил саном патрикия их игемона и благосклонно отпустил [их] в гуннскую страну (τὰ Οὐννικὰ ἔθνη).

619 г. Через некоторое время после этого и игемон аварских племен прислал представителя для переговоров о заключении мира к Ираклию. Ираклий этому очень обрадовался; он обменялся с ними подарками и затем послал в качестве своих представителей Афанасия патрикия, затем Косьму, занимавшего должность, именуемую квесторской, которые ему объявили императорскую волю. Авар же, притворяясь, под личиной дружбы, держался вкрадчиво и обольстительно, высказывался, что он друг ромеев, и изъявил готовность заключить с императором договор. Они же, возвратившись, доложили о его благорасположении императору. Очень обрадовавшись, он вознамерился отправиться в город Гераклею и встретиться с Аваром, как то было ими договорено. Он послал вперед театральные приспособления и приготовил все как следует для конских состязаний для приема его, а также озаботился о великолепных одеждах для него и для свиты. После того отправился и остановился в городе Силимврии. Через три дня каган с большим числом аваров появился около Гераклеи. Отобрав некоторую часть из следовавших за ним, являвшихся наиболее отважными и воинственными, он послал их в чащу и заросли, поднимающиеся вокруг так называемых больших стен, чтобы они тайно прошли по находящимся там густо заросшим возвышенностям и чтобы они захватили императора с тыла, с тем, чтобы самому иметь в своем удобном расположении в центре оставшиеся у него [силы].¹¹ Ираклий об этом проведал и, немало испугавшись случившегося, вопреки расчету, снял пурпурные одежды, переменив их на жалкое и бедное платье, чтобы встречным показаться простолюдином, и, привязав императорский венец к руке, неблагородным образом тотчас же обратился в бегство и едва спасся в Византий. Авары же с воодушевлением бросились в погоню и обосновались лагерем в равнине, находящейся перед городом, именуемой Эбдомоном.¹² Отсюда же они распространились до моста через реку Барбисс и эти местности беспощадно разграбили, безжалостно уничтожая

ромеев (τὸν Ῥωμαίων ὄμιλον), императорские же одежды и уборы забрали, как и театральные приспособления и всех тех, кто был при них. Многих же из народа увели в плен рабами (ἀνδραποδισμένοι) в свои пределы. Как единогласно говорили некоторые из бежавших из числа захваченных в плен, количество их всех достигало цифры двухсот семидесяти тысяч мужчин и женщин.¹³

Ираклий, испытывавший подобные затруднения и неполадки в делах общественных, не сумел наладить хорошо и дел домашних. Зная, что дело, которое он делает, неправильно и запрещено ромейскими законами, он соединился браком со своей племянницей Мартиной. Мартина была дочерью его сестры Марии; отцом же ее был Мартин, который был мужем Марии прежде Евтропия. И Ираклий родил от нее двух сыновей. Одного из них он назвал Флавием, другого Феодосием. Однако справедливость восторжествовала над нечестивцем. У старшего из сыновей шея была так поставлена, что он не мог оборачиваться. Младший же был лишен слуха и был глухонемым. За это нечестивое сожитие димоты цвета прасинов очень его ругали во время конских бегов. Сергей же, византийский патриарх, настойчиво поучал его в письме, чтобы он отказался от супружества с женой. Он же оправдывался, что „хотя это и хорошо тобой сказано — ибо это так приличествует и патриарху и другу, которым ты, как должно и воздал, но на нас же лежит последнее слово в делах“. В это же самое время были распроданы церковные сокровища для выплаты дани варварам.¹⁴

И опять царь Хозрой персидский пошел войной против ромеев; он назначил полководцем Сарбара, который опустошил всю восточную область.¹⁵ Он захватил в святых местах животворное древо исцеляющего креста при тогдашнем патриархе Иерусалима Модесте. Персы же готовились и поспешили подойти к Халкидону. Ираклий, приведенный в замешательство персами и аварами, а вместе с тем и голодом, мучившим ромейское государство, и заразительными смертельными болезнями, уничтожавшими его, призвал Сергия, патриарха города, так же как и архонтов и прочую часть народа, передал им своих детей, вручил патрикию Вону бразды правления и сделал попытку вторгнуться через Эвксиинский [Понт] и через Лазику в Персию.¹⁶ У него родился сын от жены его Мартины (ибо он ее увез с собой), которого он назвал Ираклием.¹⁷ Там он послал дары к турецкому государю (τὸν χῆρον),¹⁸ призывая его заключить союз против персов. Тот же принял их и обещал действовать в союзе. Узнав об этом, Ираклий направился к нему сам. Тот же, услышав о присутствии императора, устремился к нему навстречу с массой турок, и, сойдя с коня, преклонился перед императором до земли.¹⁹ То же сделала и вся толпа, находившаяся вместе с ним. Император обрадовался, увидев выказанную ему честь, и объявил, что если дружба к нему так прочна, то пусть подъедет, чтобы приблизиться к нему, и назвал его своим сыном. Тогда тот обнялся с императором. Император же, обняв его, взял корону со своей головы и переложил ее на голову турка (и пригласил его на пир). И возлежа на пиршестве, всю утварь и царские одежды и серьги, украшенные жемчугами, подарил ему. Так же и находившихся с ним архонтов собственноручно украсил подобными же серьгами. Но затем, опасаясь, чтобы он не склонился к тому же, что имело место с аваром, и чтобы сделать союз более прочным, он показал ему изображение своей дочери Евдокии и сказал ему: „Нас объединил бог, объявив тебя моим сыном. И вот это дочь моя и ромейская Августа. Если ты поможешь мне и дашь вспомогательные войска против врагов, я ее отдаю тебе в жены“. Тот же, поражен-

ный красотой и прелестью портрета и восплаивший из-за него любовью к его оригиналу, — еще более склонился к союзу. И сразу же передал архонта со множеством турок императору. И напав с ним на Персию, Ираклий сразу стал разрушать ее города и уничтожать храмы огня (τὰ πυρῆα).²⁰ В одном из них он нашел, что Хозрой обоготворил себя, избравив самого себя сидящим на крыше храма, как бы на небе. Здесь были изображены и молнии, солнце и луна; ангелы стояли вокруг него, и по желанию с помощью механических приспособлений гремел гром и шел дождь. Увидев эту мерзость, Ираклий ниспроверг ее на землю и превратил в прах. Хозрой услышал об этом, а также и то, что и турки выступают в союзе с Ираклием, известил Сарбара письмом, чтобы он как можно скорее вернулся из ромейской страны и отомстил бы Ираклию, потому что он не может противостоять своими силами многочисленным силам Ираклия. Письмо же это было перехвачено и вручено Ираклию. Тот же, узнав это, когда оно было прочитано, уничтожил его и изготовил другое письмо, как бы посланное от Хозроя к Сарбару, и поместил его печатью Хозроя. Оно содержало следующее: „Ромейский кесарь заключил союз с турками и дошел до местности, именуемой Адорбадиджан (Ἀδορβαδιδῆαν), и когда против него была послана армия, он и турки были разбиты, остающиеся же удрали. Не покидай поэтому ромейской земли, но осаждай Халкидон, чтобы поработить и опустошить ромсев“. И Сарбар, получив письмо, держал осаду.²⁰

626 г.

Авары нарушили перемирие; Ираклий, прежде чем стал воевать с персами, подкрепил его дарами, посланными им, взяв на себя обязательство уплатить им двести тысяч номисм, дав им заложниками одного из своих сыновей по имени Иоанна, которого звали и Аталарихом, так как он был незаконнорожденным, от наложницы; Стефана, своего племянника, сына его сестры Марии, и Евтропия и еще другого Иоанна — сына патрикия Вона, также рожденного им от наложницы. Авары же собрались взять Византию* и сразу же положили все предместья. Итак, как бы поделив между собой Фракийский Боспор, персы захватили его азиатскую часть, авары уничтожали Фракийскую область. Другими словами, авары намеревались захватить Византию и подготовили механические стенобитные приспособления. Там были и деревянные башни и военные машины „черепахи“ (χελῶνα).²¹ Но после того как они подвинули машины к стене, божественная сила неожиданно их разрушила и находящихся на них аварских воинов истребила. И так как множество славян следовало вместе с аварами и действовало в союзе с ними, они дали им знак, чтобы, как только они заметят факелы, зажженные на передней стене Влахери,²² именуемой птерон [крылом], они сразу же подошли туда на лодках-однодеревках, чтобы вплавь пробраться, взволновать город, и чтобы авары могли смело броситься со стен внутрь города. Это стало известно патрикию Вону, и он снарядил двухрядные [диэры] и трехрядные [триэры] весельные суда и в том месте, где был подан сигнал, вооружившись, пристал там. И также послал диэры к другому, противоположному берегу. И приказал сразу же дать огневой сигнал. Увидев знак, славяне от реки, именуемой Барбисс,²³ устремились и пошли по направлению к городу. Те же налетели на них, загнали их в середину и сразу же опрокинули, так что и морская вода сильно покрасилась кровью. Среди трупов убитых оказались и славянские женщины. Увидев это, все варвары отказались от осады и возвратились к себе домой. Архиерей же

* В Боннском издании слова οἱ Ἀβάροι συνειθέοντο συμφρονήσαντες ἐλεῖν τὸ Βυζάντιον отсутствуют.

города вместе с Константином императором отправились принести благодарственные молитвы богу в церкви божьей матери, сооруженной во Влахернах, и сразу же воздвигли стену и положили построить ограду у этого святого храма.²⁴ Вот каким образом обстояли дела с аварами.

627 г.

Хозрой же, узнав, что Ираклий приблизился к столице персов, послал против него одного военачальника по имени Ризату,²⁵ благородного по происхождению и опытного в военном деле. Тот, придя на место, построил войска против императора и встал перед своей фалангой и вызвал [противника] на единоборство. Ираклий, так как он не знал никого из своего войска готового [к единоборству], вышел сам против варвара. Тот же, будучи опытным стрелком, пустил стрелу и задел верхнюю губу императора. Затем послал и другую стрелу и вонзил ее в лодыжку ноги. Сам же Ираклий подъехал верхом на лошади, и когда один из его копьеносцев отсек плечо Ризаты мечом и когда тот упал, поразил его копьем и сразу же отсек и его голову. В воодушевлении же после этой победы ромейское войско, видя смелость императора, нанесло мощным ударом на отступивших персов и нанесло им сильное поражение, преследуя их и убив большое число из них.²⁶

628 г.

Персидские же архонты, когда они узнали, что ромейский император ради своего государства не пощадил собственной жизни, задумали вместе с Сироем,²⁷ сыном Хозроя, убить Хозроя, так сильно презревшего свое государство. И вот они заточили его в одном из царских дворцов, не давая ему пищи, предлагая ему золото и серебро и многие камни, говоря: „Чем наслаждался и из-за чего безумствовал и что страстно любил, то и получаешь“. И когда так его извели голодом и уморили, тогда провозгласили сына его царем персов. Сирой сразу же отправил к Ираклию послов и послал ему дары, чтобы умиловать его. Кроме того, он присоединил и письмо к нему, в котором уговаривал его по божьей воле помириться и объединиться из-за обоих их государств и чтобы каждое из них успокоилось. Тот же ответил письмом на это, называя Сироя сыном, что он никогда не имел намерения лишать царя его сана. Поэтому не сделал этого и в отношении Хозроя, хотя он и усердно хлопотал о многочисленных бедствиях и для ромеев и для персов [сказал он], а если бы одержал над ним верх, то если бы он спасся, то стал бы [стремиться] к восстановлению его государства. Но бог, который знал его помыслы, воздал ему по достоинству кару, чтобы из-за него не произошло разорения многих; нас же привел к единению. О животворном же древе, которое Сарбар увез из Иерусалима, он сразу потребовал, чтобы оно было возвращено туда же; тот же обещался его отдать, если его где-нибудь случится обнаружить.²⁸ В отношении послов, которых Саит увел обманом, Сирой сообщил, что Леонтий умер обычной смертью, других же Хозрой распял на кресте, когда узнал, что Ираклий вторгнулся в Персию.

Вскоре после смерти Сироя²⁹ персидским царством правил Кавоэс, который также жил недолго и вскоре умер; после него царствовал у персов Ормизда, который также послал послов к Ираклию, направив к нему собственного сына с деньгами и драгоценными дарами. Он писал в письме, что „так же, как говорят, ваш бог был отдан некогда старцу Симеону в объятие, так и я передаю тебе твоего слугу [раба], сына моего. Пусть ведает бог, которому ты поклоняешься, как ты будешь обращаться с ним“. Ираклий же принял его с большим почетом и затем, после смерти Ормизда, возвел на персидский престол.

Сарбар, услышав, что Хозрой, Сирой, Кавоэс и Ормизда умерли, удалился из ромейской страны и написал в свое оправдание Ираклию,

что не охотно, но по желанию пославших его действовал против ромеев. Но искал представить себя на его суд, чтобы стать его слугой. И обещался, получив от императора подтверждение честным словом, что придет к нему из Персии и даст деньги, с помощью которых будет восстановлено то, что он сам разрушил в земле ромейской.

Тем временем как он это замышлял, сын Ормизда, в результате заговора, был убит, и Сарбар стал домогаться у императора персидской державы. Тот же дал ему согласие на это, и они условились друг с другом, что все то, что потеряли ромеи из-за персов, будет ромеям возвращено. И сразу же, согласно решению, вместе с заключением мира, Сарбар отдал ромеям Египет и все восточные земли. С уходом находящихся там персов он послал животворное древо императору. Ираклий же Никиту, сына Сарбара, возвел в сан патрикия, а Нику, его дочь, выдал замуж за Феодосия, сына своего от Мартины. Григорию же, дочь Никиты, вызванную из Пентаполиса, соединил браком с Константином, императором ромеев; она была сосватана еще при жизни своего отца.³⁰

В то же самое время из Ятриба (Αἰθίοβου),³¹ так именуемого [это область счастливой Аравии], появились саракины, разграбили и подвергли нападению тамошние местности, лежащие поблизости. Ираклий отправил из Византии свою дочь Евдокию, отдавая ее, как обещал, за турка. Но так как он узнал, что турок убит, он приказал ей вернуться назад. И когда Ираклий находился в Персии, у него умерли два сына и две дочери. Он сам, взяв животворное древо, запечатанное (так, как оно было получено и сохранилось), отправил его в Иерусалим, и Модесту архиерею и его клиру показал его.³² Когда же они увидели, что печати не повреждены, то за то, что они не повреждены и сохранились невредимыми в оскверняющих и нечестивых варварских руках, возблагодарили бога благодарственным гимном. И иерарх принес ключи [от ковчега], которые у него оставались, и когда отворил его, все преклонились. И после того как оно было здесь воздвигнуто, император сразу же отослал его в Византию.³³ Сергей же, византийский патриарх, принял его и затем из Влахерн [храма богородицы] с литаниями перенес в великую церковь [Софии], где его и водрузил. Был второй индиктион, когда это произошло.

Вскоре после этого и Ираклий отправился в Византию и был принят тамошними жителями с многочисленными приветствиями и чрезвычайной славой. Он привел четырех слонов, которых приказал водить на конских состязаниях для услаждения горожан; в день же празднования победы совершил раздачу всевозможных подарков. Затем же за то, что было им взято из имущества великой церкви, он приказал выплачивать из императорской казны (βασιλικῆς ταμείου) ей и ее клиру ежегодное содержание. И потом произвел возведение в консулы сына своего Константина, Ираклия же, сына от Мартины, назначил кесарем.

635 г. По прошествии же некоторого времени саракины напали на окрестности Антиохии. И сразу же Ираклий со своей женой Мартиной и сыном Ираклием выехал в восточные области. Будучи там, он сильно рассердился на брата своего Федора. Тот кому-то по секрету бранил самого императора по причине Мартины, говоря, что „грех его остается всегда стоящим на виду“.* И [император] отправил его в Византию и написал сыну своему Константину, чтобы его на собрании обесчестили и чтобы он держал его в заточении. Стратигом же Анатолии послал Федора, хранителя императорской казны (τὴν βασιλικὴν χρημάτων ταμίαν)

* Ср. пс. 50, 5.

по прозванию Трифурия, ибо Сергей, тот, который был с Никитой, погиб таким способом: саракины содрали шкуру с верблюда, завернули его в кожу и зашили. Шкура высохла вместе с заключенным в нее. И внутри нее он, измученный, погиб жестокой смертью. Причиной же этого, по их утверждению, явилось то, что он сам подговорил Ираклия, чтобы не отпускать саракин и не высылать из ромейской земли обычно доставляемые им триста литров золота торгового вознаграждения [пошлины от ромейского государства]. И тут-то они и начали опустошать ромейские земли. Ираклий приказал Федору, чтобы он не вступал в сражение с саракинами. Они же сделали засаду и, подстрелив несколько ромеев, увели их. Затем вместе набросились на них из засады и, окружив, убили многих стратиотов и архонтов.

В то же время Мария, сестра Ираклия, послала аварскому кагану деньги (χρηματα) и выкупила своего сына Стефана. Соблазненный этими дарами Авар стал побуждать магистра Аниана [Антониана],* чтобы и он прислал дары за освобождение других, которые были взяты заложниками. И так это и произошло.

В те же самые времена восстал вновь Куврат, родственник Органы, государь гунно-гундулов, против аварского хагана и весь народ, который находился вокруг него, подвергая оскорблениям, прогнал из родной земли. [Куврат] прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил его сана патрикия.

В то время как Ираклий проводил время в восточных областях, он назначил стратигом Иоанна Варкайну (Βαρκαίνης) и послал его против саракин в Египет. Вступив в бой с ними, пал и он. Еще и Марин, эгемон фракийских войсковых частей, вступивший в бой с ними, потерпел поражение, потеряв большую часть войска; он сам едва спасся.³⁴ После него Ираклий выдвинул стратигом Мариана, имевшего звание кубикуллярия у ромеев, и послал его туда, приказав ему соединиться с патриархом александрийским Киром и [держать с ним совет] о том, как быть с саракинами. Кир же сделал императору известным, что за дань может заключить договор с Амвром — саракинским филархом, которая, однако, как он указал, может быть получена от торговой пошлины (ἐμπολαίου εισφορᾶς), так чтобы уплачиваемые императору подати оставались бы без ущерба. И советовал обещать ему [в жены] Евдокию Августу, одну из дочерей императора [при условии], чтобы он был крещен в божественной купели и принял христианство. Киру Омар и его войско доверяли, ибо они очень полюбили его. Но этого не поддержал Ираклий. И так как об этом также узнал и Мариан, Мариан отступил от решений Кира и, напав на саракин, пал и сам, и вместе с ним значительное войско.

В эти времена Ираклий отправился на родину и остановился во дворце, именуемом Иерия (τῆς Ἱερίας),³⁵ так как не решался переправиться через море; многие сановники (ἀξιόβυτες), и архонты, и горожане убеждали его войти в город, но никак не могли убедить. И в праздники он только посылал сыновей, и они, совершив в храме божественную литургию, сразу же возвращались к нему. Также, когда присутствовали на конских состязаниях, снова уходили к отцу. В то время, как он там проводил время, его известили, что сын его Аталарих и Федор, находящийся в сане магистра, сын Федора, брата императора, вместе с некоторыми другими собираются организовать заговор против него.

* Такое чтение дает Chron. Pasch., p. 714.

Поверив этим доносам, Ираклий приказал отсечь им носы и руки, а Аталариха послал в изгнание на так называемый Принцев остров, Федора же — на остров, именуемый Гаудомелету, и отдал распоряжение тамошнему дуге (δουκι), когда они придут, отнять у них одну из ног. И так же наказал и единомышленников их замыслов.

638 г. Когда прошло достаточное время, императорские архонты договорили эпарха, чтобы привести большое число судов и скрепить их друг с другом наподобие моста и окружить стеной из веток, деревьев и растений залив, именуемый „Стенос“ (Στενοῦ), чтобы не было видно при проходе моря. Когда это дело было выполнено со скоростью, император верхом переправился через море, как через материк, к высокому берегу залива, именуемого Фидалийским, и, минуя прибрежную местность, через мост реки Барбисс вошел в Византий. Затем он короновал императором кесаря Ираклейона.³⁶

638 г. В двенадцатый индиктион скончался Сергей, византийский (константинопольский) патриарх. И поэтому Ираклий приблизил к себе Пирра, называя его братом; Пирр некогда был восприемником и крестил в святой купели сестру императора, и так как он узнал, что тот проживал вместе с Сергием и был близок с ним, он его назначил архиереем Византии.

Еще и прежде Кир, патриарх александрийский, был приглашен в Византий; он имел на себе большую вину в том, что выдал деньги всего Египта саракинам. Тогда же это обвинение было сделано перед многочисленным собранием народа этого города. Он оправдывался, что ни в чем не повинен, что если бы придерживались его совета и саракинам платили бы торговую пошлину, они не только бы успокоились, но доходы, уплачиваемые императору, не пропали бы. И он обвинял других в том, что они были виновниками этого дела, говорят, что напрасно стараются возвести вину на него. Император же назвал Кира эллином [язычником], замышляющим отдать в жены эллину и богоборцу, имеющему вражду против христиан, Амбру — саракинскому филарху, дочь императора. При этом он вознегодовал на него и стал угрожать ему казнью; его отдали городскому префекту, чтобы подвергнуть пытке.

640 г. После того он счел справедливым своего сына Ираклия назначить консулом, Давида же и Мариана, сыновей своих, провозгласить кесарями, Августину и Мартину, дочерей своих, — августами. Прошло некоторое время, и на него напала болезнь — водянка, и он увидел, что болезнь неисцелима, потому что его это именно убило, ибо он был наказан за свое беззаконие, получив это крайнее наказание за то, что выставил на показ брак с собственной племянницей. Он оставил завещание, чтобы Константин и Ираклий, его сыновья, стали одинаковыми императорами и чтобы Мартина, его жена, почиталась ими как мать и императрица. И затем, наконец, умер, прожив шестьдесят шесть лет и закончив царствование на тридцатом году четвертого месяца, шестой день. И был погребен в церкви всеми прославленных апостолов, в течение трех дней гроб с телом его оставался непокрытым (как он распорядился еще при жизни) и окруженным охраняющими его внуками.

После того Мартина августа призвала патриарха Пирра, императорских сановников и, собрав народ Византии, предъявила завещание Ираклия, которое содержало распоряжение и о ней и о детях. Весь же присутствующий народ требовал императорами Константина и Ираклия. Она привела их. И вместе с тем рассчитывала считать себя как бы базилиссой и первой в государстве. Некоторые же из присутствующего народа провозгласили ей, что „Ты-де имеешь почет, как мать

императоров, они же — как императоры и государи“. Избрали же и отдали почет Константину, как первому в государстве, потому что он был избран еще в детстве. И говорили: „Ты не можешь, госпожа, принимать или вести разговоры с варварами и чужеплеменниками, прибывающими в государство; не дай бог, чтобы в такое состояние пришло ромейское государство“. И, уходя, начали славославить императоров. Услышав это, она удалилась в свой дворец.³⁷

С этого времени Константин начал править империей. Филагрий — хранитель императорской казны* уведомил Константина, что когда Ираклий, отец его, заболел, он передал патриарху Пирру денежные средства для императрицы Мартины, чтобы она не осталась в нужде и отстраненной от императорских средств при Константине-императоре и пасынке. Константин послал за Пирром и стал допрашивать его, так ли это было. Пирр же, обличенный во всех отношениях Филагрием, выдал, хотя и не хотел, эти деньги. Константин, охваченный хронической болезнью, ради хорошего воздуха поселился в построенном им дворце в Халкидоне. Филагрий, видя, что он ослаб, и ожидая, что он скоро умрет, стал опасаться Ираклия и Мартины, чтобы не потерпеть ему от них зла. По этой причине он посоветовал Константину написать войскам, чтобы, если он умрет, они взяли детей его и чтобы не дозволяли обижать их и чтобы не отнимали у них императорского престола. Приняв это предложение, Константин вручил Валентину, оруженосцу Филагрия, письма и прочее, относящееся к этому делу, и послал его к армии, дав ему содержание для армии счетом** двести [пятьдесят] тысяч и еще шестнадцать тысяч номисм³⁸ и предлагая войсковым наборам после своей смерти противостоять Мартине и ее детям. И процарствовал вместе с отцом 28 лет и пережив его, еще будучи императором, 103 дня, он скончался.

Вслед за ним автokrатором в империи был провозглашен Ираклий,³⁹ который привлек к управлению империей и свою мать Мартину. Он же сразу взял корону отца, в которой тот был погребен и которую сын его Константин взял из церкви (достоинством до 70 литров золотом), и принес в дар богу в храм; Кир же, патриарх Александрии, был восстановлен на своем престоле. Ираклий постриг Филагрия и сослал его в крепость, именуемую Септом, расположенную на западе, по ту сторону от Геркулесовых столбов, в Ливии. Многим же другим, которых считал друзьями и пособниками его, отомстил побоями и другими наказаниями. Валентин же, оруженосец Филагрия, узнав об этом, взбунтовал войска против Мартины и ее детей; с их помощью он захватил Халкидон и для того, чтобы защитить детей Константина, обосновался в нем. Ираклий же прочно удерживал город и перед всеми оправдывался, что Ираклий, сын Константина, остается нетронутым, и всем показывал его здоровым и невредимым и обнимал его, как родное дитя. И чтобы этому поверили, указывал на то, что принял его на руки после крещения. И Пирр, иерарх города, появился с ним и поклялся на чудотворном древе, что ни через него, ни через кого-либо другого детям Константина не будет причинен какой-либо ущерб. И, отговариваясь, указывал на Валентина, как строящего козни против них и стремящегося к императорской власти. И чтобы еще больше

* Комит императорских щедрот.

** По Себеосу 216 тысяч (ср. гл. 32, стр. 123); в вариантах пятьдесят тысяч двести; пять и двести; в рукописи над словом τεύχεσται стоят точки, о чем de Boor замечает: *quoniam manu puncta posita sint discerni nequit* (стр. 23, 1, ed. de Boor).

во всех отношениях укрепиться, взял вместе с собой Ираклия. Ираклий переехал к Валентину и снова захотел принести клятву и убедить их в том, что он любит и расположен к Ираклию [сыну Константина. — *Е. Л.*] Валентин же не принял его, но отослал обратно, и, возвратившись, он рассказал об этом всем в городе. И они все поверили Ираклию и стали ругать Валентина.

Когда же подошло время сбора винограда, горожане, узнав, что войско, стоящее на стороне Валентина, портит их виноградники и что туда невозможно переправиться, пришли к Пирру, взывая, чтобы он венчал на царство Ираклия — сына Константина. Пирр же, посмотрев на беспокойство и бунт народа, отговаривался, говоря, что они не из-за этого восстают, но из-за того, чтобы передать императорскую власть Валентину. И об угрозах толпы сделал все известным императору. Тот же, взяв с собою своего племянника Ираклия, сразу же вступил в храм, взошел вместе с Пирром на амвон, обращаясь к нему, чтобы венчать Ираклия. Толпа же принудила императора довести дело до конца. Он, взяв в церкви корону отца своего Ираклия, выполнил это дело. И сразу же, увенчанного, толпа переименовала в Константина. Самые неотесанные и грубые из толпы вооружились против Пирра, но, войдя в храм, его не нашли. Во время же вечерней службы* вошли, приведя с собою толпы евреев и других дурномыслящих, в алтарь; разорвали его покровы и бесстыдным образом замарали святое место; взяв ключи от врат, привязали к копью и так нечестиво прошли в город. Пирр же, узнав об этом, на следующую ночь пришел в храм и поцеловал все святые. Сняв с себя одетый на него омофор, положил его на святой престол, говоря: „Не отчуждаюсь от священничества, но отступаюсь из-за непослушного народа“. И спокойно вышел оттуда, найдя себе убежище у одной благочестивой женщины, а затем, выбрав благополучное время, отплыл в Халкидон. О его прибытии некоторые из тамошних монахов услышали и стали исследовать то, что старшим Ираклием императором и Сергием патриархом города было установлено в отношении двух волей и энергий Христа Спасителя, что защищали Максим и Феодосий в Африке. Вот как было тогда дело в отношении Пирра.⁴⁰

641 г. Так как сторонники Валентина держали в руках Халкидон, Ираклий и Мартина были принуждены более не причинять вреда тамошним пригородам, соединиться с ним и дать друг другу клятвы. И его почтили саном, который ромеи называют комитетом экскувитов, но с тем, чтобы совершенно не иметь притязаний на те средства, которые он получил от Константина; и были награждены деньгами пришедшие к нему воины. Давид был венчан кесарем и переименован был в Тиберия. И исполнив это так, Павел, бывший экономом великой церкви, был рукоположен архиереем Константинополя в октябре месяце пятнадцатого индиктиона. Константин в Сицилии⁴¹ был коварным образом умерщвлен во время купанья одним из своих оруженосцев и скончался еще на двадцать седьмом году царствования.

668 г. Вслед за ним Константин, сын его, стал держать в руках скипетр империи.⁴² При его вступлении на престол сразу же вождь сарацинов подготовил большое число судов и послал их против Византия. Вождя их опытного, надежнейшего и испытанного в войнах, они называют на своем диалекте халифом (*χαλιφ*); он, снарядившись, направился

* Слов „но его не нашли. Во время же вечерней службы“ нет в Боннском издании.

к пригородам Византия через прибрежную местность, именуемую Эбдомон.⁴³ Узнав об этом, и Константин выставил большой флот. И между ними происходили ежедневно многочисленные морские сражения и схватки от весны до осеннего времени. С приходом же зимы саракинский флот переправился зимовать в Кизик, а с приходом весны выступил снова и таким образом вел на море войну. Саракинский флот выдерживал войну семь лет, но достиг цели не более [чем прежде] и, лишившись многих храбрых мужей, страшно израненных и тяжело пострадавших, должен был поплыть обратно, возвращаясь домой. Оказавшись же близ Силейского моря, он был захвачен сильными ветрами и морскими волнами, и все войско погибло. Когда же царь (*βασιλεύς*) сарацинов узнал о несчастии, случившемся с флотом, он послал послов к Константину, чтобы заключить с ним договор на условия уплаты ежегодной дани. Тот принял их и, услышав изложенное, послал вместе с ними Иоанна патрикия по имени Пидзигаудия (*Πιτζιγαύδιον*), многоопытного и разумного, с целью, чтобы он вступил в переговоры о мире. Он же, прибыв в Саракинскую страну (*Ἰθάη*), заключил мир, подтвержденный клятвами, на тридцать лет на условиях, чтобы сарацинами выплачивалась ежегодно ромеям дань, в количестве трех тысяч золотом, и невольниками (*ἀνδρας τε αἰχμαλώτους*), в количестве пятидесяти человек, и конями, в количестве пятидесяти голов. Услышав об этом, и народы, живущие в западной части, т. е. вождь (*ἡγεμών*) аваров и зависящие от него (*οἱ ἐπέκεινα ἄρχοντες*) архонты народов, живущих к западу, прислали через послов императора подарки, добываясь мира. Это было дано им императором, и в дальнейшем мир и покой был обеспечен и на востоке и на западе. Так с этим обстояло дело.

Теперь еще нужно сказать о так именуемых гуннах и болгарях, об их происхождении и устройстве.⁴⁴ Около Майотидского (*τὴν Μαϊώτιν*) озера по реке Кофине (*Κόφιννα*)⁴⁵ была расположена издревле известная великая Болгария и жили так называемые котраги (*Κότραγοι*) одноплеменные с ними. Во времена же Константина, который умер на Западе,⁴⁶ Куврат, бывший государем (*κύριος*) этих племен, умер, оставив пятерых сыновей, которым он завещал никаким образом не отделять друг от друга жилья и чтобы они добрым расположением друг к другу охраняли свою власть [государство. — *Е. Л.*]. Они же, мало заботясь об отеческом завещании, по прошествии недолгого времени отделились друг от друга, и каждый из них отделил себе свою часть народа. Из них первый сын, по имени Ваян (*Βαϊάνος*), остался, согласно приказу отца, на родовой земле по сию пору. Второй — именуемый Котрагом, переправившийся через реку Танаис, поселился напротив него; четвертый перешел через реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров, и поселился путем заключения союза среди местных племен; пятый же, обосновавшийся в Равеннском Пантаполисе, стал подданным ромеев. Последний из них, третий брат, по имени Аспарух, перейдя реки Данапр и Данастр, поселился в местности около Истра, заняв удобную для поселения местность, называемую на их языке Оглом (*Ὀγλον*), неудобную и недоступную для врагов. Она ограждена с одной стороны впереди тем, что перед ней находятся теснины и болота, позади же она защищена стенами неприступных скал. Именно потому, что народ так разделился и расселился, племя казар, жившее внутри области, именуемой Верилией,⁴⁷ по соседству с Сарматией, часто нападало на него. И пройдя все области, лежащие за Понтом Эвксинским, проникло через все земли до моря.⁴⁸ И вслед за тем подчинило Ваяна и заставило производить уплату дани.

Константин же, так как он узнал, что народ (τὸ ἔθνος) расставил шатры (σκηνοῦσαν) на Истре и что он подвергает опустошению расположенные по соседству земли, находящиеся под властью ромеев, переправил вооруженную армию во Фракийскую область и, вооружив также и флотилию, направился против этого народа, чтобы защититься.

Болгары, увидев многочисленность конницы и флотилии, пораженные вследствие неожиданности и безнадежности страхом, бежали в свои укрепления и оставались там четыре дня. Так как ромеи не могли вступить с ними в сражение вследствие неприступности места, они пришли в себя и приободрились. В то же время император заболел болезнью ног (νόσῳ ποδαλγικῇ) и, остро страдая, отплыл в город Месемврию для лечения; он приказал военачальникам и народу осадить укрепление и сделать, сколько возможно, для отомщения тому народу. Но так как кем-то была пущена молва, что император обратился в бегство, обеспокоенные ей, они, никем не преследуемые, стремительно обратились в бегство. Болгары, узнав об этом, стали их упорно преследовать и одних из тех, кого захватили, убили, многих же ранили.⁴⁹ Достигнув Истра у так называемой Варны, близ Одисса, и дойдя до лежащего выше материка, они увидели укрепленное и надежное положение этого места со всех сторон, огражденное рекой, и из-за его непроходимости расположились там. Они владывают и над живущими поблизости славянскими племенами и одних поставили для охраны от находящихся по соседству аваров, других же — для наблюдения над находящимися по близости ромеями. Таким образом, укрепившись и возвысившись, они опустошали и нападали на области и города (χωρὶα καὶ πόλεις) Фракии. Императору же, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате им дани.⁵⁰

И когда всюду наступил мир в ромейской державе, усилилась нечестивая ересь монофелитов, которая получила начало еще со времени императора Ираклия.⁵¹ И было несогласие [раскол] в православной церкви. Узнав об этом, Константин собрал вселенский собор,⁵² который утвердил [решение] пяти предшествующих святых вселенских соборов, всячески разъясняя о двух волях Христа Спасителя и двух природных силах (ἐνεργείας), совершенных и в его божественности, совершенных и в его человечности, и предал анафеме одержимых ересью. И так в спокойствии и строгом порядке Константин закончил остаток жизни и на семнадцатом году царствования скончался. Останки его похоронили в царских усыпальницах в церкви святых апостолов.

Царствование же оставил он сыну своему Юстиниану, бывшему тогда в 16-летнем возрасте; Юстиниан принял царствование от отца, распорядившегося с целью сохранения мира и установления прочного порядка в государстве, и все разрушил. Он разорвал и мир, заключенный с болгарами. Приведя конную армию во Фракийские области, он сразу же устремился против славян. Сделал набег до города Фессалоник, многих из тамошних людей из славянского народа захватил, одних насильственным образом, других — обещаниями, переправив их через Абидос* и поселил в так называемой Опсикийской области (τοῦ Ὀψικίου λεγομένην χώραν). Из них набрал в войско до 30 тысяч народа, и народ, который вооружил, стал именовать избранным (λαὸν περιούσιον) войском. И поставил над ними архонтом из числа благородных по имени Небула (Νεβούλου). Опираясь на них, он осмелился разорвать мир, заключенный отцом его, с сарацинами. И ради этого переместил

* Ср. τὸ στενὸν τοῦ Ἀβύδου стр. 53, 10; 57, 17; 68, 15.

оплитов, издревле стоявших войсками на горе Ливане. И вступил с сарацинами в войну и дошел до Севастополя. Но сарацины тоже открыли военные действия и вышли [сами] против них.* Они говорили, что сохраняют мир прочным; если же сами ромеи намереваются его расстроить, то пусть бог будет судьей виновников. Но Юстиниан предпочитал войну; они, привязав письменный договор о мире к вершине знамени, отдали приказ нести его впереди и направились против ромеев. Те же обратились в бегство, и названный особый полк славян (τῶν Σκλάβων λαός) присоединился к сарацинам и вместе с ними убивал ромеев. После этого, набравшись еще более храбрости, сарацины стали опустошать Ромейское государство. Вот как обстояло с этим народом.

На государственных же должности он поставил мужей суровых и чрезвычайных жестокостей: такими были евнух Стефан-перс, казначей императорской казны (ταμίης τῶν βασιλικῶν χρημάτων). Он оскорблял многих из подчиненных и дошел до того, что осмелился напасть на самую мать Юстиниана, наказав ее розгами по образцу того, как наказывают детей учителя (μάστιγας αὐτῇ ἐν σχήματι ὡσπερ τοὺς παῖδας οἱ γραμματιστὰι ἐπιθέμενος); какого-то монаха Феодота, который прежде жил отшельником в так называемом узком проливе (Στενοῦ)⁵³ во Фракии, поставил государственным казначеем (τῶν δημοσίων λογίστην), которого обыкновенно называют главным логофетом (τὸν γενικὸν λογοθέτην); своей чрезмерной жестокостью он не только выжимал деньги из своих подчиненных, которых он подвешивал на веревках и окуривал горячей соломой, но к тому же еще и других известных мужей (προφανέστερος ἄνδρας) подвергал конфискации и убивал жестокими способами.

Некоего же патрикия Леонтия, происходящего из Исаврийской области и сделавшегося стратигом так называемого азиатского войска, часто прославляемого многими, Юстиниан в течение трех лет держал узником. Затем же освободил из заточения и перебросил стратигом Элады, принудив его в тот же день отправиться из Византии. К нему пришел среди ночи другья его — Павел, некий монах, настоятель монастыря Каллистрата,⁵⁴ ученый астроном и монах Григорий, игумен монастыря Флора, каппадокиец по происхождению, чтобы проводить его. Тот же, увидев их, взывал к ним, говоря: „Напрасно вы мне предвещаете царствование, потому что ныне я отсюда ухожу, и мне остается горький конец жизни“. Они же закрывали ему путь, твердо доказывая, что если он не промедлит, то овладеет властью. Убеденный ими, он сразу же привел некоторых из [своих] оруженосцев в продолжение ночи и, выбрав себе оружие, отправился втихомолку к претории. Он дал знать, что пришел император, чтобы по своему усмотрению распорядиться относительно находящихся там: эпарх претория встретил его и открыл ворота. Он сразу же связал ему руки и ноги. Очутившись же внутри, Леонтий освободил всех заключенных и, вооружив их, устремился к так называемому форуму.⁵⁵ Разойдясь оттуда во все части города, он велел кликнуть клич, чтобы все христиане пришли в храм Софии. И вследствие этого все множество народа в смятении поспешно собралось у крещальни церкви. Он же с монахами и другими из числа своих друзей вошел к Каллинику, тогдашнему городскому патриарху, и принудили его выйти и обратиться к народу с речью, что „сей день, его же сотвори господь“.⁵⁶ И толпа стала бранить Юстиниана.

И так все устремились на ипподром. С наступлением же дня привели к ним Юстиниана. И вследствие кликов толпы, чтобы подвергнуть

* Лат. перевод неточен; ср. The o r h. под 6183 г.

императора [казни] мечом, Леонтий, щадя его кровь⁵⁷ по причине любви к отцу его Константину, отрезал ему нос и язык и выслал его в город Херсон, по окончании еще [только] десятого года его царствования. Леонтий был провозглашен толпой императором. Стефана же евнуха и Федота монаха из-за числящихся за ними дурных дел, хотя и против воли императора, схватили и, связав им ноги веревками, поволокли на так называемую площадь Быка (βοός),⁵⁸ где и предали огню. Вот как обстояло дело в Константинополе.

697 г. Кархедон же, находившийся в Африке [под Африкой], прежде плавившей подати, находясь под властью ромеев, тогда перешел под власть саракинов, будучи захвачен ими в результате войны. Леонтий, узнав об этом, вооружил весь ромейский флот и, назначив над ними стратигом патрикия Иоанна, опытного в военном деле, послал его против саракинов в Кархедон. Тот же, оказавшись там, находившихся в нем [Кархедоне] саракин своими военными действиями обратил в бегство и возвратил город ромеям; а также и все другие тамошние города (πολιςματα) освободил от власти этого народа и, оставив вооруженную армию для охраны, остался там зимовать. Саракинский же император (βασιλεύς), узнав об этом, двинул против него большое войско, с помощью которого изгнал Иоанна с имеющимся у него ромейским флотом и снова захватил Кархедон и окружающие его города. Иоанн же поспешил отправиться к императору. Но когда он оказался на острове Крите, архонты вместе с массой войск подняли восстание, так как он никоим образом не хотел позора и страшился необходимости явиться к императору. Поэтому они стали бранить Леонтия, отступаясь от него, и голосовали за имя Апсимара, архонта Курикиотской армии, находящейся в области Кивериотов (ἀρχοντι τῶν Κουρικιωτῶν τοῦ Ἰσουλῶτα τῆς ὑπὸ Κιβυραιωτῶν χώρας), которого ромеи обычно именуют друнгарием, и прозвали его Тиберием. Тем временем город был охвачен заразной болезнью, которая в течение четырех месяцев погубила множество народа. Апсимар с имеющимся у него флотом направился в Византий и пристал против города в так называемых Сиках⁵⁹ [прибрежной приморской местности]. Некоторое время он вступил в сражение с жителями города и в конце концов подкупил стражников на стене Влахерн и их архонтов и через них захватил город.⁶⁰ Армия, которая вошла вместе с ним, расхитила имущество горожан. Леонтия же, процарствовавшего третий год, захватил, отрезал ему нос и приказал заточить в так называемый Делматский (τῆς Δελμάτου) монастырь.

704 г. И вот что у них произошло. Юстиниан, так как он пребывал в Херсоне, отваживался открыто и часто выступать с речами, чтобы снова овладеть царством. Тамошние же горожане, усматривая в этом отношении для себя опасность, задумали его умертвить или в оковах отправить к Апсимару. Юстиниан, проведав об этом, бежал оттуда и пробрался в крепость, так называемую Дорос (Δόρος), расположенную в Готской области (πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα).⁶¹ И вот он попросил хазарского вождя (они их называют хаганами) принять его.

Хаган уступил просьбе, принял его с честью и, подружившись с ним, отдал ему в жены свою сестру Феодору. Юстиниан, с его согласия, прибыл в Фанагорию, и жил там вместе с ней. Узнав об этом, Апсимар обратился с настоятельной просьбой к хазарскому архонту, обещая ему много денег и подарков, прислать Юстиниана живого или его голову. Тот уступил многочисленным призывам и взялся их выполнить. Он послал людей будто бы для его охраны, под предлогом, чтобы он не стал жертвой заговора своих единоплеменников, в действительности же,

чтобы он был под охраной и не убежал бы. И приказал своему архонту из числа своих единоплеменников, живущих при Юстиниане, а также и архонту Скифского Боспора выжидать, пока он им прикажет, а затем убить Юстиниана как можно быстрее. Но Феодоре об этом донес кто-то из отцовских слуг (οἰκετῶν). Она посвятила мужа в этот замысел. Юстиниан (тогда) призвал к себе того хазара и, уединившись с ним, задушил его в петле и тем же способом убил и босфорского архонта. Затем сразу же отослал свою жену Феодору к отцу; сам же выехал и прибыл в приморское селение, именуемое Томи (Τομί). Там пересел на судно с некоторыми другими людьми и, проплыв туда на судне, прибыл к городу Символу (Συμβόλου) по соседству с Херсоном. И пристав к тамошней пристани, послал одного из своих товарищей в город, чтобы привести к нему Варасвакурия (Βαρασβακούριον), его брата Саливу (Σαλιβᾶν) и некоторых других людей. И отплыв вместе с ними, пройдя через так называемые Некропилы [Мертвые ворота], он оказался у реки Истра. Оттуда послал из числа бывших с ним некоего Стефана к Тервелю, тогдашнему государю тамошних болгар, призывая его оказать ему содействие для обратного получения императорского престола, обещаясь дать ему многочисленные дары и свою дочь в жены. Тот охотно на все согласился, принял Юстиниана с великим почетом и, вооружив весь подвластный ему народ, вместе с ним направился к столице. И прибыв к стене Влахерн, в течение трех дней требовал у жителей города, чтобы они приняли своего императора. Они же, гнусно понося его, отсылали его. Тогда Юстиниан ночью вошел вместе с немногими сопровождающими его в город через водопровод и оттуда захватил город. Вскоре он обосновался во Влахернском дворце. Ираклия же, брата Апсимара, стратига анатолийских войск, и других архонтов и оруженосцев его, Юстиниан повесил на дереве у стены. И захватя Апсимара, пребывавшего седьмой год на царствовании, и Леонтия, заковал их в железо и бросил в тюрьму. Затем же во время конских состязаний волочил их направо, волочил налево и попирали их ногами, и потом отослал в так называемый Кинегий,⁶² чтобы отсечь им головы. Тервелю же, болгарскому архонту, раскинувшему шатры (σκηνοπέμονον) за стенами Влахерн, Юстиниан выказывал большое внимание и, наконец, пришел к нему сам, накинул на него императорскую хламиду и провозгласил его кесарем; посадил его рядом с собой и приказал, чтобы народ преклонил колени (προσκυνησάτω) перед ними обоими. Затем же, одарив его богатыми подарками, отослал его назад.

705 г. Каллиника, городского патриарха, за то, что тот бесчестил его и провозгласил Леонтия, ослепил и отослал в Рим. Кира же, бывшего в заточении в Амастриде и пророчившего там ему второе царствование, поставил вместо него на патриаршество. И совершил множество убийств и злодеяний по отношению к подданным. Одних назначал на архонтат и сразу посылал вслед за ними других и убивал; других еще призывал на обед и убивал ядом; других опять же выбрасывал в мешках в пучину моря. По единоголосной молве, он был для подданных крайне жестоким зверем. Затем послал в Хазарию за своей женой Феодорой и за своим сыном Тиверием, родившимся от нее. И венчал их на царствование. После того разорвал мир с болгарами и, приведя многочисленную армию с земли и моря во Фракийские области, выступил на войну с ними 707 г. к городу Анхиалу. Но болгары неожиданно для войска, рассеявшегося по этой равнине для заготовки пропитания, напали и многих из них убили, других забрали в плен. И самого Юстиниана, оставшегося

в городе Анхиале, осаждали три дня. Он же ночью пробрался на судно, бежал оттуда и снова вернулся в Византий.

708 г. В то время как так обстояли дела, саракинский император послал большое количество вооруженных людей, назначив их полководцами Масалму и Солимана [называемых так на их диалекте] для осады города Тианы. Они же, оказавшись там, многократно вступали в бой, и хотя с помощью стенобитных машин и низвергли часть стены, но больше ничего достигнуть не были в силах, и намеревались возвратиться домой. Между тем Юстиниан послал во внутренние области и, собрав много народа из земледельцев и крестьян (λαὸν ἀγροικὸν τε καὶ γεωργικόν), приказал им отправиться к Тиане, чтобы притти на помощь осажденным. Увидев, что они безоружны, саракины напали на них и одних перебили мечом, других захватили в плен. И поэтому они стали еще самоувереннее продолжать осаду Тианы. Осажденные, истощив все средства и не получив помощи от императора, отказались от борьбы — сдались на капитуляцию врагам и отправились в саракинскую страну. И с тех пор в дальнейшем это придало много смелости врагам грабить безбоязненно ромейские земли, и никто не мог им противостоять. Один отряд [часть из них] в количестве тридцати человек подошел к Хрисополю [это — приморское поселение, расположенное напротив Византия к восходу солнца] и тамошних жителей перебил и сжег корабли.

710 г. Юстиниан, имяя в памяти происшедшее с ним из-за козней Аписмара в Херсоне, собрал очень многочисленные и разнообразные корабли, посадил на них счетом до 100 тысяч человек обученных из наборов войск и еще из земледельческого и ремесленного люда, а также и из сената и из городского народа и, поставив над этим флотом начальником некоего Стефана патрикия, по прозвищу Асмикта, послал его, приказав казнить мечом всех людей, находящихся в областях Херсона и Босфора, а также и других областей (τῶν ἀρχοντικῶν). Илию же, своего оруженосца, отправил вместе с ним и велел поставить его архонтом Херсона и еще и Вардана, армянина по происхождению, там оставить в изгнании. Стефан, переправившись туда через море, выполнил приказание. Несколько же подростков сделал [разделил] пленниками среди бывшего с ним народа. Тондуна (Τονδοῦνον) же, херсонского архонта, и Зоила, именуемого протополитом (πρωτοπολίτην), и других сорок мужей из числа наиболее известных послал в цепях вместе с женами и детьми к Юстиниану. Прочих же семерых из числа первых людей (πρωτεύοντων) Херсона, привязав к деревянным копьям, предал сожжению. Двадцать же других начальников (πρωστατεύοντας) из других городов бросил в лодку и, привязав к ним много камней, пустил ее ко дну. Юстиниан же полагал, что Стефан распорядился более [милосердно] человеколюбиво, чем он приказал ему в отношении обращения с подростками, и велел ему срочно возвратиться. Тот же, согласно предписанию, отправился в путь в октябре месяце и во время жестокой бури потерпел кораблекрушение; насчитывают, что до семидесяти трех тысяч людей было потоплено, трупы выбрасывались морем от города Амастриды до Гераклеи. Юстиниан не огорчался этим нисколько, но еще более радовался и распорядился снова послать туда другой флот. Архонты тех областей, проведав об этой вести, защитились, насколько могли, своими силами и послали послов к хазарам, чтобы они прислали людей для защиты их и чтобы спасти оставшихся у них жителей. Узнав об этом, Юстиниан послал Георгия патрикия и Иоанна, городского епарха, вместе с другими архонтами и войском до трехсот человек, и передал им Тондуна и Зоила, чтобы поставить их снова на их архон-

тат, и распорядился привести к нему Илию. Когда они прибыли в Херсон, горожане допустили внутрь города только Георгия и сопровождавших его архонтов. Затем же заперли за ними ворота и Георгия и Иоанна казнили мечом. Оставшихся же за стенами воинов, так же как Тондуна Зоила, передали пришедшим туда хазарам, чтобы переправить их к хагану. Хазары, приняв их, по дороге убили. Граждане города Херсона бранили, бесчестили и поносили Юстиниана и провозгласили императором сосланного туда Вардана. Юстиниан, узнав об этом, разгорелся величайшим гневом и умертвил детей Или в объятиях матери, ее же принудил к браку со своим поваром, индусом по происхождению (Ἰνδῶ τῷ γένει) и крайне безобразным. Затем же снова послал другой большой флот, поставив управлять им патрикия Мавра и приказал ему разрушить город Херсон и всех находящихся в нем беспощадно умертвить. Тот, прибыв к Херсону, приступил к делу. Но хазарский народ неожиданно напал на него; город был спасен. Вардан же бежал и переправился к государю (τὸν χεῖρον) хазар. Патрикий Мавр был неспособен вести осаду и, опасаясь возвратиться к Юстиниану, присоединился к городу херсонитов. И они отреклись от Юстиниана и провозгласили императором Вардана, переименовав его в Филиппика. Они послали послов к хазарскому хагану, чтобы он к ним отправил и Вардана. Тот же подтвердил клятвами ромейскому народу о безопасности Вардана и взыскал с них деньги с каждого человека по сто номисм.

Юстиниан, по прошествии некоторого времени, заподозрил, что он ими предан. Поэтому он обратился к болгарскому архонту Тервелу и заключил с ними тогда союз. Тервел послал к нему около тридцати тысяч человек. Он, приняв их, переправил к своим и приказал вместе с так называемым войском Опсикия расположиться в долине, называемой Даматрийской (τοῦ Δαματρίου). Сам же, взяв с собой своих архонтов и другое тяжеловооруженное (ὀπλίτην) войско, бежал в Понтийские области и дошел до приморской деревни (κώμης), именуемой Гингилисса (Γιγγιλίσσου), чтобы обследовать, как обстоят его дела в Херсоне. После того как он провел там некоторое время и увидел, какой большой флот приплыл вместе с императором Филиппиком к Византии, он возвратился назад к оставленному им войску в Даматрийской [равнине]. Филиппик же без сражения вошел в город и снова послал Илию с вооруженной армией (σὺν ὀπλίτῃ λαῷ) против Юстиниана. Илья клятвенно подтвердил бывшему с Юстинианом [войску — Е. Л.] о том, что оно будет в безопасности, а болгарскому войску обещал, что они невредимыми возвратятся домой. Самому же Юстиниану, находившемуся на шестом году своего второго царствования, отсек голову и послал ее к Филиппику. Филиппик получил ее и отослал в западные районы до Рима. Мавра же патрикия и Иоанна, императорского оруженосца по прозвищу Струфа (Στροῦφον), отправил за сыном Юстиниана Тиверием. Они его захватили бежавшим в алтарь храма пресвятой богородицы во Влахернах; ворвавшись туда, Иоанн вытащил его, державшегося за святой престол, не считаясь ни со святостью алтаря, ни с обильными слезами его бабушки Анастасии. Защищая внучка, она сама оказалась вместе с ним в опасности. И Иоанн его зарезал, как бессловесную тварь за стеной [на паперти] так называемого Каллиника и приказал похоронить в храме святых Анаргиров [бессеребренников],⁶³ называемом храмом Павлины (Παυλίνης). Вслед за ним схватили и Варасвакурия и прочих архонтов Юстиниана и всех умертвили мечом.

Царствование Филиппика явилось нехорошим и легкомысленным; 712 г. он предал анафеме отцов, участников VI Вселенского собора, так как

не допускал боговдохновенно установленного ими догмата о двух волях и энергиях Христа. И нашел себе в этом деле помощников в Иоанне, тогдашнем архiereе города, и Германе, митрополите Кизика, и в других иереях и многих сенаторах.⁶⁴

713 г. Тем временем вооруженные полчища болгар внезапно напали на жителей Фракийского Боспора. И много народу из числа поселян и прибывших туда ради развлечения и удовольствия из Византия убили, других же забрали в плен и захватили много серебра* и немало утвари, принадлежащей им. Набравшись храбрости, они распространили свои набеги до материковой стены города и дошли до так называемых Золотых ворот (τῆς Χρυσῆς πύλης). Возвратившись оттуда, разгромили много селений (τὰ χωρία) во Фракии. Затем и саракинский народ (ἔθνος) напал на ромейскую страну и, совершив набег на большую часть ее, причинил также великий ущерб людям и имуществу, захватил Мидию (Μηδείαν) и другие городские поселения (πολίματα). Филиппик же, празднуя день основания города и давая конские состязания, а затем после пира с друзьями, к полуденному времени забылся сном. И здесь-то против него был организован заговор. Некто Георгий по прозвищу Вураф (Βούραφος), патрикий и полководец (ἡγούμενος) войск Опсикия, прибывший тогда во Фракию ради охраны этой области от нападения болгар, с ведения (ὑπόμνη) патрикия Федора, по прозванию Миакия (Μυακίου), послал одного из своих подчиненных по имени Руфа (Ρούφον) с немногими войсками в Византий к Филиппику для осуществления заговора. Тот напал внезапно на дворец, захватил императора спящим, поднял его от сна, привел на место конских бегов и там выколол ему глаза на втором году его царствования. На следующий же день (это был день праздника Пятидесятницы) весь городской народ собрался к святому храму божьего слова (τοῦ θείου λόγου) и провозгласил императором Артемия, бывшего грамматиком (γραμματεία) у Филиппика из тех, кого на италийском языке называют асикритом (ἄσικριτῆς), и переименовали его в Анастасия. Когда же прошло несколько дней, ослепили и Федора патрикия, а также и Георгия и сослали их в изгнание в Фессалонику. Анастасий же, имея заботу о военных делах, поставил архонтов, способных управлять (πρὸς τὰς τούτων διακίσεις) ими. И вот, проведя о том, саракинский царь (βασιλεὺς) вооружился, намереваясь двинуться из города Синопа (ἐκ τῆς Σινοπιδῶν ὀρμημένην πόλεως), послал Даниила патрикия, тогдашнего эпарха столицы, будто бы, чтобы вести переговоры о мире, в действительности же, чтобы, будучи там, наблюдать, как они вооружаются против ромеев. Тот, возвратившись, сообщил, что для нападения на ромейское государство у этого племени имеется большое число войск, конницы и флота. [Император], услышав об этом, [приказал], чтобы каждый, кто сможет заготовить припасов, которых ему хватит на три года, оставался [в столице]; тот же, кто не будет их иметь, пусть удалится куда хочет. И заботливо обновил стены города и приготовил военные машины (τὰ πολεμικὰ ὄργανα), а также снабдил город большим числом припасов (δαπάνια) и другим, что требуется на случай вражеского нападения.

И когда дошла молва, что саракинский флот прибыл из города Александра [Александрии] в Финикию для построения кораблей из кипарисового дерева, он выбрал быстроходные лодки и собрал туда войско из местности, именуемой Опсикий, и послал его к острову Родосу. И приказал собрать туда и другой ромейский флот. Начальником

* Этих слов в Боннском издании нет.

их поставил Иоанна, диакона великой церкви, и счетчика казенных податей (τῶν δημοσίων φόρων λογιστήν), которого, как известно, обычно называют главным логофетом (λογοθέτην γενικόν), рассудительного и опытного, который и принял весь флот. Когда он прибыл на Родос и объявил приказанное, то нашел всех собравшихся послушными и с охотой готовыми к отплытию. Одни только опсикийские войска страшались такого путешествия. Они восстали из-за этого и стали бранить императора Анастасия, а Иоанна диакона умертвили мечом. Затем оттуда разошлись и остальные войска и уплыли каждое по своим домам. Опсикийское же войско также отправилось к себе и, оказавшись у Адраминтия (Ἀδραμίντιον), выбрало там некоего Феодосия, по имени, сборщика (τῶν δημοσίων φόρων πράκτορα) казенных налогов, человека беспечного и простолоудина (ιδιώτην), и стали склонять их к царскому сану. Он же бежал и спрятался в горах. Тогда они его нагнали, принудили к царствованию, провозгласили [императором] и увезли с собой.

715 г. Узнав об этом, Анастасий, укрепив предварительно Византий, выехал в город Никею в Вифинию и там утвердился. Идущее же за Феодосием войско собрало все опсикийское войско и многочисленные торговые суда и прибыло в упоминавшееся уже и прежде приморское поселение Хризополь. Оттуда они давали ежедневно сражения горожанам. Сражения продолжались в течение шести месяцев. И в то время как флот Анастасия стоял у константинопольской пристани Неория,⁶⁵ флот Феодосия, набравшись смелости, переправился к областям Фракии и завладел ими. Вследствие предательства каких-то изменников, бунтовщики через так называемые Влахернские ворота вошли в город и с наступлением ночи напали на дома горожан, причинив им большой ущерб. Находящихся же там архонтов вместе с тогдашним патриархом города Германом отослали, чтобы о происшедшем они сообщили самому Анастасию. Тот же попросил у них слова, что они ему не причинят какого-либо вреда, и, переодевшись в монашеское одеяние, отправился к Феодосию. Феодосий не причинил ему никакого вреда и отправил изгнанником в Фессалонику.

И после того стали сильные мятежи против императоров, и взяла верх тирания, которая, пренебрегая и империей, и столицей, привела в упадок дела, так что исчезло и преподавание литературы (ἢ τῶν λόγων ἠφανίσθη παιδείσις) и расстроилась дисциплина [военная. — Е. Л.] (τὰ τακτικά). Вследствие этого беспрепятственно происходили нападения врагов на ромейскую державу и многие убийства и уводы людей и опустошение городов. Отсюда произошло то, что и саракины устремились на самую столицу и послали через материк большое количество войск из различных подчиненных им племен, и конных, и пеших. Они также отправили и большой флот в количестве до тысячи восьмисот судов, поставив во главе его Масалму, как они его называют на своем диалекте. Узнав об этом, военные и государственные правители (ἄρχοντες), ввиду неопытности Феодосия и неспособности его противостоять врагам, приступили к нему с уговорами освободить престол и, не потерпев вреда, стать частным человеком. Он отстранился от престола, процарствовав один год. Затем стали избирать жребием кандидатов на престол, и был выдвинут Лев патрикий, бывший тогда стратиготом так называемого анатолийского войска. И, как это принято у императоров, он с торжественной процессией вступил через Золотые ворота (διὰ τῆς Χρυσῆς καλουμένης πύλης) в Византий и, очутившись в великой церкви, там увенчал себя императорским венцом.

Саракинский же народ напал на многие ромейские города (πολίματα). Они напали и на так называемый город Пергам и еще устроили ему

осаду. Взяли они его по такой причине. Вследствие какой-то дьявольской выдумки находящиеся внутри города взяли беременную в первый раз женщину, да еще близкую к родам, разрезали ее и, вынув находящееся в ней дитя, сварили его в котле с водой, в которой окрестили кисти правых рук готовящихся к сражению с врагами. Поэтому же они и приняли на себя гнев божий. Ибо их руки не могли схватить оружия, и враги из-за их бездействия взяли город без битвы. Заняв его, саракины отсюда захватили Абидосский пролив и переправились во Фракию. И забрав там много городских пунктов, они направились к столице, окружили ее валом [изгородью — *χάρακxα*] и осадили ее. В течение тринадцати месяцев они держали ее в осаде, применяя разного вида многочисленные машины (*μηχανήματων*). К тому же нападал и саракинский флот под командой предводителя, имзуемого на арабском (*Αράβων*) языке Солиманом. Между тем как они проходили через пролив у Византия, шедшие сзади корабли, как защищающие с тыла, так и очень тяжело нагруженные множеством воинов и оружия, при небольшом подувшем ветре и обратном течении были вынуждены замедлить плавание. Увидев это, император сел на диеремы (*διήρεσι*), прорвался через них и сжег их огнем в количестве до двадцати кораблей. Весь же прочий флот, проплыв во Фракийский Босфор, стал на якорь у пристани так называемой Сосфенийской (*Σοσφενίω*) и там провел зиму. Между тем случилась суровая зима, так что в течение ста дней земли не было видно из-за массы выпавшего снега; вследствие этого немалое количество людей, коней, верблюдов и прочих животных пало. С приходом же весны его нагнал и другой саракинский многочисленный флот из Египта, которым руководил некто по имени Софиям (*Σοφιάμ. ὄνομα ἄρχων*), привезший большие грузы хлеба и оружия. Прошло немного времени, и пришел еще и другой флот, прибывший из Африки, привезший многочисленное оружие и припасы; начальником его был некто по имени (по-саракински) Иезид (*Ἰεζίδ*). Они, как говорят, предусмотрев вред, причиняемый изготовляемым ромеями огнем, отчаялись пройти в византийский проход и направились к Вифинской области (*Βιθυνίαν μέρσιν*), один — к так называемой гавани „прекрасного поля“ (*λιμένα καλοῦ ἀγροῦ*); другой — к утесам так называемого Сатира (*Σατίρου*). Египтяне же, приплывшие с ними ночью, вошли на судовые лодки, вошли в Византий и стали славословить императора. После этого император отважился и послал огненосные суда против этих саракинских флотилий и сжег все их корабли. Нагруженные доставшейся добычей и бывшим на них оружием и припасами, суда возвратились к императору.

В это время патрикий Сергей, стратиг Сицилии и жители западных областей (*οἱ τὰ ἐσπέρια οἰκοῦντες*) отчаялись в помощи Византии и императора из-за нападений врагов и венчали своего императора и одного из подчиненных (*τῶν ὑπερητῶν*) Сергия — по имени Василия — сына Григория, по прозванию Ономагула (*Ὀνομαγούλου*) и переименованного в Тиберия. Император, услышав об этом, поставил Павла стратигом Сицилии, человека и верного, и из своих людей, и опытного в тактике, и послал его в Сицилию. Когда он прибыл туда, Сергей оттуда скрылся бегством к лонгобардам (*λογγουβάρδους*). Павел же собрал народ на острове и прочитал послание от императора, вследствие чего они пришли в повиновение [императору] и прославили императора, а Василия и подручных его архонтов передали ему в оковах. Взяв их, Павел некоего Георгия и других умертвил и головы их отослал императору; других же подвергнул наказаниям и многочисленным избиениям, отрезал им носы и выслал в изгнание в чужие края. Сергей же, выпросив себе обещание безопасности, явился к Павлу. И тогда на западе в делах установились мир и тишина.

Затем родился у императора сын, которого он назвал Константином. 718 г. Пятнадцатого же следующего месяца августа многочисленные войска саракинов, конница и флотилия отступили от столицы, и многие корабли были захвачены бурей и жестокими ветрами. Многие из них были прибиты к островам до самого Кипра, другие же вместе с людьми были низвергнуты в пучину моря.

Артемий, изгнанный в Фессалонику, снова пытался овладеть империей и предпринял действия в этом направлении. Он написал Сисиннию патрикию, по прозванию Рендакию, который находился в болгарской стране (посланный тогда императором, чтобы заключить с ними союз против саракинов), о том, чтобы он действовал согласно с ним и убедил бы болгар содействовать ему. Тот на это согласился. Он написал также Никите магистру по прозванию Ксиллиту (*Ξυλλίτην*), находящемуся в Константинополе, и еще патрикию Исою, начальнику так называемого императорского Опсикия, и Феоктисту, первому из императорских секретарей (*τῶν πρότιστην τῶν βασιλικῶν γραμματέων*), который ими управлял в эти времена, и Никите, по прозванию Анфрака (*Ἄνδρακxα*), начальнику стен (*ἄρχοντα τευχῶν*), напоминая старую дружбу, чтобы они были верными и присоединились к нему и чтобы отперли город и приняли бы его как императора. О письмах сразу стало известно императору, и получивших грамоты он захватил, наказал побоями, и они признались. И Никите, имеющему достоинство магистра, и Феоктисту отсек голову, других же не мало изувеченных выслал в изгнание; конфисковав имущество, Артемий же вместе с Сисиннием патрикием и болгарами дошел до Гераклеи и с ними вывел из Фессалоник челны. Они их называют моноксилами (*μονόξυλα*).⁶⁶ Император написал болгарам, чтобы они лучше соблюдали мир и выдали бы врагов. Болгары же оправдывались, просили прощения и обещали соблюдать мир. И Артемия с Фессалоникским архиереем и многими другими в оковах послали к императору; Сисиннию патрикию отсекали голову и ее тоже послали, а сами удалились к себе. Артемия же вместе с архиепископом император взял и казнил в так называемом Кинегии.⁶⁷ Во время же совершения конских бегов головы зарубленных, насаженные на копья, были торжественно пронесены через ипподром. Всех же прочих наказал всякими увечьями, отсекованием носов, конфискациями и изгнанием.

Так это совершил и призвал Германа тогдашнего архиерея и двадцать 720 г. пятого числа месяца марта, третьего индиктиона в день воскресения Христа спасителя в Трибунале так называемом девятнадцати акувитов венчал на царство сына своего Константина.

Невозможно обойти молчанием того, что произошло в те времена 726 г. около островов, называемых Фирой и Фирасией, расположенных в Критском море. В летнюю пору морские глубины стали выбрасывать огромное, как бы огненное дыхание, из-за чего от большой густоты воздуха вырывался огонь и вместе с огнем выбрасывались гигантские (*χιστροῦδες*) камни в огромном количестве, так что из камней образовался остров, присоединившийся к земле так называемого острова Иеры (*τῆ Ἰεραῖ*); говорят, что и она подобным же образом была произведена из морской глубины (*τοῦ βυθίου*), так же как и те, о которых шла речь — острова Фира и Фирасия. Необъятное же количество выброшенных камней покрывали то море, начиная отсюда до Абидоса и азиатского приморья (*ἀπὸ τοῦ Ἀβύδου καὶ τῆς Ἀσιατικῆς παραθαλάσσιου*). Струя воды была так разгорячена от их приближения, что к ней невозможно было прикоснуться.

Говорят, что, услышав об этом, император воспринял это как знаки божьего гнева и счел, что их вызвала какая-то причина. И поэтому он

затем постарался восстать против благочестия за уничтожение святых икон, неверно истолковав, как будто бы это чудо произошло из-за их водружения и поклонения им. И он принялся обучать народ своей догме. Многие оплакивали насилие над церковью. И поэтому-то жители Элады и Кикладских островов, не принимавшие нечестия, восстали против императора и собрали большой флот: во главе их стал императором некто по имени Косма (Κοσμᾶ). И пришли к столице. С ним вступили в бой жители города и сожгли многие из их кораблей. Увидев, что они потерпели поражение, они перебежали к императору. Один из числа их архонтов, по имени некто Агалиан (Ἀγαλιανός), увидев это, отчаявшись в своем спасении, во всеоружии бросился в морскую пучину. Косма же и другие, некто Стефан, были захвачены, и им были отрублены головы.

727 г. С приходом лета многочисленные войска саракинов напали на ромейскую державу. Во главе их стояли Амер (Ἀμερος) и Моавия (Μαυίας), как их называют саракины. И они дошли до города Никеи в Вифинии. После того как они некоторые времена подвергали его осаде, они в конце концов отступили без успеха.

730 г. Затем же император собрал многочисленный народ столицы во дворце и призвал тогдашнего архиерея города, Германа, и стал его принуждать подписать предписание об уничтожении святых икон. Тот же отказывался и снял с себя священство, говоря, что „без вселенского собора я не могу дать предписание о вере“. Оттуда он удалился в родительский дом, где и прожил и завершил свой жизненный срок. После него архиереем был рукоположен Анастасий, бывший клириком великой церкви. Из-за него многие благочестивые люди, поскольку они не присоединились к догме императора, подверглись многочисленным наказаниям и избиениям.

732 г. Между тем, как это так происходило, император послал к правителю хазарского народа и пригласил его дочь для сговора в жены его сыну Константину. В этот промежуток времени в Византии случилось землетрясение, от которого и другие города и деревни (καὶ πόλεις καὶ χωράς) сильно сотрясались. И еще и другие многие дома и священные храмы и портики (στοῖβι) внезапно обрушились до самого основания. Землетрясение разрушило и божественный храм, именуемый храмом святой Ирины, который построен близ самой великой церкви. После этого и статуя Аркадия, некогда правившего ромейским скипетром, которая стояла поверх резной колонны на холме Ксеролофона (Ξερόλοφον),⁶⁸ обрушилась сверху на землю. И колебание продолжалось около целого года. Поэтому-то многие горожане покинули город и ночевали за стенами, оставаясь в шатрах.

741 г. Лев, после того как он правил империей двадцать четыре года, умер, страдая тяжелой водянкой, и оставил преемником в управлении империей своего сына Константина. Артавазд же, который был зятем Константина по сестре, вместе с окружающим его войском (он был стратигом Опсикийского войска — στρατηγός τοῦ Ὀψικίου λαοῦ) и двумя сыновьями, из которых одного звали Никитой, другого Никифором, оставался в Дорилейской долине (τοῦ Δοριλαίου πεδίου). И сразу же, когда он узнал о смерти тестя, он клятвенно связал подчиненные ему войска, что они будут стоять за него и не признают императором другого. Константин же, правящий империей, отобрал некоторую часть войска и вышел из города, захватил долину, которая называется Красовой (τὸ πεδῖον ὁ Κρασός), и приказал Артавазду притти к нему, чтобы вместе (держат совет в отношении врагов. Артавазд же устремился к нему

не ради совета, но для того, чтобы захватить у него империю. Константин, разведав о намерениях Артавазда, послал вперед патрикия Висира, и, когда он узнал, что тот пал от меча врагов, и когда увидел снаряжение императорского лагеря, то сам удалился в область, именуемую Анатоликой, убегая оттуда и заботясь о собственном спасении. Население, благожелательно приняв его, клятвенно заверяло его обязательством до смерти стоять за него в опасности и бесчестии Артавазда, понося его. Они привлекли патрикия Сисинния на свою сторону и установили с ним договор вместе с подчиненным ему так называемым фракийским войском (τῶν Φρακῆσιων λαῶ) и все вместе двинулись против Артавазда. Феофан же, которого звали Монотием, занимавший должность магистра и выполнявший в Византии поручения императора, присоединился к Артавазду и провозгласил его императором, а византийцев убедил, что Константин умер. Артавазд послал за сыном своим Никифором, бывшим тогда стратигом во Фракии, и за его войском и поставил их для охраны города. Из числа же императорских оруженосцев он одних ослепил, других же изувечил иным образом. И Артавазд сразу же вместе с своими приверженцами вошел в город и снова восстановил священные изображения. Идя вслед за ним, Константин захватил так называемый Хризополь. Это пристань, расположенная напротив Византия на Азиатской земле. Пробыв там короткое время, он возвратился и в городе, который называется Аморий, провел зиму. В следующем наступившем году Артавазд послал второго из своих сыновей, Никиту, стратигом так называемого войска Армениаков, другого же, Никифора, венчал на царство. Артавазд воевал против областей Азии, и эти области были жестоко опустошены [вм. ἐσθλίνετο читаю ἐλυμλίνετο].* Но Константин пошел против него, встретил его у Сард, вступил с ним в бой и полностью обратил его в бегство. Подчиненные же ему войска (λαοί) привел в покорность, а все их снаряжение присвоил себе. Артавазд же бежал к городу Кизику, чтобы направиться оттуда в Византию. В то же время Никита, его сын, сделал нападение на Константина. Но Константин штурмовал его позицию (χωρίον), называемую на местном языке Модриной (Μοδρίνην), и самого Никиту обратил в бегство; из бывшего же с ним войска (λαοῦ) многих убил.

И с тех пор ромейское государство прошло через великие несчастья, когда их борьба за власть ввергла христиан в междоусобную войну. Ибо сколько и какого самого страшного обычно происходит при таких обстоятельствах, так что и самая природа предается забвению и восстает против самой себя (ибо что следует другое сказать), многие знают на опыте. И вот превосходящий [в силе] Константин переправился во Фракийские области и подошел к стенам города, препятствуя доставке необходимого провианта. Так что из-за сильнейшего голода, распространившегося среди византийцев, многие погибли, другие же были вынуждены выбрасываться наружу через стены. Некоторые же, с помощью даров, убеждали стражу у ворот выпустить их из города. Константин всех благосклонно принимал и окружал их большой заботой. И опять же Никита стал воевать [с ним] и дошел до Хризополя. Константин снова напал на него и захватил его у города Никомидии и, взяв его, заковал в железо. Маркеллину же, бывшему с ним архиереем Гангрской митрополии, отсек голову. И оттуда пошел снова и захватил Византий. Артавазд же бежал

* Это чтение предложено Бэкером; см. ed. Bonn, p. 68, прим. 15.

в Вифинию, в город Nikeю, спасся и закрылся там, убедив находящихся в городе жителей, что прибыл туда, чтобы нанять некоторые войска и силы. Взяв из них немногих воинов, он заперся в крепости, так называемой Пузанской (Πουζάνης). Константин послал в погоню за ним отряд и захватил его и вместе с его сыновьями волочил связанными во время конских состязаний, торжествуя, а оттуда бросил в тюрьму под строгой охраной. Через небольшой промежуток времени Константин озабочился тем, что взял и Сисинния патрикия, замышлявшего тиранию (τυραννίδα) против него, и после розыска выколол ему глаза. После того той же казнью наказал и Артавазда и его сыновей.

746 г. Достигнув, таким образом, собственной власти, Константин через некоторое время пошел войной против страны сарацинов и захватил у них город Германикию Евфратской области (Γερμανικίαν τῆς Εὐφρατησίας χώρας). Тогда напала на столицу и на лежащие кругом селения и на те местности губительная болезнь, так что истребила весь населявший их человеческий род, и люди совершенно исчезли. Спаслись же по божьей воле некоторые, которые далеко бежали из этих районов. И распространилась эта гибель в большей степени около Византии. Неожиданно появились противоестественные и чудовищные явления [крестообразные знаки на человеческих одеждах и на священном облачении, на дверях и на дверных косяках]. Эти явления породили великое волнение и всеобщее смятение, как будто бы это должно тотчас же означать гибель. Так что люди, полные страха, предавались фантазиям, и им казалось, что вместе с ними ходят какие-то чужие и отвратительные лица, и они затем приветствовали их, как знакомых, встречались с ними в дороге, а потом рассказывали другим, о чем говорили с ними. Другие видели и иные страшные видения, как люди пронзали друг друга мечами. И так многое и случилось. И спасшиеся были не в состоянии тела умиравших предавать погребению и совершать требуемый обряд погребения, ибо немногие погребали более многочисленных, чем они. Поэтому были выдуманы кем-то и изготовлены механические приспособления (μηχαναί), настилались доски для погрузки на вьючных животных и на каком-либо обширном месте это приспособление выворачивалось; и так вываливали многие трупы неубранными и как попало. Еще применяли и повозки для вывоза множества мертвецов, которые везли на себе люди, так как им не могло хватить подъяремного скота. И не хватало всех могил, так что безводные ямы заполнялись трупами мертвецов. И пашни (ἄρουρα) разрывали, и виноградники выкапывали, и сады раскапывали, чтобы сделать новые кладбища для необъятного количества тел. Из-за этого произошло и то, что у многих дома стояли совершенно запертными. Продолжалось это несчастье около года и после того стало по большей части ослабевать. И понемногу, как эта зараза вначале возрастала, так и унялась. Это считалось правильно мыслящими проявлением божьего гнева из-за тогдашнего безбожного и нечестивого правительства и тех, кто соглашался с ним в несправедной вере и дерзал накладывать руки на святые иконы ради насилия над христовой церковью. И так как город стал почти лишенным жителей, Константин перевел и поселил в нем большое число народа из областей и с островов, находящихся под властью ромеев. Около этого же времени он послал флот против сарацинской страны, которым руководил тогдашний стратиг так называемого Кивиротского (Κιβιρωτῶν) войска. Флот остановился у острова Кипра. Туда сейчас же приплыла и сарацинская флотилия из города Александра [Александрии]. Стратиг, узнав об этом

наперед, внезапно напал на нее, огнем сжег сарацинские корабли, захватил все и, одержав полную победу над врагами, возвратился к Константину.

После того у императора родился сын, [которого он назвал Львом. 750 г.] Тогда же и в Сирии произошло большое землетрясение, и произошло великое разрушение. Ибо из тех городов многие полностью были поглощены землей; у других же пострадали части. Иные же сдвинулись с возвышенных мест, в лежащие под ними равнины и вместе со стенами своими и домами были сброшены целыми и передвинулись на расстояние до шести миль или немного около того от места своего построения. И еще некоторые говорили, что в земле месопотамской Сирии (τὴν Συρίαν Μεσοποταμίας) видна была трещина в две мили глубиной и выброшенная из преисподней земля, как бы песчаная и белая, и из нее вышла самка мула, предсказавшая человеческим голосом уничтожение арабов. Ибо через небольшой промежуток времени выросший по ту сторону пустыни многомиллионный народ сокрушил множество их без битвы.

После того Константин венчал на царство Льва и сразу же пошел войной против сарацинов. И очутившись у города Мелитены, после осады взял его, много народу захватил в плен и, взяв оттуда большую добычу, возвратился. Тем временем умерла августа Мария — его жена. 752 г. О том же, что вскоре произошло, достойном памяти, не считаю справедливым умолчать. Ибо тогда наблюдалось зрелище страшного и необыкновенно странного и чудесного воздушного явления, которое, как бы начавшись от соединения светильников, светилось в течение всей ночи и порождало у всех видевших его великое смущение и страх. Ибо им казалось, что все звезды сдвинулись со своего установленного места на небе и летели на землю. Оказавшиеся же у земли сразу рассыпались, не причиняя ни малейшего вреда. Многие говорят, что это необыкновенное зрелище было видно по всей вселенной.

По прошествии же некоторого времени, после того как были видны эти звездные явления (τὰ μὲν τῶν ἀστέρων), скончался Анастасий, византийский патриарх. Константин же, вообще одержимый ненавистью к церкви и воюя против благочестия, движимый вражеским духом, собрал собор из иереев в количестве трехсот тридцати восьми. [Его председателем (ταύτης ἐξῆρξε) был Феодосий, архиепископ города Эфеса.] Собор провозгласил архиереем города некоего Константина, облаченного в монашеское одеяние и бывшего епископом города Силлея (Συλλαίου πόλεως). Собор установил определение веры, под которым подписались все дурно и нечестиво мыслящие, и провозгласил уничтожение святых икон. И, как несмышленные, предали их анафеме с площади. Вместе с тем предали анафеме и Германа, бывшего архиереем Византийским, и Георгия с острова Кипра, и Иоанна из Дамаска в Сирии, по прозванию Мансура.

Завершив это, Константин принялся строить во Фракии города (πολίμματα), в которых селил сирийцев и армян, которых заставил переселиться из города Мелитены и Феодосиополя, приходя им на помощь в необходимом и щедро одаривая их. И вот болгары, увидев построение городов, потребовали от императора уплаты денег (φίρονες). Так как она им не была уплачена, они пошли войной и напали на области Фракии и вскоре дошли до так называемой Длинной стены. Император, бросившись в бой, ответным ударом обратил их в бегство и сильным преследованием уничтожил многих болгар. Затем же с многочисленными силами воевал с ними на воде и на суше. Император имел корабли

в количестве до пятисот, с которыми переплыл через Эвксинский понт и, войдя в Истр, выжег болгарские земли и немалое количество болгар захватил в плен. Сам же он вступил с ними в бой у так называемых Маркелл (Μαρκέλλας) [это крепость, ближайшая к Болгарии], обратил их в бегство и многих из них перебил. Вследствие этого они ослабели и прислали послов для переговоров о мире, предложив заложников из числа собственных детей.

764 г. Но еще нельзя оставить без внимания сейчас и следующее. Наступила осенняя пора, и в это время настал такой страшный и суровый холод, что каким-то необыкновенным образом на виду у людей произошло превращение воды из жидкого состояния в замерзшее и не только в пресных водах, но, что еще поразительнее, это явление имело место и в соленой воде. И во многих других местах вселенной воды страшно замерзли; но более всего на самом севере и близ севера. И вода до такой степени затвердела и уплотнилась, что в Эвксинском море, на расстоянии до ста миль от берега, она кристаллизовалась в лед. Затем и находящиеся там [севернее] большие и многочисленные реки, тоже затвердели и превратились в лед, причем замерзание распространилось в глубину до 30 локтей. И лед был засыпан непередаваемым количеством снега, увеличившим толщину льда и возвышавшимся над поверхностью до двадцати локтей. Море как бы приросло к материку, так что не легко было отличить одно от другого. И так все желающие передвигаться с материка на север по воде шли пешком. Она вся была проходима сколь в границы хазарской земли, так и к соседним скифским народам, и не только для людей, но и для скота и других животных. И тогда Понтийское море еще стало и несудоходным. Пролетело несколько дней, и этот необъятный тянувшийся лед стал раскалываться на отдельные куски, каждый из которых имел такую высоту, что казался высоченной горой. Из этих отколовшихся частей некоторые силой ветра были прибиты к Дафнусии, одной из укрепленных крепостей в Понтийской части; оттуда же оттолкнулись и приплыли до пролива из Эвксинского понта. И скопившись в одном месте у узкого его прохода, они заполнили лежащий между материками Фракии и Азии пролив и соединили их друг с другом так, что желающим переправиться с каждой стороны на противоположную было удобнее идти пешком, чем вплавь. Оттуда, столкнувшись вместе, льдины продвинулись по Пропонтиде до Абидоса, так что никто не мог бы заподозрить, что осталось море. Отделившись оттуда, одна из них была прибита к Акрополю Византии и потрясла его стены с такой силой, что находившиеся внутри жители ощутили сотрясение. И тут, разделившись на три части, она заполонила все расстояние у каждого из крутых берегов Акрополя. Высота же льдин превосходила высоту городских стен, вследствие чего некоторые могли переправляться пешком с Акрополя на противоположную сторону, где находится так называемая Галатская крепость (τῶν Γαλάτῳ λεγόμενον φρούριον). Это привело в великий страх жителей города. Необычным и неожиданным образом возникшие зрелища заставляли многих с рыданиями и слезами уходить.

Прошло немного времени, и выходы из склавинского (Σκλαβητῶν) племени, переселяясь со своей земли, перешли через Эвксинское море. Их количество достигло до двухсот восьми тысяч человек. И они поселились у реки, именуемой Артаном (Ἀρτάνας).

В то время как это произошло, у гуннов и болгар происходило следующее. Они, объединившись друг с другом, убили происходивших

из одной линии (ἐκ σφραῖς) правителей, завладевших властью над ними, и поставили своим вождем (ἡγεμόνα) по имени Телессия (Τελέσιον), мужа спесивого и выказывавшего юношескую дерзость. Этот народ, собрав вооруженных и боеспособных воинов, храбро напал на ближайшие ромейские земли и крепости. Константин, увидав их отвагу и безбоязненность, послал через Эвксинское море к Истру флот, нагруженный лошадьми в количестве до восьмисот судов и заполненный этим конным войском. Сам же он повел другое войско к городу Анхиалу. Против него выступил Телессий, имея союзниками немалое количество славян (Σκλαβητῶν). Он понес поражение в битве и обратился в бегство. Многие из врагов из каждой части пали, немало же других из числа наиболее сановитых (τῶν ἐπιφανεστέρων) были взяты в плен живыми. Константин, победив в войне, удалился в Византий и захваченных в плен привел к гражданам и к димотам из так называемых цветов* (τοῖς ἐκ τῶν λεγόμενων χρωμάτων δημόταις), чтобы они их собственноручно предали казни. Они же, взяв их за стенами, находившимися [со стороны] материка, умертвили. И взятая добыча торжественно показывалась во время зрелища конских соревнований. Вместе с ними были показаны и две золотые купели (λουτήρες), которые были изготовлены в Сикелии, весом каждая до восьмисот литров золота.

Болгары, увидев неудачу Телессия, восстали против него и убили его, и поставили своим государем одного из бывших архонтов — его имя было Савин (Σαβίνος). Он же, как только получил власть, послал послов к императору, прося у него прочного мира. Болгарам же не понравились его действия. Они были вне себя, резко ему возражали, полагая, что будут сразу же поработены ромеями. Испугавшись, Савин бежал к императору. Император принял его хорошо и отослал некоторых из мужей, чтобы найти их жен и спрятавшихся сородичей и привести к Савину. Тогда болгары изменили свои намерения и послали к императору с просьбой о мире. Он же их не принял и сразу же выступил с войском против них. Они укрепили тогда трудно проходимые места вокруг своих границ. И их государь, взяв слово с императора, явился вместе со своими архонтами к императору. Император принял их вместе с перебежавшим к нему Савином, пристыдил за непорядки и за неприязнь, выказанную к Савину, и заключил с ними мир.

Это происходило во время первого индиктиона. У императора родился еще один сын, которого он назвал Никитой. Около того же времени саракинский флот, направившийся из Африки, подошел к острову Сикелии. Но находящееся на нем войско отважно отразило врагов и отправило обратно не осуществивших того, на что они надеялись.

Во время же третьего индиктиона Константин вошел в Болгарию, потому что болгары отрешили от власти архегона [начальника], поставленного Савином, по имени Умара (Ὀύμαρον), чтобы провозгласить вместо него болгарина Токта (Τόκτος), брата Ваяна. Болгарские беглецы укрылись в лесах по реке Истру; немало из них было убито, среди них был умерщвлен и Токт и другие. Другой же их властитель (ἄρχων), которого называют Кампаганом (Καμπαγάνων), бежал в Варну и, когда уже думал спастись, был убит своими рабами (δούλων). Тогда же Болгария была сожжена ромеями, так что многие поселения были опустошены и истреблены.

И еще бесчестие правителя стало выказываться более дерзко, и он бросил совершенно дорогу благочестия, а жизнь благочестивых и пре-

* Цирковых партий, отличавшихся цветом одежд возниц.

данных богу людей предавал поруганию и высмеиванию и более всего преследовал святой монашеский чин (τάγμα). Ибо тех из них, которые хранили свой обет, оставались в своей схиме и противостояли их нечестивому учению, предавал различным пыткам и разнообразным издевательствам: одним из них беспощадно выжигали бороду, у других насильно вырывали из нее волосы. И головы других били и разбивали священными иконами, на которых были написаны святые образы. Эти жалкие люди, конечно, к тому же выкалывали у них глаза или бесчеловечно обрубали им руки и члены тела. И всячески, как говорится, преследовали благочестие и отгоняли, как бы при возродившемся втором язычестве (ἑλληνισμοῦ), изобретали по отношению к христианам всяческими средствами злодеяния, с помощью которых стремились обесчестить и погубить приверженных к божественной жизни. И еще вовлекли некоторых из них в пропасть собственной гибели — тех, которые уступали их нечестивым учениям: либо в результате насилия, либо будучи введены в обман, либо уворованы лестью или уловлены денежной приманкой, либо прельщаемы почтенным воинским чином или саном, либо другими разнообразными порочными приемами, — и которые вовлекались во всяческий обман, нарушали обет, переменили одежду и показывались длинноволосыми вместо постриженных и сразу облачались в мирской костюм, допускали разговоры с женщинами и вступали с ними в сожителство. И это делалось, чтобы через всех них бесчестить всевышнего и оскорблять достоинство церкви.

И вот они взяли некоего Стефана, мужа праведного и боголюбивого, бывшего в монашеской схиме и прошедшего много времени запертым в тесной келье, построенной на вершине большой горы, которую называют холмом святого Авксентия. И нечестивые привели его с обвинением в благочестии. И говорили, что он многих обманул, обучая презирать славу этого мира и не почитать дома, родных, отворачиваться от императорских дворцов и перемениать образ жизни на монашеский. И за это его присудили к побоям и оскорблениям и к тюремному заключению и, наконец, привязав ему к ногам веревки, привели его к императорскому портику (τῶν βασιλικῶν περιβόλων) и разрывая тащили [веревками] до так называемого форума Быка (τοῦ βοῦς), и тело его нечестивые выбросили в так называемые рвы Пелагия (τάφους τῶν Πελαγίου), как тело злодея. Ибо на это самое место выбрасывали тела некрещенных народов (τῶν ἐθνικῶν ἀνόητων) и приговоренных к смерти. Многих же, исполнявших должности и служивших из числа военных, обвиненных в поклонении святым иконам, как бы уличенных в жертвоприношении, убили, предавая их различным казням: одних подвергали казни мечом, необъятное же множество выслали за границы империи. И требовали от всякого подданного твердых клятв, что в дальнейшем не будет поклоняться каким-либо святым иконам. Говорят, что видели самого архиерея города, поклявшегося, подняв вверх чудотворное древо, в том, что он не будет среди поклоняющихся святым иконам. Вот до чего дошла дерзость этих нечестивых людей!

766 г. В том же году Константин пошел войной против болгар и вместе с своим войском приблизился к Болгарской земле и стал лагерем у так называемого Беритабского прохода (Βερίταβον). И вооружил флот, достигавший до двух тысяч шестисот кораблей, и послал на них множество моряков и воинов из морских стратигий и других областей, чтобы они подошли к городам Месемврии и Анхиалу и приблизились к Болгарии. И когда они подняли шум, болгары, увидев массу конницы и судов, обратились к императору с мирным предложением. После того как

флот устремился к крутым берегам этого моря (ибо это место не имеет гаваней и крайне трудное для плаванья), поднялся сильный и жестокий ветер, который дул против них [то был северный ветер — борей]; он опрокинул суда на крутизну берегов, и из множества кораблей немалое количество потонуло в море. Очень взволнованный этим, император приказал архонтам закинуть в море сети, чтобы выловить трупы утонувших и предать земле. И затем возвратился в империю.

И в дальнейшем еще император выступал против благочестия священной назарейской схимы. Ибо сразу же устроил конские бега и некоторых из них [монахов] приказал притащить в середину театра и каждому из них вести за руку женщину-монашку, и многие из массы зрителей издевались над ними и плевали на них, как это обыкновенно происходит в стаде и толпе, добавляя еще таким образом к этому нечестивому и позорному пробегу. После того по доносам клеветников [сикофантов] он возвел на некоторых выдающихся и достойных людей тяжелые обвинения, что они злоумышляют против его власти. Среди них был Антиох, перевозивший ему документы, относящиеся к казенным деньгам (ὁ τῶν δημοσίων γραμματέων τὰς ὑπομνήσεις αὐτῷ διακομίζων) (придворные называют эту должность логофетом дрома), Феофилакт, принадлежавший к числу патрикиев и стратигов, и еще некоторые, которые были из числа его оруженосцев и копьеносцев, и кроме них еще и другие. Вскоре после того устроил подобные же состязания и, торжествуя, приказал их волочить связанными. Затем же и братьев Константина и Стратигия присудил к смерти и отрубил им головы в так называемом городском Кинигии и сверх того еще и выколол у других глаза. На следующий день подготовил некоторых из числа домашних Константина, архиерея года, чтобы они клятвенно заверили обвинение против него, чтобы обличить его с очевидностью, что они слышали от него о всех замыслах Антиоха и Феофилакта. И сразу Константина выслали в Иерию, так называемый императорский дворец, расположенный напротив Византии по направлению к юго-восточному ветру. Никиту же, пресвитера церкви святых апостолов, внуха, рукоположил архиереем. И это все произошло в месяце августе четвертого индиктиона.

767 г. [В октябре месяце шестого индиктиона] вскоре после того он послал за Константином и отослал его в храм на носилках. Затем прислал к нему одного из императорских секретарей (τῶν βασιλικῶν γραμματέων), поручив ему принести грамоту против него (κομίζοντα ἐν γραμματίῳ ὅσα κατ' αὐτοῦ), чтобы прочитал ее во всеуслышание перед собравшимся здесь народом, ударяя его по разу по щеке за каждое из обвинений. Итак его подняли и свели с амвона и признали низложенным при чтении этих обвинений новым патриархом в алтаре. И затем, по своему обычаю устроив конские состязания, император приказал его посадить на осла, повернув седло к задней части животного, и его на нем тащить и всему народу бесчестить его и плевать в него. Затем вскоре после того приказал отрубить ему голову в Кинигии и пронести ее поднятой по воздуху к так называемому Милию, тело же его волочить на веревках по главным улицам города и выбросить в так называемые Пелагиевы рвы (τῶν Πελαγίου τάφους).

766/67 г. Во время пятого индиктиона произошли также бездождие и засуха, так что не оставалось и воздушной росы, и иссыкли источники в ключах и из-за этого бездействовали и водоемы, и купальни. По этой причине Константин решил обновить водопровод, построенный императором Валентинианом (Βαλεντινιανός) и разрушенный аварами во времена императора Ираклия. И он собрал многочисленных мастеров (ἀνδρας τεχνίτας),

766 г.

767 г.

766/67 г.

опытных в строительстве, из Ромейского государства и предоставил им большие средства из казенных денег, так что дело было выполнено. Константин — этот ненавистник Христа и златолюб, — как новый Мидас, собирал все золото в свою сокровищницу. При налоговых взысканиях те, кто облагался налогами, насильственно принуждались продавать по-дешевке плоды земли и, продавая за одну номисму по шестьдесят модиев хлеба (σίτον) и семьдесят модиев ячменя, выменивать за всякую малость большое количество продуктов. Нерассудительные люди объясняли это изобилием плодов земли и процветанием дел, а предусмотрительные считали проявлением жадности, тирании и человеконенавистничества.

768/69 г.

Во время седьмого индиктиона у Константина родился сын, которого он назвал Анфимом. Около того же времени Никита, патриарх города, обновил некоторые сооружения православной церкви, пострадавшие от времени; в расположенных же среди них зданиях, которые у ромеев называются секретами [и малом и большом], выскоблил иконы спасителя и святых, сделанные воском по дереву и мозаичными золотыми кубиками. Константин же отослал славянских архонтов и потребовал к себе христиан, захваченных ими в плен в прежнее время с островов Имброса, Тенедоса и Самофракии, выменяв их на шелковые одежды. Число этих пленных достигало двух тысяч пятисот человек; и призвав их к себе и понемногу одарив, отослал их, куда каждый хочет.

769 г.

Седьмого индиктиона, в апреле месяце, в святую субботу, Константин венчал на царство свою жену Евдокию августу и на завтра сыновей своих двоих — Христофора и Никифора — кесарями, Никиту же — нобилиссимом (νοβελίσσιμον). Во время же императорской процессии по обычаю православной (τὴν καθολικὴν) церкви совершили [церемонию] консульства и раздавали деньги пришедшим, начиная от дворца до церкви. Во время восьмого индиктиона Константин взял своему сыну Льву в жены Ирину из Элады и в декабре месяце венчал ее августой и, обручив ее с сыном, совершил брак.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. Theoph. Chronogr., ed. de Boor. Leipzig, 1883, стр. 296.

² Ср. Georg Monach (Teubner, 665) со ссылкой на Георгия Писиду. У Феофана (р. 298, под 6102 г.) — с упоминанием об участии в заговоре зятя Фоки — Приска, который, по сообщению этого писателя, разгневанный против Фоки, вызвал Ираклия и Никиту в Константинополь.

³ У Феофана (под 6099 г.) подробно излагается история столкновения Приска с Фокой. Приск — Крисп (у Никифора). Согласно сообщению Феофана, во время конских бегов на ипподроме димоты выставили между императорскими статуями статуи Приска и его жены Доменции (дочери Фоки). Император казнил за это начальников димов; ср. Joh. Ant., frg. 218a (C. Müller. Frgm. historicorum graecorum IV, 535—622); см. также дальнейший рассказ Никифора.

⁴ Форум Быка (τὸν βοός) был расположен в XI районе города по триумфальной дороге, шедшей от форума Тавра через Капитолий (ср. Const. Porphyg. De cerim., кн. I о процессии Василия I). Он был связан аркадами Эмбула с Экзактионием. Название его сохранилось в названии мечети Будрум-Джами и цистерны Будрум-Сарнидши. Место получило свое наименование от бронзового быка, который служил для сожжения преступников. О его происхождении в византийских источниках имеются два указания. Согласно Кедрину (I, 566), этот бык был привезен из Пергама; он представлял собой печь, в которой был сожжен мученик Антипа. Согласно же Кодиону, бык был сооружен Валентином, препозитом имп. Констанция, на ипподроме. Это была мощная печь, сохранившаяся до времен Кодина. Там император Юлиан сжигал многих христиан. Однако Кодион пишет в другом месте, что на так называемом форуме Быка был построен огромный бронзовый бык. Это было место судилища преступников, и Юлиан сжег там многих христиан. Печь была оформлена в виде огромного быка... она существовала до времени Фоки. Ираклий же переплавил ее в оболы (медные

монеты). О казни Фоки на форуме Быка сообщает Феофан (под 6102 г.) и Пасхальная хроника (Олимп, 397, 3). Об этом же быке упоминается и в описании четырнадцати городских районов Константинополя, составленном при имп. Феодосии II или вскоре после его смерти; см. Du Cange, Constantinopolis Christiana. Lipsiae, 1820.

⁵ Ср. Chron. Pasch. 703, 9—12; Theoph. 300, 17—18, ὑπόδατος δαί in этом значении: non est adoptare, sed a sacro fonte suscipere. Petavii ad. Nicephorum Notae. Bonn 102.

⁶ Храм Хоры — позднее превращенный турками в мечеть Кахрие-Джами. Храм этот, украшенный великолепной росписью, сохранился доныне. Кроме того, сведения о нем имеются у некоторых византийских писателей: ср. напр. Niceph. Gregorae, ed. Boor, IX, 13, 3; VIII, 5, 27; XXII, 2, 34 Grandi. Chronic 1, 7; Дюка (История) 39, р. 288. Кроме того, о нем же сообщают Бандури Anst. Banduri. Imperium orientale sive antiquitates constantinopolitanae. Parisiis, 1711 u. Venetiis, 1729, 54; Кодион (121); Петр Гилль (IV, 4). Церковь эта была построена Приском, зятем Фоки, затем позднее при Андронике Палеологе была украшена мозаиками по инициативе ктитора Феодора Метохита, известного писателя и деятеля этого времени, который там сам изображен. Ср. Изв. Рус. арх. ин-та в Константинополе, т. XI.

^{6a} Об этом факте из жизни Филиппика у Феофана не упоминается. О нем же упоминает и Себеос, гл. 24.

⁷ Военная придворная должность.

⁸ Вероятно, речь идет о форуме Константина.

⁹ Ср. Chron. Pasch. 706, 9, 9—13; Себеос. История императора Ираклия, гл. 24. Санта-Шахин у Себеоса. Завоевание Египта приписывается Себеосом Хорейму, т. е. Шахрбаразу. См. Себеос, 99—100.

¹⁰ Об этих фактах сообщает и Себеос. При своем воцарении Ираклий отправил к дарю Хозрою послов с подарками и грамотами, прося у него мира с большими мольбами. Царь Хозрой не хотел и слышать о том, говоря: „Это мое царство, и я возвел на престол Феодосия, сына Маврикия. Ираклий же воцарился без нашего повеления и приносит нам в дар наши же сокровища; но я не успокоюсь, пока не захвачу его в свою власть“.

Приняв сокровище, Хозрой приказал умертвить послов Ираклия и не дал никакого ответа на предложения его. О факте посольства сообщают также Феофан (стр. 307), Кедрин, Фома Ардруни, 97 (ср. Себеос, 97) и Chron. Pasch. В последней приводится текст грамоты, посланной Ираклием: „Бог, который все сотворил и держит все своим могуществом, дал роду человеческому дар, достойный его благодати, — промысл императорской власти, благодаря которой мы обретаем обеспечение жизни в мире и находим исцеление в случае каких-либо бедствий. Уповая на этот божий дар, — разумеется, императорскую власть, — и на ваше чрезвычайное милосердие, мы молим даровать нам прощение и то, что мы осмелились в противоречии с прежде действовавшими отношениями обратиться с мольбой к вашей державе. Мы знаем обычай, соблюдавшийся в предшествующее время, по которому было принято разрешать раздоры, возникавшие между обеими державами, непосредственными заявлениями самих правителей. Но этот обычай нарушил Фока — похититель ромейского государства. Вбунтовав ромейское войско во Фракии, он внезапно напал на столицу и казнил Маврикия, милостиво правившего нами, его жену, детей его и родственников, а также немалое число сановников. Не ограничившись этими великими злодействами, он не воздал подобающей чести и вашему чрезвычайному милосердию, вследствие чего вы, разгневавшись за наши прегрешения, привели к такому ущербу дела ромейского государства. Благодетельно царствующий ныне император и его блаженной памяти отец, узнав о том, что творит этот злодей, решили поднять ромейское государство из того крайнего положения и совершили это, найдя его надломленным вашим могуществом. После смерти тирана наш нынешний император хотел вернуться вместе со своими родственниками в Африку к своему отцу и предложил нам избрать кого нам угодно в императоры, но, склонившись на наши мольбы, принял царствование. Тревоги, одолевшие обе державы, и внутренние волнения не дали ему возможности исполнить то, что следовало, а именно — воздать должную честь через послов чрезвычайному могуществу вашей крепости. И вот мы, ничтожные людишки, решили соблюсти обычай, о котором было упомянуто, обратиться с мольбами к вашему царскому величеству, царю царей, и отправить некоторых из нашей среды, чтобы они удостоились припасть к вашим стопам. Но, вследствие случившихся в ту пору событий, мы не дерзнули исполнить этого до сих пор. Когда же Саин, знатнейший Вахманзадаг — Vahumanzadhagan (сын из рода Vahuman), командир персидского войска, явился в пределы Халкидона, то, вступив в сношения с нашим благочестивейшим императором и нами, был упрощен всеми вступить в переговоры о мире. Он заявил, что не имеет на это полномочия, но что он будет о том просить ваше человеколюбие. А теперь он прислал нам ответ через Спададуара, объявив нам клятвенно, что ваше чрезвычайное могущество примет, как подобает, наших послов и отпустит их назад невредимыми. Он прибавил, что получил

приказ от вашего человеколюбия сделать это. Полагаясь на это обещание и уповая на бога и на ваше величество, мы отправили к вам ваших рабов (τοὺς δούλους) Олимпия и префекта претория Леонтия, знатнейшего из ипатов, и патрикия, и эпарха города, и Анастасия, боголюбезного пресвитера, и синкелла. Мы молим ваше величество принять их как подобающее и в скором времени отослать их к нам с миром, любезным богом и приятным вашему величеству. Умоляем ваше величество считать нашего благочестивейшего императора родным сыном, который готов нести всякую службу вашему милосердию. Соизволяя на это, вы доставите себе двойную славу как в воинской доблести, так и в даровании мира. Мы будем наслаждаться спокойствием, как вашим даром, и будем возносить молитву богу за ваше долголетие, памятуя ваши благодеяния во веки веков ромейской державы". Chron. Pasch., p. 707—709. Бьюри J. A. Burg (History of the later roman empire) относит посольство (1889, т. II, p. 216), следуя Феофану, к 617 или 613 г. Перевод грамоты дает Ю. Кулаковский (История Византии, т. III, Киев, 1915, стр. 41 сл.).

¹¹ По Пасхальной хронике — в 10 часов утра (Chron. Pasch., 712, p. 13 sq.).

¹² Эбдомон (лат. Septimum) — местность у столба, поставленного на седьмой миле от города, на полудороге к Регнуму. Эта местность расположена на берегу Пропонтиды.

¹³ У Георгия Монаха (ed. de Boor, p. 609) — 70 тысяч человек.

¹⁴ О продаже сокровищ см. Theoph., p. 302. Уже в 613 г., после захвата Дамаска, Иракий действовал аналогичным образом. См. слова Никиты augustalis из Египта, обращенные к Иоанну Милостивому (Leont. v. Neap. Leben des Johannes des Barmherzigen, ed. Gelzer, S. 23, 7).

¹⁵ Начало похода Шахрбараза в Египет относится, обычно, к 617 г. Упоминание о захвате Египта арабами имеется у Феофана (под 6107—615 г.). Сведения об этом же событии см. в Anon. Guidi, 22, 29—23, 10 (Script. syri Chron. m'n.). Некоторые данные имеются в житии Иоанна Милостивого, написанном его современником Леонтием из Неаполиса (на о. Кипре); ср. Leont. v. Neap. Op. cit., S. 91. Сарбар, по объяснению Михаила Сирийца, означает "дикий кабан". У армянских писателей он именуется Хореймом (Ю. Кулаковский. История Византии, т. II, Киев, 1915, стр. 42 сл.).

¹⁶ Ср. Georgii Pisidae. Exped. pers. I, 139 сл.; Tabari, p. 294; Ю. Кулаковский. Назв. соч., т. III, стр. 60. — О маршрутах походов Иракия см. специальное исследование E. Gerland. Die persischen Feldzüge des Kaisers Herakleios. Byz. Ztschr., Bd. III, S. 340 ff. Новейшее исследование о маршрутах похода Иракия принадлежит академику Я. А. Мананджю. См. Византийский Временник, т. III.

¹⁷ Ираклеона (Иракий II).

¹⁸ У Феофана — аварскому, см. Theoph. Chron., p. 303. (Ср. о посольстве с упоминанием имени посла Андрея у армянского историка X в. Моисея Каганкатваца. История агван. Пер. К. Патканьяна, СПб. 1361, гл. 10).

¹⁹ Встреча Иракия с турецким ханом произошла под стенами осажденного ими Тбилиси; ср. Theoph. Chron., p. 316. Осада длилась два месяца. Оборону вели персидский военачальник и Стефан, царь Иверии, из рода Багратидов (см. Marquardt. Osteuropäische und Ostasiatische Streitzüge, S. 394). Подробности см. у Моисея Каганкатваца. Назв. соч., гл. 14. В "Жизни и известии о Багратиде" Смбата, сына Давида (Сб. материалов для описания племен и местностей Кавказа, XV, в. 1930) имеется рассказ об осаде Тбилиси Иракием. Иракий оставил хазарского хана осаждать Тбилиси, а сам ушел в Персию. Согласно же Моисею Каганкатваца, начальник крепости кричал Иракию со стены: "У тебя борода козла и шея злого козла". Иракий ответил на это угрозой: "Пришел козел с Запада и сокрушил рога восточному овну". Иракию приписывается сооружение храмов в Грузии (стр. 124—134); ср. Ю. Кулаковский, т. III, стр. 346.

²⁰ События эти относятся обычно ко второму походу Иракия в Персию (ср. Gerland. Op. cit., стр. 368 и сл.); ср. Theoph. Chron., 306, 21. — Хозрой, приказавший Шахрбаразу (Сарбару) напасть на ромейские земли, при известии о нападении Иракия, велел ему возвратиться, собрал новые войска под командой Шахина (Саита), чтобы они могли объединенными силами напасть на Иракия (Theoph., 306, 27). Герланд относит к этому моменту указания Табари (ср. Nöldeke) о Шахине. Может быть, отозвание Шахина произошло после неудачного похода его на Халкидон (ср. Себеос, гл. 26, стр. 39). Гельцер (в "Rhein. Mus". Neue Folge, Bd. X., VIII, S. 170 и 171) относит поход на Халкидон к 615 г. Иракий тем временем продвинулся из Кесарии через Карин в Двина (так трактует Герланд стихи Георгия Писиды: Negastias II, 160; см. 163. ὡς ἐν περερῶν συμφέρει τοῦ δ' ἄριστος Герланд читает здесь τοῦ Δουβίου) и Нахичеван. Разрушив оба эти города, он прошел в Ганзак. Иракий пустился в путь с 120 тыс. и пошел ко двору персидского царя; направив путь по северной стране, он вышел прямо против города Карина и, достигши Двина араратского, разрушил его и Нахичеван. Устремившись в Ганзак азербайджанский, он разрушил капище великого Грата (огня), называемое Внасп. Царь Хозрой поспешно вызвал войска свои, бывшие

в областях греческих, себе на помощь (Себеос, гл. XXVI, стр. 102). Ср. об этом храме огня у Nöldeke. Tabari, p. 100; Hoffman, Syrische Acten persischer Märtyrer, S. 251 по Феофану. Паулинсон (Rawlinson. On the site of the Atropatenian Esbatane. J. of the Royal Geogr. Society, 1841, p. 86) переводит это название как дворец Ардашира. Он находится между областями Атропатеи и Мидией. Подробнее см. у E. Gerland. Op. cit., 354 и Кулаковского, т. III, стр. 68. Последний относит, однако, эти факты к первому походу. Вопрос о маршрутах походов Иракия значительно уточнен в настоящее время акад. Я. А. Мананджю, см. статью его в настоящем томе.

²¹ Об устройстве осадных орудий в рассматриваемую эпоху сообщаются более подробные сведения в Anonymi S. Demetrii miracula Acta Sanctorum. Octobr. IV, 104—209, ср. Tougaard. De l'histoire profane dans les actes grecs des hollandistes. Paris, 1874.

²² Влахернский дворец находился за пределами первоначальной стены города, в северо-западном углу, вверху Золотого Рога. Название "Влахерны" — по Кодину Anonimus Banduri (A. Banduri. Imperium orientale) — происходило от того, что при построении церкви здесь были срезаны папоротниковые заросли. Это название здесь выводится от λάκος, λάκος, lacus, lacuna. По мнению же Унгера (Unger, Quellen der byz. Kunstgesch. 1878, S. 117), оно произошло, вернее, от βλάζω и βλάκος и обозначает бесплодную, пустынную местность. Согласно Пасхальной хронике (O1 351, 4), в этом году была построена стена вокруг храма богородицы, за пределами Птерона. Стена эта отличалась от старой тем, что это была простая стена δρωατήριος, в то время как старая состояла из двух стен, огражденных с обеих сторон рвами. О ней часто упоминают позднейшие источники.

²³ Барбиссе. Ср. также осаду города Фомой Славянином. Подробности у E. Э. Липшица. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. — Вестник древней истории, 1939, № 1.

²⁴ См. выше, прим. 22.

²⁵ У Феофана Ραζατς (317, 17—21) Rah-zadh. По Феофану, положение Рахзада было отчаянное: "Как голодный пёс, он кормился крохами с его [Иракия] стола", так как Иракий подвергал местности страшному опустошению.

²⁶ Ср. Себеос, гл. 27, стр. 105; Моисей Каганкатваца, гл. 12, стр. 112—13.

²⁷ Подробный рассказ дает Табари.

²⁸ Посольство Иракия везло письмо, которое Никифор приводит в выдержке. Полный текст его приводится в Пасхальной хронике (Chron. Pasch., 724—734). Там же сохранились отрывки из письма Ширсе. По сообщению Себеоса, Ширсе принял византийского посла Евстафия с большим почетом, "вторично утвердил условия мира и клятвенно подтвердил размежевание границ" (гл. 27, стр. 107), ср. Theoph. 327, 19—24, о дальнейшем посольстве Федора к Ширсе.

²⁹ По мнению Каганкатваца (стр. 117), Кавад царствовал 7 месяцев. По мнению Мирхонда и других восточных писателей, — от 6 до 8 месяцев, следовательно он скончался в конце 628 г. или в начале 629.

³⁰ Ср. Theoph., 323 (22) — 324 (16). Михаил Сириец сообщает о свидании Иракия и Шахрбараза (XI, 3, 403—409). Об этих же фактах ср. Агар. Меаб., 201—203; Nöldeke, Tabari, 300—302; Ю. Кулаковский, т. III, 110—111. Свидетельство Фомы пресвитера: "В том же году (940 — эры Александра) в тамузе (июле) встретился друг с другом Иракий, император ромеев, и Шахрбараз (= Сарбар у Никифора), патрикий, в одной клисуре на севере — имя ее Арависс Триречный, и говорили там друг с другом о мире. Было решено между ними, чтобы границей был Евфрат. Так они заключили мир друг с другом. И поставили там церковь и нарекли ей имя Ирины" (Chron. min., lib. Caliph. 108 и 114; Себеос, гл. 28, стр. 109).

³¹ Ятриб.

³² В книге Н. Я. Марра "Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г." сообщается, что император прибыл в Иерусалим с Мартиной 21 марта 630 г. (стр. 65 рус. пер.); ср. также поэму Георгия Писиды в книге Georg Pisidae. Carmina inedita, ed. Sternbach XIII (1891); Себеос, гл. 29, стр. 111.

³³ Себеос же сообщает: "Крест оставался в богоустроенном городе до вторичного взятия Иерусалима сыновьями Измаила. Тогда он бегством был перенесен в столичный город вместе со всей церковной утварью" (гл. XXIX, стр. 112 и гл. XXX, 118).

³⁴ В Лондонской рукописи "Бревиария" в этом месте вставлена следующая фраза: "Подчиненный же ему стратиг не действовал согласно желанию императора, так как приказавший ему был менее опытный, чем он. И когда он начал строить войска, они были внезапно обойдены врагами и, содействуя одержанной (неприятелями. — E. A.) победе, восстав против императора, они еще в местности, именуемой Габиной, присоединились к саракинам". Габино-Джабия — в Зайордании. Михаил Сириец (XI, 6, 20) определяет положение этого города в районе Босры, на р. Ярмуке; Nöldeke же помещает его на оз. Голом в центре государства Гассанидов. Ср. о Габино без указания этих фактов у Феофана (стр. 337 под 6125 г.). По Феофану, евнух Федор Трифирий отказал арабам

в уплате полагавшихся им даров в резкой форме, сказав, что „у императора едва хватает денег уплачивать жалованье солдатам, и он не будет платить этим псам“ (Theoph., 335, 23, 336, 3); ср. Script. syri (VII, 63, 26—27). Битва произошла летом 634 г. Ср. Ю. Кулаковский III, 148.

³⁵ В Малой Азии.

³⁶ Событие это относится к лету 638 г. Ср. Const. Porph. De serim. II, с. 27, р. 627—628.

³⁷ Максим Исповедник (S. Maximi Confessoris Opera. Patr. Gr., t. 90, р. 460) в письме из Африки, посланном в ноябре 641 г. внуку Иоанну, именует Мартину: ἡμῶν δεσποῖνα Θεοφύλακτος πατριχία.

³⁸ Кулаковский считал, что этой суммы хватило на оплату армии в 44 тыс. воинов. (216 : 5 ≈ 44).

³⁹ Ираклеон.

⁴⁰ Сведения о ссылке Пирра в Триполис (на Африканском побережье) имеются у Иоанна Никитского (564, 572, ed. Zotenberg). Арест Пирра и его ссылку Иоанн приписывает Давиду и Марину.

⁴¹ Петавий (Вопн 1837, Nicerphori Const. Breviarium, р. 120—121) считает, что слова Κωνσταντίνος οὐκ Ἰμενίας, которыми начинается следующий абзац, явно указывают на предшествующий пропуск. Трудно предполагать, — говорит он, — чтобы Никифор ничего не написал о предшествующем периоде в целых 27 лет.

⁴² Речь идет о Константине IV Погонате (668—685).

⁴³ См. примечание 12.

⁴⁴ Ср. Theoph., р. 356.

⁴⁵ Ср. Theoph., р. 356—358. Река Куфис впадает в конец Эвксинского моря, поблизости от Некропил (Сиваш); ср. подробнее у Ю. Кулаковского. Свидетельство о водворении болгар за Дунаем и Именник болгарских ханов. — История Византии, т. III, стр. 376 сл.; ср. публикацию Именника у А. Попова. Обзор хронографов русской редакции 1—11. Москва, 1866—1869; Куник. О родстве хазаро-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику (Прил. к XXXII т. Зап. имп. Акад. Наук, № 2, стр. 118—161); Marquardt. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898 и Die altbulgarische Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fürstenliste (Изв. Рус. археол. ин-та в Константинополе, т. XV, 2—30); ср. также J. Bury, The chronological cycle of the Bulgarians. Byz. Ztschr. 1910, S. 127—144. Повидимому, в основе изложения Феофана и Никифора лежит анонимный источник, собравший сведения о болгарях, частично известные по „Именнику болгарских ханов“.

⁴⁶ Речь идет, очевидно, о Константине II, племяннике Ираклия, умершем в Сидонии (31. 28—29), правившем в 642—668 гг.

⁴⁷ У Феофана Berzellam, Berzitim; Огла значит река, текущая севернее Дуная (Theoph. 357—358). Де Боор объясняет термин Berzilia как eadem quae πρότη Σαρματία, исходя из известий Феофана.

⁴⁸ По Феофану, — „завладел всей запонтийской Болгарией до самого Понта“ (Theoph. Op. cit.).

⁴⁹ О вставке, имеющейся у Феофана в этом месте, см. статью Е. Э. Липшиц „Никифор и его исторический труд“. Никифор выпускает сообщение о постыдном для Византии характере договора.

⁵⁰ Никифор выпускает сообщение о том, что на обратном пути захваченный болгарями в проходах с большими потерями Юстиниан едва смог уйти (Theoph. под 6180 г., стр. 364).

⁵¹ Официальное начало монофелитской ереси обычно связывается с фактом, сообщаемым Сергием в письме к папе Гонорию, где рассказывается, что во время пребывания Ираклия в Армении его посетил Павел, глава ереси северян (монофизитов), и в диспуте с ним император упомянул и о μία ἐνέργεια Христа — основе ереси монофелитов. Hefele. Conciliengeschichte. Bd. III, стр. 123). Дальнейшие судьбы ереси см. там же, стр. 123 сл.

⁵² Речь идет о шестом вселенском соборе 680—681 гг. (ср. Mansi XI, р. 195—736; 738—922 и Hefele. Op. cit., р. 260 сл.)

⁵³ Не правильнее ли понимать здесь στένον как нарицательное? Ср., напр., стр. 68, 10 (contra transcript. de Boor), см. Index.

⁵⁴ Монастырь Каллистрата — по сведениям, сообщаемым Феофаном (под 6259 г.), был позднее разрушен до основания императором Константином V Копронимом.

⁵⁵ У Феофана — к Софии.

⁵⁶ Слова из псалма: „Сей день, его же сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в оны“.

⁵⁷ О „милосердии“ Леонтия у Феофана нет.

⁵⁸ См. прим. 4.

⁵⁹ Эта часть города, входившая в XIV район Константинополя, получила свое название от Σικέη или Σικηί — фиговых деревьев у гавани. Позднее термин „Сика“

исчезает, уступая место более упрощенному наименованию Пера, хотя последнее и относилось собственно к верхней, расположенной на горе, части города. Об этой пристани и местности сообщает Страбон (VII, 6 § 2); Стефан Византийский, Никифор Каллист Ксанфоула (VIII, 6); Пасхальная хроника Ol. 327; Юстиниан в новелле 59, § 5; Theoph. под 6190 г. (стр. 370).

⁶⁰ По версии Феофана, город предали чужеземцы, жившие во влахернских стенах. Ср. Procor. De aedificis, а также данные о раскопках проводившихся Эски-Керменской археологической экспедицией в 1930—1934 гг.

⁶² Кинегий был построен Септимием Севером в Византии; он, вероятно, идентичен с амфитеатром, упоминаемым в описании II городского района (ср. Procor. De bello pers. 41-й „Кинегезий, который обычно назывался амфитеатром“). Согласно Анониму Бандури, на эту площадь выбрасывали трупы убитых. Однако там были и некоторые портретные статуи. По словам Малалы (XVIII, 492), в июне (559 г.) язычники были подведены к алтарю, и их книги, статуи и изображения их богов были сожжены в Кинегии. Ср. Theoph. под 6198 (705 г.) и под 6257 (765 г.). В 767 г. там был обезглавлен патриарх Константин.

⁶³ Монастырь святых бессребренников (ὁ ναὸς τῶν ἀργύρων Ἀναργύρων), иначе Космы и Дамиана, т. е. безвозмездно лечащих святых, встречающийся под различными именами. Он часто называется монастырем Павлина — по имени его основателя — магистра Павлина, чаще же называется Космидионом. Он был расположен на северном конце Золотого Рога, близ дворца во Влахернах, часто подвергался нападениям при вражеских нашествиях, впоследствии он был укреплен. При крестоносцах он был превращен в замок, именуемый замком Бовмунда. Ср. о нем Анна Комнина 1, 64; Wilh. Tug (епископ Тира) „История войны 1110—1189“, Villehardouin Geoffroy. De la conquête de Constantinople 1192—1207, 88; Pachymeri. Andron. V. 14; VI, 11, VII, 15; Ducas, 60; Kodinos, Topogr. III Procor. De aedif. 1, 6; Chronic. Pasch. Ol. 351, 3; Symeon Mag. Chron. Leo. Arm. 8; Theoph. Contin. II, 13; Cedren. II, 304; Attal. Chron. 10; 88; Niceph. Bryenn. Chron. III, 12; Nicet. Akominat. Murzuphl. 2; Cantacuz. IV, 11 (III, 70); Niceph. Gregorae II, 3.

⁶⁴ Феофан упоминает среди его единомышленников Андрея, епископа Критского (поэта. — Е. Л.), Николая, софиста врачебной науки и аптекаря.

⁶⁵ Неорий — пристань, находившаяся в VI городском районе, простиравшемся от форума Константина до лестницы или моста переправы в Сики (ср. Zosim II, 31).

⁶⁶ Об однодревках у славян см. Constant. Porph., cap. 14.

⁶⁷ См. примечание 62.

⁶⁸ Седьмой холм, на котором были расположены части города близ Золотых ворот. Согласно Анон. Band. 127; на Керолофосе стояли 16 поврежденных колонн κοίλια, портретная статуя Артемиды и Севера и треножник. Там же находились, как говорят, портретные статуи Феодосия Младшего, Валентиниана и Маркиана, обрушившиеся во время землетрясения.

Перевод Е. Э. Липшиц.

ЛОКАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЯРЫ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ ГРАМОТ¹

Если при изучении западноевропейских грамот давно уже было установлено существование локальных формуляров,² то до сих пор, насколько нам известно, не был поставлен достаточно четко вопрос о том, существовал ли на всей территории Византийской империи единый формуляр купчих грамот или же были налицо формуляры отдельных канцелярий.

Только Феррари утверждал, что византийские купчие грамоты имеют единую внешнюю структуру — ту же, что и греческие купчие из Южной Италии.³

¹ Miklosich-Müller (MM). Acta et diplomata graeca, vls. IV et VI. — L. Petit, Actes de Chilandar (Хил.) Виз. Врем. т. XVII, Прил.; Regel-Kurtz-Korablev, Actes de Zographou (Зогр.) — Виз. Врем., т. XIII, Прил.; L. Petit, Actes de Xénophon (Ксен.) — Виз. Врем., X, Прил. Petit-Regel Actes d'Esphigménou. (Эсф.) — Виз. Врем., XII, Прил. Александр Лаврский, Ἀδελφὸς Στόα. (Лавра). — Виз. Врем., т. VIII. P. Lemerle, Actes de Kutlunus, Paris 1945 (Кутл.).

² Posse. Lehre von den Privaturkunden, S. 92.

³ G. Ferrari. I documenti medioevali di diritto privato dell'Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d'Oriente. — Byz. Arch., 1, 1910, S. 100; Horwitz

Однако, анализируя формулы текста, мы должны в отличие от Феррари признать, что в Византии XIII—XIV вв. существовали местные канцелярии, имевшие свой определенный формуляр купчих. Не останавливаясь на всех сохранившихся византийских купчих грамотах, постараемся выделить сейчас четыре локальные канцелярии: в Солуни, Серрах, Милете и Смирне.

Из грамот Солунской митрополичьей канцелярии нам известны:

Хил. № 12—1296 г. — составил тавулярий Иоанн Пердикарий
Хил. № 25—1309 „ — второй скевофилак и тавулярий Василий Веаск
Ксен. № 5—1309 „ — клирик и тавулярий Димитрий Диавасимери
Хил. № 23—1314 „ — он же
Хил. № 29—1314 „ — он же
Хил. № 84—1322 „ — скевофилак и тавулярий Димитрий Диавасимери
Хил. № 106—1326 „ — он же
Зогр. № 25—1327 „ — логофет и тавулярий Николай Синадин
Хил. № 112—1327 „ — Диавасимери
Зогр. № 28—1330 „ — он же
Хил. № 123—1330 „ — он же
Хил. № 125—1335 „ — он же
Лавра 132—1341 „ — диакон и тавулярий Иоанн Анастасиопул

Димитрий Диавасимери, которым составлено большинство грамот Солунской митрополичьей канцелярии, последний раз упоминается в 1339 г., когда он занимал должность великого эконома и тавулярия.⁴

Для грамот Солунской митрополичьей канцелярии, хотя некоторые из них имеют незначительные отличия, характерен следующий формуляр:

Формула сделки вводится словами: „продал и действительно передал“ (*πέπρακα και σωματικῶς παραδέδοκα*). Указав далее покупателя — всегда во втором лице — и описав предмет сделки, акт переходит к установлению цены в клаузуле: „продал за цену... которую получил в присутствии подписавшихся свидетелей“ (*πέπρακα ἐπὶ τιμηματι... ἄπερ ἔλαβον ἀπαραλείπτως τῶν ἐνυπογραφάντων μαρτύρων ἐνώπιον*). Распоряжение вводится клаузулой: „должен владеть“ (*οφείλει κατέχειν*).

Клаузулы очистки и неустойки чрезвычайно подробны, распадаются на несколько частей. Сперва продавец гарантирует, что он не вернется к пересмотру сделки (*ἡμῶν μεταμέλεισθαι μὴ ἰσχυόντων*), иногда⁵ он особо оговаривает, что не станет требовать увеличения цены. Далее, повторяя по сути дела то же самое, он обещает „придерживаться содержания этого акта“ (*στοιχεῖν τῇ περιλήψει ταύτης*).

Вторая клаузула подчеркивает обязанность продавца принять на себя иски, которые могут возникнуть из-за отчуждаемой недвижимости (*τὸν καθολικὸν δεφευσίωνα ποιεῖν*). Затем и эта клаузула повторяется в других словах: *ἀγῆμιον ταύτην διατηρεῖν ἐκ συμπάντος διανοχλήσαντος*. Затем опять следует повторение первой клаузулы, когда продавец говорит о своем отказе от пересмотра, обмана, насилия, принуждения, грабежа и т. д.

Третья клаузула оговаривает: если продавец попытается нарушить эту грамоту (*πειρασώμεθα ἀνατρέψαι τὸ πρατήριον ἔγγραφο*), никто не должен его слушать (*ἵνα μὴ εἰσακουώμεθα*) и, кроме того, он обязан платить

(The Structure of a Coptic Donation Contract. Chicago, 1941, p. 13) отмечает, что и коптские купчие имеют тот же формуляр. Локальные особенности некоторых грамот отметил Г. В. Вернадский. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. Сб. в честь В. Н. Златарски. София, 1925.

⁴ Хил. № 129, 77. Ср. еще Хил. № 117, 145 и 126, 49.

⁵ Хил. № 12, 34.

штрафы: двойную цену (*διπλάσιον*), судебные издержки (*δῶσις πασῶν ἐξόδων*) и в соответствии с законами пени (*πρόστιμον*) покупателю и казне.⁶

Из грамот митрополичьей канцелярии города Серры нам известны:

Кутл. 4—1287 г. — протонаторий и примикирий тавуляриев Феодор
Эсф. № 3—1301 „ — тавулярий Иоанн Фалак
Кутл. 7—1305 „ — он же
Хил. № 89—1323 „ — тавулярий Федор Логариаст
Хил. № 93—1323 „ — он же
Хил. № 98—1324 „ — он же
Хил. № 105—1325 „ — он же
Хил. № 107—1326 „ — он же
Хил. № 108—1326 „ — он же

Формуляр этих грамот близок к солунскому, но гораздо более сжат. В отличие от первых грамоты из Серр не называют имени продавца в тексте (а только в протоколе); покупателя называют и во втором, и в третьем лице.⁷ Формула сделки сокращена: в ней отсутствует клаузула: *σωματικῶς παραδέδοκα*. Формулы очистки гораздо более сжаты, хотя и имеют все элементы солунских грамот. Только в акте 1301 г., хотя он и содержит все элементы этих формул, клаузулы идут в ином порядке, нежели в поздних купчих. Штраф, по большей части, только *πρὸς τὸ δημόσιον*, в казну, или же его вовсе нет.

Из милетских купчих нам известны:

ММ. VI № 47—1212 г. — номик Константин Мирсиниот
ММ. VI № 48—1213 „ — он же
ММ. VI № 49—1213 „ — он же
ММ. VI № 50—1213 „ — он же
ММ. VI № 51—1213 „ — он же
ММ. VI № 71—1250 „ — Николай Карантин

Милетские купчие называют продавца в тексте, а покупателя вводят во втором лице. Формула сделки в них отлична от формул Солуни и Серр: здесь продавец говорит сперва о составлении документа (*τὸ παρὸν πρατήριον ἡμῶν ἐνυπογραφὸν ἔγγραφο τινὴ μεθα και ποιούμεν*), а затем вводит самую сделку через клаузулу: „как явствует“ (*καθὼς ἐνηλωθήσεται* или *καθὼς ὁ παρακατιῶν ὁ σῶχος δηλώσει*).

И распоряжение здесь своеобразно.⁸ Указав на полную уплату цены (*τελεῖως ἐπληρώθη τὸ ὄλον τιμημα*), продавец говорит, что предмет сделки „действительно передается“ (*παραδόθη σωματικῆ παραδῶσει*) без препятствия с чьей-либо стороны (*μὴ παρὰ τινος κωλυόμενος*).

Формула очистки, хотя и говорит по существу о том же, что и солунские формулы, но состоит из иных клаузул. Сперва продавец отмечает свою обязанность принять на себя всевозможные иски (*ἐκδικεῖν σοι οφείλομεν ἀπὸ παντός δικαστηρίου*), после чего указывает, что всякий рискнувший на пересмотр (*πρὸς ἀνατροπὴν*) акта подлежит штрафам. Штрафы окрашены здесь в религиозные тона: мы найдем здесь и анафему, и угрозу „иудиной доли“, и проклятие 318 никейских отцов;⁹ не забыты, впрочем, и двойное возмещение покупателю, и штраф казне.

⁶ Грамота 1097 г. (Лавра 128—129) имеет совсем иной формуляр.

⁷ Напр., *πρὸς τοὺς τιμητάτους*. — Хил. № 105, 7; *πρὸς σέ* — Хил. № 107, 7.

⁸ Несколько отлична в акте 1250 г.

⁹ Эта клаузула встречается не только при отчуждении недвижимости. Так, неизвестный ктитор монастырька св. Антония, живший, видимо, в XIV—XV вв., подарил этому монастырьку евангелие, в начале которого он сделал надпись, угрожая проклятием 318 отцов тому, кто похитит эту книгу. — Надпись на рукописном евангелии Библиотеки им. В. И. Ленина, Ин. 460.

Наибольшее количество грамот дошло до нас от Смирнской митрополичьей канцелярии — они охватывают почти целый век (1207—1283). К сожалению, они сохранились не в подлиннике, а в виде кодика, к тому же плохо изданного Миклошичем и Мюллером. Поэтому в некоторых купчих отсутствуют, искажены или сокращены отдельные клаузулы.¹⁰

Нам известны следующие акты, вышедшие из Смирнской митрополичьей канцелярии:

- ММ. IV № 106—1207 г. — номик и скевофилак Константин Ксанф.
 № 104—1208 „ — он же. (Известен как примикирий тавуляриев из ММ. IV. 121, 27 от 1210 г.)
 № 54—1213 „ — номик Феодор Каллист
 № 109—1225 „ — он же
 № 11—1231 „ — номик и архонт монастырей Смирны Николай Сиропул
 № 17—1231 „ — Феодор Каллист
 № 25—1232 „ — он же. (Упомянут еще в ММ. IV. 81, 27 от 1251 г.)
 № 66—1232 „ — нет подписи
 № 34—1237 „ — номик Лаодикий. (Известны два номика с этим именем: Николай — ММ. IV. 38, 15 от 1235 г. ММ. IV. 81, 23 от 1251 г. — и Иоанн — IV, 83, 33 от 1251 г., ММ. IV, 133, 22 от 1259 г.)
 № 85—1239 „ — domestик смирнской митрополии Иоанн Куналис
 № 81—1254 „ — он же, но в чине протекдикя и тавулярия
 № 89—1255 „ — великий эконом Смирнской митрополии Константин Кафара
 № 64 1259 „ — Лаодикий
 № 54—1272 „ — номик Михаил
 № 38—1274 „ — номик Николай Филокинегит
 № 68—1279 „ — он же, но в чине примикирия тавуляриев
 № 67—1281 „ — он же
 № 56—1281 „ — он же
 № 61—1282 „ — он же
 № 63—1283 „ — он же
 № 62—1283 „ — он же
 № 42—1283 „ — он же. (Известен еще в 1285 г. — ММ. IV. 138, 6 и в 1291 г. — ММ. IV. 141, 3)

Смирнские грамоты приводят имена продавцов в тексте, вводят покупателя во второе лице и имеют формулу сделки, близкую к милетским грамотам: *πράσιν τιθέμεθα καὶ ποιούμεν... καθὼς δηλωθήσεται*. Рассмотрение дальнейшего текста позволяет выделить две различные группы грамот. Все акты, подписанные Филокинегитом (1272—1283), имеют очень близкий друг к другу формуляр. В них цена устанавливается в клаузуле: „продаем за... перперов“ (*πιπράσκομεν εἰς ὑπέρπυρα...*), затем купчая отмечает факт передачи земли (*ἃ δὲ λαβόντες... τοῖνον παραδεδώκαμεν*). Описание прав покупателя вводится клаузулой: „пусть владеет как господин...“ (*ὡς ἄν καὶ ἔχη κυρίως...*).

Формула очистки состоит из двух частей: продавец обязуется защищать покупателя от третьих лиц (*ἀπὸ παντός μερούς*) и не претендовать на проданное владение. Если кто-либо из сторон задумает изменить сделку (*βουλῆθῃ ἀνατρέψαι*), пусть его не слушают и подвергнут штрафу.

Вторая группа актов приходится на 1207—1237 гг. и характеризуется подробной клаузулой установления цены: „Мы договорились о цене и установили ее во столько-то номисм“ (*λόγων μέσον ἡμῶν γενομένων περὶ τῆς τιμῆς καὶ περιστήσαν αὐτήν εἰς νομισμάτα...*). Говоря о передаче владения, эти акты употребляют *testatio vacuae possessionis*, формула

¹⁰ Резкую критику этого издания дал замечательный русский византист В. Г. Васильевский [„Материалы для внутренней истории Византийского государства“ — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1880, июль]. Не ссылаясь на В. Г. Васильевского, его замечания повторил F. Dölger. Chronologisches und prosopographisches zur Geschichte des 13. Jahrh. — Byz. Ztschr., XXVII (1927), 297 ff.

которой: „уступаем тебе, чтобы ты обладал и пользовался“ (*ἐχωροῦμέν σοι ἐπιλαβέσθαι καὶ χρᾶσθαι*). Что же касается до формул очистки и неустойки, то они различны у разных актов этой группы. В актах № 106, 104, 109, 25, 34 она подробно и состоит из двух частей: обязательства не изменять условий и защищать от третьих лиц (*μὴ ἐναλλάξαι ἢ πρὸς τὸν δεφενσίωνα ἀμελήσαι*) и запрета выслушивать продавца на суде (*μὴ εἰσ ακουόμεθα*) при попытке пересмотреть условия. Штрафы: возвращение цены, уплата издержек в двойном размере и пени вестарию. В актах № 54, 17, 66 эта формула очень сокращена и начинается прямо с кары за нарушение условий обеими сторонами (*ὅστις δὲ ἐξ ἡμῶν βουλήθῃ ἀνατρέψαι*), т. е. близка к последней клаузуле купчих, составленных Филокинегитом.

В грамотах, датированных тридцатыми-семидесятыми годами, можно наблюдать постепенное оформление клаузул поздних актов (грамоты Филокинегита). Так напр., акты № 11, 80, 81 устанавливают цену в клаузуле, характерной для грамот Филокинегита: *πιπράσκω ἐπὶ τιμήματι, τιπράσκομεν εἰς ὑπέρπυρα*, но в № 89 вновь оживает старая клаузула: *τὴν πρᾶσιν διεφρήσαμεν καὶ περιστήσαμεν εἰς νομισμάτα...*

Результаты нашей классификации грамот сводим в таблицу (см. стр. 392).

Анализ формуляра грамот, вышедших из различных локальных канцелярий, сводимый для большей наглядности в таблицу, показывает, что в Византии не существовало единого для всей империи плана купчих грамот, что в Византии, как и на Западе, в каждой крупной канцелярии существовал свой формуляр. Кроме того, как показывает история Смирнской канцелярии, этот формуляр мог меняться даже на протяжении одного века. Интересно отметить, хотя возможно, что это случайное совпадение, что устойчивый формуляр в Смирнской митрополичьей канцелярии складывается лишь в семидесятых годах, т. е. после восстановления империи.

Тот факт, что формуляр купчих грамот Смирнской канцелярии изменялся на протяжении XIII в., дает основание для датировки некоторых актов, даты которых не сохранились в кодике. Так, напр., купчая ММ. IV, № 19 имеет формуляр ранних смирнских грамот 2-й группы и особенно близка к № 17 от 1231 г. Она датирована сентябрем VIII индикта, что соответствует 1219—1234—1249... гг. Более ранние даты, пожалуй, невозможны, так как упомянутый в нашем акте Иоанн Манкафа назван еще в ММ. IV. 133, 1 от 1259 г. Подтверждение нашей датировки дает опись стратопедарха Фоки от 1236 г., в которой упомянут некто Канти, подаривший монастырю Лемвиотиссы 5 олив в Паракаламе. Он, повидимому, тождествен Иоанну Ханте, составителю грамоты № 19 о продаже монастырю Лемвиотиссы олив в Паракаламе, и его продажа названа в описи Фоки дарением. Эту продажу, таким образом, следует относить ко времени до составления описи Фоки, т. е. к 1234 г., как и следовало предполагать по формуляру грамоты.

Гораздо сложнее датировать купчую ММ. IV № 65, которая построена по типу ранних смирнских грамот 1-й группы (с незначительными изменениями). Дата имеет месяц, индикт и год: июль VI индикта, год от основания мира, σφω', — однако такого числа в греческом языке нет. Наш акт называет игумна Лемвиотиссы Клима, которого Васильевский отождествляет с Климентом;¹¹ последнего легко датировать

¹¹ В. Г. Васильевский. Материалы по внутренней истории Византийской империи. ЖМНП, 1880, июль, стр. 116.

по акту, упоминающему Климента и в то же время ссылающемуся на опись стратопедарха Фоки, составленную „59 лет тому назад“ (ММ. IV, 179, 10). Так как опись Фоки была составлена в 1236 г., то время Климента (корректируем по месяцу и индикту) приходится на 1293 г. Свидетели, подписавшие грамоты № 65, тоже известны по актам 80—90-х годов, составитель грамоты № 65 Иоанн Пардалеон назван в документе от 1293 г. (ММ. IV. 229, 31). Исходя из всего этого, мы можем отнести грамоту № 65, корректируя по индикту, к 1293 г.

Однако, поскольку мы знаем, что в конце XIII в. в Смирнской канцелярии сложился устойчивый формуляр купчих грамот, следует предположить, что купчая № 65 поддельна. В связи с этим стоит и ни с чем несообразная датировка. Впрочем, может быть, после Николая Филокинегита номики Смирнской канцелярии возродили старый формуляр.

Несмотря на незначительное количество сохранившихся византийских купчих грамот, несмотря на некоторые отличия в грамотах одной и той же канцелярии, можно с известными основаниями признать наличие в Византийской империи различных локальных формуляров купчих грамот. В Византии грамоты не строились по мертвому шаблону, но их формуляр изменялся во времени и разнообразился в зависимости от места их изготовления. Подобно тому как Византийскую империю мы не можем в настоящее время считать неизменявшейся, абсолютно застойной, подобно тому как отвергнута легенда о полном консерватизме византийских учреждений, так точно не приходится говорить и о шаблоне византийских купчих грамот.

А. П. Каздан

ПРОФ. К. Н. УСПЕНСКИЙ. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ИКОНОБОРЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В VIII—IX вв. ФЕОФАН И ЕГО ХРОНОГРАФИЯ

Предисловие

Труд К. Н. Успенского составляет первую — источниковедческую — часть его большого исследования, посвященного рассмотрению истории иконоборческого движения. Ввиду преждевременной смерти К. Н. Успенского, подготовленная им к печати первая часть исследования¹ „Феофан и его хронография“ так и не увидела в свое время света и появляется в печати впервые лишь сейчас.

Со времени написания работы К. Н. Успенского прошло более тридцати лет. За это время коренным образом изменились методологические установки русского византиноведения, ставшего на путь марксистско-ленинской методологии.

В советской исторической науке, основанной на марксистско-ленинской методологии, изучению иконоборческого движения в Византии отводится значительное место. В работах советских историков преимущественное внимание уделяется вопросам социально-экономической истории Византии,²

¹ Ср. К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 268.

² Назовем, напр., работы: Б. Т. Горянов. Иконоборческое движение в Византии. — Истор. журн., 1941, № 2; Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. — Вестн. древн. ист., 1939, № 1; Е. Э. Липшиц. „Земледельческий закон“ и сельская община в Византии. А., 1936. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии, Свердловск, 1948.

Таблица локальных формуляров поздневизантийских грамот

Формула	Серры	Солунь	Милет	Смирна 1207—1237 гг.		1274—1283 гг.
				Группа I	Группа II	
		И м е н а п р о д а в ц о в				
Продавец Покупатель	Без имени Произвольно	Во втором лице				
Формула сделки	Продаю	Продаю и действитель- но передаю	Составил настоящую	купчую грамоту, как явствует ниже		
Установление цены	Продаю за цену, которую и получил		Полностью получил цену	Мы договорились о цене и устано- вили ее во столько то номисм		Продаю за пер- еры
Распоряжение	Должен	владеть	Действительно пе- редаю для владения без препятствия с чьей-либо стороны. Должен защищать покупателя от вся- кого суда	Уступаю тебе, чтобы ты обладал и пользовался		Продаю, чтобы ты владел как господин
Формула очистки	Гарантирую, что не вернусь к пересмотру сделки. Обещаю держаться содержания этого акта. Обязан принять на себя все иски, которые могут возникнуть из-за отчуждаемой недвижимости	не претендовать на проданную недви- жимость. Отказываюсь от пересмотра, об- мена и пр.		Обязан не изме- нять условий и защищать от третьих лиц		Обязан защищать от третьих лиц. Не должен пре- тендовать на про- данное владение
	Если попытаюсь нарушить грамоту, пусть не буду выслушан в суде		Кто нарушит, под- лежит штрафу	Пусть не буду выслушан	Если кто-нибудь мает изменить сделку, пусть его не слушают и подвергнут штрафу	
Штрафы	В казну	Двойная цена, су- дебные издержки, пени покупателю и казне	Двойное вознагра- ждение покупателю, штраф казне, ана- фема, „иудина доля“ и пр.	Возвращение це- ны, издержки в двойном размере, пени вестиярию	Возвращение це- ны	Штраф покупате- лю и казне

т. е. именно тем, к рассмотрению которых был особенно склонен и сам К. Н. Успенский.³

На Западе опубликован также ряд специальных исследований и изданий источников, относящихся к иконоборческому периоду. Из публикаций источников можно назвать издание частей еще полностью не напечатанного труда Никифора (по рукописям Парижской национальной библиотеки *Par. Coisl. 93* и *Par. gr. 1250*), ранее оставшегося известным лишь по отрывкам, изданным Питрой в *Spicilegium Soles mense* и Серрюи в *Mélanges d'archéologie et d'histoire* (1903). Благодаря этим данным стали известны сочинения Епифания, или (как предполагают некоторые исследователи), вернее сказать, те подложные сочинения, которые ходили в период иконоборческих дискуссий под именем Епифания. Новому исследованию подвергнуты и взгляды Константина V — иконоборца, слова которого цитируются в „Антиеретиках“ Никифора патриарха. Таким образом, стала более, чем прежде, известна литература, вышедшая из иконоборческого лагеря, отражающая мнения и воззрения сторонников иконоборчества. Появился ряд новых работ, освещающих историю возникновения богословско-философских концепций иконоборцев и иконопочитателей, общий ход развития движения, его источники. (В частности, имеется новое решение вопроса о хронологии Феодана).⁴

Однако перечисленные исследования буржуазных ученых не дают сколько-нибудь удовлетворительного решения тех важнейших вопросов, которые ставит перед наукой изучаемый период истории Византии. В них совсем не уделено внимания глубоким социальным причинам иконоборческого движения, не выяснена его общественно-экономическая сущность, его движущие силы и самое движение не поставлено в связь с борьбой эксплуатируемых масс населения империи против императорского правительства, имевшей место в VIII—IX вв. Характерно, что буржуазные исследователи, занимавшиеся в последнее время вопросами иконоборчества, преимущественное внимание уделяют богословским концепциям иконопочитателей. При этом концепции эти обычно рассматриваются чисто формально, в полном отрыве от социальной сущности движения. По этой причине анализ их остается лишь на поверхности явлений. Подчас некоторые из буржуазных ученых (Г. Острогорский) становятся на путь полной апологетики иконопочитательских концепций, стараясь всемерно затушевать прогрессивный характер иконоборческих реформ.⁵

В подобной идеалистической, антинаучной трактовке вопросов иконоборчества с особой наглядностью проявляется все возрастающая реакционность современного западноевропейского и американского византиноведения.

³ Ср., кроме публикуемой работы, другие работы К. Н. Успенского: *Очерки по истории Византии*. М., 1917 (гл. гл. XII—XX); *Эксскуссия-иммунитет в Византийской империи*. — *Виз. Врем.*, т. XXIII, 1923.

⁴ Ср., напр., Г. Острогорский. Соединение вопроса об иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. — *Sem. Kond.*, t. I, 1927, стр. 35—48; его же. Гносеологические основы византийского спора об иконах. — *Sem. Kond.*, t. II, 1928, стр. 47 и сл. сл.; его же. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites*, 1929; его же. *Ueber die vermeintliche Reformtätigung der Isaurier*. — *Byz. Ztschr.*, XXX, 1929—1930; его же. *Les débuts de la querelle des images*. *Mélanges Diehl*, 1930; E. Martin, *History of the iconoclastic controversy*. London, 1930, и др.

⁵ См. перечисленные выше работы Г. Острогорского. Ср. также полемику Н. Grégoire'a против J. Burg по вопросу о павликианском движении. Н. Grégoire. *Les sources de l'histoire des Pauliciens*. — *Bull. de la classe des lettres de l'Acad. royale de Belgique*, t. XXII, 1936, p. 224 etc.

В отличие от современных буржуазных исследователей, К. Н. Успенский, как уже было указано, уделяет в своей работе наибольшее внимание социальной и экономической истории иконоборчества. Именно поэтому труд его и сейчас еще представляет большой научный интерес, несмотря на то, что не все высказанные им положения могут быть признаны равно убедительными и приемлемыми с точки зрения требований современного советского византиноведения.

В предлагаемом вниманию читателя труде, еще более, чем в своих других работах, К. Н. Успенский встает во весь рост как мастер тонкого исторического анализа, вскрывающий в давно известном материале новые черты, как исследователь, дающий ценный материал и для историка-марксиста.

Рассматривая источниковедческие вопросы, К. Н. Успенский пытался вскрыть глубокие социальные корни иконоборчества. „Мы уже отлично понимаем, — пишет он, — что сам по себе узкий и мелкий вопрос об иконопочитании не мог держать в состоянии кипения общественные страсти в течение более чем столетия. Спор по вопросу об отношении к иконам и святым изображениям должен выясняться, как идеологическая надстройка или пристройка у более существенного и, я бы сказал, социального столкновения. Иконоклассия и иконодулия — только символы, идейные маски, прикрывающие собой действительные, живые лики борющихся в VIII в. в империи общественных сил“. Общая направленность интересов исследования К. Н. Успенского, как это видно из приведенной цитаты, совершенно правильно переносит центр тяжести на изучение социально-экономических корней иконоборчества.

Однако было бы неверно считать, что К. Н. Успенский вкладывал в понятие этих социально-экономических корней то содержание, которое видят в них историки-марксисты. Даже по первой части труда К. Н. Успенского (как и по его другим работам)⁶ ясно видно, что для него вопрос сводится к изучению роли монашества, монастырей, „как носителей феодального расчленения“ и исследованию „истории монастырского землевладения“. Такая постановка вопроса чрезмерно суживает задачу. Она выбрасывает из рассмотрения решающие движущие силы, проявляющиеся в классовой борьбе угнетенных классов византийского общества, т. е. именно те силы, которые своей борьбой против господствующей церкви и правительства в значительной степени определили необходимость для последнего вступить на путь реформ. При всем большом значении, которое имеет изучение истории монастырского землевладения для истории и экономики Византии VIII—IX вв., этого изучения далеко не достаточно для освещения сложной проблемы иконоборчества. Кроме того, у К. Н. Успенского проявляется явная идеализация монастырской жизни и монастырей, связанная с общей идеалистической методологией автора. Правда, публикуемая часть работы является лишь одной из частей исследования. Но К. Н. Успенский в своих обобщениях и замечаниях методологического характера уже и в этой части с полной ясностью охарактеризовал свою точку зрения и те пути, по которым он намеревался строить свое дальнейшее исследование.

Общая целеустремленность работы К. Н. Успенского, направляющая острие его анализа источников на изучение социально-экономической истории VIII—IX вв., может, однако, дать много важного и советскому историку. При исследовании источниковедческих проблем, которыми собственно и ограничивается К. Н. Успенский в первой части своего

⁶ Ср. заключение публикуемой работы и „Очерки по истории Византии“, гл. гл. XII—XX.

труда, автор делает ряд тонких и глубоких наблюдений, заставляющих подчас источники играть новыми красками, не заметными на первый взгляд. Именно в силу этого работа К. Н. Успенского не утратила своей свежести и интереса и сейчас. Если ряд положений, высказанных К. Н. Успенским, являются не убедительными и не доказанными с точки зрения требования современной марксистской науки, то все же нельзя не признать, что их удельный вес в данной (историографической по своим задачам) части работы не так уж велик по сравнению с тем большим вкладом, который автор сделал в части новой оценки известий Феофана, Анастасия и Никифора для социальной истории иконоборческого движения. Ярко и интересно поставлен вопрос о личности Анастасия и правильно подвергнут смягчению резкий, уничтожающий отзыв де Боора о познаниях Анастасия в греческом языке. Обоснованной является и полемика против оценок де Боора и предпринятая им реабилитация перевода Анастасия Библиотекаря. Таким образом, в оценке этих источников К. Н. Успенский сказал новое слово, пошел значительно дальше своих предшественников, и результаты его наблюдений могут бесспорно оказаться чрезвычайно полезными для всякого ученого, занимающегося проблемами византийской истории VIII—IX вв.

Е. Э. Липшиц

ФЕОФАН И ЕГО ХРОНОГРАФИЯ

1

Нет никакого сомнения в том, что в ряде исторических источников иконоборческого движения на первое, руководящее место выдвигается Хронография Феофана Исповедника. С одной стороны, это летописное повествование в своем целом решительно признано центральным в византийской хронографической литературе — по обстоятельности изложения, мастерству расположения материала, прекрасному выбору его и т. д. А с другой — в той части, которая заключает в себе историю иконоборческих императоров, Феофан является самым ранним и в значительной мере современным первоисточником, имея то же значение, что, например, Фукидид для истории Пелопоннесской войны. И здесь вопрос о том, что мог знать и сообщить историк, сменяется иным — что он желал сообщить.

Как будто бы в этой последней части своего огромного труда, где он, как казалось бы, ни от какого предшественника-летописателя не зависел, Феофан и должен быть особенно ценен. И если он сообщает не все из того, что знал, то во всяком случае то, что он сообщает, достоверно и фактично. Если он пристрастен и окрашивает сообщения в определенный цвет, если, как современник, не в состоянии отказаться от субъективной оценки и изображения, то зная, кто он, мы могли бы все-таки добраться, путем отслаивания субъективных налетов и искажений, до той правды, которая „там внутри“. Заранее оговариваюсь, что в пределах моей темы я считаю возможным говорить о Феофане только как об источнике иконоборческого движения, т. е. имею в виду лишь ту часть его Хронографии, которая явственным образом отделяется в самостоятельное произведение, как по составу источников, так и по преобладанию здесь уже субъективного момента. Поэтому я, уверенный в своей правоте, оставляю в стороне те „кардинальные“ вопросы, которые обыкновенно ставились и решались по отношению к Феофану

в целом, и среди них, конечно, особенно привлекавший к себе ученое внимание — вопрос о хронологии и принципе летоисчисления у Феофана, который мне представляется безнадежно запутанным. Но большой вопрос прежде всего в том, можем ли мы узнать настоящего Феофана, т. е. раскрыть и установить, как повествовал этот самый влиятельный из византийских летописцев. В нашем распоряжении целый рой рукописей, в которых передана хронография, целый ряд позднейших хроник, извлекающих или выписывающих Феофана (косвенное предание текста его летописи), начиная с Кедрина и Парижской анонимной хроники (Cod. Paris., 1712). Виднейший и авторитетнейший исследователь текста хронографии Феофана де Боор из сравнительного изучения всех греческих рукописей пришел к выводу, что наилучше передает подлинный ее состав Ватиканская рукопись 154. Но она оканчивается царствованием императора Юстина I.

Что же касается полных — греческих — списков, то в научной литературе о византийской хронографии преобладает взгляд, что летопись Феофана мало пострадала от сотрудничества позднейших справщиков и дошла до нас почти в неизменном виде первичного текста.¹ Г. П. Преображенский² решительным образом вооружается против этого утвердившегося мнения, доказывая, что среди греческих списков хроники не сохранилось ни одного, который стоял бы вне влияния редакторской корректуры и переработки позднейшего времени.

Промежуток времени от написания Феофаном его произведения до появления тех рукописей с его хроникой, которые уцелели до нашего времени и по которым мы узнаем Феофана, поскольку древнейшей из них является рукопись Cod. Paris. 1710—X в., занят как раз явственно засвидетельствованным оживлением историографических занятий. Эта своеобразная литературная работа, достигающая своего расцвета при императоре Константине VII — и можно сказать, даже отчасти под его руководством, — характеризуется как раз стремлением собирать старые писания, делать из них извлечения, взаимно пополнять их друг другом. Если при Константине Багрянородном появляются сборники извлечений из древних писателей, то естественно предположить, что и исторические сочинения предшествующего времени, в том числе и многочитавшаяся летопись Феофана, должны были подвергнуться выправлению и реставрации. Предположение это утверждается на тех своеобразных взглядах, которые господствовали в византийской исторической литературе. Основной и исключительной задачей здесь было создать единую наиболее полную „историю“, единую „хронографию“ с возможной полнотой исторического повествования. Византийские историки мало дорожили сохранением трудов своих предшественников в первоначальном, подлинном виде. И напротив, чем авторитетнее был предшествующий писатель, тем с большим уважением и любовью к нему старались расширить и до совершенства его до исчерпывающей полноты содержания: он являлся наиболее податливым фоном для их „син-эклетической“ работы. Иначе и не могло быть при тогдашних взглядах на задачи исторической работы и при технических ее трудностях, при недостатке и дороговизне материальных ее средств.

Хотя эти соображения и имеют силу главным образом для тех первых частей летописи Феофана, которые он составлял по источникам, посредством извлечений из которых его и пополняли и корригировали

¹ Krumbacher, *Gesch. der Byz. Litt.*

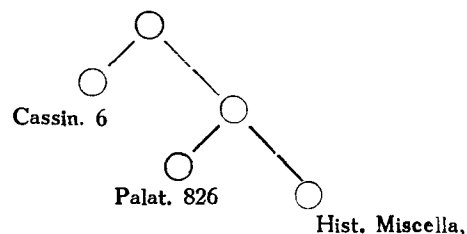
² Летописное повествование св. Феофана Исповедника, стр. 32 слл.

хронографисты-компиляторы X—XI вв., в то время как интересующая нас в данном случае последняя часть, повествующая об иконоборческой эпохе, как составленная, в большей или меньшей степени, самостоятельно или на основании еще ходивших в его время в византийской публике рассказов о „нечестивых“ царях-иконоборцах, не в такой силе располагала к распространению, — тем не менее, имея даже в виду только этот важный для нас конец летописи, приходится, для суждения о произведении Феофана, выдвигать как документ первостепенной, решающей важности — *Chronographia tripartita* — Анастасия Библиотекаря, составлявшуюся, несомненно, еще в пределах IX столетия и не испытавшую, по справедливому замечанию Преображенского,³ на себе услуг посторонних сотрудников. И поступать таким образом приходится в разрез с мнением де Боора, который, хотя и очень серьезно отнесся к латинскому переводу, сличив и проверив текст его по целому ряду списков, внимательно исследовав достоинства и недостатки Анастасия как переводчика, но тем не менее в результате отказался признать крупное значение для критики текста летописи Феофана за переводом Анастасия.

Г. П. Преображенский⁴ занимает правильную позицию, возражая де Боору, но следует сознаться, что его возражения слишком мягки и слабы, чтобы стать убедительными. Вопрос о значении *Chronographia tripartita* очень важен в исследовании текста Феофана и не может быть решен двумя-тремя общими фразами.

Прежде всего, думается, необходимо установить, каков состав и качество рукописной наличности самого Анастасия. Труд де Боора,⁵ надо заметить, является чрезвычайно удобным и незаменимым пособием, так как, предоставляя всю полноту материала, дает возможность работать, не обращаясь к недоступным в настоящее время рукописным текстам.

Мы не имеем уже собственноручного списка перевода (*Urexemplar*). Перед нами переписанные экземпляры, в которых, как бы аккуратно и заботливо ни были они сделаны, неизбежны ошибки и порчи. Последние должны тем увеличиваться, чем позднее сделаны списки. И большой вопрос, насколько наши рукописи точно передают подлинную речь Анастасия. Де Боору кажется, что вопрос этот разрешается далеко не удовлетворительно. Древнейшими списками перевода, которые де Боор и полагает в основу своего издания, являются: Кассинский 6, Палатинский (Ватиканский) 826 и *Historia Miscella* (главным образом ее вторая половина) = *Vaticanus Palatinus 909*,⁶ относительно которой господствует убеждение, что это — оригинальная рукопись Ландульфа Сагака, передающая рукопись Анастасия X—XI в. Устанавливая стемму

³ Летописное повествование св. Феофана Исповедника, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 50 сл.

⁵ *Theophanis Chronographia*, rec. C. De Boor, vol. II; *Anastasio Bibl. Historia tripartita*. Lpz., 1885.

⁶ Droysen. в *Hermes*, XII, p. 387.

де Боор заключает: где *Cassin* + *Hist. Misc.* против *Palat.*, или *Cass.* + *Palat.* против *Hist. Misc.*, там мы, несмотря на орфографические особенности, можем предполагать перед собой чтение архетипа. Напротив, согласно *Palat.* + *Hist. Misc.* никоим образом не убедительно против *Cassin*. Пользуясь исчерпывающим критическим аппаратом, приводимым де Боором в его издании *Historia tripartita*, мы без труда убеждаемся в том, что речь здесь может идти только об искажениях и исправлениях отдельных слов, главным образом собственных имен и малопонятных для западных переписчиков греческих терминов и обозначений. Но, с одной стороны, этих расхождений в основных рукописях перевода не так много, а с другой — почти все они и легко примиримы и мало-значительны, если не для филолога, каковым преимущественно и выступает де Боор, то для историка. Я проследил эти разночтения в пределах царствований Льва III и Константина V и, помимо причудливых искажений собственных имен, особенно не-византийских (арабских), и наивных ошибок в падежах, временах и числах, легко, однако, исправимых и не препятствующих даже и без помощи греческого текста⁷ восстановить смысл фраз, не мог остановиться ни на чем, компрометирующем рукописную традицию перевода. В общем, списки его, как древнейшие — положенные де Боором в основу восстановления текста Анастасия, очень близки между собою и безусловно совпадают в смысле исторического содержания. Нужно думать, что они дают довольно точное отображение подлинного Анастасия, если не считаться с чисто внешними промахами и искажениями переписчиков, плохо понимавших латинскую речь и сводивших текст с буквы на букву. Такое доверие к рукописному составу Трехчастной истории мотивируется и сравнительно большой хронологической близостью наличных списков к оригиналу. Если эти списки (*Palatinus 826* и *Cassinensis 6*) с достаточной убедительностью относятся к X—XI вв., то от написания перевода Анастасием (т. е. от 70-х годов IX в.) отстоят они на сто лет, а может быть, и того меньше. И как бы де Боор ни подчеркивал „многочитанности“ *Historia tripartita*, все-таки она не могла быть читана и перечитана, писана и переписана настолько, чтобы в какие-нибудь сто лет существенно отдалиться от первоначального состава и текста. На Западе она не могла сделаться „настоющей книгой“, какой была на Востоке *Хронография Феофана*, так как все-таки это была чужая книга, повествовавшая о чуждых событиях. Ссылка на Гуго Флорийского,⁸ которой пользуется де Боор, говорит не за соображения последнего. Ведь этот французский монах — писатель рубежа XI—XII вв., заявляя о своем пользовании переводным трудом Анастасия,⁹ полагает, что он составлен был при Карле Великом,¹⁰ что свидетельствует (если это не простая ошибка позднейшего переписчика) о недостаточном его знакомстве с сочинением Анастасия. Последующее же признание, что *liber tamen ipse per multos latuit annos sed super meis deo volente venit in manibus*, показывает, что как раз на протяжении X—XI вв. перевод Анастасия далеко не пользовался какой-нибудь необыкновенной популярностью и распространенностью на Западе. И ввиду этого ничто не может внушить нам сомнения в том, что в почти сливающимся по фактическому содержанию составу древнейших рукописей мы имеем дело с почти

⁷ Прибегать к которому в данном случае довольно рискованно.

⁸ Hugo Floriacensis. *Historia ecclesiastica*, lib. VI, prolog. — *Monum. Germ. Script.*, t. IX, p. 357.

⁹ *Multa, quae secuntur, ab Anastasio Romani bibliothecarii libro decerpsi...*

¹⁰ *Quem tempore Karoli Magni de graeco transtulit in latinum.*

(если не безусловно) подлинным Анастасием. Другой вопрос, с каким Феофаном мы соприкасаемся в переводе Анастасия.

И прежде всего, возможно ли труд Анастасия Библиотекаря считать настоящим переводом Хронографии Феофана, т. е. точной передачей греческого текста последней на латинском языке? Сомнение в такой возможности, в значительной мере не покидающее де Боора, имеет некоторые основания и вытекает из собственных признаний самого Анастасия, какие он делает в предисловии к *Historia tripertita*. Здесь, обращаясь к своему другу, диакону Иоанну, для которого он и принял свой перевод, он заявляет: „*Verum quia praecipue necessarium arbitror ea, quae a Theodosio principe juniore in ecclesia gesta sunt, enarrandi, ad cuius videlicet tempora Theodoretus, Socrates et Sozomenus Eusebium Pamphili subsequentes libros ecclesiasticae historiae texuerunt, operae pretium duxi ex Georgii summatim quaedam et Theophanis Chronographia plura sed succincte carpendi*“¹¹, и далее: „*Porro sic ego ex his duobus illustribus viris quaedam difflorare proposui, ut paene omnia, quae a supra nominatis historiographis commemorata sunt, a me commemoranda non duxerim; ex civilibus autem gestis quaedam summatim excerpseri quamvis a Justiniano principe ac deinceps pauca omiserim eorum, quae ab his chronographis relata sunt*“. Де Боор справедливо указывает, что о настоящем переводе Феофана у Анастасия можно говорить только начиная с Юстина II, даже с Маврикия. Предшествующее же изложение, представляющее экцерпирование, переходящее часто в сжатое эпитомирование, конечно является материалом, мало пригодным для критики греческого текста оригинала. Поскольку, однако, мы в данной связи заинтересованы исключительно последней частью Летописи, мы и будем отстаивать соответствующую часть перевода Анастасия от нападков немецкого критика и издателя. Де Боор, на мой взгляд, совсем неправ, утверждая, что и в позднейших частях Анастасий в смысле полной передачи оригинала не является вполне удовлетворительным свидетелем. Он ссылается на признание Анастасия, что с Юстиниана он выпускал лишь немногое, и заключает, что и здесь он переводил не абсолютно все. Это соображение кажется де Боору очень важным, так как лишает возможности из молчания Анастасия всегда заключать с легким сердцем об интерполяциях греческого текста. И особенно относится это не к пропускам целых рассказов и эпизодов, а к вычеркиванию отдельных фраз, даже слов. Что вычеркивает Анастасий, а не вставляют переписчики Феофана — для де Боора ясно, так как „часто писец просто был не в состоянии произвести подобную интерполяцию“.¹² Так у Анастасия мы часто не находим стоящих в греческих рукописях Феофана точных (до обозначения дня) хронологических дат, не застаем и многих топографических указаний, прозвищ, титулатур. Где все это мог бы почерпнуть переписчик? — вопрошает де Боор, — и тотчас же нечаянно сам подсказывает источник переписчика в этих „дополнениях“. Он сопоставляет греческий текст Феофана и перевод с теми источниками Феофана, которыми мы можем еще воспользоваться, и констатирует, что более полный вид совпадает с источником.¹³ Рискованно, однако, ставить эти расхождения на счет сокращений переводчика. Ведь переписчики IX—X вв., как уже я указывал, не только

¹¹ De Boor. *Theophanis Chronographia*, vol. II, p. 33.

¹² Стр. 404.

¹³ Приводятся следующие места из Феофана: 256,18; 262,6—8; 262,27; 271,16; 273,28; 277,10—17 — сводимые с Феофилактом Симокаттой.

переписывали изблюбленных писателей, но и восполняли и выправляли их, обращаясь за помощью к тем же источникам.

Впрочем, если речь идет исключительно о таких малозначащих для историка „облегчениях текста“, то нет нужды даже настаивать на принадлежности их, как вставок, переписчикам греческого Феофана. Пусть их делал Анастасий. Лишь филологическая придирчивость может считать их изменяющими подлинный лик Феофана, а для историка их обнаружение не может поколебать доверия к Анастасию. И следует поискать в пределах той части повествования Феофана, которая нарочито и подлечит нашему ведению, таких пропусков со стороны Анастасия, которые вносили бы сколько-нибудь существенные изменения в изображение фактов и в отношении к ним автора. Если таковые налицо здесь, где Феофан пишет без источников (не абсолютно, конечно, а относительно), к которым могли прибегнуть переписчики-справщики, тогда Анастасий должен, действительно, быть взят под подозрение. Но необходимо аккуратно проанализировать каждый случай, чтобы убедительно установить, почему мог пропустить Анастасий и почему не мог вставить переписчик:

1. *Theophanes*, a. m. 6209, I, 391: *Τούτω τῷ ἔτει Λέων ἐβασίλευσεν ἐκ τῆς Γερμανικῆων (Γερμανικῶν d g y) καταχόμενος, τῇ ἀληθείᾳ δὲ ἐκ τῆς Ἰσαυρίας. ὑπὸ δὲ (om. h.) Ἰουστινιανοῦ τοῦ βασιλέως σὺν τοῖς γονεῦσι μετακίεταται ἐν Μ. τῆς Θράκης ἐν τῇ πρώτῃ αὐτοῦ βασιλείᾳ (om. g.)* = *Anastasius Biblioth.* 251. Hoc itaque anno Leo imperare coepit ex Germanicis derivatus, genere Syrus, qui a Justiniano imperatore, cum prius regnaret, transfertur in M. Thracae.

Первый же случай и весьма поучительный в смысле оказания доверия Анастасию. Греческий текст дает явную несладкую и бессмыслицу, которая происходит исключительно вследствие заявления — *τῇ ἀληθείᾳ δὲ...* Последнее — несомненная вставка в Феофана, притом вшитая неловкой рукой, не сумевшей справиться с дальнейшим и допустившей анаколуфию, особенно если принять в расчет пропуск частицы *δὲ* после *ὑπὸ* — в некоторых рукописях. Извращен смысл естественной речи Феофана, который не мог противопоставлять там, где надо относить и связывать. По смыслу контекста после *ἐκ τῆς Ἰσαυρίας* не могло стоять точки — и предложение „*ὑπὸ Ἰουστινιανοῦ*“ не должно быть главным. Анастасий, несомненно, и дает первоначальный, осмысленный текст, который по-гречески звучал приблизительно так: ... *καταχόμενος, Σύρος τῷ γένει, ὃς ὑπὸ Ἰουστινιανοῦ... μετακίεταται...* Мы убеждаемся, что пропущенная Анастасием фраза — *τῇ ἀληθείᾳ...* — вставка мудровавшего переписчика, еще и потому, что Феофан нигде не называет Льва III Исавром или происходящим из Исаврии, а считает его сирийцем (напр. 412.3). Здесь не мешает заметить, что вообще название Льва III Исавром и связь этой императорской фамилии с Исаврией — позднего происхождения. Шенк¹⁴ в своем этюде о Льве III справедливо указал, что в современной этому императору литературе (в писаниях Иоанна Дамаскина, римских документах) обозначение Льва Исавром нигде не встречается. Впервые мы его застаем в ряде греческих рукописей с Хронографией Феофана, но в таком контексте, который внушает большие сомнения. Если Лев III — *ἐκ τῆς Γερμαν. καταχόμενος*, т. е. из Коммагены, области Сирии к востоку от Киликии, то он никак не мог *τῇ ἀληθείᾳ* происходить из Исаврии, лежавшей между Писидией и Ликаонией. В *Συναγωγή χρόνων* патриарха Никифора — в рукописи Cod. Coislin

¹⁴ См. *Byz. Ztschr.*, 1896; Schenk. *Kaiser Leons III Walten im Innern*, I Anh., 296 ff.

СХСШ fol. 242^r — доведишей список императоров первоначально до Михаила I (811—813), Лев III обозначен еще *ὁ Σύρος*. После смерти патриарха Никифора — его „синагога“, повидимому, стала популярной, писалась, переписывалась и дополнялась. Во что она превратилась уже к 70-м годам IX в., показывает ее плачевное состояние в переводе Анастасия. Здесь Лев III уже называется *Hisaurus* (у Феофана Анастасий этого искажения еще не застал), а дальше: *Constantinus filius ejus — cum matre sua Heigene*. . . т. е. сам Константин V слит с Константином VI, и Ирина стала женой Льва III. Откуда пошло наименование Льва III Исавром, сказать трудно. Но поскольку в нем чувствуется в конце уже IX в. какой-то осудительный оттенок, можно думать, что до него добрались переписчики летописей (Феофана и Никифора) из монахов, нарочно или нечаянно спутавшие сирийскую Германикию с исаврийским Германикополем. В наличной редакции Феофана и проступает некоторое злорачество справщика, настаивающего на том, что „воцарился Лев... выводящий себя (καταγομενος) из Германикии, на самом же деле (τῆ ἀληθείᾳ) происходивший из Исаврии“.

2. 392: *καὶ ἀφανίζομεν τὴν χώραν αὐτῶν καὶ ποιοῦμεν τὴν θέραιαν ὁμοῦν* = *Anast. Bibl. et exterminabimus regionem ipsorum*.

3. *Theoph. 396,8 ὁ δὲ εὐσεβῆς βασιλεὺς... ἐποίησαν; 18 ὁ εὐσεβῆς βασιλεὺς μυστικῶς συνέστειλεν* = *Anast. Bibl. 255: imperator vero... consumpsit. 256 imperator... secreto removit*. Пропуск совершенно лишнего *εὐσεβῆς* у Анастасия поддерживается рукописью d (Cod. Paris. 1710) и, таким образом, объяснить его личным недоброжелательством переводчика к императору Льву III довольно затруднительно: ведь d-Paris. 1710 — как-никак древнейший из имеющихся ныне списков (греческих) Хронографии Феофана. Де Боор,¹⁵ ссылаясь на одинаковую будто бы склонность Анастасия и переписчика d к сокращениям и на вероятное заимствование всего рассказа Феофаном из источника, благорасположенного ко Льву III, считает более приемлемым, чтобы два различных, самостоятельно работавших читателя хроники вычеркнули обозначение, казавшееся им неподходящим для инициатора иконоборческого нечестия, чем чтобы кому-нибудь пришло в голову интерполировать это *εὐσεβῆς*. На это необходимо возразить, во-первых, что, если Феофан и заимствовал рассказ из источника, расположенного ко Льву III, то сам он, вообще не проявляя к нему такого же чувства, едва ли был настолько небрежен, что не заметил этих двух странных для себя *εὐσεβῆς*, а во-вторых то, на что указывал уже Преображенский,¹⁶ — именно, что такое совпадение в проявлениях склонности сокращать у писца d и переводчика — является поистине чудом. Весь текст стр. 396 без пропуска хотя бы полуслова, кроме двух *εὐσεβῆς* — передается западным переводчиком IX в. и восточным редактором X в.¹⁷ Наконец, в-третьих, надо сознаться, что вообще благовольтельный ко Льву III характер данного отдела летописи, из уверенности в котором де Боор исходит в своих суждениях, весьма подозрителен, да и мало понятен. Почему Феофан, в общем безусловно одобренный против первого гонителя икон и истребителя благочестия, в повествовании о первых годах царствования Льва III

¹⁵ *Theoph. Chr.* II, 537, прим.

¹⁶ *Op. cit.*, стр. 35.

¹⁷ Не следует оставлять без внимания и еще одну особенность в пределах той же страницы текста, которую Анастасий разделяет с d — в противоположность прочим рукописям: 396,10 — *ἐποίησαν* = *Anast. — consumpsit*, в то время как *rell.* дают ошибочное *ἐποίησαν*. Укрепляя перевод, этот случай решительно выдвигает и Cod. Paris. 1710 как надежнейший список.

допустил бы не только безразличие, но и восхваление (упорное *εὐσεβῆς*)? Ведь когда он писал это, он уже знал всего Льва III до конца: едва ли он мог проводить так тонко различие до-иконоборческого и иконоборческого Льва. Выходило бы, что близкий и заинтересованный Феофан с легким сердцем предает „некоторому забвению“ иконоборческие неистовства заводчику нечестия, а далекий во всех смыслах Анастасий все еще настолько раздражен против давно уже умершего императора, что, несмотря на обещание дать точный перевод, исправляет Феофана и унижает Льва III. И далее, что доказывает в рассказе — благовольтельное отношение ко Льву III кроме двух *εὐσεβῆς*? Де Боор ссылается на заключительное заявление этого эпизода и на предшествующее ему сообщение о поведении Льва при императоре Феодосии. Оба эти места он берет в том виде, в каком ему удобно. Что касается первого, то оно¹⁸ в греческих рукописях единогласно звучит: „ὅτι ὁ θεὸς καὶ ἡ παναγία παρθένος Θεοτάχος καὶ θεομήτωρ φρουροῦσι τὴν πόλιν ταύτην καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν βασίλειον“, но у Анастасия:¹⁹ „quia deus et sanctissima virgo deique mater hanc muniunt urbem et Christianorum imperatorem“. Но из этого сопоставления мы убеждаемся, что Анастасий, более чем кто-либо из редакторов Феофана, был склонен хорошо отнестись ко Льву III, а в таком случае ему незачем было вычеркивать и *εὐσεβῆς*; а в то же время у Феофана едва ли первоначально стояло *τὸν π. χρ. βασιλέα* вместо *τὸ βασίλειον*, так как, если последнее считать за исправление справщиков, недоброжелательных ко Льву III, то непонятно, почему они так дружно выправили здесь *τὸν βασιλέα* в безразличное *τὸ βασίλειον*, но так же дружно оставили (будто бы!) два *εὐσεβῆς* в одинаковых местах (напр. 397,²⁰ — стоит всюду просто *ὁ βασιλεὺς*), а кроме того и выражение *τῆ θείᾳ συμμαχίᾳ* — при — *ὁ βασιλεὺς... πυρραλώτους αὐτὰς ἐποίησεν*, и двукратное заявление, что в победе над арабами императору помогал *ὁ θεὸς διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου*.²⁰ Да если бы в конце и стояло *τὸν βασιλέα*, то оно не могло бы показаться соблазнительным, так как это выражение разумеет не личность Льва III, а императорскую власть вообще. И все-таки я думаю, что сам Феофан написал здесь *τὸ βασίλειον*, более уместное, чем *τὸν βασιλέα*, а Анастасий допустил просто ошибку, подобных которой у него очень не мало и которая легко разъясняется.²¹

Второе место — знаменитое 395,²¹ „Τοῦ δὲ Θεοδοσίου βασιλευσάντος καὶ τοῦ Ἀρτεμίου ἐκδιωχθέντος, καὶ τῆς τῶν Ῥωμαίων πολιτείας συγκεχυμένης οὕσης ἐκ τε βαρβάρων ἐπιδρομῆς καὶ ἐκ τῶν τοῦ Ἰουστινιανοῦ μαζονιδῶν καὶ τῶν τοῦ Φιλίππικοῦ ἀνοσιουργιῶν, οὗτος ὁ εἰρημένος (om. D NB; *εὐσεβῆς* — с. Cod. Vatic. 155 NB NB). Λέων ὑπερμάχει τῷ Ἀρτεμίῳ ἐναντιούμενος Θεοδοσίῳ. εἶχε δὲ συμφωνοῦντα αὐτῷ καὶ συντρέχοντα Ἀρταύσδον, τὸν τῶν Ἀρμενιάζων στρατηγόν...“ у Анастасия читается так: II, 255: „cum vero Theodosius impirasset et pulsus Artemius exstisset, Romanorumque res publica esset confusa tam ex barbarorum incursum quam ex Justiniani homicidiis et Philip-pici scelestis actibus, hic Leo simulabatur et pro Artemio expugnabat Theodosio adversatus, quin, ut verum dicatur, ad se ipsum imperium trans-

¹⁸ *Theoph.* I, 398.

¹⁹ *Anast.* II, 257.

²⁰ 396,¹⁷⁻¹⁸; 397,¹²⁻¹³.

²¹ Кстати: у Анастасия — 258,²⁹ — опускается и *εὐσεβῆς* в применении ко Льву III: *natus est Leoni principi filius... = Theoph.*, 399, ²⁸ *ἐπέχθη τῷ εὐσεβεῖ βασιλεῖ Λέοντι... Пропуск поддерживается рук. Cod. Paris. Reg. 1711 и контекстом, так как повествование предшествующего года заканчивается тщетной попыткой нечестивого Омара свратить Льва III путем догматического послания. Между прочим, Анастасий называет Омара impius, каковое опущено в архетипе наших списков.*

ferre decertans; quod et fecit. Habebat autem concordantem et concurrentem sibi Artabasdam, Armeniacorum praetorem". Расхождение очень крупное. Де Боор²² уверен, что в греческом тексте мы имеем выписку Феофана из явно расположенного к императору источника, выписку, сохраненную летописателем почти в полной неприкосновенности,²³ а этот первоначальный текст искажается или переправляется, и довольно грубо и решительно, Анастасием, допускающим здесь полный диссонанс в отношении всего отдела хроники, не обнаруживающего резкого недоброжелательства ко Льву III. Писец же или читатель архетипа всех наличных рукописей, стоявший еще близко ко времени иконоборцев, конечно не имел оснований так выправлять текст в пользу первого иконоборческого императора. Только Анастасий, в своем неблагоприятном отношении ко Льву, мог так самостоятельно расправиться с рассказом об узурпаторе.

С соображениями и уверениями де Боора трудно согласиться.

1) Анастасий заявляет: nihil meum in hoc prorsus insertum, — и действительно, остается верен своему заявлению, а данное исправление, если его приписывать Анастасию, нельзя не считать весьма существенным.

2) Анастасий, как я уже говорил, не имел уже оснований злостно злиться против Льва III, да и кроме этого случая нигде и нельзя указать у него проявлений злобы. Напротив, он допускает даже lapsus, явно благоприятный для Льва III (τὸν βασιλέα вместо τὸ βασιλείον) всего через несколько страниц.

3) Версия Анастасия не звучит диссонансом в отношении тона данного „отдела“ Феофана, так как повествование стр. 391—395,¹² о прошлом Льва III стоит совершенно особняком от дальнейшего изложения 3:5,¹²—398,¹⁵ — о большой победе над арабами уже царствующего Льва.

4) Ничего особо благоволительного ко Льву III не заключает в себе и версия „архетипа“: она только менее резко недоброжелательна, чем анастасиевская, но далека от изображения его героем. Таким образом, ссылка на этот эпизод в данной связи нельзя не признать очень рискованной. Вглядываясь в греческий текст, не трудно обнаружить в нем несладкие и неясности, которые показывают, что мы имеем дело с изуродованной речью: чья-то грубая рука смазала текст. Как бы низко мы ни ценили повествователя Феофана, все-таки следует ручаться, что он не мог написать в данном контексте — „οὗτος ὁ εἰρημένος Λέων“, не мог написать после „ὕπερμαχαι“ — ἐναντιούμενος — „εἶχε δὲ συμφωνοῦντα — κτλ“. Первое — нескладно, а второе бессмысленно. После того как летописец сообщил в начале рассказа — τούτῳ τῷ ἔτει Λέων ἐβασίλευσεν... и описал его заключение, Лев III уже не мог быть назван „οὗτος ὁ εἰρημένος“. И если Лев III ратовал за Артемию, противоборствуя Феодосию — и только, то в каких стремлениях и планах и вообще для каких достижений имел он единомышленником и помощником Артавазда? Несуразное εἰρημένος и пропущено еще в надежнейшей рукописи Cod. Paris. 1710-d, а в Cod. Vatic. 155-c и здесь вместо εἰρημένος поставлено соблазнительное εὐσεβής. Эти колебания списков подсказывают, что εἰρημένος — уже довольно позднего происхождения и у самого Феофана отсутствовало, как о том свидетельствует Анастасий — древнейший список d: там было οὗτος Λέων (d.) = hic Leo (Anast.).²⁴

²² Theoph., II, 407.

²³ Я уже говорил, насколько это неожиданно и странно со стороны Феофана Исповедника.

²⁴ Может быть, прав Преображенский, считающий, что ὁ εἰρημένος проникло в рукописи под влиянием Анонима Cod. Paris. 1712 и хроники, списываемой Кедрином. Конъектура же де Боора, исправляющего на основании все-таки Анастасия (правда, под знаком вопроса) εἰρημένος в εἰρηνοῦμένος, произвольна.

Но важнее то, что фраза — εἶχε δὲ συμφωνοῦντα... явно показывает существенный пропуск в изложении, и очевидно, фразы, говорившей о каких-то личных планах и выступлениях „этого Льва“, в которых ему сочувствовал и содействовал Артавазд, за что, воцарившись, Лев и отблагодарил и возвысил его. Едва ли можно родниться с человеком и возводить его в куропалаты только за „симфонию“ во вражде к Феодосию и преданности Артемию. Я не сомневаюсь, что в указании на Артавазда и застрял в „архетипе“ имеющихся списков хвост первоначального изложения, отразившегося еще у Анастасия, у которого все сообщение получает и смысл и значение. Смягчала, искажая, это уверенное сообщение о происках Льва III²⁵ и усиленно вставляла εὐσεβής, очевидно, одна и та же довольно поздняя рука, — рука, может быть действительно, светского редактора, увлекшегося воинственным духом и успехами Льва III²⁶ и дерзнувшего особенно явственно противоположить начальную εὐσεβεία императора (первые десять лет!) и последующую иконоборческую δυσσεβεία его, что хотя и выражено уже у Феофана, но слабо и нерешительно.

4. Впрочем этот поворот к δυσσεβεία Льва со стороны писца-справщика происходит скорее, чем того можно ожидать: в а. м. 6209 — он усиленно прибавляет ненужное εὐσεβής, а уж под а. м. 6211 (399,²⁸) переписывает: „τούτῳ τῷ ἔτει ἐτέχθη τῷ δυσσεβεῖ βασιλεῖ Λέωντι ὁ δυσσεβέστερος αὐτοῦ υἱός“... = Anastasius (258,²⁹) „anno... natus est Leoni principi filius nomine Constantinus, qui magis illo impius fuit...“ причем Анастасий подкрепляется рукописью g (Cod. Paris. Reg. 1711).

5. Только констатируем не нуждающиеся в комментариях и ничтожные в историческом смысле дальнейшие „опущения“ Анастасия: Theophanes, 400,¹⁶⁻¹⁷: ἕως τῆς χαλκῆς πυλῆς τοῦ παλατίου = Anastasius Biblioth. 259,¹¹ usque ad aeneam portam; 400,²⁶ ὁμοίως δὲ καὶ Σισίννιον = Anastasius 259,¹²⁰ Sisinnium.

6. Повествование о папе Стефане и его бегстве к франкам (402,²⁰—403,²³), отсутствующее в данном месте у Анастасия, представляет собой несомненную схолию к 403,²³: „Στέφανος δὲ ὁ πάπας Ῥώμης, προσέφυγεν εἰς τοὺς Φράγγους“, перенесенную редактором из первоначального места (а. м. 6234, Theoph. 418,¹¹), где его и застал еще Анастасий.

7. Анастасий пропускает: а) Theoph. 404,¹⁰⁻¹¹: „τῷ δ' αὐτῷ ἔτει καὶ ὁ χειμαρρὸς, πλημμυρήσας εἰσῆλθεν εἰς Ἐδέσαν τὴν πόλιν καὶ πολλοὺς ἠφάνισεν“; б) Theoph. 404,¹⁴⁻¹⁵: „Καὶ γέγονε θανατικὸν ἐν Συρίᾳ καὶ αἱ κάμηλοι τοῦ πρωτοσυμβούλου ἐκάθισαν εἰς τὸν ἅγιον Ἥλιον“; в) Theoph. 412,⁴⁻⁵: „καὶ εἰσῆλθεν ὁ χειμαρρὸς ἐν Ἐδέσῃ μὴνι Περιτίῳ κηπ“; д) Theoph. 410,³⁰⁻³¹: „Τούτῳ τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν Μανίας τὴν Ῥωμανίαν καὶ ἐπανελθὼν οὐ μετὰ πολλὰς ἡμέρας τοῦ ἵππου πεσὼν ἀπέψυξεν“.

К этой серии легко отнести и вставляемое в рукописях Cod. Vat. Palat. 395 и Cod. Monacensis Graec. 391-k Theoph. 399,⁵ Ὁ δὲ Μέσελμας ἀπάρας ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου κατὰσχισμένος (sic.) κατέλαβε τὴν Δαμασκὸν, εὐρε δὲ καὶ τὸν Μαρρὲν, τὸν ἀθέ(ν)την αὐτοῦ καὶ ἀμερμηνήν, τελευτήσαντος ἀντ' αὐτοῦ δὲ ἐκράτησεν Οὐμαρῆς (NB) καὶ πάλιν ἀπέστειλε τὸν Μέσελμα τὸν πολιορκῆσαι τὸ Βυζάντιον διὰ τῆς γῆς καὶ θαλάσσης. οὗτος ὁ Οὐμαρῆς ἐσχάτος υἱὸς τοῦ Ἀπτελαζήζ. Этой вставки, конечно, еще нет и в переводе.²⁷

²⁵ Преображенский: „впервые в Р' = Kedr. 787.6“.

²⁶ Так предполагает Г. П. Преображенский (стр. 35), напоминая о вставляемых тем же редактором εὐσεβέστατον (216,8) и εὐσεβέστατος (233,¹¹) в применении к Юстиниану, опущенных опять-таки у Анастасия.

²⁷ Но уже Кедрин (или его экскерптор Феофана) читал эти известия, и они точно перешли в его компендий (Ed. Bonn., 794, 18; 21).

Первые два (три) пропуска поддержаны лучшим списком Cod. Paris. 1710¹, и эта очень постоянная солидарность перевода и d должна быть принята в особое внимание, потому что такого случайного совпадения быть не может. Более всего похоже на то, что редакторы-переписчики вводили эти „местные дополнения“, руководствуясь какой-нибудь местной (сирийской?) хроникой. И вероятно, эти справки вставлены были в переписываемого Феофана не зараз, одним справщиком, а наслаивались постепенно. Такая догадка подсказывается присутствием лишь в двух сравнительно поздних списках, „примечания об Омаре и Меселме“. Кое-что аналогичное вставлено было в Феофана уже когда его взялся переводить Анастасий. И трудно уже теперь, на основании имеющегося материала, решить, многое ли из этих „сирийских“ сообщений записано рукой самого летописца Феофана. Последний пропуск о походе и смерти Мавии хотя никем из греческих свидетелей не подтверждается, все-таки не может быть объяснен „облегчительными стремлениями“ переводчика. Анастасий, если и облегчает текст, то только в пределах отдельных слов, незначительных фраз. Вычеркивать целое сообщение, притом заключающее в себе события целого года (двадцатого — царствования Льва III) Анастасий никогда не решает. Тем более странным такой пропуск должен казаться здесь — после целого ряда введенных в текст таких же кратких и „чужестранных“ известий. Почему ему могло не понравиться или показаться лишним именно это, а не соседнее, хотя бы предшествующее: „Τούτῳ τῷ ἔτει ἐπεστράτευσεν Σουλεϊμάν, ὁ τοῦ Ἰσάμ, τὴν τῶν Ἀρμενίων χώραν καὶ οὐδὲν ἤνυσεν“. Вероятно, что в „раннем“ Феофане, которого знал еще Анастасий, и не стояло это известие и двадцатый год царствования Льва оказывался пустым. По крайней мере, у Кедрина (800, 21), хотя и сжато излагающего здесь материал Феофана, мы, однако, едва ли случайно, встречаемся с такой формулой: τῷ 17' καὶ 18' καὶ 19' ἔτει — т. е. 20-й год знаменательно пропущен. Переписчику такая пустота не понравилась, и он решил ее заполнить недорого ему стоившим сообщением о походе Мавии в Римскую землю, состряпанным по образцу целого ряда предшествовавших, а к стати и умертвил его, свалив с лошади, поскольку в дальнейшем выступает уже один брат его Сулейман, а о Мавии больше ни слуху, ни духу в хронографии.

8. Два раза Анастасий (Theoph. 402, 4—407, 18) при τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν εἰκόνων — не переводит σεπτῶν.

9. Важный пропуск допускает Анастасий, переводя Theoph. 405, 15—17 „ἐν τούτοις οὖν θείῳ κινούμενοι ζήλῳ στασιάζουσι κατ' αὐτοῦ μεγάλη ναυμαχία συμφωνήσαντες Ἑλλαδικοὶ τε καὶ οἱ τῶν Κυκλάδων νήσων Κοσμάων τινα συνεπόμενον ἔχοντες εἰς τὸ στεφθῆναι, Ἀγαλλιανὸς δὲ, τοῦρμαρχῆς τῶν Ἑλλαδικῶν, ἤγειτο τῆς στρατιᾶς, καὶ Στέφανος“. Anast. Biblioth. 261. — „in his ergo zelo divino moti tumultuantur contra eum, magna congressione navalis exercitus concinnata, tam Helladici quam hi, qui Cycladum fuerant insularum. Agallianus autem, turmarcha Helladicorum, erat militiae dux, simul et Stephanus...“

На первый взгляд, дело все сводится к небрежности Анастасия: он нечаянно пропустил это существенное замечание о претендентстве Космы и тем скомкал и обесцветил весь эпизод. А что он это допустил не нарочно, доказывается дальнейшим упоминанием о Косме, который неожиданно появляется вместе со Стефаном в качестве казенного за видное участие в мятеже. Если это — исконный lapsus Анастасия, перешедший затем во все списки его перевода, тогда и рассуждать не о чем. Но возможно предположение, что первого (а может быть, и второго) упоминания о Косме в первоначальном повествовании Феофана не было.

У Кедрина, правда слабо убедительного в этой части хроники по сжатости заимствований из Феофана, мы не находим ни одного имени вождей этой элладико-кикладской революции.²⁸ Напротив, в Ἱστορία Σύνομος патр. Никифора, детально передающего именно этот эпизод, мы встречаемся с попыткой выдвинуть Косму из-за Агаллиана и Стефана — на первое место.²⁹ И здесь так же неожиданно, как Косма у Анастасия (раннего Феофана?), выступает в конце „ἑτέρος τις Στέφανος“. Можно допустить, что изложение мятежа одинаково не удалось как Никифору, так и Феофану, и редакторы-переписчики последнего выправляли и дополняли его по Никифору (вставка о Косме как антиимператоре), а справщики Никифора, может быть, ввели Стефана из феофановского повествования. Это, конечно, одни предположения, но безусловно верно то, что разобранный пропуск не может компрометировать Анастасия.

10. Может быть еще важнее, и именно для историка иконоборческого движения, сокращение или умолчание Анастасия в конце рассказа а. м. 6221. Феофан дает здесь (во всех наличных рукописях) — 409, 18: „ἐκμαχίαις οὖν ὁ τυραννὸς ἐπέτεινε τὸν κατὰ τῶν ἁγίων εἰκόνων διωγμὸν, πολλοὶ τε κληρικοί καὶ μονασταὶ καὶ εὐλαβεῖς λαϊκοὶ ὑπερεκινδύνευσαν τοῦ ὀρθοῦ τῆς πίστεως λόγου τὸν μαρτυρικὸν ἀναδησάμενοι στέφανον“³⁰ = Anast. Biblioth. 265, 19: „insaniens ergo tyrannus contra venerabiles (sic!) imagines persecutionem extendit. Porro multi clerici ac monachi et religiosi laici pro recto periclitati sunt verbo“.

На выяснение этого расхождения не может не повлиять то обстоятельство, что эксцерптор у Кедрина, хотя и сокращающий, но все же очень падкий на сообщения, унижающие и уничтожающие императоров-иконоборцев, — в данной части вообще довольно точно передающий Феофана, — весь пассаж сжимает в короткую фразу, перекидывая ее несколько назад — до падения патриарха Германа, 796, 10: „αὕξει δὲ τὴν κακίαν Λέων ὁ δυσσεβής, κατὰ τῆς εὐσεβείας τὸν διωγμὸν ἐπιτείνων“. Можно ручаться, что, будь в предлежавшем этому эксцерптору экземпляре Феофана упоминание о многих „приявших мученический венец“ в царствование Льва III, он не мог бы с таким равнодушием пройти мимо него. Осторожность и сдержанность выражений в рассказе о том же „гонении“ в хронике патр. Никифора поддерживает в убеждении, что и в повествовании Феофана, которое переводил Анастасий, — последней фразы о мученичествах при Льве III не было и что она прибавлена для яркости уже позднее. Какой расчет мог быть у Анастасия опускать это сообщение, на котором и покоится здесь главное ударение: ни спасти Льва III, ни уничтожить его — у далекого и по времени, и по месту переводчика уже не было оснований.

11. Несомненно нечаянный пропуск делает Анастасий, переводя описание карательной экспедиции Льва III. Такая существенная фраза Феофана, как (410, 8—9) „ἠσχύνθη δὲ ὁ μάταιος ναυαγῆσαντος τοῦ στόλου εἰς τὸ Ἀδριακὸν πέλαγος“ — выпала у него явно по недоглядке, так как сознательно он ее вычеркивать не мог — и тем более, что затем переводчик, не заме-

²⁸ Кедр. 796, 7—10.

²⁹ Ed. de Boor—58: Διὸ δὴ καὶ οἱ τὴν Ἑλλάδα καὶ τὰς Κυκλάδας νήσους οἰκούντες... πρὸς τὸν βασιλέα διαστασιάζουσι καὶ πλείστον στόλον ἀφείσαντες Κοσμῶν τὸ ὄνομα ἐφ' ἑαυτοῖς βασιλεύουσι. καὶ πρὸς τὴν βασιλεύουσαν ἤκον... τῶν δὲ περὶ αὐτὸν ἀρχόντων τις Ἀγαλλιανὸς ὄνομα... ἑαυτὸν τῷ βύθῳ παραδέδωκε. Κοσμῶν δὲ καὶ ἑτέρος τις Στέφανος... τὰς κεφαλὰς ἀπετμήθησαν.

³⁰ Соответствующее место у патр. Никифора читается так (ed. De Boor, 58): Ἐξ ἐκείνου τοίνυν πολλοὶ τῶν εὐσεβούντων, ὅσοι τῷ βασιλεῖ οὐ συνετίθεντο δόγματι, τιμωρίας πλείστας καὶ αἰκιμῶν ὑπέμενον.

чая своей ошибки, продолжает: „tunc (т. е. после катастрофы) impugnatore dei per amplius saeviens“... = Theoph.: „τότε ὁ Θεομάχος ἐπὶ πλείων ἐκμαναίεις...“

12. Чрезвычайно характерные сокращения, выдающие работу над текстом Феофана его греческих переписчиков-справщиков и укрепляющие доверие к Анастасию, мы наблюдаем в той „соблазнительной“ части хроники, которая посвящена общей характеристике императора Константина V. Сам подлинный Феофан, правда, не пощадил выражений, чтобы излить всю — весьма понятную — ненависть и презрение к этому императору, гонителю икон и монахов, к императору, которому суждено было потом превратиться для истории в Копронима и Кавалина, потому что на протяжении более чем столетия после его смерти раздражение и озлобление против него в монашеско-писательской среде не только не ослабевали, но все обострялись, пытаюсь мстительной легендой. И переписчик Феофана, как только перо его доходило до этого ненавистного образа, до этого приводившего в неистовство имени, уже не мог сдержать его: положительные степени прилагательных превращались в превосходные, пороки и преступления удваивались, „нечестие“ доходило до отрицания Христа, богородицы и всех святых. От такой интенсификации Феофана не мог уже удержаться эксцерптор у Кедрина, а может быть, и сам Кедрин. То же сбивающее речь, ломающее самые фразы, возбуждение налицо и в „архетипе“ наших списков хронографии Феофана, заметное даже безотносительно, помимо сопоставлений с изложением в переводе Анастасия. Главным образом касается это переизраженного явно вставными надбавками и развалившегося под их напором пассажа 413₁₀₋₁₇: „ἄξιον δὲ λοιπὸν ἐρεξῆς καὶ τοῦ δυσσεβ(εστᾶ)του(ς) (καὶ παναθλίου) παῖδος αὐτοῦ τὰς ἀδελφίτους διεξελθεῖν πράξεις (ἀνοσιουργοτέρας καὶ θεομισήτους οὕσας), φιλαλήθως δὲ ὅμως, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντεπόπτου Θεοῦ, καὶ ἀπερίττως εἰς ὠφέλειαν τοῖς μετέπειτα καὶ τοῖς νῦν πλανωμένοις ἀθλίους (καὶ ἀτασθαλοῖς ἀνδραρίοις) εἰς τὴν (τοῦ) παρανομωτάτου βδελυράν) κακοδοξίαν τὰ (?), ἀπὸ τῆς ἡ' λέγοντας ἰνδικτιῶνος, ἔτους πρώτου τῆς αὐτοῦ βασιλείας“.

Этот период, конечно, нельзя признать доброкачественным ни в литературном, ни просто в грамматическом отношении: он изуродован многословием, которое, с одной стороны, разорвало τὰς πράξεις и τὰ ἀπὸ τῆς ἡ'... ἰνδικτιῶνος, а с другой — оборвало незаконченным и мало вразумительным это последнее τὰ ἀπὸ, требующее необходимого ἕως — κτλ. Дорогу к первоначальной речи Феофана здесь и указывает Анастасий, у которого

данное место переведено так (268₁₃): „dignum autem est de cetero et τοῦ δυσσεβοῦς παῖδος αὐτοῦ, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντεπόπτου Θεοῦ
imprii filii ejus, tamquam deo, qui omnia perspicit, contem-
φιλαλήθως καὶ ἀπερίττως εἰς ὠφέλειαν τοῖς μετέπειτα καὶ τοῖς
plante, veraciter et non superflue ad utilitatem posteris et miseris, qui
νῦν πλανωμένοις ἀθλίους εἰς τὴν κακοδοξίαν αὐτοῦ τὰ ἀθέμιτα διεξελθεῖν,
nunc in cacodoxia illius decipiuntur, ludibria exequi,
δυσσεβῶς πεπραγμένα ἀπὸ τῆς ἰνδικτιῶνος ἔτους πρώτου τῆς αὐτοῦ βασιλείας,
quae ab hac X indictione ipsius imperii anni primi usque
ἕως τῆς ἡ' ἰνδικτ. τῆς αὐτοῦ ἀπωλείας
ad XIV indictionem mortis illius impie gessit“.

И далее, в переводе строк 18—26 мы не встретим излишних и отзывающихся бранью обозначений греческих рукописей: („ἐμβρόντητος αἰμοβόρος τε καὶ“ и 26 („ὁ παμμύιαρος“).

Но особенно примечательны пропуски, которые мы наблюдаем в переводе Анастасия — Theoph. 413₂₅—414₁₂: „Ἐπεὶ δὲ τὴν πατρικὴν ἀρχὴν σὺν

τῆ κακίᾳ προσέλαβεν, τί δὲ λέγειν, ὅσῃν ἐκ προομιῶν (ὁ παμμύιαρος) τὴν κακίαν ἐκίστησεν, [καὶ εἰς προὔπτον ταύτην καὶ ἐναέριον ἀνερρίπισε φλόγα; οὐ μικρὰ γὰρ ταύτην βλέποντας τοὺς Χριστιανοὺς κατέλαβεν ἄθυμια], ὥστε πάντας [ἐκ προομιῶν] εὐθὺς δι' ἰταμότητα μισῆσαι αὐτὸν καὶ Ἀρταβάσδω κουροπαλάτῃ καὶ κόμητι τοῦ Ὀψικίου προστεθῆναι γάμβρω τε αὐτοῦ ὄντι ἐπ' ἀδελφῆ Ἄννη, καὶ τὴν βασιλείαν αὐτῷ [ὡς ὀρθοδόξῳ] παραδοῦναι“ = Anast. Biblioth. 268₂₅: „quia vero patrum principatum cum malitia suscepit, non modicam in brevi tempore demonstrat nequitiam ita, ut ab omnibus ob impudentiam confestim odio haberetur, et Artahuasdo curopalati et comiti Obsequii, qui Annam sororem ejus uxorem duxerat, vis pro capessendo imperio imponeretur“.

Разница получается огромная: помимо добавлений, последняя фраза в греческом тексте имеет совершенно иной смысл, чем в переводе. Кто же в данном случае передельвал? Снова приходится указать, что, если бы в том тексте Феофана, с которого переводил Анастасий, стояло всё, что мы имеем в наличных греческих списках, переводчик не имел бы никаких оснований вносить такие изменения и стараться затушевать религиозные мотивы революционной попытки Артавазда. Мы не можем себе даже представить, из каких соображений понадобилось бы ему это делать, тем более, что в дальнейшем развитии этой попытки религиозная окраска приводит, и переводчик там ее и не думает вычеркивать. Но она является не изначальной, а производной: не ортодоксальность Артавазда и нечестие Константина вызвали „решение народа“ передать власть первому помимо второго, а захват власти Артаваздом — попытаться обосноваться и стать приемлемым для столичного населения — посредством обмана (объявления Константина погибшим), обвинения Константина в искажении божественных учений и ложной клятвы патриарха Анастасия. Расхождение между оригиналом и переводом весьма существенное, но Анастасий не мог быть виновником его. Невинность его поддерживается и той внешней литературной корректностью, которой перевод выгодно отличается от греческого текста. Неуместное повторение ἐκ προομιῶν явно выдает переработку греческого текста и вставку в нем. Неисправно — в синтаксическом отношении — и присоединение самой вставки: „τί δὲ λέγειν, ὅσῃν... καὶ εἰς προὔπτον ταύτην... ἀνερρίπισε φλόγα“.

Спешной и неумелой рукой притиснуто далее и предложение — „ὁ μικρὰ γὰς...“ И в общем — в греческой редакции весь эпизод захвата власти Артаваздом утрачивает осмысленность и искажается противоречием, чего нет в редакции перевода. В самом деле, если нечестие и христорборство Константина уже привели „христиан“ в такое уныние, что они возненавидели его, вошли в соглашение с Артаваздом и (καὶ) передали ему императорскую власть как православному, в таком случае совершенно излишними и непонятными являются попытки Артавазда убедить этих христиан в том, что Константин V погиб, что он был нечестивец, достойный проклятия, и клятва патриарха перед всем народом. Легко сообразить, однако, что в редакции перевода все это получает и смысл и значение. Наконец (и это, может быть, наиболее убедительный довод в пользу Анастасия), нельзя обойти вниманием изложение событий у патр. Никифора, отличающееся ясностью и обстоятельностью.³¹

³¹ Νικηφ. Ἰστ. Συντ. 59, 15 ff.: „Ἀρταβάσας δὲ, ὅς ἐστιν ἡμεῖς Κωνσταντίνου ἐπ' ἀδελφῆ ὑπῆρχεν, ἅμα τῷ περιόντι λαῷ (στρατηγός δὲ τοῦ Ὀψικίου λαοῦ ἐτύγχανεν) καὶ τοῖς δυσὶν υἱέσιν, ὧν ὁ μὲν ἕτερος Νικήτας θάτερος δὲ Νικήφορος ἐκκληῖτο, κατὰ τὸ λεγόμενον τοῦ Δουρουλαίου πεδίον ἠυλίετο, καὶ δὴ τυραννίδα εὐθὺς κατ' αὐτοῦ μελετᾶ, τὸν τοῦ πενθέρου θάνατον πυθόμενος, καὶ ὄρκους τὸν ὑπὸ χεῖρα κατεδέσμευε λαὸν αὐτῷ μὲν εὖνοιον ἔσσειναι, ἕτερον δὲ εἰς βασιλεία μὴ δεχέσθαι...“

Здесь вполне уже определенно узурпационная попытка представлена как личное предприятие Артавазда, а не как выступление „христианского народа“, вызванное нечестием и „неправославием“ Константина. И религиозный мотив возмущения уже совершенно отсутствует. Таким образом, важные „пропуски“ Анастасия выясняются довольно убедительно как посылынные домыслы и поправки позднего редактора и писца „архетипа“ существующих греческих списков летописи Феофана.³²

13. По сравнению с вышеозначенной переработкой малознаемыми представляются те словесные расхождения, которыми изобилует конец повествования того же а. м. 6232 в греческом тексте и в переводе:³³ „τῷ δ' αὐτῷ ἔτει ἀνείλεν Ἰσαμ... τοὺς... Χριστιανοὺς, ἐν οἷς Εὐστάθιος (ὁ μακάριος) υἱὸς Μαριανοῦ τοῦ (περιβλέπτου) πατρικίου, (πολλὰ βιασθεὶς καὶ τὴν αὐτοῦ εἰλικρινῆ πίστιν μὴ ἀρνησάμενος) μάρτυς ἀληθῆς ἀνεδείχθη εἰς Χαρράν (πόλιν οὕσαν) τῆς Μεσοποταμίας (ἐπίσημοι), ἔνθα καὶ τὰ (τίμια αὐτοῦ καὶ ἅγια) λείψανα ἰάσεις (παντοίας) ἐπιτελοῦσι θεῖα χάριτι. καὶ πολλοὶ δὲ ἕτεροι διὰ (μαρτυρίου) καὶ αἵματος (ἐν Χριστῷ) ἐτελειώθησαν“. Для историка, стремящегося установить возможно первоначальный состав летописи Феофана как источника, подобно рода добавления или пропуски являлись бы безразличными; но все-таки и здесь нег никаких оснований приписывать Анастасию внезапно и капризно вспыхнувшее желание только в данном отрывке так исправно „облегчить“ текст от действительно излишних слов. Почему у папского библиотекаря вдруг получилось предубеждение и нерасположение к неведомому мученику Евстафию, к его отцу и к городу Харрану? Естественно думать, что лишние слова в греческом тексте — результат приукрашающей работы писца-справщика, который мог почему-либо особо уважать и чтить пострадавшего от арабов Евстафия, и у которого, что называется, разошлась рука на шаблонно-хвалебные прилагательные (μακάριος, περιβλέπτου, ἐπίσημοι, τίμια καὶ ἅγια...).

14. В дальнейшем повествовании о царствовании Константина V, начиная с а. м. 6233, латинский перевод весьма точно совпадает с текстом греческих рукописей и почти уже не дает „пропусков“.³⁴ Из последних следует отметить очень большой — под а. м. 6235, где Анастасий выпускает целых 17 строк печатного греческого текста (418,19—419,7). Почему в экземпляре летописи Феофана, с которого делал перевод Анастасий, отсутствовал этот эпизод из истории сирийских арабов — сказать трудно. Возможно, однако, предположить, что пропуск сделан

³² Theoph., 427, 31: ὃν ἐξήρχε (Θεοδόσιος) ὁ Ἐφέσου υἱὸς Ἀψιμάρου = Anastas. Biblioth. 280, 17: quorum primas erat Ephesus filius Arsimari. — Я склонен думать, судя по пренебрежительному тону всего рассказа о соборе 754 г., что сам Феофан умышленно не назвал председателя собора по имени, равно как и его товарища он обозначает тоже одним прозвищем ὁ Πασιλλῆς ὁ Περγῆς, а дальше называет патр. Константина не без гадливости „Κωνσταντῖνος μοναχός“. В греческих списках имя Феоодосия появилось позднее от руки доточного, но нечуткого справщика, не заметившего, какой диссонанс в тон речи Феофана он вносит, вставляя имя Аписмарова сына.

³³ Theoph., 414, 3—10.

³⁴ Theoph., 417, 6 (σημερον). 418, 16 (μηνὶ Ἀπριλλίῳ 15, ἡμέρᾳ εἰς); 428, 8 καὶ τῇ κζ' τοῦ αὐτοῦ μηνός = dein Anast. Bibl.; 429, 27 καὶ ἦλθον εἰς τοῦ Μακρου τείχους (κατὰ τῆς βασιλίδος πόλεως τὴν ὄρμην ποιησάμενοι), πολλὴν οὖν ἄλωσιν ἐργασάμενοι (καὶ αἰχμαλωσίαν λαβόντες) ὑπέστρεψαν ἀβλαβεῖς (εἰς τὰ ἴδια); 430, 6 (ο αὐτός), 433, 24—26 (τούτῳ τῷ ἔτει ἀντήραν οἱ τῆς ἐρήμου καὶ τοῦ Βασραθῶν τῷ Ἀβδελᾷ, δύο ἀδελφοί, οὓς ἀποστείλας ἀνέτελε σὺν χίλιασιν ἴστρατοῦ), 29 (Κομανίτης ἐπιλεγόμενος); 437, 25 (τοῦ Ἰουλίῳ μηνός εἰσηλθὼν ἀδόξως, ἐν τῇ πόλει), 438, 14 Χριστοφόρος ὁ (κατὰ τὸν πατρικίον Ἰμέριον) σπαθάριος, 16: Θεοφύλακτος κωνδιδάτος (ὁ κατὰ τὸν Μαρινάκην), 443, 31 (ἰνδικτιῶνος ζ', ἡμέρᾳ σαββάτῳ) и 444, 1 (β' τοῦ Ἀπριλλίου μηνός). Перечисленные опущения Анастасия следует признать совсем несущественными для историка, даже если их приписывать небрежности или неточности переводчика.

и самим переводчиком для „облегчения“ текста, поскольку междоусобия арабских вождей никакого отношения к истории Восточной империи и церкви не имели. Точно так же плохо поддается разъяснению и пропуск 427, 7—9: „καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει ἐκοιμήθη ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης Ἀντιοχείας Θεοφύλακτος μηνὶ Δασιφ κδ'“, — чему соответствует у Анастасия сбитое в следующий (а. м. 6243) год замечание (280, 2) „obeunte sanctissimo Theophylacto (Antiochiae patriarcha.“). Но рядом с этим уже бесследно пропало у Анастасия то, что стоит во всех списках Феофана (427, 12—14): „Τούτῳ τῷ ἔτει (τοὺς πλείους τῶν Χριστιανῶν ὡς συγγενεῖς τῶν προαρξάντων ἀνείλων οἱ προσφατὸς κρατήσαντες, δόλῳ τούτους χειρωσάμενοι εἰς Ἀντιπατρίδα τῆς Παλαιστίνης)“. Поддержка этого пропуска Кедриним мало помогает делу, так как эксцерптор этого хрониста здесь очень скупо выписывает Феофана.³⁵ В защиту Анастасия говорит скорее неподготовленность и даже недоразумительность сообщения, говорящего не совсем понятно, о ком и что. Сомнительно, чтобы у подлинного Феофана этот год начинался не с основного события — взятия Константином V Феодосиюполя и Мелитины. Прибавка, вероятно, из какой-нибудь „палестинской“ хроники, появилась позднее — и надо сказать, не к вящему украшению текста. А вот расхождение Theoph. 442, 17—19: „ἀπὸ δὲ τούτου τοῦ χρόνου πλείονι μανίᾳ κατὰ τῶν ἀγίων ἐκκλησιῶν ἐχρήσατο“ = Anast. Biblioth. 292, 12: „ab hoc autem anno ampliori est insania usus“, — т. е. прибавка греческого текста, вносящая важную и характерную подмену изображаемой далее монахонихии Константина V — икономахией, — идет, очевидно, от редактора „архетипа“, так как Феофан не мог допустить такой бессмыслицы. Анастасий восстанавливает правильный текст.³⁶

Если бы наконец Анастасий, действительно, сознательно опустил такие сообщения, как: 1) Theoph. 444, 13—16 — „παρεκάθισε δὲ ὁ Ἀβδελᾷς τὸ Κάρμαχον μετὰ πύχλιαδων ὅλον τὸ θέρος καὶ μηδὲν ἀνύσας ὑπέστρεψε κατησχυμένους“; особенно же 446, 24—25: „ἐκρατήθη δὲ ὁ Κούρικος (?) Σέργιος ἐξωθεν Συκῆς καὶ ὁ Λαχερβαφός [Σέργιος] εἰς Κύπρον ἐκ προσώπου ὧν τῶν ἐκείσε“ и 447, 28—29: εἰσηλθὼν κεφαλαὶ σπ' ἀπο Ἀφρικῆς καὶ ἐπόμπευσαν ἐν Συρίᾳ“, стоявшие у подлинного Феофана, то это говорило бы за его вдумчивое и внимательное отношение к переводу, за его необыкновенную историческую чуткость и серьезность. Трудно, однако, допустить, чтобы переводчик так деликатно убрал как раз эти не столько излишние, сколько компрометировавшие Феофана своей невразумительностью сообщения (разумею главным образом два последних). Известие о захвате „Курика Сергия“ и „Лахербафа (Сергия)“ помещено так, как этого никогда не делает Феофан, неизменно определяющий служебное положение лиц и значение их в данном событии. Зачем понадобились бы ему эти два непонятных и неведомых Сергия, — догадаться нет возможности. Точно так же странным является для Феофана то, что повествование о годе а. м. 6266 он возглавил таинственным известием о прибытии из Африки „κεφαλαὶ σπ'“ и вообще второстепенные сообщения он обыкновенно ставит позади главных, и в частности — предшествующий год а. м. 6265 и после-

³⁵ Cedr. Hist. Comp. II, 10: Τῷ ἔτει ἐκοιμήθη Θεοφύλακτος ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης Ἀντιοχείας τῷ α' ἔτει Κωνσταντῖνος τὴν Θ. παρέλαβεν ἅμα τῇ Μελιτινῇ, αἰχμαλωσίᾳ πάντας τοὺς ἐκεῖσε...

³⁶ Ср. также поучительное место: Theoph., 437, 1: ὅν λαβόντες οἱ τῆς ἀπειθευσίας αὐτοῦ μετέχοντες, ἐχθροὶ (от. D. NBII) καὶ ὁμόφρονες αὐτῷ γεγονότες σχολαρίοι τε καὶ... = Anast. Biblioth. 287: quem hi, qui eruditionis eius fructum percipiebant et unius cum eo ac similis erant sensus, scholarii quoque... Солидарность лучшего списка и перевода в пропуске бессмысленного εχθροὶ вполне убедительна для восстановления настоящего текста Феофана.

дующий — а. м. 6267 — он и посвящает всецело и начинает определенно с описания действий Константина V против болгар: а) „τούτω τῷ ἔτει... ἐκίνησε Κ. στόλον Χελανδίων, β κατὰ Βουλγαρίας καὶ ἐπελθὼν καὶ αὐτὸς... б) τούτω τῷ ἔτει... ἐξῆλθεν ὁ βασιλεὺς Κ. κατὰ Βουλγαρίαν...“ Естественно и необходимо было бы ожидать, что и средний а. м. 6266 год, занятый всецело войной с болгарями, Феофан начинал так, как это передал Анастасий в переводе: „Τούτω τῷ ἔτει ὁ βασιλεὺς Κ., (ὡς λύσας τὴν πρὸς τοὺς Βουλγάρους εἰρήνην ἐξώπλισε πάλιν στόλον πολὺν...“ Начальная фраза этого года более всего похожа на неуклюжую вставку. Но откуда переписчик-редактор „архетипа“ мог раздобыть материал для нее? Де Боор³⁷ настаивает на том, что „die Schreiber gar nicht in der Lage waren, solche Dinge zu interpolieren“. Не утверждая категорически, так как имеющегося в нашем распоряжении материала далеко не достаточно для каких бы то ни было утверждений, я решаюсь предположить, что под рукой справщика „архетипа“, в качестве пособия, была некая хроника сирийского происхождения или сам он был хорошо осведомлен в событиях этой области и ближайших к ней местностей: ведь почти все „вставки“ его, или, что то же — „пропуски“ Анастасием фактического содержания, как мы должны убедиться из предшествующего разбора, касаются событий, происшествий и явлений природы именно в этих географических пределах. Если такое предположение допустимо, становятся понятными и те более точные обозначения лиц и мест, которые мы застаем в наличном составе греческих списков, сравнительно с Анастасием, который и здесь заподозревается в „вычеркивании“. Это — 433,²⁹: Κοσμάς δὲ τις ἐπίσκοπος Ἐπιφανείας... τῆς Συρίας, (Κομανίτης ἐπιλεγόμενος); 445,¹⁶ — ὁ Λαχανοδρῶνων... ἐξαγαθὼν αὐτοὺς εἰς πεδίον (λεγόμενον Τζουκανιστήριν), 445,²⁹⁻³⁰ ὁ τῶν Θρακ. στρατηγός Μ. ὁ Λαγαν, ἀποστείλας Λέοντα... (τὸν ἐπιλεγόμενον Κουλοκην), καὶ Λέοντα... (τοῦ Κουτζοδάκτυλον)“.³⁸

³⁷ Theoph., Chron., II, 404.

³⁸ Только отмечу пропуски перевода — в дальнейшем повествовании о смерти Константина у Theoph. 449,⁹⁻¹¹: Τούτω τῷ ἔτει (ἀποστείλας Μαδὶ τὸν Ἀβασβαλί κατὰ Ῥωματίας μετὰ δυνάμεως πολλῆς, ἦνοιξε τὸ πῆλαιον τὸ ἐπιλεγόμενον Κάσιν ἀπὸ καπνοῦ(?) καὶ λαβὼν τοὺς ἐν αὐτῷ αἰχμαλώτους ὑπέστρεψεν.); 451,⁴⁻⁵ „Τούτω τῷ ἔτει (εἰς ἧλθε Θουμάσας ὁ τοῦ Βάκχ εἰς Ῥωματίαν καὶ λαβὼν αἰχμαλώδιον ὑπέστρεψεν); 451,¹⁸ καὶ Γρηγόριος (ὁ τοῦ Μουσουλαιίου); 453,⁷ Παῦλος ὁ τίμιος (ἀναγνώστης ὑπάρχων); 453,¹⁵⁻²¹ Τούτω τῷ ἔτει (ἐξῆλθε κοῦρσον τῶν Ἀραβῶν κατὰ Ῥωματίας μηνὶ Σεπτεμβρίῳ, καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸ τῶν ἀνατολικῶν θέμα, εἰς τόπον λεγόμενον Κοπίναδον (Κοπίναδον-α, Κοπιναδόν-δ). Καὶ ἐπισυναχθέντες οἱ τῶν Ῥωμαίων στρατηγοὶ ἐπολέμησαν μετ' αὐτῶν, καὶ ἠττήθησαν καὶ ἀπέθανον πολλοί, καὶ ἐκ τῶν ἐξορισθέντων δὲ σχολαρίων οὐκ ὀλίγοι ἔπεσε δὲ καὶ Διογένης, ὁ τῶν ἀνατολικῶν τουρμαρχὴς ἰκανός, καὶ τοῦ Ὀψικίου ἀρχόντες)“ — и 463,^{28-464,²} „(Φιλητός δὲ, ὁ τῆς Θράκης στρατηγός, ἀπελθὼν ἐν τῷ Στρουμῶνι καὶ ἀφυλάκτως ἀπληκείσας, ἐπιπεσόντων αὐτῷ ἄφρων οὐλγάρων, Βανηρέθη ὑπ' αὐτῶν σὺν καὶ ἄλλοις πολλοῖς)“. Последние две вставки в греческих списках („архетип“) явно отягощают и перебивают движение повествования о царствовании Ирины. 465,⁴ „σὺν Ἰωάννῃ... (τῷ λεγόμενῳ Πέτρῳ); 466,⁷ Ἀλέξιον...“ (τῷ ἐπίκλῳ Μουσουλέμῳ); 468,^{25-469,⁴} καὶ μετῶν ὁ βασιλεὺς (misit quidem primum ad ecs nonnullos) (= ἀπέλυσε τὸν πρωτοπατῆριον Κωνσταντῖνον, τὸν Ἀρτασῆρ, καὶ τὸν χρυσογέργη, στρατηγὸν τῶν Βουκελλαρίων, μετὰ λαοῦ τῶν λοιπῶν θεμάτων, τοῦ πάσαι αὐτοὺς οἱ δὲ κροτήσαντες πόλεμον πρὸς αὐτοὺς ἐπίσαν ἀμφοτέρους καὶ ἐτύφλωσαν, καὶ ἐσφάγησαν πολλοί: ἐξ ἀμφοτέρων τῶν μερῶν μηνὶ Νοεμβρίῳ τῆς α' ἰνδικτιῶνος; τῷ δεκεμβρίῳ μηνὶ κε', ἢ δευτέρῳ, νυκτερινῆς βροντῆς καὶ ἀστραπῆς γενομένης, ἀνήφθη μέρος τοῦ βασιλικοῦ ἐργοδοσίου τῶν χρυσοκλαβηρίων κατὰ τὸν χρυσίονα); 473,²⁸⁻³² (κοῦρσον δὲ αὐτῶν ἕτερον ἐκδραχμῶν καὶ ἐπιπεσόν Παυλῷ, πατρικίῳ καὶ κόμητι τοῦ Ὀψικίου, σὺν ὅλῳ τῷ θεμάτῳ αὐτοῦ καὶ τοῖς ὀπιτιμῶσι πολλῶν κοπῆν εἰς αὐτοὺς ἐποίησαν: ἐπάρχη δὲ καὶ τὸ τουλδον αὐτῶν ὑπέστρεψε καὶ αὐτὸ; 477,¹³⁻¹⁸ ἵνα μην... μηνῶν τὸν λόγον (ἦν γὰρ παρὰ φύσιν καὶ τοῦ αἵρος κατ' αἰτὴν ἀδρόν τὸ καταστίγμα συμβᾶν σκυθρῶτων καὶ ἀφωτιστον καὶ κρούσει ἀναπλέων ἀκταλλάκτων φθινοπωρινῆ ὥρᾳ γενόμενον, δηλοῦν σαφῶς τὴν ἐσομένην αὐτοῦ δυστροπίαν καὶ ἀνυποιστον κάκωσιν, καὶ μάλιστα τοῖς ψυχισαμένοις.), 481,³¹⁻³² (καὶ οὐκ ἦν τὸ πρᾶγμα ἕνον τῆς ἐκκλητ-

Не менее важным для определения достоинств перевода является вопрос и о тех добавлениях и расширениях, которые встречаем у Анастасия сравнительно с оригиналом. В данном случае, однако, и сам недоверчиво настроенный к Анастасию де Боор принужден признать, что переводчик почти безукоризненно придерживается своего обещания или заверения: „nihil meum in hoc opere proprus insertum praenosce“. Де Боор, при всей своей придирчивости, мог установить на всем протяжении Хронографии лишь четыре случая вставок со стороны Анастасия, действительно, как ему кажется, существенных для смысла и содержания сообщений. Относительно же прочих сравнительно многочисленных „излишков“ текста перевода в сравнении с наличным греческим текстом, немецкий критик признает, что они или совпадают с доступными нам источниками Феофана и поддерживаются ими, или же восполняют настолько очевидные погрешности в греческом тексте, что не могут внушать никаких сомнений и подозрений. Де Боор объясняет эти погрешности греческого текста тем, что переписчик „архетипа“ мог невольно (а иногда и вольно!) пропускать промежуточные фразы и периоды, заключенные между двумя близко стоящими друг к другу одинаковыми или сходными словами и выражениями. Он настолько уверен в том, что Анастасий дает здесь выпавшие кусочки подлинного текста Феофана, что смело вводит их в устанавливаемый им греческий текст. Что касается отмеченных им четырех „вставок“ Анастасия, то к части летописи, исследуемой нами, относится лишь одна = Theoph., 395,⁷: „οὗτος ὁ εἰρημένος Λέων...“, разобранная нами выше и выясненная, как несомненное сохранение Анастасием подлинного текста Феофана, безусловно лучшего, чем в наличных греческих списках. Соображения же де Боора о „прочих“ плюсах перевода, приближающих нас к подлинному Феофану, нельзя не признать справедливыми, но, делая такую уступку, он слишком спешит разделаться с ней, так как она идет наперекор его предвзятому отношению к Анастасию. Необходимо, напротив, подчеркнуть и сравнительную многочисленность таких исправлений, исходящих из перевода, и значительность целого ряда их в смысле содержания. Здесь изучающий с особенной силой убеждается в ценности перевода Анастасия и в его важности для приближения к истинному повествованию Феофана.

Уже первый такой „излишек“ перевода в рассказе о воцарении императора Льва III, молчаливо принимаемый и де Боором и вводимый им в его греческий текст: Theoph., 390,²³⁻²⁴: „ἔλαβε λόγον (Θεοδόσιος) διὰ τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου παρὰ Λέοντος τῆς αὐτοῦ ἀβλαβείας (et ecclesiae sine perturbatione servandae), καὶ οὕτως ἐγχειρίζει (committunt Anast. Bibl.) αὐτῷ τὴν βασιλείαν“, „излишек“, поддерживаемый самим же Theoph., 407,²⁴⁻²⁵,³⁹ нельзя не признать весьма важным и не поставить в заслугу Анастасию.

σίας καὶ προσφάτως ἐπινοηθέν, ἀλλὰ καὶ πολλοὶ ἄλλοι ἀπὸ λαϊκῶν ἐπισκόπησαν ἀξίως τῆς ἀξίας τῷ θεῷ ἰσαρτευσάντες; 432,^{30-433,²} (ἀποστείλας δὲ Βαρδάνιον τὸν σπαθᾶριον, τὸ ἐπίκλῳ Ἀνεμᾶν, πάντα προσήλυτον καὶ πάροικον ἐπαυχμαλωτεύσας ἐπέρασαν ἐν τῇ Θράκῃ, οἰόμενος οὐκ ὀλίγην ὀλκὴν χρυσοῦ πορίσασθαι ἐξ αὐτῶν ἐξ ἐτησίων τελεσμάτων, ὁ πάντα διὰ τὸν φιλοῦμενον αὐτῷ χρυσὸν καὶ οὐ διὰ τὸν χρυστὸν πράττων); 484,¹⁸⁻¹⁹ (ἐπεκράτησε δὲ τῆς τοιαύτης ἀνρχίας ἢ κατ' ἀλλήλων καὶ ἡμῶν μικροφῶνα ἐτη εἰ); 486,¹⁹⁻²², „καὶ πᾶσα τους παντας εἶχεν ἀρχαίαν, (τῶν μὲν πενήτων ἐν τούτοις καὶ τοῖς ἐξῆς βρθησομένοις, τῶν δὲ ὑπερχόντων συμπλαχόντων αὐτοῖς καὶ μὴ δυναμένων βοηθῆσαι ἀπεκδεχομένων τε βαρυτέρας συμφορᾶς); 487,⁹⁻⁵ „τὰ δὲ κρείττονα τῶν κτημάτων εἰς τὴν βασιλικὴν κουρατορον αἴρεσθαι, (τὰ μὲντοι τέλη αὐτῶν ἐπιτίθεσθαι τοῖς ἐναπομείνανσιν εἰς τοὺς αὐτοὺς εὐαγεῖς οἴκους κτήμασι καὶ παροίκοις, ὡς διπλοῦσθαι πολλῶν τὰ τέλη, τῶν οἰκῆσεων στενοῦμένων αὐτοῖς καὶ τῶν χωρίων)“.

³⁹ ἀνεμῆνσε δὲ αὐτὸν ὁ πατριάρχης καὶ τῶν πρὸ τῆς αυτοκρατορίας αὐτοῦ συνθηκῶν, ὅπως αὐτῷ θεῶν ἐγγυητὴν δέδωκεν ἐν μηνὶ σαλεύσαι τὴν ἐκκλησίαν τοῦ θεοῦ...“

То же самое приходится сказать и об исправляющем текст дополнении в переводе Theoph., 398¹⁵⁻¹⁷,⁴⁰ которое с одной стороны сообщает смысл фразе, а с другой делает понятным странное (τε κελύσεις τε), застрявшее из более исправного текста в списке Cod. Vaticanus 155(c.) Theoph., 409⁸: „χωρίς γάρ οικουμένης συνόδου καινοτομήσαι πίστιν αδυνατόν μοι, ὡ βυσιλεύ = Anast. Bibl. 265⁷⁻⁸ absque universali quippe synodo innovare fidem impossibile mihi est secundum apostolicam et paternam traditionem, o imperator!“

Theoph., 413¹⁵⁻¹⁸, явно поврежденное в архетипе наличных греческих рукописей, как мы видели выше, место: „τὰ ἀπὸ τῆς ἡλέγοντας ἰνδικτιῶνος, ἔτους πρώτου τῆς αὐτοῦ βασιλείας (α) незаконченное: ἀπὸ... предполагает ἕως: б) неясное — по неопределенности опустошенного τὰ) — вполне естественно исправляется переводом: ludibria exsequi, quae ab hac decima indictione ipsius imperii anni primi usque ad quartam decimam indictionem mortis illius impie gessit.

Theoph., 416¹⁴ — (Ἰσαμ.)... ἔχων τινὰ προσφιλή... Στέφανον... (пропуск сказуемого) τοὺς κατὰ τὴν ἑσπέρην Χριστιανούς... ψηφισαῖν αὐτὸν Στέφανον несомненно выправляется у Анастасия: — 270¹⁵ „jubet in Oriente positus christianis... ipsum eligere Stephanum“. Подобно этому и прибавка в латинском переводе — 271⁷, „mercedem quidem pro me i visitatione a deo recipiatis, licet infideles amici sitis“, исправляет греческий текст: Theoph., 416²⁸: „τὸν μὲν ὑπὲρ τῆς ἐπισκέψεως (μ.ο.υ) μισθὸν παρὰ θεοῦ λάβετε...“, стоящий уже во всех рукописях, исключая только надежнейший Cod. Paris. Reg. 1710.

На следующей же странице Theoph., 417 все наличные греческие списки пропускают V. V. 21—26, стоящие, однако, в переводе Анастасия. Довод, приводимый де Боором против Анастасия в вопросе об его пропусках и не имеющий там большой силы, следует обернуть и применить здесь: если можно сомневаться, откуда бы раздобыл переписчик Феофана те сведения, которых не стояло в первоначальном тексте, полагаясь на передачу Анастасия, то тем более приходится недоумевать, откуда мог почерпнуть Анастасий дополнительные сообщения, которые бы не стояли в первоначальном Феофане. Фразы:⁴¹ „eodem quoque anno Uhalid Cyprios in Syriam transtulit. Artahuhasdus autem Nicetam filium monostrategum promotum ad thema direxit Armeniacorum, porro Nicephorum aequae filium suum coronavit per Anastasium patriarcham“ явным образом были налицо в лучшем списке Хронографии, кою пользовался переводчик.

Не представляется особой нужды продолжать приведение таких исправляющих и ведущих к более исправному тексту Феофана „прибавок“ латинского перевода. Значения их не отрицает ведь и сам де Боор. Но из упорного желания умалить достоинства и перевода и того списка, с которого он сделан Анастасием, он подчеркивает в Historia tripartita такие прибавки, которые по существу ничего нового к повествованию Феофана не прибавляют, являясь соображениями, извлеченными из самого рассказа. Правда, их очень немного⁴² и о них, может быть, не стоило бы и говорить, если бы де Боор не допускал при этом методологической ошибки. Он считает эти добавления принадлежащими Анастасию, поскольку следов их не находится ни в одном из греческих списков, и, таким образом, в своих рассуждениях об изменениях текста и состава

⁴⁰ Παραδεδοκῶς αὐτῷ (ὁ βασιλεὺς) πρὸς σύναξιν αὐτοῦ κελύσεις (τε-ε) πρὸς τοὺς ἄρχοντας τῶν δουτικῶν καὶ σάκραν πρὸς τὸν λαόν = Anast. Biblioth. 257 — datis in auxilium ei spathariis duobus et in servitium ejus perpaucis hominibus jussionibusque ad principes Occidentales et sacra populo recitanda.

⁴¹ Anast. Hist. trip., 271²⁹ ff.

⁴² А в части летописи, исследуемой нами, и вовсе нет.

в оригинале Анастасия опирается на состав повествования исключительно в наличных греческих списках, который еще более требует критической проверки. Г. П. Преображенский⁴³ вполне прав, считая эту рукописную наличность все-таки далеко недостаточной и не надежной для того, чтобы исключительно на ней основывать установление текста и состава произведения Феофана. Он ставит издателю его, де Боору, в серьезный упрек то, что последний ограничился лишь суждениями слишком общего характера о степени пригодности, в качестве критического средства, по восстановлению текста Феофана, заимствований из Феофана у позднейших хронистов, — и в частности, что он не придал особенного значения тексту Феофана у Кедрина и не исследовал последнего так, как это было бы необходимо в его важном ученом предприятии. Не умаляя значения сделанного Преображенским упреска, солидной и кропотливой аргументацией которого он и занят в своем исследовании о „Летописном повествовании св. Феофана Исповедника“, я должен, по смыслу моей работы, отказаться от привлечения к делу синопсиса Кедрина, хотя и признаю и большой интерес, и большую важность такого изучения для приближения к феофановой подлинности и в частности для утверждения достоинств Historia tripartita. Такой отказ мотивируется тем, что в пределах данной работы не предполагалось уходить в критику текстов, а между тем исследование Кедрина и вообще „косвенного предания“ невольно должно перевести внимание изучающего именно в эту область. В то же время следует признать, что в той части повествования, которая привлекается здесь в качестве источника иконоборческого движения, Кедрин или Хроника, списанная им, в значительно большей мере могут иметь решающий голос именно в вопросе установления первоначального текста, чем в главнейшем для нас вопросе о первоначальном составе летописи Феофана. У Кедрина мы имеем дело не только не со сплошной передачей повествования Феофана, но со сжатым и спорадическим эксцерпированием. Судить можно только об отдельных, случайно запавших здесь в довольно полном виде пассажах. Но даже и в границах последних Кедрин выступает убедительным свидетелем высоких качеств того списка летописи Феофана, который послужил оригиналом для перевода Анастасия. Кроме приведенных выше мест, следует обратить внимание на следующие сопоставления:

а) Cedr., II, 6, 20—7³: καὶ τὰς οὐσίας αὐτῶν ἐδήμειυσεν, ἵππικὸν δὲ ποιήσας εἰσήγαγε τὸν Ἀρτάβασδον σὺν τοῖς υἱοῖς αὐτοῦ καὶ τοῖς φίλοις δεδεμένους ἅμα Ἀναστασίῳ τῷ ψευδωνύμῳ πατριάρχῃ τυφθέντι δημοσίως καὶ ἐπιόνῳ ἀντιστροφῶς καθεζομένῳ. τοῖς δὲ σὺν αὐτῷ ἐλθοῦσιν ἑξωτικῶς ἐκέλευσεν εἰσερχεσθαι εἰς τοὺς οἴκους καὶ διαρπάξαι τὰς οὐσίας τῶν πολιτῶν. τὸν δὲ ψευδωνύμον πατριάρχην ὡς ὁμόφρονα αὐτοῦ ἐκφοβήσας καὶ δουλώσας, πάλιν ἐν τῷ θρόνῳ τῆς ἱερωσύνης ἀποκατέστησε.

Theoph., I, 420²⁴: καὶ ἄλλους ἐχειροκόπησε καὶ ἐποδοκόπησεν. ἐπέστρεψε δὲ τοῖς σὺν αὐτῷ εἰσελθοῦσιν ἑξωτικῶς ἀρχοῦσι εἰσελθεῖν (εἰσερχεσθαι еще d) εἰς τοὺς οἴκους καὶ διαρπάσαι (διαρπάξαι — d) τὰς οὐσίας τῶν πολιτῶν [πολλά τε καὶ ἄλλα ἀναρίθμητα δεινὰ ἐπαδείξατο τῇ πόλει] ἵππικὸν δὲ ποιήσας, εἰσήγαγε τὸν Ἀρταύασδον σὺν τοῖς υἱοῖς αὐτοῦ καὶ τοῖς φίλοις δεδεμένους (δ — οὐς — f, m.) διὰ τοῦ διίππιου ἅμα Ἀναστασίῳ τῷ ψευδωνύμῳ πατριάρχῃ τυφλωθέντι δημοσίως καὶ (om. f. m. c.) ἐπὶ οὐνοῦ ἐξανάστροφα καθεζομένῳ, ὃν εἰς τὸ ἵππικὸν εἰσαγαγὼν ἐπόμειυσεν, πάλιν δὲ ὡς ὁμόφρονα αὐτοῦ ἐκφοβήσας καὶ δουλώσας ἐν τῷ θρόνῳ τῆς ἱερωσύνης ἐκάθισεν.

⁴³ Op. cit., 36 ff.

Anastas. Biblioth. 274,³¹ — et alios manibus seu pedibus ablatis debilitavit. Praecepit autem externis militibus, qui secum ingressi sunt, introire domos et rapere familiares civium res. multa quoque et alia, quin et innumera mala urbi monstravit. Cumque hippodromum celebraret, introduxit Artahuasdam una cum filiis ejus et amicis ligatum per Dihippium in circum, simul cum Anastasio falsi nominis patriarcha, percusso publice et in asino verso vultu sedente, quos omnes per Dihippium intromissos in circum pompavit. Verum Anastasium, utpote consentaneum suum in throno sacerdotii rursus locavit deterrens et servituti subiciens.

b) Cedr. II, 23,¹⁹⁻²² = Anast. Bibl. 308,⁴⁻¹⁵ ∞ Theoph., 463,¹⁵—464,⁸.

c) Ряд сравнительно малозначительных для содержания вариантов, не встречающихся в наличных греческих списках, но совпадающих у Кедрина и Анастасия:

С. II, 11,² και μετά ταῦτα = dein Anast., но Theoph., 428,⁶ και τῆ χζ τοῦ αὐτοῦ μηνός; С. II, 12,¹² ἕως... και τῶν Γαλατῶν = et ad ea, quae dicuntur Galati, но Theoph. 434,²⁷ ἕως... και τῶν Γαλάτου. С. II 17,¹⁶ πέμψον εἰς μοι—transmitte ergo mihi Anast, но Theoph., 448,⁷ ἀλλὰ πέμψον μοι; С. II 39,⁷ πορεύου ἀρκούμενος αὐτοῖς = his vade contentus Anast., но Theoph. 488,¹⁶ πορεύου ἀρκούμενος С. II, 41,¹⁵ ἔλκει με ἄκοντα—trahit me nolentem Anast., но Theoph. 490,¹⁴ ἔλκει ἄκοντα; С. II 42,¹⁶ προέλεγε—praenuntiabat Anast., но Theoph., 490,³³ ἔλεγε.

Наличность таких сходств и расхождений, конечно, склоняет к убеждению, что варианты, т. е. пропуски и прибавки в тексте, то более, то менее чувствительные, которые нередко констатируются в переводе Анастасия при сопоставлении с нашим греческим текстом Феофана, не являются плодом самовольного редактирования переводчика, а оказываются отражением того текста Феофана, который был оригиналом Анастасия. Но наряду с этим Кедрин довольно часто „предает“ Анастасия в его расхождениях с греческим текстом, поддерживая „архетип“. Нет надобности приводить пример такого „предательства“. Более всего похоже на то, что оригинал, принадлежавший Анастасию, и список летописи Феофана, который экскерпирован в хронике, списанной Кедрином, — далеко не одно и то же — и последний значительно ближе к „архетипу“ известных нам греческих рукописей, чем экземпляр, с которого делался латинский перевод. При таких условиях Кедрин может сослужить некоторую службу при сопоставлении греческого текста и латинского перевода, но решающим свидетелем при оценке достоинств состава Historia tripartita, как в этом уверен Г. П. Преображенский, он все-таки стать не может. Едва ли, однако, в этом есть уже непоправимая беда: Анастасий может сам постоять за себя. И как раз те „несовершенства“ перевода, которые выдвигает де Боор⁴¹ для вящего умаления значения труда Анастасия, оказываются особенно ценными для историка, заставляя придти к заключениям, совершенно противоположным. Немецкий критик ставит в вину Анастасию то,⁴⁵ что последний даже и в тех позднейших отделах, в которых он, по собственному признанию, старался дать точный перевод, дает однако „переработку“ и вольное

⁴¹ De Boor. Theoph., Chr., II, 416—421.

⁴⁵ Стр. 409 слл.

изложение. Он доказывает это обвинение несколькими примерами, но исключительно из времени царствования Юстиниана, где переводчик еще только переходил к новому, „точному“ стилю перевода. Это — во-первых, а во-вторых, хотя в качестве свидетеля, уличающего якобы обман Анастасия, и привлекается источник Феофана Прокопия и далее Феофилакт Симокатта, тем не менее показательность последних в данном случае остается под большим сомнением. Анастасий вообще, надо признать, весьма бесхитростен, далеко не свободно расправлялся с греческим языком⁴⁶ и с великим напряжением сил „перепирал“ Феофана: он не только не излагал вольно, но нередко перетягивал греческий текст слово за слово, букву за буквой, не пытаясь даже латинизировать конструкции и расстановки слов, может быть даже не улавливая до конца смысла переводимой фразы. Можно с уверенностью сказать, что о литературной выправке, об усовершенствовании переводимого текста он и не помышлял: да для этого у него не было и никаких оснований. Де Боору представляется, что в этих колебаниях и выразилось то двусмысленное положение, в которое поставил себя сам Анастасий, погнавшись сразу за двумя зайцами: с одной стороны (как он это выражает определенно в предисловии), он предпринял свой труд только из любви к своему другу Иоанну, чтобы предоставить ему материал для предпринятой тем церковной истории; но, с другой стороны, Анастасий рассчитывал и на то, что его перевод будет читаться и более широкой публикой (hanc editionem nostram legentes), а потому передаваемый другу фактический материал он должен был стремиться обработать в удобочитаемую и приемлемую форму. К чему доказывать то, что очевидно само собой: вторая задача — приспособления к широкому кругу читателей, явно придумана де Боором и произвольно навязана Анастасию. Чтобы убедиться в этом, стоит только внимательно прочесть его Praefatio. Что же касается примеров вольной передачи Анастасием летописного текста, то едва ли они могут кого-либо убедить. Ведь опять-таки де Боор поверяет латинский перевод не далее, как „только архетипом“ наличных греческих списков, несомненно претерпевшим уже не одну редакционную выправку. И ссылка на источники Феофана в данном случае слабо доказательна, так как, с одной стороны, мы знаем, что Феофан не стоял в рабской зависимости от них (он их сокращает, передает иногда сюжет в форме своего пересказа),⁴⁷ а с другой — располагая списки Феофана в исторической перспективе, мы убеждаемся, что приближение к источникам иногда возрастает по мере удаления от подлинника, т. е. последующие переписчики-редакторы вели корректуру летописца по его источникам. Таким образом, большой вопрос, в какой форме стояли у самого Феофана или, по крайней мере, в оригинале Анастасия те пассажи, которые приводятся у де Боора (Theoph., 196, 28, 262, 14; 249, 5; 373, 10). В дальнейшем же послеюстиниановском повествовании и сам немецкий критик не в состоянии указать таких quasi-искажений текста Феофана.

Наконец, де Боор устанавливает плохое знание греческого языка со стороны Анастасия и обнаруживает у него целые вереницы грубых ошибок и искажений смысла и слов в переводе, каковые особенности, по его мнению, должны существенно понизить ценность перевода, как критического пособия для рецензии греческого текста. Нелегко судить

⁴⁶ См. ниже.

⁴⁷ Отчетливые сопоставления Феофана с Малалой и Паскальной хроникой см. у Г. П. Преображенского. Назв. соч., 39 слл.

и его и его выступления⁴⁸ и он еще только ожидает специального исследования о себе, которое должно, наконец, обнаружить и установить, с кем мы имеем дело — с выдающимся, широко образованным политиком-куриалистом, или с расторопным, самоуверенным, но не брезгливым на средства авантюристом. Почему он играет видную роль в дипломатических сношениях папского двора, почему при Адриане II он получает звание библиотекаря? Почему, замешанный в убийстве жены и дочери папы Адриана, он, однако, остается с последним в близких отношениях? Какова его роль на Константинопольском соборе 869 г.? Все эти вопросы — не безразличны для определения того, насколько Анастасий, претендовавший и сам на папскую тиару, является солидным ученым и признанным знатоком греческого языка. Получал ли он исключительно в силу этого важные поручения при византийском дворе, или же здесь имели значение иные его индивидуальные особенности? Объяснялся ли он в Константинополе на греческом языке, участвовал ли в обсуждениях тех или иных вопросов самолично или через посредство толмача; говорил ли он, или только читал по-гречески? Ведь то обстоятельство, что Анастасию поручали его друзья переводить те или другие важные произведения с греческого, говорит лишь за то, что на Западе в половине IX в. мало кто знал этот язык, но в то же время и за то, что верность и точность перевода, сделанного Анастасием, никто там проверить был не в состоянии и переводчик мог не опасаться критики. Если он, как думает де Боор, легкомысленно и самоуверенно брался за переводы, не зная самых элементов языка, путая даже буквы греческого алфавита, воюя непрерывно с лексиконом и грамматикой, то такая работа едва ли могла послужить ему в качестве плодотворного упражнения в языке. Из нее он должен был выйти таким же, каким в нее вошел, ничего не забывая, но и ничему не научившись.

Но даже и при существующей неполноте наших сведений об Анастасии, даже допуская, что все неясности должны быть разрешены не в пользу его, все-таки надо сказать, что де Боор слишком сурово судит о переводе и даже не совсем справедливо экзаменует Анастасия в его познаниях по греческому языку, прилагая к нему несоответствующую программу. Он судит со своей точки зрения и с высоты современного знания. В IX в. умели изучать и знали языки, конечно, совсем не так, как мы. А затем надобно задуматься и о том, в какой степени внешне исправным был тот экземпляр Хронографии Феофана, с которого переводил Анастасий. Де Боор приводит ряды погрешностей, ошибок и недоразумений Анастасия, поделая их на несколько категорий: а) ошибки, вытекшие из недостаточности лексических и этимологических познаний переводчика; б) перевод собственных имен, принятых за нарицательные; в) искажение смысла вследствие ошибок в конструкции фраз; г) смешение букв; е) неумение в слитном греческом тексте разделять слова, и др.⁴⁹

Из подмеченных де Боором ошибок Анастасия можно указать действительно грубые и непростительные, например: ἐν ὀνόμασι διαλλάττοντες = pomen mutantes; τῆς συγκλήτου βουλῆς = senatus consultu; εὐνορία = benevolentia; ἐν ταύτῃ τῇ χώρᾳ = in hoc gaudio (χαρᾶ?); ἐπεστράτευσεν Ἄλυδος = movit exercitum Senalidus (удеоение σε); ἐκβλήθεις = vocatus. Прибавим от себя такие погрешности, как Theoph., 441,6: ἀπὸ τῆς Περιήγου-

⁴⁸ Кое-что о нем см. у Hergenröther. Photius, B. II.

⁴⁹ Примеры и перечисления погрешностей см. у de Boor'a. Theoph., Chron., II 416 ff.

νήσου = a principe in insulam, или 401,1: Νικήταν τὸν Ἄνθρακα καὶ ἄρχοντα τοῦ τευχίου = Titichei; 481: ἀλλὰ καὶ λίαν = sed et oppido.

Всматриваясь, однако, в вереницы ошибок, мы убеждаемся, во-первых, в том, что их (в особенности непростительных) сравнительно не так уже много в огромном труде Анастасия, а во-вторых, подавляющее большинство их произошло отчасти из-за неразборчивости и слитности письма и неисправности самого греческого оригинала, отчасти же от своеобразного приема перевода, которым, как выясняется, воспользовался Анастасий — для ускорения ли работы, или потому, что он лучше понимал звуки греческой речи, чем ее начертания. Такие ошибки, как ἦσθεις ἐπὶ τούτῳ = hoc advertens; ἡσγύνηθη = praevaluit; παρρησία = in praesentia; διὰ τῆς... ἡπείρου = per Epirum; ἐπὶ Σύλλεκτον = electum; ληφθεῖσα = λειφθεῖσα; ἡ θεία φωνή (ἡ Θία φωνή) = propria voce (ἰδία φωνή?); κατ'αὐτῶν contra eum; ὡς οἱ = ὅσοι, могли, и притом очень легко, быть сделаны лишь в том случае, если Анастасий переводил со слуха, т. е. если кто-либо, знавший греческий язык, ему молчаливо вычитывал слово за словом Феофана, а он писал, передавая по-латыни каждое слово, каждый союз, каждую букву, стараясь не пропустить ничего, не изменить даже расстановки слов. Иначе погрешности, в духе вышеприведенных, оказываются совершенно непонятными. Если же принять такой способ перевода Анастасия, то объяснимы станут и иного рода ошибки его. В процессе работы и переводчик мог временами не так внимательно вслушиваться, и чтец мог допустить неверные разделения слов в слитной и сокращенной греческой скорописи. Отсюда и могли возникнуть такие недоразумения, как: περὶ Τομέαν = circa Mean; εἰς Τόμην = in Men; ἐν Γαζακῶ τῇ πόλει = apud Gazacote civitatem; Ἀσκήλ τοῦ ῥηγός = Ascelti regis; υἱὸς τοῦ Φάν = filius Tufhan; Ρογά τοῦ Ἀφρου = Rogati Afri; ἀλλὰ καὶ (τὸ?) λίαν = sed et oppido.

Эти lapsus, перевода любопытны тем, что позволяют проникнуть в кабинет и лабораторию Анастасия, а может быть, и вообще средневекового переводчика. Но сказать вместе с де Боором, что они понижают ценность Трехчастной истории в рецензии греческого текста Хронографии Феофана — было бы решительно несправедливо: скорее наоборот. Ведь ошибки перевода, почти все без труда объяснимые, так же без труда и заметны при сопоставлении с греческим текстом, а из последнего обнаруживается, что переводчик до чрезвычайности точен, до буквальности отчетлив, не решаясь пропустить даже плохо разобранные и затемняющие смысл латинской речи слова.⁵⁰ Оттого у Анастасия так много непереведенных греческих слов, написанных латинскими буквами, как stratigos, spudastae, apud Boi, monasterium Diu, logotheta tu dromu, даже nobelesimus (nobilissimus).

Но чем беспомощнее труд Анастасия как литературное произведение, чем примитивнее как перевод, тем, надо полагать, он ценнее в качестве пособия для исследования подлинной речи Феофана-летописца. Ввиду вышеприведенных соображений, в дальнейшем изучении и анализе данных Хронографии Феофана о так называемом иконоборческом движении, как основной текст и состав я уже уверенно могу выдвинуть перевод Анастасия как наиболее приближающий нас к первоначальному повествованию Феофана.

⁵⁰ Это выдвигает и Г. П. Преображенский. Назв. соч., 50. Приведу один пример: Theoph., 442,19: κατήνευχε Πέτρον τὸν αἰδιδίμον στυλίτην ἀπὸ πέτρας. — Переводчик прочитал или расслышал здесь μέτρας, и хотя мог без ущерба для смысла опустить эту бессмыслицу, все-таки покорно написал ничего не значащее a metra.

Первый вопрос, с которым осторожное историческое исследование приступает к каждому изучению, — вопрос о достоверности. В данном случае, т. е. в применении к Феофану, как центральному и руководящему источнику по истории раннего иконоборчества, мы его никоим образом миновать не можем, так как он встает здесь с особой напряженностью. По отношению к первым иконоборческим выступлениям, т. е. деятельности императоров Льва III, да и Константина V, Феофан, являясь самым ранним историческим показателем, все-таки не вполне современник, а в то же время он выступал с определенной стороны и, как участник продолжавшейся и позднее старой борьбы, не мог не внести известной доли субъективного элемента, не мог и остаться безусловно и до конца откровенным. Ведь он сам — „исповедник православия“, страдалец за „иконы“, и как бы он ни был праведен, все-таки он не должен был остаться беспристрастным по отношению к враждебной стороне, тем более, что и сам не скрывает на этих страницах своего труда и великой потрясенности своего духа и прямого раздражения. Феофан — партиен, и поскольку мы не располагаем показаниями другой стороны, т. е. иконоборческой, постольку мы можем продолжать вести дело с ним, держа его неустанно в крепком подозрении.

В ранних частях Хронографии, где Феофан явственно не самостоятелен и почти всецело зависит от своих предшественников, которых он эксцерпирует и выписывает и которые могут быть проверены (напр., Прокопий, Пасхальная Хроника, Евагрий, Малала, Феофилакт Симокатта, Иоанн Антиохийский, Георгий Писидийский и т. д.), дело обстоит весьма просто, и весь вопрос о достоверности Феофана сводится к проверке достоверности и пассивности его компилирования: там он не первоисточник. В повествовании же об иконоборческой эпохе мы так просто и с первого же взгляда не в состоянии оказываемся определить степень самостоятельности Феофана и во всяком случае, за полным отсутствием исторических сочинений, предшествующих его труду, имеем в последнем своего рода первоисточник. Таким образом, вопрос о достоверности сообщений Феофана здесь сводится к расследованию достоинств и происхождения того материала, которым воспользовался летописец. Если в известной мере и необходимо допустить, что Феофан мог включить в свое повествование о первых иконоборческих императорах ту традицию о них, которая осела в памяти и сознании „православных кругов“ следующего за ними поколения, свиваясь и скрепляясь главным образом в полемике и ожесточениях борьбы; если он мог обосноваться, тоже до известной степени, на официальной формулировке истории „первого“ иконоборчества, какая была выработана и установлена на соборе 787 г., то все-таки в составе исторического рассказа его мы без особого труда обнаруживаем некий значительный остаток, который не укладывается ни в рамки изустной традиции, ни в формулы официозно-православной версии. Феофан отделен от описываемых им в летописной форме событий — хотя бы всего царствования Льва III — более, чем полувеком, почти что целым веком, а между тем его сообщения о стихийных бедствиях, о войнах с арабами и болгарами, событиях в императорской семье, сменах патриархов и т. п. необыкновенно отчетливы и точны: они изысканно снабжены собственными именами, они уверены в географических указаниях, они надежно размещены хронографически. Не может быть никакого сомнения в том, что все это не результат самостоятельной работы Феофана, что кто-то до него собрал и распределил, превращая в летопись, этот богатый фактический материал. Ясно, вместе с тем, и то, что автор, которого (своеобразно, как мы сейчас убедимся) эксцер-

пирует Феофан, не мог быть даже его старшим современником, так как в смысле исторической осведомленности он находился бы в одинаковых условиях с ним и не мог бы дать более, чем Феофан. Чтобы вырваться из заколдованного круга, необходимо принять, что эта летописеобразная работа отделена своим составлением на значительный промежуток времени от творчества Феофана; другими словами, едва ли эти записи не современны тем царствованиям, к которым они и относятся, или, во всяком случае, хронологически весьма близки к ним. Выдающегося характера, крупного значения (хотя бы и отрицательного) императоров Льва III и Константина V и их правительственной деятельности не могли отрицать и их враги: иконодулы и монахи. Я думаю, возможно не только гипотетически, но и категорически настаивать на том, что яркие и значительные царствования этих пользовавшихся большой популярностью государей должны были вызвать и изображение и оценку со стороны близких к ним писателей и историографов. Весьма приемлемо и ведение официальной летописи хвалебного, как обычно в Византии, характера. Литература подобного рода и направления была с ожесточенным усердием уничтожена потом восторжествовавшим „благочестием“ и „православием“, но Феофан (да и не он один, на рубеже VIII и IX вв.) мог еще и даже должен был знать и иметь в распоряжении такие писания.

Но присутствие в основе повествования Феофана о царствованиях Льва III и Константина V „иконоборческой“ летописи, подвергающейся у него, однако, соответствующей переработке, доказывается, с одной стороны, из сопоставлений Хронографии Феофана с Краткой историей патр. Никифора, а с другой — из обгуживаемой у него полемики, тайной и явной, с „τοῖς νῦν πλανομένοις ἀθλοῖς καὶ ἀπασθάλοις ἀνδράριοις εἰς τὴν τοῦ παρανομωτάτου βδελυρᾶν κακοδοξίαν“.

Совпадения Феофана с патр. Никифором несомненны: местами они доходят до дословности, а в то же время расхождения между ними таковы, что мелькавшая когда-то мысль о влиянии одного из них на другого теперь решительно и по справедливости оставлена.⁵¹ Оба историка работали над своими сочинениями почти одновременно (десятые годы IX в.) и в основу данного отдела труда полагали явственно одну и ту же летопись или хронику, придавая ей, каждый по-своему, переделку, сокращения и добавления. Эта летописная основа прощупывается при следующей параллелизации текстов:

Феофан	Никифор Царствование Льва III
390, ²⁶ —391, ²	= 52, ²⁷ —53, ¹⁰
395, ¹⁵⁻¹⁸	= 53, ¹⁰⁻¹⁶
395, ¹⁸ —396, ³	—
396, ³⁻¹⁰	} cf. 53—54, ¹⁹
+ 21—23	
+ 24—397, ¹⁵	—
397, ¹⁵ —398, ¹⁴	—
398, ⁴ —399, ⁴	= 54, ²⁰ —55, ¹¹
399, ⁴⁻²⁰	cf. 55, ¹³⁻¹⁹
399, ²⁰⁻²⁶	—
399, ²⁸ —400, ¹¹	= 55, ¹²⁻¹³
400, ²⁻¹⁶	—
400, ¹⁶ —401, ³	= 55, ¹⁹ —56, ²⁷

⁵¹ Krumbacher. Gesch. d. byz. Litt.; Андреев. Константинопольские патриархи.

401 _{,3-12}	=	56 _{,27} —57 _{,4}
401 _{,12} —404 _{,18}	—	_____
404 _{,18} —405 _{,2}	=	57 _{,5-26}
405 _{,2-14}	—	_____
405 _{,14-24}	=	57 _{,28} —58 _{,10}
405 _{,24-25}	—	_____
405 _{,25} —406 _{,2}	=	58 _{,10-16}
406 _{,2-31}	—	_____
407 _{,1-3} (om. d)	}	_____
5—10		_____
11—14		_____
407 _{,15} —408 _{,31}	—	_____
408 _{,31} —409 _{,14}	=	58 _{,17-25}
409 _{,14-19}	—	_____
409 _{,19-21}	=	58 _{,25-27} (особенно совпадает с Анастасием)
409 _{,24-25}	}	_____
27—28		_____
409 _{,30-31}	=	58 _{,28} —59 _{,2}
409 _{,31} —410 _{,2}	—	_____
410 _{,2-4}	—	_____
410 _{,4-17}	—	_____
410 _{,17} —411 _{,28}	—	_____
412 _{,1-5}	—	_____
412 _{,5-16}	=	59 _{,2-14}

Царствование Константина V

412 _{,21} —413 _{,4}	cf.	59 _{,15-17}
413 _{,4-29}	—	_____
413 _{,29} —414 _{,2}	cf.	59 _{,17-20}
414 _{,2-10+18-7}	—	_____
414 _{,18} —415 _{,22}	=	59 _{,25} —60 _{,28}
415 _{,22-24}	—	_____
24—30	—	_____
415 _{,33} —416 _{,7}	—	_____
416 _{,8-18}	—	_____
416 _{,18} —417 _{,22}	—	_____ очевидно из „Похвалы“ (Εγκώμια λόγων) Иоанна Дамаскина, на коего Феофан прямо и ссылается.
417 _{,23} —418 _{,11}	=	60 _{,28} —61 _{,20}
418 _{,14-19}	—	_____
418 _{,19} —419 _{,3}	—	_____ om. Anast. (м. б., интерполяция переписчика?)
419 _{,7} —421 _{,6} почти	=	61 _{,20} —62 _{,20}
421 _{,17-34}	—	_____
422 _{,2-11}	—	_____
422 _{,11-13}	=	62 _{,21-24}
13—21	—	_____
25—29	—	_____
422 _{,29} —424 _{,7}	=	62 _{,24} —64 _{,20}
424 _{,9-10}	—	_____
424 _{,12} —425 _{,11}	—	_____
425 _{,13} —426 _{,13}	—	_____
426 _{,13-29}	=	64 _{,21} —65 _{,9}

427 _{,39}	—	om. Anast.
12—14	=	65 _{,9-12}
427 _{,14-17}	—	_____ знаменательно нет у Niceph.
19—23	=	65 _{,24} —66 _{,10}
427 _{,25} —428 _{,12}	—	_____
428 _{,15} —429 _{,14}	—	_____
429 _{,18-29}	=	66 _{,11-19}
430 _{,1} —432 _{,25}	—	_____
432 _{,25} —433 _{,22}	=	68 _{,27} —70 _{,13}
433 _{,24-28}	—	_____
433 _{,28} —434 _{,5}	—	_____
434 _{,6} —435 _{,5}	cf.	67 _{,14} —68 _{,26}
435 _{,5-8}	cf.	65 _{,13-24}
435 _{,8-14}	—	_____
435 _{,20} —436 _{,18}	—	_____
436 _{,9-14}	cf.	70 _{,12-18}
14—20	—	_____
21—24	—	_____
436 _{,26} —437 _{,19}	cf.	70 _{,25} —71 _{,8}
437 _{,19-21}	=	72 _{,10} —73 _{,10}
437 _{,25} —439 _{,5}	cf.	73 _{,10-29}
439 _{,8-15}	=	74 _{,1} —75 _{,1}
439 _{,15} —440 _{,11}	—	_____
440 _{,11-13}	=	75 _{,1-3}
440 _{,13-24}	=	75 _{,23} —76 _{,5}
440 _{,24} —441 _{,2}	—	_____
441 _{,5} —442 _{,13}	cf.	75 _{,5-22}
442 _{,13} —443 _{,18}	—	_____
443 _{,18-22}	=	76 _{,5-14}
443 _{,22-26}	=	76 _{,16-28}
443 _{,28} —444 _{,8}	=	77 _{,1-3}
444 _{,10-15}	—	_____
444 _{,15-25}	cf.	77 _{,8-12}

Из представленных параллелей выясняется прежде всего, что материал, вписанный Никифором, почти целиком, в том же составе повествования использован у Феофана. Из того, что мы застаем здесь, нет у Феофана, т. е. осталось ему совершенно чуждо, лишь: Niceph. 66_{,10}—67_{,33}; 70_{,18-25}; 71_{,9}—72_{,10} и 76_{,22-30}. Характерно, что первый отрывок излагает победы Константина V над болгарами: Феофан, задавшийся целью „разъяснить всю правду“ о Константине,⁵² старается, в противовес какому-то представлению „заблуждающихся“ насчет удач иконоборческого императора, подчеркнуть, наоборот, темные стороны его царствования, спрятать его победы или показать их сомнительными. Патр. Никифор, как в том без труда можно убедиться, более беспристрастен и спокоен. Вместо этого отрывка о победах Феофан помещает свое 431_{,6-11} о неудачных действиях Константина V против болгар и пленении Льва, страстига Фракистской фемы, и Льва логофета. Второе сообщение касается: а) рождения (в 1-м индикте?) у Константина V сына Никиты и б) неудачного набега арабов из Африки на о. Сицилию и может быть сочтено незначительным. Что же касается третьего, бывшего описания иконоборче-

⁵² 413_{,10}: ἄξιον δὲ λοιπὸν ἐρεβῆς καὶ τοῦ δυσσεβοῦς παιδὸς αὐτοῦ... διεξελθεῖν φιλαλήθως δὲ ὅμως, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντεπέπου θεοῦ...

ского, правильное, чисто монахоборческого движения при Константине V, то оно является, несомненно, самостоятельным очерком, составленным Никифором без помощи того источника, которым они пользовались сообща с Феофаном.

Наоборот, у Феофана мы застаем очень большое количество сообщений и рассказов, не внесенных патр. Никифором в свое произведение. Эти „излишки“, на первый взгляд, настолько разводят и отчуждают друг от друга оба состава повествований, что колеблется мысль о пользовании со стороны обоих историков одним источником. Но следует принять в соображение разницу задач и хронографического плана у того и другого. Феофан пытается создать хронографию в полном смысле этого слова, захватывая в летописание „историю“ и всех областей империи, и даже ее соседей, главным образом, конечно, арабов. Таков, несомненно, был в своих заданиях и предшественник Феофана — иконоборческий хронист, которого он и „выписывает“ в пределах данной эпохи. Программа патр. Никифора несколько иная: он далек от составления „всемирной истории“ как в хронологическом, так и в географическом отношении. Он пишет не общую хронографию, а только *Ἱστορία Σύμτορος*, своего рода конспект или регесты императоров, и притом только „новейшего времени“, а именно начиная с царствования Маврикия. Имея перед собой для эпохи Льва III и Константина V того же предшественника, что и Феофан, он его не списывает, перерабатывая, а очень сжато экцерпирует, довольно строго придерживаясь той узкой полосы, которую себе наметил (только *res gestae* императоров). То обстоятельство, что у него нет многого, о чем сообщается у Феофана, не доказывает непременно, что последний помимо общего источника пользовался еще и другими. Как показали исследования в области византийской историографии,⁵³ такое пользование и вообще не свойственно византийским хронистам, в частности, не заметно и у Феофана в других частях его труда. Обычно хронист ограничивается извлечением или выписыванием одного из предшественников для каждой эпохи, поскольку критическое отношение к источнику ему еще совершенно чуждо. И надо отдать справедливость активности Феофана в том, что он в рамках данного отдела все же не просто списывает, а заимствует, редактируя и исправляя с „православно-монастырской“ точки зрения.

Если пересмотреть и суммировать то, что, будучи пропущено у патр. Никифора, вписывается Феофаном, то в этом материале прежде всего выделяется компактная группа сообщений о „внешних“ событиях с преобладанием в ней известий о событиях на Востоке, т. е. фактов, касающихся истории арабов, их взаимоотношений с империей и отношение к подвластным христианам (в Сирии и других завоеванных странах). Эти фактические линии выходили из компетенции, отведенной себе Никифором, — оттого он, пользуясь тем же источником, прошел мимо них в своем конспекте.⁵⁴

Что этот, по преимуществу „восточный“, материал, или, вернее, большая его часть была налицо в источнике, которым пользовался и

патр. Никифор, сомневаться трудно, так как отголоски его, несмотря ни на что, просочились в Краткую историю,⁵⁵ а главное, его в полном составе имеет в виду тот же автор в своем *Antirrheticus* III. Но следует из осторожности и относительно Феофана заметить, что такое нарочитое внимание к этим именно рядам фактов, какое он проявляет в данных пределах своей хронографии, в значительной мере может быть объяснено особой тенденцией историка, но до некоторой степени здесь может быть допущено и пополнение первоначального Феофана первыми же переписчиками-редакторами его труда. Это, конечно, только предположение, на котором я и не думаю настаивать. Ведь в общем и так понятно, почему Феофан так усиленно заслоняет центральные линии повествования о царствованиях первых императоров-иконоборцев мрачными и тревожными. Он стремится показать всю правду, в которую сам верил: при торжестве нечестия и „богоборчества“ в империи не могло все обстоять благополучно, и царствования Льва III и Константина V не могли быть счастливыми и блестящими. Эти императоры могли одерживать отдельные победы над врагами, но в общем эти враги и с севера, и с юга, и с востока не только не были сломлены окончательно, но и неуклонно надвигались страшными, губительными грозами, нарушая правильное течение жизни, угрожая тяжкими уроками христианству. Не только мусульмане и болгары, но самые стихии были против императоров, гордившихся своим долголетием и удачами: частыми и повсеместными бедствиями, чудесами, трусами, язвами и морами, гладами и мразами, в которых византийский интеллигент VIII—IX вв. не мог не усматривать указующего перста божия, „выявлялась настоящая, скрытая от поверхностно взирающих людей правда“. Самые крупные бедствия Феофан открыто и уверенно разъясняет как карающие и предостерегающие знамения. По поводу ужасного извержения между островами Ферой и Ферасией⁵⁶ он заявляет: ... οὕτω καὶ αὕτη νῦν ἐπὶ τῶν χρόνων τοῦ θεοράχου Λέοντος ὅς γάρ κατ' αὐτοῦ θεῖον ὄργην ὑπὲρ ἑαυτοῦ λογισάμενος ἀναίδεστερον κατὰ τῶν ἁγίων εἰκότων ἤγειρε πόλεμον. Относительно знаменитой чумы, занесенной с запада и пронесшейся по всей Греции в 746—747 гг., Феофан рассуждает:⁵⁷ „Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει λοιμῶδης θάνατος ἀπὸ Συκελίας καὶ Καλαβρίας ἀρξάμενος οἷόν τι πῦρ ἐπινερόμενον... ἦλθε δι' ὅλης τῆς ἐν ἰνδικτιῶνος προμαστιζῶν τὸν ἀσεβῆ Κωνσταντῖνον καὶ ἀναστῆλων τῆς κατὰ τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν... μανίας, εἰ καὶ ἀδιόρθωτος ἔμεινε, ὡς Φαραὼ τὸ πάλαϊ.“

Но такими же зловещими знаками являлись, по убеждению Феофана, и прочие вереницы катастроф и эксцессов природы, которые он вносит в свою летопись, в уверенности, что ничто даром не случается и не проходит. Поэтому с настойчивостью, я бы даже сказал, с плохо скрываемым злорадством выписывает он и нанизывает из своего источника те сведения, которые, по его мнению, рисуют прославленные царствования в мрачных чертах. Самый тон, в каком у Феофана звучат эти сообщения, в источнике бывшие, наверное, проходными и безразличными, не оставляют сомнения в том, с какой целью они нагромождаются историком.⁵⁸ Конечно, Феофан выступает здесь в центре той полемики, ясные

⁵³ См. также на Gelzer (Sextus Julius Africanus), Hirsch (Byzantinische Studien) и Kumbacher (Gesch. d. byz. Litt).

⁵⁴ Это Феоф. (ed. de Boor, I) 399,4—20; 411,12—27; 403,24—28; 405,2—31 (с полемикой); 407,5—10 и 11—14; 409,24—28; 410,2—4; 410,17—411,28; 412,1—5; 414,2—10; 415,22—24; 415,33—416,7; 416,8—18; 418,14—19; 418,19—419,6 (однако om. Anast., м. б., интерполяция переписчика?); 421,17—31; 422,2—11; 422,13—21 и 25—29; 424,9—10; 424,12—425,11; 425,13—426,13; 427,3—9 и 12—14 (om. Anast.); 428,15—429,14; 430,1—19 и 23—32; 431,1—8 и 13—34; 432,1—15 и 24—25; 433,24—28; 435,20—436,8; 439,8—15; 444,10—15.

⁵⁵ Изд. de Boor., напр. стр. 58,11—15; 64,21—65,7; 66,11—12; 70,20—24.

⁵⁶ Theoph., 404,29—405,2.

⁵⁷ Theoph., 422,29—4,3,4.

⁵⁸ Theoph. 410,8—10, 19—20, 23—25; 411,2—9, 10—12; особенно же 412,2—5 и 6—20. Τούτω τῷ ἔτει καὶ τῆς βασιλείας Λέοντος (τοῦ τυραννοῦ) καὶ παρανομωτάτου Σύρου ἐκάησαν ἀγῶρα ἰ ἐν Δαμασκῷ... καὶ εἰσήλθεν, ὁ Χείμαρρος ἐν Ἰδέσῃ... καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει σεισμὸς γέγονε μέγας καὶ φοβερός ἐν Κ... καὶ ἐπώδησαν ἐκκλησίαι καὶ μοναστήρια λαὸς τε πολὺς τεθνήσκεν... ὁ οὖν βασιλεὺς ἰδὼν τὰ τεύχη τῆς πόλεως πτωθέντα διελάλησε τῷ λαῷ... см. еще 415,22—24.

следы которой мы находим и во многих других произведениях византийской литературы иконоборческой эпохи. Православные историки и публицисты усиленно стараются поколебать и опровергнуть мнение, что долголетие и счастье императоров-иконоборцев ручается за правильность и богоугодность их правительственной деятельности. Повидимому, это мнение было прекрасно обосновано и убедительно высказано в иконоборческой литературе.⁵⁹ По крайней мере, неизвестный автор знаменитой псевдодомаскиновской *Oratio contra Constantinum Caballinum*⁶⁰ с раздражением говорит о том, что так как диавол обещал императору-иконоборцу за уничтожение икон счастье и превосходство над всеми царями земными в мудрости и долголетию, то его единомышленники ничего другого и не твердят, как то, что он процарствовал много времени. „(Διὸ καὶ οἱ τούτου τῆς φύσεως κρονησεως), ἄλλο οὐδὲν παρρησιάζονται, εἰ μὴ τούτο, λέγοντες, ὅτι πολὺν χρόνον τῆς βασιλείας κεκράτηκε· καὶ οὐ γινώσκουσιν οἱ θεοστύχεις ὅπερ λέγουσι...“.

По вопросу о долголетию и внешних успехах Льва III, а особенно Константина V, на рубеже VIII и IX столетий шли горячие споры. С нарочитой явственностью выступают они в *Antirrheticus* III патр. Никифора, который посвящает опровержению иконоборческого мнения о славном царствовании Константина V целый значительный трактат, начиная с главы 65. Рассуждения патр. Никифора необыкновенно любопытно и поучительно сопоставляются с повествованием Феофана о том же императоре, подтверждая, что в летописной форме Феофан ведет ту же полемику с теми же историками-иконоборцами и теми же доводами и даже материалом. Никифор вооружается против тех „историков“, которые слишком выхваляют царствование Мамоны, т. е. императора-иконоборца, и тем самым обнаруживают свою глупость и нерассудительность.⁶¹ Ссылаясь на тех из них, которые τῷ πλήθει καὶ τῷ μεγέθει τῶν συμφορῶν ὑπερεπιπληττόμενοι все-таки сочли достойным передать истории различные и многочисленные несчастия того времени, он и перечисляет самые яркие их категории, при наличии которых говорить о благоденствии эпохи возможно только по недомыслию. Они те же, что и у Феофана, который только размещает их погодно: „ὁ μὲν λοιμικὸς θάνατος ὅς τοῖς ἀνθρώποις ἐπεπορεύετο, οὐδ' ἂν τις ἐξαρτηθῆσθετο εἰς ὅσον πλήθος αὐτῶν ἐπενείματα, ἐξ οὗ δὴ καὶ διαδράς ὁ τῆς ὀργῆς αἴτιος... ὡς καὶ τοὺς τάφους στενοχωρεῖσθαι τοῖς σώμασι καὶ τὰ τῶν ὑδάτων ἐκδοχεῖα ὑπερπλήρη γίνεσθαι... Καὶ τὰ ἐν τούτοις δαίματα, ὡς ἐξαισιά τε καὶ τερατώδη φαντάσματα... καὶ τὰ μὲν ὑπὲρ γῆν τοιαῦτα καὶ τούτων ἐπι χεῖρονα, τὰ δὲ πρὶν ὑπὸ γῆν ἢ περὶ γῆν· οὐ γὰρ ἐπι τῶν ἀσεβημάτων τὸ μέγεθος ἔφερον ὅποια τῶν μὲν σεισμῶν καὶ βρασμῶν καὶ ἀνατιναγμῶν τὸ χρεῖμα... αὐτῶν γὰρ τῶν πολυτελεῶν οἰκημάτων, καὶ τῶν κτήσεων τῶν κεκλωπισμένων σαλπίζει μέγα τὰ πτώματα...“.

Гл. 66. Οὐ μὴν οὐδὲ τὰ ἐξ ἀέρος δαίματα ἐπηρμεῖν ἢ ἐφησυχάζειν ὑβρίζομένου τοῦ Κτίστου ἠνείχετο ἔδοκει γὰρ... τοὺς κατ' οὐρανὸν ἀστέρας ἐπι γῆς ἐρρηθῆναι ἀπάντας ῥαχδαίως, οἷτω καὶ συνεχέστατα τοῦ ἀερίου πάθους... τοὺς λεγομένους ἀστέρας διχτρώντας, τὰς τε φλόγας... κομήτας τε αὖ, καὶ πωγωνίας καὶ ὅσα τοιαῦτα ὑποραίνειν πέφυκε σχήματα“.

⁵⁹ И, может быть, даже в изобразительном искусстве. См., по крайней мере, заявления отцов VI Собора. Mansi XII, 355: ἔδει μᾶλλον αὐτοῖς τὰς ἀνδρείας τούτων ἐξεπέμψαι, πλὴν κατὰ τῶν πολεμίων νίκας, τὰς βαρβαρικὰς ὑποπτώσεις, ἃς ἐν εἰκόσιν καὶ διατοίχαις εἰς μνημὴν ἐξηγήσεως πολλοὶ ἐστηλογράφησαν, τοὺς ὁρώντας πρὸς πόλιν καὶ ζῆλον ἔλκοντες. Ср. Lombard. L'empereur Constantin V, стр. 13—19. Впрочем, это место может быть истолковано иначе, если принять в соображение предшествующее признание невозможности прославлять такие подвиги императоров-иконоборцев.

⁶⁰ Migne. Patrol. gr., t. 95, 341.

⁶¹ Migne. Patrol. gr., t. 100, 496. Ὅτι δὲ μάτην ἐπὶ τοῖς χρόνοις ἐκείνου ἐγκαλλωπίζονται, καὶ τούτο τῆς ἐκείνων ἀβελτηρίας καὶ ἀλογίας αἴτιον.

Очерк этот сопровождается характерным разъяснением: „τοιαῦτα ἐγνώμεν καὶ πάλαι κατὰ τῶν ἀσεβῶν ἀπειλούμενα καὶ τελούμενα ὀπηνίκα τὰ στοιχεῖα ὑπερβία γίνοντο τοῖς θεοῖς ὑπηρετούμενα νεύμασιν· ἀπιστήσαι δ' οὐδεὶς ἢ ὅστις τὴν ἀγνοίαν τῶν τοῦ Θεοῦ κριμάτων ἠρρώστηκεν“.

В сопоставлении с этим поучением становится понятной и настойчивость Феофана в выписывании из источника и внесении в свой рассказ именно такого порядка явлений и событий царствования прославленных „иконоборцев“.

Но любопытно и дальнейшее опровержение славы и блеска иконоборческого царствования, которое ведет патр. Никифор. С новой силой ополчается он на тех „историков“, которые „κατακομφεύονται διὰ τὴν εἰς Χριστὸν καὶ τὴν Ἐκκλησίαν ὑβρίν, χρόνους μακίστους καὶ παρατεταμένην ζωὴν, καὶ βίον εὐπαθῆ ἐκμετροῦσθαι τῷ Μαμωνᾷ, καὶ εὐημερίας εἰς ἄκρον ἐλάσαι, νίκας αὐτῷ κατὰ βαρβάρων καὶ ἀνδραγαθήματα ὡς πλείστα ἐπιγράφοντες, ἃ τοῖς μὲν σώφροσιν οὐδὲ εἰς ἀκράσιν ἐρχεσθαι δίκαιον.“⁶² Обличая суемудрие этих апологетов „нечестивого“ императора, патр. Никифор беспощадно изображает всю скверну природы Константина V, его извращенную жестокость и мучительство, его ужасную кончину на море, так как „мать земля, которую он пропитал кровию невинных, не приняла его смерти“: „Ποίας οὖν, ἄρα κατηγορίας καὶ ταλαιωμοῦ οὐκ εἶεν ἄξιοι, — восклицает Никифор, — οἱ ἐκλίνοιο μακαρίζειν ἀνοήτως οὐκ ἀισχυρόμενοι! Ὅ δὲ τῆς ζωῆς αὐτοῦ πᾶς χρόνος οὐκ εἰς μακρὸν τι πάνυ διήλασεν· οὐ πλείοσι γὰρ ἢ οὐκτὼ πρὸς τοῖς πενήκοντα ἔτεσι βιούς, ψυχῆ τε καὶ σώματι τέθνηκε· καὶ αὐτὰ γε ταῦτα Θεοῦ συγχωρήσαντος, οὐκ εὐδοκήσαντος“.

Наконец, по поводу тех побед и одолений, какие приписываются Константину V иконоборческими историками (ἃς δὲ ἐπιπλάττουσιν αὐτῷ νίκας, τοιαῦτά τινές εἰσιν, ἵνα μιὰς τῶν κρατίστων ἐπιμνησθῶμεν),⁶³ Никифор предлагает разобраться в одной из них, которую прославляли как одну из самых блестящих. Это большой поход против „западных скифов“, т. е. болгар и гуннов, и кровопролитное сражение при Анхиале, о котором Никифор рассказывает и в Краткой истории,⁶⁴ но совершенно иначе, нежели здесь. Там спокойно и сдержанно сообщается, что после жестокого побоища, в котором с обеих сторон пало много людей, болгары были разбиты и бежали. Константин же вернулся в Византию и отпраздновал победу. Замечательно, что так же излагается это сражение и его исход и у Феофана, у которого совпадения в выражениях с Никифором свидетельствует о выписывании одного источника. В *Antirrhetike*, в увлечении полемикой, Никифор заявляет, что в результате была не победа, а гибель почти всей римской армии,⁶⁵ и только мятеж нового вождя Сабина и переход его на византийскую сторону дали успех Константину V. Еще злобнее и карикатурнее „разъясняет“ патр. Никифор блестящие действия Константина V на Востоке. Он уверяет, что император боялся одного упоминания о восточных варварах, что присоединение армянских крепостей совершено было разбойническим способом и что Константин V бежал со всем войском домой, как только узнал, что против него идет незначительный отряд сарацин в 5 тысяч человек.

Жарка была полемика, ярки и убедительны были изображения славы и победоносности иконоборческих царствований в их историографии, сильно, наконец, было стремление православных писателей разгромить эти популярные представления и лишить „нечестивцев“ их ореола, если

⁶² Migne, 100, 504 (ch. 70).

⁶³ P. 508.

⁶⁴ Ed. de Boor, p. 69.

⁶⁵ Ἔργον γὰρ τῆς Σαυδικῆς μαχαίρας, ἅπαν σχεδὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων ἐγένετο στρατεύμα.

в чисто богословском трактате, каким является Antirrheticus, автору-иерарху приходилось углубляться в такие батальные сюжеты.

В таком, уже не чисто богословском, произведении, как Хронография, этот полемический задор должен был выразиться еще более прямолинейно у автора — исповедника православия и поборника угнетаемого монастырства. Отсюда становится совершенно ясным отношение Феофана к его источнику и способы пользования им. Он должен был еще решительнее, чем Никифор в Антирретике, перерабатывать иконоборческую хронику, делать пропуски, уверенно перетолковывать факты со своей точки зрения и во имя своей правды, чтобы обесцветить богоборческие царствования, чтобы лишить их ореола блеска и удач, чтобы в результате с облегченным сердцем бросить подобно Никифору риторический вопрос — *διὰ τοῦτο ἐπαύλλη τοῖς χρόνοις καὶ ταῖς ἡμετέρας; μεγάλα σοὶ τὰ παρόντα καὶ τοῦ παντός θανάτου ἄζια*. Феофан не раз в рамках данного периода обнаруживает и свое знакомство с иконоборческим хвалебным представлением о деятельности и Льва III и Константина V и заявляет о необходимости бороться с ним и восстановить истину на пользу заблуждающимся.⁶⁶ Эту задачу, несомненно, он и ставит себе в этой части своего труда. В отношении к деятельности Льва III и Константина V, за исключением „иконоборческой“ ее линии, он явственно кладет в основу своей работы предшествующую ему хронику. Выписывая довольно исправно сообщения о фактах и явлениях более или менее безразличных, т. е. таких, которые могли, как второстепенные, стоять и в иконоборческой хронике, не умаляя блеска и величия императоров, не могли шокировать и православного читателя в православной Хронографии, — Феофан все-таки старался расположить и оттенить их так, чтобы глубокомысленный читатель и в них должен был почуять мрачный и зловещий отзвук. Таковы известия о кометах, землетрясениях, затмениях, морозах, нашествиях и спорадических погромах варваров, междоусобиях в арабской среде, безнаказанных утеснениях христиан арабскими правителями и т. п. Сталкиваясь, однако, в предлежавшей ему иконоборческой хронике с событием более значительным, Феофан уже настораживался и принимался за существенную переработку или за „разъяснение“. Оттого в его повествовании мы и встречаем, к немалому изумлению, и опровержения и настоящие полемические выпады против определенного изображения или толкования данного факта, которые Феофан мог найти только в своем источнике. В результате получилось или умаление события, или же сообщение ему своеобразного смысла и значения.

Примеры такой беззастенчивой переработки повествования, несомненно расположенного к императорам-иконоборцам, подмечаются без всякого труда на всем протяжении данного отдела летописи Феофана. Все три крупных отпора арабам, организованных энергией и искусством Льва III, 717, 725 и 739 гг., даже в арабских источниках оцененные как имевшие решающее значение и действительно сыгравшие на Востоке такую же поворотную роль, как и знаменитая победа Карла Мартелла при Пуатье на Западе, изображены Феофаном так, что в них трудно даже разглядеть настоящие победы. В первом событии, 717 г., он все время заслоняет геройство и активность императора Льва III божьей помощью и молитвами пречистой Богородицы⁶⁷ и в конце заключает весь эпизод

⁶⁶ Кроме Theoph., 413,10—18, еще 496,8—11; 501,24—26.

⁶⁷ Theoph., 396,15: ἐβούλοντο γὰρ τῇ αὐτῇ ἑσπέρα εἰς τὰ παράλια προσορμίσει τείχεα καὶ τοὺς ἀνεχνας εἰς τὰς ἐπιπέλας ἐπιθεῖναι. ἀλλὰ τὴν βουλήν αὐτῶν διεσκέδασεν ὁ θεὸς διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου. Τῇ δὲ αὐτῇ νυκτὶ τὴν ἄλυσιν ἐκ τῶν Γαλάτου ὁ βασιλεὺς μυστικῶς συνέστειλεν... 397,9: Μαθὼν δὲ δίκυτων ὁ βασιλεὺς περὶ τῶν κρυπτομένων

таким нравоучительным толкованием неудачи арабов: „καὶ πολλὰ αὐτοῖς συνέβησαν δεινὰ ἐν τῷ καιρῷ ἐκεῖνῳ ὥστε ἐπιγινῶναι αὐτοὺς τῇ πέτρᾳ ὅτι ὁ θεὸς καὶ ἡ πανάγια παρθένος καὶ θεομήτωρ φρουροῦσι τὴν πόλιν ταύτην καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν βασίλειον, καὶ οὐκ ἔστιν ἐγκατάλειψις τελεία θεοῦ ἐν τοῖς ἐπικαλουμένοις αὐτὸν ἐν ἀληθείᾳ, εἰ καὶ πρὸς βραχὺ παιδεύομεθα διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν“. Получается впечатление (и Феофан на него именно и рассчитывал), что арабов поразили стихийные неудачи, ниспосланные свыше на защиту великого города — столицы христианства ради взывающих к богу в правде. Роль же и заслуги императора Льва III, которые были выдвинуты в источнике, затушеваны и сведены на-нет.

Вторая крупная катастрофа арабов при Никее 725 г. излагается у Феофана с явной полемикой против эксцерпируемой иконоборческой хроники, в которой победа изображалась как награда за благочестие,⁶⁸ причем, очевидно, там была ссылка на заявление в этом смысле самого императора Льва III (ὡς ἐκεῖνος ἠΰξει). У Феофана арабы после долгой осады Никее, уже овладев частью стен, удалились сами, благодаря исключительно молитвам почитаемых там святых отцов, по неисповедимым решениям господина бога и в обличение тирана.

Наконец, последняя славная победа над арабами при Акроине, одержанная под совместным командованием Льва III и Константина V в 739 г., — победа, надолго остановившая продвижение арабов в Малую Азию, настолько сжато и небрежно эксцерпируется из источника Феофаном, что производит впечатление незначительного проходного эпизода.⁶⁹

Та же тенденциозная переработка не удовлетворявшего своим вкусом и взглядами источника, который явственно процоцунывается под грубо накинутым покрывалом „православной“ переделки, идет и далее по всему царствованию Константина V. И в отодвигающемся на второй план при этом императоре столкновениях со слабевшими арабами заметим мы здесь со стороны Феофана то же неуклонное старание умалить или свести к случаю победы и успехи Константина. Беру самые яркие случаи. Крупная морская победа 746 г., одержанная над арабами эскадрой Киприотов и, как надо полагать, принедашая к воссоединению утраченного о. Кипра блестящий успех, — излагается Феофаном в таком уничтожающем контексте:⁷⁰ „παντὸς δὲ οἴκου ἐκ τῆς τοιαύτης συμφορᾶς (чума) διαφθαρῆτος διὰ τὴν ἄσβεστον γενομένην εἰς τὰς ἱερὰς εἰκόνας ὑπὸ τῶν κρατούντων κατένευσεν, αὐτίκα ὁ τῶν Ἀραβῶν στόλος κατέλαβεν ὑπὸ Ἀλεξανδρείας ἐν Κύπρῳ... Ὁ δὲ στρατηγὸς τῶν κς, ἐπιπεσὼν αὐτοῖς αἰφνης... καὶ κρατήσας τὸ στόμιον τοῦ λιμένος, χιλιῶν δραμώνων ὄντων τρεῖς μόνους ἐξεληῖσαι φασιν“.

Так же небрежно и сухо выписывает Феофан из источника и известие о взятии Константином Феодосиюполя и Мелитины,⁷¹ между тем как это событие считает необходимым внести в Краткую историю патр. Никифор,

δύο στόλων ἐν τῷ κόλπῳ, σίφονος πυρροφόρους κατασκευάσας... ἐμβολῶν... ἐπέβησαν. Τοῦ δὲ θεοῦ συνεργήσαντος διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου ἐπιτολῆς ἐβυθίσθησαν οἱ ἐχθροί.

⁶⁸ Theoph., 406,16: ὑπέστρεψαν, δεικνύοντας καὶ τοῦτο τοῦ θεοῦ τῷ ἄσβεστῷ (μολυσματικῷ) Лев III), ὅτι οὐ δι' εὐσεβειᾶν περιέγεγε των ομοφύλων, ὡς ἐκεῖνος ἠΰξει, ἀλλὰ διὰ τὴν αἰτίαν θείαν καὶ ἀπορρήτων κρίσιν, ἀποκρουσμένους μὲν τὴν τοιαύτην Ἀραβικὴν ἰσχύον τὴν ἰσχύον πατέρον πόλεως ταῖς αὐτῶν πρεσβείαις, διὰ τῶν ἐν αὐτῇ τιμωμένων ἀκριβεστῶν αὐτῶν χαρακτήρων εἰς ἔλεγχον δὲ καὶ ἀναπολόγητον κρίσιν τοῦ τυράννου καὶ βεβαίωσιν των εὐσεβῶν των.

⁶⁹ Theoph., 411,21 οἱ δὲ περὶ τὸν Μελίχ καὶ Βαπάλ ἐν τῷ Ἀκροῖνῳ καταπολεμήσαντες ὑπὸ Λ.-οντος καὶ Κωνσταντίνου ἠττήθησαν.

⁷⁰ Theoph., 424,1—7.

⁷¹ Theoph., 427,14: καὶ τῷ αὐτῷ χρόνῳ Κ. τὴν Θεοδοσιούπολιν παρέλαβεν ἡμὶ τῇ Μελιτινῶν.

а [арабский историк Ал-Балад'ури⁷² этой удаче Константина придает важное значение и говорит о дальнейших успехах византийского оружия (взятие крепости Клавдии и движение Константина до Арсомосата). Зато не без злорадства заносит Феофан такой контекст:⁷³ „και επεστράτευσαν (Αραβες) την Γωμανίαν και ήχημαλώτευσαν πολλούς και Παύλον, τον στρατηγόν των Αρμενιάκων πολεμήσαντες εις τον Μέλαν άνειλον μετά πλήθους στρατού και μβ' επισήμους άνδρας δεσμίους ήγαγον και κεφαλάς πολλάς. ο δε βασιλεύς (ирония!) επεστράτευσε την Βουλγαρίαν... και πολλούς των αυτού άνειλον οι Βουλγαροι, εν οίς και Λέοντα... και Λέοντα έτερον... και λαόν πολύν, και έλαβον τά άρματα αυτών...“

Поскольку, однако, Константин V прославлялся в военно-иконоборческой среде главным образом как первый великий болгаробойца, — о чем не раз не без злобной иронии⁷⁴ заявляет и сам Феофан, главное его переоценивающее внимание и сосредоточивается на опровержении славы Константина V, как победителя и сокрушителя болгар, — славы, которая, как видим, была прочной и громкой еще в 813 г., т. е. через сорок лет после его кончины и во время составления труда Феофаном.

В повествовании о войнах Константина V с болгарами особенно явно обнаруживается беззастенчивость и произвол Феофана в перелке и искажении иконоборческой хроники, так как здесь на помощь может быть призван вновь более сдержанный, по крайней мере, в своей *Ιστορία Σύντομος* патр. Никифор, тоже хотя и сжато, но довольно исправно излагающий эту сторону дела. Приходится прежде всего повторить, что никакого сомнения быть не может в том, что оба историка эксцерпируют один и тот же иконоборческий источник. В этом убеждают нас приведенные выше сопоставления соответствующих мест Феофана и Никифора и обнаружение явных близостей между ними не только по составу повествования, но и в выражениях, и в словах. Тем любопытнее и характернее для Феофана оказываются крупные расхождения между ними и противоречия в сообщениях о войнах с болгарами, несмотря на выписывание одной и той же летописи.

3

Первая же болгарская война 50-х годов изображается у Феофана и Никифора совершенно различно. Происхождение ее и начало еще излагаются в согласии:

Theoph., 429,¹⁹⁻³⁰ Ο δε βασ. Κωνστ. Σύρους τε και Αρμενίου, ούς ήγαγεν από Θεοδοσιουπόλεως, και Μελιτηνής, εις Θράκην μετ'ήκισεν... Τῷ δ'αὐτῷ χρόνῳ Nicephorus, 66,^{11-67,3}... Κωνστ. ήρξε δομείσθαι τά επί Θράκης πολιέματα, εν οίς οικίξει Σύρους και Αρμενίου. ούς εκ τε Μελιτηναίων πόλεως και Θεο-

⁷² См. в *English Histor. Review*, 1901, январь, стр. 88—89.

⁷³ 431,⁸⁻¹¹.

⁷⁴ Напр., 496,¹⁴: μακαρίζοντες Κωνσταντίνον τον θεοβδέλυκτον και τρισάθλιον ως κατά Βουλγαρων αριστεύσαντα δι' ήν, ως εκείνοι άσεβώς έλεγον οι τάλανες, ειχεν ευσεβειαν. Еще явственнее 501,²⁻¹⁹ и 23—27, где Феофан с нескрываеомой гадливостью рассказывает, как при нашествии болгарского вождя Крума правительство императора Михаила (813) растерялось в Константинополе началась паника и как тινες των δυσσεβών (которых ниже он называет Κωνσταντίνον τον Ιουδαίφρονα μακαρίζοντες ως προφήτην και νικητήν) της μακράς αίρέσεως του θεοστυγούс К. μοχλευσαντες την πόλιν των βασιλικών τάφων... και ενδον εις πηδήσαντες προσέπιπτον πῶ του πλάνου μνήματι τουτον επικαλούμενοι και ου θεόν, „άνάστηδι λέγοντες, και βοήθησον τῇ πολιτείᾳ απολλυμένη“. διαφημίσαντες, οτι άνέστη έφιππος και πορεύεται πολεμήσαι Βουλγαρους... Существование такой веры или легенды, с какой бы насмешкой к ней ни относился Феофан, беспощаднее всего подрывает доверие к показаниям последнего.

εζήτησαν οι Βουλγαροι πάκτα δια τά κτισθέντα κάστρα. Και του βασ. άτιμάσαντος... εζήλθον φωσατικῶς και ήλθον εως του Μακρου τείχους.

δοσιουπόλεως μετανάστας πεποίηκε... Ταῦτα τοίνυν οι Βουλγ. ως έπολιζοντο θεασάμενοι, φόρους ήτουν παρά βασιλει δέξασθαι, Του δε μη δεξαμένου οι γε στρατευσάμενοι τά επί Θράκης χωρία κατέτρεχον και μικρού του Μακρου καλουμ. τείχους επεξέδεον.

Это начальное согласие делает очевидным пользование со стороны обоих писателей одним источником. Тем поразительнее дальнейшее внезапное их расхождение.

Theoph., 429,²⁹—πολλήνων άλωσιν εργασάμενοι (και αιχημαλώσιαν λαβόντες) υπεστρεψαν άβλαβείς (εις τά ίδια).

Nicephorus, 66,¹⁹—ο δε άντεπέξει και συμβαλόν πολέμῳ εις φυγήν έτρέφατο και έδωκεν ανά κράτος και πλείστους Βουλγαρους άνειλε.

Theoph., 431,⁶—ο δε βασιλεύς επεστράτευσε την Βουλγ. και έλθών εις Βερεγγάβαν εις την κλεισοῦραν, υπήντησαν αυτῷ οι Βουλγ. και πολλούς των αυτού άνειλον, εν οίς και Λέοντα, πατρίκιον και στρατηγόν των Θρακησίων και Λέοντα έτερον λογοθέτην του δρόμου και λαόν πολύν, και έλαβον τά άρματα αυτών. Και ούτως άδόξως υπεστρεψαν.

Niceph., 66,²¹. Μετ'ου πολῦ πλοι και πεζή κατ' αυτών έστράτευεν, οι γοῦν τάς ναῦς έχοντες άχρι και εις πεντακοσίους τον αριθμόν συντελούσας, δια του Ευξ. εκπλεύσαντες και προς τῷ Ιστρω γενόμενοι ποταμῷ χάρας τε Βουλγαρων επίμπρασαν και δοριαλώτους ουκ όλίγους ειλον. Αυτός δε μάχη συμμίξας αυτοίς κατὰ τάς λεγομένας Μαρκέλλας... εις φυγήν έτρέφατο και πολλούς αυτών εκτεινεν. εντεῦθεν εκείνοι το ήττον άπενεγκάμενοι περι ειρήνης διεπρεσβέοντο εκ των οικείων τέκνων όμηρους προίεμενοι.

Данное противоречие между двумя современными друг другу историками давно уже стало камнем преткновения для исследователей. Еще Иречек,⁷⁵ столкнувшись с ним, пытался найти примирительный выход из затруднения в том, что компилировал оба ряда сведений, т. е. принимал, что после победы 755 г. византийцы потерпели поражение в 759 г. Таким образом, он дублировал поход Константина V против болгар, между тем как очевидно, что Маркельская победа и Верегабское поражение должны входить в состав одной и той же кампании, и допускал, что и Никифор и Феофан сделали невероятным образом каждый по такому пропуску с своей стороны. Всмотревшись в изложение хода событий, мы должны заметить, что оно проводится у Никифора несравненно благополучнее, чем у Феофана. Последний, очевидно, что-то скрывает, не замечая того, что у него получаются неестественности и недоразумения. Болгары, дойдя до Длинной Стены и захватив полон, безнаказанно удалились во-свои, и только через четыре года император впервые решается взяться за оружие против них. А между тем еще годом раньше он, по уверению Феофана, — τὰς κατὰ την Μακεδονίαν Σκλαβινίας ήχημαλώτευσεν και τους λοιπούς υποχείρους έποίησεν, каковая операция была бы мыслима и понятна только в том случае, если бы Константин предварительно отразил болгар в глубь полуострова. Далее, если экспедиция 759 г. окон-

⁷⁵ *Geschichte d. Bulgaren*, 1876, p. 141.

чилась такой, действительно, крупной неудачей, как Верегабское поражение (в изображении Феофана), едва ли понятно, почему разбитый император медлит затем с отмщением варварам целых три года и дожидается, когда новый вождь болгар Телетцес вызывает casus belli. Недоразумения в изложении Феофана этим не кончаются: если болгары проявили такой подъем духа, добились таких прочных успехов, проведя победоносно два больших похода против Византии, под руководством своих национальных вождей, почему в их среде могло возникнуть недовольство последними и почему они провозглашают нового вождя Телетцеса, который, однако, держится прежнего политического курса и первым долгом производит набег на Фракию? Принимая во внимание то обстоятельство, что этот Телетцес был немедленно же свергнут болгарями, как только он потерпел поражение от византийцев,⁷⁶ а также и то, что сменившего его Сабина постигла такая же печальная участь за то, что он просил мира у императора,⁷⁷ мы можем догадываться о великой растерянности и сумятице среди болгар, сменявших одного вождя на другого и искавших такого, который бы спас Болгарию от угрожавшего покорения империи. Более всего похоже на то, что каждый из свергавшихся вождей вызывал один и тот же упрек, который был предъявлен последнему из них, Сабину: „διὰ σοῦ ἡ Βουλγαρία μέλλει δουλοῦσθαι τοῖς Ῥωμαίοις“.

И первый из них, двойной победитель римлян, по Феофану, Кормесий пал не по странной неблагодарности своего народа, а потому, что, если верить изложению патр. Никифора, он был дважды разбит Константином V и принужден был униженно просить у него мира. В повествовании патр. Никифора весь ход событий получает смысл и понятную последовательность, и эти достоинства привлекают к нему наше доверие. Перед ним, как и перед Феофаном, лежало обстоятельное и подробное, может быть, и панегиристическое изложение первых болгарских побед Константина V. Никифор тоже убрал хвалебный и прославляющий тон, выбрал самое существенное и сухо, но добросовестно вписал основные события в свой „конспект“. Феофан, увлекаясь своей заветной задачей развенчать Константина V и выявить настоящую правду об этом „quasi-победителе и пророке“, слишком решительно перегибал дугу в обратную сторону. Разрушая панегиристический тон того же источника, он захватывал вместе с его покровом и само фактическое содержание, слишком старался не поверить рассказу „заблуждавшегося“ приверженца Константина. В первом эпизоде он выдвинул на первый план то обстоятельство, что болгары допущены были в своем нашествии до самой Длинной Стены, но отнес на счет пристрастия хрониста данный им Константином V отпор. Во второй кампании (755 г.?, 759 г.?) он также старался найти некоторый омрачающий момент; он и нашел его в неудачном столкновении в Верегабе, стоившем римлянам жизни двух видных сановников. Можно допустить, что это сообщение стояло и в источнике, но там оно было заслонено последовавшим крупным торжеством византийского оружия при Маркеллах. Из такой перспективы и исходил Никифор, миновавший в своем кратком изложении незначительную, проходную заминку в Верегабе. Феофан в полемическом задоре заслонил Верегабой Маркеллы, рассуждая, что нельзя считать победоносным походом тот, в котором имела место Верегаба, и если „пристрастный“ иконоборческий автор пытался выдвинуть вперед дело под Маркеллами, то глубокомысленный и справедливый историк должен во имя восстановления истины поступить как раз наоборот.

⁷⁶ Theoph., 433,14.

⁷⁷ Ibid.

Если мы продвинемся дальше в своих наблюдениях над изложением у Феофана борьбы Константина V с болгарским натиском, то и в изображении центрального ее момента, решительного разгрома болгар при Анхиале (762 г.), который, судя по некоторым указаниям самого же Феофана, а главное патр. Никифора в его Третьем Антирретике, представлялся современникам славнейшим делом императора Константина V,⁷⁸ мы без труда обнаружим явные признаки переработки и переистолкования какой-то уже установившейся передачи этого события, — конечно, той, которую он застал в своем источнике. Что осталось от этой последней в редакции Феофана — определить уже довольно трудно: крупная победа, которая, судя по всему, была нарисована, пусть даже в приподнятом тоне, там исчезла под его беспощадно развенчивающей рукой: налицо только дикая резня с пятого часа до позднего вечера, окончившаяся все-таки бегством Телетцеса и избием и пленением множества болгар. Патр. Никифор в *Ἱστορία Σύντομος*, вне всякого сомнения эсципирующий тот же источник, что и Феофан, также очень сухо и холодно передает событие, а что он к этой прославленной победе Константина V, к предмету его особенной гордости, относился весьма скептически, мы узнаем из вышеприведенного разрушительного изображения Анхиальского одоления в Третьем Антирретике.⁷⁹ Здесь полемика с иконоборческим источником и опровержение его доведены до высшей степени напряжения, но несомненно, те же тенденции сильно выражены и в *Ἱστορία Σύντομος*, и главное, в передаче Феофана:

Theoph., 432,29: Τῇ δὲ 15' τοῦ Ἰουνίου μηνὸς ἐξῆλθεν ὁ βασι. ἐπὶ τὴν Θράκην ἀποστείλας καὶ πλοῦρον διὰ τοῦ Βύζ. Πόντου ἕως α' γελανθίων ἐπιφερομένων ἀνὰ 40' ἵππων. Ὁ δὲ Τελέτζης ἀκούσας... λαβὼν εἰς συμμαχίαν κ τῶν πρ. ἔθνων γιλιθας κ... ἠσφαλίσατο ἑαυτὸν. Ὁ δὲ β. ἔλθων ἠπλήκυσεν εἰς τὸν κάμπου Ἀγγιάλου. Καὶ τῇ 1' τοῦ Ἰουνίου μηνὸς... ἐφάνη Τελέτζης μετὰ πλήθους ἔθνων ἐρχομενος, καὶ συμβαλόντες πόλεμον κοπτοῦσιν ἀλλήλους ἐπὶ πολὺ, καὶ τραπεῖς Τελέτζης ἔφυγεν. ἐκράτησε δὲ ἡ μάχη ἀπὸ ὄρας ε' εἰς ὄψε, καὶ πολλὰ πλήθη Βουλγάρων ἀνηλώθησαν, πολλοὶ δὲ καὶ ἐχειρώθησαν, ἄλλοι δὲ καὶ προσεῤῥύησαν. Ὁ δὲ βασι. ἀρθεὶς τῇ τριαυτῇ νίκῃ, ἐδριάζευσεν ταύτην ἐπὶ τῆς πόλεως, ἀρματω-

Niseph., 69,3: Избрание Телессия вождем совпадает с Феофаном, и далее: οὗτος (Τελέσσ.) λαὸν συναγείρας ὀπλίτην καὶ μάχιμον τὰ πλείστα τετρα τῶν Ῥωμαίων χωρία καὶ φρούρια κατέτερε καρτερῶς. Οὐ τὸ θρασὺ καὶ αὐθάδες Κωνστ. θεασάμενος καὺς ἵππαγωγούς ἄχρι καὶ εἰς τὰς ὀκτακοσίας κατεσκεύασε καὶ ταύτας ἵππικῶ στρατῶ πληρώσας, διὰ τοῦ Βύζ. πρὸς τὸ Ἴστρον ἐξέπεμψε. Αὐτὸς δὲ στρατὸν ἕτερον ἐπαγομενος πρὸς Ἀγγιάλον πόλιν παραγίνεταται. Καθ' ὃν Τ. ἐξέρχεται ἔχων εἰς συμμαχίαν καὶ Σκλαβηνῶν οὐκ ὀλίγα πλήθη. Καὶ ἠττηθεὶς μάχῃ εἰς φυγὴν ἐτρέπετο. Πλείστοι δὲ τῶν πολεμίων ἀφ' ἑκατέρου μέρους πίπτουσι, καὶ ἄλλοι οὐκ ὀλίγοι καὶ τῶν ἐπιφανεστέρων ἐζωγρήθησαν. Οὕτω τε τοῦ πολέμου κρα-

⁷⁸ Никифор с сарказмом ссылается при этом на торжественный „манифест“ самого императора, которым он оповещал население столицы о победе и в котором он сам очень высоко оценивал этот успех. Этот манифест Никифор называет известным (ἡμῖν... ἔγνωσται): вероятнее всего, он был включен в ту иконоборческую хронику, которой пользовались и Никифор и Феофан. Последний дает след этого восторженного донесения Константина в выражении: ὁ δὲ βασιλεὺς τῇ τριαυτῇ νίκῃ ἀρθεὶς.

⁷⁹ Migne, 100, 503 B: Ἐπειδὴ παρεσκευαστο τὸ πρὸς δυσμαῖς ἡμῶν φικισμένον Σκυδικὸν ἔθνος ἀμυνασθαι, συναθροίξει δὴ ἅπαν τὸ ὑπ' αὐτῷ στρατεύμα: εἰς χεῖρας τε τοῖς πολεμίοις ἰών, ὁποῖον αὐτῷ τὸ τοῦ πολέμου τέλος κατορθώτο, μαρτυρεῖ τὰ φαινόμενα: μέχρι γὰρ καὶ σήμερον τὰ κατὰ τὴν Ἀγγιάλον καλουμένην πόλιν, κοῖλα καὶ πεδιάσιμα χωρία, ἃ τῶν ἀνηρημένων τὰ κῶλα ἐδέξατο υποδείκνυσιν. Ἔργον γὰρ τῆς Σκυδικῆς μαχίρας, ἅπαν σχεδὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων ἐγένετο στρατεύμα...

μένος συν τῷ στρατῷ εἰσελθὼν, εὐφροδύμενος ὑπὸ τῶν δῆμων καὶ ἑυλοπανδούροις σύρων τοὺς χειρῶθέντας Βουλγάρους, οὓς ἔξω τῆς Χρυσῆς πόρτης ἀποτιμῆται καὶ ἐκέλευσεν ὑπὸ τῶν πολιτῶν (подчеркивается в триумфе излишняя жестокость quasi-победителя).

τήσας πρὸς τὸ Βυζ. Κ: ὤχετο καὶ οὕτως ἐπήγετο τῶν ἐξωρηθέντων τοῖς τε πολίταις καὶ τοῖς ἐκ τῶν λεγομένων χωρῶν ἀποτιμῆται ὡς ἀναίρησιν αὐτοχειρῶν παραδίδωσιν. Οἱ δὲ λαβόντες ἔξω τειχὺς τοῦ πρὸς τῷ χειρῶν κειμένου ἀνείλον, καὶ τούτων τὰ λάφυρα τὸν ἱππικὸν ἀγῶνα θεώμενος ἐδριάμβευσεν...

Если бы Феофан не выдал себя саркастической фразой: τῇ ταυύτη νίκη ἀρθεῖς, то совпадение со сдержанным вообще и сухо-корректным в *Σύντορία* *σύντομος* Никифором могло бы дать основание считать этот эпизод воспроизведенным более или менее надежно. К сожалению, однако, по крайней мере в данном случае, доверие к добросовестности патр. Никифора колеблется наличием как раз его другого изображения того же самого события. Последнее не оставляет никакого сомнения в том крайне недоброжелательном отношении к Константину V, которое заставляло его допускать явное искажение самых фактов. Едва ли под сдержанно-бесстрастной формой *Ἱστορία Σύντομος* не проводится то же переиначивающее факты опровержение. Феофан работал над тем же источником, в том же направлении. В результате у них обоих получилось упрощение и обесцвечивание фактов, даже более — карикатура на *ἡ ταυύτη νίκη*, в которой трудно распознать действительность.

4

Приведенного материала, мне думается, достаточно для того, чтобы убедиться и в том, что в основе повествования Феофана лежит определенный источник — иконоборческая хроника царствований Льва III и Константина V, и в том, какие задачи себе ставил историк в данном отделе своей Хронографии, и в том, какими приемами пользуется он в эксцерпировании своего основного источника, а стало быть, и какова может быть степень достоверности его повествования. Теперь я считаю своевременным передвинуться с изучением к главнейшему вопросу о том, в каком смысле и в какой степени Феофан может быть признан источником специально истории так называемого иконоборческого движения, его происхождения, состава и ранних, наиболее ярких его взмахов. Я сознаю всю трудность, но и важность этого вопроса, на попытки разрешения которого в его целом до сих пор, насколько мне известно, не отваживалось исследование. Ответ на него выходит за пределы суждения только о Феофане: им предопределяется оценка достоинств вообще всего дошедшего до нас материала по истории иконоборчества, поскольку в его рядах повествование Феофана занимает, по общему признанию, центральное и определяющее место. В частичном применении, т. е. по отношению к отдельным показаниям и сообщениям Феофана в пределах „иконоборческой“ эпохи, вопрос о доверии многократно ставился и многообразно разрешался и в старых и в новых исследованиях. Одно утвердилось, другое принималось, но, в конце концов, даже наиболее скептически настроенные исследователи, как Папарригопуло, Шварцлозе, И. Андреев, Б. Мелиоранский, принуждены были принимать известный *minimum* надежного материала у Феофана, и прежде всего потому, что отрешиться от Феофана в данном случае — это все равно, что отбросить весла, сидя в лодке посреди большой реки и остаться совершенно с голыми руками.

Повторяю: Феофан особого рода и особой важности источник, который тянет за собой и все остальные. Отказаться от Феофана значило бы (по крайней мере, для прежних исследователей) поставить крест на возможности изучения фактического содержания такого значительного момента, как иконоборчество, принимать ли его в тесном или широком смысле.

До известной степени такая нерешительность критики, такая неприкосновенность Феофана обуславливались еще и его недосыгаемостью — в том смысле, что от Феофана апелляция невозможна в пределах повествования об иконоборческой эпохе: он идет во главе всего доступного нам литературного воинства — против него никого. Вся иконоборческая литература, показаниями которой можно было бы проверить его, безвозвратно и беспощадно уничтожена. Поэтому деструктивная критика его могла рассчитывать, самое большее, на то, чтобы объявить Феофана в подозрении, уничтожить отдельные эпизоды, но полный его разгром считался недоступным при наличных научных ресурсах. Недосыгаемым для исчерпывающей и всеохватывающей критики Феофан являлся в данном отделе Хронографии и потому, что он не поддавался основному способу определения ценности его как показателя и свидетеля: он здесь не разлагался на первоисточники, хотя и было ясно, что он повествует не „от себя“, а выписывает каких-то своих предшественников, которые, однако, не дошли до нас ни в оригинальном виде, ни в переработках и цитатах.

Когда Феофан для этих близких ему и отчасти современных событий ссылается на свою аутопсию⁸⁰ или на рассказы очевидцев,⁸¹ на надежных свидетелей, мы понимаем, что это не действительное обозначение источника, а только литературно-исторический прием, принятая риторическая фигура, которая особенно настойчиво наблюдается в агиографии. Когда, на основании собственных же признаний Феофана, называющего из литературно выступавших при Льве III и Константине V поборников „православия и благочестия“ только патриарха Германа, папу Григория II и Иоанна Дамаскина, — а стало быть, их только и знавшего, — мы предположим, что свидетельствами этой троицы светильников иконопочитания он мог воспользоваться для своего повествования, то быстро должны будем отказаться от этой гипотезы. Что сочинения патр. Германа и Иоанна Дамаскина были известны Феофану, в этом сомневаться нельзя: на одно из писаний Иоанна⁸² он прямо и ссылается, равно как на послания папы Григория к императору Льву III. Следует, однако, признать, что такого рода литературные выступления, конечно, не могли стать источниками для составителя Хронографии и, насколько они нам известны, не заключали в себе такого фактического материала, который мог быть включен в историческое повествование. Все эти великие затруднения на пути к определению ценности Феофана как руководящего источника по истории иконоборчества, к уяснению степени достоверности его сообщений, вполне сознаны мною. И если, тем не менее, я решаюсь вновь поставить перед собой этот роковой вопрос, то я имею на это некоторые основания, как мне кажется, выясняющиеся из предшествующих замечаний. Если предположенный „иконоборческий“ источник, который своеобразно

⁸⁰ 440: Τοῦτο δὲ τὸ δαμασκῶν καὶ ἀειόγραφον θαυμά... ἡμεῖς τεθεάμεθα καὶ συν αὐτοῖς κατηρησάμεθα...

⁸¹ 400: ὡς φασιν οἱ ἀκριβοῦς αὐτέπει γεγόνητες, ὥστε φάναι Γερμανὸν προφητικῶς, ὅτι „μεγίστου κακοῦ χριστιανοῦ καὶ τῆς Ἐκκλησίᾳ διαυτοῦ μέλλοντος γίνεσθαι τὸ σημεῖον τοῦτο πέφυκεν“.

⁸² На „похвалу“ дамаского митрополита Петра 417,14: Τοῦτον ἐγκωμίοις λόγων τετίμηκεν ὁ ὁσίος πατὴρ ἡμῶν Ἰωάννης, ὁ καλῶς ἐπικληθεὶς χρυσορροῦς...

эксцерпирует Феофан, приходилось первоначально устанавливать и чисто логическим путем, т. е. по методу вероятности и исключения, то самое обнаружение его следов внутри повествования Феофана уже убеждало в реальности этого источника и пользования им со стороны Феофана (и патр. Никифора) и укрепляло уверенность в том, что, по византийско-хронографическому обыкновению, он один и принадлежал составителю исторического труда. Явные и несомненные следы полемики и опровержений ходячих взглядов и представлений об императорах-иконоборцах у Феофана свидетельствуют об „иконоборческом“ направлении или характере этой хроники-источника, но то же самое подсказывает и то своеобразие приемов пользования ею, о котором упомянуто выше, и основную, всепоглощающую задачу Феофана в этой последней части его Хронографии, которую можно назвать уже публицистско-поучительной. В предшествующем изложении приходилось уже формулировать ее, и сейчас следует только добавить, что, конечно, несравненно интенсивнее проводится она Феофаном именно в изображении „внутренней“ иконоборческой деятельности императоров, чем в разъяснении их внешних успехов и побед. Здесь решительнее и беспощаднее должна была идти и переработка источника, в котором необходимо стояла своя версия и об этой стороне „славной“ деятельности императоров. Если внешние успехи последних вызывали отпор и возражения со стороны православного эксцерптора, то насколько непримиримее должен он был разойтись с иконоборческим хронистом во взглядах на их реформационные попытки, которые одному представлялись „утверждением правой веры, умиротворением церкви, ликвидацией христологических споров, уничтожением идолопоклонства и устранением великой опасности для государства“, а другому — богоборчеством, нечестием, сарациномудрственным истреблением благочестия и отвратительным разгромом церкви Христовой. Внимание изучающего невольно привлекается и еще к одному обстоятельству, не маловажному при выяснении достоверности показаний Феофана. Последний принимался за переработку „заблуждения“ и „раскрытие всей правды“ сравнительно уже поздно, во всяком случае после VII вселенского собора, т. е. когда оправившаяся среда „благочестия и православия“, — скажем прямо, монашество — сумело и успело забронироваться перенесением центра тяжести борьбы в плоскость теологических споров и превращением правительственной реформации в ересь. Такой сдвиг был и естественным в Восточной империи, где в каждое общественное движение, в каждый жизненный вопрос неуклонно вплетался и богословский спор. Но такой сдвиг был и нужен и спасителен для встревоженного правительственной реформой монашества и благочестия. Что движение, возбужденное правительством Льва III и Константина V, не было только специфическим иконоборчеством, в этом, кажется, никто уже больше не сомневается. С одной стороны, сам по себе все-таки узкий вопрос о почитании икон не мог бы вызвать такого взрыва страстей и ожесточения, какими наполняются два долгих царствования, а с другой стороны, можно доказать, что споры по поводу допустимости икон и поклонения им не были неожиданной и только впервые встряхнувшей религиозное сознание новостью в начале VIII в.: это была исконная в христианской церкви и, так сказать, хроническая дилемма, то разгоравшаяся, то покрывавшаяся пеплом, начиная с самого IV в. В иконоборческое движение, несомненно, входили и иные моменты, более чувствительные и более тревожные для того весьма определенного состава „защитников православия“, который выясняется из согласия всех имеющих в нашем распоряжении источников. Этими линиями „иконоборчества“ затрагивались

более реальные интересы того монашества, которое почти исключительно образом и заполнило кадры оппонентов правительства. Оно и поспешило слить все враждебные фронты в одно „нечестие и ересь“, поспешило в сложной борьбе выдвинуть на первый план богословское расхождение в области отношения к иконопочитанию, чтобы главным образом уличить противников в ереси и попытаться подорвать к ним доверие со стороны возможно более широких кругов. Недаром в иконоборческой среде „сочинителем зла“ называется Иоанн Дамаскин, как первый поборник „иконодулии“. Эта диверсия партии „благочестия“ оказалась до некоторой степени удачной, и именно в том смысле, что старинный вопрос об иконах действительно выдвинулся на видное место и вызвал крупную и долго не затихавшую полемику и что правительственно-реформационной стороне уже при Константине V пришлось перейти от наступления к обороне, т. е. значительную часть энергии отвести на диалектическое и историческое обоснование чисто богословских вопросов. Доказательством этих положений, высказанных пока мимоходом, я, конечно, считаю своим долгом заняться в соответствующем месте своей работы. Здесь же я привел их, не настаивая на них и не вводя их в качестве послышки в дальнейшем рассуждении, а только предупреждая читателя относительно моей точки зрения. Я пока еще не хочу сказать, что это так было, а лишь указываю на такую возможность, с которой необходимо считаться, приступая к оценке Феофана, как источника по истории раннего иконоборчества. Утверждать же я решаюсь только, что к началу IX в., даже, может быть, и несколько раньше, уже ко времени Никейского собора монастырско-иконодульская сторона выступала с выкованными в борьбе и полемике представлениями не только о составе и сущности иконоборчества, как зловеднейшей из ересей и сквернейшего из нечестий, как подлинного христоробчества и разгрома всего домостроительства божия, но (что для нас сейчас важнее) и о происхождении этой отвратительной „смуты“ и самом фактическом ее ходе и содержании.

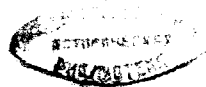
Хронист-исповедник, подходя к изложению этого близкого и еще волновавшего его момента, неизбежно должен был заслонить в себе уже окончательно первый лик вторым. Он не мог этого не сделать, так как иначе ставил бы под сомнение свое исповедничество и православие, свою „акривию“, как выражались в IX в., рисковал бы быть обвиненным в „двоедушии“. Но он и не пожелал бы так поступить, как хронист, поскольку, как и все средневековые историки, он видел в себе прежде всего учителя: учительство, раскрытие для ближних и дальних правды было его целью, повествование же и рассказ — только средством или формой поучения. Одно из немногих и притом самое крупное лирическое отступление Феофана в последней части его труда как раз и посвящено выяснению основной задачи его как исторического повествователя.⁸³ „Сколь великие беды постигли христиан при нечестивом Льве, и в области правой веры и в государственном управлении... — заявляет он здесь, — трусы, глады, моры, восстания народов, дабы умолчать о прочем, выяснено в предшествующих главах. Надлежит далее по порядку изложить и беззаконные дела его нечестивого сына, но по всей правде, как под взором всевидящего бога, и не мудрствуя лукаво, на пользу грядущих поколений

⁸³ Theoph., 413,4—15: „Καὶ ὅσα μὲν ἐπὶ Λέοντος τοῦ ἀσεβοῦς κατὰ χριστιανοῦς συνέβη περὶ τὴν ὀρθόδοξον πίστιν καὶ περὶ τῶν πολιτικῶν διοικήσεων... σεισμοὶ τε καὶ λιμοὶ καὶ λοιμοὶ καὶ ἔθνων ἐπαναστάσεις, ἵνα τὰ κατὰ μέρος σιγήσω ἐν τοῖς προλαβοῦσι δεδηλωταὶ κεφαλαίαις. ἄξιον δὲ λοιπὸν ἐφεστῆς καὶ τοῦ συσσεβοῦς παιδὸς αὐτοῦ τὰς ἀθεμίτους διεξελθέντ' πράξεις... φιλαλήθως δὲ ὁμῶς, ὡς ἐφορῶντος τοῦ παντεπέπτου θεοῦ, καὶ ἀπερίττως εἰς ωφέλειαν τοῖς μετέπειτα καὶ τοῖς νῦν πλανωμένοις ἀλλοῖς (καὶ ἀπασθάλαις ἀνδραρίαις) εἰς τὴν κακοδοξίαν, ...

и в опровержение ныне заблуждающимся жалким и бестолковым людишкам...“

При таком понимании задач историка Феофан, конечно, и самую историческую правду понимал или принимал довольно своеобразно: это не тот фактический материал, который с убедительной достоверностью засвидетельствован в его источниках, а нечто особое, что он призван возвестить в назидание и утешающее разъяснение и современникам и потомкам, под всепроницающим оком всевышнего, часто наперекор обычному и распространенному заблуждению. Историк чувствует себя своего рода пророком, по вдохновению, ниспосланному свыше, осмысливающим вороха и вереницы фактов прошлого, разгадывающим предзнаменования и указания перста божия, своеобразно предсказывающим в области прошлого. Но тогда у него уже легко исчезают границы между действительно происходившим и долженствовавшим или только могшим произойти. Где в качестве основного тона звучит поучение, там нет препятствий для проникновения в историческое повествование личного творчества, т. е. то выдумки, то сознательного умолчания — во имя все той же особой „правды“, в которую историк верит даже беззаветнее, чем в действительность; там нет помех и стеснений перед произвольной переработкой сообщений, вычитанных или выслушанных от „неумудренных“ предшественников. Вот те особенности Феофана, как средневекового византийского историка, которые при оценке его труда как источника не позволяют ограничиться только общепринятой элементарной критикой достоверности. Здесь дело обстоит явно много сложнее, а в то же время обычные критические приемы не приводят к удовлетворительным результатам: с одной стороны, каковы бы ни были источники Феофана, все они, как мы уже видели, безнадежно безлики, а с другой — он и не думал ссылаться или опираться на них и расправлялся с ними произвольно и без стеснения. В смысле нашей достоверности тут все равно уже трудно, даже прямо немислимо отличить правду от лжи. И мне думается, что самое правильное и плодотворное у Феофана — пытаться расследовать прежде всего степень его фактичности, реальности его сообщений, т. е. взвесить, насколько содержательна та правда, которой он наполняет свой исторический рассказ.

(Продолжение в следующем томе)

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА

	Стр.
Методологическое значение высказываний И. В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения	3
Статьи и исследования	
Б. Т. Горьянов. Византийское крестьянство при Палеологах	19
Н. В. Пигулевская. Законы химьяритов	51
М. В. Левченко. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение	62 ✓
Е. Э. Липшиц. Никифор и его исторический труд	85
В. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии	106 ✓
Я. А. Манандян. Маршруты персидских походов императора Ираклия	133
Н. И. Брунов. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры	154
Д. Г. Капанадзе. Так называемые „грузинские подражания трапезундским аспрам“	201
В. Н. Лазарев. Царьградская лицевая псалтирь XI в.	211
Е. Э. Гранстрем. О связи Кирилловского устава с византийским унциалом	218
Критика и библиография	
I. Критические статьи	
М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению	230
Ф. М. Россейкин. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в.	245
II. Рецензии	
А. Л. Якобсон. Н. М. Токарский. Архитектура Древней Армении. Изд. Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1946	257
Б. Т. Горьянов. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinovisita, IX, 2, Прага, 1948	267
А. П. Каждан. Д. Ангелос. Феодализм в Византии. Исторически преглед III (19.6-47), кн. 2	276
Ф. М. Россейкин. R. Devresse. Le Patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945	282

	Стр.
А. П. Каждан. Lopez, Robert Sabatino. Silk Industry in the Byzantine Empire. Speculum, XX, I (1945)	290
Б. Т. Горянов. Palmer A. Throop. Criticism of the Crusade. Amsterdam, 1940	294
О. И. Соподинский. Ph. Schweinfurth. Die Wandbilder der Kirche von Bojana. Berlin, 1943	298
В. Н. Лазарев. Ernest T. de Wald. The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint. Vol. III. Princeton University Press, 1941—1942	302

Публикации и переводы источников

М. В. Левченко. Избранные отрывки из „Истории“ Агафия Миринейского (перевод с греческого)	305
Е. Э. Липшиц. Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времени после царствования Маврикия (перевод с греческого)	349
А. П. Каждан. Локальные формуляры поздневизантийских грамот	387
К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его хронография	393

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *Ц. М. Подгоренская*. Технический редактор *Н. П. Аузан*
 Корректор *В. Г. Богословский*. Обложка художника *Н. А. Седельникова*

РИСО АН СССР № 3400. Т-00882. Издат. № 1743. Тип. заказ № 1470.
 Подписано к печати 24/III 1950 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 27¹/₂ + 6 вклеек.
 Уч. изд. л. 39,5. Тираж 3000

1-я типография Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О. 9-я линия, д. 12.